

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 47

Сборник научных статей,
посвященный юбилею
заслуженного профессора
МГУ имени М.В. Ломоносова
Майи Владимировны Всеволодовой

**Москва
2013**

УДК 81
ББК 81
Я410

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Редколлегия выпуска:

доктор филол. наук М.Л. Ремнёва, доктор филол. наук Е.Л. Бархударова,
доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук В.В. Красных,
доктор филол. наук Ф.И. Панков

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*
доктор филологических наук, профессор *К.Я. Сигал*
доктор филологических наук, профессор *М.Ю. Сидорова*

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Переводы названий и аннотаций статей, а также ключевых слов на английский язык
осуществлены авторами

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол.
Я410 М.Л. Ремнёва, Е.Л. Бархударова, А.И. Изотов, В.В. Красных,
Ф.И. Панков. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 47. – 590 с.

ISBN 978-5-317-04494-7

Выпуск сборника посвящен юбилею заслуженного профессора
МГУ имени М.В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой и со-
держит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как
в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а
также наиболее актуальные проблемы лингводидактики.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Language - Mind - Communication. Issue 47 / Eds. Remnyova,
M.L. & Barkhudarova, E.L. & Izotov, A.I. & Krasnykh, V.V. & Pankov,
F.I. - Moscow: MAKS Press, 2013.

The present issue is devoted to anniversary of professor of Moscow
State University M. V. Vsevolodova and includes articles which consider
the most important problems of Russian studies. Slavic studies. lingual-
cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, Slavic studies, sociolinguistics, psycho-
linguistics, lingual-cultural studies, idiom, stereotype, codes of culture.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-04494-7

© Авторы статей, 2013

Майя Владимировна Всеволодова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ремнёва М.Л.</i> Майя Владимировна Всеволодова – профессор филологического факультета МГУ	7
<i>Панков Ф.И.</i> Научно-педагогическая школа заслуженного профессора Московского университета Майи Владимировны Всеволодовой (заметки об Учителе).....	9
<i>Алексанова С.А.</i> К некоторым частным вопросам системной организации членов предложения и создания модели простого предложения.....	17
<i>Андрюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И.</i> Структура лексического минимума как компонента российской государственной системы тестирования	26
<i>Бао Цзяньцай (Китай), Го Шуфень (Китай).</i> Сопоставление типичных средств выражения условных отношений в русском и китайском языках.....	33
<i>Бархударова Е.Л., Долотин К.И.</i> К проблеме изучения русской звучащей речи в лингводидактическом контексте	45
<i>Безяева М.Г.</i> Инвариантные коммуникативные параметры русского <i>вон</i> (материалы к словарю коммуникативных средств)	58
<i>Ван Янчжэн (Китай), Чэнь Мин (Китай).</i> Нужна ли грамматика русского языка в китайских аудиториях?.....	75
<i>Величко А.В.</i> Фразаологизированные структуры предложения как средство общения. Когнитивный и социокультурный аспекты	83
<i>Виноградова Е.Н., Ситарь А.В. (Украина).</i> Предложные единицы в близкородственных языках: зона несовпадений (структурно-сложные немотивированные предлоги в украинском и русском языках)	91
<i>Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.</i> Такие разные глаза... Предложные единицы, включающие лексему <i>глаз/глаза</i> (зарисовки на материале славянских языков)	103
<i>Волков А.А.</i> Язык и наука о языке.....	123

<i>Галактионова И.В.</i> Многозначное слово в словаре: один простой случай.....	149
<i>Го Шуфень (Китай), Е Фун (Китай).</i> Анализ модели предложения типа <i>Течением унесло лодку</i> и ее китайских коррелятов	158
<i>Го Шуфень (Китай)</i> Принципы и методы введения русских моделей предложения в китайскую аудиторию	171
<i>Дементьева О.Ю.</i> Контексты названия: семантика и лингводидактика	186
<i>Добровольская В.В.</i> Место и роль контроля в системе обучения РКИ	200
<i>Загнітко А.П. (Украина).</i> Аспекти категорії валентності: теоретичний і контрастивний виміри	208
<i>Изотов А.И.</i> Чешская диглоссия: истоки и перспективы	224
<i>Каверина В.В.</i> Критерии адвербиализации как ключ к проблеме орфографии наречий.....	231
<i>Качинская И.Б.</i> Предлог <i>К</i> в архангельских говорах.....	241
<i>Клобуков Е.В.</i> Поговорим про <i>ПРО</i> и <i>О</i> , или Особенности функционирования русских делиберативных предлогов в XXI веке.....	255
<i>Кобозева И.М.</i> Посессивные конструкции «У X-а (есть) Y» как экспликатory актанных отношений	269
<i>Конюшкевич М.И. (Беларусь)</i> Корреляция предложной и союзной единиц в выражении полипропозитивной семантической структуры	285
<i>Красильникова Л.В.</i> К лингвистическим основам преподавания русского словообразования в иностранной аудитории	301
<i>Кузьменкова В.А.</i> Лингводидактический портрет описательных предикатов	306
<i>Кузьминова Е.А.</i> «Грамматика беседословная» Ивана Иконника 1733 г.: поиски синтаксической концепции	318
<i>Кукушкина О.В., Доценко Е.А. (Казахстан).</i> Роли лица, маркируемые словоформой управляющего существительного	326

<i>Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.</i> Частотные и распределительные характеристики русских предлогов и синтаксем, с ними связанных (по «Ядерному компьютерному корпусу текстов русских газет конца XX-ого века»)	341
<i>Куликова Е.В.</i> К вопросу о формировании и функционировании словосочетаний с родительным приименным без предлога	363
<i>Ли Сяндун (Китай), Юань Юй (Китай).</i> Прецедентные высказывания из русских волшебных сказок и их употребление в современном русском языке	370
<i>Маркова В.А.</i> Русское коммерческое письмо: аспекты описания в учебных целях	389
<i>Марков В.Т.</i> Роль иллюстрации и экспликации характеристик объекта в лингводидактическом описании текста (на материале текстов гуманитарного профиля).....	404
<i>Минчук И.И. (Беларусь).</i> К вопросу о характере и объеме парадигмы конверсных структур	409
<i>Михайлов М.Н. (Финляндия).</i> Правда, не все... Опыт корпусного исследования семантики дискурсивных слов на примере слова <i>правда</i>	422
<i>Николаенко О.Г. (Чехия).</i> Предлоги-наречия с пространственной семантикой в чешском языке (диапазон 'близко – далеко')	432
<i>Николенкова Н.В.</i> Церковнославянский предлог в грамматике и текстах XVII-XVIII вв.	442
<i>Панков Ф.И.</i> К вопросу о полифункциональности языковых единиц	450
<i>Патаракина Е.О.</i> Взаимодействие русских наречий и предлогов на периферии функционально-грамматических полей	464
<i>Правдина Н.Е.</i> К вопросу о значении ролевой грамматики при описании синтаксической системы русского языка (на материале предложений, сформированных предикатами передачи информации)	479
<i>Ситарь А.В.</i> Модель синтаксических фразеологизмов с повторами в украинском языке: попытка классификации	485
<i>Суровцева Е.В.</i> Словарь тем писателя в контексте идеографических словарей и авторской лексикографии. На	

материале художественной прозы и драматургии А.П. Чехова (К постановке проблемы)	494
<i>Усманова Л.А.</i> Когнитивно-дискурсивный аспект исследования природной лексики	508
<i>Федорова Н.И.</i> Однородные члены предложения в системе русских народных загадок как способ репрезентации категории градуирования (на примере загадок, посвященных описанию небесной сферы)	515
<i>Хазанова А.А.</i> Проблемы описания русских отрицательных наречий	521
<i>Чаплыгина Т.Е.</i> Русские предложные единицы со значением противопоставления. К вопросу о морфосинтаксической парадигме	527
<i>Четикова И.А. (Белоруссия).</i> Ситуация внешней причины ошибочного действия в русском и белорусском языках	542
<i>Чжоу Хайянь (Китай).</i> Способы выражения пространственных значений в двухкомпонентных безглагольных предложениях	546
<i>Шарандин А.Л.</i> Лексическая грамматика и функционально- коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения	558
Список научных трудов профессора Майи Владимировны Всеволодовой	571

Майя Владимировна Всеволодова – профессор филологического факультета МГУ

У Майи Владимировны Всеволодовой юбилей, и это событие исключительно значимо для филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вся жизнь Майи Владимировны связана с филологическим факультетом и преподаванием русского языка как иностранного в старейшем университете России.

М.В. Всеволодова пришла на филологический факультет сразу после войны и проработала на нем более шестидесяти лет. Как заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов с 1972 по 1979 год, как декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и как филолог с полным основанием могу назвать профессора М.В. Всеволодову ученым с мировым именем. Список ее научных работ насчитывает более 250 публикаций, среди которых монографии, учебники, учебные пособия, справочники и словари, которые хорошо известны в мировой лингвистике и широко используются в практике обучения иностранцев практическому русскому языку и подготовке специалистов по преподаванию русского языка как иностранного.

М.В. Всеволодовой и ее ближайшими соратниками были заложены основы современного функционально-коммуникативного описания русского языка в целях его преподавания иностранцам. Под руководством М.В. Всеволодовой и В.В. Добровольской в 1994 году был создан комплекс программ дисциплин специальности «Русский язык как иностранный», который неоднократно переиздавался. Майя Владимировна активно участвует в работе редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», в деятельности трех диссертационных советов филологического факультета, включая Диссертационный совет по специальности 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный)».

М.В. Всеволодова является учителем в самом высоком смысле этого слова для многих поколений отечественных и зарубежных русистов. Среди ее учеников ведущие специалисты в различных областях лингвистики в России и за рубежом: Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Ф.И. Панков, Ван Янчжэн (КНР), Го Шуфень (КНР) и др.

Профессор М.В. Всеволодова была идейным вдохновителем и одним из организаторов кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, созданной на филологическом факультете в 2009 году. Основной задачей новой кафедры является подготовка специалистов в области преподавания русского языка в

иноязычной аудитории. В настоящее время на кафедре под руководством Майи Владимировны активно ведутся научные исследования, создаются учебники и учебные пособия, пишутся и защищаются докторские, кандидатские и магистерские диссертации в области преподавания русского языка как иностранного.

Слова искренней благодарности Вам, дорогая Майя Владимировна, здоровья, физических и душевных сил, больших творческих успехов! Многая лета!

*Декан филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
профессор М.Л. Ремнева*

**Научно-педагогическая школа
заслуженного профессора Московского университета
Майи Владимировны Всеволодовой
(заметки об Учителе)**

Юбилей – не *причина*¹, а лишь повод поразмышлять о *месте*² научного и педагогического творчества профессора филологического факультета Московского университета М.В. Всеволодовой в лингводидактической парадигме нашего *времени*³. С именем этого всемирно известного ученого связана целая эпоха в отечественной и зарубежной лингвистике, теории и практике преподавания иностранных языков и, в частности, русского языка как неродного. Научно-педагогическая школа нашего Учителя является одной из самых ярких в области описания грамматики, и прежде всего ее функционально-коммуникативного направления.

Начало творческого пути Майи Владимировны, ее научной и педагогической деятельности пришлось на середину и вторую половину XX века – период становления и развития специальности «Русский язык как иностранный» (РКИ). Еще в послевоенном 1948 году при кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в то время возглавляемой академиком В.В. Виноградовым, была открыта секция по преподаванию РКИ. На ее основе в соответствии с духом времени и все возрастающими потребностями в кадрах в декабре 1951 года была создана первая в СССР кафедра русского языка для иностранцев (аналогичные кафедры были открыты также в Ленинградском и Киевском государственных университетах). Это послужило толчком для возникновения нового, прикладного направления в русистике. В 1953 году в МГУ было уже две кафедры русского языка для иностранцев: на одной из них обучались студенты гуманитарных факультетов, на другой – естественных.

Именно в тот знаменательный 1951 год филологический факультет МГУ окончила и юная М.В. Всеволодова – выпускница «золотого» курса. «Золотым» ее курс назвали потому, что в 1946 году на него поступили исключительно золотые и серебряные школьные медалисты, имеющие право на зачисление без экзаменов, а также, естественно, вернувшиеся с фронта участники Великой Отечественной войны. Среди выпускников этого курса – известные лингвисты, литературоведы, журналисты, психологи, преподаватели: Ю.А. Бельчиков, Т.В. Булыгина,

¹ [Всеволодова, Яценко 1988, 2008].

² [Всеволодова, Владимирский 1982, 2008].

³ [Всеволодова 1975, 1983; Всеволодова, Потапова 1973].

декан филологического факультета МГУ в 1980–1991 годах И.Ф. Волков, Т.Я. Елизаренкова, В.В. Иванов, А.А. Камынина, Е.С. Кубрякова, Н.М. Лариохина, В.Я. Лейчик, А.М. Селькина, Ю.Ф. Поляков, Ю.Б. Рюриков, В.Н. Топоров, Н.И. Формановская и многие другие достойнейшие люди.

После окончания славянского отделения М.В. Всеволодова намеревалась посвятить свою жизнь преподаванию польского языка, однако в это время, к сожалению или к счастью, на филологическом факультете не оказалось вакансии для преподавателя польского языка русским, но появилось место для преподавателя русского языка полякам, которое и было предложено Майе Владимировне. Так благодаря случаю началась ее долгая и плодотворная научно-педагогическая жизнь в сфере РКИ.

С первых дней работы на кафедре русского языка для иностранцев, (возглавляемой в то время Г.И. Рожковой), а позже – на кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов М.В. Всеволодова не только преподавала русский язык нашим зарубежным друзьям и коллегам, но и обобщала накопленный индивидуальный и коллективный опыт в научных статьях, учебных пособиях, учебниках и диссертациях. В них как на русском материале, так и на основе сопоставительного анализа самых разных языков была сделана попытка взглянуть на родной язык по-новому, глазами не только носителя языка, но и инофона, который сталкивается с трудностями овладения русской языковой системой. Иными словами, в работах М.В. Всеволодовой с самого начала был представлен взгляд на систему русского языка как «изнутри», так и «извне».

В шестидесятые годы М.В. Всеволодова создала одно из первых и одновременно лучших пособий по русской звучащей речи – «Фонетические упражнения по русскому языку для поляков» (1960), а также «Учебник русского языка для поляков» (1963) в соавторстве с Л.П. Юдиной. Обе книги остаются актуальными и по сей день, потому что, в отличие от множества издававшихся в советскую эпоху учебников и учебных пособий, не были перегружены политизированными текстами, а представленный в них языковой материал не устарел до сих пор.

Научное описание одной из важнейших грамматико-лексических категорий языка – времени – нашло воплощение в двух диссертациях. В 1966 году под руководством профессора Т.П. Ломтева Майя Владимировна защитила кандидатскую диссертацию, посвященную средствам выражения временных отношений в польском языке, а в 1983 году – докторскую диссертацию на тему «Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации» в русском языке.

Вместе со своими коллегами М.В. Всеволодова обратила внимание на то, что научить носителя другого языка, иностранного учащегося, общению на русском языке, опираясь на данные традиционной формально-описательной грамматики, очень трудно или даже совсем невозможно. Для обучения иностранцев практическому русскому языку требуется совершенно иная, новаторская по своей сути грамматика, которая бы описывала, во-первых, содержательное, семантическое пространство языка, включающее объективные (диктальные по Ш. Балли, или диктумные в терминах ряда авторов) и субъективные (модальные в терминах Ш. Балли, или модусные) смыслы; во-вторых, совокупность средств их выражения вне зависимости от принадлежности к тому или иному языковому уровню; в-третьих, типологию этих средств и их функционирование в речи; наконец, в-четвертых, языковые механизмы, определяющие адекватное потребностям коммуникантов функционирование в речи языковых средств.

Таким образом, возникла необходимость в новой, прикладной по своему характеру, грамматике, ориентированной на овладение языком, а не на схоластический анализ абстрактных примеров. С именем М.В. Всеволодовой связано принципиально новое направление в описании русского языка – функционально-коммуникативная грамматика. Именно ею впервые были использованы сами термины – «функциональный» и «коммуникативный» применительно к грамматическому строю русского языка и самому описанию этого строя. Данные термины Майя Владимировна использует отнюдь не как синонимы: функциональной эта грамматика является потому, что стремится ответить на вопросы «Как функционирует язык?», «Как функционируют при речепостроении все уровни и единицы языка?». Коммуникативной она является потому, что ориентирована на решение коммуникативных потребностей говорящего.

Функционально-коммуникативная грамматика не просто одно из направлений, это этап в развитии лингвистики, включающий в себя достижения самых разных направлений и школ. И наличие в рамках этой грамматики целостной модели языка, ориентированной на его преподавание, закономерно. Мысль о необходимости создания такой функционально-коммуникативной грамматики для преподавателя, позволяющей увидеть весь объем языкового материала, данного в определенной системе, которая содержала бы объяснение языковых закономерностей, выявляющихся в речи, т. е. имела бы «выход» непосредственно в методику преподавания русского языка как неродного, была высказана М.В. Всеволодовой еще двадцать пять лет назад – в статье 1988 года «Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка», опубликованной в сборнике «Языковая системность

при коммуникативном обучении». Такая грамматика основана на практике, истинность ее выводов проверяется в учебной аудитории.

Именно потребности практики вызвали к жизни ту модель языка, которая получила название лингводидактической (ее называют также прикладной, педагогической)⁴. Эта модель, с одной стороны, объединяет сферы, разрабатываемые представителями академического направления функционального описания языка, в некоторую единую систему, а с другой – базируется в первую очередь на опыте преподавания русского языка как иностранного.

Чисто практические потребности привели к необходимости глубокого теоретического осмысления и переосмысления как фактов языка, так и методик их анализа и описания. Был выработан принципиально новый взгляд на язык, создана другая система ценностей в представлении языковых фактов. Описанию этой системы ценностей, рассмотрению теоретических основ одного из разделов функционально-коммуникативной грамматики – синтаксиса, посвящен опубликованный в 2000 году учебник М.В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка». Однако функционально-коммуникативная грамматика не ограничивается исключительно прикладными задачами. Являясь грамматикой открытой, она использует также достижения других школ и направлений.

В компетенцию функционально-коммуникативной грамматики, «грамматики речи», входит гораздо более широкий круг вопросов, нежели в традиционную формально-описательную «грамматику языка», поскольку практика потребовала обращения и к тем языковым фактам, которые при чисто теоретическом подходе к языку не относятся к числу изучаемых объектов или оцениваются как периферийные. Например, в сферу интересов синтаксиса вошли, с одной стороны, лексика как его «тело», его интегральная часть, а с другой – определенные сферы собственно синтаксиса: 1) семантическое пространство языка, его структуры: функционально-семантические поля, функционально-семантические категории, системы значений, типовые ситуации; 2) формальные единицы и объекты синтаксиса; 3) языковые механизмы.

Научные интересы Майи Владимировны поражают своей широтой, однако главное направление деятельности ее научно-педагогической школы – теория функционально-коммуникативного синтаксиса и практика преподавания грамматики русского языка. Исследования М.В. Всеволодовой посвящены различным аспектам парадигматики (системы парадигм) предложения, анализу лексико-синтаксических

⁴ [Амиантова и др. 2001].

категорий времени, пространства, причины, синтаксических фразеологизмов, вопросам аспектологии. Среди ее лучших работ – монографии «Способы выражений временных отношений в современном русском языке» 1975 года, «Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке» (1982, в соавторстве с Е.Ю. Владимирским, 2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2009), «Причинно-следственные отношения в современном русском языке» (1988, в соавторстве с Т.А. Яценко, 2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2012).

С первых лет работы на кафедре М.В. Всеволодова буквально «обросла» учениками. Среди них трое уже защитили докторские диссертации (В.В. Красных, 1999; Д.Б. Гудков, 2000; Ф.И. Панков, 2009), сорок три стали кандидатами наук, а магистрантов и дипломников просто не счесть. Последователи Майи Владимировны преподают русский язык и занимаются научной деятельностью в самых разных уголках мира, работают на кафедрах русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, гуманитарных и естественных факультетов.

Многие работы М.В. Всеволодова написала в соавторстве со своими учениками. Так, в 1989 году была опубликована коллективная монография «Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка» в соавторстве с О.Ю. Дементьевой, В.Т. Марковым, М.Н. Михайловым, Т.Е. Чаплыгиной, С.А. Шуваловой и др. В 1997 году в соавторстве с О.Ю. Дементьевой вышла книга «Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума)». Совместно с Ф.И. Панковым в 1999 году ею был подготовлен информационно-аналитический обзор «Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам», а в 2005 году издана рабочая тетрадь «Практикум по курсу “Теория функционально-коммуникативной грамматики”».

Одно из важных направлений научной школы М.В. Всеволодовой – сопоставительные исследования. Они нередко проводятся с участием ее иностранных учеников и коллег из Болгарии, Ирана, Китая, Кореи, Польши, Японии и многих других стран мира. Только за последние десять-пятнадцать лет были опубликованы такие замечательные книги, как «Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка)» 1998 года (в соавторстве с Мадаени Али, 2-е изд. – 2010 г.), «Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стательными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка)» 1999 года (в соавторстве с Го Шуфень), «Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки» 2002 года (в соавторстве с Лим Су Ён),

«Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка)» 2002 года (в соавторстве с Ким Тэ Чжином, 2-е изд. – 2008 г.).

Сейчас профессор М.В. Всеволодова устремлена в будущее. Значительно опередила наше время ее концепция функционально-коммуникативной грамматики русского предлога, ставшая началом подлинно научного изучения этого служебного категориального класса слов. Под ее руководством был создан структурированный реестр русских предложных единиц, которых оказалось более семи тысяч, готовятся к изданию словарь русских предлогов, включающий несколько томов, в частности «Введение в грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Реальное употребление» (в соавторстве с О.В. Кукушкиной, и А.А. Поликарповым); а также материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке» (в соавторстве с Е.Н. Виноградовой и Т.Е. Чаплыгиной).

Интерес к научным трудам профессора М.В. Всеволодовой чрезвычайно высок. Ее книги стали библиографической редкостью. Поэтому неудивительно, что крупные издательства вновь и вновь обращаются к Майе Владимировне с просьбой о публикации ее уже формально «старых», но никогда не стареющих работ. Только за последние пять лет было переиздано (конечно, с исправлениями и дополнениями) семь ее книг. Планируются и новые переиздания раритетов, автором которых она является.

Талант ученого у Майи Владимировны гармонично сочетается с талантом преподавателя. В течение нескольких десятилетий на отделении РКИ она читает лекционные курсы «Функциональный синтаксис» и «Теория функционально-коммуникативной грамматики», ведет семинар «Проблемы функционально-коммуникативной грамматики», пользующиеся неизменным интересом со стороны студентов, аспирантов и преподавателей-практиков.

Организационной формой воплощения научно-педагогических идей М.В. Всеволодовой и ее ближайших коллег стала открывшаяся в 2009 году на филологическом факультете кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного (заведующая – профессор Е.Л. Бархударова). В создании этой кафедры Майя Владимировна приняла самое активное участие в качестве идейного вдохновителя. Основной задачей новой кафедры является обучение специалистов, бакалавров и магистрантов в области преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Можно еще добавить, что в оставшееся «свободное» время профессор М.В. Всеволодова принимает активнейшее участие в работе трех диссертационных советов филологического факультета МГУ, является

членом редакционной коллегии научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология». Многогранная деятельность Майи Владимировны в самых разных областях не осталась незамеченной. В 1970 году она была награждена медалью «За доблестный труд», в 1984 – «Ветеран труда», а в 2002 году – имени А.С. Пушкина.

Созданная профессором М.В. Всеволодовой подлинно университетская научно-педагогическая школа отличается необычайной многогранностью, даже энциклопедичностью, поэтому исчерпывающе осветить в небольшой статье все ее достижения просто невозможно. Но самое главное – эта школа оказалась жизнеспособной, и, несомненно, лучшие ее свершения еще впереди.

* * *

Юбилейный сборник, представленный вниманию читателя, включает работы учеников, друзей и коллег Майи Владимировны, которые живут и работают в самых разных уголках мира. Написанные ими статьи не тождественны по тематике и проблематике. Каждая из них отражает то или иное направление Всеволодовской научно-педагогической школы и разнообразные филологические интересы юбиляра: лингвистика и методика преподавания русского и других языков как родных и иностранных, грамматика и лексикология, звучащая и письменная речь, эксплицитные и имплицитные смыслы, когнитивистика и языковая картина мира, культурология и литературоведение, универсальное и специфическое. Однако всех авторов объединило главное – трепетное чувство к дорогому и любимому юбиляру.

Ф.И. Панков

Л и т е р а т у р а

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001, № 6.
2. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М., 1989.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
4. *Всеволодова М.В.* Способы выражений временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
5. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевых реализаций. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
6. *Всеволодова М.В.* Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. М., 1988.
7. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. (2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2009).

8. *Всеволодова М.В., Го Шуфень (Китай)*. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стательными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
9. *Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.
10. *Всеволодова М.В., Лим Су Ён*. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М., 2002.
11. *Всеволодова М.В., Мадаени Али*. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М., 1998. (2-е изд. – 2010).
12. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам (информационно-аналитический обзор). М., 1999.
13. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебное пособие. М., 2005.
14. *Всеволодова М.В., Потапова Г.Б.* Способы выражения временных отношений. Сб. упражнений. М., 1973.
15. *Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988. (2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2012).

К некоторым частным вопросам системной организации членов предложения и создания модели простого предложения¹

© доктор филологических наук С.А. Алексанова (Россия), 2013

Ключевые слова: второстепенные члены предложения,
актанты, сирконстанты, вербоцентрическая модель предложения

Традиционная русская грамматика представляется достаточной уязвимой в научной среде, особенно в части критики теории членов предложения, в значительной степени сопряженной с ключевыми базовыми понятиями синтаксиса. В явном противоречии находятся собственно лингвистические и методические цели изучения членов предложения. Пятичленная классификация членов предложения (два главных члена и три второстепенных) весьма удобна в использовании в методических целях. Однако она оставляет за своими пределами значительное количество языковых фактов, не вписывающихся в ее классические рамки, что не позволяет в полной мере учитывать функциональное многообразие прежде всего второстепенных членов предложения, их иерархические связи, периферийные явления, порождающие синкретизм семантики. Принятая за основу в данной системе координат формально-грамматическая зависимость второстепенных членов предложения, обуславливающая присловный характер их связи, тем не менее не исчерпывает всех типов связи за пределами предикативного ядра.

Непоследовательность критериев выделения второстепенных членов предложения, сохраняющих представление «об аграмматичности семантической классификации второстепенных членов» [Скобликова 2001: 221], отмечается многими учеными на протяжении всего периода их изучения. Однако теория членов предложения в рамках традиционного синтаксиса имеет и свои ценные новаторские идеи, оказывающие влияние на ее дальнейшее развитие. Это прежде всего идея об асимметричной природе второстепенных членов предложения, которая привела к пониманию функциональной сущности членов предложения как участников обозначенной в предложении ситуации. Именно поэтому многие спорные вопросы теории второстепенных членов предложения, связанные с проблемами глагольного управления, разграничения присловных (типичных второстепенных членов предложения) и неприслов-

¹ В основу статьи положен доклад, в более полном виде прочитанный на I международном симпозиуме «Русское слово на Балканах» (октябрь 2010г., г. Шумен, Республика Болгария).

ных распространителей (детерминантов), не могли не найти отражения в работах приверженцев вербоцентрической модели предложения, в которых иерархический статус всех членов предложения определяется по отношению к валентным свойствам глагола-сказуемого. Подлежащее в этом контексте занимает подчиненное положение актанта, хотя и самого высокого ранга, но по сути своей находится в одной плоскости с дополнением, также являющимся актантом. Все виды обстоятельств – «сирконстанты» в терминологии Л. Теньера [Теньер 1988: 117] – не обусловлены значением глагола и поэтому исключаются из зоны его валентности. В целом такое понимание глагольной валентности восходит к смысловому уровню анализа компонентов предложения, позволяющему определить информативный минимум предложения, обеспечивающий его структурно-семантическую завершенность и в полной мере оправдывающий трехчленную схему синтаксической типологии.

В лингвистике отслеживаются закономерности в процессе дифференциации предложно-падежных присловных и неприсловных распространителей предложения с обстоятельственной семантикой и семантических категорий актанта и сирконстанта. Однако и в рамках теории семантического синтаксиса разграничение актантов и сирконстантов, соотносимых с категориями второстепенных членов предложения, является одной из нерешенных проблем, связанных с ключевым вопросом о числе актантов в «глагольном узле», который сам Л. Теньер считал определяющим «во всей структуре глагольного узла» [Теньер 1988: 121]. Тем не менее уже у Л. Теньера «...разница между актантами и сирконстантами была проведена непоследовательно: чисто семантические признаки перекрывались формальными, что свидетельствовало о нечетком различии пионером семантического синтаксиса семантического и синтаксического аспектов» [Гак 2002: 42].

Вопрос о дифференциации актантов и сирконстантов непротиворечиво решается с учетом позиций последователей теории валентности, наиболее четко обозначенных представителями московской семантической школы. Ключевым моментом в данной теории является принципиальное разграничение валентности синтаксической и семантической. Семантическая и синтаксическая валентности по отношению к актантам совпадают. Что же касается сирконстантов, то они подчинены слову с предикативным значением только синтаксически, а семантически сами подчиняют его [Апресян 1973: 285–286]. Это подтверждает известное положение о том, что актант находит симметричное решение на семантико-синтаксическом уровне, а сирконстант такого решения не находит.

Не вызывающий сомнений тезис о мотивированности языкового поведения человека не его бесконечной памятью, а известными ему правилами и тенденциями, приводит исследователей к необходимости при-

знания того, что не может быть двух принципиально разных когнитивных механизмов, «обслуживающих» актанты и сирконстанты (о грамматике конструкций): «Должно быть, механизм здесь все-таки один и тот же: определенный смысл “вызывает” в памяти человека определенную, связанную с ним форму. Только в одних случаях этот смысл встроен в семантику глагольной лексемы, а в других – составляет контекст ее употребления. Но если семантический компонент фигурирует тот же, то и поверхностное оформление можно по крайней мере ожидать одинаковое» [Воронцова, Рахилина].

Разработанная Л. Теньером [Теньер 1988] вербоцентрическая модель предложения в своем горизонтальном варианте выглядит следующим образом:

V [A1, A2, A3...] C,

где **V** – спрягаемый глагол-сказуемое, предикат, вершина предложения; **A1, A2, A3...** – субъектный и объектные актанты, заполняющие его семантическую и синтаксическую валентности; **C** – сирконстант, заполняющий синтаксическую валентность глагола. Традиционно актант (обычно в позиции A2, A3...) соотносим с дополнением, а сирконстант – с обстоятельством.

В теории членов предложения отмечаются принципиальная синсемантическая дополнений и высокая автосемантическая предложноподлежащих обстоятельств [Скобликова 2004: 326], поддерживающие семантико-синтаксическую валентность глагола по отношению к первым и синтаксическую – ко вторым. Квалификационные характеристики второстепенных членов предложения в разных системах координат пересекаются, и точкой пересечения является вопрос о разграничении присловных и неприсловных обстоятельственных распространителей в системе членов предложения и между актантами и сирконстантами в теории синтаксической семантики.

Проблема разграничения присловных и неприсловных членов предложения с обстоятельственной семантикой по-разному проявляется в сфере обстоятельственных отношений и способов их репрезентации. Вопрос о границах между присловными и неприсловными распространителями с обстоятельственной семантикой в большей степени связан с синтаксемами с локальным и темпоральным значением. Обстоятельственные распространители предложения со значением так называемой обусловленности (причины, условия, уступки, цели), в отличие от локальных и темпоральных, реализуют связи иного уровня – между пропозициями, или событиями, что свидетельствует об их изначальной семантической неэлементарности: *К этому времени Мечников, из-за отсутствия денег каждодневно опохмелявшийся нарзаном из источ-*

ника, пришел в ужасное состояние и, по наблюдению Остапа, продавал на рынке кое-какие предметы из театрального реквизита (И. Ильф, Е. Петров).

Процесс дифференциации присловных и неприсловных распространителей с локальным и темпоральным значением непосредственно связан с уточнением словосочетательных подчинительных связей, традиционно относимых к управлению (его сильному и слабому вариантам), и подчинительной связи предложенческого уровня – связи свободного присоединения² (термин В.П. Малащенко [Малащенко 1972]). При этом нельзя забывать о высокой формализованности (грамматичности) самой категории управления в русском языке (подчеркивает М.В. Всеволодова – вслед за В.А. Белошапковой [Всеволодова 2005: 148]).

Любое действие зафиксировано и происходит в определенное время в определенном пространстве. Но не любой глагол, обозначающий это действие, нуждается в локальном или темпоральном распространителе, обусловленном его валентностью и реализующем формально-грамматическую словосочетательную связь. Словоформы с обстоятельственной семантикой реализуют словосочетательные связи с глаголом-сказуемым в очень ограниченном ряде случаев. В этих случаях они функционируют как типичные обстоятельства с локальным или темпоральным значением, заполняющие глагольную валентность: **В киоске он купил еще несколько газет** (Н. Ключарева); **На утро была назначена судьбоносная встреча** (И. Штемлер). В ином случае обстоятельственные распространители, не заполняющие глагольную валентность, выходят из зоны его управления и функционируют как самостоятельные распространители предложения в целом, то есть обстоятельственные детерминанты: **В художественном салоне Павел подумал, что новую выставку, пожалуй, готовить еще рано** (А. Крутилин); **После скромного ужина он сел в маленьком зале и отослал подчиненных** (К. Паустовский).

Языковой материал свидетельствует о том, что процесс разграничения присловных и неприсловных распространителей с локальным значением проходит несколько этапов. На первом этапе выделяются распространители, образующиеся на основе словосочетательной связи с **сильноуправляемым** глаголом со значением размещения, движения, приобретения, физического воздействия: **Она вошла в мой дом, как в душу, сразу и безоговорочно** (Л. Улицкая). В подобных случаях отгра-

² Отметим, что интерес к проблеме подчинительных связей (особенно в части дифференциации «силы» управления) не угасает, о чем свидетельствует и появление одной из относительно недавних работ М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2005], и развитие темы в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 2007].

ничение присловных локальных распространителей от неприсловных не составляет труда. Сложности возникают, когда в качестве зависимого компонента словосочетания выступают слабоуправляемые предложноподлежащие формы. Эти распространители выделяются на втором этапе разграничения. Определяется несколько групп глаголов, валентные свойства которых предопределяют появление **слабоуправляемых** локальных распространителей. Это глаголы со значением пребывания, бытия, расположения, появления, размещения, обнаружения, проявления признака, воспринимаемого органами чувств, источника восприятия, приобретения чего-либо, занятия, вида деятельности, одновременно указывающие и на пребывание субъекта в определенном месте: *В конце сороковых я жил на одной из престижных московских улиц, недалеко от Арбата* (А. Вертинский).

На третьем этапе выделяются локальные распространители, **не предопределенные валентностью глагола** и входящие в структуру предложения непосредственно, на основе неприсловной предложенческой связи свободного присоединения. Данные распространители функционируют в качестве локальных детерминантов, поскольку лишены формально-грамматической связи с предикатом, полностью вышли из зоны его валентности и, как следствие, обрели более высокий синтаксический статус, став синкретичным членом предложения с недискретным обстоятельственно-предикативным значением: *В хозяйственном отделе* (оказавшись в хозяйственном отделе; когда оказался в хозяйственном отделе) *Олег вспомнил, что Елена Александровна мечтала иметь облегченный паровой утюг* (А. Солженицин); *В институте* (учась в институте; когда училась в институте) *она вышла замуж* (В. Некрасов).

Потенциальную предикативность обстоятельственной синтаксемы часто обуславливает «объем» локального значения. В предложении *В Москве Вадим купил себе хороший фотоаппарат* (В. Некрасов) выделенная синтаксема потенциально предикативна именно в силу весьма широкого локального значения, избыточного для реализации только обстоятельственной семантики. В данной синтаксеме, кроме обстоятельственного значения, присутствует дополнительный смысл «оказавшись в Москве», который собственно и делает ее распространителем с недискретным обстоятельственно-предикативным значением – детерминантом. Ср.: *В магазине Вадим купил себе хороший фотоаппарат* – сужение локального значения приводит к утрате потенциальной предикативности синтаксемы, оставляя ее в валентной зоне глагола «купить» как его присловного распространителя, актуализированного обстоятельства места³.

³ Отметим, что в подобных случаях возникает необходимость четкой дифференциации и соотношения предикативности, в частности, дополнительной, и пропозиции.

Темпоральные синтаксемы, в отличие от локальных, активно сочетаются с различными типами основ простых предложений, практически не имея ограничений. Семантика предиката произвольного действия также не оказывает влияния на наличие или отсутствие обстоятельственной синтаксемы с темпоральным значением в составе предложения. Темпоральные распространители гораздо чаще локальных употребляются в функции детерминанта. Это связано с тем, что данные синтаксемы редко входят в глагольные словосочетательные связи, поскольку валентный потенциал лишь очень небольшой группы глаголов предполагает или допускает их присутствие. Это прежде всего глаголы с приставкой *про-*, имеющие значение «пробыть определенное время где-либо или в каком-то состоянии» (просидеть в течение часа на балконе); глаголы со значением «длиться», «продолжаться» (длиться в течение часа); глаголы со значением «назначить что-либо на какой-то срок, до какого-то времени» (назначить встречу на утро). В остальных же случаях распространители с обстоятельственной семантикой функционируют как детерминанты: ***В старости*** он как-то согнулся душой, стал пугливым и недоверчивым (В. Попов); ***На закате*** их ярко-оранжевые головки собирают свои лепестки в тугой комочек (К. Паустовский).

Разграничение предложно-падежных обстоятельственных распространителей в структуре предложения на основе заполнения глагольной валентности позволяет найти непротиворечивое решение вопроса об их синтаксическом статусе, вполне соотносимом с семантическими категориями актанта и сирконстанта. С учетом позиций приверженцев теории синтаксической семантики присловные локальные и темпоральные распространители входят в актантную рамку глагола. Отсутствие обязательной связи с предикатом выносит данные распространители за рамки предложения, его семантической структуры, и в этом случае они функционируют как сирконстанты. Этот факт позволяет провести более четкую грань между актантами и сирконстантами: присловные локальные и темпоральные синтаксемы, входящие в актантную рамку глагола, являются *обстоятельными актантами* и увеличивают тем самым число актантов в «глагольном узле»⁴. Сирконстантами можно признать лишь обстоятельные распространители, не заполняющие глагольную валентность (см. о результатах соотношения актантов и сирконстантов: [Муравенко 1998; Плунгян, Рахилина 1998; Храковский 1998; Шмелев 1998]). При таком подходе более упорядоченной выглядит и

⁴ Весьма интересными в этом отношении представляются выводы В.Г. Гака, который считает обстоятельства места и времени *обстоятельными дополнениями* – *complements circonstanciels* (выделено автором), на основании того, что они способны коммутировать с подлежащим и, как следствие, их целесообразнее включать в число актантов [Гак 2002: 42].

подсистема членов предложения с обстоятельственной семантикой: присловные распространители являются обстоятельствами (в традиционном понимании термина), соотносимыми с обстоятельственными актантами, неприсловные распространители – это обстоятельственные детерминанты, соотносимые с сирконстантами.

Вышеизложенное позволяет несколько иначе представить горизонтальный вариант модели глагольного предложения с предложно-падежным обстоятельственным распространителем:

V [A1, A2, A3 ... An] C,

где **V** – спрягаемый глагол-сказуемое, предикат; **A1, A2, A3** – субъектный и объектные актанта; **An** – обстоятельственный актанта; **C** – сирконстант.

Выявленное несоответствие семантической и синтаксической валентности глагола определяет специфику семантики локальных и темпоральных детерминантов, совмещающих обстоятельственное значение со значением дополнительной предикативности, что делает отличными их от присловных обстоятельств. В результате есть основание полагать, что детерминанты (и соотносимые с ним сирконстанты) выделяются на первом уровне членения предложения: детерминант – главные члены предложения – второстепенные члены предложения. В таком случае модель предложения с обстоятельственным детерминантом может быть представлена следующим образом:

C [V [A1,A2, A3 ... An]],

где **C** – сирконстант (обстоятельственный детерминант в теории членов предложения, неприсловный распространитель грамматической основы предложения в целом, в семантическом плане относящийся к содержанию остальной части предложения); **V** – глагол-сказуемое, предикат высказывания; **A1, A2, A3** – актанта, его субъектные и объектные распространители; **An** – обстоятельственный локальный или темпоральный актанта (присловное обстоятельство в традиционной системе членов предложения).

Таким образом, одним из результатов несоответствия семантических и синтаксических валентностей глагола является возможность четкого и непротиворечивого разграничения присловных и неприсловных членов предложения с обстоятельственной семантикой, вполне соотносимых с семантическими категориями актанта и сирконстанта, позволяющая в свою очередь уточнить горизонтальный вариант вербоцентрической модели простого предложения.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю.Д.* К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
2. *Апресян Ю.Д.* Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб., 2007.
3. *Воронцова М.И., Рахилина Е.В.* Об иконичности выражения глагольных ролей и грамматике конструкций. URL: <http://www.infolex.ru>.
4. *Всеволодова М.В.* Категория русского управления // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 30. М., 2005.
5. *Гак В.Г.* Типология преобразований в актантной структуре высказывания при переводе // Вопросы филологии. 2002, № 1.
6. *Малащенко В.П.* Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Ростов н/Д., 1972.
7. *Муравенко Е.В.* О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
8. *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
9. *Скобличкова Е.С.* Второстепенные члены предложения в свете современной лингвистической проблематики // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный Конгресс исследователей-русистов. М., 2001.
10. *Скобличкова Е.С.* Об уровне автосемантической / синсемантической разных членов предложения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Второй международный конгресс русистов-исследователей. М., 2004.
11. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса: пер. с франц. / Ред.: Г.В. Степанов и др. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М., 1988.
12. *Храковский В.С.* Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
13. *Шмелев А.Д.* Типы «невывраженных валентностей» // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.

К НЕКОТОРЫМ ЧАСТНЫМ ВОПРОСАМ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы дифференциации присловных и неприсловных членов предложения с обстоятельственной семантикой в их соотношении с семантическими категориями актанта и сирконстанта, позволяющие уточнить некоторые частные вопросы системной организации членов предложения на уровне модели предложения.

TO SOME PROBLEMS OF SYSTEM ORGANIZATION OF SENTENCE PARTS AND A SIMPLE SENTENCE MODEL CREATION S.A. Aleksanova

Keywords: secondary parts of the sentence, actants, sirconstants, verbcentral model of the sentence

Abstract

Some problems of differentiation of preword and non-preword sentence parts with adverbial semantics in their correlation with semantic categories of actant and sirconstant, allowing to specify some specific questions of the system organization of sentence parts at the level of a sentence model are considered in the article.

Структура лексического минимума как компонента российской государственной системы тестирования

© кандидат филологических наук *Н.П. Андрюшина (Россия),*
И.Н. Афанасьева (Россия),
доктор педагогических наук Л.А. Дунаева (Россия),
доктор педагогических наук Л.П. Клобукова (Россия),
доктор педагогических наук Л.В. Красильникова (Россия),
кандидат педагогических наук И.И. Яценко (Россия), 2013

Ключевые слова: лексический минимум,
Российская государственная система тестирования (ТРКИ),
уровни владения русским языком как иностранным, объекты контроля,
коммуникативная компетенция инофона

В начале XXI века было сформулировано положение о том, что в ходе становления специальности «Русский язык как иностранный» сложилась функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы [Амиантова и др. 2001]. Одной из частных форм реализации лексического аспекта данной модели выступают Лексические минимумы по русскому языку как иностранному (РКИ), которые являются важным компонентом Российской государственной системы тестирования (ТРКИ). Они начали разрабатываться в середине 90-х годов прошлого века, поскольку создание иерархической системы уровней владения русским языком потребовало четкого описания не только требований к речевым навыкам и умениям иностранных граждан, но и грамматического и лексического материала, актуального для каждого уровня. Последнюю задачу, т. е. описание лексической компетенции инофона, и призваны решать лексические минимумы (ЛМ). В настоящее время разработаны и опубликованы ЛМ Элементарного, Базового, Первого и Второго сертификационных уровней, завершается работа над ЛМ Третьего уровня.

Лексические минимумы, наряду с Требованиями (Стандартами), Программами и Типовыми тестами, относятся к числу нормативных материалов ТРКИ и выполняют целый ряд важных методических функций. ЛМ относятся к средствам обучения, в одинаковой степени адресуемых и преподавателям, и учащимся [Азимов, Щукин 2009: 291]. Они, конкретизируя список лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на соответствующих уровнях владения русским языком, дают иностранному учащемуся четкое представление о лекси-

ческой базе, на основе которой составлены тестовые материалы, помогают ему готовиться как к текущим занятиям, так и к сертификационному экзамену. В то же время ЛМ служат ориентиром для авторов учебников, учебных пособий и разработчиков тестовых материалов, в значительной степени определяя языковое содержание обучения и тестирования на том или ином уровне владения русским языком как иностранным. Заметим в этой связи, что до создания лексических минимумов в учебных и контрольных материалах по РКИ отбор лексики и ее объем в значительной степени определялись личными предпочтениями авторов, уровнем их профессионализма и др.

В настоящее время ситуация изменилась. Сегодня аксиоматичным является положение о том, что, поскольку для каждого уровня разработаны Стандарты, определяющие перечень ситуаций, тем и задач общения, требования к речевым навыкам и умениям, к содержанию языковой компетенции, каждому уровню должен соответствовать и фиксированный список лексических единиц, способных обеспечить достижение коммуникативных целей обучения, обозначенных в Стандартах.

При составлении уровневых тезаурусов соблюдается преемственность в отборе и презентации материала: словник предыдущего уровня целиком входит в словник последующего. При этом рецептивная лексика того или иного уровня, рекомендуемая пользователю для чтения и аудирования, на следующем уровне предлагается ему для активного усвоения: в целях использования ее в ходе продуктивной речевой деятельности – при говорении и письме. Что касается количественного соотношения словников, то авторы-составители стремились к тому, чтобы каждый последующий список слов был больше предыдущего по объему примерно в два раза (небольшие отклонения носят закономерный характер).

Отмеченной выше многофункциональности ЛМ соответствует их структура. На Элементарном, Базовом и Первом уровнях она одинакова: ЛМ состоят из трех частей. В первой части представлен словник уровня в алфавитном порядке. Все слова этой части для удобства пользователя переведены на пять языков: английский, испанский, немецкий, французский, китайский. Грамматическая информация в словарных статьях дана в минимальном объеме, система помет лаконична, что соответствует весьма ограниченным речевым возможностям инофона на данных уровнях владения языком.

Во второй части пользователю предлагаются тематические группы слов. Тематическая классификация соответствует общепринятой традиции идеографического описания лексики. Лексические единицы сгруппированы в тематические классы, которые представляют собой понятия, отражающие объективную картину мира («Человек», «Природа» и др.).

В каждой теме выделяются подтемы, в рамках которых слова разграничены по частям речи. Таким образом, иностранный пользователь получает несколько входов в тезаурус: по алфавиту, по тематической принадлежности слова, по принадлежности к лексико-грамматическому разряду. Это значительно облегчает ему работу со словарем и помогает в решении коммуникативных задач.

Третья часть содержит целый ряд приложений. В первом приложении представлен список наиболее употребительных русских мужских и женских имен. Включение данного приложения в состав лексических минимумов обусловлено стремлением помочь иностранным пользователям овладеть правилами речевого употребления личных имен и в какой-то степени компенсировать «дискриминацию собственных имен» [Денисов 1988], наблюдаемую в словарях.

Второе и третье приложения содержат синонимические и антонимические ряды слов. В четвертом приложении помещен список лингвистических терминов (термины, как и основной словарь, приводятся с переводом на пять языков). Включение данного списка в систему приложений объясняется необходимостью обеспечить понимание инофонном базовых терминологических единиц, большая часть которых используется в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному, а также в тестовых заданиях.

Структура ЛМ Второго и Третьего уровней имеет свою специфику, по сравнению с ЛМ предыдущих уровней. В алфавитной части ЛМ Второго уровня слова переведены только на английский язык. Такое решение было принято авторами-составителями в связи с тем, что на данном, достаточно высоком, уровне владения РКИ, инофоны для уточнения значения слова (в частности, его оттенков) могут пользоваться Толковыми словарями. В ЛМ Второго уровня отсутствует вторая часть – тематические группы слов, она будет издана отдельно. Таким образом, ЛМ Второго уровня (а в перспективе и Третьего уровня) содержит лишь 2 части – алфавитный словарь и приложения.

Планируется, что в ЛМ Третьего уровня перевод будет отсутствовать, и это закономерно. На данном, так называемом «филологическом», уровне владения РКИ (который соответствует уровню С1 в европейской системе координат) иностранный пользователь должен легко оперировать толковыми и двуязычными словарями, иметь достаточную словообразовательную компетенцию и развитый за годы изучения языка психофизиологический механизм антиципации. Кроме того, в тех случаях, когда слово на Третьем уровне владения языком предлагается инофону к усвоению не во всех своих значениях, а только в ряде лексико-семантических вариантов, авторы-составители уточняют рекомендуе-

мый объем значений лексической единицы с помощью соответствующих иллюстраций.

Отдельно следует сказать о составе приложений ЛМ Второго и Третьего уровней владения РКИ. В первом приложении вместо русских имен представлены наименования лиц по национальности и месту проживания. Второе и третье приложения, как и приложения предыдущих уровней, содержат синонимические и антонимические ряды, при этом их списки значительно расширены. Необходимо особо подчеркнуть, что в них в необходимом объеме включены фразеологизмы и стилистически маркированные единицы (*разг., кн., прост.*), что на данных уровнях владения РКИ соответствует потребностям инофонов адекватно понимать собеседников в ходе коммуникации с носителями русского языка в различных сферах и ситуациях общения.

В систему приложений ЛМ Второго уровня [Лексический минимум 2009] впервые введен ограниченный перечень фразеологизмов и устойчивых словосочетаний (в общей сложности 145 единиц). После выхода в свет ЛМ данного уровня анализ результатов сертификационного тестирования по РКИ показал, что содержащийся в приложении список фразеологизмов не в полной мере обеспечивает выполнение требований, предъявляемых иностранным гражданам на уровне В2. В настоящее время для этого уровня уже составлен список вдвое большего объема (280-300 единиц), что найдет свое отражение в последующих изданиях данного нормативного документа. Аналогичное приложение ЛМ Третьего уровня будет иметь объем не менее пятисот единиц.

В пятое приложение ЛМ Второго уровня помещен список лингвистических терминов, который по изложенным выше соображениям не имеет перевода на другие языки, в отличие от аналогичного приложения предыдущих уровней. Приложение, включающее список лингвистических терминов, предусмотрено и в ЛМ Третьего уровня.

В последние десятилетия в русском языке активизировался такой способ словообразования, как аббревиация [Русский язык и советское общество 1968], однако в практике преподавания РКИ аббревиатурам и сокращениям традиционно уделяется недостаточно внимания; фрагментарно представлены они и в двуязычных словарях, которыми активно пользуются иностранцы. Между тем преподавателям русского языка как иностранного хорошо известны проблемы, возникающие у инофонов как в понимании лексического значения аббревиатур, так и при их произнесении. И это не случайно: правила произношения аббревиатур порой устанавливаются с отступлением от общих произносительных норм, а сами аббревиатуры часто обладают специфическими грамматическими свойствами. В связи с этим для повышения точности измерения уровня владения русским языком как иностранным возникла необходи-

мость представить в нормативном документе объем данного аспекта лексической компетенции инофона. Эту задачу и решает новое, пятое, приложение ЛМ 3-го уровня – «Сокращения и аббревиатуры», в которое наряду с буквенными сокращениями (*РФ, МГУ, ООН*) вошли внутрисловные сокращения (*нац., зав., спец.*) и фрагментарно сокращенные слова (т. е. слоговые аббревиатуры типа *минфин*).

Составители ЛМ Третьего уровня не могли оставить без внимания процессы, происходящие в сфере стилистики современного русского языка. В последнее время лингвисты отмечают явления «жаргонизации» русского языка, пишут о том, что употребление сниженной лексики зачастую становится нормой [Вепрева 2012]. Учитывая это, составители ЛМ сочли необходимым отразить эту сторону функционирования языка, включив в ЛМ Третьего уровня приложение «Разговорные выражения, жаргонизмы, сленг». Разумеется, лексические единицы, вошедшие в приложение (*блин, подонок, спятить* и т. д.), предназначены только для рецептивной речевой деятельности инофона. Иностранцы могут встретить их в средствах массовой информации (особенно в Интернете), в произведениях художественной литературы, при просмотре фильмов, спектаклей, а также в процессе непосредственного общения с отдельными носителями языка. Приложение поможет пользователям правильно понимать реплики и мотивацию поступков действующих лиц при просмотре фильмов и телепередач (а в процессе тестирования и комментировать их), адекватно реагировать на слова собеседников в ходе коммуникации с носителями языка в различных ситуациях неформального общения.

Таким образом, система приложений в ЛМ Третьего уровня пополнилась двумя новыми компонентами, что обеспечивает более полное лингводидактическое описание данного уровня общего владения РКИ.

Уровневые лексические минимумы создаются не только для иностранцев, изучающих русский язык и готовящихся к сертификационному тестированию. Опубликованные ЛМ активно используются методистами при создании различных средств обучения, ориентированных на определенные уровни владения языком: они, как отмечалось выше, направляют работу авторов учебников и пособий, разработчиков тестов и компьютерных программ. Лексические минимумы необходимы также специалистам, проводящим сертификационное тестирование, для того чтобы с большей точностью оценить результаты выполнения субтестов по продуктивным видам речевой деятельности – по письму и говорению.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что разработка градуальной серии лексических минимумов способствует дальнейшему развитию системы ТРКИ, ибо в процессе ее создания анализи-

руются и решаются многие теоретические вопросы лингводидактического тестирования, конкретизируются объекты контроля применительно к разным уровням сформированности коммуникативной компетенции инофона, предлагаются новые аспекты описания уровней владения русским языком как иностранным.

Л и т е р а т у р а

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.И., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6.
2. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
3. *Денисов П.Н.* Единицы словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
4. *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение.* М.–СПб., 2009.
5. *Русский язык и советское общество // Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова.* М., 1968.
6. *Вепрева И.Т.* О динамике нормативно-стилистической системы русского языка: методологические аспекты изучения проблемы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы III Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 10-13 октября 2012 г. СПб., 2012.

СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА КАК КОМПОНЕНТА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ТЕСТИРОВАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена описанию Лексических минимумов по русскому языку как иностранному (уровни А1 – С1 в европейской системе координат). Авторы характеризуют задачи и функции Лексических минимумов как нормативных документов Российской государственной системы тестирования (ТРКИ), анализируют общие и специфические компоненты их структуры.

LEXICAL MINIMUM STRUCTURE AS A COMPONENT OF RUSSIAN STATE SYSTEM FOR TESTING ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE N.P. Andryushina, I.N. Afanasyeva, L.A. Dunaeva, L.P. Klobukova, I.I. Jatsenko

Keywords: Lexical Minimum, Russian State System for Testing on Russian as a Foreign Language (TRKI),

levels of Russian language proficiency, subjects of control,
communicative competence of foreign students

Abstract

In the article Lexical Minimums of Russian as a Foreign Language are described (Levels A1 – C1 according The Common European Framework of Reference for Languages). The authors define aims and functions of Lexical Minimums as standard documents of Russian State System for Testing on Russian as a Foreign Language (TRKI). Common and specific components of Lexical Minimums structure are analyzed.

Сопоставление типичных средств выражения условных отношений в русском и китайском языках

© Бао Цзяньцай (Китай),

кандидат филологических наук Го Шуфень (Китай), 2013

Ключевые слова: семантическая категория условных отношений,
функционально-семантическое поле условия,
типичные средства выражения условных отношений,
сопоставительное исследование, китайские корреляты

1. Вводные замечания

Как известно, функционально-семантическое поле (далее ФСП) является одной из важных тем исследования в русском языке. Кроме того, попытка сопоставительного исследования полей условия в русском и китайском языках до сих пор не предпринималась. Следовательно, сопоставление полей условия между вышеуказанными языками обладает огромным пространством для изучения.

По определению М.В. Всеволодовой, ФСП представляет собой базисную на определенной семантической категории группировки грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций [Всеволодова 2000: 77].

В теории функциональной грамматики А.В. Бондарко ФСП условия, исследуемое в данной работе, принадлежит именно к комплексу полей с общим значением обусловленности. До сих пор еще нет единых, общепринятых представлений о структуре конкретных ФСП. По мнению М.В. Всеволодовой [Там же: 81], поле имеет концентрическую структуру¹, а именно: ядро, ближайшая периферия ядра, следующая зона более отдаленной периферии, самый последний периферийный слой. В целях четко сопоставить поля условия между русским и китайским языками, ФСП условия делится на ядро, слой ближайшего ядра и периферийный слой ядра. В соответствии с теорией А.В. Бондарко, в рамках ФСП²

¹ По мнению А.В. Бондарко, в условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля [Бондарко 2011: 11].

² Структурные типы ФСП включают в себя моноцентрические и полицентрические типы. Первый тип выступает в двух разновидностях: моноцентрические поля с целостным грамматическим ядром и моноцентрические поля с комплексным ядром; второй тип характеризуется разбиением на несколько сфер (микрополей), каждая из которых имеет свой центр (ядро) и периферийные компоненты [Бондарко 2011: 34-35].

условия в русском и китайском языках могут быть выделены три микрополя: микрополе реального условия, микрополе потенциального условия и микрополе ирреального условия.

Известно, что в китайском языке отсутствуют грамматические категории инфинитива и сослагательного наклонения глагола, кроме того, большинство ученых придерживаются того мнения, что в китайском языке отсутствует грамматическая категория времени глагола. Дай Яоцзин в книге «Исследование грамматических категорий времени и вида глагола в современном китайском языке» указывает, что только при наличии форм выражения грамматических значений времени и вида в каком-либо языке возможно сказать, что в данном языке имеются грамматические категории времени и вида глагола [Дай Яоцзин 1997]. Грамматическая категория выражается путем форм, а не только с помощью лексики. Именно поэтому мы считаем, что в современном китайском языке нет грамматической категории времени, а имеется категория вида глагола. Несмотря на то, что ряд лингвистов полагает, что в китайском языке существует грамматическая категория вида глагола: продолжительный вид с формальным показателем – послелогом 着(zhao), вид появления с послелогом 过(guo), совершенный вид с послелогом 了(liao) и нарицательный вид без каких-либо формальных показателей, эти разные виды глагола не полностью коррелируют с несовершенным и совершенным видами глагола в русском языке. Кроме того, каждый из этих видов обладает сложным грамматическим значением [Чжоу Жуйфэн 2011: 109]. Следовательно, невозможно провести сопоставление ФСП условия между русским и китайским языками с точки зрения грамматических категорий времени и вида глагола, особенно анализируя сложноподчиненные предложения выражения семантической категории условных отношений в ядрах полей условия в русском и китайском языках.

Цель нашего сопоставительного исследования ФСП условия заключается в том, чтобы найти типичные средства выражения семантической категории условных отношений в ядрах и в слоях ближайших ядер ФСП условия в русском и китайском языках.

2. Сопоставление типичных средств выражения условия в ядрах ФСП условия в русском и китайском языках

Что касается средств выражения в ядрах ФСП условия в обоих языках, то они являются универсальными способами выражения, которые одинаковы почти и по форме, и по семантике, значит, между двумя

языками существуют полные корреляты – сложные предложения с союзами выражения условия, если не учитывать конкретные словоформы союзов условия в обоих языках. Посмотрим подробнее.

В ядре микрополя реального условия в русском языке сложноподчиненные предложения с союзами выражения условия «раз», «уж если», «если уж» коррелируют с китайскими сложными предложениями с союзами 既然(jiran – раз), 既(ji – раз). Напр.:

[1] **Раз уж** приехал, так мирись с положением. 既来之, 则安之。(ji lai zhi, ze an zhi) [Чжао Линшэн, Ван Синь 2006].

В ядре микрополя потенциального условия в русском языке сложноподчиненное предложение с союзом «если» коррелирует с китайскими сложными предложениями с союзами 如果(ruguo – если), 假如(jiagu – если):

[2] **Если** Сережка придет, то скажи ему: пусть на станцию сходит к Политовским (Н. Островский). 如果谢廖什卡来, 你告诉他, 让他上车站到波利托夫斯基家去一趟。(ruguo xieliaoshenka lai, ni gaosu ta, rang ta shang chezhan dao bolituofusiji jia qu yitang)

В ядре микрополя ирреального условия в русском языке сложноподчиненное предложение с союзом «если бы» коррелирует с китайскими сложными предложениями с союзами 如果(ruguo – если бы), 假如(jiagu – если бы):

[3] Мышление было бы не нужно, **если бы** были готовые истины (Герцен). 如果有现成的真理, 那就不用不着思考了。(ruguo you xiancheng de zhenli, na bu jiu yongbuzhao sikao le)

Поскольку, как показано выше, в китайском языке отсутствует согласительное наклонение, оттенок русского союза «если бы» выражается в китайском языке при помощи лексики 不...了(bu...le).

Сопоставительный анализ показал, что русское сложноподчиненное предложение с союзами выражения разного рода условия и китайское сложное предложение с теми же союзами имеют полное соответствие в семантическом плане. Небольшое различие состоит только в несоответствующем количестве синонимических союзов при выражении разного типа условия в обоих языках.

3. Сопоставление типичных средств выражения условия в слоях ближайших ядер ФСП условия в русском и китайском языках

Далее перейдем к сопоставлению средств выражения условия в слоях ближайших ядер ФСП условия.

3.1. В слое ближайшего ядра микрополя потенциального условия в русском языке сложноподчиненные предложения с союзами «разве», «разве что» коррелируют с китайскими сложными предложениями с союзом 除非 (chufei – разве):

[4] *Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу* (А. Островский).
除非他们动武来枪, 否则我是不会心甘情愿地把你交给别人的, 为了你, 柳芭, 我能献出生命! (chufei tamen dongwu lai qiang, fouze wo shi buhui xinganqingyuan de ba ni jiaogei bieren de, wei le ni, liuba, wo neng xianchu shengming)

3.2. Русские сложноподчиненные предложения с союзами «только в том случае, если», «только тогда, когда», «только при условии, если» коррелируют с китайским сложным предложением как с соотносительным союзом выражения необходимого условия 只有...才 (zhiyou...cai – только в том случае, если), так и 唯有...才 (weiyou... cai – только тогда, когда):

[5] *В этих ситуациях отправлять в лагерь ребенка можно только в том случае, если он очень сильно этого хочет* (Национальный корпус русского языка³). *只有在孩子非常希望去的情况下, 才会让他去参加夏令营。* (zhiyou zai haizi feichang xiwang qu de qingkuang xia, cai hui rang ta qu canjia xialingying)

[6] *Но опрос будет полноценным только при условии, если его производят по определенному плану и по определенной схеме* (Инт.) *调查问卷唯有按照一定的计划和一定的模式进行, 才会有充分的成效* (diaocha wenjuan weiyou anzhaoyiding de jihua he yiding de moshi jingxing, cai hui you chongfeng de chengxiao)

[7] *Тебя ценят только тогда, когда в тебе нуждаются* (Инт.) *只有你被需要时, 你才是有价值的* (zhiyou ni bei xuyaoshi, ni cai shi you jiazhi de)

3.3. В слоях ближайших ядер потенциального и ирреального условий в русском языке имеются такие средства выражения условия, как простые предложения с деепричастным оборотом и сложноподчиненные предложения с конструкцией повелительного наклонения, которые отсутствуют в китайском языке. Такие русские сложноподчиненные предложения коррелируют только с китайскими сложными предложениями с популярнейшими союзами выражения условия 如果...就 (ruguo...jiu), 只有...才 (zhiyou...cai). Ср.:

³ <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

3.3.1. Русские простые предложения с деепричастным оборотом:

[8] **Только зная и понимая** народ, можно создать по-настоящему глубокое произведение. **只有了解和理解人民, 才能创造真正深刻的作品** (zhìyou liaojie he lijie renmin, cáineng chuàngzào zhēnzhēng shēnke de zuopin)

[9] Не **отведав** горя, не познаешь и счастья (Инт.). **如果不体验痛苦, 就不知道幸福** (rùguo bù tiyàn tòngkǔ, jiù bù zhīdào xìngfú)

[10] Вы **вспомнили бы** его, **увидев** фотографию (Инт.). **如果看到照片, 您就会回想起他** (rùguo kàndào zhàopiàn, nín jiù huì huíxiǎng qǐ tā)

3.3.2. Сложноподчиненные предложения с конструкцией повелительного наклонения:

[11] **Позвони** Черному, он тебе все скажет. (如果) 打电话给乔尔内, 他就会告诉你一切 (rùguo dǎ diànhuà gěi qiǎoernei, tā jiù huì gào sù nǐ yīqiè)

[12] Не **ленись** наш брат, то с голоду **не умрет** (Радищев). **如果我们的哥哥不懒的话, 他将不会饿死** (rùguo wǒmen de gēgē bù lǎn de huà, tā jiāng bù huì è sǐ)

[13] Не **будь** она богата и независима, она, быть может, **бросилась бы** в битву, **узнала бы** страсть... (Тургенев). **假如她不富裕又不独立, 她就可能已经参加战役并懂得恐怖了……** (jiǎ rú tā bù fù yù yòu bù dú lì, tā jiù kě néng yǐ jīng cān jiā zhàn yì bìng dǒng de kǒng bù le)

[14] **Задержись (бы)** мы хоть на минуту, мы **опоздали бы** на поезд. **如果再耽误哪怕一分钟, 我们就赶不上火车了** (rùguo zài dǎn wǔ nǎ pǎo yī fēn zhōng, wǒmen jiù gǎn bù shàng huǒ chē le)

3.4. В слое ближайшего ядра реального условия в китайском языке наречия способны выражать семантическую категорию условных отношений, а в русском языке такое явление не встречается.

[15] **反正**不远, 咱们就走着去吧! (fǎnzhèng bù yuǎn, zǎnmen jiù zǒu zhe qù ba — **Раз** недалеко, давайте пойдем пешком!)

[16] **果然**你愿意参加, 那我们就太高兴了。 (guǒrán nǐ yuànyì cānjiā, nǎ wǒmen jiù tài gāoxìng le — **Если уж** ты хочешь участвовать, тогда мы этому очень рады)

Иероглифы **反正** (fǎnzhèng – раз), **果然** (guǒrán – если уж) являются наречиями в китайском языке. Вышеуказанными примерами замечательно объясняется то, что в китайском языке наречия могут выражать

условные отношения. Не меняя значения, примеры [15] и [16] могут превратиться в сложные предложения с союзом 既然 (jiran – раз):

[15a] 既然不远, 咱们就走着去吧 (jiran bu yuan, zanmen jiu zou zhe qu ba – Раз недалеко, давайте пойдём пешком!)

[16a] 既然你愿意参加, 那我们就太高兴了。 (jiran ni yuanyi canjia, na women jiu tai gaoxing le – Раз ты хочешь участвовать, тогда мы этому очень рады)

Это означает, что в китайском языке между наречиями выражения условия и союзами выражения условия существует определенная связь. А в русском языке отсутствуют наречия, которые способны выражать семантическую категорию условных отношений, соответственно отсутствуют и сложные предложения с наречиями выражения условия вместо союзов выражения условия.

3.5. Сопоставим русские условные именные группы⁴ (далее ИГ), являющиеся типичными средствами выражения условия в простом предложении, с китайскими словосочетаниями с предлогами и послелогоми. Оба эти средства считаются важными для выражения условий. Они обычно находятся в слоях ближайших ядер ФСП условия. Между ними имеется определенное сходство, а также существуют и заметные различия. Му Хуэйчунь в книге «Исследование различий между русскими и китайскими предлогами» [2006: 64] отмечает, что предлоги в китайском языке играют такую роль, какую играют русские предлоги. Между китайскими и русскими предлогами имеется множество сходств. Оба они принадлежат к служебным словам, притом не могут употребляться отдельно, нужно со словами за ним вместе составлять член предложения. Лексико-семантические значения предлогов сравнительно отвлеченные, притом предлогами, главным образом, выражается грамматическое значение.

В мировых языках существует три случая употребления предлогов и послелогов: во-первых, предлог и послелог отдельны по формам; во-вторых, предлог и послелог объединяется в одно слово (напр., в финском языке); в-третьих, в предлог включается послелог (Чу Цзэсян 2003:1). Считается, что китайский язык принадлежит к первому типу, а русский – к третьему, то есть русские предлоги коррелируют с китайскими предлогами плюс послелогоми. Соответственно, русские ИГ со-

⁴ По трактовке М.В. Всеволодовой [2000: 183-186], именная группа – это свободные именные синтаксемы с самостоятельным конкретным (формирующим систему значения) категориальным значением (формирующим ФСП).

ответствуют китайским словосочетаниям с предлогами и послелогоми. По статистике в книгах по китайской грамматике часто употребляемые предлоги в китайском языке составляют только 70, а в русском их больше 200 [Му Хуэйчунь 2006: 64]. При выражении одинаковой семантической категории в русском языке имеются более богатые предложные средства выражения, чем в китайском. Таким образом, китайское словосочетание с предлогом и послелогом может коррелировать с несколькими русскими ИГ. Напр., словосочетания с предлогом и послелогом 在...下 (zai xia – при каком-либо условии) выражения семантической категории условных отношений в микрополях реального условия и потенциального условия могут соответствовать русским первообразным предлогам «при», «в», «на» и «под». Несмотря на то, что вышеуказанные русские предлоги и китайское словосочетание с предлогом и послелогом 在……下 (zai xia – при каком-либо условии) выражают одинаковое семантическое значение, между этими русскими предлогами имеются тонкие различия на семантическом уровне. Напр., первообразный предлог «в» включает в себя не только лексическое значение 在……下 (zai xia – при каком-либо условии), но и значение 在…里/中 (zai li / zhong – внутри чего). Последнее имеет прямое отношение к основному лексическому значению предлога «в», выражающего, главным образом, пространственные отношения. Ср.:

[17] Друзья познаются (узнаются) в беде.
 在患难的情况下才能见真情。 (zai huannan de tiaojianxia caineng jian zhenqing)
 Возможно и: 在患难之中见真情。 (zai huannan zhizhong jian zhenqing)

Первообразный предлог «при» является одним из самых частотных употребляемых средств выражения условных отношений в русском языке. Предлог «при» обладает способностью управлять конкретными и отвлеченными существительными. Ср.:

[18] Чистый этиловый спирт замерзает при температуре минус 117 градусов Цельсия (Инт.). 纯酒精在摄氏-117℃下就会冻结。 (chunjiuming zai sheshi lingxia 117 du xia jiuhui dongjie)

[19] Знания и навыки по оказанию первой доврачебной помощи при всякого рода повреждениях необходимы всем (Инт.). 就医前急救知识和技能在任何受伤的情况下都是所有人所必需的。 (jiuyi qian jiji zhishi he jineng zai renhe shoushang de qingkuang xia doushi suo youren suo bixu de)

В лексическом значении предлога «на» 在...下 (zaixia – при каком-либо условии) также включается в себя значение 在...上 (zaishang – локум). Напр.:

[20] *На пустой желудок так плохо спится в бесконечные зимние ночи* (Горький). Его китайский коррелят таков: *在饿着肚子的情况下, 是很难在漫长的冬夜睡好觉的。* (zai ezhe duzi de qingkuangxia shi hennan zai manchang de dongye shuihaojiao de). Здесь «на пустой желудок» образно выражает внутреннюю конструкцию организма человека: желудок находится внутри тела человека, т.е., тело человека находится вне желудка. Нельзя сказать: **В пустой желудок так плохо спится в бесконечные зимние ночи.*

Предлог «под» во время выражения значения 在...下 (zai xia – при каком-либо условии) также выражает и значение пространства 在...的下面 (zai de xia mian – локум). Напр.:

[21] *Папка шел с матерью под дождем.* 巴沙和妈妈在雨下走着 (basha he mama zai yuxia zouzhe). ИГ «под дождем» выражает значение пространства таким образом: дождь идет сверху вниз, и человек находится под дождем.

Кроме тонких различий на семантическом уровне, различия между русскими ИГ и китайскими словосочетаниями с предлогами и послелогом проявляются также и на уровне управления. В китайском языке предлоги могут управлять такими частями речи, как существительные, местоимения, глаголы, конструкции с глаголами и управляемыми ими существительными, словосочетания с числительными и управляемыми ими существительными, конструкции с подлежащим и сказуемым. Ср.:

① предлог + существительное + послелог:

[22] *国家在发展生产的基础上, 提高劳动报酬和福利待遇。* (guojia zai fazhan shengchan de jichushang tigao laodong baochou he fuli daiyu – На основе развития производства государство стремится к повышению уровня заработной платы и материального благосостояния.)

② предлог + местоимение + (послелог):

[23] *报纸是社会生活中重要的传播媒介之一, 要靠它来知晓天下大事, 了解各类信息, 开阔眼界丰富知识。* (Baozhi shi shehui shenghuozhong zhongyao de chuanbo meijie zhiyi, yao kaota lai zhixiao tianxia dashi, liaojie gelei xinxi, kaikuo yanjie fengfu zhishi – Газета является одним из важных СМИ в общественной жизни. При ее помощи (путем этого) можно узнать случившееся в мире, познакомиться с разной информацией и расширить кругозор, обогатить знания.)

③ предлог + глагол или конструкция с глаголами и управляемыми ими существительными+ (послелог):

[24] **根据计算**, 丢失的氢弹最有可能是落在一个直径两英里多的圆形地带。(genju jisuan duishi de qingdan zui you keneng luozai yige zhijing liangyingli duo de yuanxing didai – По расчету пропавшая водородная бомба, скорее всего, попала в зону диаметром более чем в 2 английские мили.)

[25] 我发誓, **要通过尊重比赛、竭尽全力挑战自我**, 来回报你们的信任。(wo fashi yao tongguo zunzhong bisai jiejin quanli tiaozhan ziwo lai huibao nimen de xinren – Я обещаю, что буду уважать соревнования и прилагать все усилия, бросая себе вызов, чтобы оправдать ваше доверие.)

④ предлог + словосочетание с числительным и управляемым им существительным + послелог:

[26] **在一万一千米以上的高空**, 大气温度不随着高度而改变。(zai yiwan yiqianmi yi shang de gaokong daqi wendu bu suizhe gaodu er gaibian – В небе на высоте более чем в 11 тысяч километров температура атмосферы не изменяется по изменению высоты.)

⑤ предлог + конструкция с подлежащим и сказуемым+ (послелог):

[27] **通过大会讨论**, 大家取得了一致意见。(tongguo dahui taolun dajia qude le yizhi yijian – После обсуждения на собрании все пришли к единому мнению.)

А в русском языке предлоги могут управлять только существительным, местоимением и словосочетанием с числительным и управляемым им существительным. Напр.:

① ИГ «предлог + существительное»:

[28] **Друзья познаются (узнаются) в беде.**

[29] **Он заявил, что до сих пор в России не было такого прецедента – преследования «за возложение цветов к памятникам воинов-освободителей и за заявление, что победа в войне достигнута под руководством Компартии» (Инт.).**

② предлог + словосочетание с числительным и управляемым им существительным:

[30] **Он опьянеет с двух рюмок.**

Это предложение представляет собой типичный пример данного типа средства выражения условия, которое находится в слое ближайшего ядра микрополя потенциального условия.

Следовательно, русские ИГ со значением условия могут коррелировать со следующими китайскими словосочетаниями типа:

а) предлог + управляемый им существительным + послелог;

б) предлог + управляемый им глаголом + послелог;

в) предлог + конструкция с глаголом и управляемым им существительным;

г) предлог + конструкция с подлежащим и сказуемым. Напр.:

[31] *После углубленного обследования мы пришли к правильному выводу.* 通过深入研究后, 我们得出了正确结论。(tongguo shenru yanjiu hou, women dechu le zhengque jielun) 通过深入研究后 (tongguo shenru yanjiu hou – после углубленного обследования) – это словосочетание типа (б).

[32] *После обсуждения на собрании мы пришли к единому мнению.* 通过大会讨论, 大家取得了一致意见。(tongguo dahui taolun dajia qude le yizhi yijian) 通过大会讨论 (tongguo dahui taolun – после обсуждения на собрании) – это словосочетание типа (г).

Поскольку рамки работы ограничены, выше проведено только сопоставление самых типичных средств выражения условных отношений в обоих языках, находящихся в ядрах и слоях ближайших ядер ФСП условия. Безусловно, существуют еще и много других средств выражения в периферийных слоях ФСП условия в обоих языках, что ждет отдельного исследования в будущем.

4. Краткие выводы

Несмотря на то, что русский и китайский языки принадлежат к разным группам языков, средства выражения ФСП условия в обоих языках обладают рядом сходств. В ядрах ФСП в обоих языках находятся сложные предложения с союзами выражения условия. В слоях ближайших ядер обоих языков перечисляются, главным образом, разные ИГ и разные сложные предложения.

Между типичными средствами выражения ФСП условия в обоих языках существуют, безусловно, и определенные различия на формальном и семантическом уровнях. В русском языке в слоях ближайших ядер потенциального и ирреального условий имеются такие типичные средства выражения условия, как простые предложения с деепричастным оборотом и сложноподчиненные предложения с конструкциями повелительного наклонения, что отсутствует в китайском языке.

Что касается различий на семантическом уровне, то имеются в виду различия между русскими условными ИГ и китайскими словосочета-

ниями с предлогами и послелогоми. Как правило, какое-либо словосочетание с предлогами и послелогоми в китайском языке может коррелировать с несколькими русскими ИГ. Отсюда видно, что в русском языке на семантическом уровне содержится большее количество ИГ, которые могут выражать условные отношения, чем в китайском языке.

Л и т е р а т у р а

1. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М., 2011.
2. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
3. *Дай Яоцзин.* Исследование грамматических категорий времени и вида глагола в современном китайском языке. Чжэцзян, 1997. (戴耀晶. 《现代汉语时体系统研究》. 浙江教育出版社, 1997.)
4. *Лю Юехуа, Пань Вэньюй.* Прикладная грамматика современного китайского языка. Пекин, 1983. (刘月华, 潘文娉. 《实用现代汉语语法》. 外语教学与研究出版社, 1983)
5. *Му Хуэйчунь, Чюй Яцзин.* Исследование различий между русскими предлогами и китайскими предлогами // Вестник образовательного института в провинции Цзи Линь, 2006 (6). (穆慧春, 曲雅静. 《俄语前置词与汉语介词差异研究》. 《吉林省教育学院学报》, 2006 (6).)
6. *Чжао Линиэнь, Ван Синьи.* Сопоставление русского и китайского языков и обучение русскому языку. Пекин, 2006. (赵陵生, 王辛夷. 《俄汉对比与俄语学习》. 北京大学出版社, 2006.)
7. *Чжоу Жуйфэн.* Сопоставительное исследование грамматических категорий времени и вида глагола между русским и китайским языками. // Инновации в области науки и техники и образования в Китае, 2011(34). (周睿峰. 《俄汉语动词的时体对比研究》. 中国科教创新导刊, 2011 (34)).
8. *Чу Цзэсян.* Исследование систем направления и места в современном китайском языке. Хуачжун, 2003. (储泽祥. 《现代汉语方所系统研究》. 华中师范大学出版社, 2003.)

СОПОСТАВЛЕНИЕ ТИПИЧНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ УСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье рассматриваются типичные средства выражения семантической категории условных отношений в русском и китайском языках. Подробно сопоставлены типичные средства выражения в ядрах и в слоях ближайших ядер функционально-семантического поля условия в обоих языках. Проанализированы сходства и различия типичных средств выражения условия в обоих языках, уделено большее внимание

тем типичным средствам, которые имеются только в русском или в китайском языках.

**THE COMPARISON OF THE TYPICAL MEANS
OF CONDITIONAL RELATIONS EXPRESSION
IN THE RUSSIAN AND CHINESE
Bao Jiancai, Guo Shufen**

Keywords: semantic category of conditional relations,
functional-semantic field conditions,
the typical means of expressing conditional relationship,
comparative study, Chinese corresponding expressions

Abstract

The essay elaborates the typical means expressing the semantic category of conditional relations in both the Russian and Chinese languages. The conditions of these typical means: in the nuclei and in the layers of nearest nuclei of functional-semantic fields in both languages are thoroughly compared. The similarities and differences of the means are analyzed with a focus on some typical means appearing only in the Russian or Chinese language.

К проблеме изучения русской звучащей речи в лингводидактическом контексте

© доктор филологических наук Е.Л. Бархударова (Россия),
доктор филологических наук К.И. Долотин (Россия), 2013

Ключевые слова: русский как иностранный, звучащая речь,
актуальное членение, коммуникативный, диалог,
интонация, эмоциональный

К числу многочисленных направлений научной деятельности Майи Владимировны Всеволодовой можно с уверенностью отнести изучение проблем звучащей речи в контексте преподавания русского языка как иностранного. Майя Владимировна Всеволодова является как автором различных учебных пособий и разработок по русской звучащей речи [Всеволодова 1960; Всеволодова 1967; Всеволодова, Юдина 1963], так и исследователем, внесшим существенный вклад в анализ роли интонации в коммуникативной организации русского звучащего предложения [Всеволодова 2000].

Практически во всех курсах русского языка как иностранного обучение интонации ведется с опорой на получившую международное признание теорию Е.А. Брызгуновой. Согласно этой теории в русской звучащей речи выделяется семь основных интонационных единиц – типов интонационных конструкций (ИК) [Брызгунова 1963, Брызгунова 1977, Брызгунова 1981]. Когда в практику преподавания русского языка как иностранного «вошла концепция актуального членения предложения, его тема-рематической организации <...> именно ИК были осмыслены как фиксаторы информационных центров предложения» [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова 2001: 225].

Работа в иноязычной аудитории позволяет собрать материал, важный для дальнейшего изучения особенностей коммуникативной (тема-рематической) организации русского звучащего предложения. Ошибки, которые делаются в ходе порождения иностранными учащимися звучащих текстов диалогического и монологического характера, достаточно часто проявляют непонимание закономерностей актуального членения предложения в русском языке. Если без предварительной тренировки попросить студента вставить в контекст высказывание

³ *Завтра/* ¹ *мы идем в театр,*

то скорее всего будет составлен следующий ошибочный диалог:

*– ²Когда вы идете в театр?

³Завтра/ ¹мы идем в театр.

Средствами оформления актуального членения русского предложения являются порядок слов, лексико-морфологические средства предложения и интонация [Крылова 1992: 50–56]. Особая роль интонации в коммуникативной организации звучащего предложения обуславливает возможность вариативного порядка слов в русском языке. В большинстве языков – фиксированный порядок слов, при котором рема тяготеет к концу либо выделяется специальными лексико-морфологическими средствами. Интонация в таких языках играет сопроводительную роль, тогда как в русском языке она выполняет главную функцию завершенности смыслового оформления текста.

Во многих иноязычных системах, где роль интонации не столь значительна, как в русском языке, в конце предложения-сообщения имеет место незначительное повышение тона. По этой причине высказывание-сообщение иностранца часто кажется русскому незаконченным. Это особенно ярко проявляется при перечислении, когда последняя синтагма обязательно должна маркироваться в русском языке понижением тона. Иностранец же обычно маркирует ее повышением тона, что заставляет русского собеседника ждать продолжения.

Итак, у носителей многих языков рема при повествовании ассоциируется не только с концом предложения, но и с повышением тона. Как известно, в русском языке при интонационном оформлении неконечной незавершенной синтагмы используется ИК-3, ИК-4 или ИК-6, а при интонационном оформлении конечной завершенной синтагмы – ИК-1 или ИК-2 [Брызгунова 1977: 101–103].

При таком оформлении фокус темы предполагает восходящее (ИК-3, ИК-6) или нисходяще-восходящее (ИК-4) движение тона, а фокус ремы – нисходящее (ИК-1, ИК-2). Между тем иностранные учащиеся под влиянием родного языка бессознательно соотносят рему сообщения с повышением тона. Соответственно русский диалог строится неправильно.

Особенности коммуникативной организации русского звучащего предложения с трудом усваиваются в иноязычной аудитории. В связи с этим полезным представляется предварить творческие задания упражнениями на выбор подходящего контекста. В рассмотренном выше случае звучащий текст может начинаться с высказывания *Сегодня мы будем в библиотеке* (микротекст монологического характера) или с высказываний *Вы куда завтра идете? Вы что завтра собираетесь делать?* (микротексты диалогического характера). В этих контекстах реплика *Завтра/ мы идем в театр* как продолжение (в микротексте монологиче-

В то же время в любом отрывке из художественного фильма или спектакля, где представлен живой диалог, в нейтральных вопросах обычно употребляется ИК-2, однако вопросительное слово стоит не в начале предложения: *Вы куда?* Можно привести, например, несколько реплик из киноновеллы «Дочь капитана» (фильм «Шаг навстречу» режиссера Н. Бирмана): *Ты зачем приехал? Ну, кто тебя просил? Это зачем, папочка?* Во всех репликах героиня употребляет ИК-2 с центром на вопросительном слове. Напротив, вопрос, в котором вопросительное слово стоит в начале предложения, оформлен героиней с помощью ИК-4 с центром на последнем слове: *Откуда узнал, каким самолетом?*

Практика показывает, что частотный для непринужденной разговорной речи порядок слов в вопросах с вопросительным словом, когда вопросительное слово стоит в середине или в конце фразы, с трудом дается учащимся. Отработка таких конструкций в процессе обучения позволяет приблизиться к более адекватному восприятию и воспроизведению реального диалога.

Заслуживает внимания материал, связанный с употреблением ИК-2 и ИК-3 в предложениях, содержащих императив. Как известно, употребление ИК-2 с императивом часто связано с выражением значения категорического требования, а употребление ИК-3 – вежливой просьбы. Между тем почти все иностранные учащиеся (даже на продвинутом этапе обучения), если им не известны закономерности употребления ИК-2 и ИК-3 в волеизъявительных предложениях, в качестве предпочтительной конструкции называют ИК-2:

2
Откройте окно!

Вариант интонационного оформления фразы с помощью ИК-2 обозначается иностранцами как «более понятный», «более определенный» и, наконец, «более вежливый». Дело в том, что во многих языках резкое повышение тона по типу ИК-3 ассоциируется с разговором «на повышенных тонах», и требуется особая психологическая перестройка для того, чтобы осознать, что в русском языке дело обстоит иначе.

Ошибки иностранных учащихся указывают также на отсутствие адекватного понимания структуры диалогов, содержащих неполные вопросы с сопоставительным союзом *А*. Хорошо известно, что если предложить учащемуся вставить в контекст реплику типа *А в Москве?*, то на начальном и среднем этапах диалог обычно начинается именно с этой реплики, а предшествующая реплика-стимул опускается. В меньшей степени изучен материал интерференции на продвинутом этапе обучения, когда в предшествующих вопросах центр ИК-3 последовательно ставится на слово соотносительного тематического ряда. Обычно составляются ошибочные диалоги типа:

3

*– Ты был в Петербурге?

1

– Был.

4

– А в Москве?

То, что в первом вопросе более естественное местоположение интонационного центра на глагольной словоформе *был*, нуждается в объяснении.

Особый интерес представляет проблема изучения экстралингвистических особенностей русской звучащей речи в целях обучения иностранцев практическому русскому языку. На первом этапе обучения русской эмоциональной речи необходимо научить иностранных студентов правильно озвучивать заданный текст с разными коммуникативными заданиями (например, повествование, требование, приказ, просьба, мольба и др.). Главной целью здесь является достижение адекватного соответствия интенций диктора интонационному оформлению озвучиваемого им текста. Для преподавателя в этом случае важно контролировать экстралингвистические факторы, нарушающие такое соответствие.

Одним из таких факторов является эмоциональная напряженность диктора во время эксперимента по озвучиванию одного и того же текста с разными коммуникативными заданиями. Разность между количественными оценками этого фактора, полученными в результате анализа речи иностранного студента и в результате анализа речи преподавателя, в первом приближении может послужить основой для контроля степени отклонения в интонационном оформлении текста, озвученного иностранным студентом, от образца интонационного оформления того же текста, озвученного преподавателем.

Количественный контроль эмоциональной напряженности диктора осуществлялся на основе данных факторного анализа временных параметров квазисегментных структур речевых сигналов [Долотин 2007]. Эти структуры эксплицировались посредством интервальной кросскорреляционной функции для временных рядов текущих значений формантных параметров речевого сигнала. На основе анализа временных параметров имплицитных структур речевых сигналов было сделано гипотетическое предположение о том, что квазисегментная структура речевого сигнала, отражает в первом приближении динамику интенсивности эмоционального процесса, в рамках которого осуществляется производство речи.

В эксперименте, обсуждаемом ниже, эмоциональный процесс рассматривается как динамика процесса импульсаций в вегетативной нервной системе, которая обусловлена коммуникативным намерением диктора. Квазисегментная структура речевого сигнала (КСС) определена

как последовательность циклов на временной оси речевого сигнала, которые характеризуются двумя фазами: первая фаза $\{t_1\}$, когда величина интервальной кросскорреляционной функции положительна и больше статистически значимого порогового значения, вторая – $\{t_2\}$, когда ее значение меньше этого порога. Делается также гипотетическое предположение о связи величины t_2 с интенсивностью импульсаций в вегетативной нервной системе: с увеличением этой интенсивности увеличивается сила ее воздействия на механизмы порождения речи.

В ходе экспериментов по озвучиванию одного и того же текста с заданным перечнем коммуникативных заданий была обнаружена статистическая значимость параметра t_2 для диагностики типов коммуникативных заданий текстов и видов их эмоциональной окраски (нейтральности, просьбы, требования, мольбы, приказа, повеления, одобрения, неодобрения, страха, радости, грусти и др.). Поэтому в качестве переменных факторного анализа были взяты значения центроидов кластеров в массивах текущих значений длительности второй фазы циклов КСС $\{t_2\}$, характерных для речевых сигналов, полученных при озвучивании одного и того же текста с разными коммуникативными заданиями. В качестве объектов факторного анализа рассматривался заданный перечень типов коммуникативных заданий текста (нейтральности, просьбы, требовательности, приказа и мольбы). Количественная оценка эмоциональной напряженности диктора проводилась по экспериментальной кривой аппроксимированной логарифмической зависимостью.

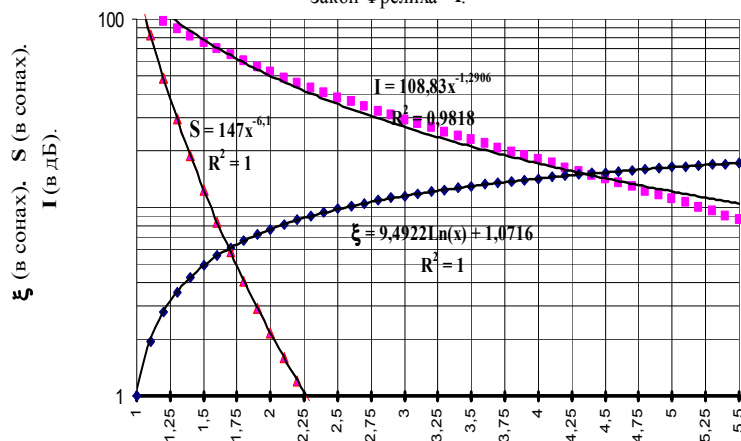
В нашем эксперименте шкала восприятия силы эмоционального процесса построена по методике Стивенса при гипотетическом допущении, что динамика мускульного напряжения глотки является объективным аналогом силы эмоционального процесса. В первом приближении построенная таким способом шкала отражает функциональную зависимость силы восприятия интенсивности эмоционального процесса – $\xi^{эмоц} = 9,4922 \cdot \ln(X) + 1,0716$ (в сонах) от уровня его интенсивности (X). Переменная $X = (t_2 / t_{2_{min}})$, где t_2 (в мс) – время воздействия этой силы на нейронные системы механизма производства речи, $t_{2_{min}} = 34$ мс – минимальное значение скрытого времени ощущения звукового, осязательного или зрительного раздражителей.

При оценке величины эмоциональной напряженности диктора по экспериментально построенной шкале восприятия интенсивности эмоционального процесса применяется параметр $X^c_{max} = t_2^c_{max} / t_{2_{min}}$ – модуль суммы центроидов с максимальной факторной нагрузкой по первым главным факторам, которые обуславливают основной вклад в дисперсию эллипса рассеяния объектов факторного анализа (перечня типов коммуникативного задания текста, выбранного экспериментатором для исследования). Ниже приведен рисунок, на котором показаны кривые

эмоциональной напряженности диктора 1) ξ как функция интенсивности эмоционального процесса (переменная $X=t_2/t_{\min}$); 2) I (интенсивность звукового раздражителя, тон с частотой 1000 Гц, закон Фрелиха) и S (громкость звукового раздражителя, тон с частотой 1000 Гц) как функции относительного скрытого времени ощущения звукового раздражителя к минимальному скрытому времени его ощущения ($t_{\min}=34$ мс) (переменная $X= t_{\text{скр.}}/t_{\min}$).

Рисунок

Шкала эмоциональной напряженности диктора - ξ .
Шкала громкости тона 1000 Гц - S .
Закон Фрелиха - I .

Ось абсцисс - переменная $X = t_2/t_{\min}$,

где $t_{\min} = 34$ мс; t_2 - значение скрытого времени ощущения интенсивности звукового раздражителя 1000 Гц (в мс) и $X^c_{\max} = t^c_{2\max}/t_{\min}$ - модули центроидов с максимальной факторной нагрузкой.

В таблице 1 приведены расчетные значения величин эмоциональной напряженности дикторов во время озвучивания одного и того же текста с коммуникативной установкой, заданной преподавателем в случайном порядке во время эксперимента. В качестве дикторов выступали корейские, китайские и японские студенты, а также русские преподаватели – мужчины и женщины.

<i>Таблица 1.</i>							
Значения эмоциональной напряженности дикторов – $\xi^{эмоц}$ при озвучивании одного и того же текста с разными типами коммуникативного задания (в сонах)							
Дикторы		Тип коммуникативного задания					Среднее значение $\xi^{эмоц}$ в строке
		нейтральная	приказ	требование	просьба	мольба	
1	Рус. (муж.)	6,3	4,96	0,557	10,74	1,7	4,85
2	Рус. (жен.)	14,01	3,83	9,06	6,5	5,96	7,87
3	Кор. (жен.)	2,2	1,97	15,8	4,29	11,1	7,07
4	Кит. (муж.)	0,54	6,95	14,67	8,6	19,27	10
5	Япон. (муж.)	7,25	0,1	1,18	20,3	2,32	6,23
6	Япон. (жен.)	8	6	6,7	6,2	9,7	7,32

В таблице 2 приведены расчетные данные относительных значений приращения интенсивностей $\phi = \Delta I / I_{ср.}$, которые являются физическими эквивалентами приращений интенсивности эмоциональных процессов дикторов, обусловленных их коммуникативными намерениями при озвучивании текста во время эксперимента (в процентах).

Значения, выделенные в таблице 2, указывают на связь приращений уровней интенсивности эмоциональных процессов дикторов (относительно уровней их эмоционального тона) с типом коммуникативного задания текста. Можно отметить, что для русского диктора (мужской голос) такая связь обнаруживается только при озвучивании им текста с коммуникативными заданиями требования, просьбы и мольбы. Для русского диктора (женский голос) такая связь обнаруживается для коммуникативных заданий нейтральности и требования, для корейского диктора (женский голос) – нейтральности, приказа и просьбы, для китайского (мужской голос) – нейтральности и приказа. Для японского диктора (мужской голос) такая связь обнаруживается только при озвучивании текста с коммуникативными заданиями приказа, требования, просьбы и мольбы, а для японского диктора (женский голос) – при озвучивании текста с коммуникативными заданиями приказа и просьбы.

В таблицах 3 и 4 приведены данные по оценке разности между процентными показателями приращений интенсивности (см. таблицу 2), обусловленной коммуникативными намерениями дикторов: $\epsilon = \Delta I(i) - \Delta I(j)$, где для таблицы 3 $i = 1, j = 2, 3, 4, 5, 6$; для таблицы 4 $i = 2, j = 1, 3, 4, 5, 6$ (цифры обозначают порядковые номера дикторов).

<i>Таблица 2.</i>						
Расчетные данные относительных значений приращения интенсивностей $\phi = \Delta I / I_{ср.}$, которые являются эквивалентами приращений интенсивности эмоциональных процессов дикторов (в процентах)						
Дикторы		Тип коммуникативного задания				
		нейтральная	приказ	требование	просьба	мольба
1	Рус. (муж.)	0,02	4,50	37,66	10,89	22,37
2	Рус. (жен.)	23,53	3,88	13,54	6,48	4,70
3	Кор. (жен.)	28,43	29,94	4,81	18,56	2,11
4	Кит. (муж.)	48,20	15,08	1,88	11,51	3,44
5	Япон. (муж.)	8,86	60,21	35,85	11,22	26,89
6	Япон. (жен.)	5,48	10,59	8,66	10,02	1,89

В таблице 3 заполнены только те клетки, значения которых в таблице 2 равны или превышают дифференциальный порог восприятия интенсивности раздражителя (10%). Обзор результатов анализа, которые приведены в этой таблице, позволяет в первом приближении количественно оценить близость коммуникативных намерений дикторов №№ 2, 3, 4, 5, 6 к коммуникативному намерению диктора №1 (русский, мужской голос) при озвучивании дикторами одного и того же текста с различными коммуникативными заданиями.

Например, можно судить о близости коммуникативного намерения диктора 5 (японский диктор, мужской голос, $\epsilon = 1,81\%$) и диктора 2 (русский диктор, женский голос, $\epsilon = 24,12\%$) к коммуникативному намерению (требование) диктора 1.

<i>Таблица 3.</i>						
Оценка близости коммуникативных намерений русского диктора (№1) и коммуникативных намерений дикторов №№ 2, 3, 4, 5 и 6 – ε в эксперименте по озвучиванию одного и того же текста с типом коммуникативного задания, выбираемым по списку в случайном порядке (в процентах)						
Дикторы		Тип коммуникативного задания				
		нейтральная	приказ	требов.	просьба	мольба
1	Рус. (муж.)			0,00	0,00	0,00
2	Рус. (жен.)	23,51		24,12		
3	Кор. (жен.)	28,41	25,43		7,67	
4	Кит. (муж.)	48,18	10,57		0,62	
5	Япон. (муж.)		55,70	1,81	0,33	4,52
6	Япон. (жен.)		6,09		0,87	

Можно отметить также, что коммуникативное намерение диктора 5 (японский диктор, мужской голос, $\epsilon = 0,33\%$) намного ближе к коммуникативному намерению (просьба) диктора 1 (русский диктор, мужской голос), чем коммуникативные намерения дикторов 4, 6 и 3 (китайский диктор – мужской голос, японский и корейский дикторы – женский голос, $\epsilon = 0,62\%$, $\epsilon = 0,87\%$, $\epsilon = 7,67\%$, соответственно). Данные проведенного эксперимента позволяют, кроме того, дать количественную оценку близости коммуникативного намерения диктора 5 (японский диктор, мужской голос, $\epsilon = 4,52\%$) к коммуникативному намерению диктора 1 (просьба).

В таблице 4 приведены расчетные данные по оценке близости коммуникативных намерений дикторов №№ 1, 3, 4, 5, 6 к коммуникативному намерению диктора 2 (русский диктор, женский голос) при озвучивании одного и того же текста с различными коммуникативными заданиями.

<i>Таблица 4.</i>						
Оценка близости коммуникативных намерений русского диктора (№2) и коммуникативных намерений дикторов №№ 1, 3, 4, 5 и 6 – ε в эксперименте по озвучиванию одного и того же текста с типом коммуникативного задания, выбираемым по списку в случайном порядке (в процентах)						
Дикторы		Тип коммуникативного задания				
		нейтральная	приказ	требование	просьба	мольба
1	Рус. (муж.)			24,12	4,41	17,67
2	Рус. (жен.)	0,00		0,00		
3	Кор. (жен.)	4,90	26,06		12,08	
4	Кит. (муж.)	24,67	11,20		5,03	
5	Япон. (муж.)		56,33	22,31	4,75	22,19
6	Япон. (жен.)		6,71		3,55	

Анализ цифровых данных, которые приведены в таблице 2, обнаруживает достаточное превышение уровня интенсивности эмоционального процесса диктора 2, обусловленного его коммуникативным намерением (нейтральность или требование), над уровнем интенсивности его эмоционального процесса, обусловленного общим состоянием – тоном. Соответственно, по данным таблицы 4 можно судить о близости коммуникативных намерений дикторов 3 (корейский диктор, женский голос, $\epsilon = 4,9\%$) и 4 (китайский диктор, мужской голос, $\epsilon = 24,67\%$) к коммуникативному намерению нейтральности диктора 2 (русский диктор, женский голос). По данным этой таблицы можно также судить о близости коммуникативных намерений дикторов 5 (японский диктор, мужской голос, $\epsilon = 22,31\%$) и 1 (русский диктор, мужской голос, $\epsilon = 24,12\%$) к коммуникативному намерению требования диктора 2 (русский диктор, женский голос).

Общий вывод, который можно сделать на основе обзора результатов анализа экспериментально полученных данных, заключается в необходимости осуществления наряду с просодическим контролем объективного контроля экстралингвистических факторов речи при обучении иностранцев ее интонационным стереотипам. Выбор образцового диктора с целью обеспечения правильной количественной оценки отклонений интонации обучаемого в первом приближении может проводиться на основе данных таблицы 2 по максимальной отклику эмоционального процесса образцового диктора на его коммуникативное намерение.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что в практике обучения произношению необходимо учитывать как лингвистические особенности русской звучащей речи, так и экстралингвистические факторы ее порождения. Последовательное применение результатов анализа в дан-

ной области позволяет повысить эффективность обучения иностранных учащихся практическому русскому языку.

Л и т е р а т у р а

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющей современной лингвистической парадигмы (становление специальности «русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6.
2. *Артемова О.А.* Практическое пособие по анализу русской звучащей речи. М., 1995.
3. *Брызгунова Е.А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
4. *Брызгунова Е.А.* Интонация // Русская грамматика. М., 1979. Т. 1.
5. *Брызгунова Е.А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
6. *Всеволодова М.В.* Интонационные конструкции русского языка. М., 1967 (ротапринт).
7. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М., 2000.
8. *Всеволодова М.В.* Фонетические упражнения по русскому языку для поляков. М., 1960.
9. *Всеволодова М.В., Юдина Л.П.* Учебник русского языка для поляков (1-й год обучения). М., 1963.
10. *Долотин К.И.* Квазисегментная структура речевого сигнала как основа метода анализа экстралингвистических факторов речи // Вопросы филологии. 2006. № 3.
11. *Князев С.В., Пожарицкая С.К.* Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. Учебное пособие для вузов. М., 2005.
12. *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.

К проблеме изучения русской звучащей речи в лингводидактическом контексте

Аннотация

Статья посвящена некоторым вопросам изучения лингвистических и экстралингвистических особенностей звучащей речи, важным для практики преподавания русского языка как иностранного. Особое внимание уделяется закономерностям актуального членения русского звучащего предложения, которые с трудом усваиваются в иноязычной аудитории. Отдельно рассматривается вопрос о диагностике экстралингвистических факторов интерферированной звучащей речи говорящего по-русски иностранца.

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: TO THE PROBLEM OF ORAL SPEECH STUDIES E.L. Barkhudarova, K.I. Dolotin

Keywords: Russian as second language, oral speech, topic, focus, communicative, dialog, intonation, emotional

Abstract

The paper deals with some problems of studying linguistic and extra-linguistic features of oral speech, which are important for practice of teaching Russian as a second language. The rules of defining topic and focus in sentence are subject of special attention as far as such rules cause serious difficulties in the process of learning Russian by foreigners. The question of determining extra-linguistic factors of the Russian speech of non-native speakers is also taken into consideration.

Инвариантные коммуникативные параметры русского *вон* (материалы к словарю коммуникативных средств)

© доктор филологических наук М.Г. Безяева (Россия), 2013

Ключевые слова: коммуникативный уровень языка,
инвариантные параметры средств, алгоритм развертывания

В этой статье мы обратимся к проблематике, затронутой в нашей работе [Безяева 2008], опубликованной в сборнике «Язык. Культура. Человек», связанной с проблемой соотношения номинативного и коммуникативного в значении слова.

Отметим, что часть русских наречий, местоимения, в том числе и местоименные наречия, регулярно имеют своих лингвистических двойников, выступающих в роли частиц и союзов. Однако словарные толкования этих групп в существующих словарях принципиально отличны и не соотносимы в семантическом плане.

Русское *вон* на этом фоне выступает, казалось бы, некоторым исключением. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в одном из выделяемых значений наречие и частица в семантическом плане явно едины:

Вон разг. 1) наречие. *Прочь, долой. С глаз долой – из сердца вон. Выйти вон.*

2) частица. Требование уйти, убраться. *Вон отсюда!*

Впрочем, в других случаях описания значений *вон* видна все та же семантическая пропасть:

Вон разг. 1) мест. наречие. Указывает на происходящее или находящееся на некотором отдалении. *Вон он идёт. Вот туда идти.*

2) частица. Употребляется для подчеркивания количественного признака, меры, степени. *Вон ты какой сильный. Вон сколько книг.*

Кроме этого отмечается наличие просторечного *вона* в тех же значениях, а также возможность выступать в междометной функции (междометие, выражающее удивление в значении *какого*).

Мы постараемся еще раз показать, что регулярное появление двойников: наречий-частиц, местоимений и частиц – обусловлено единством их коммуникативных параметров при различном отношении к номинативному содержанию.

Напомним, что в своей работе мы исходим из того, что язык обладает двумя различными системами – номинативным и коммуникативным уровнями. В задачи первого входит отражение информации о дей-

ствительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Коммуникативный же уровень предназначен для отражения соотношения позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. Эта система организуется понятиями целеустановок, вариативными рядами конструкций, этим целеустановкам соответствующими, которые сформированы средствами коммуникативного уровня языка. При этом, как показывает анализ, эти средства обладают инвариантными параметрами, подчиняющимися алгоритму развертывания. Суть алгоритма заключается в том, что данные параметры могут иметь антонимическое развертывание и относиться к позиции говорящего, слушающего или ситуации. Кроме того, возможно варьирование по временным планам и по аспекту реальности ирреальности. При этом параметры могут быть связаны с конкретной ситуацией либо нормой.

Отметим, что упомянутое единство значений *вон* касалось номинативного (пространственного) аспекта их значения. Перейдем к описанию коммуникативных параметров русского *вон*.

Инвариантными параметрами русского *вон* на коммуникативном уровне являются следующие характеристики: этап невладения ситуацией (неконтролируемость, незнание, непонимание) говорящего (слушающего, третьего лица) сменяется знанием и пониманием варианта, соответствующего его интересам, который, тем не менее, не является в момент речи (в данный момент) окончательно реализованным.

Кроме этого *вон* осложнено параметром воздействия, а параметр соответствия – несоответствия интересам собеседников сближает его со средствами, обладающими характеристикой личной сферы.

Эти параметры присущи *вон* и в местоименной функции:

(Орнитолог и местный житель ищут тетеревов):

- Вон, вон, вон они полетели! / Вон, у согнутой берёзы!

(Поиск птиц сменяется знанием, что тетерева есть, но результат, соответствующий интересам собеседников – охота, съемка, обсчет, пока не реализован. Параметр воздействия актуализирует привлечение внимания собеседника.)

- Вы только ²вникните, ^{2³}друзья! / ^УВедь это Яуза. / И ³опя ть
¹стоим мы здесь ³втроём. / Вон/моторки по ней бегают. / А не кажет-
^{2/Λ}

3 3 3 2
 ся ли вам/, что из-за того поворота/вдруг выплывет наше счастье
 , 1
 -/ дырявая лодочка.

6 1
 - Ходячий валенок.

2
 - (...) Да разве это наша Яуза?

4
 - Наша!

5 \ 3
 - От прежней нашей Яузы ничего не осталось./ Смотри.

2
 - Наша, наша! (...)

(к/ф «Верные друзья»)

(На фоне оторванности от ситуации взрослого человека понимание, видение говорящим примет детства, но еще не полное погружение в эту ситуацию, что соответствовало бы интересам собравшихся. Воздействие на слушающих).

Отметим, что если русское *там* имеет параметр обобщенного знания, то русское *вон* вводит более конкретную информацию в соответствии со своими инвариантными коммуникативными параметрами.

2 4
 - Вовка!/ Тебе посылка!

2 2
 - Какая посылка?/ Где?

1 1 2
 - Да там, внизу. Бабу Веру спроси.

2 2
 - Баба Вера,/ а где посылка?

1 1
 - Вон, под лестницей стоит.

2 2
 - А от кого это?/ Кто принёс?

1 2³
 + Мужик какой-то./ А дожидаться не стал. Торопился, видать.

2 3
 + А, дядя Ваня.

(к/ф «Уроки французского»)

(Этап поиска сменяется знанием варианта, соответствующего интересам слушающего, но не полной его реализованностью. Каузация действий собеседника реализует параметр воздействия.)

Рассмотрим алгоритм реализации коммуникативных параметров подробней.

1. Позиция говорящего.

Неконтролируемость ситуации говорящим, знание варианта, соответствующего его интересам, который пока не реализован, воздействие ситуации на говорящего и говорящего на собеседника.

- Да я не понимаю,^{2³} / неужели у вас дома никаких дел нет?^{2 2 2}
- А вас что?³ / В завком избрали?²
- Ну! / При чём здесь это?^{3 2}
- А чего это вы моими семейными обстоятельствами стали интересоваться?^{2 2}
- Да нет!^{2³} / Ну действительно!¹ / Вот женщины.^{3 2} / Женщины² как звонок,² / так их фу!² / Как тайфун их всех отсюда уносит.² / А вы?⁴
- А вы?⁴
- Я?³ / Да что я?^{2 3} / Я из уважения к вам,¹ / из солидарности,^{2³} / так сказать,¹ этой... деловой.² / Да и то, сидишь как на иголках.^{1 3} / Мне жена / вон сколько написала.^{3 3 4}
- Ну вы идите.^{3 3} / Если вам так надо,⁴ / идите.
- Да? / Можно?⁷
- Конечно, мой дорогой... / А то от жены попадёт из-за меня.⁴
- Да!² / Да ладно,³ / уж что там... / Из двух зол.^{1 3} (...)
(к/ф «По семейным обстоятельствам»)

(Неконтролируемость, невладение ситуацией говорящим. Знание варианта, который соответствует его интересам, но который в данный момент не реализован. Воздействие ситуации на говорящего и попытка воздействия говорящего на слушающего.)

- Что случилось?²
- Ну что это такое?^{2 2} / Что у вас?⁶ / Женских коек, что ли, нету?^{6 2} / Посадили с каким-то там / этим!^{6 2³} / Ну он уже вон видите! / Ну как же так? / Это же...

3
- Что?/ Пристаёт?

(к/ф «Родня»)

(Неконтролируемость ситуации говорящей, понимание нормы как варианта, соответствующего ее интересам, возможность реализации этого варианта, который пока не реализован. Воздействие ситуации на говорящего, воздействие говорящего на собеседника.)

При реализации алгоритма возможно антонимическое раскрытие каждого из параметров.

2. Неконтролируемость ситуации говорящим, незнание ее подлинной характеристики после воздействия ситуации на говорящего сменяется знанием варианта, который соответствует (не соответствует) его интересам и доступен ему, реализован.

1 6 6 6 6 1
- Ничего./ Вот жили,/ работали,/работали/ жили,/ а беда-то
3 1 1 1 1
она вон,/ как собака,/ за воротами ходила./ А знать, не беда это
3 6'
была,/ когда вон , как мне всё показала.

2 2
- Чего показала-то?

х2 6 4 2
- Как я тебя люблю,/ как ты меня любишь,/ какие дети у нас
2
с тобой хорошие.

3² 4
- Так дети у нас в самом деле хорошие./ Точно.

(к/ф «Любовь и голуби»)

Возможна и «зеркальная» реализация параметров.

3. Невладение ситуацией, незнание, непонимание говорящего.

Период знания, владения ситуацией сменяется периодом незнания, невладения говорящим вариантом развития ситуации, который бы соответствовал его интересам. Воздействие ситуации на говорящего.

2 3
- Ой, правда, Вась./ Ой, рази я думала раньше,/ что ты вот
3 1 5 \
так раз/ и куда-то вдруг денешься./ Никогда не думала,/ А те-
4 6 6
перь вот про всё думаю./ Про войну,/ про капиталистов этих про-
< 2 2
клятых./ Ой! Вась!/Чего ж они на нас всё рыпаются?

2
 - Хъ! Нашла об чём думать-то!
 6
 - Война тоже...
 2
 - Чё война?
 1 6 2
 - Разлучница./Ведь не знаешь/ вон как детей рожать./ Кака
 2 жизнь им достанется.../В какой огонь-воду их головой сунет.../ Как
 2 судьбой ихней распорядятся...

(к/ф «Любовь и голуби»)

Русское вон может передавать и ложное непонимание ситуации.

(Разговор героини и её возлюбленного - женатого человека):

3 \ / 3
 - Лидочка? Видишь?
 3
 - Новая хата.
 2 6 1
 - Ну зачем ты так цинично./ Я бы назвал/ это смена явки./
 3 1 3 3
 Пароль тот же./ Ты знаешь./ Рыжов уехал в Ленинград /и оставил
 1 6 6
 нам это./ Так что после работы/ мы с тобой/ до двадцати трёх
 1 часов...
 6 3
 - А после двадцати трёх/ возвращается Рыжов?
 1 1 3
 - Нет,/ это я должен до двадцати трёх./ Рыжов/ уехал на не-
 1 делю.
 2 6
 - А! / Вон оно что.
 1 3 1 \ / 3 1
 - Ну Лидочка! Это / уже ниже пояса./ Ты же знаешь!/ Ну
 1 3
 что ты!/ Ну!
 2 1 1 1
 - М! / Ну ладно./ Ну прости меня,/ прости
 1 1 1
 - Ну хорошо/, хорошо./ Хорошо.

(к/ф «Ребро Адама»)

Вон вводит ложное непонимание ситуации говорящей, демонстрацию того, что сообщение партнера реализовало вариант, который соответствует ее интересам как собеседницы, и демонстративно подчеркивает период усвоения информации, выводы, которые еще надо сделать, незавершенность процесса мышления. Этому способствует взаимодействие с ИК-б с ее параметром знания в данном случае реализованный

как переход от незнания к знанию. Насмешка сразу же воспринимается собеседником.

2
- Вызывали? /
3
- Вызывала. / Вызывала. / в общем, скажу тебе так, Егор. /
2 1 2
Если ещё раз / увижу твоих овец на зеленях, / всё /, оштрафую. /
3
Понял?
/ 1 1 1
1 - Мг. / Ну спасибо, / Александра Васильевна. / А то ведь и
6 6 2
вправду сробел: / А ну как ты меня по первому же разу оштрафу-
ешь. / Боязно. / Ведь ты у нас ух! /
7 7 3
- Ну! / Ты на рожон-то не лезь. / Ведь я как сказала / так и
4 3
будет. / В Эртеесе был?
6 4
- Ах вон оно что? / А я уж думал, / что из доверия у тебя
2^/\ 1
вышел. / Уж больно ты на меня ополчилась.
- Довольно, / надоело, не будь ты бабой. / Надоело. / Что ж,
4
мне, что ли, прикажешь, с ними водку пить?
1 2
- Ну ладно. / Давай деньги.

(к/ф «Простая история»)

Аналогично.

Заметим, что в отличие от вот оно что, которое ввело бы реализацию варианта, соответствующего интересам говорящего и затрагивающего его личную сферу вон подчеркивает предварительное невладение ситуацией говорящим, пусть в ряде случаев и ложное.

4. Невладение ситуацией говорящим и противопоставленность развития ситуации норме как варианту, соответствующему интересам говорящего, который в данный момент не реализован. Воздействие ситуации на говорящего, говорящего на собеседника.

(Появляется якобы умершая баба Шура. Дядя Митя):

3
- Откопались уже?
у2
- Ой!
2
- А чой-то ты?
2 3 2
- Сон рассказываю. / Приснится, / зараза такая!

1 1 2 2 2
 - Надь, / а чой-то ты поишь-то его! / На... / А что такое, /
 6 2³ 6 2
 Надь! / А чо ты наливаєшь-то ему? / А что тут делается-то у вас? /
 2 2³ 4
 Я спрашитаваю, / чо происходит-то у вас? / Я тут за ворота / он уже
 2 2 2 3 3 3
вон / нарисовал с я. / Он уже выпиват у меня тут, / а? / А? / ... / М? /

2
 - Беги, дядя Мить!
 2³
 - Тётя Шур! / Он же тебя похоронил.
 3
 - Чо?

1 3 1 2
 - (Смех) Из морга, говорит, / тебя завтра / привезут. / Ой, /
 2 2
 паршивец, / паршивец!

(к/ф «Любовь и голуби»)

Модальная 2/Λ дополняет смысл непониманием следствием чего является столь небенефактивное развитие ситуации, отклоняющейся от нормы.

Заметим, что русское *вон* способно антонимически реализовывать параметр воздействия

5. Отсутствие воздействия на говорящего.

Неконтролируемость ситуации говорящим, нежелание в данный момент реализовывать вариант, соответствующий интересам собеседника и социума.

6
 - А остальные (гильзы для тракторов) когда будут?
 ' 2
 - А кто их знает?
 1 3 3²
 - Слушай-ка, / а может можно / как-нибудь побыстрее.
 6
 - Да вон их сколько стоит.
 2 x 2 2 3
 - Ой! / Черти вас обдирают! / Чтобы я с вами / ещё раз свя-
 3
 залась с ремонтом! / Да у себя всё / в колхозе будем делать.
 6 2
 - Да баба с возу, / кобыле легче.
 2/Λ
 - Сказала б я тебе (...).

(к/ф «Простая история»)

6. Невладение ситуацией слушающим, владение ситуацией говорящим (может быть и на фоне предшествую-

щего невладения), воздействие на собеседника с целью реализовать вариант ситуации, осознаваемый говорящим как соответствующий его интересам либо интересам слушающего, что в данный момент не реализовано. Каузация.

Параметр невладения, непонимания ситуации может быть связан с позицией слушающего. Эта реализация частотна при выражении разных типов волеизъявления, в конструкции которого анализируемая единица и может включаться. Однако присущий ей параметр воздействия может осложнять структуры самых различных типов целеустановок, осуществляя функцию «скрытой» каузации.

- ² - Вась,/ а Вась!² / Ну!⁴ / чего ты молчишь?² / Я знаю, что ты тут.⁴
- Чего?²
- Поди вон это.../ воды, что ль,/ натаскай!^{6 2 3}
- Да в бани-то/ полна кадушка.^{2 3 \ /}
- Да где?²
- Мы с Лёхой-то/ натаскали вчера^{3 \ /}.
- Да постирать⁴ я хотела.
- Дьк ты эту ещё используй,⁴ / чо о ты!²
- Я [ш:'ас] тебя использую! / Я [ш:'ас] тебя, паразита, так использую!² Куда тридцатку дел,/а? / Ты что же такой бессовест-^{3 2 3 \ / 2} ный-то,^{3 \ / 3'} / а? / Ну, если голубей купил,² / захлестну!² / Вместе с голубями захлестну паразита!²

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Невладение ситуацией слушающим и каузация варианта, соответствующего интересам говорящей, который якобы не реализован. Заметим, что в данном случае борются подлинные и скрытые интересы, подлинная и приписываемая неосведомленность, но реализация та же)

- Ну чо расселись-то,² / ей Богу!^{2 3} / Автобус вон уже! (Людка)⁶
- Чайку на дорожку!
- Н-да!² / Вижу/² я что за чаёк-то!²
- Людк,² / ты матери-то не говори,¹ / а?^{1 3}

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Невладение ситуацией слушающими, осознание варианта, соответствующего интересам собеседников и говорящей, воздействие на слушающих информацией, которая до данной минуты не была известна слушающим или не принималась ими во внимание, почему вариант и не реализован.)

- ²Конечно!/⁷ Где ж ему ⁷быть-то./ ¹как не здесь.
- ²Да, ³Надюх!/² Я только пару ²кружечек-то!/² Вкус-то не ²за-
²быть! Ага...
- ^{h1}Ага...
- ²Давай сумку...
- ²Ясно!
- ...³помогу./ ³Тяжёлая, ²небось,/а?/² Давай.
- ¹Конечно./ ⁷Нашёлся ⁷помощник./ ¹Пожалёл./ ³Ну!/³ Филипова не
³видел?
- ³А?/¹ Не./ ²А чего?
- ¹Конечно./ ²Разве ты ³дома-то/⁴ ⁴посидишь?/⁴ Ищет он тебя!
- ²А чего такое?
- ⁴Вон у него ⁴лебёдка ²сломалась, ⁴порожняк ²пришёл,/ ⁴просил
⁴тебя ²подсобить./ ²Беги на ²Лесное.
- ²Ух ты!/² Ежкин ³кот!/³ Ну дък ³побежал я/³ Ага...
- ²Давай,/ ²давай.

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Невладение ситуацией слушающим. Владение ситуацией говорящей. Воздействие на слушающего информацией, которая знает героиня, но не знает слушающий, и которая заставит его реализовать вариант, соответствующий его интересам, что в данный момент не реализовано.)

- Хотела найти контакт, / ты человек робкий, / Думала...хо! / Но
1 1
придётся тебе самому всё решать. / Осторожней, милый. / Так испор-
3 6
тишь и Масне, / и иголку.

- Значит, / ухожу я.
3 1

- Подожди, / мне надо решить.

- Не-не, / не-не! / Ничего решать не надо. / Я пошёл.
h/ 2 1 1

- Куда?
1 1

- Куда-нибудь. / Я уже собрался.

- Как! / Т[ъ]... / Что ты намерен вообще?
2ъ 3

- Ага.
3

- А я?
4

- Ну зачем я тебе, / Рай? / Вон/ носки, / рубашки стирать не
2 2 3 1 ' '
умею.

- Но ты же научился.
4

- ...Матерюсь! /
3²

- А мне нравится. / Это пикантно. / Хочешь? / Ёжик кот! / я
4 4 3 1
тоже буду.

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Попытка говорящего оказать воздействие на героиню, явно не понимающую ситуацию, приведя информацию, которая позволит реализовать вариант, соответствующий его интересам, но который в данный момент не реализован).

Заметим, что русское *Вон!*, передающее раздраженное требование, связано с внезапным осознанием говорящим полного отклонения ситуации от нормы как варианта, нарушающего интересы говорящего (социума) и каузацией изменения ситуации при осложнении коммуникативного значения номинативными пространственными характеристиками.

7. Невладение ситуацией собеседником, отклонение от нормы его поведения, знание варианта, который соответствует интересам говорящего, но в данный момент не реализован. Воздействие информацией об отклонении поведения от нормы на

слушающего с целью изменения ситуации. Введение информации об отклонении от нормы социума как нормы поведения собеседника в качестве фактора, способного повлиять на изменение позиции слушающего.

3 / / 2
- Ах! (Втяг) Раз-били!

3
- Можно попробоваь склеить.

3,
- Это же Кузнецов!

1 1
- Мамочка, / это к счастью.

3 3
- Да? / Может быть, скажешь к какому?

3
- Ну Игорь же не нарочно!

3
- А ты хочешь, чтобы он ещё и нарочно это всё деалал?

1 5 \ 5 \
- Мама! / Ну как тебе не стыдно? / Из-за какой-то чашки?! / Ты

2
сама их вон сколько уже разбила!

3
- Ты зна³ешь, кто её покупал! / Ты зна³ешь, сколько этой
, чашке 2 лет! / Это же покупал твой папа! / А вы в дом / что-нибудь
3 2 2
купили? / Вы только бьёте / то, что другие наживали годами.

2
- (Игорь) Всё!

3 \
- Игорь?

2
- В понедельник купим новый сервиз!

3²
- Игорь!

2
- Обедаем в кафе!

3
- Игорь!

2
- Я здесь больше есть не буду!

2 2
- Ох! / Напугали!

2 2 2
- Мама! / Тебе посуда дороже людей! / Я из-за тебя мужа поте-
ряю.

2
- Не велика потеря.

(к/ф «По семейным обстоятельствам»)

Данная реализация может актуализировать непонимание нормы слушающим или третьим лицом.

3 1 1
- Мне, Надюх, / без тебя / шибко тошно. / Я ведь / как дурак. /
3 2 3
Ну не нужны тебе голуби-то, / ну и чёрт с ними, / Я их / разгоню
2 2
их, ёжеин кот! / Я ведь / как медведь, Надь, / из угла в угол-то
3 6
хожу, / ни про чего думать не могу.
4
- Ну!
2 6
- Жизнь мне такая..
2 2
- Ой! / Не ругайся!
1 2
- Так я так... / Я ведь чо с голубьями-то вошкался..
1 3 4
- Жёлта вода тебе / в башку ударила, / вот ты и вошкалси.
2 2
- Ну чо ты, / что ты говоришь-то?
2 / \ 3 2 ' 2
- Чо? / Ничо. / Стыдобищца! / Все мужики как мужики, / а этот
2 > 2 > -
связался вон с пацанами, / давай по крышам «фить», «фить». / Пряма
2 2 ' ' ,
людям в глаза смотреть совестно!
3 3
- Ага! / В карты лучше, что ль, протирать-то, / ага?
3 2 / \ \ 1
- А я / ничего не говорю тебе про карты. / Те, как по-
2 6 6
лоумные, вон / в шестьдесят шесть режутся, / а ты по крышам пры-
2 3 2
гашь... / Какая разница-то? / Что то зараза, / что то зараза.
(к/ф «Любовь и голуби»)

(Непонимание нормы слушающим или третьим лицом и противопоставление реализованного варианта развития ситуации норме. Следование норме соответствовало бы интересам говорящего и социума, однако этот вариант не реализован. Воздействие ситуации на говорящего и воздействие говорящего на собеседника с целью изменения ситуации.

Эта реализация может иметь модификацию, актуализирующую введение информации о норме социума как воздействующего фактора.

7а. Невладение нормой развития ситуации собеседником, введение говорящим информации об обстоятельствах, соответствующих норме, что может позитивно воздейство-

вать, повлиять, изменить поведение слушающего (или третьего лица), что пока не реализовано.

- А миленький! / Пришёл!
3/\ 2/\
7 7 1
- Нет, / не пришёл! / Я домой иду.
2 2
- Бессовестный! / Вон, смотри все мужики на сенокос вышли.
4
- А ты.
1
- А у меня перерыв.
1
- А у тебя уже целый год перерыв.

(к/ф «Простая история»)

- 3 2
- Ой! / Господи!
- Конечно! / Дёргать мы все умеем. / Висит ручка, / чего не
2¹ 2 2 2 6 2¹
дёрнуть. / Люди вон стараются, / вешают. / Нет, / а нам дела нет. /
2/\ 2
- Каждый хочет свою силу показать! / Руки у них чешутся. / Возьми,
∩ 2 ∩ 2 2 2
спокойно, тихонько, потяни. / Нет, дёргать, так уж со всей
2 2/\ 2 3
силой. / В своем доме так дёргать не будешь, / а в чужом доме -
2/\ 2 3
пожалуйста, / всё, что под руку попадётся. / Новый крюк вбить /
или скажем, кольцо преремнить, / этого от них не дождешься. / А
3 2
вот глупые надписи на стенах писать - это мы мастера, / это мы
2 3² 1
умеем. / Ну вот, / теперь нормально, / можно звонить.
- 2
- Ой!
- ∩ 4 4 6 4
- Ну вот, / другое дело. / Господин пастор, / прошу вас.

(к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»)

В то же время русское вон может актуализировать реализацию, связанную с расхождением позиций говорящего и слушающего по отношению к третьему лицу.

76. Позиция говорящего и слушающего по отношению к третьему лицу расходятся. Воздействие на говорящего позиции третьего лица, отсутствие воздействия на слушающего.

Попытка повлиять на позицию слушающего, не осознающего, какой вариант соответствовал бы интересам социума и третьего лица. Воздействие на собеседника информацией с целью изменить его позицию.

- Не важно./ Родственница./ Вы что с человеком делаете?/
 , 2^2 2 4 6 6
Сами-то/ вон как живёте! / А он? Большой весь насквозь./ Пьёт
 3 3^2 3 2 2
 всякую гадость./ Ведь/ он же тебе отец./ А ей / муж./Ну как это
 2 6
 на свете люди/ живут сердца никакого нету./ Да вам тут всем на-
 2 3 1 3^2 3
 плевать друг на дружку./ Наплевать и всё./ На а как же! Живёт
 4 3 1
 человек./ слава тебе Господи./ умер./ ещё лучше./ Да ведь вас тут
 2 6 6 6 3 1
 что:/ музыка,/ волосы,/ такси, страсти-мордасти/ и всё./А то,
 2 2 2
 что отцу родному не на что даже на работу доехать./ что он заги-
 3^2 6> 2
 бается./ вам тут всё равно.

(к/ф «Простая история»)

7в. Невладение ситуацией собеседником, осознание говорящим подлинно небенефактивного варианта, не соответствующего интересам говорящего и собеседника, реализуемого третьим лицом, попытка говорящего воздействовать на собеседника.

- Шушукались всё с отцом./ 2 прятались./ Вот теперь/ народит 3
 3 3 2 1 2
 тебе других-то./ узнашь./ Мамка-то твоя плохая./ тута дома./ а
 3 6 2 2
 папка-то твой хороший/ во-на/ другу мамку себе займел. / Так иди
 к ней.
 2
 - Ма- моч-ка!
 2 2^2 2
 - Иди к ней!/ Она, небось, добрая!/ Небось не ругается.
 2\ 2
 - Да перестаньте!/ С ума...

(к/ф «Любовь и голуби»)

Русское *вон* способно передавать и следующую модификацию параметров.

8. Неподконтрольность развития ситуации, предварительное незнание, отсутствие представлений о реализации варианта, отклоняющегося от привычной качественной или количественной нормы. При этом ва-

риант, возможность реализации которого до данного момента говорящий и собеседник не осознавали, соответствует их интересам.

6 1 3'
- А ты / боялась, Надюха! / Понимать надо! / Вон какого
2
парня-то вырастили!

(к/ф «Любовь и голуби»)

9. Русское вон может передавать и неподконтрольность развития ситуации для собеседника, вводить вариант, возможность реализации которого собеседник не представлял, что может соответствовать, например, интересам говорящего, но не соответствует интересам слушающего.

2x
- Как?
2^//
- Может, сказал кто?
2 , 2 3
- Кто сказал-то? / Кто знает? / Может, по лицу поняла?
6 3 2 1
- Чо по лицу? / Я знаешь, на людях-то, как хмурюсь, стараюсь.
1
- Старайся / не старайся, / глаза-то не замажешь. / Вон как
3
светят, аж слепят!

(к/ф «Любовь и голуби»)

Таким образом, инвариантные параметры русского вон и алгоритм их развертывания в очередной раз объединили всю, казалось бы, пеструю картину использования различных частей речи в функционирование единой коммуникативной единицы.

Выделенные при анализе конструкций разных вариативных рядов разных целеустановок инвариантные коммуникативные параметры вон позволяют этой единице входить в три коммуникативных поля: поле компетентности, поле воздействия и через параметр интересов сближаться с полем личной сферы.

Л и т е р а т у р а

1. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
2. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражений пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
3. Брызгунова Е.А. Интонация и полифункциональные словоформы // Современный русский язык. М., 1997.

4. *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
5. *Безяева М.Г.* О номинативной мотивированности коммуникативных значений // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005, №4.
6. *Безяева М.Г.* О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // *Язык. Культура. Человек.* М., 2008.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка.* М., 1994.
8. *Шведова Н.Ю., Белоусова А.С.* Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1997.
9. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.

**ИНВАРИАНТНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
РУССКОГО *ВОН*
(МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ)**

Аннотация

Статья посвящена наличию инвариантных параметров различных частей речи, позволяющих им выступать в качестве единой коммуникативной единицы, подчиняясь алгоритму развертывания.

**THE INVARIANT COMMUNICATIVE PARAMETERS OF RUSSIAN «ВОН»
(MATERIALS FOR DICTIONARY OF COMMUNICATIVE MEANS)**

M.G. Bezyaeva

Keywords: communicative language level,
invariant parameters of funds, the algorithm deployment

Abstract

The article is devoted to the existence of invariant parameters of different parts of speech, allowing them to act as a unified communicative units, subject to the algorithm deployment/

Нужна ли грамматика русского языка в китайских аудиториях?

© кандидат филологических наук Ван Янчжэн (Китай),
Чэнь Мин (Китай), 2013

Ключевые слова: грамматика, изучение иностранного языка,
курс русской грамматики,
функционально-коммуникативная грамматика

Отмечая юбилей М.В. Всеволодовой, мы очень рады, что можем вместе с нашими коллегами обсудить проблемы, которые существуют в нашей преподавательской работе в китайских аудиториях.

Мы хорошо знаем, что грамматика – это один из важных аспектов любого языка. Особенно этот аспект важен в освоении другого, неродного, языка. Нам трудно представить изучение иностранного языка без изучения его грамматики. Грамматическая наука осваивает и реализует знания о языке, накопленные многовековой традицией.

Наука о русском языке, история которой насчитывает более 250 лет, оставила нам богатейшее наследие. Как крупнейшие вехи на этом пути мы можем назвать имена М.В. Ломоносова, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и многих других подвижников. Основы российской грамматической науки заложены М.В. Ломоносовым. После него с 50-х годов по 80-е годы XX века были выпущены три академические грамматики, не говоря уже о многих других авторских вариантах русской грамматики. Каждый китайский преподаватель-практик на своем опыте осознал, что научить своих студентов общению на русском языке, опираясь на русские традиционные, в том числе и академические, грамматики, малоуспешно. Коммуникация на языке не обеспечивается знанием теоретических положений и умением анализировать выделенные из художественного текста, пусть самые сложные, предложения. А именно таков практический, я бы сказал, прагматический выход русских традиционных грамматик в процессе обучения.

Общение на языке предполагает, как известно, двусторонние действия с языком: 1) рецепцию, то есть восприятие как письменной, так и живой устной речи, и 2) продуцирование речевых образований, опять же в устной и письменной форме: от реплики как в бытовом, так и в деловом диалоге до диплома, статьи, диссертации, доклада на научном форуме или соглашения и договора между деловыми партнерами. Сверхзадачу традиционных теоретических грамматик можно сформу-

лизовать как представление системы и структуры языка в первую очередь с точки зрения и для его носителей в рамках современной лингвистической парадигмы. Мы знаем, что прикладное использование таких работ, не только традиционных, но и оригинальных, авторских, как уже сказано, по крайней мере, в нашей практике сводится к формированию в лингвистическом сознании студентов определенной лингвистической парадигмы. Наши студенты понимают словосочетание узко, только как непредикативную структуру, по-виноградовски, или широко, как и предикативную, по-фортунадовски; считают ли они слово *наперерез* в сочетании *наперерез беглецу* наречием или предлогом, а словоформу *у мамы* в предложении *У мамы ангина* – субъектным детерминантом, как это предписывается Академической грамматикой, или подлежащим, как это считает Г.А. Золотова, для которой словоформа *ангина* в этом предложении – сказуемое, или чистейшим дополнением – в чем не сомневаемся мы. Существует и много других антиномий. Но если целью является обучение активному владению речью на русском языке, то оказывается, во-первых, что вопросы о том, предлог это или наречие, дополнение или подлежащее, оказываются принципиально важными, разумеется, не для студентов, но для их преподавателя. Ведь понимание многих явлений, осмысленных в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, даст адекватные задачам методы презентации и отработки материала; позволит отказаться во многих случаях от бессмысленного задания «Запомните!»; а во-вторых, что само описание языка, количество языковых фактов и факторов, учтенных в русских грамматиках, явно недостаточны для успешного решения задач обучения иностранных учащихся.

Сегодня у нас в Китае в средней школе, где преподают еще русский язык, в учебниках, новеньких уже, не появляется слово «грамматика», хотя она существует на самом деле. У составителей этих учебников была идея не упоминать в книге правила и слово «грамматика», чтобы ученики не специально запоминали грамматические правила. По их словам, это «имплицитная грамматика». Одновременно и в китайских вузах, где есть факультеты русского языка, относительно долгое время не было специального курса русской грамматики. И до сих пор не во всех факультетах русского языка в Китае выделен специальный курс русской грамматики.

По-моему, грамматика нам нужна. Особенно для студентов, которые изучают иностранный язык. Ведь они люди взрослые. Нам нужна прикладная коммуникативная грамматика русского языка. Это не грамматика А.В. Бондарко и Г.А. Золотовой, а ФКГ, конкретные зачинатели которой профессора МГУ М.В. Всеволодова и Э.И. Амиантова.

Анализ материала и, главное, осмысление законов и закономерностей функционирования языковых единиц в речевых построениях, показали, что адекватное описание русского языка в прикладных целях базируется на фундаментальных положениях, которые не всегда совпадают с таковыми в традиционной грамматике, в первую очередь, потому что традиционная грамматика рассматривает язык в его статике, в то время как мы постоянно имеем дело с языком в его синхронной динамике, в его функционировании. В качестве примера (пример Г.А. Золотовой) таких несовпадений в рамках синтаксиса назовем, например, понятие односоставности и безличности по отношению к таким структурам как *Мне пора уезжать, Отцу нездоровится, Меня знобит*; Вот хрестоматийный пример: *Вы выходите на крыльцо. Вам холодно немножко... Вам дремлетя... Над вами, кругом вас – туман...* (по Тургеневу). *Вы выходите...* – двусоставное предложение – Но *Вы* здесь обобщенно-личное, а обобщенно-личные предложения – по схеме разновидность односоставных. *Вам холодно, Вам дремлетя* – безличные, но сообщают о предикативном признаке лица, притом опять обобщенно-личного субъекта. Так личные они или безличные? Односоставные или двусоставные? Безличные или обобщенно-личные? *Над вами – туман* – односоставное с обстоятельством места? *Туман* – подлежащее или сказуемое? А может быть, *Над вами* – подлежащее, называющее место, пространство, а *туман* – его предикативный признак? Но *Над вами* – опять обобщенное лицо... и т. д.

Сопоставим понятие регулярных реализаций, привязанных к конкретной структурной схеме, в Академических грамматиках и понятие системы парадигм предложений, объединяющей все речевые реализации одного содержательного инварианта – типовой ситуации, закрепленной в денотативной структуре и наиболее объективированно представленной в прототипической, изосемической изоморфной модели предложения.

Система парадигм предложения [Всеволодова 2000] представлена двумя классами: синтаксической парадигмой («синтаксическое поле предложения» в концепции Г.А. Золотовой [Золотова 1982]) и коммуникативной парадигмой с двумя подклассами: актуализационной парадигмой, членами которой являются все возможные реализации актуального членения, включая парцелляцию, именительный темы и развертывание простого предложения в сложное [Чекалина 2003] и наоборот, и трансформационная (или интерпретационная в терминах В.А. Белошапковой) парадигма, включающая все возможные синонимические перефразировки исходной прототипической модели: описательные предикаты, конверсивы и синонимические трансформации. Понятие системы парадигм позволяет нам увидеть, что предложения:

Отец завтра уезжает, Тебе еще вчера нужно было уехать, Его отъезд назначен на среду, Среда – день нашего отъезда и мн. др. – суть разные речевые реализации одной прототипической ситуации, причем сама ситуация являет собой лингвистическую универсалию и всегда имеет некоторый формализованный прототипический способ выражения в любом языке. Набор же конкретных речевых реализаций в языках может не совпадать, соответственно в случае необходимости нужно научить студента по крайней мере понимать или даже продуцировать соответствующие реализации. В качестве примера приведем предложение *Мальчик бегло читает* (пример М.В. Всеволодовой), формальный коррелят которого есть во всех языках, и его абсолютно узуальные для русского языка трансформы: *У мальчика беглое чтение, Беглость чтения у мальчика высокая*, – коррелятов которым нет ни в английском, ни в итальянском, ни в корейском, ни в китайском языках. Понятие синтаксической парадигмы (синтаксического поля) предложения, позволило нам обнаружить взаимодействие разных исходных моделей. Например, известно, что в русском языке отношения владения передаются двумя типами моделей-конверсивов: *У меня есть собака* и *Я имею собаку*. Анализ синтаксической парадигмы этих предложений показал, что структурно-семантическая модальная (с внутрисинтаксической модальностью) модификация первого типа реализуется для модальности возможности: *У меня может быть собака*; долженствования: *У меня должна быть собака*; но невозможна в рамках простого предложения для модальности желания. Здесь либо должна использоваться модификация второй модели: *Я хочу иметь собаку*; либо трансформ *Мне хочется иметь собаку*, несколько отличный по смыслу от *Я хочу*, либо необходимо развертывание в сложное предложение: *Я хочу, чтобы у меня была собака*.

Оговоримся сразу, что подчеркиваемые нами здесь и далее отличия от традиционной грамматики ни в коем случае не означают ее полного отрицания. Для нас практические потребности выдвинули на первый план не проблемы классификации лингвистических единиц и объектов, а необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление языковыми средствами передаваемого ими внелингвистического содержания как некоторого объективного положения дел, вычлененного языковым сознанием и иногда осложненного нашими субъективными «добавками». Актуальными среди языковых механизмов оказались для нас коррекционные (обеспечивающие правильность смысловую и формальную правильности наших речевых построений) и коммуникативные (обеспечивающие решение коммуникативных задач говорящего) [Всеволодова 2000].

В ФКГ роль синтаксиса как системы, синтезирующей и организующей все другие уровни языка, выявила теснейшую взаимосвязь практически всех уровней языка, включая звучащую речь. Лексика выступает в ФКГ как информационно-тематическая основа общения, составляющая интегральную часть, тело синтаксиса и грамматики текста. В ФКГ особое место занимает семантика грамматических форм, выявляющая неразрывную и многоаспектную связь лексики и грамматики.

Единицей обучения здесь является не абстрактная модель (предложение), а конкретная речевая реализация модели (предложение-высказывание), включающая в качестве базового уровня его денотативное содержание, в качестве коммуникативной установки – его сигнификативное осмысление и коммуникативную направленность, обусловленную коммуникативной стратификацией текста и/или дискурса, и в качестве средства реализации этих стимулов – его формальную устроенность. Одно и то же содержание может быть выражено достаточно большим (иногда до ста реализаций) количеством трансформов и актуализационных модификаций. Надо, чтобы наши студенты знали особую роль в речевых построениях невербализованных модусных компонентов.

Существует такое мнение, что преподавание языка – это проблема чисто методическая, лингвистический аспект которой успешно обеспечивается системной грамматикой данного языка. Практика нашего преподавания русского языка показала, что системная, или формальная грамматика не может быть положена в основу преподавания языка китайским студентам потому, что, представляя систему языка, она не описывает, во-первых, содержательный аспект языка, а во-вторых, закономерностей функционирования языковой системы в живой речи, в процессе которого многие системные связи и положения не только нарушаются, но часто и принципиально перестраиваются, так что на ее основе нельзя обучить их активному владению русской речью. Соответственно нам нужно такое грамматическое описание русского языка, которое удовлетворяет этим требованиям.

Нам нужна не просто описательная, а, как предлагает М.В. Всеволодова, объяснительная грамматика, где нам нужно объяснить (а не предложить запомнить), почему для слова *мачта* форма род. мн. *мачт* (много *мачт*) есть, а для слова *мечта* – **мечт* – нет и т. п. Пока ни в русских грамматиках, ни в словарях не выделяются такие целостные предложные образования как *за ... до...*: *за час до урока*, *через... после...*: *через год после школы*, *к... от...*: *к югу от озера* и др., но такие составные дистантные предлоги работают как самостоятельные единицы со своими «правилами поведения».

Хотим еще высказать свое мнение. Нам нет смысла отказываться от категории членов предложения, как это сделано в ГР-70 и РГ-80, но мы не можем и распространять, например, понятие «подлежащее» на косвенные формы существительных, как это имеет место в концепции Г.А. Золотовой [Золотова и др. 1997]. Для нас важно, что:

а) в русском языке члены предложения связаны не с передачей содержания, и подлежащее и сказуемое не есть субъект и предикат, ср.: *У мамы – ангина* – где в позиции подлежащего – предикат, а субъект выражен дополнением. Категория члена предложения – это иерархизованная система коммуникативно значимых позиций. Если АЧ выделяет исходную и главную информацию, то члены предложения позволяют индивидуально градуировать коммуникативный ранг словоформы. Одно дело (пример М.В. Всеволодовой): *Маша читает бегло*, другое: *У Маши беглое чтение*, и третье: *У Маши – безглость в чтении*. Именно эта функция члена предложения объясняет большой трансформационный потенциал русского предложения;

б) члены предложения определяются не субъективными вопросами, которые к ним ставят, а объективным набором чисто языковых критериев, единым для всех членов предложения, и – в ряде случаев – актуальным членением.

Русский язык отличается от китайского языка. Он морфологичен, и синтаксис не может быть отделен от морфологии, как, в частности, и от словообразования. Этот даже более узкий, нежели в традиционной грамматике, подход обладает в ФКГ большой объяснительной силой. В идеале нам нужно, чтобы грамматика носила объяснительный характер и на уровне морфологии. На позицию подлежащего мы легко ставим предикат: *У мамы ангина*; или имя объекта: *У меня есть собака*; свободно транспонируем в эту позицию сказуемое прототипического предложения: *Завтра больного оперируют* – *Завтра у больного операция*; *Взорвалась бомба* – *Произошел взрыв бомбы*; определение: *Мы восхищались изящными движениями девушки* – *Нас восхищало изящество ее движений*; и даже вводные слова: *Барсук питается в основном корешками растений* – *Основное в питании барсука – корешки растений*. С другой стороны, глагольное сказуемое, в силу того что на нем лежит ответственность за выражение целого ряда других строевых категорий, имеет относительно невысокий коммуникативный ранг по сравнению, скажем, с субстантивным сказуемым, ср.: *Он столяр* – *Он столярничает*; *Он поэт* – *Он пишет стихи*. Можно сказать, что коммуникативную направленность высказывания в русском языке обслуживают две категории: актуальное членение и система членов предложения; каждая по-своему.

Это наши подходы к преподаванию грамматики русского языка в китайских аудиториях. Еще раз подчеркиваем, что, изучая иностранный язык, грамматика языка нужна. Без ее специального изучения взрослый человек не сможет хорошо овладеть литературным языком той страны, чей язык он хочет знать и тем более, чтобы им овладеть.

Л и т е р а т у р а

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета, Серия 9. Филология. 2001, № 6.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
3. *Белякова Н.Н.* Как строится русский глагол? Особенности формообразования, морфология, ударение. СПб., 2002.
4. *Ван Янчжэн.* Предложение: содержание, форма, парадигмы. Пекин, Шанхай, Гунчжоу, Сиань, 1996.
5. *Всеволодова М.В.* К вопросу о коммуникативной парадигме предложения // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. М., 1997.
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Учебник. М., 2000.
7. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н.* Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
8. *Всеволодова М.В., Го Шуфень.* Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. М., 1999.
9. *Всеволодова М.В., Деметьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики. Коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
10. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
11. *Красильникова Л.В.* Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся. М., 2001.
12. *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.
13. *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
14. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

НУЖНА ЛИ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКИХ АУДИТОРИЯХ?

Аннотация

Грамматика – это один из важных аспектов любого языка. Нам трудно представить изучение иностранного языка без изучения его грамматики. Сегодня в Китае не во всех факультетах русского языка выделен специальный курс русской грамматики. По мнению автора статьи, грамматика нужна. Особенно для студентов, которые изучают иностранный язык. Им нужна прикладная коммуникативная грамматика русского языка. Это функционально-коммуникативная грамматика,

конкретными зачинателями которой являются профессора МГУ М.В. Всеволодова и Э.И. Амиантова.

IS RUSSIAN GRAMMAR NECESSARY IN CHINESE CLASSROOMS?

Wang Yanzhen, Qeng Min

Keywords: grammar, foreign language study,
Russian grammar course, functional communicative grammar

Abstract

Grammar is one of the most significant aspects of any languages. It's hard to imagine that learning a language without learning the grammar. Nowadays in China not all of the departments of Russian language provide a special course in grammar. According to the author's viewpoint, it is quite necessary to learn grammar, especially for the students majored in foreign languages. They need practical communicative grammar of Russian language, which is the so called functional communicative grammar. It was first put forward by professor M.V. Vsevolodova and E.I. Amiantova in Lomonosov Moscow State University.

Фразеологизированные структуры предложения как средство общения. Когнитивный и социокультурный аспекты

© кандидат филологических наук А.В. Величко (Россия), 2013

Ключевые слова: фразеологизированные структуры,
русский синтаксис, коммуникативный аспект

Современную лингвистическую парадигму определяет идея антропоцентризма языка. Она ставит человека в центр языка, рассматривает его как создателя языка и пользователя языка. Антропоцентрический взгляд на язык обусловил интерес исследователей к направлению лингвистики, которое ставит задачей изучение и описание языка как средства общения. Теория общения исходит из признания деятельностной природы языка и его межличностного характера. Она решает, что такое общение, какова его структура, как оно организуется, как дифференцируется, как используется язык в процессе общения, как проявляется при этом сам человек. Эти вопросы имеют также важное значение для преподавания РКИ, так как обучения практическому русскому языку осуществляется на основе функционально-коммуникативного метода, в котором основная цель формулируется как обучение речевой деятельности и общению. Направление, получившее название антропоцентризма, активно используется и развивается в науке в целом, в первую очередь в общественных науках. «Появилась целая междисциплинарная отрасль наук о человеке» [Формановская 2007: 5]. Отличительной чертой современной лингвистики и функционально-коммуникативного подхода является привлечение принципов, идей смежных дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, прагматики, когнитивистики.

Дальнейшее изучение языка как средства общения побуждает искать новые объекты исследования и новые аспекты описания. Если обратиться в этой связи к практике преподавания РКИ, то возникает как чрезвычайно актуальная и пока еще явно недостаточно решенная задача выделения и описания языковых средств, используемых в процессе коммуникации. Приходится констатировать, что хотя основная цель практического курса русского языка для иностранных учащихся – это обучение речи и общению, пока мы нередко больше учим системе языка, а обучение говорению осуществляется на материале книжных тек-

стов. Между тем, говорим мы не так, как пишем. Язык обыденного общения значительно отличается от книжного языка.

Одной из основных здесь является проблема выделения и пристального изучения языковых средств, обеспечивающих общение и тех, которые являются специфическими для общения. В этой связи безусловный интерес представляют фразеологизированные предложения, предложения фразеологизированной структуры (ФС): *Вот так праздник!*; *Чем не помощница!*; *ох уж эти мне морозы!*; *Работать так работать!*; *До развлечения ли мне» Как не пойти к ней!*; *Где мне это запомнить!*; *Что ни день, то неожиданности!*; *Хоть сама поезжай туда!*; *Ему бы только мяч гонять!*; *Праздник празднику рознь!*; *Кто-кто, а Илья знает север!*; *Уж на что Саша, и тот перевел текст!*; *Отдых отдыхом, а об учебе тоже нельзя забывать.* ФС – яркое явление русского синтаксиса, описанное пока еще крайне недостаточно. Задача статьи – описать ФС как специфические синтаксические структуры, предназначенные для использования в процессе общения. ФС описываются с позиций когнитивного подхода.

Когнитивная лингвистика занимается решением проблем знания, понимания, смысла, значения. Предметом когнитивной науки является обработка информации, ее переработка, т.е. все виды деятельности с информацией. Процессы знания, сознания, мышления и механизмы речевой деятельности связаны. Обучение речевой деятельности, общению, не может быть эффективным без изучения процессов речи-мысли, т.е. когнитивных процессов. Это утверждение самым непосредственным образом связано с изучением ФС. Естественный язык – это механизм, связывающий мысли, т.е. ментальные (мыслительные) репрезентации с формами выражения, и что касается ФС, то в них эта связь наиболее сложная и наиболее своеобразная, как и в любой фразеологической единице.

ФС не передают сообщение как таковое, т.е. не сообщают о каком-либо «положении дел» реальной действительности, а выражают отношение говорящего к содержанию сообщения. Они связаны с интеллектуальной и эмоциональной сферой человека. Основной функцией ФС является фатическая, а не функция сообщения. Так, высказывание ФС *Ох уж эти мне мальчишки!* ничего не сообщает о действиях мальчишек, а только выражает негативное отношение к их действиям. Высказывание другой ФС *Где девочке все это запомнить!* не указывает, кто и что предлагает девочке для запоминания, а только оценивает в модальном плане, как невозможную ситуацию, в которой находится (или может оказаться) этот ребенок.

Показательно, что и в одном, и в другом случае в самой ФС ситуация, о которой идет речь, не представлена. Тем не менее обе ФС указывают, что ситуации с участием названных субъектов имели место, если они вызвали определенную реакцию говорящего. Фразеологизированные структуры включают, точнее «притягивают» информацию, эксплицитно в них не выраженную, находящуюся за их пределами. ФС семантически и по смыслу связаны с содержанием текста или, что то же самое, с ситуацией общения. Можно сказать, что ФС манифестирует сложную ситуацию, представляющую собой цепочку смысловых фрагментов, в которой ФС является одним из звеньев, причем связующим, организующим и содержательно продвигающим, развивающим процесс коммуникации. Это позволяет говорить о семантической емкости и коммуникативной значимости ФС.

Сами по себе ФС характеризуются семантической сложностью, поэтому можно говорить не о семантике, а о структуре семантики фразеологизированных предложений. Такие предложения, если квалифицировать их с позиций когнитивного подхода к явлениям языка, показывают, что «языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, т. е. структур человеческого сознания, мышления и познания» [Кибрик 1994.]

ФС отражают, фиксируют усложненные формулы мысли, цепочки мыслительных фрагментов, показывают, насколько богатыми и многообразными могут быть реакции, оценки относительно содержания сообщения. Например, используя в разговоре о погоде в данном месте в данный период высказывание ФС *Уж на что старожилы, и то (и те) не помнят такой холодной зимы в этих краях!*, говорящий называет в нем лица (старожилы), которые не участвуют в описываемой ситуации и неизвестны, очевидно, слушателю. Говорящий, оценивая таким образом данную ситуацию, осуществляет сложный мыслительный процесс, вызывает из памяти совсем другую ситуацию, опирается на нее, чтобы более убедительно доказать справедливость своих слов. Полный ход его мысли примерно таков: ‘Сейчас здесь очень холодно. Это странно, не характерно для этих мест и для этого времени года. Так думаю не только я. Даже старожилы говорят, что не помнят такой суровой зимы, хотя они живут здесь уже давно’. В одном высказывании сочетается несколько семантических, смысловых, эмоциональных компонентов. Здесь и оценка (во-первых, ‘холодно’, во-вторых, ‘нетипично’), и противопоставление сегодняшней ситуации зимней погоде прошлых лет, и удивление, и стремление убедить, сославшись на аналогичное мнение более авторитетных для слушателя лиц. Мысль о старожилых всплывает

у рассказчика, может быть, стихийно, неожиданно (такова особенность мышления), и в таком переключении мысли проявляется ассоциативность – также характерная черта мышления. Интересно заметить, что у говорящего вполне могла возникнуть и другая ассоциация, например: *Уж на что в Якутии, и то сейчас теплее.*

Показателем сложности семантической структуры этой ФС является также имеющаяся здесь неоднородность сообщения: на информацию о погоде в эту зиму по ассоциации накладывается сообщение о других зимах, параллельно с мнением говорящего приводится мнение других лиц (старожилов). Следовательно, семантическая организация ФС отражает ступенчатые, динамичные процессы познания и осмысления жизненных событий и ситуаций.

Двуплановость сообщения проявляется и в других ФС. Например, высказывание: *Эту работу и второклассники, да что там второклассники, ученики третьего класса, – не сделают* строится на основе вставной конструкции (она выделена). И без того сложная мысль говорящего, который выражает неприятие предложенных параметров выполнения работы (например, работа предлагается для первоклассников), мотивируя свое мнение с помощью другой, смоделированной им ситуации (выполнение работы учениками второго класса), еще больше усложняется использованием вставной конструкции, создающей еще один информационный план.

ФС отражает субъективное отношение говорящего, поэтому одно и то же событие может быть осмыслено по-разному, и соответственно, выражено ФС разных значений. Ср., например, возможную реакцию двух субъектов на одну и ту же ситуацию: (1) *Очень жаль, купить билеты не удалось, все уже прожжены. Нет бы нам подумать о билетах заранее, а мы поехали поздно;* (2) *Очень жаль, купить билеты не удалось, все уже прожжены. Хоть покупай теперь билеты на самолет или перенеси поездку на другое время*

ФС передают не только разные значения субъективной модальности, но и тонкие оттенки одного значения, дифференцирующие его. Выражая отрицание, говорящий может отнести его к ситуации в целом: *Какое там прочитал!* ('Не прочитал') или к отдельному ее аспекту: *Когда же мне читать; Зачем мне читать; Что мне читать.* Отрицание действия, отказ от него можно объяснить отсутствием возможности: *До чтения ли мне* ('Хотел бы читать, но нет возможности') или отсутствием интереса, склонности к данному занятию: *А что мне чтение* ('Не интересуюсь, чтением, не люблю читать').

В семантической организации ФС находит отражение положение о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и мышления. Мышление человека отражается в языке, поэтому так трудно подчас через внешний знак проникнуть в мыслительный механизм, понять, какой «мыслительный фрагмент» актуализирован в языковой единице, особенно если речь идет о неродном языке. Этим, в частности, объясняется тот факт, что ФС представляют значительные трудности для иностранцев в плане их понимания и употребления.

С другой стороны, язык влияет на мышление. Человек, используя существующие в языке единицы, соединяет их своеобразно, разнообразно, и под влиянием языка, его единиц может рождаться новое значение или новое мыслительное произведение. Это ярко проявляется в ФС, специфика которых в том, что они имеют свободный компонент, и его лексическое наполнение может менять содержание высказывания, реализующего эту ФС, варьировать типовое значения самой структуры. Ср. высказывания ФС *кто + не такой..., чтобы...: Он не такой наивный, чтобы поверить этим слухам; Он не такой человек, чтобы уволить человека за одно опоздание; Он не такой опытный, чтобы поручать ему эту ответственную работу; Он не такой грубиян, чтобы оскорбить старшего.* Построенные одинаково, они семантически различаются, означают соответственно: 'не поверит', 'не уволит', 'не стоит поручать', 'невозможно, чтобы оскорбил'. Еще пример. При употреблении в ФС *сущ. + как + сущ.*, не нарицательного существительного (*Город как город*), а имени собственного, меняется свойственное ей значение негативной оценки, и она указывает на неизменность, сохранение объектом его качеств на протяжении времени, ср.: *Рим как Рим; Таня как Таня; В Арктике как в Арктике.*

Если рассмотреть эти примеры с лингвистической точки зрения, то они подтверждают важную роль лексики в формировании синтаксических единиц. М.В. Всеволодова активно развивает эту мысль во многих работах. В книге, излагающей общетеоретические основы функционально-коммуникативной грамматики, положение о роли лексики в синтаксисе М.В. Всеволодова выразила краткой и емкой формулой: «Лексика – интегральная часть синтаксиса». Это положение она раскрывает так: «Словарный состав языка – его материальная основа и компонент плана содержания, хранящий в языковом сознании представление об объективной действительности, – формирует (а не «наполняет») синтаксические построения, структура которых зависит и от слов, ее составляющих» [Всеволодова. 2000: 21].

В ФС разнообразно отражаются особенности процесса общения, акта коммуникации. Они представляют мыслительные образцы, которые играют важную роль в организации общения, часто востребованы пользователями языка. Как отмечает З.Д. Попова, «Синтаксические структуры нарабатываются для тех ситуаций внешнего мира, которые возникают в жизни людей, имеют для них важное значение и поэтому являются коммуникативно востребованными» [Попова 2009: 29].

Высказывания типа *А что самое главное, так это то, что она говорит почти без акцента; Чего здесь не хватает, так это речки; Хорошо здесь только то, что станция близко* имитируют диалогические построения, их использование придает общению живость, энергию, динамизм. Обращенные непосредственно к собеседнику, они являются проявлением интереса к нему, стремление удержать его внимание. Как отмечают исследователи, адресат не является пассивным получателем информации, они подчеркивают его активную позицию в речевом акте. Говорящий, употребляя ФС, ориентируется на адресата. Так, используя высказывания ФС с компонентом *какой-нибудь*, выражающие акцентирование (*Мы учимся не где-нибудь, а в МГУ; Лекцию будет читать не кто-нибудь, а профессор Лебедев; Я прочтала об этом не где-нибудь, а в энциклопедии*), говорящий рассчитывает на наличие общей апперцепционной базы с адресатом. В них акцентируется лишь наименование, название акцентируемого, а не сами его качества, однако говорящий, предполагает, что собеседник поймет, что он хотел сказать, так как название говорит само за себя и не нуждается в пояснениях. Л.П. Якубинский пишет: «Мы тем легче понимаем и воспринимаем чужую речь в разговоре, чем более обща наша апперцепцирующая масса с апперцепцирующей массой нашего собеседника... Понимание речи требует знания «в чем дело» [Якубинский 1986: 42].

Во многих ФС разного типового значения присутствует дополнительный компонент убеждения, стремление воздействовать на адресата (иллокутивная сила). Ср.: *Чем не праздник* (оценка и убеждение); *Это ли не удача* (акцентированное утверждение и убеждение). Иногда компонент убеждения помогает поддержать, подбодрить собеседника: *Тебе ли волноваться! Тебе ли не радоваться!*

Антропоцентризм и связанный с ним когнитивный подход побуждают изучать и то, каким отражен сам человек в языке, который он создал, в тех структурах, которые закрепило коллективное языковое сознание. В ФС получили отражение некоторые черты национального характера русских, особенности их отношения к общению, закрепились некоторые, традиции общения. В процессе коммуникации выделяется две

стороны: собственно речевое общение и коммуникативное поведение [Прохоров, Стернин 2002: 42].

Довольно большое количество ФС выражает оценку, разные ее виды и оттенки, что связано, очевидно, с тем, что русский человек, отличаясь прямой суждений, привык выражать свое отношение к объектам, действиям, даже если его оценка не очень приятная. Ср.: *Вот это праздник; Тоже мне праздник; Чем не праздник; Всем праздникам праздник; Ох уж этот мне праздник; Праздник как праздник.*

ФС **хоть + императив** (*Хоть уезжай из города; Хоть не выходи из дома; Хоть бросай работу.*) называет целесообразное действие, которое, однако, является крайней мерой и оттого далеко не всегда реализуется. Мотивом ее употребления может быть не столько стремление указать выход из создавшейся ситуации, сколько отношение к общению как к возможности рассказать о своих проблемах, получить поддержку, «выговориться и облегчить душу». ФС **нет + бы + кому+инф.** (*Нет бы мне позвонить ей заранее. Нет бы нам поговорить с Машей.*), выражающая запоздалое осознание говорящим целесообразного, правильного действия и сожаление, о совершенном ошибочном, ставшем причиной неудачи, отражает, как представляется, еще одну особенность русского менталитета. Русским иногда не хватает деловитости, умения заранее планировать свои действия, предвидеть возможные последствия. Использование этой ФС в процессе общения, говорит об открытости русских, умении признавать свои ошибки.

Таким образом, приведенные наблюдения показывают, что фразеологизированные предложения играют важную специфическую роль в общении, занимают в нем важное место.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. М., 2000.
2. *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994, № 5.
3. *Попова З.Д.* Синтаксическая система русского языка в свете синтаксических концептов. Воронеж, 2009.
4. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2002.
5. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.
6. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

**ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ.
КОГНИТИВНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Аннотация

В статье представлены принципы описания фразеологизированных структур русского синтаксиса. Они рассматриваются в семантическом и коммуникативном аспектах.

**PHRASEOLOGICAL SENTENCE STRUCTURES
AS A MEANS OF COMMUNICATION.
COGNITIVE AND SOCIOCULTURAL ASPECTS
A.V. Velichko**

Keywords: phraseological units,
Russian syntax, communicative aspect

Abstract

In this article the main principles of description of phraseological units in Russian syntax are presented. Phraseological units are described from the point of view of semantic and communicative aspects.

**Предложные единицы в близкородственных языках:
зона несовпадений
(структурно-сложные немотивированные предлоги
в украинском и русском языках)**

© кандидат филологических наук *Е.Н. Виноградова (Россия)*,
кандидат филологических наук *А.В. Ситарь (Украина)*, 2013

Ключевые слова: предлог, предложная единица, предлог-сращение, немотивированные структурно-сложный предлог, русский язык, украинский язык, функциональная грамматика

Как известно, близкородственные языки зачастую имеют больше сходств, чем различий. Тем более интересным становится изучение несовпадений в подобных языках. Работа в проекте «Славянские предлоги с синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»¹ (руководитель русской проблемной группы – профессор М.В. Всеволодова, МГУ имени М. В. Ломоносова, украинской – профессор А.А. Загнитко, Донецкий национальный университет) позволила обнаружить несколько таких зон. В данной статье речь пойдет об одной из них – это структурно-сложные немотивированные предлоги. Прежде всего, отметим, что данный термин предложен М.В. Всеволодовой для того, чтобы объединить один ряд единицы, относящиеся к разным подтипам в формальных грамматиках [РГ 1980]: *из-за, напротив, промеж* и т. д. РГ-80 относит к парным предлогам-сращениям только 4 единицы: *из-за, из-под, по-за* и *по-над*. В то же время, как представляется, предлоги *напротив, промеж(ду)* структурно не отличаются от сращений, различие проявляется лишь в способе начертания (дефис или слитое написание). Сопоставление близкородственных славянских языков показывает, что тип написания – вещь сугубо конвенциональная (и, следовательно, не может быть положена в основу классификации), ср.: *понад* (укр.) и *по-над* (рус.); *з-за, з-під, з-над* (укр.) и *zza, spod* (польск.), *iznad* (сербск.) и т.д.

Итак, немотивированные моноксемные гомогенные структурно-сложные предлоги формируются двумя-тремя немотивированными предлогами и представлены 2 классами (оппозиция по степени семантической сложности): 1) каждый из простых немотивированных предлогов сохраняет свое значение, напр., *из-под (стола вылез)* (структурно и семантически сложные немотивированные предлоги); 2) один или оба

¹ Подробнее о проекте см. [Всеволодова и др. 2003; Функціонально-комунікативна 2009; Славянските 2007; Ляхур 2005; Канюшкєвіч 2008-2010; Загнітко 2008].

предлога утрачивают свое значение, напр., *из-за (него пришла)* в причинном значении (структурно сложные, но семантически опрошенные предлоги) [Всеволодова и др. (в печати)].

Русский язык в норме обладает лишь несколькими подобными единицами: *из-за, из-под, по-за, по-над, промеж(ду)* [Даль 2006], *напротив*², однако в реальном употреблении их встречается гораздо больше (не считая орфографических и фонетических вариантов, а также различных вариантов управления): *из-меж(ду), из-промеж(ду), из-над, из-перед, вза, вовне, в меж(ду), в над, в около, вперекор, в по, в под, извне, из-меж(ду), из-над, из-перед, на под, попере́д/попередь, через за* и под. (по: [Всеволодова и др. (в печати)]). Такие единицы могут рассматриваться в рамках «объективной» (по А.М. Пешковскому [Пешковский 2010]) грамматики. В сопоставительных целях, в частности, для поиска русских соответствий нормативным украинским единицам их использование представляется сомнительным.

Украинский язык гораздо богаче в отношении рассматриваемых единиц. Так, в «Словаре украинских предлогов» [Загнітко и др. 2007] зафиксированы 24 подобные единицы (не включая вариантов): *задля, заради, з-від*³, *з-за, з-над, з-перед, з-під, з-поза, з-поміж (з-помежи, з-між, з-меж[и], з-проміж), з-понад, з-поперед, з-попід, оперед, опісля, побіля (попіля), повз (поз, повіз, поуз), поза, поміж (помеж, помежи, помеже), понад (понаді, понадо), поперед (попереді, попередо), попід, попри, проміж, почерез*; среди них – 7 единиц, представляющих собой контаминацию трех простых предлогов: *з-поза, з-поміж, з-понад, з-поперед, з-попід, з-поміж, з-проміж*⁴.

² Отдельного рассмотрения требует вопрос о принадлежности к данной группе предлогов *вопреки, помимо, попере́к, впереди*. Этимологически эти единицы являются мотивированными, однако, представляется, что на современном этапе в языковом сознании они потеряли словообразовательные связи со знаменательными словами: *вопреки* представляет собой этимологически сращение предлога *в* и существительного в вин.п. *прѣкъ* «препятствие, запрет» [Шанский 2004]; *поперек* – сращение предлога *по* и суф. *перекъ* «ширина» [Шанский 2004]; *помимо* – сращение предлога *по* и предлога *мимо* (образовано суффиксом *-мо-* от «миновать, минуть») [Фасмер 2007], *впереди* – сращение предлога *в* и др.-рус. *передь* «передняя часть» [Фасмер 2007].

³ Особый интерес представляет предлог *з-від*. Представляется, что его можно отнести к группе синонимических редупликаторов (мотивированные полилексемные контактные предлоги – «синонимические редупликаты – совместное употребление двух синонимичных предлогов с одним припредложным словом типа *для ради детей, к вопросу о революции, Сдаются квартиры вблизи у моря* (Инт.)» [Всеволодова и др. (в печати)]. Ср.: *Незабаром з-від шляху зачувся кінський тупіт...* (Іван Білик. Меч Арєя) – *Вскоре от дороги послышался конский топот...*; *... з-од Дніпра тягло гарним вітерцем* (Іван Білик. Меч Арєя) – *... от Днепра тянуло приятным ветерком*. Отметим, что обнаруженные примеры относятся к художественно-историческим текстам.

⁴ Подчеркнем, что формально аналогичные украинские предложные единицы *з-серед, з-посеред, насеред, посеред* не анализируются в рамках поставленной проблемы, поскольку

Продуктивность таких единиц, высокая частота употребления, способность передавать разные типы семантико-синтаксических отношений и сочетаться с несколькими формами имени являются характерными чертами украинской предложной системы. Сергей Смеречинский рассматривал предлоги этого типа (в его терминологии «складені приємники») как одну из особенностей украинского народного языка [Смеречинський 1932: 67]. Подобную мысль высказывали и другие украинские лингвисты, в частности Елена Курило отмечала высокую частоту употребления «зложених» предлогов в народном языке [Курило 2004: 196].

Сопоставительный анализ показал, что украинским структурно-сложным немотивированным предлогам в русском языке могут соответствовать:

- 1) русские эквивалентные структурно-сложные немотивированные предлоги,
 - 2) немотивированные простые предлоги,
 - 3) мотивированные предлоги,
 - 4) аналоги предлогов,
 - 5) конструкции со словами других частей речи.
- Рассмотрим каждый из этих случаев подробнее.

1. Структурно-сложные немотивированные предлоги. Нормативными русскими эквивалентами⁵ украинских структурно-сложных немотивированных предлогов являются *по-над*, *по-за*, *из-за* (локативное значение), *из-под*⁶, *напротив*, *промеж(ду)*.

Понад садком, попід калиною, де снігу коням по груді, вихоплюємось несподівано до колодязя, а тут якраз і він, сам господар... (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *По-над садом, мимо калины, где снегу лошадям по*

ку предлог *серед* является вторичным, производным от существительного *середина*. Так, согласно «Этимологическому словарю украинского языка», *серед* – «первоначально форма предложного падежа от существительного *serda "середина"» [ЕСУМ, т. 5: 218].

⁵ Подавляющее большинство примеров взято из параллельных текстов – периодических изданий, выходящих на украинском и русском языках; украинских художественных текстов и их профессиональных переводов на русский; текстов кодексов, законов и их официальных переводов и др.

⁶ Семантическим коррелятом предлога *из-под* является неcodифицированный, но очень широко употребительный в русском языке предлог *из-над*. Соответственно, зачастую он может быть использован, как эквивалент украинскому: *Оці будяки, та сині косаріки, та собака рожка — це все друзі його дитинства. Наче звідти, з-над Ворскли, прийшли й стали ось тут, на запорізьких кряжах* (Олесь Гончар. Людина і зброя) – *Эти чертополохи, и синие косаріки, и собачья мальва — это все друзья его детства. Будто оттуда, из-над Ворсклы, пришли и стали вот тут, на запорожских кряжах*. Примечательно, что во многих примерах данный предлог сочетается с названием рек: *з-над Ворскли, Дніпра, Москви-ріки, Тібру* и др.

грудь, выносимся неожиданно к колодцу, а здесь как раз и он, сам хозяин...;

...І озерце **поза** двором Об берег плескало (Леонід Глібов. Перекотиполе) – І озерце **по-за** двором Об берег плескало;

Строк зберігання товарів, ввезених **із-за** меж митної території України, в режимі митного складу не може перевищувати трьох років з дати поміщення цих товарів у зазначений режим (Митний кодекс України) – Срок хранения товаров, ввезенных **из-за** границ таможенной территории Украины, в режиме таможенного склада не может превышать трех лет с даты помещения этих товаров в указанный режим (локативное значение). Подчеркнем, что в причинном значении (т. е. семантически опрошенный) предлог **із-за** воспринимается в украинском языке как русизм и является ненормативным, в этом значении обычно употребляется предлог **через**: *Інша б знехтувала тобою, нечупарою, неохайником, а Надька... Сама завжди чиста і коси пахнуть, вимиті в зіллі, а проте наших виразок не боїться, недарма ж на фершалку вчилась у Полтаві, хай і не довчилась **через** своє загадкове нещасливе кохання... (Олесь Гончар. Твоя зоря) – Другая бы пренебрегла тобою, чумазым замарашкой, а Надька... Хотя сама всегда чистая и косы пахнут, вымытые в травах, а между тем наших болячек не боится, недаром же на фершалку училась в Полтаве, пусть и не доучилась **из-за** своей загадочной несчастной любви... Другими словами, для украинского языка предлог **із-за** характерен в локативном значении.*

По нашим наблюдениям, украинский предлог **з-під** обладает более широким значением и сочетаемостью, чем его русский эквивалент **из-под**, и зачастую не может быть им заменен, причем как в локативном, так и в атрибутивном значениях, ср.: *Буде в Нельки тепер свій завмаг, **з-під** землі діставатиме для матері шуби та дублянки... (Олесь Гончар. Берег любви) – Будет у Нельки теперь свой завмаг, **из-под** земли будет доставать для матери шубы и дубленки... (локативное значение); І досягла свого: навчилась, у складі жіночого екіпажу брала участь у далеких перельотах, котрі починались **з-під** кримського сонця й кінчались десь аж у тундрі... (Олесь Гончар. Берег любви) – И добилась-таки своего, упрямая девчонка! Выучилась, блестяще овладела летным искусством, принимала а составе женского экипажа участие в дальних перелетах, которые начинались **под** крымским солнцем, а завершались где-то в тундре... – *²перелеты начинались из-под крымского солнца (локативное значение); Нема більше в сундучку радужних нетутешніх черепашок та тугих лускуватих шишок **з-під** сосен-піній, адже для кураївської малечі й такі шишки дивина... (Олесь Гончар. Берег любви) – Но нет уже в сундучке радужных нездешних ракушек да тугих чешишчатых шишек **от** сосен-пиний – для кураевской малышни*

и такие шишки в диковинку! – *²шишки из-под сосен (атрибутивное значение), сосновые шишки;

*Але мало хто з людей, які прийшли на могилу Кобзаря знає, що майже **навпроти** Тарасової гори є гора Михайлова* (Дзеркало тижня. – 16-20.07.2001 (№ 27)) – *Но мало кто из пришедших на могилу Кобзаря знает, что почти **напротив** Тарасовой горы есть гора Михайлова;*

*Про терплячість українців складають легенди й анекдоти. Пригадуєте, «якщо ви, куме, ще раз добанете мене цією кувалдою **проміж** очей, то бычка я, вибачте, не втримаю»* (Дзеркало тижня. – 15-21.06.2002 (№ 22)) – *О терпеливости украинцев слагают легенды и анекдоты. Помните, «если вы, кум, еще раз долбанете меня этой кувалдой **промеж** глаз, то бычка я, извините, не удержу».*

Таким образом, оказалось, что русские структурно-сложные немотивированные предлоги соответствуют украинским исключительно в локативном значении⁷.

2. Простые немотивированные предлоги.

Простые немотивированные предлоги, соответствующие украинским структурно-сложным немотивированным предлогам, могут быть (а) эквивалентами первой части украинской единицы, (б) эквивалентами второй части украинской единицы, (в) эквивалентами третьей части украинской единицы, (г) другими немотивированными предлогами:

а) эквиваленты первой части украинской единицы: *Нариті горби, канави – ніяк **з-поміж** них не виплутаєшся* (Олесь Гончар. Берег любви) – *Бугры, канавы – никак **из** них не выберешься;*

*І він, наслідуючи султана, ледь вловивим порухом руки звелів прибрати приречених **з-перед** очей*⁸ (Павло Загребельний. Роксолана) – *И он, повторяя за султаном, еле уловимым движением руки приказал убрать обреченных **с** глаз долой;*

б) соответствия второй части украинской единицы: *Тополя та явір біля чийхось воріт, традиційні вишеньки **поза** хатами, два-три колодязні*

⁷ В нашем материале зафиксированы единичные примеры, в которых украинские структурно-сложные немотивированные предлоги имеют синкретичное значение, сочетающее локативный и причинный компоненты, вследствие чего в русском переводе употребляется эквивалент **из-за**, актуализирующий причинное значение: *Море десь уже близько, але його їм не видно **з-поміж** кучугур* (Олесь Гончар. Тронка) – *Море где-то уже близко, но его не видно **из-за** песчаных кучегур; Якщо міфи вже не світять нам **з-поза** нашої буденності, – ми втратили відчуття культури* (Дзеркало тижня. – 30.12.2005-13.01.2006 (№ 51)) – *Если мифы уже не светят нам **из-за** нашей будничности – мы утратили ощущение культуры.* Подчеркнем, что словари [СУМ 1972], [ВТССУМ 2003], [Загнітко и др. 2007] для этих предлогов значения причины не выделяют.

⁸ Отметим ограниченную сочетаемость данного предлога, в основном, со словом *очі* (рус. *глаза*). В поэтической речи возможна и другая сочетаемость, например, со словом *серце*: *І відступає туга **з-перед** серця, І цястя молить: «Зупинися, мить!» І варто жити, і прагнути безсмертя, Коли є смерть, яку не підкупить* (Борис Олійник. Чекання).

журавлі... (Олесь Гончар. Твоя зоря) – Тополь да явор у чьих-то ворот, традиционные вишенки за хатами, два-три колодезных журавля...;

Ощасливлений народженням доньки, Уралов перестріляв на radoцax усіх селезнів, усіх качок та курей задля широко розтіяного “рая” – свята народження першої на полігоні людини (Олесь Гончар. Тронка) – Осчастливленный рождением дочки, Уралов перестрелял на радостях всех селезней, всех уток и кур для широко затеянного «рая» – праздновали первое рождение человека на полигоне;

Інколи жінка починає відчувати, ніби вона зрадила свого малюка за-ради другого (Дзеркало тижня. 23-27.07.2001 (№ 28)) – Иногда женщины на начинает оиццать себя предательницей, изменившей своему малышу ради второго;

Поїдеш і поїдеш собі співаючи, а опісля виявиться, що твій скрепер якраз потрібен нам тут. І ти повертаєшся (Олесь Гончар. Тронка) – ...поедешь и будешь себе песни в дороге распевать! А после обєда вдруг окажется, что твои скрепер как раз не там нужен, а здесь, и тебе придется возвращаться со своей прогулки;

Ярослав бачив, як він змахнув рукою, як вершники вистрибували один з-перед одного, кваплячись за новгородським посадником (Павло Загребельний. Диво) – Ярослав видел, как он взмахнул рукой, как всадники выпрыгивали один перед другим, спеша за новгородским посадником. Интересно, что один и тот же украинский предлог з-перед, передавая различные подтипы локативных значений, может иметь русским эквивалентом и первую часть предлога (см. пункт 2(a)), и вторую;

в) еквиваленти третьєй части української єдиници: Спочатку з-понад дверей вивалився шмат штукатурки, добряче-таки ти грюкнула (Дзеркало тижня. – 9-15.02.2002 (№ 5)) – Сначала над дверью вывалился кусок штукатурки, хорошенько-таки ты хлопнула;

... і знову бачить оті смагляві руки, що їх ніби вперше побачив крізь кущ винограду, і око, живе, веселе, горіхово-каре, що так довірливо та ясно зблискувало до нього з-поміж листя (Олесь Гончар. Тронка) – ...и он снова видит перед собой те смуглые руки, которые словно бы впервые увидел сквозь куст винограда, и глаз, живой, веселый, орехово-карий, что так светло и доверчиво улыбался ему между листьев...;

г) другіє немотивированні предлоги: Території спеціальних митних зон, розташованих в Україні, вважаються такими, що знаходяться поза межами митної території України, крім випадків, визначених законами України (Митний кодекс України) – Территории специальных таможенных зон, расположенных в Украине, считаются такими, ко-

торые находятся **вне**⁹ границ таможенной территории Украины, кроме случаев, определенных законами Украины;

Є такий вулкан вічнодіючий Стромболі, моряки називають його: маяк Середземного моря. Хоч яка всюди темрява, а він ніч крізь ніч червоніє **з-під** хмар. Хай там що, а він собі жевріє, і небо жевріється над ним (Олесь Гончар. Берег любові) – Єсть такої постійно дійсуючий вулкан – Стромболі, моряки називають его «маяк Середземного моря». Как бы ни было темно вокруг, а он из ночи в ночь все рдеет в облаках, в любую бурю небо, раскаленное докрасна, пульсируя, отсвечивает над ним;

А початок експлуатації першого пускового комплексу КГЗКОРу [Криворізького гірничо-збагачувального комбінату окислених руд] вже вкотре перенесено. Поки що на 2005 рік. Було б це помилкою **задля** порятунку... (Дзеркало тижня – 21.04.2001 (№ 16)) – А начало експлуатації первого пускового комплекса КГОКОРа уж в который раз отсрочено. Пока что до 2005 года. Было бы это ошибкой **во** спасение...

3. Мотивированные предлоги:

а) простые: Явно він виділив Інну **з-поміж** інших... (Олесь Гончар. Берег любові) – Явно он выделил ее, Инну, **среди** других...;

б) составные: При всьому цьому сміхові крізь сльози до чергової Комісії напевне ввійдуть і непогані, навіть **попри** їхнє депутатство, люди, які хочуть як краще (Дзеркало тижня. – 28.10.2011 (№ 39)) – При всем этом смехе сквозь слезы в очередную комиссию наверняка войдут и неплохие, даже **несмотря на** их депутатство, люди, хотящие, как лучше;

На жаль, але **задля** грошей вони не гребують нічим (Дзеркало тижня. 17.02.2001 (№ 7)) – Увы, но **во имя** денег они не гнушаются ничем.

4. Аналоги предлогов:

Щоб людей не топтати, Олекса правив коней **побіля** ярмаркового натовпу, гнав окрай, де було просторіше... (Олесь Гончар. Твоя зоря) – Чтобы людей не топтать, Олекса правил коней **в объезд** ярмарочной толпы, гнал по краю, где было просторнее...;

Ось тут опинився у цім крайсвітнім вигнанні, недосяжнім для могутніх твоїх богів, для твоїх веселих **з-над** Тібру коханок (Олесь Гончар. Берег любові) – Вот ты где очутился, изгнанный на край света, недостижимый для могучих своих богов, для твоих веселых, **с берегов** Тибра, любовниц!

⁹ Мы вслед за М.В. Всеволодовой считаем, что в немотивированные предлоги «пора включить и предлог **вне** чего, который Фасмер определяет как Nп существительного (ср. Нв. **вон**); ср. чешск. **vně**» [Всеволодова и др. (в печати)].

5. Конструкции со словами других частей речи:

...ми один **з-поперед** одного бігасм до жита... (Олесь Гончар. Твоя зоря) – ...друг друга **опережая**, бегаем к ржаной ниве...

– А що тобі казав султан **опісля**? – Нічого. – Жодного словечка? – Може, й жодного (Павло Загребельний. Роксолана) – А что тебе говорил султан **потом**? – Ничего. – Ни единого словечка? – Может, и не единого.

Анализ собранного фактического материала позволяет выделить некоторые особенности украинских предлогов данной группы по сравнению с русскими.

1. Количество украинских нормативных структурно-сложных немотивированных предлогов значительно превосходит число их русских соответствий.

2. Обращает на себя внимание бо́льшая системность украинских локативных предлогов рассматриваемого типа. Очевидно, что семантическая локативная парадигма «директив-старт» – «директив-финиш» – «локатив» – «трасса» имеет в русском языке гораздо больше лакун, чем в украинском: ср. укр. **з-над, з-понад** – ***в-над** – **над** – **понад**; **з-за (із-за), з-поза** – ***в-за** – **за, поза** (пройти поза двері) – **поза** (стояти поза селом); **з-під** – ***в під** – **під, попід** (дивитися попід стіл) – **попід** (йти попід тином); рус. ***из-над** (некодифицированный) – ***в-над** (некодифицированный) – **над** – **над (по-над)**; **из-за** – ***в-за** – **за** – **по-за; из-под** – ***в под** (некодифицированный) – **под** – **под (*по-под)**.

3. Украинские предлоги более дифференцированно и детально выражают различные подтипы локативных отношений. В русском языке предлоги, выражающие пространственные отношения чаще всего имеют менее дифференцированное значение. Продemonстрируем сказанное на примере предлога **попід**, имеющего в качестве эквивалентов для разных подтипов локативных значений русские единицы **под, вдоль, по, у**:

- несопространственность, расположение объекта по отношению к нижней стороне локума (дифференциация локативных значений приведена по [Всеволодова, Владимирский 2008]): *Одначе згодом наймачі все-таки втраплять до Заболотного, хлопців, що порозбігалися й ховаються **попід** кручею в глинищах, буде і там знайдено, покликано, і вже хутірські жмикрути оглядають їх, мов лошаків на ярмарку ...* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *Однако рано или поздно наниматели все же найдут дорогу к Заболотному, ребят, разбежавшихся и скрывающихся **под** кручей в глинищах, отыщут и там, позовут, и уже хуторские сквалыги осматривают наших друзей, как жеребят на ярмарке ...;*

- несопространственность, расположение объекта по отношению к одному измерению (длине) локума: *...не полишено без уваги навіть*

старий ослін, – його застелено тканим обрусом від порога **пони́д** стіною аж на покутя, де, за звичаєм, на різдво сіно лежить зелене, духмяне, на нього якраз і ставлять кутю... (Олесь Гончар. Твоя зоря) – ...не обойдена вниманием даже старая скамья – она застлана тканым столешником от порога **вдоль** стены до самого красного угла, где сено, по обычаю, в канун рождества лежит, зеленое, душистое, на него как раз ставят кутю...;

- несопространственность, расположение предмета по отношению к одному локуму в целом, субъективно определяемое расстояние между предметом и локумом: *Степ відкривається одразу за школою, а в далечі **пони́д** небом садки синіють хутірські – вся наша Тернівщина оточена хуторами, з якими вона вічно не в миру* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *Степь открывается сразу за школой, а вдали, **у самого** неба, сады синеют хуторские – вся наша Терновщина окружена хуторами, с которыми она извечно не в ладу;*

- соппространственность, локус неполностью занятый локализуемым предметом, динамический характер отношений, трасса движения: *Сиди собі тут, діду, марево сторожуй, – киває він у степ на марево, що біжить і біжить **пони́д** обрієм* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *Сиди себе здесь, дед, сторожи марево, – он кивает в степь на марево, что катится и катится **по** горизонту.*

Указанную особенность отмечал Сергей Смеречинский: «Составные предлоги в самых разных комбинациях передают тончайшие оттенки и нюансы мысли, к тому же с большой экономией изречения (и мысли), собирая вместе пространственные оттенки каждого отдельного предлога. В новом составном предлоге преимущественно преобладает его вторая часть» [Смеречинський 1932: 67]. Несмотря на подчеркнутую лингвистом специализированность рассматриваемых предложных единиц на локативных отношениях, они оказались способны выражать и другие значения, с чем связана еще одна выделенная нами особенность – синкретичность ряда украинских предлогов рассматриваемой группы.

4. Синкретичность некоторых украинских предлогов. Так, предлог **поміж** может выражать объектные и локативные отношения; русскими эквивалентами будут предложные единицы **среди, меж(ду)**, например: *Найближче до колодязя вигналась вгору груша-скороспілка, вся вона обліплена плодами, **поміж** зеленими вже чимало й жовтих – це ті, що з південної сторони, що сонця їм найбільше дістається...* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *Совсем рядом с колодцем вытянулась вверх груша-скороспелка, всю ее облепили плоды, **среди** зеленых уже изрядно и желтых, – это те, что с южной стороны, которым солнца больше доста-ется...*

Ср. также синкретичность украинских предлогов *поза* и *з-поміж*: *Адже він, поза власною волею, дав їм нагоду виявити себе, свою сутність ...* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *Ведь он невольню помог каждому из них лучше проявить себя, свою сущность...* (значение образа действия и уступки); *Стрічка в нас на очах просто впливає в дівчинки з-поміж пальців, а вона старається, аж губи закусила, в роботу вся поринула ця наша юна майстриня у волошковім вінку, що про нього вона зараз, за працею, уже, видно, й забула* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *Лента у дівочки из-под пальцев так и струится, а она, юная наша мастерица, даже губы закусила, вся ушла в работу, о своем васильковом венке, видимо, и забыла* (локативные и характеризационные (образа действия) отношения).

5. Фактически оказалось, что русские предлоги рассматриваемой группы могут выражать локативные, причинные (*из-за*) и реляционные отношения (*промеж, напротив*), для украинских же характерно выражение не только пространственных отношений, но и целевых (*задля, заради*), количественно-атрибутивных (устар., диал. *з-на*), временных отношений (*опісля*), а выражение причины, наоборот, им не свойственно. Особенно ярко отличия двух языков проявляются в способности украинских предлогов выражать характеризационные отношения (квантитатив), что не типично для их русских эквивалентов. Речь идет о предлогах *понад, з-понад*, устар., диал. *з-на*, например: *... вона [перспектива] повинна бути для тебе понад усе!..* (Олесь Гончар. Твоя зоря) – *...она, перспектива, должна быть для тебя превыше всего!..; З-понад 170 журналістів-пошукачів у парламент потрапили тільки троє* (Дзеркало тижня. – 20-26.04.2002 (№ 15)) – *Из более чем 170 журналистов-соискателей в парламент попали только трое; На глухій стіні килим висить, і на килимі колодка з-на п'ядь довжини, й на ній написано Nota* (Анатолій Свидницький. Люборацькі) – *На глухой стене ковер висит, и на ковре колодка на (в) пядь длиной, и на ней написано Nota*.

Таким образом, анализ показал, что в рамках рассматриваемой группы предложных единиц налицо значительные расхождения между русским и украинским языками, касающиеся количественного состава, системности, дифференцированности и синкретичности предложных единиц.

Литература

1. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Изд. 2-е, доп. М., 2008.
2. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2.

3. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М., (в печати).
4. ВТССУМ 2003 – Великий тлумачний словник сучасної української мови / гол. ред. В.Т. Бусел. К., 2003.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 2006 (репринт изд. 1880–1884).
6. ЕСУМ 2006 – Етимологічний словник української мови: У 7 т. / НАН України; Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні / Олександр Савич Мельничук (голов. ред.), Р.В. Болдирев (уклад.). К., 2006.
7. Загнітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар Г. В., Щукіна І. А. Словник українських прийменників / А. П. Загнітко, – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007.
8. *Загнітко Анатолій.* Ступені і рівні прийменниковості // *Ucrainica III. Současná ukrajiništika: Problémy jazyka, literatury a kultury. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Philosophica Philologica 97-2008 / 1. část / Sbornik článků IV. Olomoucké symposium ukrajinistů 28.-30. srpna 2008.* Olomouc: 2008.
9. *Канюшкевіч М.І.* Беларускія прыназоўкі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка У 3 ч. Гродна, 2008–2010.
10. *Курило Олена.* Уваги до сучасної української літературної мови. К., 2004.
11. *Ляхур Чеслав.* Перспективы лексикографического описания предложной системы славянских языков (на материале польского языка) // *Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць Випуск 13 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк, 2005.*
12. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // *Объективная и нормативная точка зрения на язык.* М., 2010.
13. *Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой.* М., 1982.
14. *Славянските предлози.* – Велико Търново, 2007.
15. *Смеречинський С.* Нариси з українського синтаксису у зв'язку з фразеологією та стилістикою. Харків, 1932. (Мюнхен, 1990).
16. СУМ 1972 – Словник української мови. Т. III. К., 1972.
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. = *Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва.* 4-е изд., стереотип. М., 2007.
18. Функціонально-комунікативна і текстова парадигма українських прийменників та їхніх еквівалентів : монографія / А. П. Загнітко, К. М. Виноградова, І. Г. Данилюк, Н. Г. Загнітко, Н. В. Куш, М. В. Оранська, Т. М. Кітасва, Г. В. Ситар, В. Л. Чекаліна, І. А. Щукіна; Донецький національний університет. Донецьк, 2009.
19. *Шанский Н.М.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. 7-е изд., стереотип. М., 2004.

**ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ:
 ЗОНА НЕСОВПАДЕНИЙ
 (структурно-сложные немотивированные предлоги
 в украинском и русском языках)**

Аннотация

В статье представлен сопоставительный анализ одной группы предложных единиц (немотивированных структурно-сложных предлогов), в рамках которой обнаружены значительные расхождения между

русским и украинским языками. Ряд отличительных особенностей украинских предлогов данной группы по сравнению с их русскими эквивалентами изложен в статье.

**PREPOSITIONAL UNITS IN CLOSELY RELATED LANGUAGES:
THE MISMATCH AREA
(non-motivated structurally compound prepositions
in the Russian and the Ukrainian languages)**

E.N. Vinogradova, A.V. Sitar

Keywords: preposition, prepositional unit, fusion preposition,
non-motivated structurally compound preposition,
the Russian language, the Ukrainian language, functional grammar

Abstract

The article deals with one group of prepositions – non-motivated structurally compound prepositions which appeared to be drastically different in the Russian and the Ukrainian languages. The main distinctions between them are presented.

Такие разные глаза...
Предложные единицы, включающие лексему *глаз/глаза*
(зарисовки на материале славянских языков)

© кандидат филологических наук *Е.Н. Виноградова (Россия)*,
кандидат филологических наук *В.Л. Чекалина (Россия)*, 2013

Ключевые слова: предложная единица, соматизм, *глаз/глаза*,
текстовая парадигма, семантика предлога, грамматикализация,
русский язык, болгарский язык, славянские языки

Соматические существительные, как известно, широко используются в языке в метафорических значениях во фразеологических оборотах и разного рода поговорках, не исключение и лексема *глаз/глаза*: *с глаз долой – из сердца вон, как на голубом глазу, глазом не ведет, нет стыда в глазах; не зная, с какими глазами показаться, искры из глаз посыпались, как будто пелена падает с глаз, пускать пыль в глаза, насколько [куда] хватает глаз, вырастать в глазах, расти на глазах, строить глазки, стрелять глазами, хлопать глазами, за глаза хватит, добегаться до чертиков в глазах* и т. д.¹

«Соматический, или телесный, код культуры – один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира» [Гудков, Ковшова 2007: 115]. Идиоматические единицы с соматизмами являются своего рода отражением антропоцентрического понимания мира и привлекают внимание лингвистов, более всего, фразеологов [Мокиенко, Фелицына 1999], [Солодуб, Альбрехт 2003], ср. также [Макарова 2005], [Скнарев 2006], [Синицына 2011], [Кудинова 2005], особенно популярен сопоставительный анализ идиоматических единиц с соматизмами в различных языках [Русецкая 2010], [Савченко 2010], [Абрамова 2005] и др. Работа в рамках международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др. 2003] показала, что и категория предлога изобилует единицами, включающими в свой состав лексему *глаз/глаза*. Причем оказалось, что подобные единицы различаются как своей семантикой, так и синтаксическими и даже морфологическими характеристиками. В данной статье дается описание предложных

¹ Ср., загадку, отражающую метафорические употребления лексемы *глаз*: «Не зайцы, а разбегаются, не цыплята, а вылупляются, могут слипаться, разгораться и быть на мокром месте?».

единиц (ПЕ), включающих лексему *глаз/глаза*².

Работа с языковым материалом позволила выделить следующие ПЕ в русском языке: *в глаза кого, в глаза кому, в глазах кого, глазами кого, глазом кого, на глаза кого, на глаза кому, на глазах кого, на глазах у кого*³.

Анализ показал, что рассматриваемые ПЕ значительно отличаются по следующим параметрам (которые и изучаются для каждой ПЕ): семантика ПЕ, парадигматика (синонимы, антонимы), некоторые особенности текстовой парадигмы (способность выступать с 0-формой имени актанта, с прилагательными именем-актанта), а также степень грамматикализации единицы. Под степенью грамматикализации мы понимаем уровень определенности единицы, ступень ее перехода в категорию собственно предлога, в центр функционально-грамматического поля предлога⁴ [Всеволодова 2010]. Очевидно, что изменения в языке происходят индивидуально, пословно, поэтому каждая ПЕ занимает свое место на «пути» в предлоги, или на шкале определенности, находясь ближе или дальше от ядра функционально-грамматического поля предлога. Для того, чтобы оценить степень определенности ПЕ М.В. Всеволодова предложила ряд операционных критериев [Всеволодова 2011], для данных ПЕ наиболее актуальными представляются 2 параметра:

- ✓ метафоризация, которая «проявляется в сочетании со словами, при других формах собственно предложного существительного

² Отметим, что разносторонняя характеристика конкретных единиц популярна среди лингвистов в последнее время, ср. интереснейшую работу [Шереметьева 2008].

³ Возможно, круг ПЕ, включающих лексему *глаз/глаза* может быть расширен, в частности за счет единиц *за глаза, с глаз* и нек. др. Однако, на данный момент нами не обнаружено примеров единиц *за глаза* и *с глаз* с управляемым словом (*И отец называл за глаза тузов мошенниками, евреев – «жидовскими мордами», остальных – болтунами, ничтожеством* [НКРЯ]; *Но за глаза ее осуждали ее друзья и сверстницы, осмеивали в ней то, перед чем преклонялись за минуту до того* [НКРЯ]; *К четвертому курсу пелена спала с глаз* [НКРЯ]; *Решили с глаз долой отправить на Кировский завод* [НКРЯ]), что и вызвало сомнения в предложном статусе данных единиц (либо необходимо признать постоянное наличие 0-формы актанта). Отметим, что *за глаза* является синонимом ПЕ *в глаза кого/кому (сказать)*.

⁴ Ядром функционально-грамматического поля предлога являются ПЕ, выступающие в функции предлога и только предлога: немотивированные предлоги (*к чему, о чём, для чего* и т. д.), образующие центр ядра, и мотивированные предлоги-дериваты (*в связи с чем, в качестве кого* и под.), которые формируют припериферийную зону ядра. В следующих зонах поля располагаются эквиваленты предлогов, представленные 3 классами: а) потенциальные предлоги – приядерная зона (*на канве чего*), б) аналоги предлогов – первая собственно периферийная зона (*в пределах чего*), в) корреляты предлогов – вторая периферийная зона (*диаметром сколько единиц*).

с ним не сочетающихся⁵, ср.: *русло реки – в русле реки*; но: Для русского языка второй половины XX века в целом характерна тенденция к активизации употребления предлогов, что находится **в русле** тенденции к аналитизму, отмечаемой многими современными русистами (Пруссакова); и **русло тенденции* [Всеволодова и др. (в печати) а)]. Другими словами, употребление словосочетания с предлогообразующим существительным в «прототипической» функции (например, в форме N_{им}) невозможно;

- ✓ **наличие морфосинтаксической парадигмы**, которая представляет собой «ряд синонимичных образований, различающихся: падежной формой припредложного слова, отсутствием/наличием экспликаторов или редупликаторов типа **в цвет чего/ чему/ к чему/ с чем/ под что**; падежной формой базового слова: **в интерес/в интересе клиента**, формой числа базового слова: **в интересе/в интересах клиента**» [Всеволодова и др. (в печати) а)].

В таблице 1 в конце статьи приведены сводные данные для всех русских ПЕ по рассматриваемым параметрам.

В ГЛАЗА КОГО, В ГЛАЗА КОМУ

ПЕ **в глаза кого** и **в глаза кому** составляют морфосинтаксическую парадигму, различаясь лишь формой управляемого существительного, поэтому мы рассматриваем их в одном ряду.

Языковой материал показал, что для данных ПЕ можно выделить 3 значения и, соответственно, 3 разных словарных единицы, каждая из которых имеет свои семантические и синтаксические особенности.

А) ПЕ **в глаза₁ кого**, **в глаза₁ кому**, употребляющиеся в конструкциях: *что бросается/кидается/лезет/ударяет в глаза кого* и *что бросается/кидается/лезет/ударяет в глаза кому*⁶. Эти ПЕ представляют собой обусловленные синтаксемы, так как их форма определяется синтаксической конструкцией⁷: *...багровые швы, которыми было исписано полулицо, первые бросились в глаза княжны* [НКРЯ⁸]; *Зарубежным фирмам*

⁵ Подобная позиция выделяется и в [Тихомирова 1972].

⁶ Как фразеологизм рассматривает эту единицу А.М.Бабкин: если обороты «бросаться в глаза, кидаться в глаза, метаться в глаза, бить в глаза и лезть в глаза – это варианты одной фразеологической единицы», то «вопрос о том, какой же именно? Конечно, при чисто внешнем лексико-грамматическом подходе можно вообразить модель: варьируемый глагол + в глаза» [Бабкин 2009].

⁷ Часть примеров из [Всеволодова и др. (в печати) б], [Всеволодова и др. (в печати) в].

⁸ НКРЯ – примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

<...> *бросается в глаза преобладание "рисковых компаний"* (Кор⁹).

С точки зрения семантики ПЕ имеют субъектное значение (вводят роль типа протагонист), данную конструкцию можно интерпретировать следующим образом 'кто (особо) обратил внимание на что'. Очевидно, что мы имеем дело со своего рода пассивной трансформацией, при которой объект получает наиболее значимую коммуникативную роль подлежащего, а субъект, наоборот, «затеняется» [Кибрик 2005], [Всеволодова, Дементьева 1997]: *Инспекторы сразу обратили внимание на чёрный осадок – В глаза инспекторов сразу бросилось неладное – чёрный осадок на дне* (Кор.); *Норманисты не обратили внимания на эту несообразность – Удивительно, как эта несообразность не бросилась в глаза норманистам* (Иловайский).

Данные ПЕ системно употребляются с 0-формой имени актанта как при конситуативной обусловленности: *В настоящем господствующем репертуаре и направлении у г. Нильского мало было ролей – и в те он никогда не вносил того кидаемогося в глаза реализма, той мелкой наблюдательности и живописной подражательности внешней характерности лиц купцов, мелких чиновников и т. п.* [НКРЯ] = 'в глаза всем'; так и при наличии антецедента: *И в это время я вчитывался в Гоголя, и лезли в глаза слова пронизательного автора, а может, и пророка: «Странно, отчего русский человек, если не смотреть за ним, делается и пьяницей, и негодяем?»* [НКРЯ] = 'в глаза мне'. Примеров употреблений с прилагательными-именем актанта нами не обнаружено.

Наконец, если задаться вопросом о степени грамматикализации (или предложности) этих ПЕ, то можно отметить как высокую степень их метафоризации: *в глаза зарубежным фирмам бросается – *глаза зарубежных фирм; в глаза норманистам бросилось – *глаза норманистов*; так и наличие у них морфосинтаксической парадигмы (*в глаза, кого – в глаза, кому*), что является характерной чертой уже предложенных единиц.

Б) ПЕ *в глаза₂ кого, в глаза₂ кому*, употребляющиеся при глаголах речи (*сказать, заявить, лгать, утверждать, резать правду-матку* и под.): *Ждали героя, который мог бы смело и прямо сказать в глаза правительству жестокую правду* [НКРЯ]; *«А вы отважитесь рассказать эту новость в глаза этого самого господина?»* [НКРЯ]¹⁰. ПЕ представляют

⁹ Кор. – примеры из «Компьютерного корпуса газетных текстов русского языка конца 20-го века» Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ (руководитель проф. А.А. Поликарпов).

¹⁰ Отметим частотную постпозицию ПЕ: *Никто не высказывал прямо ему в глаза враждебного отношения к его работе* [НКРЯ]; *Мои противники, смеясь мне в глаза, иной раз говорили...* [НКРЯ].

собой связанные синтаксемы, форма которых определяется глаголом, и имеют характеризационное значение: 'сказать кому-то напрямую, прямо, без обиняков'¹¹.

Отметим, что в данном случае возможна элиминация лексемы *глаза*: *Сей посол дерзнул сказать в глаза Василию то же, называя его не царем, а злым изменником* [НКРЯ] – *Сейчас посол дерзнул сказать Василию то же, называя его не царем, а изменником*.

Эти ПЕ обладают широкими парадигматическими возможностями, антонимом является единица *за глаза*: *Мама повезла меня к своей тетке Ольге, которую вся деревня звала за глаза и в глаза Корявой* [НКРЯ]; *Мы в глаза ее называем Сонечка, а за глаза Сонечка Голлидэй* [НКРЯ]; синонимом – ПЕ *в лицо* кого/кому: *Мне говорили в лицо*: "Мы к вам относимся как к шакалам" [НКРЯ].

Примеров с употреблением прилагательно-имени актанта нами не обнаружено, 0-форма актанта очень частотна: – *Так продавцы вечно стараются покупателям угодить, – невинно ответила Маруся, – вот и врут в глаза* [НКРЯ] (при наличии антецедента); *Спустя три месяца после референдума очень многие из тех, с кем я общался, говорят, что их обманули. Правду-матку режут в глаза, но без имен, без имен!* [НКРЯ] (конситуативно-обусловленная).

Степень грамматикализации данной ПЕ, как представляется, ниже, чем у ПЕ *в глаза₁* кого/кому в связи с невысокой степенью метафоризации: *в глаза этого господина – глаза этого господина*, но ср.: *в глаза правительству – *глаза правительства, в глаза власти*¹² – **глаза власти*. ПЕ образуют морфосинтаксическую парадигму *в глаза₂* кого – *в глаза₂* кому.

В) ПЕ *в глаза₃* чего, *в глаза₃* чему употребляются при глаголе *смотреть* и его аналогах: *смотреть в глаза* чего/чему (связанные синтаксемы): *Надо просто объективно смотреть в глаза реальности* [НКРЯ]; *Сейчас мы должны посмотреть в глаза нашей судьбе прямо и безоговорочно* [НКРЯ]. С точки зрения семантики мы можем интерпретировать данную ПЕ как 'встретиться с чем-то, столкнуться с чем-то' (реляционное значение), т. е. мы имеем дело с новой семой, не свойственной существительному *глаза*. Слово *глаза* в этом значении выступает только в этой и ни в какой другой форме: **глазами реальности, *у глаз реаль-*

¹¹ Ср. с определением в [Гудков, Ковшова 2007: 154]: «имеется в виду, кто-либо открыто высказывает свое мнение другому лицу, сообщая нечто, как правило, неприятное для последнего: *Тысячу раз прав был и тот лейтенант, который однажды дерзко сказал в глаза известному депутату Госдумы: «Я хочу служить государству, а не денежным мешкам (КП, 2005)»*».

¹² До Родионова, наверное, ни один из сорока российских министров обороны не умел говорить *в глаза* власти всю беспощадную правду о состоянии армии [НКРЯ].

ность, *на глазах у реальности и т. д.: Люди, заглянувшие однажды в глаза войны, поистине знают цену миру, и готовы отдать многое, если не все, чтобы большие никогда не теряли своих отцов мальчишки... [НКРЯ]; Кто-то мне помогал – чтобы я мог преодолеть свою робость и смело, весело взглянуть в глаза опасности [НКРЯ]; И им трудно становиться смотреть в глаза трезвости, ибо трезвость беспощадна, как металлический лом [НКРЯ]; Но не лучше ли взглянуть самим в глаза своей свободе? [НКРЯ]; Это я говорю после того, как посмотрела в глаза гавани, оплеванному храму и военному городку, который страшен до такой степени, что никто из здешнего высшего армейского начальства тут не живет [НКРЯ]. В некоторых случаях возможная элиминация лексемы глаза: посмотреть в глаза реальности – посмотреть на реальность. С прилагательным-именем актанта не употребляется, 0-форма не отмечена.

Отметим, что при сочетаемости с личными именами мы имеем дело с существительным в прямом значении, а не ПЕ: Афганец посмотрел в глаза Саие, стоящему прямо напротив него с открытой бутылкой пива в руке [НКРЯ].

Интересно также, что конструкция в глаза кого/что (не) видеть, (не) выдывать имеет значение '(не) видеть', т. е. в глаза выступает в данном случае как усилительная единица и может быть пропущена. В [СОШ 1992] и [Даль 1863-1866] трактуется как устойчивое сочетание: Он побывал в лагерях чеченских беженцев и обнаружил, что большинство не видели в глаза текста этой самой конституции [НКРЯ]; Панибратством с ним бахвалятся даже те, кто в глаза Чиграшова не выдывал [НКРЯ]; А мы, доярки, уж и не помним, когда в последний раз видели в глаза вас, товарищ директор, и вас, товарищ парторг, и вас... [НКРЯ].

Степень метафоризации в глаза₃ чего и в глаза₃ чему достаточно высока: в глаза реальности – *глаза реальности, в глаза судьбе – *глаза судьбы, в глаза войны – *глаза войны, примеров без метафоризации нет. Морфосинтаксическая парадигма образуется различной формой управляемого слова в глаза₃ чего – в глаза₃ чему, в ед.ч. не употребляется.

В ГЛАЗАХ КОГО¹³

Несмотря на внешнее сходство (ср., семантическую парадигму в рамки чего – в рамках чего – за рамки чего), на наш взгляд нельзя признать ПЕ в глаза кого – в глазах кого членами семантической парадигмы, настолько велико расхождение в их значении и употреблении.

ПЕ в глазах кого представляет собой свободную синтаксему и выра-

¹³ ПЕ в глазах кого или чьих (Он преступник в глазах окружающих. В глазах матери он еще дитя) маркируется в [СОШ 1992] пометой «в значении предлога с род.п.».

жает внутрисинтаксическую модальность, в частности, авторизацию, соответственно, всегда может быть развернута в отдельную пропозицию: **В глазах матери он еще дитя** (СОШ) = *Мать считает, что он еще дитя*. Другими словами, ПЕ вводит ситуантную роль «авторизатор» («лицо или одушевленное существо, с точки зрения которого или в интересах которого предсказуемый предмет получает предикативную оценку [Золотова 1988: 43; Всеволодова 2000: 147]»).

Интересны парадигматические отношения ПЕ **в глазах кого**: синонимами данной ПЕ являются ПЕ **с точки зрения кого**, **для кого**, **в очах кого**, **чьих** (церк.-книжн.) и **глазами кого**. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в большинстве случаев ПЕ **в глазах кого** и **глазами кого** (совпадая по значению) употребляются в разных синтаксических структурах, находясь фактически в отношениях дополнительной дистрибуции: **В глазах матери Вася еще дитя** – налицо две пропозиции ‘мама считает, что Вася еще дитя’, а для предложения *Вася глазами матери* – одна пропозиция ‘как мама видит Васю’, т. е. ПЕ **в глазах кого** употребляется в конструкциях, где обязательно есть характеристика второго участника ситуации, а в конструкциях с ПЕ **глазами кого** такая характеристика, наоборот не предполагается: *Школьное знание в глазах учащегося "одна муть" и учить её нужно только, чтобы получить право учиться в вузе [НКРЯ]; Минфин вновь играет на усугубление долговой проблемы в глазах общественности [НКРЯ]. Тем самым он повысит авторитет в глазах элит [НКРЯ]. Российская власть сверху донизу была безнадежно дискредитирована в глазах населения [НКРЯ]*. Возможна и употребление прилагательного-имени актанта: *Женский образ в мужских глазах оказался ничуть не лучше* (Кор.), примеров с 0-формой не обнаружено.

Представляется, что данная ПЕ находится в ядерной зоне ФГП предложения и является собственно предлогом, характеризуясь высокой степенью метафоризации: **в глазах общественности** – **глаза общественности*, **в глазах элит** – **глаза элит*. Морфосинтаксической парадигмы не имеет.

ГЛАЗАМИ КОГО

С точки зрения своего значения («авторизатор») ПЕ **глазами кого** является синонимом ПЕ **в глазах кого** (см. выше): *11 ноября, в Инженерном корпусе Третьяковской галереи открылась выставка "Русские и Россия глазами британцев XVIII-XIX вв.", проходящая при поддержке Британского совета (НГ); Издательство "Центрополиграф" выбросило на рынок новое двухтомное издание "Алла Пугачева – глазами друзей и недругов" (Нов.Г.); Женщина глазами Жванецкого (Инт.)*. Однако, ана-

лиз их синтаксического поведения показал употребление в различных типах структур: ПЕ *глазами кого* зафиксировано в монопропозитивных конструкциях без квалификации: *Мир глазами физиков*, а ПЕ *в глазах кого* – чаще всего в полипропозитивных конструкциях с характеристикой: *В глазах физика мир сводится к ряду явлений, зависящих единственно, с одной стороны, от начальных явлений, с другой – от законов, связывающих последующие явления с предыдущими* (А. Пуанкаре). Таким образом, синонимические ПЕ: *с точки зрения кого, для кого, в глазах кого, в очах кого* (церк.-книжн.).

Для текстовой парадигмы характерно употребление прилагательного-имени актанта: *...но ведь чтобы излечиться, человек должен научиться воспринимать мир другими глазами* (Св.С.) = глазами других людей; *Она когда-то тащила от песен гр. "Иванушки", но вовремя взглянула на мир реальными глазами и нашла своего единственного и неповторимого* (ТН) = глазами реалиста. 0-форма актанта не зафиксирована.

Степень метафоризации *глазами кого* достаточно высока: *Он смотрит на себя глазами других* [НКРЯ] → **глаза других*; *Невозможно видеть реальность иначе как глазами Партии* [НКРЯ] → **глаза Партии*; *Во всяком случае, если смотреть глазами среднего обитателя РТИ* [НКРЯ] → **глаза среднего обитателя РТИ*. Морфосинтаксической парадигмой данная ПЕ не обладает. Однако, несмотря на то, что *глаза* – это парный орган, и в других ПЕ мы не наблюдали коррелятов в форме ед.ч., оказалось, что широко употребляется ПЕ *глазом кого*. Признать эти ПЕ членами одной морфосинтаксической парадигмы не представляется возможным в силу различного значения.

Процесс пополнения классов предлогов за счет знаменательных частей речи происходит и в других славянских языках [Конюшкович 2008, Загнітко и др. 2003, Milewska 2003a, 2003b, Славянските предлози 2007] Так, процесс опредложивания разных единиц отмечается и для болгарского языка, который является аналитическим. Однако этот процесс не так активен, как в русском языке. Аналитизм болгарского языка определяет в известной степени предпочтительное употребление первичных предлогов, достаточно четко выражающих семантические и синтаксические отношения в предложении. По мнению болгарских лингвистов, процесс опредложивания происходит под влиянием, в первую очередь, русского языка, и выражается в заимствовании некоторых новых предлогов или целых предложных конструкций, приспособленных к аналитическому строю болгарского языка [Дамянова 2007: 116, 119].

В болгарском языке регулярно употребляется ПЕ с соматическим существительным *очи* (русс. *глаза*). Нами были отмечены две ПЕ с

этим существительным: **в очите на** и **през**¹⁴ **очите на**: *Ти беше звяр в очите на другите, а в моите принц* (Инт.) (русс. Ты был зверь в глазах других, а в моих принц); *Никога не знаеш, как изглеждаш в очите на другите!* (Инт.) (русс. Никогда не знаешь, как выглядишь в глазах других); *Интригуваща ли си в очите на мъжете?* (Инт.) (русс. Привлекательная ли ты в глазах мужчин?); *Американската икономика през очите на българина-неикономист* (Инт.) (русс. Американская экономика глазами болгарина-неэкономиста); *Светът през очите на пингвините* (Инт.) (русс. Мир глазами пингвинов).

ПЕ **в очите на** соотносится с двумя разными русскими единицами: **в глазах кого** и **глазами кого**.

I. Ср. *Японски очила правят всички жени красавици в очите на мъжете* (Инт.) – русск. Японские очки делают любую женщину красавицей в глазах мужчин; *В очите на французите не съществуваше никакъв цялостен образ на българската култура* (Инт.) – русск. В глазах французов не существует целостного образа болгарской культуры; *Как изглеждат българските творци в очите на френските студенти?* (Инт.) – русск. Как выглядят болгарские художники в глазах французских студентов?; *Колко е красива България в очите на чужденците?* (Инт.) – русск. Насколько красива Болгария в глазах иностранцев?; *ЦСКА е обикновен средняк в очите на Лудогорец* (Инт.) – русск. ЦСКА обыкновенный середняк в глазах Лудогорца.

II. Ср. *Европа в очите на една рускиня* (Инт.) – русск. Европа глазами одной русской; *Българите в очите на другите* (Инт.) – русск. Болгары глазами других; *Политици в очите на електората* (Инт.) – русск. Политики глазами электората; *Балканската война в очите на едно хипи* (Инт.) – русск. Балканская война глазами одного хиппи; *България в очите на балканските ни съседни* (Инт.) – русск. Болгария глазами наших балканских соседей; *България в очите на чужденци-*

¹⁴ Предлог *през* является для болгарского языка первичным первообразным предлогом. В современном русском языке предлога *през* нет. Однако он был в церковнославянском и древнерусском языках, и является общеславянским предлогом (сербохорв. диал. *през*, чеш. *přes*, словц. *prez*, польск. *przez*) [Фасмер 1964-1973]. В словаре Даля вариант этого предлога *перез* отмечен как диалектный [Даль 1863-1866]: ПЕРЕЗ предл. с вин. (через и пере) южн., зап., влад., твер. чрез, через; | в продолженье, в теченье. *Переправились перез реку. Проидем перез лес. Он перез всю неделю бранится. Перез день мылася, весь день.*

те (Инт.) – русск. *Болгария глазами иностранцев*; *Новият кмет в очите на избирателите* (Инт.) – русск. *Новый мэр глазами избирателей*; *Женската красота в очите на мъжа* (Инт.) – русск. *Женская красота глазами мужчины*; *Пловдив в очите на младите* (Инт.) – русск. *Пловдив глазами молодых*; *Мюсюлманите в очите на Запада в навечерието на Кръстоносните походи* (Инт.) – русск. *Мусульмане глазами Запада накануне Крестовых походов*.

Напомним, что в русском языке эти ПЕ маркируют разные ситуации. ПЕ *в глазах* кого всегда выступает в полипропозитивных ситуациях, а ПЕ *глазами* кого маркирует монопропозитивные ситуации. Таким образом, предложения *Българските творци в очите на френските студенти* и *Как изглеждат българските творци в очите на френските студенти?* (Инт.) будут переводиться на русский язык при помощи разных ПЕ. Первое предложение, будет переводиться с помощью ПЕ *глазами* кого: *Болгарские художники глазами французских студентов*. А второе предложение будет переводиться с помощью ПЕ *в глазах* кого: *Как выглядят болгарские художники в глазах французских студентов?*

ПЕ *през очите на* в болгарском языке обычно выступает в монопропозитивных ситуациях и, следовательно, соотносится только с русской ПЕ *глазами* кого: *2011-та през очите на математик, свещеник и културолог* (Инт.) – русск. *2011 год глазами математика, священника и культуролога*; *Кандидатурата на фрилансъра през очите на работодателя* (Инт.) – русск. *Кандидатура фрилансера глазами работодателя*; *Истанбул през очите на писателите* (Инт.) – *Истанбул глазами писателей*; *Светът на Гоя през очите на Цветан Тодоров* (Инт.) – русск. *Мир Гои глазами Цветана Тодорова*; *Есента през очите на влюбените* (Инт.) – русск. *Осень глазами влюбленных*; *Студената война през очите на един българин* (Инт.) – русск. *Холодная война глазами болгарина*; *Светът на Толкин през очите на теолозите* (Инт.) – русск. *Мир Толкиена глазами теологов*; *Състоянието на българския спорт, през очите на Томислав Русев* (Инт.) – русск. *Состояние болгарского спорта глазами Томислава Русева*.

Обе ПЕ *в очите на* и *през очите на* могут выступать в функции свободной синтаксемы: название песни «*В очите на другите*», название статьи об Анселе Адамсе «*През очите на Ансел Адамс*», название конкурса «*През очите на вярата*». Отмечено употребление этих синтаксем и с прилагательным-именем актанта: *Византия в собствениите ѝ очи* и *в очите на другите*. Конечно, не все русские ПЕ с соматическими существительными имеют эквиваленты в других славянских языках и, в частности, в болгарском. В большинстве случаев такие ПЕ будут пере-

водиться на болгарский язык либо немотивированным структурно-сложным предлогом, в составе которого есть два простых немотивированных предлога, или одним простым немотивированным предлогом. Так, русская ПЕ *руками кого* на болгарский регулярно переводится *като, с* [Дамянова 2007: 116].

ПЕ с соматическим существительным *очи* отмечены также в украинском и белорусском языках. Так, в украинском языке существует вторичный предлог *очима* с родительным падежом: *Франція очима французських соціологів* (В.В. Хміль) [Українські прикметники 2003: 34]; *Кличко-політик очима голівудського фотографа і кліпмейкера Майкла Стерлінга* (Инт.); *Фестиваль дерунів в Коростені очима гостей* (Инт.); *Україна очима москалів* (Инт.); *Конфлікт між Ізраїлем і Палестиною очима очевидця* (Инт.); *Пенсійна реформа очима економіста* (Инт.), соответствующий судя по примерам русской ПЕ *глазами кого*.

Для белорусского языка можно говорить о наличии морфосинтаксической парадигмы единиц с соматическим существительным *вочи*: *вачами/вачыма/вочкамі каго/якімі вачамі/вачыма/вочкамі каго/чымі*: *Кожнае значнае рашэнне я прымаю, параіўшыся з братом і ацаніўшы яго вачыма дачки*; *Адначасова ў хаце Каготоў, у часе дзядзькавання, Загорскі вучыўся разумець народнае жыццё, глядзець на свет вачыма сялян*; *Машыны глядзяць вачамі людзей, людзі – вачамі машын: ці знойдзем дарогу ў наступнасць?* [Канюшкевич 2008: 135].

Отмечаются подобные ПЕ и для польского языка: *oczami, oczyma. Obłączenie widziane oczami 12-letniego Dimy Misikowa; Aby widzieć film oczami duszy, trzeba uprzednio obejrzeć realia, a przede wszystkim widzieć aktorów, którzy będą w nim grail; Nie jest zagubionym romantykiem, który oczyma wyobraźni widzi się na szczycie, w obłokach chwały; Były prezydent najcieplej widziany jest oczyma wyborców Akcji Wyborczej Solidarność*. Эти ПЕ не отмечаются в работе Беаты Милевской о вторичных предлогах в польском языке [Milewska 2003a] и в словаре таких единиц [Milewska 2003b], но присутствуют в рукописном списке польских ПЕ Чеслава Ляхура.

И украинские, и белорусские, и польские ПЕ соотносятся с русской ПЕ *глазами кого*. Таким образом, мы можем говорить о том, что они являются показателями монопропозитивных ситуаций.

Анализ языкового материала показал, что в русском языке ПЕ единиц, включающих в себя соматическое существительное *глаза* на порядок больше, чем в других славянских языках, и все эти единицы очень разнообразны не только по своей семантике, но и по синтаксическим и морфологическим характеристикам.

ГЛАЗОМ КОГО

ПЕ *глазом* кого имеет характеризационное (сравнительное) значение, синонимом выступает конструкция с союзом *как*: *Рита, конечно, не открывала незнакомым людям двери, но глазом профессионального журналиста она моментально определила, что от этой женщины никакой угрозы не исходит* [НКРЯ] = ‘как профессиональный журналист, будучи профессиональным журналистом’; *Рыжий смотрел на Мишку глазом обиженного зверя* [НКРЯ] = ‘как обиженный зверь’; *Враги забросили идеологическое оружие, и твоя обязанность была разглядеть глазом ученого все то, что он глазом криминалиста еще видел в тумане* [НКРЯ] = ‘твоя обязанность как ученого была разглядеть все то, что он как криминалист еще видел в тумане’.

Материал показал, что в пассивных оборотах синтаксема *глазом* кого избыточна и не несет сравнительного значения: *В понятие этого движения входят все составляющие общественного развития: политика, экономика, философия, культура, уровень образования, национальные чувства и многое другое, порой не замечаемое глазом современника* [НКРЯ] = ‘не замечаемое современником’; *Соединение цитат из разных авторов в единый текст, своеобразный центон, где смысл возникает, прежде всего, из столкновения иной раз прямо определенных <... >, иной раз не опознаваемых глазом обычного читателя <... > фрагментов, создает впечатление единого потока, в котором все может быть цитатой, а может ею и не быть* [НКРЯ] = ‘не опознаваемых обычным читателем’; *Возникает более-менее постоянное сидение втроём – прочие гости редки и, в общем, не отмечены глазом хозяйки, придут и уйдут, – а эти сидят: Михайлов и Стрепетов или, может, Стрепетов и Михайлов, кто кого высидит...* [НКРЯ] = ‘прочие гости не отмечены хозяйкой’.

Употреблений с 0-формой актанта не отмечено, прилагательное-имя актанта возможно: *Обвела зорким женским глазом окрестности и остановилась неожиданно на театральном краснодеревщице Иване Исаевиче Пряничкове* [НКРЯ] = ‘зорко как женщина’.

Метафоризация ПЕ *глазом* кого не очень высокая: *глазом* учёного – *глаз* учёного, *глазом* пристрастного критика – *глаз* пристрастного критика, *глазом* художника – *глаз* художника, однако, представляется, что в большинстве случаев мы имеем дело со сдвигом в значении, имеется в виду вычленение релевантных для той или иной профессии качеств, что не соотносится с телесным значением лексемы *глаз*. Морфосинтаксической парадигмы не имеет, ПЕ *глазами* кого выражает другое (авторизационное) значение, поэтому *глазами* кого и *глазом* кого не могут быть признаны членами одной парадигмы.

НА ГЛАЗА КОГО, НА ГЛАЗА КОМУ¹⁵

Интересно, что для ПЕ *в глаза кого, кому* – *на глаза кого, кому*; *в глазах кого* – *на глазах (у) кого* предлоги *в* и *на* не синонимичны (*в кухне* – *на кухне*), их выбор не зависит от класса слов (*на этой неделе* – *в этом месяце*), они имеют смысловозначительную функцию (*в столе* – *на столе*).

Материал показал, что данная ПЕ (представляя собой обусловленную синтаксему) употребляется в 2 конструкциях:

а) *попасться на глаза кого/кому* ‘случайно встретить, увидеть’: *Пушкин пугается, что это любезное, почти любовное воспоминание, доказывающее нескромность, попадет на глаза любимой женщины* [НКРЯ]; *На прошлой неделе на глаза моей жене попало меховое пальто, и это мне стоило 3000 долларов!* [НКРЯ];

б) *показаться на глаза кого/кому* ‘появиться’: *Да и мало кто из местных жителей знал о его существовании, поскольку на глаза людей затворник не стремился показываться* [НКРЯ]; *В-третьих, теперь понятны слова Курта, что он не хочет показываться на глаза Курцеру* [НКРЯ].

Представляется, что реляционное значение можно выделить только для этих конструкций целиком, так как они сильно фразеологизированы. Возможно употребление с прилагательным именем-актанта: *Ну, таким бытом пролежал я, душенька, недель семь; на седьмой неделе мне бог радость послал: упростила за меня барыня, вышло распоряжение в солдаты меня не отдавать, а только чтобы на господские глаза не показывался* [НКРЯ] = на глаза господам; а также с 0-формой актанта: *И сколько же должно было пройти лет, сколько случайно выброшенных фраз, сколько разстроенных отношений с людьми, чтобы все это дошло до сознания и чтобы сделать вывод: болейши – не показывайся на глаза* [НКРЯ].

Степень метафоризации ПЕ *на глаза кого/кому* низкая, так как они употребляются в основном с личными именами: *на глаза моей жене* – *глаза моей жены*; *на глаза Маруси* – *глаза Маруси* и т.д. ПЕ *на глаза кого* – *на глаза кому* образуют морфосинтаксическую парадигму¹⁶.

НА ГЛАЗАХ КОГО, НА ГЛАЗАХ У КОГО¹⁷

Данные ПЕ маркированы в [СОШ] пометой «в значении предлога с род.п.» (*На глазах у всех. На глазах у удивленной публики*). ПЕ имеют значение ‘в поле зрения кого, в непосредственной видимости’¹⁸, таким

¹⁵ ПЕ *на глаза кого* и *на глаза кому* составляют морфосинтаксическую парадигму, различаясь лишь формой управляемого существительного, поэтому мы рассматриваем их в одном ряду.

¹⁶ В форме ед.ч. без управляемого слова (*на глаз, на глазок*) значит ‘приблизительно’.

¹⁷ Данные ПЕ входят в одну морфосинтаксическую парадигму, поэтому мы рассматриваем их вместе.

¹⁸ В [Гудков, Ковшова 2007, 149] дается следующая интерпретация: «имеется в виду, что то или иное событие имело место в непосредственной близости от некоторого лица,

образом, они выражают авторизационные отношения ‘кто видел что’, входя в полипропозитивную конструкцию: *Тление на глазах Маргариты охватило зал, над ним потёк запах склена* [НКРЯ] = ‘Маргарита видела, как тление охватило зал’; *Если на глазах наших спецслужб развивался наркорынок, то должен был строиться и противовес ему, нет?* [НКРЯ] = ‘наши спецслужбы видели, как развивался наркорынок’; *Экономика Китая развивается не по дням, а по часам на глазах у всего мира* [НКРЯ] = ‘весь мир видит, что экономика Китая развивается не по дням, а по часам’; *И тогда на глазах у всего честного народа пирожок исчез* [НКРЯ] = ‘весь честной народ видел, как пирожок исчез’.

Текстовая парадигма данных ПЕ представлена в полном объеме, возможна 0-форма актанта: *Снова и снова я вспоминал ту камчатскую речушку и умирающих на глазах лососей* [НКРЯ]; и прилагательное-имя актанта: *Палагея Евграфовна ушла в угол за левый клирос: она не любила молиться на людских глазах* [НКРЯ].

ПЕ *на глазах кого, на глазах у кого* сильно грамматикализованы: во-первых, налицо высокая степень их метафоризации: *на глазах у всего мира* – **глаза всего мира, на глазах всего дома* – **глаза всего дома, на глазах писательской общественности* – **глаза писательской общественности, на глазах нашего поколения* – **глаза нашего поколения*¹⁹, а во-вторых, они составляют морфосинтаксическую парадигму: *на глазах кого* – *на глазах у кого*.

Отметим, что *на глазах* без управляемого обычно означает ‘очень быстро’ и не является ПЕ: *Не успев как следует протрезветь, Кошкин входит в роль вождя и прямо на глазах меняется в лучшую сторону: повышает производительность, овладевает смежной специальностью* (ИЗВ.)

Итак, как видно из таблицы 1, все 8 ПЕ имеют разное значение (реляционное, авторизационное, субъектное и т.д., причем, ни в одном случае значение не повторяется), не отраженное в большинстве случаев в словарях, что затрудняет инофонам понимание и продукцию русских текстов. Синтаксическое поведение данных ПЕ также различно: ПЕ *в глаза₁ кого/кому (бросаться), в глаза₂ кого/кому (сказать), на глаза кого/кому, на глазах (у) кого* свободно допускают употребление с 0-формой анафоры, а остальные ПЕ – нет; прилагательное имя-актанта системно при ПЕ *в глазах кого, глазами кого, глазом кого, на глаза кого/кому, на глазах (у) кого*.

которое имело возможность наблюдать происходящее (чаще речь идет о неприятных происшествиях)».

¹⁹ *И ребята, видно, наслаждаются, закуривая на глазах всего дома* [НКРЯ]; *Всё происходит на глазах общественности, и не какой-нибудь, а писательской* [НКРЯ]; *Я же только свидетель, на моих глазах, на глазах нашего поколения разрушался этот Храм* [НКРЯ].

Наиболее грамматикализованными (предложенными) можно признать ПЕ *на глазах (у) кого*, *в глаза₁ кого/кому (бросаться)*, *в глаза₂ чего/чему (смотреть)*, как обладающие высокой степенью метафоризации и морфосинтаксической парадигмой, далее следуют ПЕ *глазами кого*, *в глазах кого/чьих* (сильная метафоризация), *в глаза₂ кого/кому (сказать)*, *глазом кого* (средняя степень метафоризации).

Представляется, что подробное лексикографическое описание ПЕ в проекте «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц» значительно облегчит задачу анализа и синтеза текста иностранным учащимся, изучающим русский язык.

Сопоставительный анализ ПЕ, включающих лексему *глаз/глаза*, в русском и других славянских языках показал, что русский язык обладает значительно большим числом подобных ПЕ, чем его «ближайшие собратья». Интересно также, что, например, болгарские эквиваленты русских ПЕ не совпадают с ними в синтаксическом поведении. Так, болг. *в очите на* может употребляться как в монопропозитивных, так и в полипропозитивных конструкциях, соответствуя, таким образом, двум русским ПЕ *глазами кого* и *в глазах кого*. Представляется, что подобные типологические исследования очень актуальны как для целей перевода, так и для установления системных особенностей различных славянских языков.

Таблица 1.
Характеристика
русских предложных единиц, включающих лексему *глаз/глаза*

ПЕ	Значение	Синонимы	Антонимы	Текстовая парадигма		Признаки грамматикализации	
				0-форма актанта	прилагательное-имя актанта	метафоризация	морфосинтаксическая парадигма
<i>в глаза за1</i> кого / кому (бросает всх)	субъектное 'обратить внимание'	-	-	<i>Отсутствие.молодежи в парламенте бросается в глаза.</i>	-	высокая	<i>в глаза кого – в глаза кому</i>
<i>в глаза за2</i> кого / кому (ска-зать)	характеризационное 'напрямую, непосредственно'	<i>в лицо кого/ кому</i>	<i>за глаза</i>	<i>... прощавая вечно стараются покумтателям угодить ... вот и врут в глаза.</i>	-	средняя	<i>в глаза кого – в глаза кому</i>
<i>в глаза за3</i> чего / чему (смот-реть)	реляционное 'сталкиваться с чем-то'	-	-	-	-	высокая	<i>в глаза чего – в глаза чему</i>
<i>в глаза за4</i> кого / чьих	авторизационное 'кто считает что'	<i>с точки зрения кого, для кого, в очих кого, глазами кого</i>	-	-	<i>Женский образ в мужских глазах оказался ничуть не лучше.</i>	высокая	-

ПЕ	Значение	Синонимы	Анонимы	Текстовая парадигма		Признаки грамматикализации	
				0-форма	прилагательное-имя актанта	метафоризация	морфосинтаксическая парадигма
глазми кого	авторизационное 'кто видит что как'	с точки зрения кого, для кого, в очах кого, в глазах кого	-	-	... человек должен научиться восприни- мать мир другими глазами.	высокая	-
глазом кого	характеризационное, сравнение 'как кто'	-	-	-	Обвела зорким жес- тким глазом окрест- ности и остано- лась...	средняя	-
на глаз кого/ кому у	'реляционное значение кон- струкций по- лость/ появиться на глаза	-	-	... болей – не показывайся на глаза.	... только чтобы на господские глаза не показывался.	низкая	на глаза кого – на глаза кому
на глазах (у) кого	авторизационное 'кто видит что'	-	-	Снова и снова я вспомнил ту кам- чатскую речушку и умирающих на глазах лососей.	Палагея Евсрафовна ушла в угол за левой клерос: она не люби- ла молиться на дво- рских глазах.	высокая	на глазах кого – на глазах у кого

Л и т е р а т у р а

1. *Абрамова А.Г.* Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков): Дис. ... канд. филол. Наук. Чебоксары, 2005.
2. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. М., 2009.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
4. *Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предложения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2.
5. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4.
6. *Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011, № 3.
7. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1 (в печати) (а).
8. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. А – В РЯДАХ (кого-чего) (объективная грамматика). Книга 2 (в печати) (б).
9. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. В РЯДУ (кого-чего) – ВЫШИ-НЫ (сколько) (объективная грамматика). Книга 3 (в печати) (в).
10. *Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.
11. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1863–1866.
13. *Дамянова Д.И.* К вопросу о функциональных эквивалентах русских предлогов в болгарском переводе // Славянските предлози / Словенски предлози / Славянские предлоги / Славянскія прыназоўнікі / Слов'янські прийменники / Przymyki słowiańskie (Сборник статей) Отв. редактор Гочо Денев Гочев – Велико Търново, 2007.
14. *Загнітко А.П., Данилюк І.Г., Ситар Г.В., Щукіна І.А.* Словник українських прийменників. Донецьк, 2007.
15. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. М., 1988.
16. *Канюшкевіч М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках. Частка 1. Дыяпазон А-Л. Гродна, 2008.
17. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2005.
18. *Кудинова Л.В.* Русские фразеологизмы с лексическим компонентом «глаза/глаз» как результат обобщения культурного опыта народа // XII международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2005». М., 2005.
19. *Макарова О.В.* К проблеме лексикографии русских культурных кодов («зуб/зубы» в соматическом коде культуры) // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Выпуск 1. М., 2005.

20. Мокиенко В.М., Фелицына В.П. Русский фразеологический словарь. М., 1999.
21. Русецкая Йовита Я. Фразеологические соматизмы русского и литовского языков // Мир русского слова. 2010, № 3.
22. Савченко В.А. Концептосфера «Человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов): Дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.
23. Сеницына Н.В. Роль соматической лексики в формировании картины мира // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011, № 6 (49).
24. Скнарев Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
25. Словенски предлози / Славянские предлоги / Славянскія прыназоўнікі / Слов'янські прийменники / Przymyki słowiańskie (Сборник статей) Отв. редактор Гочо Денев Гочев. Велико Търново, 2007.
26. Солдуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. М., 2003.
27. СОШ – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
28. Тихомирова Т.С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.
29. Українські прийменники: Синхронія і діахронія: пробний зошит / За ред. проф. А.П. Загнітка. Донецьк, 2003.
30. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.
31. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
32. Milewska B. Przymyki wtórne we współczesnej polszczyźnie. Gdańsk, 2003a.
33. Milewska B. Słownik polskich przyimków wtórnych. Gdańsk, 2003b.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ГЛАЗА...

ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ЛЕКСЕМУ ГЛАЗ/ГЛАЗА (зарисовки на материале славянских языков)

Аннотация

В статье представлены и охарактеризованы предложные единицы, включающие лексему *глаз/глаза* (и ее эквиваленты в других славянских языках): рус. **в глаза**, *кого/кому (бросаться)*, **в глаза**, *кого/кому (сказать)*, **в глаза**, *чего/чему (смотреть)*, **в глазах** *кого*, **глазами** *кого*, **глазом** *кого*, **на глаза** *кого/кому*, **на глазах** *кого*, болг. **в очите на** и **през очите на** и др. Каждая предложная единица охарактеризована с точки зрения значения, поведения в тексте и степени грамматикализации.

SO DIFFERENT EYES...

PREPOSITIONAL UNITS INCLUDING LEXEME EYE/EYES (GLAZ/GLAZA) (Sketches on the Slavic languages)

E.N. Vinogradova, V.L. Chekalina

Keywords: prepositional unit, somatic noun, “eye/eyes”, text paradigm, semantics of preposition, grammaticalization, the Russian language, the Bulgarian language, the Slavic languages

Abstract

The article presents and describes prepositional units, including lexeme *eye/eyes (glaz/glaza)* (and its equivalents in other Slavic languages) Russian: *v glaza₁, kogo/komu brosatsja* (to strike one's eyes), *v glaza₂, kogo/komu skazatj* (to one's face tell smth), *v glaza₃, chego/chemu smotretj* (to look smth straight in the eye), *v glazah kogo* (in smb's eyes), *glazami kogo* (through the eyes of smb), *glazom kogo* (with an eye of), *na glaza kogo/komu popadatsja* (to catch / meet smb's eye), *na glazah kogo* (before the very eyes of smb); Bulgarian: *v ochite na* (in smb's eyes, through the eyes of smb), *prez ochite na* (through the eyes of smb) etc. Each unit is characterized by its semantics, text paradigm and grammaticalization level.

Язык и наука о языке

© доктор филологических наук А.А. Волков (Россия), 2013

Ключевые слова: язык, лингвистика, герменевтика, риторика

Дать строгое научное определение языка трудно. Определить значит установить предел, границу понятия и его место в более широкой смысловой сфере. Но далеко не всякое понятие можно определить таким образом: что такое материя, природа, жизнь, язык, общество, история?

Очевидно, особенность любой фундаментальной науки состоит в принципиальной неопределимости ее предмета¹. Ни один из перечисленных предметов научного знания – физики, биологии, социологии, истории – не может быть отнесен к более широкой смысловой сфере и ограничен от смежных явлений того же рода, потому что мы не можем указать на что-либо подобное природе, жизни, обществу, истории. Мы не можем даже указать: «Вот это материя, жизнь, общество, история». Мы можем указать лишь на материальное тело, живой организм, общественное явление, историческое событие. Но материя не есть совокупность материальных тел, как жизнь не есть совокупность живых организмов, а история – совокупность исторических событий. Точно так же мы не можем указать: «Вот это – язык», или даже: «Вот это – русский язык». Мы можем определить язык лишь *номинально*.

Обратимся к описанию значения слова “язык”. «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (1801–1872) дает следующие значения слова “язык”:

«Язык (м.) – мясистый снаряд во рту, служащий для подкладки зубам пищи, для распознавания вкуса ее, а также для словесной речи, или, у животных, для отдельных звуков. *Коровий язык, лизун; рыбий, тумак; змеиный, жало, вилка; песий, лопата; кошачий, терка. Прикуси ломало, злой язык; лепетун, болтливый; мешалка, ребячий; суконный, картавый*. Прочие значения языка выведены или из наружного вида его, или как орудия речи. <...> // Язык, словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика; совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих; ясак. Наречие, взявшее верх над прочими, сродными наречиями, зовут языком. *Он знает много языков, говорит на пяти языках. Притча во языцех (Пст.) в лицах. // Способность или возможность говорить. Немой без языка. Больной лежит без языка, не может говорить. Язык отнялся; арх. он заронил язык. Заронить язычок, болеть горлом, жабой. // Слова, а более постановка и связь их, образ, способ выраженья, свойственный кому*

¹ Ср. отказ В.И. Вернадского от определения предмета науки: *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М.: «Наука», 1991. С. 14–15.

лично. *Язык Пушкина, Крылова, Державина. Лермонтов умел писать языком каждого из лучших поэтов наших. Язык Гоголя пестрый неправильный, но яркий, сильный и выразительный.* // Строй, слог и самый выбор слов, при различном их образовании и по принятому обычаю. *Язык книжный – высокий, строгий; – поэм; язык простонародный, разговорный, приказной и проч.* // Язык военн. пленник, от коего расспросами выведывают что нужно о положении и состоянии неприятеля. *Добыть, достать языка. Казаки в разъезд за языком пошли. Языки сказывали.* // Стар. приказн. обвинитель, обличитель перед судом, оговорщик на допросе, взятый и допрашиваемый для розыска дела. *А на которых людей языки говорят с пыток, и тех людей по язычным толкам, имати, Акты.* // Народ, земля, с одноименным населением своим, с одинаковою речью. *Язык самарийский, Деян. Самаритяне. Рцйте во языцех (всем народам), яко Господь воцарися, Псл. Поганьи же половцы съвокупиша весь язык свой на русскую землю, лтпс. нашествие двенадесяти языков на Русь, 1812 год.* // Язык, црк. Чужой народ, иноверцы, иноплеменники; // язычники, идолопоклонники. *Убо и языкам Бог покаяние даде в живот, Деян. Всяк язык Бога хвалит...»².*

В этом описании значения слова “язык” обращают на себя внимание следующие значения.

1. Язык – процесс общения.

Язык – часть организма человека. В широком смысле – анатомическая и физиологическая основа коммуникации.

Язык – свойство человека, отличающее его от животных.

2. Язык как система знаков, обеспечивающая коммуникацию.

Язык – система слов и грамматических форм, характерная для определенного сообщества, речевого коллектива.

Язык – способность человека, недостаток которой создает затруднения в мышлении и взаимопонимании: ломало, мешалка, лепетун, суконный.

Язык – продукт и осуществление исторического бытия народа с характерным для него мировоззрением, образом жизни, культурой и обычаями: «словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика; совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих». В понятии языка особо выделяется момент отличия «наш / не наш», который определяет и особенности речи различных социальных групп – язык / наречие.

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

3. Язык – исторически сложившаяся система произведений слова

Язык – особенность словесных произведений, связанная и с их авторством, содержанием и характером использования.

Язык – способность отдельного лица, определяющая наличие сознания и характеризующая человеческую индивидуальность.

Язык – индивидуальные особенности речи, стиль писателя.

4. Язык – целенаправленная деятельность

Язык – человек, носитель определенной информации.

Язык – сознательное и контролируемое поведение человека в обществе, которое может быть правильным или неправильным.

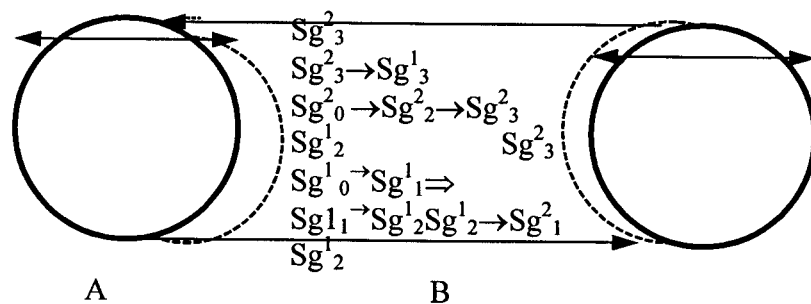
Качества речи обобщаются и оцениваются в пословицах о языке на основе этических принципов – хорошего и дурного. Они оказываются источником информации о говорящем, о содержании и приемлемости высказываний и дают основание для оценки человека по его речи.

Язык, таким образом, выступает как свойство (то есть исключительная особенность) человека и основа культуры. Рассмотрим эти особенности языка, составляющие предмет науки о языке – филологии.

Общая картина коммуникации: язык процесс общения и свойство человека

Коммуникация представляет собой диалог, в котором участвуют, по крайней мере, двое – отправитель и получатель высказываний, меняющиеся ролями. Акт коммуникации возможен, только если ее участники имеют общую тему, содержание, которое сообщается или обсуждается. Участники коммуникации различаются наличием у каждого некоторого знания, которым, по его мнению, не обладает партнер и которое он намерен сообщить. Это значит, что каждый из участников коммуникации выбирает партнера и прогнозирует то содержание, которое он намерен сообщить и/или получить и усвоить, имея при этом определенную цель.

Рис. 1

Общение на естественном языке представляет собой коммуникативное кольцо с обратной связью³ (рис. 1), в котором имеются, по крайней мере, два участника⁴.

Коммуникативное кольцо содержит три обвода – внутренний, промежуточный и внешний. Общение происходит в трех обводах этого единого кольца – внутреннем ($Sg^1_0 \rightarrow Sg^1_1 \rightarrow Sg^1_2$; $Sg^1_2 \rightarrow Sg^2_1$; $Sg^2_1 \rightarrow Sg^2_0 \rightarrow Sg^2_2$; $Sg^2_2 \rightarrow Sg^2_3$ и т.д.), внешнем (Sg^1_2 ; Sg^2_3) и промежуточном (Sg^1_1 , Sg^2_2).

Отправитель сообщения (А) создает внутреннее высказывание на внутреннем обводе коммуникативного кольца Sg_{11} . Внутреннее высказывание представляет собой замысел, который может представлять собой как простое, так и сложное высказывание, конструкцию, содержащую прогноз ответа или план последовательности высказываний. Высказывание Sg^1_1 преобразуется во внешнее высказывание Sg^1_2 , которое последовательно выстраивается в речевую цепь – сообщение на внешнем обводе коммуникативного кольца. Отправитель сообщения сам является получателем. По мере развертывания сообщения в речевую цепь он последовательно воспринимает, анализирует и оценивает свое высказывание, ориентируясь на реакцию собеседника. Поэтому отправитель в состоянии перестраивать высказывание в ходе его развертывания.

Получатель (В) принимает высказывание и преобразует высказывание Sg^1_2 в аналог Sg^2_1 на внутреннем обводе. Этот аналог принадлежит В и является его интерпретацией высказывания. Высказывание Sg^2_1 оказывается основой замысла ответного высказывания В ($Sg^2_1 \rightarrow Sg^2_2$). Далее, преобразуясь в отправителя, В строит высказывание на внешнем и промежуточном обводах коммуникативного кольца. Вся последовательность преобразований повторяется. При этом по мере развертывания речи накапливается (аккумулируется) состав высказываний и их отношений: в простейшем диалоге с двумя участниками с каждым новым ходом прибавляется одно собственное завершённое высказывание и одно высказывание собеседника, в результате чего в ходе диалога прирастает информация о содержании темы, об участниках общения, о строении высказываний.

³ Волков А.Г. Об актуальных проблемах средств массового воздействия и средств массовых коммуникаций. В кн.: Предмет семиотики. М., 1975. С. 6–21.

⁴ Греческое слово *δίλογος* означает не ‘речь двоих’, но чередование осмысленных высказываний. Эта идея чередования последовательных, связанных темой и замыслом ‘логосов’, создаваемых определенными людьми в определенных условиях и с целью обсуждения определенной проблемы – диалектика, а не число говорящих, представляется определяющей идеей диалога.

По мере того, как отправитель создает сообщение, получатель его принимает. Соответственно, время передачи сообщения равно времени его получения. При этом партнеры приспособливаются друг к другу, изменяя продолжительность, темп, уровень громкости, степень дискретности сообщений. Поскольку интервалы между репликами непродолжительны, мы вправе предположить, что время, которое каждый из них затрачивает на восприятие сообщения собеседника и на обдумывание ответа, соразмерно с продолжительностью реплики: $t_1 (Sg^1_1 \rightarrow Sg^2_1)$ $t_1 \sim t_2 (Sg^1_2 \rightarrow Sg^2_2)$.

Это обстоятельство связано со временем, необходимым для артикуляции сообщений, и практически мгновенным затуханием сигнала. Поэтому расположение сообщений на внешнем обводе кольца можно рассматривать как линейное – одномерное: фрагменты сообщений следуют один за другим. Это значит, что по мере обмена сообщениями партнеры приспособливаются друг к другу и к условиям среды коммуникации; они в состоянии адаптировать свои высказывания в ходе коммуникации применительно к ее условиям.

Сообщение может быть направленным определенному адресату и ненаправленным. Голос отправителя распространяется в основном вперед в пределах некоторой незамкнутой полусферы, поэтому получатель может обращаться именно к отправителю, а может говорить «в пространство», как бы для любого потенциального слушателя. Получатель же речи, напротив, фиксирует положение и индивидуальные особенности речи источника: прием сообщения является направленным. Но в ходе разговора отправитель и получатель сообщения постоянно меняются ролями.

Сообщения содержат непрерывные и дискретные фрагменты: то есть фрагменты, которые воспроизводятся или не воспроизводятся собеседниками в различных контекстах, а также фрагменты, между которыми обнаруживаются или не обнаруживаются паузы. При этом каждое сообщение характеризуется:

- а) чередованием линейных дискретных фрагментов, содержащих непрерывные последовательности непрерывных составляющих;
- б) единым интонационным контуром, охватывающим каждое сообщение, границы которого определяются ответом собеседника.

Последующие высказывания содержат фрагменты предыдущих. Элементы, из которых состоят дискретные фрагменты и которые мы можем выделить, сопоставляя дискретные фрагменты, также воспроизводятся в высказываниях собеседников. По мере увеличения числа реплик число повторяющихся дискретных и непрерывных фрагментов нарастает: это дискретные фрагменты – слова, составляющие их слоги, воспроизводящиеся звуки, а также формы огибающих высказывание

интонационных контуров⁵. Участники общения отождествляют повторяющиеся фрагменты собственных высказываний с аналогичными фрагментами, входящими в высказывания собеседника. Высказывания собеседников чередуются.

Модели, по которым разные говорящие и слушающие одинаковым образом отождествляют и воспроизводят фрагменты разных высказываний, и составляет *систему языка – знание, необходимое для общения*.

Счет высказываний, образующих последовательность речи, дает основание утверждать, что партнеры разговаривают на определенную тему, с определенной целью, по определенным правилам. Обмен репликами предполагает некие общие для партнеров знания, а также знания каждого из них, которые отсутствуют у другого.

Акт коммуникации возможен постольку, поскольку каждый из участников стремится сообщить определенную информацию и в ответ получить некоторую информацию. Но для того чтобы состоялся обмен информацией, партнеры должны иметь общие знания двоякого характера.

Во-первых, это *знания относительно строения высказываний*, которыми они обмениваются, во-вторых, это *знания о содержании высказываний*. Действительно, используя общий язык, который партнеры не могут не знать, они говорят о предмете, который лежит за пределами языка как такового.

Совместную речь нескольких людей, в ходе которой отдельные высказывания, обращенные к конкретным адресатам, чередуясь, образуют завершенную последовательность и которая характеризуется общими содержанием и целями и основана на общих моделях и правилах построения высказываний, будем называть диалогом.

Таким образом, формируется универсум артикуляционно-акустической коммуникации с особым семиотическим пространственно-временным строением, которое имеет целый ряд фундаментальных свойств: одномерность сообщений на внешнем обводе кольца становится многомерностью в системе кольца в целом.

То обстоятельство, что мы, очевидно, в отличие от животных, можем понимать собственные высказывания, а не только реагировать на высказывания других, кажется банальным, но эта «банальность» влечет за собой значимые следствия.

Рефлексия. Каждый отправитель речи одновременно является ее получателем. Но замысел высказывания обычно не совпадает с его реализацией. Используя промежуточный обвод коммуникативного кольца, мы, во-первых, в состоянии контролировать темп, громкость, содержа-

⁵ Брызгунова Е.А. Интонация. Русская грамматика. Т. I, М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 96–122.

ние своей речи, поскольку не просто слышим произносимые нами слова и фразы, но отличаем то, что произносим сами, от того, что говорит наш собеседник. Вместе с тем мы отождествляем произносимые нами фрагменты речи с аналогичными фрагментами высказываний нашего собеседника или собеседников. Во-вторых, когда мы по мере произнесения высказывания замечаем какие-то его особенности, не соответствующие нашим намерениям или с нашей точки зрения неправильные, мы в состоянии поправиться и перестроить высказывание по ходу речи. В-третьих, если мы заметили, что собеседник нас не расслышал, не понял, ожидает продолжения речи, мы дополняем сказанное и можем создать новое высказывание, аналогичное предыдущему.

Все это означает, что мы осознаем собственные высказывания, причем таким образом, что можем заменить фрагменты высказываний или целые высказывания другими, с нашей точки зрения аналогичными или более уместными, но последние и для нашего собеседника также оказываются аналогичными. Отсюда следует, что участники общения подобны в плане операций с высказываниями.

Рефлексия коммуникации есть свойство человека, на основании которого возможны фундаментальные операции с высказываниями и их фрагментами: рекурсия, обозначение, предикация, номинация и оценка высказываний.

Рекурсия. Следствием рефлексии оказывается рекурсия – преобразование одних фрагментов высказываний в другие. Мы можем подставлять одни высказывания или их фрагменты на место других, вставлять в высказывания новые фрагменты, причем, по определенным правилам, и интерпретировать высказывания с помощью других высказываний. Наш собеседник, в свою очередь, делает то же самое, причем наша реакция на его поправки, дополнения и преобразования высказываний, сходна с его реакцией на наши действия того же рода. Фрагменты высказываний и целые высказывания могут менять свои функции, замещать другие и входить в состав новых высказываний. Поэтому теоретически возможны высказывания любой длины и бесконечное число высказываний.

Обозначение. *«Знак, или репрезентант, есть нечто, что замещает (stands for) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю интерпретантом первого знака»⁶.* Знак включает *репрезентант, объект и интерпретант*: он существует не только как обозначение какой-то «вещи», но и обозначение *другого знака*. Знак языка является интерпретантом, поскольку он обозначает

⁶ Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. Пер. с английского В.В. Кириющенко и М.В. Колопоткина. С.Пб.: Изд-во «Алетейа», 2000. С. 48.

другой знак языка. Именно поэтому участники диалога могут говорить об «истине», а не только о яблоке, которое растет на ближайшем дереве и которое кому-то из них хочется съесть⁷.

На внутреннем обводе коммуникативного кольца мы создаем высказывания и их значения. Действительно, чтобы высказывание могло осуществиться как факт для нашего собеседника на внешнем обводе кольца, мы должны построить его на внутреннем обводе, преобразовать в звуковую форму, по мере реализации которой мы создаем последовательную цепочку связанных интонацией фрагментов. Эту последовательность – внешнее высказывание – воспринимает наш собеседник, причем таким образом, что каждый фрагмент и всю последовательность в целом он преобразует в свое внутреннее высказывание. Это последнее оказывается интерпретацией, то есть установлением соответствия полученных им знака-высказывания и составляющих его знаков-фрагментов с его ответной репликой. Затем весь цикл повторяется в обратном направлении.

Одни знаки замещаются и интерпретируются другими, *и при переходах от внутреннего обвода кольца к промежуточному и внешнему мы не обнаруживаем ничего, кроме знаков и моделей их замещений или интерпретаций другими знакам, поскольку «в человеческом сознании нет ничего такого, что не имело бы чего-то соответствующего в слове; основание подобного утверждения очевидно. Оно в том, что слово (или знак), употребляемое человеком, есть сам человек. Ибо как тот факт, что всякая мысль есть знак, взятый вместе с тем фактом, что жизнь есть последовательность (train) мысли, доказывает, что человек это знак, также и то, что всякая мысль есть внешний знак, доказывает, что человек есть внешний знак. Другими словами, человек и внешний знак тождественны в том же смысле, в каком тождественны слова homo и человек. Таким образом, язык есть совокупность (the sum total) меня самого; ибо человек есть мысль»*⁸.

Но здесь закономерен вопрос: если знакам соответствуют только знаки и модели их взаимного замещения, то каким образом в диалоге мы обнаруживаем приращение смысла, то есть создание новых высказываний-знаков, взаимные связи которых не объясняются просто правилами рекурсии? На внутреннем обводе кольца имеется разрыв между пониманием реплики и ответом на нее: ответ несводим к простому преобразованию предшествующей реплики. Но на каком основании мы

⁷ Ср.: Блумфилд Л. Язык. Пер. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. М.: «Прогресс», 1968. С. 37 и далее.

⁸ Пирс Ч.С. Начала прагматизма. Пер. с английского В.В. Кирющенко и М.В. Колопоткина. С.Пб.: Изд-во «Алетейа», 2000. С. 49–50.

можем утверждать, что значение высказываний – наши мысли – не сводится к рекурсии слов и конструкций?

Номинация и предикация. «Высказывание же есть звук сложный, значащий и такой, части которого и сами по себе значащи, ибо хотя не всякое высказывание составляется из глаголов и имен, но может быть и без глаголов, как, например, определение человека, однако значащие части в нем будут всегда, например, в высказывании “Клеон идет” слово “Клеон”. Высказывание едино в двух различных смыслах: или как обозначение чего-то одного, или как соединение многого – так, “Илиада” едина как соединение, а определение человека – как обозначение одного»⁹.

Номинация (именование) представляет собой **назначение знака**. Назначение знака – сложный и важный для понимания природы языка процесс, который обычно не рассматривается в рамках лингвистики, поскольку относится, скорее, к сфере философии языка.

«Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных. И привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, та и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему» (Быт.2;19, 20). Назначение знака в исходном виде представляет собой указание на конкретный предмет и название этого предмета или действия: «это есть олень», «это есть лев», «это есть осел». Но каким образом назначаются знаки общего и абстрактного характера: «это есть разумное существо», «это есть помощник»?

Поскольку исходное назначение знака есть указание, логически возможно только обозначение конкретного объекта – не вообще олень, но данный олень. Но само по себе слово «Олень» означает конкретное существо и является его личным именем. Обозначение тем же словом любого другого подобного существа оказывается *метафорой*, которая и создает представление «олень». В таком случае образуются связи: объект – звук = имя собственное, объект – объект = представление, звук – звук = метафора, представление – звук = имя нарицательное. Отношение объект – представление образует естественный знак – ментальный термин, или концепт (*terminus conceptus*). Концепты (Sg^1_0) «*пребывают лишь в уме и как таковые не могут быть выражены вовне*»¹⁰. Здесь мы имеем дело со знаками внутреннего обвода коммуникативного кольца, внутренним языком. Звук, слово – «искусственный» знак (*terminus prolatus*), создаваемый артикуляцией.

⁹ Аристотель. Поэтика 1456b 23–32. Собр. соч. Т. 4. М.: «Мысль». 1984. С. 668.

¹⁰ Уильям Оккам. Логика. Избранное. М.: УРСС, 2002. С. 5.

Отношение, умственного знака (*terminus conceptus*) к звучащему слову (*terminus prolatus*) требует особого разбора. Звук параллельно обозначает концепт и объект, но различным образом: «если изменится сигнификат понятия ума (при том, что слово для обозначения сигнификата данного понятия уже установлено) изменится и сигнификат слова – без нового установления»¹¹. Слово (*terminus prolatus*) не изменится, но приобретет новое значение: слово обозначает «по произвольному установлению», а концепт – «по природе». Изменяемость значения слова открывает возможность именованного знака через знак, с соответствующим формированием общего и коннотативного значения.

Рекурсия открывает возможность суппозиции («подстановки») имени: «всякий лев есть живое существо» – *персональная суппозиция*. В данном случае и «всякий лев», и «живое существо» обозначают совокупность львов и каждого льва. В результате оказывается, однако, что слово «лев» обозначает уже не конкретного данного льва, но любого представителя класса львов, как и весь класс в целом. «Персональная суппозиция имеет место, когда термин подразумевает обозначаемое им и выступает как обозначающий»¹². Иное значение имеет *простая суппозиция*: «лев есть вид». Здесь слово «вид» не является обозначающим для львов, оно обозначает нечто качественно иное – абстрактную категорию, минимальный класс любых объектов, члены которого образуют классы¹³. *Материальная суппозиция* позволяет строить высказывания о языке посредством слов языка. «Материальная суппозиция не подразумевает (*non supponit*: буквально, ‘не подставляется, не прилагается’ – *A.V.*) как обозначающий, но подразумевает слово произнесенное либо слово написанное»¹⁴. Например, «лев есть существительное», или «сказано “лев”». Материальная суппозиция делает именем всякое слово и вообще всякий именуемый дискретный фрагмент высказывания именем: “‘от’ – предлог, а ‘каждый’ – местоимение”, «суффикс -логия обозначает научную специальность или какую-либо сферу теории и практики»¹⁵.

Это свойство языка было открыто в конце IV века блаженным Августином, епископом Гиппона:

«Августин. Назови-ка мне теперь несколько любых союзов.
Адеодат. И, а, но, же.

¹¹ Уильям Оккам. Там же. С. 5.

¹² Уильям Оккам. Там же. С. 33.

¹³ Отдельного льва невозможно представить в виде класса объектов, его можно только разделить на части, ни одна из которых львом не будет.

¹⁴ Уильям Оккам. Там же. С. 33.

¹⁵ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. С. 132.

Августин. *А не кажется ли тебе все то, что ты назвал, именами?*

Адеодат. *Никоим образом.*

Августин. *По крайней мере, правильно ли, по-твоему, я выразился, когда сказал: “Все то, что ты назвал?”*

<...>

Августин. *Слова, несомненно, состоят из звуков и букв.*

Адеодат. *Нисколько не сомневаюсь.*

Августин. *Воспользуемся же лучше всего таким свидетельством, которое нам дороже всего. Когда ап. Павел говорит: “Ибо Сын Божий Иисус Христос, проповеданный у вас... не был ‘да’ и ‘нет’, но в нем было ‘да’” (2 Кор. I, 19), следует, как мне кажется, думать, что в Иисусе Христе были не те две буквы, которые мы произносим, говоря “да”, а скорее то, что оными буквами обозначается.*

Адеодат. *Ты совершенно прав.*

Августин. *Итак. Ты понимаешь, что апостол, сказав: “В Нем было ‘да’”, сделал не что иное, как словом “да” назвал то, что было в Иисусе Христе, как если бы апостол сказал: “В Нем была добродетель”, надлежало бы согласиться, что он сделал ни что иное. Как назвал добродетелью то, что было в Иисусе Христе. Не эти четыре слога, которые мы произносим, говоря “добродетель”, были во Христе, но то, что этими слогами обозначается.*

Адеодат. *Понимаю и вполне согласен.*

Августин. *А понимаешь ли ты, что нет никакой разницы в том, сказать ли “назвал добродетель”, или же “произнес имя добродетели”?*

Адеодат. *И это ясно.*

Августин. *Значит, ясно и то, что нет никакой разницы, сказать ли словом ‘да’ или же ‘наименовал’ то, что было во Христе.*

Адеодат. *Вижу, что это так.*

Августин. *Возможно, что теперь ты также видишь и то, что я хотел тебе показать.*

Адеодат. *Еще не вполне.*

Августин. *Не видишь, значит, что имя – это то, чем называется известный предмет?*

Адеодат. *Это для меня несомненно.*

Августин. *Смотри же: ‘да’ – имя, если им называется то, что было в Иисусе Христе.*

Адеодат. *Не стану этого отрицать.*

Августин. *Не сомневаюсь, поелику допускаю, что они обозначают собой нечто. Но если бы тебя спросили о самих обозначаемых ими вещах, как называются или какое носит имя в отдельности каждая из них, я не смог бы дать тебе другого ответа, кроме того, что эти час-*

ти речи, которые не называются именами, но которые, как вижу, мы имеем все основания называть именами»¹⁶.

Номинация делает возможной предикацию, потому что высказаться можно лишь о чем-то, что названо. Предикация делает возможной номинацию, то есть придание слову определенного значения – обозначения предмета мысли, выделяющего его в ряду других слов через упорядоченный состав эквивалентных и различающихся предикатов. Предикация и номинация как инструмент упорядочения словесного материала открывают возможность высказываться о предметах, не находящихся в непосредственном пространстве восприятия, например об истине и лжи, и тем самым создавать абстрактные значения фрагментов – слов, то есть систему языковых форм. Номинация и предикация не просто универсальное свойство, но сущность языка.

Преобразование высказываний на обводах коммуникативного кольца представляют собой систему номинаций, суппозиций и перекодировок знаков, обеспечивающую связь высказываний с реальностью и приращение смысла в ходе обмена репликами.

Исследователь языка наблюдает не некую «систему знаков» и не «речь», но высказывания, причем, под определенным углом зрения. Предмет наблюдения зависит от позиции исследователя. В зависимости от задачи, которую перед собой ставит исследователь, он может быть «третьим лицом», но может и отождествить себя с одним из участников диалога. Научная теория потому и является научной, что ограничивает свой объект исследования. Неправомерное расширение поля исследования превращает науку в миф. Порядок способов рассмотрения фактов речевой деятельности – возможных позиций исследователя – определяет порядок проблем, решаемых наукой о языке.

Лингвистическая модель коммуникации: язык как система знаков

Лингвист стремится понять замысел языка, который он исследует: *«В лингвистике объект вовсе не предполагает точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими»¹⁷.*

Лингвистический в тесном смысле подход к языку предполагает нейтральную, срединную позицию исследователя, при которой язык

¹⁶ Блаженный Августин. Об учителе. – Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. С. 316–318.

¹⁷ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. – Труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 1977. С. 46.

«существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющих у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц. Это, таким образом, нечто, имеющееся у каждого, вместе с тем общее всем и находящееся вне воли тех, кто им обладает»¹⁸.

Нейтральная позиция исследователя-лингвиста определяет характер научной абстракции, фундаментальные категории лингвистики, методы исследования, архитектуру и, главное, границы применения лингвистической теории:

«Принципом грамматики является выделение и описание тех элементов речи, которые достаточно регулярно и по определенным правилам воспроизводятся (а не производятся) в разных по авторству и аудитории речевых действиях. Грамматика отвлекается от того, кем, когда, для кого, на какую тему и каким образом было создано высказывание <...> грамматика, рассматривая высказывания, которые произведены во всех мыслимых условиях, находит в них близкие по материальной форме, значению и использованию части и делает их предметом описания. <...> То, что относится к речевому действию, т. е. Цель его, кто на кого воздействует, какими средствами, с каким результатом, для грамматики несущественно. Поэтому любое, самое разное речевое действие называется нейтральным словом “высказывание”. Для грамматики основным свойством высказывания является его делимость на части и возможность отождествить полученные в результате деления части с подобными частями других высказываний. <...> Грамматика (современная лингвистика) служит для создания возможности построить любое высказывание, то есть совершить любое речевое действие независимо от его замысла и значения»¹⁹.

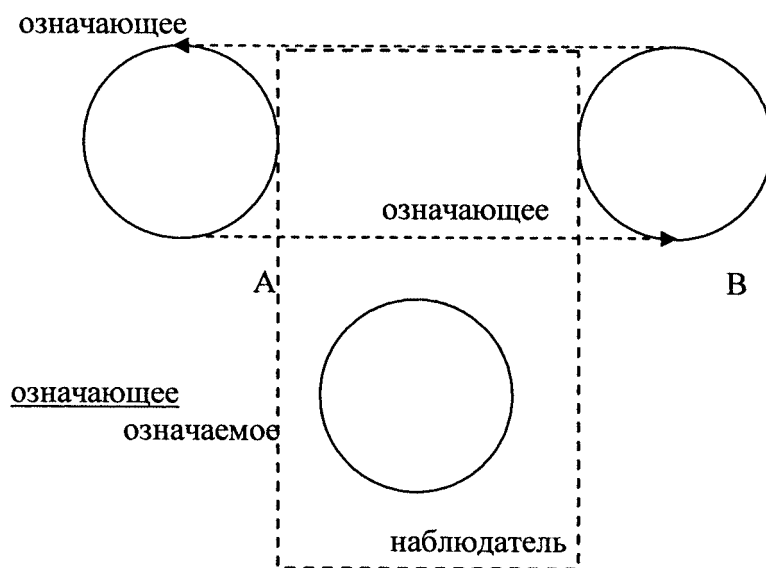
Лингвистика реконструирует общее для членов определенного речевого коллектива знание, на основе которого осуществляется любой акт коммуникации. Но «словарь», «экземплярами» которого являются участники общения, в равной мере отправители и получатели речи, сам по себе может быть различным. Эти абстрагированные безличные участники коммуникации группируются лингвистикой различным образом: по хронологическим срезам – в исторической грамматике; по территориальному принципу в пределах данного речевого коллектива – в диалектологии; по социальным группировкам – в социолингвистике; по психофизиологическим особенностям – в психолингвистике и т. д.

¹⁸ Ф. де Соссюр. Там же. С. 57.

¹⁹ Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1999. С. 77–78. Под грамматикой в данном месте автор понимает именно лингвистический подход к речевой деятельности (см. там же.).

Таким образом, позиция наблюдателя-лингвиста принимает следующий вид.

Рис. 2

Позиция исследователя предполагает систему постулатов, на основе которых лингвистическое исследование приобретает характер строгой научной теории. При этом следует подчеркнуть, что постулаты лингвистики в строгом смысле могут рассматриваться не как свойства объекта, но как особенности лингвистической теории. Язык и речь. Оппозиция языка и речи представляется фундаментальной в методологии лингвистики: если язык является абстрактной системой, реализация которой обусловлена «категорическим императивом» самой возможности коммуникации, то речь должна представлять собой принципиально неупорядоченный массив любых наблюдаемых и возможных высказываний, которые поэтому принимаются как гомогенные с предварительно определенной теоретической позиции. В этой теоретической позиции уже задано эмпирическое представление о данном языке, о несущественности для целей исследования оснований коммуникации, различии языковой и предметной компетентности ее участников, функциональной принадлежности и фактуре высказываний – устных, письменных, функционально-стилевых и т. д. Поэтому лингвистическая теория в строгом смысле не допускает обращение к тексту в целом с точки зрения авторского замысла, принадлежности к определенному виду сло-

весности и места в литературной традиции. *Лингвистика исследует фрагменты высказываний, отождествляемые по определенным правилам, задаваемым теорией.*

Дискретность и непрерывность речевого потока; линейность означающего. Речевой поток, высказывание *представляет собой непрерывно-прерывный звуковой ряд, в котором мы сможем выделить повторяющиеся дискретные фрагменты, только если будем соотносить их со значением:*

означаемое 1 / означающее 2 / означающее 3 / означающее 4
означающее 1 / означающее 2 / означающее 3 / означающее 4

Линейность и дискретность речевой цепи являются не свойством объекта исследования, но методологическим принципом исследования. Действительно, если мы обратимся к общей модели коммуникативного кольца, то обнаружится, что лишь на внешнем его обводе можно в самом общем виде говорить о линейности и одномерности сообщения. Но обращение к внутреннему обводу снимает это представление о линейности, поскольку высказывания и их составляющие преобразуются и получают соответствия, *гипотетически идентичные* у участников общения. Это значит, что высказывание, например Sg^1_2 посредством нахождения соответствий должно быть преобразовано в конечный дискретный ряд $Sg^1_2 \rightarrow (Sg^1_{2a}; Sg^1_{2b}; Sg^1_{2c} \dots Sg^1_{2n})$, чтобы дать аналогичный ряд $Sg^2_0 \rightarrow Sg^2_1 (Sg^1_{1a}; Sg^1_{1b}; Sg^1_{1c} \dots Sg^1_{1n})$. Является ли такой ряд аналогичным первому, а если является, то в какой мере, – другой вопрос. Существенно, что некое соответствие должно быть и что оно предполагает многомерность знака, поскольку он является знаком как для А, так и для В и имеет соответствия в виде других знаков на внутреннем обводе кольца.

Двусторонность языкового знака. Постольку же, поскольку наблюдателю-исследователю для получения дискретного образа сообщения не остается ничего иного, как сопоставить фрагменты сообщений с минимальными представлениями об их соответствиях, он вынужден ввести понятие двусторонности знака как дискретного фрагмента сообщения.

Каждое означающее соответствует в качестве предмета анализа каждому означаемому. Поэтому в реальности знак языка, представляет собой единицу анализа – отношение означающего и означаемого, единство которых и позволяет представить непрерывный ряд в виде следования дискретных фрагментов, повторяющихся в сообщениях. Языковой знак как двусторонняя сущность, единство означающего и означаемого, обнаруживается не в объекте, а в субъекте лингвистического исследования – наблюдателе и является поэтому теоретическим конструктом, необходимым для сегментации речевой цепи и построения на этой основе теоретической модели системы языка.

Язык есть форма, а не субстанция. Аналогично обстоит дело с «формой» и «субстанцией». Позиция лингвиста предполагает анализ ограниченного корпуса высказываний и устанавливает на базе этого корпуса отношения между единицами, которые гипотетически воспроизводятся в любом новом высказывании в пределах данного речевого коллектива. Но высказывания различных участников коммуникации и в различных условиях разнятся между собой и, более того, оказываются фактами не только устной, но и письменной речи. В любом случае они представлены в виде *записи-препарата*. Поэтому необходимо отвлечься от индивидуальных характеристик конкретных высказываний и рассматривать отношения элементов, воспроизводящихся в общих и повторяющихся признаках.

Высказывания могут отражать состояние, уровень владения языком физиологические особенности говорящих, могут быть устными, фиксироваться письмом или иным средством записи. Но все это несущественно с точки зрения лингвистической теории языка, так как *«нет ни материализации мыслей, ни спиритуализации звуков, а все сводится к тому в некотором смысле таинственному явлению, что соотношение "мысль/звук" требует определенных членений и что язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс»*²⁰.

Однако реальная нелинейность и многомерность знака требуют введения понятия значимости (*valeur*), поскольку коммуникация развертывается не по бихейвиористской схеме. Один и тот же «стимул» получает различные реакции, поскольку участники общения в реальности являются не экземплярами словаря, а людьми со свободной волей, а наблюдатель понимает значение высказываний. Поэтому он должен фиксировать многомерные связи между единицами: *«Языковая система есть ряд различий в звуках, связанных с рядом различий в понятиях, но такое сопоставление некоего количества знаков с равным числом отрезков, выделяемых в массе мыслимого, порождает систему значимостей; а эта-то система создает действительную связь между звуковым и психическим элементами внутри знака»*²¹. В результате любая единица должна описываться в соотношении с рядом единиц в плане выражения и в плане содержания. Поэтому каждая единица должна быть тем, чем не являются другие единицы и в языке *«нет ничего кроме различий»*²².

Произвольность и мотивированность знака. Лингвистический анализ, определяемый позицией наблюдателя, предполагает сопоставление различных высказываний в различных актах коммуникации. Предметом исследования являются не высказывания как таковые, а фрагменты

²⁰ Соссюр Ф. Там же. С. 145.

²¹ Соссюр Ф. Там же. С. 153.

²² Соссюр Ф. Там же. С. 152.

высказываний. Задача исследователя состоит в установлении общих компонентов единиц, которое возможно при условии фиксации не сходства, а регулярных соответствий единиц в различных контекстах. И только на основе регулярных соответствий можно построить представление о зависимости изменения значения единицы от изменения ее состава. Поэтому отношения означающего к означаемому произвольны и конвенциональны: любое значение может передаваться любым звуковым рядом. Но все, что относится к системе, есть ограничение произвольности знака.

Язык – система знаков. Теория языка, которую строит наблюдатель-лингвист, может представлять собой структурно-функциональную модель, основанную на принципе распределения единиц в высказываниях и на связи парадигм – классов альтернирующих единиц и синтагм – классов сочетающихся единиц.

Система и уровни языка. Представление о языке как иерархической многоуровневой системе основано на принципе необратимости анализа и на постулировании принципиальной неограниченности числа возможных осмысленных и правильных с точки зрения любого носителя языка высказываний. Каждый ярус системы языка характеризуется основной единицей: фонемой, морфемой, словом, словосочетанием, предложением²³.

Это позволяет представить любую единицу как минимальную и составную: минимальность единицы определяет ее отношение к единицам более высоких ярусов системы, а сложность – отношение к единицам того же и более низких ярусов. Так, фонема является минимальной линейной единицей языка, способной различать значения слов и морфем. Вместе с тем, как следует из приведенной таблицы, иерархия лингвистических единиц оказывается многомерной: помимо признаков состава обнаруживаются свойства функциональности и строения единиц каждого яруса. При этом в качестве центральной единицы системы выступает слово, объединяющие в системе ярусы и их единицы (фонема, морфема), не связанные с рефлексией, и единицы (словосочетание и предложение), связанные с рефлексией, то есть единицы, которые строятся более или менее сознательно.

Принцип необратимости анализа в синтезе позволяет рассматривать каждый ярус системы как относительно независимый: морфема не состоит из фонем, а слово не состоит из морфем или фонем, что открывает возможность понимания языка как системы систем: фонологической, морфемной, лексической, синтаксической.

Синхрония и диахрония. Среди методологических постулатов лингвистики противопоставление синхронии и диахронии является наибо-

²³ *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М., «Академкнига», «Добросвет», 2002. С. 156.

лее конвенциональным и наименее адекватным реальности языка. Оно необходимо как ограничение корпуса исследуемого материала, обусловленное требованием самотождественности конкретной единицы анализа.

Объектом лингвистического исследования являются не высказывания в цитированном выше понимании Аристотеля, то есть произведения слова, тексты, но фрагменты высказываний – звуки, слоги, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Наблюдатель-лингвист остается статичным и пассивным. Он не действует вместе с участниками общения. Между тем, реальное значение единиц языка обнаруживается в контексте высказывания в целом и определяется замыслом его создателя и пониманием получателя. Создание и понимание высказываний есть деятельность на основе определенных правил и моделей рекомбинаций единиц. Из этого следует, что сама по себе лингвистическая модель необходима, но недостаточна и представляется лишь базовым уровнем научного представления языка.

**Герменевтическая модель коммуникации:
язык как основа культуры
и исторически сложившаяся система произведений**

Переход наблюдателя на иную позицию кардинальным образом меняет картину коммуникации. Эта вторая позиция наблюдателя совмещается с получателем речи, поскольку основная задача состоит в изучении *произведения слова и его создателя – автора*.

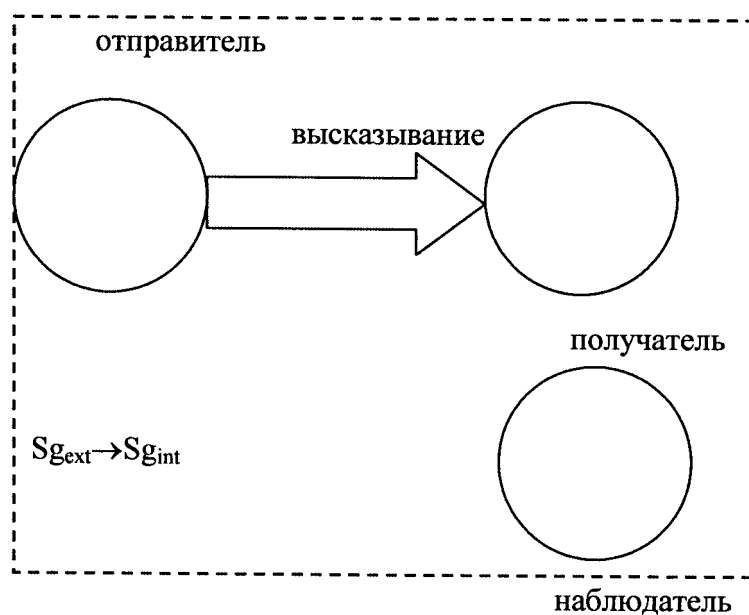
Выбор позиции получателя, языковая и общекультурная компетенция которого предполагается как данная, закономерна, поскольку первая, собственно лингвистическая, позиция дает общее знание системы языка. Но проблемы значения как отношения единиц системы к внеязыковой реальности, номинации как конструирования языковой картины мира, стиля как системы целесообразного выбора средств выражения из состава ресурсов языка могут быть решены, только если предметом рассмотрения будет позиция исследователя, основанная на отношении «автор → текст»²⁴.

В связи с этим кругом проблем, обосновывается понимание языкознания как части филологии: *«В принципиальном смысле, следовательно, чтение есть не что иное, как особое искусство, и именно искусство извлекать содержание из соответствующего сообщения. Это искусство тем сложнее, чем богаче содержание сообщаемого и чем труднее техника анализа средств сообщения, а это в свою очередь зависит от характера материальной организации этих средств. Так, содержание газетной хроники или коммерческого объявления постигается легче,*

²⁴ См. подробный разбор проблемы в работе: *Кевин Д. Ванхузер. Искусство понимания текста* (1998). Черкассы: Коллоквиум, 2007.

чем содержание поэтического образа или философской мысли. Но, с другой стороны, можно представить себе, что содержание философской мысли, изложенной на родном для читателя языке, может оказаться для него более доступным, чем коммерческое объявление на языке, ни грамматика, ни графика которого читателю неизвестны. Так или иначе, но нет сомнений, что чтение – это искусство, которому надо учиться, и что, следовательно, читать можно с разной степенью умения и опыта. Читатель умелый, владеющий своим искусством в совершенстве, знакомый с техникой чтения не одного, а многих видов сообщений, притом читающий так, что даже и самые сложные типы содержания не упускаются его умственным взором, словом, мастер чтения и есть тот человек, которого мы называем филологом. Самое же искусство читать в предполагаемом здесь смысле справедливо будет обозначать в этом случае словом "филология"²⁵.

Рис. 3

Эта позиция традиционно связывается с пониманием филологии как искусства, но всякая наука включает в себя искусство, как, например, искусство эксперимента. Собственно научное содержание филологии

²⁵ Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. (1981) М.: «Лабиринт», 2000. С. 54–55.

состоит в построении модели деятельности квалифицированного читателя – в установлении классов произведений слова и моделей их интерпретации (герменевтики), типов и жанрового состава стилей, в построении истории словесности и сравнительной общей теории словесности. Собственно языковедческая составляющая позиции наблюдателя, предполагающая обращение к текстам произведений слова – лексическая семантика (лексикология), стилистика и лингвистическая поэтика в широком смысле слова. Дело в том, что и лексикология (а в значительной мере и синтаксис), и стилистика, и теория литературного языка, и лингвистическая поэтика, и история языка содержат следующие методологические особенности:

Филолог-литературовед оперирует не единицами языка – фрагментами высказываний, но текстами произведений слова.

1. Текст произведения определяется замыслом отправителя, который становится автором.

2. Высказывание приобретает качество цельности. Как законченная конструкция высказывание обретает композицию. Поэтому для исследователя открывается возможность рассматривать и фрагменты высказывания в отношении к произведению. Поэтому единица языка приобретает принципиально новое качество средства выражения авторского замысла.

3. Произведение может быть сопоставлено с другими произведениями того же автора или с аналогичными по цели и построению произведениями других авторов. Следовательно, можно установить классы авторов по произведениям слова и классы произведений слова по авторам.

4. Поскольку высказывание может быть преобразовано, например, записано в различных речевых фактурах, адаптировано или даже переведено на другой язык, становится возможным установление инварианта текста произведения в различных его вариантах или редакциях.

5. Монологический текст, не ограниченный ответными репликами участников диалога, содержит максимальный состав средств выражения, обеспечивающих реализацию единого замысла автора: цельность, завершенность, языковой инструментарий приемов, обеспечивающих отношение автора к потенциальному получателю речи и к другим авторам.

В отличие от позиции лингвиста-наблюдателя, позиция литературоведа-филолога предполагает этапы рассмотрения произведения слова, которые соответствуют статусам проблемы²⁶. Филолог решает не только

²⁶ См.: Волков А.А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 120–122.

(1) собственно научную задачу анализа строения текста произведения и определения авторства, времени и места его создания (статус установления), но

(2) задачи реконструкции замысла произведения и определения его жанровой принадлежности и места в литературной традиции (статус определения) и

(3) задачу оценки произведения (статус оценки).

Эта последовательность рассмотрения проблемы характерна для любого гуманитарного исследования: «*В области философии первая постановка уводит нас (выражаясь современными терминами) в область онтологии, вторая – в область гносеологии, третья в область аксиологии. Такая последовательность рассмотрения применима не только к таким конкретным вопросам, с которыми приходится иметь дело суду, но и к любым самым отвлеченным*»²⁷.

Поэтому исследование произведения содержит значимую этическую составляющую. Этика читателя обуславливает и этику автора произведения. Тем более это важно для *образцового читателя* – филолога, который выступает и в качестве литературного, риторического или научного критика в зависимости от поэтического или прозаического характера произведения.

Этика читателя предполагает его отношение к автору, тексту и произведению, и главным требованием читательской этики является следование характеру авторского замысла.

Понимание характера или типа замысла определяется, в первую очередь, принадлежностью текста к области *поэзии* (художественной литературы) или *прозы*, то есть риторической, научной или деловой словесности. Разграничение поэзии и прозы, в принципе, основано не на конвенции о художественном вымысле: высказывания, относящиеся к прозаической словесности, рассматриваются читателем как истинные или ложные, высказывания поэтические принимаются как заданные контекстом произведения. Границы поэзии и прозы определяются в пределах конкретного периода истории конкретной литературы и подвижны, так как в каждой литературной традиции обнаруживаются произведения, переходные от риторической, научной или деловой прозы к художественной литературе: «*Поэзия есть вымысел, основанный на подражании природе изящной и выраженный словами, расположенными по известному размеру – так как проза или красноречие есть изображение самой природы речью свободною. Оратор говорит только истину с убедительною силою и простотою, а поэт изображает правдоподобное с такою поразительною приятностию, которая пленяет и с тем вместе*

²⁷ Гаспаров М.Л. Античная риторика как система. – Античная поэтика. М.: «Наука», 1991. С. 30.

потрясает душу. Если же на сие возразят, что есть произведения прозаические, заключающие одно только правдоподобное, есть и стихотворные, в которых находится одна истина, то на сие можно отвечать что проза и поэзия, будучи одна к другой столь близки, передают взаимно и форму, их различающую и все свойственные каждой принадлежности. Их можно, кажется, уподобить неприметной цепи тел, видимых в различных царствах природы, где звено, отделяющее ископаемых от растений и растений от животных, скрывается от взоров ревностного наблюдателя...»²⁸.

Этика отношения читателя к замыслу произведения определяется тем родом, видом и жанром словесности, к которому оно относится в соответствии с литературной нормой. Так, читатель художественной литературы включается в образное пространство произведения, которое он видит сквозь призму образа автора. Если читатель критически относится к литературному повествованию, то утрачивается смысл обращения к произведению. Читатель научного произведения, напротив, обязан относиться к высказываниям автора критически, но это критическое отношение проявляется в презумпции спорности фактических данных и логики изложения, но не добросовестности автора. Критическое отношение к риторической прозе предполагает в первую очередь этическую оценку автора – политического или судебного оратора, философа, историка, публициста – который достоин или не достоин доверия, и, как следствие, – оценку аргументации и стиля произведения. Читатель или аудитория произведения гомилетики, например проповеди, принимает высказывания проповедника как истинные и правильные, поскольку они соответствуют вероучению Церкви и исходят от священнослужителя.

Получатель массовой коммуникации оценивает информационную продукцию газеты, радио, телевидения, интернета с позиции потребителя. Продукция массовой коммуникации предстает как товар, оценка которого исходит из презумпции недоброкачества. Массовая коммуникация производится коллективным анонимным автором, поэтому авторский замысел не определен. Выпуск газеты или телевизионная программа не имеют единого содержания и предназначены для одноразового использования, поэтому не могут быть оценены в плане развития содержания. Так, философия языка постмодернизма распространяет этику потребителя массовой коммуникации на всю область словесности от Священного Писания до художественного творчества, последовательно устраняя автора, текст и читателя.

²⁸ *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. Часть вторая. С.Пб.: 1821. С. 401–402. См. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы (1930). Избранные труды. М.: «Наука», 1980. С. 105–110 и далее.

Риторическая модель коммуникации: язык как средство реализации замысла

Если в теории словесности язык предстает в основном в аспекте иллокуции, поскольку литературоведение изучает отношение *автор* → *текст*, то в риторике язык предстает в основном перлокутивном аспекте, поскольку риторика изучает отношение *текст* → *аудитория*.

Третья позиция наблюдателя, *риторическая*, представляет собой зеркальное отражение второй, герменевтической: «Поэтика и риторика устанавливают разные типы литературных структур и вместе с тем рассматривают разные формы бытия одного и того же литературного произведения. Если поэтика изучает структуру литературного произведения, отрешенно от его “внушающих” и “убеждающих” тенденций, независимо от его направленности к воздействию на слушателя и независимо от форм, которыми оно, это “экспрессивное” воздействие, связанное с “образом слушателя” и с особым культурно-бытовым контекстом, осуществляется, то риторика прежде всего исследует в литературном произведении формы его построения по законам читателя. <...> Так как риторика, учение о приемах убеждения, находит объект своего изучения не только в сфере литературы, но и далеко за ее пределами – в сфере социально-бытового языка – письменного (“деловая проза”) и устного, то необходимо прежде всего определить в общем, теоретическом плане те формы слова, те принципы построения, на которых основано языковое “внушение”, “убеждение” слушателя (как бы в соответствии с “общей риторикой” начала XIX века), а затем выделить в особые круги исследования риторические формы социально-языковых жанров в быту и риторические формы в литературе. Этот дидактический вывод – не только пожелание. Он наполовину соответствует уже осознанным потребностям и целям лингвистики»²⁹.

Рассматривая высказывания «по законам получателя», риторика основывается на выводах лингвистики (в узком смысле) и теории словесности, поскольку имеет дело с произведениями слова и с единицами системы языка – фрагментами высказываний. Поэтому как ресурсы языка, так и система словесности в риторике могут рассматриваться как данные.

Но риторика дополняет и тем самым «исполняет» цикл науки о языке, поскольку предмет уже рассматривается в полноте всех логически возможных позиций исследователя – нейтральной, получателя и отправителя высказывания.

²⁹ Виноградов В.В. О языке художественной прозы (1930). Избранные труды. М.: «Наука», 1980. С. 115–116.

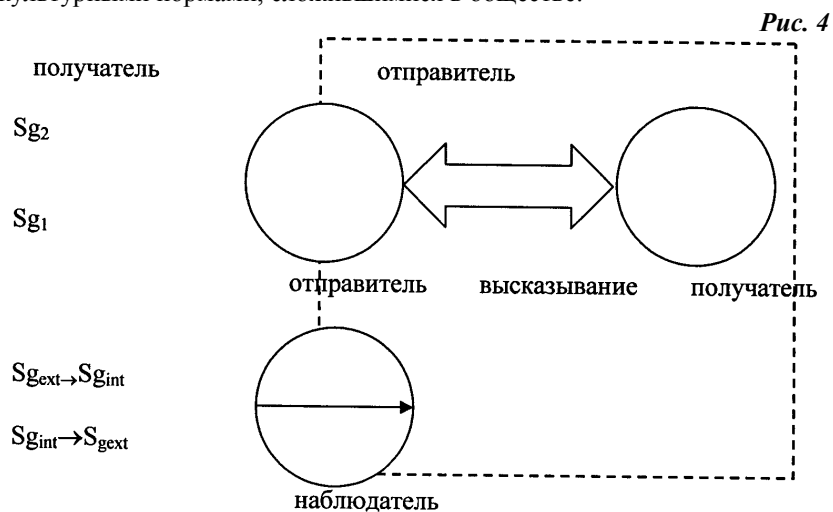
1. Риторика рассматривает систему речевых отношений в обществе, то есть аудитории в их отношении к формам произведений слова и видам речедателей – риторов (общая теория риторики)³⁰.

2. Риторика рассматривает произведение слова не как данный в наблюдении текст, но как задачу, стоящую перед создателем высказывания в определенных социально-культурных условиях (риторическое построение).

3. Риторика рассматривает созданные в определенных социально-культурных условиях как прецеденты, на основе которых создается новое произведение слова (риторическая критика).

4. Риторика рассматривает высказывание с точки зрения эффективности и влиятельности средств убеждения, применяемых создателями высказываний в определенных ситуациях (теория риторической аргументации).

5. Риторика рассматривает этические, интеллектуальные, экспрессивные аспекты создания и оценки произведений слова в соответствии с культурными нормами, сложившимися в обществе.

Получатель высказывания понимается как аудитория, которая может быть убеждена в определенном тезисе определенными средствами. Отсюда следуют принципы риторического исследования. В отличие от квалифицированного читателя, аудитория понимается не как отдельная личность, но как относительно однородная среда, которая организуется или дезорганизуется словом ритора.

³⁰ Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1999. С. 67–69.

Главный методологический принцип риторики, выработанный еще античной наукой, уместность. Если наблюдаются, с одной стороны, определенные качества определенной части общества, например, молодежи свойственны великодушные, смелость и доверчивость, а пожилым людям – рассудительность, трусость и консерватизм, а с другой стороны, представлен корпус публичных высказываний, авторы которых применили определенные средства убеждения и достигли успеха, используя соответствующие качества молодежи и пожилых людей, то, следует установить соответствия между примененным речевым приемом и результатом. Каждая новая речь представляет собой своего рода эксперимент: с заданной целью и в определенной комбинации применяются установленные средства убеждения. Если речь удалась и аудитория убеждена, то устанавливается связь средства и цели, например, фигуры убеждения, фигуры украшения, аргумент к человеку и т. п. Далее устанавливаются образцовые прецеденты использования каждого такого средства, например, Лисий избегает сильного пафоса и умело имитирует стиль заказчика. В соответствующих ситуациях, стало быть, следует воспроизвести приемы Лисия. Таким образом, вытраивается инструментарий риторики. Этот экспериментальный принцип, однако, имеет, по крайней мере, два недостатка: сводит риторику к эристической технике, что безнравственно, и способствует стагнации мышления и стиля, что и зафиксировано историей античной (и не только античной) литературы. Поэтому использование принципа уместности в риторике ограничено требованиями к ритору, которые также еще в античности были выражены в учении об образе ратора. Поэтому главными методологическими категориями риторики оказываются составляющие образа ратора этос, логос и пафос речи.

Этос – совокупность условий доверия, которые общество предъявляет автору произведения. Этос рассматривается в категориях ораторских нравов: честности, скромности, доброжелательности, предусмотрительности, содержание которых определяется характером организации аудитории и ее отношением к культуре общества³¹.

Пафос – модальность авторского замысла, обращенного к аудитории. Характер пафоса определяется отношением высказывания ко времени и цели высказывания: к прошлому – судительный пафос со справедливым и несправедливым как предметом высказывания; к будущему – совещательный пафос, где предметом высказывания оказываются польза или вред; к настоящему, точнее, вневременным представлениям, – эпидейктический (показательный) пафос, где содержание высказывания – прекрасное или дурное.

³¹ Рожественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 20–50.

Логос – средства убеждения, к которым относится аргументация в собственном смысле, т. е. специфические для риторической прозы речевые приемы построения диалектических умозаключений³², так и лексико-стилистические средства создания системы образов: автора, оппонента, аудитории, предмета речи, инстанции³³.

Итак, наука о языке включает три раздела: *лингвистику*, или теорию системы языка, теорию словесности (филологическую *герменевтику* или *общую филологию*), *риторику*. Но реальность науки сложна и с трудом поддается схематизации. Куда отнести стилистику, историю литературного языка и языка художественной литературы, исследование авторских идиолектов, юридическую лингвистику и т. д.? Очевидно, позицию исследователя можно было бы представить в виде траектории, которая бы имела и историческое содержание: риторика софистов → грамматика стоиков → филология александрийцев. Но вычленение дискретных позиций исследователя, по крайней мере, ставит вопрос о соответствии понятийного базиса теории самому предмету и методу исследования.

ЯЗЫК И НАУКА О ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья рассматривает язык как объект различных филологических наук в парадигме традиционных и современных гуманитарных исследований.

LANGUAGE AND SCIENCE ABOUT LANGUAGE

A.A. Volkov

Keywords: language, linguistics, hermeneutics, rhetoric

In the given article language is regarded as a subject of different branches of philology in the paradigm of both traditional and modern humanitarian researches.

³² Волков А.А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 227–235.

³³ Волков А.А. Там же. С. 347–350.

Многозначное слово в словаре: один простой случай¹

© кандидат филологических наук И.В. Галактионова (Россия), 2013

Ключевые слова: семантика, многозначность, лексикография

Педагогу и ученому Майе Владимировне
в знак восхищения ее энергичным интересом
к науке и студентам

Слово – это постоянный объект интереса лингвистов, изучающих разные аспекты устройства языка. Излишне напоминать, что языковые единицы разных уровней либо реализуются в составе слова, либо состоят из слов. Но для лексикологов и лексикографов слово – это центральный объект исследования. При этом можно быть лексикологом и не заниматься лексикографией, но быть лексикографом и не изучать слово – такое невозможно.

Русская лексикография имеет богатую традицию и представлена большим количеством словарей различных типов, в каждом из которых фиксируется определенная информация о слове: всем известны орфографические, орфоэпические, толковые словари, словари синонимов, антонимов, иноязычных слов, жаргонной лексики, словари сочетаемости и т. п. Таким образом, сведения об одном и том же слове оказываются разбросанными по разным словарям. Исчерпывающее описание словарей русского языка разных типов можно найти в [Шимчук 2003].

В современной лексикографии представлен и другой подход – создание интегральных словарей, аккумулирующих в рамках одной словарной статьи всю разнообразную информацию о слове. Теоретическая концепция, на основании которой могут быть написаны словари подобного типа, разрабатывалась и продолжает разрабатываться Ю.Д. Апресяном (см., например, [Апресян 1995] и [Апресян 2009]). Идея интегрального описания языка предполагает в том числе максимально полное отражение в словаре всех свойств слова, релевантных для его языкового поведения, не зная которых нельзя считать себя владеющим этим словом.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», гранта РГНФ №.10-04-00273а и гранта НШ-6577.2012.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ.

Первая попытка создания такого словаря не была реализована – опубликовано лишь несколько словарных статей (см. [Семиотика и информатика 1991]). Позднее в Новом объяснительном словаре синонимов (2004) было представлено интегральное описание синонимических рядов.

В настоящее время коллектив авторов под руководством Ю.Д. Апресяна работает над созданием Активного словаря русского языка (далее – АС), в основу которого положен данный подход и в котором предполагается описать около 12 000 слов. Опубликован Проспект этого словаря [Проспект 2010], где содержится информация о специфике активных словарей, о теоретической концепции АС и структуре словарных статей в нем. В Проспект помещены также образцы словарных статей, подготовленных членами авторского коллектива, и словник будущего словаря.

Над АС работают тринадцать человек, включая руководителя проекта Ю.Д. Апресяна. Сейчас завершается работа над первым томом, куда входят слова на буквы А – Г. Эта часть словника поделена на тринадцать порций – по одной на каждого автора. Подготовленные материалы обсуждаются на заседаниях Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова².

Работа над словарем показывает, что почти каждое слово – это отдельная проблема: даже самые простые – на первый взгляд – слова преподносят сложности. При этом те или иные решения не могут быть в явном виде обоснованы непосредственно в тексте словаря, поскольку подобные обоснования не укладываются в формат словарной статьи. Да и в целом в словаре, каким бы интегральным он ни был, невозможно сказать о слове все, что о нем можно сказать.

Многие из описываемых в АС слов многозначны, что не случайно: для ядерной, частотной лексики полисемия весьма характерна.

Основная сложность при работе над многозначным словом – это разграничение его значений, или лексем³, и распределение контекстов его употребления по значениям. Современные возможности работы с корпусами текстов⁴ позволяют собрать большое количество примеров на то

² На этих заседаниях обсуждался и рассматриваемый в данной работе глагол *выключить*. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем коллегам, принимавшим участие в обсуждении, и прежде всего руководителю проекта Ю.Д. Апресяну.

³ Здесь и далее термин *лексема* будет использоваться в качестве эквивалента терминов *значение* и *лексико-семантический вариант*, как это принято в работах Ю.Д. Апресяна. Таким образом, многозначное слово объединяет несколько лексем, а у однозначных слов слово и лексема совпадают.

⁴ При работе над АС одним из основных источников языкового материала и иллюстраций, помещаемых в словарные статьи, является Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Примеры из Корпуса использованы и в данной работе.

или иное слово, что позволяет увидеть его гораздо более рельефно, чем это было возможно при составлении словарей еще относительно недавно, когда лексикограф работал с материалами словарной картотеки.

Рассмотрим вопрос о разбиении на значения глагола *выключить* (а следовательно, и его видовой формы *выключать*) – слова с небольшим количеством значений.

В современном языке у этого слова есть два типа употреблений – прямые, где речь идет о манипуляциях с какими-то приборами или устройствами (*выключить компьютер; выключить воду, закрыв кран*), и переносные, где речь идет о людях как объектах воздействия (*Из-за болезни он был выключен из активной жизни*). Переносные употребления образуют отдельную лексему, которая используется преимущественно в форме страдательного причастия прошедшего времени: контексты типа *Болезнь выключила его из активной жизни* выглядят не очень естественно. Прямое (или прямые) и переносное значения выделяются у *выключить* во всех основных словарях. При этом именно в таком порядке – на первый взгляд единственно возможном – они даются в большинстве из этих словарей: в Словаре Д.Н. Ушакова (далее – СУш), Словаре Н.Ю. Шведовой (далее – СШ) и Новом Большом академическом словаре (далее – НБАС); только Малый академический словарь (далее – МАС) предлагает противоположное решение.

Отграничение прямых употреблений глагола *выключить* от переносных сложностей не представляет, поэтому дальше выделение переносной лексики *выключить 2* обосновываться не будет. Прямые употребления, напротив, могут быть описаны и описываются в словарях по-разному, поэтому именно на их примере будет обсуждаться вопрос о количестве значений.

Материал показывает, что контексты этого типа можно разбить на три группы в зависимости от того, какое слово выступает при глаголе в роли прямого дополнения: а) дополнением обозначается устройство, которое до момента выключения функционировало в соответствии со своим назначением: *выключить лампу* <*обогреватель, будильник, телевизор*>; б) дополнение называет функцию такого устройства, то есть то положение вещей, которое существует как результат его работы: *выключить освещение* <*обогрев, звонок, звук*>; в) в роли дополнения выступает название ресурса, использование которого становится невозможным при выключении: *выключить воду* <*электричество*>.

Все три группы могут быть описаны в рамках единого значения. Такое решение принято в СШ, где дается толкование: «Прекратить, прервать действие чего-н.», сопровождаемое примерами *выключить ток, свет; выключить телефон*.

В других словарях рассматриваемый языковой материал разбит на два значения, причем одинаковым способом. СУш различает *выключить 1*: «Прервать, прекратить действие чего-н. (отъединяя, исключая из общей системы, сети)» (*выключить ток; выключить телефон; выключить электричество; выключить газ; выключить плотины в ирригационной системе*) и *выключить 2*: «Прекратить действие (какого-н. механизма)» (*выключить мотор*). Такое же решение принято в МАСе, где приводятся – с некоторой редакционной правкой – те же самые толкования, которые, в отличие от СУш, подаются как оттенки одного и того же значения⁵; второй оттенок значения иллюстрируется, помимо сочетания *выключить механизм*, также примером из художественной литературы, где фигурирует сочетание *Бой был выключен* (речь идет о бое часов). НБАС дает больше примеров на второй из обсуждаемых случаев (*выключить станок, электропилу, прибор*) и добавляет еще два оттенка значения⁶.

Из анализа толкований следует, что различие этих двух значений или оттенков опирается прежде всего на автономность работы выключаемого объекта во втором случае и на его связь с некоторой сетью – в первом, из чего вытекает тип объекта: автономный объект должен быть механизмом, а для неавтономного такого ограничения нет – это может быть как механизм, так и поступающий по сети ресурс (типа газа или воды). Названия функций (*освещение, подогрев* и т. п.) в этих словарях вообще не учтены, за исключением *боя часов* в МАСе, место которого в структуре многозначности определяется автономностью часов. Вместе с тем способность выключаемого объекта функционировать автономно является элементом скорее энциклопедической, чем лингвистической информации. В СУш телефон попадает в первое значение, но мобильный телефон, не существовавший в то время, когда этот словарь составлялся, вероятно, следовало бы отнести ко второму. В целом предлагаемое словарями деление обсуждаемых употреблений глагола *выключить* на значения не представляется убедительным.

В АС также предлагается распределить рассматриваемый материал (три перечисленные выше группы) по двум лексемам, но делается это иначе.

⁵ По сути же это разные значения; их подача как оттенков одного значения отражает тот факт, что связь между ними более тесная, чем между значениями, имеющими отдельные номера. См. об этом в [Апресян 2001].

⁶ Дополнительные оттенки значения таковы: «Прекращать снабжение электрическим током какого-л. места, помещения» (*выключить дом, выключить целый район*) и «В речи медиков – приостанавливать деятельность каких-л. органов» (*выключить сердце, дыхание*). Как кажется, первый случай – результат небрежного (или, возможно, специального) употребления слова: правильно было бы сказать *отключить дом <район>*; второй случай может быть описан как метафорическая реализация значения *выключить мотор*.

Достаточно очевидно, что, *лампа и освещение, будильник и звонок* – это связанные друг с другом вещи: когда мы выключаем *лампу*, перестает существовать *освещение*, при выключении *будильника* замолкает *звонок*, и, наоборот, чтобы не было *освещения*, нужно проделать некоторую манипуляцию с *лампой* (или другим осветительным прибором), чтобы смолк *звонок*, нужно нажать кнопку на *будильнике*. Разумно объединить эти два типа контекстов – то есть контексты а) и б) – в рамках одного значения. Это можно сделать двумя способами: либо написать толкование, учитывающее обе возможности, для чего включить в формулировку соответствующую дизъюнкцию, либо выбрать один из типов употреблений в качестве основного и учесть в толковании именно его, а второй тип описать в комментарии, подав как метонимическое употребление. В АС комментарии допускаются только в том случае, если без них нельзя обойтись; в данном случае такой необходимости не возникло и прибор и его функция учтены непосредственно в толковании. Получилась следующая формулировка: *Отец (A1⁷) выключил 1.1 радиоприемник <музыку> (A2) ≈ Человек A1 с помощью специального действия или специально предназначенного для этого устройства A3 сделал так, что приспособление или механизм A2 перестали функционировать или приспособление или механизм перестали выполнять функцию A2*⁷.

Третья группа контекстов – с названиями ресурсов в роли дополнения – трактуется как реализующая другую лексему. С одной стороны, *вода, газ, электричество* близки к названиями функций в том отношении, что выключение воды, как и выключение освещения, предполагает манипуляции не с самой водой или с самим освещением. Однако если у названий функций обнаруживаются метонимически связанные с ними названия устройств, также возможные в качестве прямого дополнения при глаголе *выключить*, то у имен ресурсов таких связей нет. Чтобы выключить воду, мы закрываем кран или вентиль, чтобы выключить электричество, поворачиваем рубильник или нажимаем на выключатель; вместе с тем *кран* – это не прибор, функцией которого является «производство» воды, аналогично функцией *выключателя* не является выработка электричества. Более того сочетание *выключить кран <рубильник>* невозможны в тщательной речи, и поэтому АС не может их фиксировать и рекомендовать для использования.

Центральной идеей в данной группе контекстов является идея ‘прекращение использования ресурса’, и, хотя ресурсов, которые можно выключить, обнаружилось всего три: *вода, газ и электричество <ток,*

⁷ Буквой А (от слова *актант*) с номером обозначаются семантические валентности толкуемой лексики. Типы информации, включаемой в словарную статью, и способ ее представления подробно описаны в [Перспектив 2010].

*свет*⁸, – тем не менее для них предложены отдельная лексема и толкование: *Хозяйка (A1) выключила 1.2 воду (A2) ≈* ‘Человек A1 с помощью специального действия или специально предназначенного для этого устройства A3 сделал так, что используемый ресурс A2 перестал использоваться или быть доступным для использования’.

Данные два значения близки друг к другу и образуют первый блок в структуре многозначного глагола *выключить*. Переносное значение является единственным во втором блоке. Всего у этого слова выделяется три значения.

Ниже приводится полная словарная статья глагола *выключить* в АС.

ВЫКЛЮЧИТЬ, ГЛАГ; -чу, -чит; СОВ; НЕСОВ *выключать*.

выключить 1.1

ПРИМЕРЫ. *Выключить лампу <все электроприборы, микроволновку>; выключить компьютер <радиоприемник, телефон>; выключить электропилу <газонокосилку>; выключить мотор <станок>.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 выключил A2 с помощью A3* ‘Человек A1 с помощью специального действия или специально предназначенного для этого устройства A3 сделал так, что приспособление или механизм A2 перестали функционировать или приспособление или механизм перестали выполнять функцию A2’.

КОММЕНТАРИИ.

1. В роли A1 могут выступать автоматические устройства: *Электроника автоматически выключит духовку.*

2. Возможно расширенное употребление со словами *мозг, интеллект, внимание* и т. п. применительно к временному прекращению функционирования названного органа или способности человека: *Оказалось, что при выключенном сознании (в состоянии гипноза, под наркозом) подвижность кистей восстанавливается* (А.К. Сухотин).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 • ИМ.

A2 • ВИН: *выключить телевизор; выключить подсветку.*

A3 • ТВОР: *выключить кнопкой <поворотом рукоятки>.*

• с помощью РОД: *выключить с помощью пульта дистанционного управления.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Временно выключить, быстро <немедленно, поспешно> выключить; выключить фонарик <фары>, выключить электробриту <вентилятор, насос, утюг>, выключить сканер <принтер>, выключить фотоаппарат <телекамеру>, выключить духовку*

⁸ Речь идет о разговорном значении этого слова, в котором оно синонимично слову *электричество*: *Целый день не было света, и холодильник потек.*

<плиту, конфорку>, выключить горелку, выключить двигатель; выключить освещение <подогрев, отопление, вентиляцию>, выключить звук <звонок, сигнал, музыку>, выключить форсаж <зажигание>; выключить прибор из сети; Чтобы выключить холодильник, поверните ручку терморегулятора до упора.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Лопочет репродуктор, но его никто не слушает, хотя почему-то и не выключают (Ф. Искандер). «Аппарат вызываемого абонента временно выключен или находится вне зоны обслуживания», – ответил приятный женский голос (Д. Каралис). В «Москвиче» было душно, несмотря на то что Борис Бомштейн уже давно выключил печку (В. Громов). Едва выключил «дворники», дом и вовсе исчез – стекла будто залепило мокрой ватой (В. Скворцов). Я забыл выключить запись, и у меня сохранилась его ругательная речь, где он, распалась, трепал и топтал меня (Д. Гранин). Выключать футбол под носом у болельщика было всё-таки антигуманно, поэтому я всего лишь выключил звук (В. Белоусова).

СИН: разг. вырубить; АНАЛ: остановить; отключить (от сети); АНТ: включить, зажечь; ДЕР: выключение; выключатель.

выключить 1.2

ПРИМЕРЫ. Выключить воду; Во всем районе выключили электричество.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 выключил А2 с помощью А3 ‘Человек А1 с помощью специального действия или специально предназначенного для этого устройства А3 сделал так, что используемый ресурс А2 перестал использоваться или быть доступным для использования’.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 • ИМ.

А2 • ВИН: выключить газ <ток>.

А3 • ТВОР: выключить вентилем <поворотом рукоятки>.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Через каких-нибудь пятнадцать минут Рудик постучал в дверь. Тима открыл, предварительно выключив электричество (Л. Дворецкий). Мина, сполоснув кофейник, выключила воду, вытекавшую из крана громко и весело, с пузырьками (Т. Орлова).

СИН: отключить, разг. вырубить, перекрыть; АНТ: включить, открыть.

выключить 2, преим. в форме ПРИЧ СТРАД ПРОШ, перен.

ПРИМЕРЫ. Абсолютно <совершенно> выключить; выключить из игры; Страна фактически выключена из современной экономики <из мировой политики>.

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 выключил A2 из A3* ‘Ситуация A1 или действия человека A1 были причиной того, что человек A2 перестал участвовать в ситуации A3’.

КОММЕНТАРИИ. Возможны расширенные употребления применительно к предметам в роли A2: *[Есенин] мертв уже четверть века, но все, связанное с ним, как будто выключенное из общего закона умирания, забвения, продолжает жить* (Г. Иванов).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 • ИМ: *Болезнь выключила (его из активной жизни)*.

A2 • ВИН: *выключить родителей (из своей жизни)*.

A3 • из РОД: *выключить (партию) из государственной политики*.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Почему я сижу, как сова, под стеной одна? Почему я выключена из жизни?* (М. Булгаков). *Моисеев [...] в последние два года был фактически выключен из механизма принятия ключевых решений в собственном ведомстве* (А. Макашкин). *В Америке заключенный – действительно гражданин отдельного мира, выключенный из мира живых* (Д. Быков). *Он тоже был выключен из обычного круга общения и потерян для друзей* (Л. Иванова). *Дом настолько глух и выключен из бытия, что его можно населить чем угодно* (А. Эппель).

СИН: *исключить*; АНТ: *включить, вовлечь*.

Из приведенных выше рассуждений видно, что даже в довольно простых случаях написание словарной статьи требует мини-исследования языковых особенностей слова. Само это исследование вместе с причинами, по которым было принято именно такое, а не какое-то другое лексикографическое решение, остается за рамками описания, поскольку не укладывается в формат словаря. Задача данной статьи представить читателю аргументы в пользу принятых решений.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю.Д.* Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001, № 4.
2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М., 2009.
4. *НБАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 3. Во – Вящий.* М., 2005.
5. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка // Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна.* 2-е изд., испр. и доп. М., Вена, 2004.
6. *Перспектив Активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян.* М., 2010.
7. *Семиотика и информатика. Вып. 32. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей).* М., 1991.
8. *МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А – Й / Под ред. А.П. Евгеньевой.* 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.

9. СУш –Толковый словарь русского языка Т. 1. А – Кюрины / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935.
10. СШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.
11. Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

**МНОГОЗНАЧНОЕ СЛОВО В СЛОВАРЕ:
ОДИН ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ**

Аннотация

В статье на примере глагола *выключить/выключать* рассмотрен один простой случай выделения значений у многозначного слова и предложено обоснование для принимаемых лексикографических решений.

**DICTIONARY ENTRIES FOR POLYSEMIC WORDS:
ONE SIMPLE CASE
I.V. Galaktionova**

Keywords: semantics, polysemy, lexicography

The paper deals with Russian verb *vykl'uchit'/vykl'uchat'* 'switch off' as a polysemantic word with few meanings and contains this verb's dictionary entry and the explanations of lexicographical decisions it is based on.

Анализ модели предложения типа *Течением унесло лодку* и ее китайских коррелятов¹

© кандидат филологических наук Го Шуфень (Китай),
Е Фун (Китай), 2013

Ключевые слова: модель предложения, типовое значение, субъект-стихия, компонентный анализ, сопоставительный анализ, китайские корреляты

1. Вводные замечания

В статье предпринимается попытка провести анализ модели предложения (далее МП) типа *Течением унесло лодку* (*Лодку унесло течением*) и ее китайских коррелятов в связи с тем, что, с одной стороны, данный тип МП, являющийся типичным русским предложением, достаточно распространен в русском языке, с другой стороны, данная специфическая для русского языка МП, не обладая формальным соответствием в китайском, имеет полный семантический эквивалент. Специфика данной МП заключается в том, что в ее формальной структуре имеется только один главный член, выраженный личным переходным глаголом в безличном употреблении: *Водой залило берег. Бурей повалило дерево. Машиной сбilo его*. Кроме того, довольно часто в речи встречается коммуникативная разновидность данной МП с обратным порядком слов: *Берег залило водой. Дерево повалило бурей. Его сбilo машиной*, так и ее содержательная разновидность без творительного имени: *Дорогу занесло* – и ее коммуникативная разновидность: *Занесло дорогу*. Причем этот главный член носит произвольный, случайный, стихийный характер действия, которое часто наносит ущерб объекту или уничтожает его. Объект, являющийся обличительным компонентом, занимает в МП позицию прямого дополнения. МП данного типа давно привлекали внимание исследователей в силу своей специфики и распространенности в языке.

Поскольку в МП данного типа на формально-грамматическом уровне отсутствует подлежащее, в традиционной формальной грамматике и учебниках они были названы «односоставными безличными предложениями», представляющими собой один из классических типов предложений. В научной литературе данному типу предложений всегда

¹ Данную работу поддерживает национальный фонд социальных наук Китая (грант: 11BYU124).

уделяли много внимания, и среди лингвистов споры по поводу ее семантической специфики и структурной принадлежности не утихают до сих пор. Главным образом, идут споры о семантической специфике творительного имени, чему придают разное значение: значение агенса [Волохина, Попова 1999: 107, 111], субъекта типа «сила» [Всеволодова, Го 1999: 27], субъекта типа «стихия» [Всеволодова, Го 2000: 245-246] и др. (подробно см. [Сазонова 2004]). Дело в том, что подавляющее большинство такой МП легко трансформируется в личные двусоставные, ср.: *Течением унесло лодку* — *Течение унесло лодку*; *Бурей повалило дерево* — *Буря повалила дерево*; *Его сбilo машиной* — *Его сбила машина* и т. д., хотя, как отмечает Е.С. Сазонова, некоторые из них типа *Ее ударило током*; *Собаку убило осколком*; *Его зарезало трамваем* плохо трансформируются в личные и звучат вроде бы правильно с точки зрения грамматики, но странно и непривычно с точки зрения узуса [Сазонова 2004]. М.В. Всеволодова также считает данную МП трансформом универсальной МП с типовым значением (далее ТЗ) «Субъект и его акциональный признак (или его действие)»: *Вода залила берег*, заметив, что такая трансформация возможна только при следующих условиях:

1) субъектом является стихия: *Водой залило берег*. Ср. невозможно **Отцом читало газету*; **Его придавило медведем*;

2) объект облигатoren: *Ветром сорвало крышу*. Ср. невозможность: **Водой вышло из берегов* [Всеволодова 2000: 245].

По поводу того, что позиция творительного падежа не может быть заполнена существительными, обозначающими живое существо, некоторые лингвисты рассматривают функцию данного компонента как инструмент [Ломтев 2004: 190-191], каузатор действия, то есть компонент со значением воздействующего фактора (предмета или явления) [Золотова 1982: 169], орудия [Сазонова 2004]. Существует также точка зрения, согласно которой в творительном падеже имени совмещены несколько функций: субъекта действия и орудия [Русская грамматика 1980: §2504], а также субъекта действия, орудия и причины [Бондарко 1991: 30]. Говоря о функции данного компонента, Бондарко отметил, что «функция субъекта действия сопряжена с косвенно-объектной функцией орудия и обстоятельственной функцией причины в едином синкретическом комплексе “орудие – субъект – причина”» [Бондарко 2002: 637]. По мнению А.В. Бондарко, статус субъектности явно снижается за счет исключения признаков личности, намеренности и актуализации признака «потенциальной энергии» [Бондарко 2002: 638]. В этой связи Т.П. Ломтев называет конструкции данного типа инструменталь-

ными МП с глаголами, обозначающими действие или просто инструментальными предложениями [Ломтев 2004: 190-191]. Сопоставив номинативные и инструментальные МП на примерах "*Град побил рассаду*" и "*Градом побило рассаду*", Ломтев выявил, что разница между этими двумя МП состоит в том, что действие в первой МП рассматривается как неслучайное, а во второй — случайное. Несмотря на то, что так называемые инструментальные МП имеют соответствующие номинативные корреляты, номинативные МП, как правило, не конвертируются в пассивные конструкции. Выявленная Г.А. Золотовой причина этого заключается в том, что условие образования пассивного залога представляет собой наличие значения акциональности в исходной глагольной форме, т. е. субъект должен быть настолько активен, чтобы результат этой активности сохранялся в объекте и после прекращения взаимодействия [Золотова 2004: 195-196]. На примерах "*Волны унесли лодку*" и "*Рыбаки унесли лодку*" Г.А. Золотова [Там же] продемонстрировала, что первое предложение не может трансформироваться в пассивную конструкцию (**Лодка унесена волнами*), а второе не имеет препятствия в формировании пассивного предложения (*Лодка унесена рыбаками*). Дело в том, что в обоих МП различен категориальный характер субъектного компонента: субъектом является личный агент во второй МП, а в первой — стихийный каузатор, из которого не может исходить целенаправленное и осознанное действие.

Как показала Е.С. Сазонова², данным МП трудно дать однозначную трактовку в связи с тем, что, с одной стороны, воздействие на объект явно осуществляется с помощью какой-то силы, с другой стороны, позиция творительного имени может быть заполнена только существительными типа «силой природы», «силой удара», «силой притяжения», «силой инерции» и т. п. [Сазонова 2004].

Несмотря на то, что лингвисты вырабатывают разные термины по поводу значения творительного имени в данной МП, нетрудно заметить, что функция творительного у большинства лингвистов рассматривается как некая сила. При этом мы, вслед за М.В. Всеволодовой, рассматриваем творительный имени в данной МП как семантический субъект типа «сила» или «стихия», а предложения данного типа – как МП с ТЗ «Субъект-стихия (или сила) и совершаемое ею по отношению к объекту действие», придавая данной МП формализованную запись (ФЗ) " $S_T V_{act} 3s/n$

² В диссертации [Сазонова 2004] данная МП называется «односоставные активно-процессные предложения» с орудийным значением.

N_b ³ [Всеволодова 2000: 245; Всеволодова, Го 1999: 27]. Поскольку, по мнению М.В. Всеволодовой, объектный модуль в данной МП облигатoren, а специфика субъекта сохраняется и при отсутствии данного имени, мы вслед за ней также разделяем данную МП на две коммуникативные разновидности с точки зрения актуального членения:

МП1: На позиции ремы выступает N_b : *Течением унесло лодку.*

МП2: На позиции ремы выступает $V_{act\ 3s/n}$ S_T : *Лодку унесло течением.*

В этих двух МП ТЗ одно и то же, компоненты модели не меняются, и слова, заполняющие позицию основных компонентов, остаются теми же, а сдвигаются только акценты. Поэтому далее будет проведен анализ лексического наполнения компонентов двух МП вместе.

2. Компонентный анализ МП1 и МП2

Компонентами, составляющими трехчленную МП1 и МП2, являются субъект-стихия, предикат и объект.

2.1. Лексическое наполнение субъекта

Творительным субъекта S_T , по трактовке Т.П. Ломтева, могут быть названы силы природы (буря, ветер, вихрь, гроза и т. п.), природные вещества (град, снег, иней, лед, вода, ливень и т. п.), предметы вооружения и технические средства (бомба, граната, пуля, снаряд, танк, автомобиль и т. п.) [Ломтев 2004: 192-194]. Под творительным субъекта понимается существование некоторой таинственной, неведомой силы. На основе достижений Т.П. Ломтевым результатов осуществляется компонентный анализ S_T , на позиции которого могут выступать имена со следующим значением:

1) силы природы: *Дом зажгло молнией; Паруса порвало бурей; Связь нарушило ураганом. Штормом разнесло рыбацьи лодки. Грозой разбило дерево* (Некрасов). *Ветром повалило сосну* (Агеев). *...корка льда, которую днем ломало ветром и солнцем* (Астафьев);

2) природные вещества: *Волной разбило лодку. Надпись на памятке смыло осенними ливнями. Крайняя избушка ... исчезла — весной ее своротило ледоходом* (Астафьев). *Сабурова осыпало землей от близких разрывов* (Симонов). *Бревна подымало высоким накатом воды* (Агеев). *Могилы священников у стен церкви занесло бурьяном* (Платонов). *Ревел ветер, лодку качало и непрерывно заливало ледяными волнами* (Инт.);

³ Символ S_T обозначает семантический субъект в творительном падеже; $V_{act\ 3s/n}$ — форма акционального глагола, точнее, личный переходный глагол в безличном употреблении, выражающий акциональный предикат; N_b — существительное в винительном падеже, выражающее объект действия.

3) предметы вооружения и технические средства: *Бойца убило снарядом. ...бомбой вывернуло дерево...* (Солженицын). *Секретаря МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером задавило трамваем на Патриарших* (Булгаков). *Лицо старшины посекло осколками* (Васильев). *Валы прорваны и его сейчас засосет жидкой глиной* (Паустовский);

4) явления, вызванные физической, химической или какой-н. другой реакцией и оказывающие воздействие на предметы объекта: *Стекла в трех жилых домах выбило взрывной волной. Ее ударило током. Взрывом разнесло полдома* (Солженицын). *Взрывной волной и осколками задело четырех полицейских* (Инт.);

5) нулевая форма⁴, значит, субъект-стихия имплицитен по контексту: *Дороги размыло. Листву кружило. Моста не было. Его смыло* (Паустовский). *Рядом с нею с корнем вырвало дубовое дерево* (Булгаков). *Байкал к утру здорово раскачал* (Шукшин). *Лодку сильно качало, и часто слетала цепь, которую приходилось ставить на место* (Инт.).

Надо отметить, что МП с нулевой формой субъекта-стихии типа *Дорогу занесло* рассмотрена М.В. Всеволодовой как отдельная МП, приобретающая ТЗ «Объект и ситуация деформации, перемещения и т. п. этого объекта, созданная неназванным субъектом-стихией» (ее коммуникативную разновидность: *Занесло дорогу*) [Всеволодова 2000: 245, 248]. Придерживаясь данного мнения М.В. Всеволодовой, мы также считаем МП с нулевой формой субъекта-стихии типа *Лодку качало*; *Листву кружило* отдельной МП, приобретающей особое ТЗ «Пассивный субъект-предмет и его физическое состояние» и свою ФЗ $S_B V_{act\ 3s/n}$, ср.: *Лодка качалась*; *Листва кружилась*, хотя на самом деле, по мнению М.В. Всеволодовой, данная МП может рассматриваться и как содержательную разновидность акционального предиката: *Лодку качало волнами. Листву кружило ветром* [Всеволодова 2000: 248-249].

Сравнивая МП *Лодку качало*; *Солдата ранило* с МП *Лодку качало волнами*; *Солдата ранило пулей*, мы, вслед за Н.Н. Арват⁵ и М.В. Всеволодовой, считаем, что эти два типа МП относятся к разному типу МП на том основании, что оба типа МП информативно достаточны, имея свое собственное ТЗ. Кроме того, в структурный тип $S_B V_{act\ 3s/n}$ МП с нулевой формой субъекта-стихии могут быть включены такие разные по содержанию МП как *Туман развеяло*; *Тропки занесло*; *Небо*

⁴ Е.С. Сазонова называет данное языковое явление эллипсисом словоформ творительного имени, указывая его регулярность в языке и причины его существования [Сазонова 2004].

⁵ Н.Н. Арват [1984: 68-71] относит МП *Лодку качало* и *Солдата ранило* к типу Глагол-Аккузатив, а *Лодку качало волнами* и *Солдата ранило пулей* к типу Инструменталь-Глагол-Аккузатив.

заложило; Листву и мусор кружило; Сани кидало на ухабах; Дерево повалило; Ранило наводчика; Больного лихорадит и др. [Арват 1984: 68-71; Всеволодова 2000: 248-249].

Отсюда следует, что субъект-стихия играет значительную дифференцирующую роль в упомянутых выше МП, хотя иногда он может выступать имплицитно в МП. Соответственно, при отсутствии субъекта-стихии, точнее, когда контекст не требует его наличия или он известен по контексту, МП приобретает новое ТЗ, которое обусловлено характером предиката (главного члена) – личного глагола в безличном употреблении. Исходя из этого, мы не останавливаемся на отдельном анализе МП с неназванным субъектом-стихией, анализируя их вместе с МП1 и МП2.

Подчеркиваем еще раз, что семантическим субъектом-стихией в МП1 и МП2 не может быть живое существо. Позиция творительного субъекта может быть заполнена только существительными, имеющими в своем значении сему «сила», что и составляет главную специфику данных двух моделей.

2.2. Лексическое наполнение предиката

Предикат $V_{act3\ s/n}$ представляет собой основной компонент МП, выраженный оно-формой следующих переходных глаголов:

1) глаголы со значением перемещения: Крышу **снесло** бурей. Песку **нанесло** водой. Бревно **выкатывает** водой. Ветром **развело** пыль. Течением **унесит** лодку (М.Агеев). Взрывом газа **разнесло** квартиру пенсионерки (Интернет). Его **отнесло** наводковой волной (ТВ);

2) глаголы, обозначающие действие неизвестной силы, которое наносит объекту ущерб (уничтожение, разрушение, гибель, ранение и т. д.): Командира **убило** молнией. Стекло окон **разбило** градом. И ветром **наконец то дерево свалило** (Крылов). И деревья в тайге **умирали и рождались**, одно дерево **сжигало** молнией, ... другое **сорило** семена в воду (Астафьев);

3) глаголы со значением изменения состояния объекта: Лодку **перевернуло** бурной волной; Дверь **заклинило** ударом снаряда. Окно **захлопнуло** ветром. На ухабе сани **сильно встряхнуло**, инженеры **столкнулись** (Ажаев);

4) глаголы, в значение которых входит сема «покрытие», т.е. предметов объекта под воздействием со стороны глаголов не видно коммуниканту, но их форма и собственная характеристика не изменяются (подробно см. [Сазонова 2004]): Небо **заволокло** тучами. Дорогу **занесло** снегом. Пруд **затянуло** тиной. Звезды **затянуло** мглой (А. Толстой). ...Жду, когда он **зарастет** или **затянет** его илом (Чехов).

Приложенный когда-то через болото деревянный настил засосало илом, а сверху все заросло травой и мхом (Линьков).

Примечательно, что переходные глаголы в безличном употреблении все еще сохраняют в себе каузативную семантику. Действие, выраженное глаголами в вышеприведенных примерах, воздействует на объект в форме винительного падежа, причиняя ему изменение состояния или характеристики. Иногда предметы объекта испытывают даже неприятное, вредное для него воздействие, лишаясь прежних характеристик. Например, в предложении “*Стекло окон разбило градом*” *стекло окон* после воздействия *град* целостными более не остается, т. е. не будет годным.

2.3. Лексическое наполнение объекта

На позиции объекта могут быть следующие имена:

1) лицо (имя существительное или личное местоимение): *Солдата* убило молнией; *Ее* ударило током. *Ее* чуть не сшибло **ветром** (Астафьев);

2) зооним: *Корову* ударило молнией; *Собаку* убило осколком. *Засосало лошадь* в болото;

3) растение: *Деревья* расшвыряло тайфуном. *Градом* повалило **цветы**. *В саду ночью ветром* посбивало все **яблоки** и сломило одну старую **сливу** (Чехов);

4) предмет-натурфакт – часть тела человека или природное вещество: *Руку* ранило пулей. [*Он*] видимо пьянел. **Глазаки** затянуло маслянистой влагой (Эртель). *Берег* размыло водой. **Небо** затянуло крупными облаками (Полудняков);

5) артефакт: **Избы** заносит сугробами; **Катер** отнесло течением; **Лодку** перевернуло волной. **Бак** пулей пробил. **Город** умыло ливнем ... туда, где не раздавит **судно** ледоходом (Астафьев).

Следует подчеркнуть, что в данной МП объект N_v представляет собой только конкретное имя (предмет или живое существо). Специфика объекта сильно влияет на лексическое наполнение модели. Так, например, воздействие на живое существо очень редко осуществляется силами природы, а глаголы *убить*, *зарезать*, *ранить* и т. п. не могут обозначать действия, направленные на предмет: *Бойца* убило снарядом.

2.4. Распространители – всякие обстоятельства места или времени:

1) $k+N_3$: *Лодку* отнесло течением **к другому берегу**;

2) $na+N_4$: *И тотчас* рука его скользнула и сорвалась, нога не удержи́мо, как по льду, поехала по булыжнику, откосом сходящему к рельсам, другую ногу подбросило, и Берлиоза выбросило **на рельсы** (Булгаков);

3) $v+N_4$: *Ветром занесло лодку в открытое море. Его занесло в самую гущу толпы. Дымок отнесло в сторону. В это время нанесло дым, и ничего не стало видно* (Арсеньев);

4) $из+N_2...в+N_4$: *Вращением воды кидало фрегат из стороны в сторону* (Гончаров);

5) $по+N_3$: *По воздуху, как по реке в половодье, несет мусор* (Распутин). *Вдруг светом, нестерпимо белым, ярким, хлестнуло по глазам до слепоты* (Щипков);

6) $на+N_6$: *На озере качает лодки. Возок кидало на ухабах*;

7) $при+N_6...через+N_4$: *Веслова убило при переправе через Днепр* (Гендряков);

8) $при+N_6...с+ N_2...на+ N_4$: *Встряхнуло карету при выезде со двора на тряскую мостовую* (Л. Толстой);

9) $близ+ N_2$: *Ночью близ церкви десятибалльным ветром повалило дерево* (Леонов).

Считается, что в МП1 и МП2, безусловно, возможны всякие именные группы в качестве распространителей, обозначающих направление, местонахождение и время, управляемые переходными глаголами в безличном употреблении.

3. Китайские корреляты русских МП1 и МП2

3.1. Китайские корреляты МП1

Являясь специфической русской МП, порядок слов формальной структуры МП1 ($S_T V_{act} 3s/n N_B$) полностью соответствует с порядком слов ее китайских коррелятов без учета словоизменения каждого компонента русской МП. Итак, МП1 может коррелировать со следующими тремя типами китайских подлежащно-сказуемых активных конструкций с разным типом сказуемого:

1) Русский творительный субъекта S_T совпадает с китайским подлежащим (П), предикат $V_{act} 3s/n$ – с соответствующим обычным китайским глагольным сказуемым (Ск), а объект N_B – с китайским 宾语<bingyu> (т. е. русское дополнение) (Д). Получается ФЗ китайского предложения: П+Ск+Д, напр.: *Ураганом нарушило связь* – 中斷了通 – *jufeng zhongduan <le>⁶ tongxin* (буквально: *Ураган нарушил связь*).

2) Кроме добавляющего китайского специфического каузативного глагола 使<shi>, остальные компоненты не меняются, меняясь лишь порядок слов. И китайская ФЗ такова: П + <shi> +Д +Ск, напр.: *Урага-*

⁶ Китайский послелог 了 <le> представляет собой показатель прошедшего времени совершенного действия.

ном нарушило связь – 使通 中断了 – *jufeng shi tongxun zhongduan le* (букв. Ураган <shi> связь нарушить <le>).

3) В необходимом случае нужно менять каузативный глагол 使<shi> на иероглиф 把<ba>⁷ в зависимости от конкретной сочетаемости слов: П +<ba>+Д +Ск. Ср.: Водой залило лодку – 水淹了船 – *shui yan le chuan* (букв. Вода залила лодку); – 水把船淹了 – *shui ba chuan yan le* (букв. Вода <ba> лодка залить <le>).

Следует отметить, что последние два типа предложения являются типичными для китайского языка, и выбор иероглифов 使<shi> и 把<ba> представляет определенные трудности для иностранцев, обучающихся китайскому языку. Дело в том, что носители китайского языка выбирают эти иероглифы по привычке и языковой интуицией. Кроме того, не все русские предложения типа МП1 могут одновременно коррелировать с тремя типами вышеназванными китайскими предложениями, ср.: Бурей порвало парус – 暴雨把帆船折断了 – *baofengyu ba fanchuan zheduan le* (букв. Буря <ba> парус порвать <le>). Ударом снаряда заклинило дверь – 炮的冲使卡住了 – *paodan de chongji shi ken kazhu le* (букв. Удар снаряда <shi> дверь заклинить <le>).

Отмечается, что простейшим вариантом китайского коррелята является первый популярный обычный подлежащно-сказуемый тип предложения, представляющий собой наиболее легкий тип для овладения при обучении китайскому языку в иностранной аудитории.

3.2. Китайские корреляты МП2

В связи с тем, что порядок слов играет важнейшую роль в китайском языке, где семантика предложения часто определяется по порядку слов, МП2 ($N_b V_{act3s/n} S_r$) с обратным порядком слов (по сравнению с МП1 и китайским подлежащно-сказуемым предложением) соответствует китайской пассивной конструкции с показателем страдательного залога 被 <bei>. ФЗ такова: П+ 被<bei>+ Д+ Ск+ показатель прошедшего времени 了 <le>. Итак, в китайском корреляте русский объект N_b занимает позицию подлежащего, субъект S_r — позицию дополнения после показателя страдательного залога 被 <bei>, предикат $V_{act3s/n}$ — позицию сказуемого. Напр.:

[1] Лодку унесло волной – 船被浪冲走了 – *chuan bei lang chongzou le* (букв. Лодка <bei> волна унести <le>).

[2] Его отнесло наводковой волной – 他被洪流冲走了 – *ta bei hongliu chongzou le* (букв. Он <bei> наводковая волна отнести <le>).

⁷ Иероглиф 把 <ba> в китайском языке имеет много значений. В данном случае 把 <ba> является глаголом-предлогом, посредством которого дополнение со значением прямого объекта ставится перед глагольным сказуемым (БКРС 1983).

[3] Могилу затянуло травой и полынью. (Астафьев) – 墓被野草和艾蒿盖住了 – *fenmi bei yecao he aihao gaizhu le* (букв. Могила <bei> трава и полынь затянуть <le>).

[4] Избу занесло снегом – 木屋被雪盖住了 – *muwu bei xue gaizhu le* (букв. Изба <bei> снег занести <le>).

[5] Стекло окон разбило градом – 窗的玻璃被冰雹碎了 – *chuanghu de boli bei bingbao zasui le* (букв. Окно <de> стекло <bei> град разбить <le>).

Интересно заметить, что, хотя, как показала Г.А. Золотова, русские МП с семантическим субъектом-стихией не трансформируются в синонимичные пассивные конструкции по причине того, что при составлении пассивных конструкций необходимо наличие воли и сознания субъекта [Золотова 2004: 195–196], но МП2 в противном случае содержательно соответствует китайской пассивной конструкции с иероглифом 被 <bei>. Этот факт объясняется в первую очередь тем, что в китайском языке составление пассивных конструкций с иероглифом 被 <bei> не зависит от одушевленности или неодушевленности агенса, т.е. не требует наличия воли и активности производителя действия [Шао Цзиминь 2007: 210-211]. Ср.:

[6] 窗被大风吹坏了 – *chuanghu bei dafeng chuihuai le* (букв. Окно <bei> сильный ветер ломать le); активная конструкция данного предложения: 大风吹坏了窗 – *dafeng chuihuai le chuanghu* (букв. Сильный ветер ломать <le> окно).

[7] 窗被小男孩打破了 – *chuanghu bei xiaonanhai dapo le* (букв. Окно <bei> маленький мальчик ломать le); активная конструкция данного предложения: 小男孩打破了窗 – *xiaonanhai dapo le chuanghu* (букв. Маленький мальчик ломать le окно).

Отсюда следует, что специфика китайской пассивной конструкции с иероглифом 被 <bei> и возможность ее трансформации из активной конструкции тесно связана только с лексическим значением переходных глаголов, включающих в себя сему «действие приносит объекту то или иное дурное влияние или наносит какой-нибудь ущерб» [Ли Цзоньцзянь 2004]. Именно переходные глаголы с подобной семантикой и создают обстановку китайской пассивной конструкции с иероглифом 被 <bei>. Исходя из того, что в МП2 позицию предиката занимают как раз такие же переходные глаголы, кроме того, позиция объекта стоит в начале предложения на месте китайского подлежащего, становится понятным и справедливым то, что МП2 коррелирует с китайской пассивной конструкцией с иероглифом 被 <bei>. Вместе с тем МП2, безус-

ловно, может коррелировать и с китайской подлежащно-сказуемостной активной конструкцией, как и МП1, но в меньшем случае по сравнению с пассивной конструкцией с иероглифом 被 <bei>.

4. Выводы

На основе проведенного нами выше анализа МП1 и МП2, а также анализа их китайских коррелятов можно сделать следующие выводы.

4.1. Анализируемые нами две МП представляют собой специфические русские МП, между которыми не имеется существенной разницы, а лишь сдвигаются акценты с точки зрения актуального членения по решению разной коммуникативной задачи. Позиции в МП1 и МП2 творительного субъекта-стихии S_r и винительного объекта N_v , а также членение МП на тему и рему позволяют им относиться к разными типами МП. Невзирая на различный порядок слов, обе МП являются типичными и распространенными в русском языке.

4.2. Главнейшая специфика МП1 и МП2 заключается в том, что творительным субъекта не может быть живое существо, а может быть только некая природная сила или всякий тип стихии, что играет значительную дифференцирующую роль, так как отсутствие субъекта-стихии заставляет МП входить в другие типы и приобретать новое ТЗ в связи с тем, что МП с неназванным субъектом-стихией информативно достаточны. Другая немаловажная специфика проявляется в том, что винительный объекта облигаторен, и на позиции предиката возможны лишь переходные глаголы в безличном употреблении, которые носят непроизвольный, случайный, стихийный характер действия и часто наносят ущерб объекту или уничтожают его.

4.3. МП1 и МП2 могут коррелировать с разными типами китайских предложений, среди которых пассивная конструкция с иероглифом 被 <bei>, активная конструкция с иероглифом 使 <shi> и 把 <ba> являются типичными китайскими предложениями, представляющими определенные трудности для некитайскоговорящих.

4.4. С точки зрения традиционной формальной грамматики МП1 и МП2 относятся к типу односоставных безличных и бесподлежащих предложений. В противном случае в их китайских коррелятах либо объект (N_v), либо субъект-стихия (S_r) занимает позицию подлежащего по поводу того, что в китайском языке в подавляющем большинстве полных предложений подлежащее облигаторно. Таким образом, порядок слов в китайском языке играет важнейшую роль, что заставляет одинаковые по содержанию русские МП с разным порядком слов коррелировать с разными китайскими синтаксическими структурами.

Л и т е р а т у р а

1. *Арват Н.Н.* Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев, 1984.
2. БКРС – *Ошанин И.М.* Большой китайско-русский словарь (Т. 4). М., Наука, 1983.
3. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
4. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
5. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
7. *Всеволодова М.В., Го Шуфень.* Классы моделей русского языка простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стательными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
8. *Го Шуфень.* Сопоставление русских и китайских типов предложений: Модели предложения с бытийным и стательными предикатами. Харбин, 2003. (郭淑芬. 俄 ▪ 句型 ▪ 比—存在和状 ▪ 述体模型句, 哈 ▪ ▪ , 黑 ▪ 江人民出版社, 2003)
9. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
10. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
11. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 2004.
12. *Ли Цзюньцзян.* Семантические признаки и когнитивный анализ пассивных конструкций китайского языка // Вестник Института иностранных языков НОАК, № 6, 2004. С. 7–11. (李宗江 汉语被动句的语义特征及其认知解释, 解放军外国语学院学报, 2004年第6期,7-11页)
13. *Сазонова Е.С.* Одноставные активно-процессные предложения русского языка и их английские эквиваленты. Дис. ... канд.филол.наук. Воронеж, 2004.
14. Гр-80 – Русская грамматика. АН СССР. Т. II. М., 1980.
15. *Шяо Цзиминь.* Общий очерк современного китайского языка. Шанхай, Шанхайское изд-во просвещения, 2007. (邵敬敏 现代汉语通论, 上海,上海教育出版社, 2007).

АНАЛИЗ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА *ТЕЧЕНИЕМ УНЕСЛО ЛОДКУ* И ЕЕ КИТАЙСКИХ КОРРЕЛЯТОВ

В статье проводится анализ русской модели предложения типа *Течением унесло лодку* (*Лодку унесло течением*) с точки зрения теории модели предложения. Данная модель предложения является типичным и распространенным одноставным безличным предложением в русском языке. Подробно проанализировано лексическое наполнение компонентов данной модели предложения и разрабатываются варианты ее китайских коррелятов, большинство из которых представляет собой типичные предложения китайского языка.

**THE ANALYSIS OF MODEL STRUCTURE LIKE
ТЕЧЕНИЕМ УНЕСЛО ЛОДКУ
AND ITS CHINESE EQUIVALENT EXPRESSIONS
Guo Shufen, Ye Feng**

Keywords: model sentences, typical meaning, subject-element, component analysis, Chinese corresponding expressions

Abstract

The paper analyzes the Russian model sentence as *The current washed away the boat (The boat was washed away by the current)* from the viewpoint of the theory of model sentence. This type of model sentence is a typical and common mononuclear impersonal sentence in Russian. The essay gives a detailed analysis of the lexical filling of component of this model sentence. This model offers a variety of Chinese corresponding expressions, some of which are typical in the Chinese language.

Принципы и методы введения русских моделей предложения в китайскую аудиторию¹

© кандидат филологических наук Го Шуфень (Китай), 2013

Ключевые слова: функциональная грамматика, модель предложения, типовое значение, полевая структура типового значения, основные принципы и конкретные методы введения русских моделей предложения в китайской аудитории

1. Необходимость введения русской функциональной грамматики в китайской аудитории

В последние годы с углублением исследования русской функциональной грамматики (далее РФГ) в России наметилась тенденция к ее изучению также и в Китае, особенно в плане сопоставления с китайским языком². В этом смысле мы разделяем мнение М.В. Всеволодовой о том, что сопоставление с беспадеежными языками показало принципиальное различие во взаимодействии категорий предикации (актуальное членение) и членов предложения между славянскими и беспадеежными языками, без учета которого нельзя создать никакой программы по машинному переводу и нельзя оптимизировать обучение иностранным языкам [Всеволодова 2010]. Мы полностью согласны с тем, что никакую систему нельзя корректно и адекватно описать «изнутри», поэтому выход в другие языки, поиск лингвистических универсалий и фреквенталий – один из принципов создания новой грамматики любого языка [Там же].

Проблема введения необходимых концепций РФГ (главные понятия мы даем в сносках), включающих в себя и концепцию модели предложения³ (далее МП), в преподавание русской грамматики в китайской аудитории привлекает все больше внимания китайских руссистов, пришедших к единному мнению о том, что надо ввести РФГ в китайскую

¹ Данную работу поддерживает национальный фонд социальных наук Китая (грант: 11ВУУ124).

² Мы с моими магистрантами, как М.В. Всеволодова со своими учениками, ведем исследование именно по данному направлению. Сопоставительными исследованиями занимаются и многие другие китайские русисты.

³ Модель предложения, по формулировке М.В. Всеволодовой [2000: 230, 234], – это структура (конфигурация) синтаксем, сопряженных отношениями предикации, включающая в свой состав значимые факультативные компоненты и имеющая определенное типовое значение (ТЗ). А ТЗ – это смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения [Золотова 1973: 25].

аудиторию, соединяя традиционную формальную грамматику с РФГ. И многие из них [Чжан Хуэйсэнь 1998, У И-и 1996, Ван Янчжен 1996, Ван Миньюй и Юй Синь 2007, Го Шуфень 2003] сделали такие попытки, создав очень важные монографии по РФГ. Однако современная ситуация в области преподавания и изучения русского языка в Китае⁴ замедлила данный процесс, не имея пока возможности специально преподавать РФГ китайским студентам по причине отсутствия подходящих методов и удачных учебников. В целях решения данной острой проблемы китайским русистам предстоит создать новую функционально-коммуникативную грамматику для китайских преподавателей, как неоднократно предлагала профессор М.В. Всеволодова, создать универсальную РФГ, предназначенную для изучающих РКИ [Всеволодова 2005, 2010 и др.], и, соответственно, создать новый учебник по функционально-коммуникативной грамматике для китайских учащихся нового поколения. По мнению М.В. Всеволодовой, в этой новой грамматике должны быть представлены так называемые языковые механизмы, т. е. правила, алгоритмы построения речи в зависимости от внешних условий общения, чего нет пока ни в одной современной грамматике [Всеволодова 2005]. Надо смотреть, что именно есть в языке, и как то или иное содержание, т. е. лингвистическая универсалия, которая во всех языках одинакова, должно быть представлено, от чего это зависит и что влияет на построение предложения. Задача учебной функциональной грамматики, как отметила М.В. Всеволодова, должна состоять не в обучении учащихся анализу формальной устроенности готового предложения, а в обучении нерусскоговорящих продуцированию текстов из предложений, адекватных конкретному дискурсу [Всеволодова 2007]. В этой связи создание новой функциональной грамматики для китайских студентов представляет актуальным, вместе с тем, введение русских МП в китайскую аудиторию (далее КА) станет необходимым.

2. Лингвистические основы введения русских МП в КА

Следуя за функциональным подходом, связанным преимущественно с направлением изучения языка от значения к форме и функции, основываясь на концепции МП М.В. Всеволодовой, мы придерживаемся мысли о том, что одно содержание может быть выражено в разных формальных структурах (ФС), выбор которых не зависит от субъективных интенций автора [Всеволодова 2000; Всеволодова, Го 1999]. Иными

⁴ В настоящий момент большинство китайских студентов начинают изучать русский язык только с нуля (т. е. до университета они ни слова не знали по-русски), что представляет большие трудности для них при овладении разнообразными грамматическими правилами с довольно частотными исключениями. Вместе с тем, почти во всех наших учебниках по русскому языку отсутствуют знания о функциональной грамматике.

словами, одно и то же ТЗ может быть выражено в разных МП, а одна и та же МП может выражать разные ТЗ. Поэтому нужно, чтобы студенты прежде всего овладели содержательным инвариантом предложения, а потом постепенно – всей системой парадигмы⁵ предложения, включающей в себя синтаксическую и коммуникативную (актуализационную и трансформационную) парадигмы.

ТЗ МП, по концепции М.В. Всеволодовой, имея полевую структуру, по-разному соотносится с содержанием предложения. Ядро поля ТЗ – это изосемические конструкции (ИзК)⁶ (обычно изоморфные), где денотативная структура (ДС), семантическая структура (СС) и ФС⁷ изоморфны: *Оля читает рукописи; Брат болен; Ира высокая, Иван – врач* и под. В ближайшей приядерной зоне расположены МП с тем же смыслом, но где либо имеется добавочный строевой компонент – экспликатор описательного предиката (ОП)⁸, в связи с чем есть некоторые изменения в ФС: *Он занимается чтением рукописей; Брат ощущает боль; Ира – высокого роста; Иван по профессии – врач*; либо связка: *Иван является /работает врачом*; либо сказуемое изменяет форму: *Аня – необыкновенно красива → Аня – (девушка) необыкновенной красоты*. В этих предложениях ДС и СС различаются обычно наличием в послед-

⁵ Парадигма, в нашем понимании, это ряды предложений, объединенных тождеством (единством) отражаемой ими ситуации.

⁶ ИзК – это конструкция, составленная изосемическими словами [Золотова 1982], когда предмет назван существительным, действие – глаголом, характеристика действия – наречием, прототипический признак предмета (новый, синий, но не: швейный, домашний) – прилагательным [Всеволодова, Го 1999: 4]. По М.В. Всеволодовой [2000: 199], ИзК представляют изоморфные (ИзМК) и неизоморфные. В ИзМК и слова изосемичны, и позиции словоформ соответствуют их денотативные роли (ДР = участники денотативной структуры). Предложение *Эта машина принадлежит Саше* – ИзМК; а *Это озеро принадлежит уткам* – ИзК (слова изосемичны), но не ИзМК: позиции словоформ не совпадают с ДР (ср.: *В озере живут...*).

⁷ М.В. Всеволодова [2000: 199] выделяет 4 уровня предложения: 1) денотативный, выраженный денотативной структурой, формируемой участниками ситуации – денотативными ролями; 2) коммуникативный, выраженный коммуникативной структурой, главные компоненты которой – тема и рема, на которые предложение делится при актуальном членении, что отражается и в линейно-интонационной структуре предложения; 3) семантический, выраженный семантической структурой, формируемой семантическим субъектом (S) и разными типами предикатов, формирующие ТЗ МП; 4) синтаксический – уровень материализации, реализующийся в формальной структуре, формируемой членами предложения, которые тесно, но не однозначно связаны с МП.

⁸ Описательными предикатами М.В. Всеволодова [2001:25] называет дескрипции, состоящие из двух слов, где семантически главное слово занимает позицию синтаксически зависимого, а семантически главное, стержневое слово, на основе которого формально и строится словосочетание, выполняет строевые функции и либо в значительной степени десемантизировано: *оказать помощь – помочь*; либо является родовым словом по отношению к семантически главному: *синий – синего цвета*.

ней строевых компонентов, что отражается на ФС. Следующую периферийную зону составляют предложения, где ДС отображает совсем другую типовую ситуацию (ТС). Степень отдаленности ДС и ТЗ может быть различной. Так, предложение, построенное по МП *Иван – врач* с ТЗ «Субъект и его квалификативный признак» *Маша – хорошая ученица* и предложение *Маша хорошо учится* достаточно близки, поскольку имя, называющее род занятий, системно. А предложение, построенное по той же МП *Тайга летом – это комары* и предложение *В тайге летом много комаров* с ТЗ «Место и его характеристика по наличествующему в нем предмету» отстоят друг от друга уже очень далеко [Всеволодова, Го 1999: 6]. Как показало сопоставление, ядерное предложение поля ТЗ всегда имеет в другом языке тот или иной содержательный и формальный (пусть формально иной, нежели в русском) коррелят. А периферийные трансформы таких коррелятов могут и не иметь. Так, в китайском языке невозможны формальные корреляты предложений типа *Долголетие – это физкультура; Тайга летом – это комары*. Соответственно, у предложений в периферийной зоне ДС не совпадает с СС и ФС [Там же: 7].

Именно по этим слоям полевой структуры ТЗ будут выдвинуты основные принципы введения МП в КА.

3. Основные принципы и конкретные методы введения МП в КА

Поскольку принцип обучения русскому языку как неродному на синтаксической основе позволит успешно реализовать принцип коммуникативной направленности и обеспечить естественное использование изучаемого языка для передачи своих и потенциально чужих сообщений, мы считаем необходимым введение русских МП в КА и предлагаем четыре основных принципа их введения:

- 1) поэтапность: с самого начального до высшего продвинутого этапа (т. е. с первого курса до магистратуры);
- 2) последовательность: от внутримодельной парадигмы до межмодельной парадигмы, т. е., во-первых, от ядра синтаксического поля предложения⁹ до его модификаций (грамматической, фазовой, модальной, авторизованной и отрицательной); во-вторых, от ядра поля ТЗ до его периферийных

⁹ Синтаксическое поле предложения – это «система, объединяющая вокруг исходной структуры предложения ее регулярные грамматические и структурно-семантические модификации и (на отдаленной перспективе) синонимические преобразования» [Золотова 1973: 20]. Ядро синтаксического поля предложения – это предложение со значением настоящего времени и реальной модальности: *Ночь. Задача трудная. В лесу грибы*. Ядерное предложение – это инвариант, значение которого сохраняется в его регулярных видоизменениях – модификациях [Всеволодова 2000: 215].

- трансформов. Этот принцип облегчит введение и усвоение не стандартных с точки зрения китайского языка русских МП;
- 3) системность: классы МП и их парадигмы – это иерархически организованная система видоизменений предложения [Всеволодова, Дементьева 1997: 6];
 - 4) сопоставление с родным языком: уже ни у кого из русских преподавателей РКИ и китайских русистов нет сомнения о необходимости сопоставления русского языка с родным иностранных учащихся при обучении их русскому в целях выявления черт сходства и различий между языками.

Кроме этих основных внутриязыковых принципов, имеет смысл также учитывать такие внеязыковые факторы, как методы преподавания иностранного языка, психологическую выносливость студентов перед совершенно незнакомым трудным русским языком, негативную интерференцию родного языка и т. п.

Понятно, что не на все проблемы мы сможем претендовать в рамках одной работы. Наше внимание будет уделено только вышеназванным основным принципам, которые будут реализованы в следующих конкретных методах: на начальном этапе (1-2 курс), особенно для начинающих с нуля студентов, можно ввести только ядерные исходные МП и их грамматические и структурно-семантические модификации, что составляет синтаксическую парадигму МП; а на продвинутом этапе (3-4 курс) нужно ввести уже такие МП, составляющие актуализационную и трансформационную парадигмы, как МП с изменениями, связанными с актуальным членением, т. е. с механизмами тематизации и рематизации словоформ, ср.: *В Крыму лето жаркое* → *Лето в Крыму жаркое*; МП перефразировок: 1) МП с ОП или их аналогами: *Я стираю* → *Я занимаюсь стиркой*; *Весь вечер говорили* → *Весь вечер прошел в разговорах*; 2) конверсивы: *Я восхищаюсь Пушкиным* → *Меня восхищает Пушкин*; 3) трансформации по МП с другим типовым значением, т. е. синтаксическая метафора: *Мальчик бегло читает* → *У мальчика беглое чтение* по МП *У Маши голубые глаза*. [Всеволодова 2007: 760] Надо подчеркнуть, что ввести разные варианты синонимических конструкций для выражения одного значения очень важно для того, чтобы с их помощью студенты могли построить богатые речевые высказывания.

4. Конкретные методы (шаги) введения русских МП в КА

4.1. Шаг 1. На начальном этапе (после фонетического курса) в ходе изучения описательной грамматики можно ввести самые простые по

форме и семантике МП с разными типами предикатов (Пр)¹⁰ и разными ТЗ, содержание которых соответствует денотативной типовой ситуации, т. е. содержательный инвариант, отражающий некоторое внеязыковое положение дел [Всеволодова 2000: 123]. Причина в том, что такие МП представляют собой ИзК ИзмК, являющиеся ядром поля ТЗ и служат универсальными предложениями, в которых присутствует полное совпадение между компонентами ДС, СС и ФС, т. е. члены предложения в формальной структуре изоморфны компонентам семантической и денотативной структур в таких ИзмК, где при прямом порядке слов подлежащее (П) часто тема (Т), а группа сказуемого (Ск) – рема (Р) [Там же: 319]. МП такого типа имеют полные эквиваленты в китайском языке и они даются студентам нетрудно. Ср.: *В прошлом году / Иван (П-S-T-Агенс) // успешно \ поступил (Ск-Пр-Р-Действие) в МГУ. – 去年伊万 (主语-主体-主位-施事) 顺利考入 (谓语-述体-述位-行为) 莫斯科大学 – qunian yiwān (zhuyǔ-zhuti-zhuwei-shishi) shunli kaoru (weiyǔ-shuti-shuwei-xingwei) mosike daxue.*

Сложность овладения такими МП состоит лишь в словоизменении как существительных по грамматическим категориям рода, числа и падежа, так и глагола по спряжению, а также в согласовании прилагательных с существительными по роду, числу и падежу. Наш опыт показал, что после усвоения основ русского произношения некоторых конкретных слов и их изменений у студентов не появится никакой проблемы в овладении ядерными МП – биноминативными: *Это дом; Отец – журналист; глагольными: Я читаю книгу; Он пишет письмо; прилагательными: Дом высокий; Анна красивая; наречными: В комнате тепло; На улице холодно* и др.

4.2. Шаг 2. Далее на базе знаний основных правил изменений связки «быть», фазовых и модальных глаголов типа *начать, кончить, хотеть, мочь* и др. по лицу и времени можно уже ввести понятия «грамматические модификации» и «структурно-семантические модификации» исходной МП, которые составляют приядерную область и ближайшую периферию синтаксического поля предложения. Грамматические модификации включают в себя регулярные реализации по лицу (*Я читаю / Ты читаешь / Он читает* и пр.), по времени (*Я читаю / читал /*

¹⁰ Мы выделяем пять типов предикатов: 1) экзистенциальный (бытийный): *Оазис лежит во впадине; Это государство существовало в V-IV в.в. до н.э.*; 2) акциональный (действие, событие): *Он разбил стакан; Стакан упал и разбился*; 3) статальный, или стативный (состояние): *Он болен; Я в отчаянии*; 4) реляционный (отношение): *Волк относится к классу хищников; Земля больше Луны*; 5) характеристивный (признак): *Она была очень красива; Дюма – француз*. [Всеволодова, Го 1999: 7-11].

буду читать), по модальности¹¹ (*Я читаю / читал бы*). Но, по нашему мнению, на начальном этапе регулярные реализации по модальности данного типа пока вводить не надо в связи с тем, что студенты еще не изучали сослагательное наклонение глагола. По концепции М.В. Всеволодовой, в структурно-семантические модификации входят 5 подтипов модификаций, а в концепции Г.А. Золотовой только 4, отсутствует последняя:

(1) фазисная: *Антон начал писать письмо. Маша кончила решать задачу;*

(2) модальная¹²: *Антон хочет писать письмо. Маша может решать задачу;*

(3) авторизованная¹³: *Антон, наверно, пишет письмо. Маша, конечно, решит задачу;*

(4) отрицательная: *Антон не пишет письмо. Маша не решил задачу;*

(5) вопросительная: *Где ему писать? Когда ей решать задачу?*

С нашей точки зрения, на этом этапе пока не нужно вводить вопросительную модификацию по причине того, что для китайцев представляет трудность т. н. безличное предложение, где формальная структура расходится с семантической, т. е. в предложении отсутствует подлежащее в именительном падеже, а появляется субъект в дательном падеже. А в китайском языке подлежащее и семантический субъект часто совпадают и обязательно присутствуют, тем более обычно перед сказуемым. Поэтому модальную модификацию типа *Ей нужно петь* и *Ей петь* надо ввести потом, а то студенты могут делать такие ошибки, как **Она нужно петь. *Она петь*.

4.3. Шаг 3. После ядерных МП и их разных модификаций нужно ввести неизосемические исходные МП, в которых отсутствует соответствие между формальной и семантической структурами. Напр., МП с ТЗ

¹¹ Модальность как элемент грамматической модификации выражает противопоставленность реального/ирреального отношения высказывания к действительности, т. е. субъективно-объективную оценку содержания высказывания (предикативного признака) с точки зрения его соответствия/несоответствия действительности [Золотова 1973: 142]. Различают внешне- и внутрисинтаксическую модальность. Внешнесинтаксическая модальность реализуется в двух типах: объективная и субъективная [Всеволодова 2000: 217].

¹² Модальная модификация, по нашему пониманию, это внутрисинтаксическая модальность, выявляющая отношения между субъектом и его предикативным признаком, выражается лексико-грамматически: *Мать хочет /должна/ может шить; Мне нужно петь*, и синтаксически: *Ему петь* [Всеволодова 2000: 217].

¹³ Авторизованная модификация, по мнению Золотовой [1973: 142], это внешнесинтаксическая субъективная модальность, характеризующая отношение говорящего к содержанию высказыванию – модус или ауторизация («персуазивность») – степень уверенности автора в истинности сообщаемой информации): *Мать, наверно, шьет. Оля, конечно, скромная*.

«S и его физическое состояние»: У мамы ангина. Мне холодно. С мамой обморок. Меня тошнит и МП с ТЗ «S и его эмоциональное состояние»: У мамы тревога. Она в тревоге. Ей тревожно. В ней тревога. Она встревожена. Эти МП вместе с универсальным глагольным МП (Она тревожится) составляют синонимический ряд, выражающий одно значение эмоционального состояния субъекта. Такие МП не имеют соответствующих формальных эквивалентов в китайском языке в связи с тем, что словоформы семантического субъекта и/или предиката в русских МП отсутствуют в китайском языке. И такие МП могут коррелировать только с китайскими предложениями подлежащно-сказуемого типа, составляющими большую часть китайских предложений. Сопоставительный анализ показал, что дословные русские варианты таких типичных русских МП в большем случае нарушают нормы и не соответствуют привычкам русской речи, хотя иногда они могут быть грамматически правильными, но русские просто так не говорят.

Итак, посмотрим китайские корреляты вышеперечисленных МП:

[1] У мамы ангина – 妈妈得了咽炎 – *tama de le*¹⁴ *yanyan* (букв.: *Мама **получить** <le> ангина), когда речь идет о временном физическом состоянии человека, или 妈妈有咽炎 – *tama you yanyan* (букв.: *Мама **иметь** ангина), когда речь идет о хроническом физическом состоянии человека. МП с субъектом в форме у-локализатора (термин Н.Д. Арутюновой) является типичным русским МП, отсутствующая в китайском языке и соответствующая китайскому предложению с иероглифом “有(уо)” (иметь). Подробно об этом см. [Го 2011: 92];

[2] Мне холодно – 我冷 – *wo leng* (букв.: *Я **холодный**) или 我感觉冷 – *wo ganjue leng* (букв.: *Я **чувствовать** холод);

[3] С мамой обморок – 妈妈晕过去了 – *tama yun* (букв.: *Мама **обморок** *guoqi le* (показатель перфектного времени) или 妈妈陷入昏迷 – *tama xianru hunmi* (Мама **упала** в обморок);

[4] Меня тошнит – 我恶心 – *wo exin* (букв.: *Я **тошнить**) или 我感到恶心 – *wo gandao exin* (Я **чувствую** тошноту). У мамы тревога – 妈妈感到焦虑 – *tama gandao jiaolv* (Мама **чувствует** тревогу). Интересно, что одна и та же русская МП коррелирует с китайским языком по-разному: когда речь идет об эмоциональном состоянии, нельзя сказать по-китайски с глаголом “有(уо)” : *妈妈有焦虑 – *tama you jiaolv* (*Мама **имеет** тревогу), а когда речь идет о физическом состоя-

¹⁴ В данном случае послог 了 <le> служит показателем прошедшего времени совершенного действия.

нии, можно сказать 妈妈有咽炎 – *tama you yanyan* (У мамы ангина). Причина этого, на наш взгляд, состоит в том, что симптомами болезни человек может обладать, а эмоцию он способен только чувствовать;

[5] Она в тревоге – 她感到焦虑 – *ta gandao jiaolv* (Она чувствует тревогу). или 她处在焦虑之中 – *ta chuzai jiaolv zhizhong* (Она находится в тревоге);

[6] Ей тревожно – 她焦虑 – *ta jiaolv* (Она тревожится). или 她感到焦虑 – *ta gandao jiaolv* (Она чувствует тревогу);

[7] В ней тревога – 她心中充满焦虑 – *ta xinzhoug chongman jiaolv* (букв.: *В её сердце полно тревоги).

Русская причастная МП типа “Она встревожена” вообще отсутствует в китайском языке, где большинство эмоциональных глаголов не употребляется в пассивной конструкции с показателем страдательного залога “被(bei)”. Поэтому МП такого типа коррелирует с китайским прилательным предложением:

[8] Она встревожена – 她很焦虑 – *ta hen jiaolv* (букв.: *Она очень тревожный) или с глагольным 她感到焦虑 – *ta gandao jiaolv* (Она чувствует тревогу).

Специфических русских МП в реестре классов МП, созданном М.В. Всеволодовой, еще много, с чем можно подробно ознакомиться в [Всеволодова, Го 1999; Всеволодова 2000].

Наш опыт обучения китайских студентов русскому языку показал, что практическое овладение структурой и семантикой вышеперечисленных типичных русских МП учащимися связано с определенными трудностями, которые, в первую очередь, обуславливаются негативной интерференцией родного языка, особой спецификой типичных русских МП и национальным типом мышления, сложившимся уже давно у взрослых студентов-китайцев. Все эти факты сильно мешают «нулевым» студентам правильно сформировать русские высказывания. Дело в том, что в отличие от русского языка китайский не является флективным, и в нем нет морфологических изменений слов. При выражении мыслей или идей на русском языке начинающие студенты-китайцы могут просто складывать предложения по линейному словопорядку под влиянием родного языка, делая дословный прямой перевод с родного на русский, т. е. по подлежащно-сказуемостному порядку слов, забывая изменить слова по грамматическим категориям. Поэтому у начинающих часто встречаются такие типичные ошибки: *Я холодно. *Мы надо уехать. *Я есть брат. Отсюда следует, что привычки мышления китайцев сильно влияют на овладение типичными русскими МП. В целях преодоления данных трудностей, кроме способа запоминания, который

является весьма трудновыполним по отношению к большому числу МП и к непонятной синтаксической МП, мы так же, как и М.В. Всеволодова [Всеволодова 2000: 268], предлагаем использовать сопоставление русских МП с содержательным коррелятом в китайском языке. Важно, чтобы студенты заметили асимметрию между специфическими русскими МП и китайскими подлежащно-сказуемыми предложениями, т. е. между ними нет прямых формальных соответствий, и русские субъектно-предикатные МП в падежной форме часто коррелируют с китайскими подлежащно-сказуемыми предложениями. Надо, чтобы студенты узнали типологические особенности между двумя языками (об этом подробно см. [Го 2011]), что позволяет им усвоить механизмы семантических соответствий и формальных коррелятов двух языков. Напр., русские МП с у-локализатором обычно коррелируют с китайским подлежащно-сказуемым предложением с глаголом «有 (you)» (иметь), ср.: У Иры голубые глаза. – 伊拉有¹⁵一双蓝眼睛 – *yila you yishuang lanyanjing*. (букв.: *Ира имеет одна пара голубой глаз); У Ивана есть вилла. – 伊万有别墅 – *yiwān you bieshu* (Иван имеет виллу). И это лишний раз доказывает идею Н.Д. Арутюновой о том, что «продуктивность бытийных предложений служит основанием для отнесения русского языка к так называемым языкам бытия, противопоставляемым языкам обладания, таким, например, как романские и германские языки» [Арутюнова 1998: 790]. Соответственно китайский, как и английский, должен быть включен в «языки обладания». Концепция об исследовании русских языковых явлений в зеркале других языков и конкретный сравнительно-типологический анализ даются в ряде работ М.В. Всеволодовой и автора данной работы [Всеволодова, Го 1999; Всеволодова 2011; Го 2003; Го 2011]. Вслед за М.В. Всеволодовой мы исследуем и преподаем русские МП в зеркале китайского языка.

Другой не менее трудный момент для выражения одного и того же ТЗ представляет выбор синтаксически синонимических конструкций, соответствующих определенной стилистической окраске. Напр., при выражении эмоционального состояния человека студент должен знать, какую МП лучше выбрать из вышеприведенных синонимических МП и каковы стилистические оттенки и нюансы между ними. Это уже отдельный вопрос, в котором рамки работы не позволяют разобраться.

Из вышеизложенного следует, что без осмысления структурных и семантических характеристик специфических русских МП и заключен-

¹⁵ 双 (shuang) – это китайское собирательное счетное слово, выражающее парные вещи. Оно соответствует русскому слову «пара». Счетными словами (или классификаторами) в китайском называются особые служебные слова, связующие числительные и существительные или числительные и глаголы.

ного в них ТЗ формирование у учащихся-китайцев русской речи не представляется возможным.

4.4. Шаг 4. В 3-м семестре можно ввести те уже введенные ядерные МП с показателями семантических отношений, т. е. с ОП, являющиеся синонимическими приядерными МП с тем же смыслом, но преобладавая добавочный строевой компонент – экспликатор ОП и некоторые изменения в формальной структуре. По данным М.В. Всеволодовой, ОП как особый тип синтаксической конструкции является также лингвистической универсалией, что присутствует и в китайском языке, хотя иногда в нем отсутствует полное соответствие формы. Напр., *Отец по профессии врач* – 父亲的职业是医生 – *fuqing de zhiye shi yisheng* (букв: Отец дэ профессия ши врач). *Отец является/работает врачом* – 父亲是医生/是做医生工作的 – *fuqing shi yisheng / shi zuo yisheng gongzuo de* (букв: Отец ши врач /ши делать врач работа дэ). По-нашему, на этом этапе пока лучше ввести только МП с ОП, состоящими из десемантизированного вспомогательного глагола-экспликатора и имени существительного в косвенных падежах типа *оказать помощь (помочь)* – 给予帮助 (*jiyu bangzhu*), *заниматься изучением (изучать)* – 从事研究(*congshi yanjiu*) и т. п., что и формально и семантически имеется в китайском языке. По поводу того, что МП с ОП, состоящими из родового слова по отношению к семантически главному (*круглый – круглой формы, высокий – высокого роста, красивый – отличаться красотой* и др.) представляют трудности для китайцев, МП типа *Ира – высокого роста, Аня – необыкновенной красоты, Блузка – синего цвета, Оля отличается скромностью, Олю отличает скромность* и т.д., лучше ввести на 3-м курсе, когда студенты узнают, что МП с ОП часто употребляются в текстах публицистического, научного и художественного стилей, овладев различиями между функциональными стилями и изучив строевые слова *отличаться, характеризоваться, испытывать, присущ, свойствен, характерен, типичен* и т. д. Причина этого состоит в том, что такие МП являются типичными для русского языка и они не обладают формальными коррелятами в китайском.

Следует отметить, что ОП является актуальной проблемой, требующей специального и глубокого исследования. С сожалением признаем, что данная проблема пока еще не изучалась в КА как системная грамматическая тема и студентам приходится запоминать эти словосочетания отдельно, без связи с исходными изосемическими словами, что затрудняет им усвоить соответственно синонимические трансформы с ОП, когда текст требует официального стиля. Напр., при написании дипломной работы студенты довольно часто делают стилистические

ошибки, не умея употреблять МП с ОП. Видно, что формирование у учащихся умения сознательно пользоваться МП с ОП для выражения своих мыслей – одна из важнейших задач уроков русского языка в КА.

4.5. Шаг 5. В 4-м семестре, когда студенты овладели знаниями страдательного залога, можно ввести МП собственно грамматических конверсивов, формируемые в основе залоговыми формами глагола: *Рабочие строят дом* → *Рабочими строится дом. Иван сдал все экзамены* → *Иваном сданы все экзамены*. Конверсивы такого типа даются китайцам нетрудно в связи с тем, что они полностью соответствуют китайским пассивным предложениям с иероглифом “被(bei)” и организованы при помощи обратного порядка слов: объект+被(bei) +субъект +действие. Ср.: *工人在建房子* – *gongren zai* (показатель настоящего времени) *jian fangzi* → *房子被工人建着* – *fangzi bei gongren jian zhe* (показатель настоящего времени) (букв.: *Дом бэй рабочие строить чжэ). Поскольку очень сложна проблема о конверсивах, включающих в себя такие подвиды, как разнообразные лексические (*Маша дружит с Олей* → *С Машей дружит Оля*), формализованные (*Я восхищаюсь стихами Пушкина* → *Меня восхищают стихи Пушкина*), неформализованные (*Лошади ускорили бег* → *Бег лошадей ускорила*), каждые из которых требуют тщательного анализа, мы предлагаем ввести некоторые трудные для овладения подклассы из вышеназванных конверсивов на продвинутом этапе.

4.6. Шаг 6. На 4-м курсе и на уровне магистратуры можно ввести труднейшие для китайцев при понимании и усвоении МП неуниверсальные синонимические трансформации. По выражению М.В. Всеволодовой, это суть «переупаковка», для выражения которого служит определенная МП, в «футляр» другой МП, придание ей другого внешнего вида, что позволяет переставить акценты, изменить состав предикат-партнеров и членопредложенческий ранг имен участников ситуации [Всеволодова 2000: 269]. Например, по внешнему виду бинаминативной МП (БМП) *Москва – это столица России* можно продуцировать трансформации МП *Пекин – это Олимпиада-2008; Завод – это выпуск станков; Маша – скромность; Оля – это сама красота* и др., семантико-синтаксический потенциал которых отсутствует в китайском языке и китайцам невозможно «принимать в свою оболочку то или иное содержание» [Там же: 269]. Как показала М.В. Всеволодова, БМП, имеющие сложную систему значений и полевой характер, могут быть формально и семантически очень простыми при совпадении ТС и ТЗ, когда компоненты всех уровней налагаются друг на друга «одни к одному» [Всеволодова 2000: 279-285]. А при несовпадении ТС и ТЗ смысл

высказывания осложняется привнесением в его основное содержание значения, свойственного данной БМП. Поэтому «понимание (не говоря о продуцировании) вызывает затруднения, а при недостаточном владении языком вообще оказывается невозможным» [Там же: 286]. Как эффективно оказать студентам помощь в целях понимания закрытой простой оболочкой БМП сущности смысла? По мнению М.В. Всеволодовой, знание преподавателем ТЗ и умение соотнести его с денотативным содержанием позволяет ему правильно оценить степень сложности языкового материала и дать необходимый комментарий. Мы также считаем, что задачей преподавателей в этом случае является умение показать студентам то «привнесение в основное содержание» ТЗ БМП и объяснить его глубинный смысл. Методом обучения БМП, по нашему, служит понимание предметных или признаковых существительных как некое событие, которое именно зависит от конкретных ситуаций. Напр., в БМП *«И сам Стриндберг – утро, тот час, когда начнется большая работа. Он менее всего конец, более всего начало (Блок)»* предметное сущ. «Стриндберг (шведский драматург)» нужно понять как «его жизнь»; в *«Пушкин – это «Борис Годунов» и «Евгений Онегин»* названия произведений надо понять как действие «написал эти произведения»; в *«Полет в космос – это известность и слава»* признаковые сущ. тоже следует понять как пропозицию «стать известным и славным», иначе эти предложения не будут понятными. Их никак невозможно просто перевести на китайское предложение с иероглифом “是” (ши, являться), коррелируя их только по формальной структуре, не думая об их глубинном содержании.

Итак, легко заметить, что именно эти разные дополнительные значения БМП, у которых нет формальных и семантических соответствий в китайском языке, понимание которых зависит от конкретных ситуаций, представляют большие трудности для китайцев. Считаем необходимым прежде всего понять смыслы таких БМП, затем найти их переводческие соответствия по смыслу, а не только по форме, в противном случае китайцы никак не поймут, о чем тут идет речь. Очевидно, что над методами обучения этих БМП предстоит провести дальнейшие тщательные наблюдения.

В заключение можно подвести итоги. Поэтапное введение МП от легких к осложненным по форме и по семантике соответствует ходу мышления человека «от ближнего к дальнему, от простого к сложному», а также совпадает с привычкой изучения иностранного языка для взрослых. Итак, можно сделать вывод, что разработать закономерности поэтапного, последовательного и систематического формирования у

учащихся навыков понимания и употребления в собственной речи нужные МП значительно важно. Проблема методов в обучении МП в КА и наблюдений над функциональными и стилистическими закономерностями поведения этих МП в контексте в зависимости от их семантики представляется одной из наиболее актуальных, что требует дальнейших наблюдений и исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 1998.
2. Ван Мин-юй, Юй Синь. Функциональная лингвистика. Шанхай, 2007.
3. Ван Янчжэн Русская функциональная грамматика – Предложение, содержание, форма, парадигмы. Пекин-Шанхай-Гоуньчжоу-Сиань, 1996.
4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
5. Всеволодова М.В. Описательные предикаты и их соотносительность с денотативной структурой предложения // Слово, грамматика, речь. Вып. 3. М., 2001. С. 24–31.
6. Всеволодова М.В. Фундаментальная теоретическая прикладная грамматика как компендиум теоретических и прагматических знаний о современном русском языке // Русский язык за рубежом. №3-4, 2005.
7. Всеволодова М.В. Инвариант содержания и парадигматика предложения // III международный конгресс. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007. С. 760.
8. Всеволодова М.В. Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика // Грамматика разноструктурных языков. Воронеж, 2011. С. 74–82.
9. Всеволодова М.В. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010, № 6. С. 7-35.
10. Всеволодова М.В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стательными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
11. Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
12. Всеволодова М.В., Кузьменкова В.А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 5. С. 7–29.
13. Го Шуфень. Сопоставление русских и китайских типов предложений: Модели предложения с бытийным и стательным предикатами. Харбин, 2003.
14. Го Шуфень. Типологическое сопоставление особенностей русского и китайского языков // Грамматика разноструктурных языков. Воронеж, 2011. С. 90–99.
15. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
16. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
17. Гр-80 – Русская грамматика. АН СССР. Т. I-II. М., 1980.
18. УИ-и Очерк функциональной грамматики современного русского языка. Пекин, 1991.
19. Чжан Хуэйсэнь. Функциональная грамматика русского языка. Пекин, 1992.

**ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ВВЕДЕНИЯ РУССКИХ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕ-
НИЯ
В КИТАЙСКУЮ АУДИТОРИЮ**

В статье обоснована необходимость введения русской функциональной грамматики в китайскую аудиторию. Рассмотрены как лингвистические основы, так и основные принципы и конкретные методы введения русских моделей предложения в китайскую аудиторию. Согласно выдвинутым принципам проанализированы конкретные шаги введения русских моделей предложения в китайской аудитории.

**THE PRINCIPLES AND METHODS OF INTRODUCTION
OF RUSSIAN MODEL SENTENCES TO THE CHINESE AUDIENCE
Guo Shufen**

Keywords: functional grammar, the model sentences, typical meanings,
the field structure of a typical meanings,
the basic principles of administration Russian model sentence
to the Chinese audience, specific methods of administration

Abstract

The essay discusses the necessity to introduce Russian functional grammar to the Russian language teaching in China, and elaborates the linguistic basis, basic principles and specific methods used to introduce Russian model sentences to the Russian language teaching in China. The essay also analyses the specific steps needed to introduce Russian model sentences to the Chinese audience using the principles proposed.

Контексты называния: семантика и лингводидактика¹

© кандидат филологических наук О.Ю. Дементьева (Россия), 2013

Ключевые слова: номинация, называние, тождество, предикация, синтаксическая структура, русский язык как иностранный

I. Принцип антропоцентризма, ставший отличительной чертой современных гуманитарных наук и в том числе науки о языке, предопределил превращение лингвистики из науки описательной в науку объяснительную (см., напр., [Кубрякова 1995; Шелякин 2005]). Ярким примером такого объяснительного подхода к языку является функциональное направление в русистике (о функциональном направлении см. [Амиантова, Битехтина и др. 2001; Онипенко 2002]). Это направление представлено, в частности, работами М.В. Всеволодовой, создавшей прикладную лингво-дидактическую модель русского языка, направленную на преподавание русского языка как иностранного. Для работ Майи Владимировны характерны как глубокое знание языкового материала, приобретенное более чем за 60 лет преподавания русского языка в самой разной аудитории, так и твердая убежденность в том, что грамматика существует не как самодостаточная система, а как средство реализации коммуникативных потребностей говорящего.

Одной из таких работ стала новаторская во многих отношениях книга «Вопросы функционально-коммуникативного описания синтаксического строя русского языка», изданная в 1989 году. Эта книга, насчитывающая менее 200 страниц, – «сухой остаток» десятка кандидатских диссертаций учеников М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. В ней за точку отсчета принят говорящий; в ней показано, как «работает» комплексный функционально-коммуникативный подход, положенный в основу грамматики русского языка как иностранного. Первая часть, написанная М.В. Всеволодовой и ее учениками, посвящена рассмотрению механизмов формирования грамматической структуры предложения-высказывания в соответствии с коммуникативными задачами говорящего. Условно ее можно обозначить как роль говорящего в представлении диктумной части содержания предложения. Вторая часть написана коллективом авторов под руководством С.А. Шуваловой, также при самом непосредственном участии М.В. Всеволодовой. В ней подробно

¹ Я благодарю Л.О. Чернейко, Н.К. Онипенко, И.В. Галактионову за ценную для меня возможность разностороннего и заинтересованного обсуждения проблем, рассматриваемых в данной статье.

проанализированы средства выражения широкого круга метатекстовых смыслов, служащих для введения иллюстрации, номинации, ссылки на источник информации, а также известной и общеизвестной информации. Совокупность этих средств, создающих «своеобразный метатекст внутри текста» [Вопросы...: 127], способствует оптимальному восприятию текста и является выражением «текстового модуля». В основу анализа на первый взгляд достаточно разнородного языкового материала в названной книге положено понятие типовой ситуации, позволившее описать языковой материал на единых основаниях и увидеть за внешними различиями средства выражения одноименных компонентов денотативной ситуации. Понятие типовой ситуации получило в дальнейшем убедительное обоснование в учебнике [Всеволодова 2000: 120–153].

Один из разделов этой книги, написанный В.Т. Марковым [Вопросы...: 139–157], посвящен анализу языковых средств, служащих для пояснения вводимой номинации, осуществляемого в том числе путем раскрытия ее содержания или перевода, и, наоборот, введения номинации, толкуемой путем ее соотнесения с явлением действительности или известным словом: *Пойма в устье Ловати по-местному называется пожней – Пожня – это по-местному пойма, Сплав железа с никелем называется инвар – Инваром называют сплав железа с никелем*. Как показывают примеры, в данном случае введение и пояснение номинации являются своего рода конверсивами.

Номинация может вводиться или поясняться различными способами.

1. Без использования специальных языковых средств, маркирующих номинацию: *Растение способно поднимать воду на большую высоту благодаря когезии – взаимному притяжению молекул, в силу которого молекулы держатся вместе и препятствуют разъединению* (пояснение номинации) – *Растение способно поднимать воду на большую высоту благодаря взаимному притяжению молекул... (когезии)* (введение номинации); *Стратосфера – это верхние слои атмосферы – Верхние слои атмосферы – это стратосфера*. В данном случае основным языковым средством введения или пояснения номинации является биноминативное предложение.

2. Предложениями с релятором² «то есть», который также не является маркером номинации³: *Каждая молекула фермента имеет абсорбционный локус, то есть место, к которому прикрепляется молекула субстрата*.

² Реляторы – класс безденотатной лексики, выполняющей в предложении строевую функцию, которая заключается в установлении логических отношений между компонентами ситуации или ситуациями. В предложении факультативны [Всеволодова 2000: 40].

³ Отметим, что А. Вежицка относит *то есть*, или к числу метатекстовых операторов, «которые устанавливают эквивалентность или квазиэквивалентность внутри текста», предлагая интерпретацию: Скажу то же самое иначе [Вежицка 1978: 417].

3. С использованием специальных метатекстовых средств, маркирующих номинацию: *Растение способно поднимать воду на большую высоту благодаря так называемой когезии – взаимному притяжению молекул, в силу которого молекулы держатся вместе и препятствуют разъединению – Растение способно поднимать воду на большую высоту благодаря взаимному притяжению молекул..., которое называется когезией / называемому когезией / так называемой когезии; Оперативный метод коррекции близорукости в медицине называется радикальной кератомией – Кератомией медики называют оперативный метод коррекции близорукости.*

Средством введения или пояснения номинации с использованием метатекстовых средств служит авторизованная конструкция, включающая следующие компоненты:

- 1) номинация (вводимая или поясняемая): *кератомия, когезия;*
- 2) носитель номинации (предмет или явление): *оперативный метод коррекции близорукости, взаимное притяжение молекул;*
- 3) показатель авторизации:
 - а) объективированной, т.е. имеющей значение общего мнения: в данном случае глагол *называть(ся)*, но также *именовать(ся)*, *считать(ся)*, *понимать(ся)*, *обозначать(ся)*; *выражения носить название, известный как, так называемый* (кроме перечисленных средств, в [Вопросы...] рассматриваются и другие показатели авторизации : существительное *название*, прилагательное *известный*);
 - б) субъективированной, связанной с автором текста: *выражения другими словами, иначе говоря, иначе;*
- 4) сфера употребления номинации: *медики, у медиков, в науке, в медицинских кругах, по-научному.*

В дальнейшем изложении в центре нашего внимания будут находиться предложения, имеющие в своем составе метатекстовые средства, вводящие номинацию, - глаголы *называть*, *называться*.

II. Для практики РКИ, направленной на обучение владению языком и идущей при этом от смысла к форме, способы введения номинации являются чрезвычайно важными. Ни один систематический курс русского языка как иностранного или пособие по грамматике не обходят эту тему своим вниманием. Дело в том, что, с одной стороны, они очень частотны в силу своей значимости для коммуникации: введение номинации бывает необходимо как в монологической, так и в диалогической речи, во всех сферах общения, в любом функциональном стиле, в особенности в языке науки, поскольку ни одна наука не обходится без дефиниций терминов и понятий; с другой стороны, они представляют значительные трудности для усвоения, что известно любому преподава-

телю – практику. В учебниках русского языка для иностранцев, владеющих русским языком в объеме первого сертификационного уровня, средства введения номинации представлены в первых уроках. Так, в учебнике [Университет-1] это материал 2 урока, где они вводятся в числе глаголов-связок в рамках грамматической темы «Выражение составного именного сказуемого»; в составе этой темы они даются в пособии по грамматике «По-русски – без ошибок!» под редакцией Г.А. Битехтиной, Л.П. Клобуковой, А.В. Фролкиной; в Практическом курсе русского языка Н.М. Лариохиной, строго выдержанном в семасиологическом ключе, они вводятся в разделе «Введение номинации» урока 2.

В чем состоят трудности, связанные с изучением этого грамматического материала? Дело в том, что, как было показано, номинация может вводиться и без использования специальных языковых средств, в первую очередь, при помощи биноминативных предложений гибкой структуры, допускающих тема-рематическую мену [Всеволодова 2000: 406]: (1) *Фонетика – это наука о звуках речи, Наука о звуках речи – это фонетика; Суффикс – это аффикс, находящийся в составе простой основы между корнем и флексией, Аффикс, находящийся в составе простой основы между корнем и флексией, – это суффикс.* Однако биноминативные предложения используются также для передачи субъектно-предикатных отношений, например, при квалификации субъекта: (2) *Фонетика – самостоятельная лингвистическая дисциплина, Суффикс -к- – средство образования отглагольных существительных со значением действия или предмета, связанного с действием (покупка);* отметим в этом случае невозможность тема-рематической мены. Принципиальные различия между предложениями групп (1) и (2) обнаруживаются при введении глагола, эксплицирующего характер смысловых отношений. В предложения группы (1) могут быть введены глаголы называть, называться, роль которых состоит не только в том, что они маркируют номинацию, но и в том, что они вводят субъекта-авторизатора (имплицитного в данном случае), – того, кому принадлежит номинация, и тем самым осложняют структуру предложения, делая его полипропозитивным (в [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998] – полипредикативным); при этом имя номинации употребляется в форме Т.п., если оно находится в теме: *Фонетикой называется наука о звуках речи, Фонетикой называют науку о звуках речи, Суффиксом называется / называют аффикс, находящийся в составе простой основы между корнем и флексией;* в случае, если имя номинации находится в реме, оно может оформляться не только Т.п., но и И.п.: *Наука о звуках речи называется фонетикой / фонетика.* В предложения группы (2) может быть введен полужнаменательный связочный глагол *являться*, передающий

отношения характеристики; при этом предложение остается монопропозиционным; имя субъекта употребляется в форме И.п., а имя, называющее его признак, – в форме Т.п.: *Фонетика является самостоятельной лингвистической дисциплиной, Суффикс -к- является средством образования отглагольных существительных со значением действия или предмета, связанного с действием (покупка).*

Положение осложняется также тем, что в ряде случаев биноминативное предложение допускает двоякую интерпретацию, следствием чего является возможность введения как глаголов называть /называться, так и глагола являться. Так, предложение *Морфема – это минимальная значимая часть слова* может представлять собой определение термина морфема; в этом случае экспликация отношений номинации дает предложение *Морфемой называется минимальная значимая часть слова, Морфемой называют минимальную значимую часть слова с именем номинации морфема* в Т.п.. Однако это предложение может быть понято и как передающее отношения части и целого; в этом случае будет употреблена связка являться: *Морфема является минимальной значимой частью слова, а имя морфема – часть целого (слова) является подлежащим*. Отметим возможность тема-рематической мены как для предложений с глаголами *называть, называться*, представляющих собой определение вводимого или поясняемого термина *морфема*, так и для предложения со связочным глаголом *являться*, реализующим отношения характеристики. Выбор структуры предложения и падежных форм имен представляет для иностранных учащихся значительную трудность.

Таким образом, в случае, если номинация вводится при помощи биноминативной структуры, характеризующейся значительной смысловой диффузностью и способной передавать различные логико-грамматические отношения, в том числе отношения предикации, характер этих отношений неочевиден. Введение глаголов *называть, называться* и *являться*, хотя и эксплицирует семантико-грамматические отношения и тем самым облегчает понимание, однако требует разных синтаксических структур, что затрудняет построение предложения.

III. Факторы, предопределяющие синтаксическую структуру предложения, включающего номинацию (падежную форму имени номинации и форму глаголов *называть, называться*, употребление выражений *принято называть, носить название, получить название* и т. д.), в самом общем виде представлены в [Книга о грамматике: 106]. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу более подробно проанализировать предложения, включающие номинацию (при этом мы ограничиваемся предложениями с глаголами *называть* и *называться* с имплицитным субъектом-номинатором) и определить взаимозависимость их

семантических и синтаксических особенностей. Статья написана на материале Национального корпуса русского языка.

Как было показано в [Вопросы...], компоненты предложений, вводящих номинацию, характеризуются значительной разнородностью. Так, субъект – номинатор может быть максимально широким: *Квадратом называется прямоугольник с равными сторонами*; может ассоциироваться с некоторым сообществом: *Венедами называют славян и прибалтийские финны – эстонцы, карелы, вепсы и собственно финны, При Петре дворян в современном понимании называли шляхтой*; быть единственным: *Мама называла малыша солнышком*; а также представлять собой пустое множество: *Никто больше не называет меня Сергуней*.

Субъект-номинатор может не принимать участия в речевом акте, как во всех приведенных выше примерах. Субъектом-номинатором может являться слушающий: *Ты так долго ждал, ты пересидел все мои романы, а теперь называешь нашу свадьбу ерундой?! или говорящий: Я называю ерундой платье, туфли и кольца, Современная цивилизация, я называю ее техногенной, возникла в Европе примерно 400 лет назад*.

Объект номинации может быть одушевленным: *Дома его по-прежнему звали Ванюшей, а на работе называли Иван Петровичем и завлабом, Циолковского называют отцом космонавтики*; предметным: *Эти медленно растущие и особенно ценимые кактусы иногда называют "каменными розами"*, *Наш сайт уже два года подряд называют лучшим информационным сайтом среди федеральных органов, Екатеринбург, который называют российским Чикаго, – город не бедный, местами даже очень не бедный*; непредметным: *Многие называют жизнь в семье "работой"*.

Номинация может быть как стандартной: *Сосуд на трёх ножках, служивший для приготовления пищи и хранения запасов, у некоторых народов назывался треножником и использовался как домашняя, а также ритуальная утварь*, так и нестандартной: *Петербург называют Северной Венецией, Циолковского называют отцом космонавтики*. Номинация может быть представлена именем собственным: *Ему было втайне приятно, что его называли Дон Жуаном, Соседняя деревня называется Покровское*, и именем нарицательным: *Супергонщиком я себя не назову, Ее даже нельзя назвать певицей, Павла Степановича можно было назвать душой обороны*.

IV. Контексты номинации представляют собой разнообразный, очень интересный и обширный языковой материал. Выделим лишь некоторые наиболее актуальные для практики РКИ группы предложений, позволяющие показать закономерности формирования их синтаксической структуры.

1. Группа предложений, представляющих собой научные определения: *Чёрной дырой называется объект, для которого вторая космическая скорость равна скорости света в вакууме, то есть 300000 км/с., Антиквариатом называется совокупность предметов, созданных более 50 лет назад, имеющих историческую, художественную или научную ценность.* Определение – принадлежность научного стиля речи. Это «логический прием, позволяющий производить спецификацию изучаемого объекта через набор индивидуализирующих признаков» [Чернейко 1997: 145]. «Определение должно устанавливать отношение семантической эквивалентности между именем объекта физической или идеальной действительности и структурированным содержанием понятия, связанного в системе языка с этим именем, т.е. сигнификатом понятия как совокупностью лингвистически релевантных свойств объекта» (определение, которое Л.О. Чернейко дает на своих лекциях).

Определения представляют собой предложения сигнификативного тождества. Они связывают семантически однородные единицы, характеризующиеся равной степенью референтности или равным объемом понятия [Арутюнова 2007: 284-330] и в силу этого рефлексивны. Имя определяемого понятия в предложениях оформляется творительным падежом, если определение дается от термина (номинации) к его содержанию, т. е. если имя понятия находится в теме; если, напротив, предложение формируется от толкования понятия к его имени, находящемуся в реме, то творительный падеж предпочтителен, хотя встречается и именительный: *Наука о звуках речи называется фонетикой / фонетика.* Выбор формы творительного падежа в большей степени соответствует научному стилю речи, так же как и возвратная форма глагола, хотя встречаются единичные определения, оформленные как неопределенноличная структура (при этом имя номинации может быть употреблено только в форме творительного падежа): *Геометрическую фигуру с тремя вершинами называют треугольником.*

В состав научных определений входит общепринятая номинация с четко определенным и одинаковым для всех объемом понятия. Глагол *называться* употребляется, как правило, в форме настоящего времени, вне речевого акта и характеризуется максимальной утратой лексического значения; фактически он является факультативным для структуры предложения метасловом.

2. Предложения номинации, в которых знак выступает в автонимном употреблении, т. е. обозначает сам себя [Падучева 2007: 20, 86]. Отношения номинации связывают денотат и его языковой индекс [Арутюнова 2007: 300]: *Столица России называется Москва / Москвой.* Для этих предложений характерно расположение имени номинации в реме, соответствующее ходу мысли от определенного объекта действительности к

его имени. Постановка имени номинации в тему требует изменения синтаксической структуры предложения: *Москва – название столицы России* или с И.п. темы: *Москва – так называется столица России*. Простое же изменение порядка частей (*Москва – это столица России*) влечет за собой изменение характера логико-грамматических отношений на предикатные и отсутствие в структуре предложения глагола *называть*. В зависимости от денотативного статуса имени объекта номинации и особенностей номинации выделим 4 группы предложений.

1) Предложения, в которых название объекта или класса объектов представлено именем собственным или нарицательным (в том числе языковым выражением) в кавычках в форме именительного падежа (для существительных), при этом используется возвратный глагол *называться*: *Ресторан назывался «Яр», Этот проведенный осенью прошлого года фестиваль назывался «Триумф джаза», Такой фасон называется «апаши», Этот танец называется «стопи»*. Кавычки в данном случае маркируют неизменность морфологической формы номинации при опущенной лексеме слово, термин или выражение, которые могут быть представлены также и эксплицитно в форме творительного падежа: *Обищим термином «шаманские колеса» теперь называют целую серию разнообразных выложенных из камней рисунков, находящихся в основном на равнинах, В северных районах, например на Белом море, словом «кулак» называют одинокий надводный камень близ берега*. В качестве номинации в кавычках могут употребляться также слова других частей речи, например, глагол в форме инфинитива: *Михаил Борисович (Ходорковский), начав с нуля (ну какая там зарплата у секретаря райкома ВЛКСМ!), максимум через 8 лет владеет собственностью в 8,3 миллиарда долларов. Куда там Биллу Гейтсу против таких темпов обогащения! Правда, в России это называется словом «заработать»; наречие: В одежде vintage можно выглядеть просто глупо. Одеться в нее с ног до головы так же недопустимо, как, скажем, в Armani от и до. Моветон. Именно это и называется словом «старомодно» и др..*

2) Предложения, в которых общепринятое название определенного, единичного неодушевленного объекта представлено именем собственным (в первую очередь топонимом) без кавычек в форме именительного или (реже) творительного падежа, при этом используется возвратный глагол *называться*: *Левый приток Оби называется Иртыш, Соседняя деревня называется Покровское, Центральная улица Москвы называется Тверская / Тверской*. (В аналогичных предложениях с одушевленным объектом номинации употребляется глагол *звать*: *Девочку зовут Маша / Машей, Котенка зовут Пушок*.) Если номинация не является «узаконенной», т.е. официально принятой в качестве названия данного объек-

та, используется глагол называть: *Это место сейчас известно всему городу, и называют его не иначе как Армянский городок.*

Как показывает материал, важным фактором, влияющим на выбор формы имени номинации – именительный или творительный падеж, – является его частеречная принадлежность: номинация оформляется И.п., если она представляет собой изменяемое существительное, совпадающее по форме с названием того или иного объекта или явления объективной действительности: *Этот район называется Сокольники, Поселок называется Сокол, Эта станция называется Рыбалка*, или совпадает с именем или фамилией человека, в честь которого населенный пункт был назван: *Рабочий поселок называется Марат, Город называется Гагарин в честь первого космонавта*; если номинация – прилагательное, то она может оформляться как И.п., так и Т.п.: *Шоссе, идущее из Москвы на север, называется Ярославское / Ярославским.*

Выбор падежной формы зависит от того, насколько мотивированной является номинация. Так, при отсутствии эксплицитно представленной мотивации обычно выбирается форма И.п.: *Шоссе, идущее из Москвы на север, называется Ярославское.* Мотивированность номинации повышает вероятность ТП.: *Шоссе, соединяющее Москву и Ярославль, называется Ярославским, Дорога, идущая в Дмитров, называется Дмитровским шоссе, Деревня называется Покровским по церкви Покрова Пресвятой Богородицы, Наша речка на всех картах называется Лбовка, а у нас ее называют Дурочкой за то, что она течет не с юга на север, как все другие речки в нашей местности, а с севера на юг.*

3) Предложения, в которых номинация определенного объекта – имя нарицательное без кавычек – представляет собой имя класса, к которому относится называемый объект: *Этот цветок называется фиалка, Это дерево называется береза, Это животное называется морская корова, Эта порода собак называется боксер, Этот прибор называется перископ, Эта удивительная машина называется мини-трактор* (ср.: *Это дерево – береза, Это животное – морская корова*). В этих предложениях употребляется возвратный глагол *называться* и имя номинации в форме именительного падежа.

Предложения этого типа относятся в [Арутюнова, Ширяев 1983: 10] к предложениям таксономической характеристики, наряду с предложениями *Кит – млекопитающее, Мухомор – гриб*. Нам представляется, что предложения типа (1) *Этот гриб – мухомор* и (2) *Мухомор – гриб* различны по ряду параметров: предложения (1) и (2) различны по характеру референции имени объекта в теме: в предложении (1) именная группа *этот гриб* имеет конкретную референцию, в предложении (2) *мухомор* – имя с родовым референциальным статусом; только предложения

(1) могут включать в свою структуру авторизующий глагол *называться*; только в предложении (2) может быть употреблено слово *это*.

4) Предложения, в которых «соседствуют» два имени одного и того же объекта, каждое из которых имеет свою сферу употребления: *У хохлов тыквы называются кабаками, а кабаки шинками* (Чехов), *То, что я считала джемпером, у нее называется «платье для танцев»* (примеры из [Онипенко 2013]), *В самом начале двадцатых годов Ленинград назывался еще Петроградом, В советское время Екатеринбург назывался Свердловском, Пойма в устье Ловати по-местному называется пожней, Гонобобель еще иначе называют голубикой за ее голубой цвет или пьяницей из-за того, что она пригодна для приготовления вина*. Выбор формы И.п. или Т.п. связан, как правило, с наличием или отсутствием кавычек.

Таким образом, в предложениях номинации употребление той или иной падежной формы связано с использованием кавычек, с характером называемого объекта и особенностями номинации. Выбор возвратной формы глагола связан с однозначным соответствием знака (номинации) обозначаемому им объекту для всего круга субъектов, использующих данную номинацию; форма 3 л. мн.ч. предполагает ограниченный круг субъектов, использующих номинацию.

3. Номинация может представлять собой не только определяемый термин (предложения сигнификативного тождества) или название объекта действительности (предложения номинации). Номинация может представлять собой признак, характеристику, оценку лица, предмета, события и являться предикатом. Отношения предикации вводят сообщаемое, связывая семантически разнородные - денотативное и сигнификативное - значения; важно, что «сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соотв. событию), а не слову, его называющему. Отнесенность к действительности, поэтому, и принято считать основным свойством предикации. Выражаемое предложением суждение есть суждение о действительности, фиксирующее результаты ее познания человеком» [Арутюнова 2007: 328].

Для обозначения приписываемого субъекту суждения предикативного признака может использоваться оценочная лексика: *Наш сайт уже два года подряд называют лучшим информационным сайтом среди федеральных органов, Истинно точным может быть назван только тот из поэтических переводов, в котором помимо смысла, стиля, фонетики, ритмики передано также интонационное своеобразие подлинника*; номинации, основанные на сигнификативном компоненте значения слова, в том числе «нестандартные», использующие переносное значение лексемы: *Ещё в недавние времена «плесенью» называли стилиз и тунейдцев, подразумевая, что это явление требует презрения и*

уничтожения, Павла Степановича можно было назвать душой обороны – он постоянно объезжал бастионы, справлялся, кому что надо, кому снаряды, кому артиллерийскую прислугу и прочее; номинации, основанные на коннотативном компоненте значения слова: *Екатеринбург, который называют российским Чикаго, – город не бедный, местами даже очень не бедный, Буслаев по своим трудам и влиянию в языкознании для нашего времени может быть назван вторым Ломоносовым.*

Отношения предикации устанавливаются говорящим, что часто сопровождается эксплицитным проявлением субъекта модуса. Этой цели служит нагруженный модусными смыслами глагол *называть*, который в ряде случаев становится необходимым элементом структуры предложения и в зависимости от того, кому принадлежит номинация, обозначающая предикативный признак, выступает в разной роли.

В случае, если говорящий не является «автором» номинации, глагол *называть* маркирует номинацию как не принадлежащую субъекту речи, позволяет говорящему «отстраниться» от нее, особенно в случае если она привычная, шаблонная: *Волка называют санитаром леса, Циолковского называют отцом русской космонавтики, Петербург называют Северной Венецией, Петербург раньше часто называли колыбелью трех революций*, а также позволяет говорящему оценить и обосновать правомерность использования данной номинации: *Физтех заслуженно называли колыбелью советской физики – из него вышло большинство доменных физиков, Рай – третья часть поэмы – называли музыкою миров за то чарующее величие, которым она проникнута.*

Если номинация принадлежит говорящему, авторизующий глагол соотносится с 1 лицом: *Время леонтьевского правления, деканства (1966-1979) можно назвать если не золотым, то серебряным веком факультета психологии МГУ, Жизненные линии Роберта Оппенгеймера и Эдварда Теллера вполне можно назвать взаимно перпендикулярными – столь явно они скрестились в «деле Оппенгеймера» 1953-1954 годов*, при этом предложение включает компоненты метатекста, отражающие поиск говорящим нужного слова, сомнения или, наоборот, уверенность в правильности выбранной номинации: *можно назвать, если не золотым, то серебряным, вполне.* Предикат может быть обозначен целым рядом лексем, приобретающих качество синонимов, которые обозначают одно и то же, используя функциональный признак, переносное и прямое значения слова: *Понятие языка исчерпывается известного рода сочетанием членораздельного звука и мысли. Звук, говоря иносказательно, может быть назван покровом, телом, формой; связанная с ним мысль – также говоря иносказательно – покрываемым, душою, содержанием (Потебня).*

Примеры показывают, что в предложениях характеристики имя номинации – предикативного признака - употребляется только в форме Т.п., авторизующий глагол выступает в неопределенно-личной, личной и страдательной, но не возвратной форме.

Если в рассмотренных выше предложениях сигнификативного тождества устанавливается эквивалентность знака (номинации, термина) и соответствующего ему объема понятия, в предложениях номинации – эквивалентность объекта или класса объектов и соответствующего знака (номинации, названия), причем в обоих случаях номинация или не является мотивированной, или эта мотивация «внешняя», то в предложениях характеристики номинация мотивирована внутренне, поскольку она, называя признак субъекта, основана на этом признаке. В предложениях характеристики проявляет себя модусный субъект – субъект сознания и речи, в связи с чем во многих случаях наблюдается возможность замены глагола *называть*, связанного с речевым модусом, на глагол *считать*, связанный с модусом полагания. Проблема использования «грамматических средств, обнаруживающих отнесенность содержания высказывания и текста к определенной точке зрения субъекта модуса, иными словами, обнаруживающих модусную обусловленность диктальной синтаксической структуры» [Онипенко 2013], заслуживает отдельного исследования.

Интересно сопоставить лексически тождественные предложения номинации: *Этот проведенный осенью прошлого года фестиваль назывался «Триумф джаза»* и предикации: *Этот проведенный осенью прошлого года фестиваль был назван / считают / явился триумфом джаза*. В предложении номинации лексема «триумф» в автонимном употреблении не означает ничего, кроме названия джазового фестиваля, и никак не характеризует фестиваль в плане его успешности. Предложение характеристики сообщает о том, что фестиваль был в высшей степени успешен. Структурные различия рассмотренных предложений очевидны.

Подчас номинация может оцениваться говорящим как не соответствующая тому содержанию, которое он сам в нее вкладывает: *Охота, промысел, хоть и называется словом «работа», на самом деле совсем что-то другое, что-то гораздо более сильное, сверхработа, запой какой-то, Мысль пойти в гости или где-нибудь выпить — это не называется словом «мысли»*.

Представляется, что в рамках контекстов названия предложения номинации и характеристики являются по своим логико-грамматическим характеристикам «полярными». Они демонстрируют принципиальное различие между именованьем и приписываньем признака, которое отражает русская пословица *Хоть горшком назови,*

только в печь не ставь: можно именовать объект как угодно, хоть горшком, главное – не считать объект горшком, т.е. не приписывать ему тех признаков, которые в совокупности составляют образ горшка (в первую очередь связанных с его использованием).

Л и т е р а т у р а

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. Изд. 5. М., 2007.
3. *Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
4. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 8 «Лингвистика текста» М., 1978.
5. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989.
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
7. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
8. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. М., 2009.
9. *Красильникова Л.В., Маркова В.А и др.* Университет. Ступень 1. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Первый год обучения. М., 2011.
10. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
11. *Лариохина Н.М.* Практический курс русского языка. Продвинутый этап. Часть 1. М., 1997.
12. *Онипенко Н.К.* Функция и функциональность в современной русистике // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2002, № 7.
13. *Онипенко Н.К.* Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов. 2013 (работа в печати).
14. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 2007.
15. По-русски – без ошибок! Пособие по грамматике русского языка для иностранных учащихся. М., 1995.
16. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
17. *Шелякин М.А.* Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М., 2005.

КОНТЕКСТЫ НАЗЫВАНИЯ: СЕМАНТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

Аннотация

В статье описываются контексты названия, в том числе в связи с их изучением в нерусской аудитории. Выделяются их основные типы, анализируется их семантическая и синтаксическая структура.

CONTEXTS OF NOMINATION: SEMANTICS AND LINGUODIDACTICS

O.Yu. Dementyeva

Keywords: denotation, nomination, identification,
predication, syntactical structure, Russian for foreigners

Abstract

The article deals with contexts including denomination especially in the course of Russian for foreigners. Main types of such contexts are described, their semantics and syntax are considered.

Место и роль контроля в системе обучения РКИ

© кандидат филологических наук В.В. Добровольская (Россия), 2013

Ключевые слова: контролирующая сторона учебного процесса, информативно-тематическое поле контроля, этапность контроля, требования к контрольному заданию

Если мы будем строить тематический ряд слов, начав его со слова «контроль», то перед нами могут предстать два его варианта. Первый – «контроль..., волнение, стресс, напряжение, ошибка, недочеты, недоработка...». Второй – «контроль..., собранность, концентрация, осознание, обобщение, демонстрация достижений...» И если первый ряд представляет собой норму обыденного сознания, то второй реализуется только тогда, когда контроль занимает должное место в учебном процессе, когда он методически обоснован и, если можно так выразиться, признан учащимися как необходимая часть занятий.

Поэтому прежде чем приступать к организации контроля на конкретном курсе обучения преподавателю важно, на наш взгляд, определиться с некоторыми общими методическими позициями в области контроля, с определенными закономерностями его проведения.

Начнем наше рассуждение с того, что определим место и роль контроля в учебном процессе в целом. Под контролем мы будем подразумевать внешнюю форму обратной связи обучающего и обучаемого, имеющую своей целью проверку степени усвоения языкового материала курса и определение уровня сформированности навыков и умений его использования в речевом общении. Контроль – неотъемлемая часть учебного процесса, органически связанная с другими его частями и регулирующая систему обучения через показатели полного или неполного усвоения изучаемого материала.

Как известно, формула обучения, данная еще Яном Амосом Каменским, звучит так: «Дал, проверил (взял), снова дал». Эти слова, ежедневно подтверждаемые педагогической практикой, обозначают, что контроль сопровождает каждый шаг обучения. Каждый фрагмент курса – будь то единица языкового материала любого ранга или информативная единица любого состава – должна возвратиться в процессе обучения по каналу обратной связи, т. е. пройти стадию контроля. Если сформулировать эту идею вполне точно, то более корректно было бы говорить не о месте контроля в учебном процессе, а о контролирующей стороне самого учебного процесса. При этом следует подчеркнуть, что эта часть (сторона) учебного процесса по времени ее выполнения и особенно по

тем усилиям, которые требуются для ее организации и проведения и от преподавателя, и от учащихся, не уступает обучающей части курса.

В своем дальнейшем рассуждении мы будем исходить из того, что обучающая и контролирующая сторона учебного процесса протекают параллельно и взаимосвязано. При этом текущий контроль, проводимый на каждом занятии, как бы пронизывает весь процесс обучения, а промежуточный контроль по циклу занятий и итоговый экзаменационный контроль выступают как стадии обобщения текущего контроля и самого процесса обучения.

Отбор материала контроля начинается, как правило, в рамках цикла занятий, т. е. промежуточного контроля. Это может быть контрольная работа, тест, контрольный опрос по материалам определенной темы, итоговая беседа по информативной теме, написание реферата, эссе и т. п. При организации текущего ежедневного контроля происходит как бы разукрупнение единиц промежуточного контроля, распределение конкретных контролируемых заданий по урокам и включение их в общую ткань занятий. При организации итогового (экзаменационного) контроля мы наблюдаем обратный процесс укрупнения единиц промежуточного контроля, объединение их в единицы более высокого ранга в доминирующих на данном отрезке обучения вещах речевой деятельности. Так, например, проверенное в ходе одного занятия умение использовать вопросительное предложение с определенным типом ИК (текущий контроль) проходит затем в контрольных материалах цикла занятий в качестве составляющего более сложного умения вести диалог определенного типа (например, диалог-расспрос) в промежуточном контроле. Затем оно включается в состав комплексных умений итогового контроля – например, умения вести беседу в рамках заданной проблематики.

Обратимся теперь к анализу некоторых общих требований, определяющих методический подход к проблеме контроля в целом.

В качестве первого из таких требований можно назвать соответствие информативной базы контроля и информативно-тематической базы курса, в рамках которой осуществляется контроль. Мы знаем, что в принципе информативно-тематическая база курса, отбор информации, включенный в определенную программу обучения (**о чем** мы будем говорить, слушать, читать и писать на наших занятиях), является важным ограничителем необходимой учащимся коммуникации от коммуникации вообще, остающейся за пределами учебной программы. Иными словами говоря, учащийся в процессе обучения должен понимать, воспроизводить и продуцировать именно эту информацию, ограниченную целями конкретного курса. Естественно, что и контроль, осуществляемый в процессе обучения, не должен выходить за рамки этого информа-

тивного поля. Если мы не соблюдаем это требование и строим контрольные материалы не до конца просчитанной, а тем более на случайной информативной основе, то материалы могут оказаться не дифференцирующими по контролируемому нами параметру обучения, поскольку могут содержать в себе дополнительные трудности для учащихся или, наоборот, оказаться слишком легкими, примитивными и потому неинтересными для них. В итоге мы можем получить искаженную картину уровня обученности испытуемых. Подчеркнем, что определенность информативно-тематической базы контроля, предварительный просчет тем, проблем и ситуаций, на основании которых будут строиться контролирующие материалы, важен еще и потому, что именно информативная основа обучения является связующим звеном для контроля всех сложных умений. Ведь только ставя задачи информативно-смыслового плана, проверяя умение учащихся использовать языковой материал для оформления заданных смыслов, мы можем одновременно проверить и лингвистическую, и страноведческую (информативную), и коммуникативную компетенцию обучаемых.

Вторым не менее важным общим требованием к проведению контроля является учет его организационной основы. Мы знаем, что единица контроля в любом виде речевой деятельности должна как бы воспроизводить единицу обучения в ее существенных характеристиках. Поэтому последовательность подхода к составлению контролирующего задания с операционной точки зрения может быть приблизительно такова. От изучения социального контекста реального прогнозируемого общения учащихся на изучаемом языке – к определению целей общения в рамках программы курса, определению мотивации и ведущих интенций общения. От определения интенций общения – к отбору значимых и типичных ситуаций проявления этих интенций в речевых образцах, реализующих отобранные ситуации. От речевых образцов – к выявлению последовательности операций по формированию навыков и умений построения этих образцов, и, наконец, – к определению заданий, адекватных по своему операционному составу этапам формирования контролируемого навыка. Иными словами говоря, в основу операционной стороны контроля кладется анализ структуры речевого действия на базе конкретного языкового материала и последовательность действий обучаемых, ведущих к формированию контролируемого навыка. При этом выявляется оптимальная форма речевого действия, соответствующая уровню сформированности навыка, которая и кладется в основу операций контрольного задания. В самой формулировке контрольного задания существуют некоторые особенности, отличающие его от обучающего задания. Формулировка контрольного задания часто не расшифровывает детально этапы выполнения задания, а сосредоточивает внимание

учащихся на цели задания, на том знаковом продукте, который он должен получить. Кроме того, там, где это позволяет языковой материал и уровень формируемых навыков, контрольное задание приближается к реальному общению или составляет его подготовительную часть и в силу этого ощущается учащимися как нужное, соответствующее целям обучения. Не будет преувеличением сказать, что в большинстве случаев ценность контролирующего задания прямо пропорциональна тому, насколько это задание приближается к процессу прогнозируемого общения на изучаемом языке.

Третьим требованием к методической организации контроля является учет этапности контроля во всей многозначности этого термина. Мы знаем, что понятие этапности, стадийности, пошаговости контроля неоднопланово. Во-первых, понятие этапности контроля может быть рассмотрено в соотношении с понятием этапности самого процесса обучения. Ведь при взаимосвязанном обучении различным видам речевой деятельности на каждом этапе обучения выделяется доминирующая сфера коммуникативного подключения и доминирующий вид речевой деятельности, в рамках которых и протекает промежуточный и итоговый контроль. Так, например, для иностранных студентов, обучающихся в вузах России, это сфера научного, профессионального обучения, понимание учебных дисциплин, участие в учебном процессе. В рамках этой сферы обычно выбирается чтение как доминирующий вид речевой деятельности, формирование навыков которого и составляет важнейшую цель этого этапа обучения. Сфера коммуникативного подключения определяет информативное поле контроля, его объекты и показатели. Проверка навыков чтения выходит на первый план в силу того обстоятельства, что студент, не способный следить по учебнику за программой изучаемых дисциплин, просто не может заниматься в высшем учебном заведении. На следующем отрезке обучения наступает новый этап контроля со своей доминирующей сферой коммуникативного подключения, своими ведущими видами речевой деятельности и соответствующими им объектами и показателями контроля. Такая этапность контроля имеет особое значение преимущественно для организации промежуточного и итогового контроля.

Другой стороной понятия этапности контроля является определение объектов и форм контроля в рамках цикла занятий, направленных к единой цели – формированию определенного навыка или умения на порции языкового материала. Здесь последовательно имеет место контроль восприятия, контроль репродукции и контроль навыков продуцирования в соответствующих контрольных заданиях. Эта сторона этапности контроля чрезвычайно важна для текущего, ежедневного контро-

ля, потому что она определяет место контролирующих заданий разного типа в ходе каждого занятия цикла.

Наконец, можно говорить об этапности контроля в связи с иерархией ступеней формирования конкретных сложных умений в различных видах речевой деятельности, т.е. об уровнях понимания в рецептивных видах речевой деятельности и о степени свободы продуцирования – в продуктивных. Так, например, анализируя уровни понимания текста при изучающем чтении, мы используем разные формы контроля. Предметно-логический уровень понимания требует на контроле проверки умения выделить основной смысл текста, перечислить его основные части. Эмоциональный уровень восприятия текста требует проверки путем вопросов, выявляющих имплицитную информацию, прямо не выраженную в тексте. Критический уровень понимания предполагает проверку умения критически осмысливать содержание текста, варьировать его лексический и грамматический материал, давая тексту нужную интерпретацию. И каждый из названных выше объектов контроля требует, естественно, специфических контролирующих заданий.

Так, анализируя уровни умения воспроизводить или продуцировать текст, мы обычно отмечаем такие этапы, как воспроизведение или продуцирование с языковыми и информативными опорами, воспроизведение только с информативными опорами, воспроизведение с трансформацией текста и т. д. И здесь мы также каждый раз выбираем форму контроля, соответствующую его объектам, и определяем нужную шкалу показателей. Выделение объектов и показателей контроля, опирающееся на иерархию ступеней формирования контролируемого навыка или умения, существенно для всех видов контроля.

Четвертым условием методической организации контроля является, с нашей точки зрения, правильное понимание характеристик единицы контроля – контрольного задания. Являясь единицей промежуточного контроля, оно выступает как задание, адекватное по своим характеристикам этапу формирования определенного навыка или умения на определенном блоке языкового материала. Как правило, оно выступает как заключительное в блоке заданий, направленных к одной цели. Оно не новое по типу, но новое с точки зрения конкретного языкового содержания. Формулировка контрольного задания, как об этом уже говорилось выше, более лаконичная, свернутая, указывающая в основном на цель задания, минуя конкретику этапов его выполнения.

Перечислим некоторые общие требования к контрольным заданиям:

- равнотрудность программе (чему обучили, то и контролируем);
- представительность объектов контроля (контролируются коммуникативная значимые единицы изученного материала, причем достаточно частотные, которые можно подкрепить рядом примеров);

– четкая и однозначная инструкция к заданию (учащийся должен осознать цель задания, его операционную основу и языковой диапазон; инструкция не должна быть терминологически перегружена, но в то же время не должна быть слишком упрощенной: делайте по образцу);

– близость получаемой в результате выполнения задания продукции к языковой норме, используемой носителями языка (предложения, которые строит учащийся в ходе выполнения задания, должны быть коммуникативно значимы для учащихся и достаточно частотными в их прогнозируемой речи на русском языке);

– экономичность во времени выполнения (слишком большое задание мешает концентрации внимания и вызывает ошибки утомления);

– плановость в проведении (время и место появления контрольного задания – заранее просчитывается в ходе учебного процесса).

При диагностике ошибок допущенных при выполнении задания, учитывается число искажений (отступлений от правильных вариантов) с коэффициентом значимости по степени влияния на смысловое восприятие высказывания. Другими словами говоря, ошибки диагностируются с точки зрения их значимости для слушающего (читающего), воспринимающего речь. Учитываются темпоральные показатели (время подготовки, время речи, темп речи, правильная паузация – при говорении; темп и выбор вида чтения – при работе с текстом и т. п.). Заранее определяется, через какой вид речевой деятельности следует проводить проверку в каждом конкретном случае.

Нам остается обратить внимание на некоторые частные факторы, способствующие, на наш взгляд, оптимизации процесса контроля.

Это активизация роли испытуемого в контролирующей части учебного процесса. Успех контроля в значительной степени зависит от того, вовлечен ли сам учащийся в процесс контроля как активно действующее лицо, ощущающее связь между целями прогнозируемого общения на изучаемом языке, умениями, которые обеспечивают это общение и контролем этих умений, организуемым преподавателем.

Это так называемая открытая мотивация заданий. Учащийся должен осознавать, что проверяется в данном контрольном задании, как проверяется и зачем проверяется. Ведь если учащийся в ходе учебного процесса является субъектом по отношению к изучаемому материалу, то в фазе контроля, в фазе слияния реального речевого поступка с планируемым, его роль тем более не должна меняться.

Это продуманное речевое распределение контрольных заданий в ходе текущего контроля между членами учебной группы. Учитывая прогнозируемую степень корректности ответа и быстроту реакции каждого из членов учебного коллектива, преподаватель заранее распределяет фрагменты задания (или сами задания) между учащимися, стимулируя

каждого из них к конкретному речевому поступку. Таким путем увеличивается количество правильных ответов на занятия и повышается мотивация обучения.

Это, наконец, фиксация внимания обучаемых на ориентирах контроля, т. е. на тех элементах высказывания, которые являются определяющими, дифференцирующими для контролируемого показателя правильности речи. Это может быть форма слова, структура фразы, дифференциация интерферирующих языковых единиц, структура текста, социальная направленность высказывания, учет адресата высказывания и т. п. Активизация в сознании учащихся нужных фрагментов контроля непосредственно перед выполнением задания помогает выработке у учащихся навыков самоконтроля и способствует максимальной реализации их знаний, умений и возможностей.

Заключая наши рассуждения об организации контроля, подчеркнем, что реальное соотношение обучающей и контролирующей стороны учебного процесса ставит перед преподавателем, готовящим тот или иной курс обучения русскому языку, определенные условия. Лишь заранее отобрав материал и продумав организацию всех видов и форм обратной связи, всех видов контроля, он может говорить о подготовленности конкретного курса обучения и тем более о его методической зрелости.

МЕСТО И РОЛЬ КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Аннотация

В статье дается определение контроля как стороны учебного процесса, анализируется соотношение текущего, промежуточного и итогового контроля. Перечисляются общие методические требования подхода к проблеме контроля, как то: учет информативно-тематического поля контроля, учет этапности контроля, требования к контрольному заданию. В заключение рассматриваются психологические факторы, оптимизирующие эффективность контроля.

THE IMPORTANCE OF MONITORING AND EVALUATION SYSTEM FOR TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

V.V. Dobrovolskaya

Keywords: monitoring and evaluation system, information and subject fields of assessment, stages of monitoring and evaluation, requirements for assessment task

Abstract

The author stresses the importance of monitoring and evaluation as assessment is an integral part of teaching process and analyses 3 types of assessment: continuous assessment, interim assessment and final assessment. Such general methodical requirements for monitoring and evaluation as information and subject fields of assessment, stages of monitoring and evaluation, requirements for assessment task are described in the article. Besides them the author considers psychological factors to improve monitoring and evaluation system.

Аспекти категорії валентності: теоретичний і контрастивний виміри

© доктор філологічних наук А.П. Загнітко (Україна), 2013

Ключевые слова: категорія валентності, формально-граматичний рівень, семантико-синтаксичний рівень, власне-семантичний рівень, комунікативний рівень, прагматичний рівень

1. Вступні зауваги. За усього розмаїття кількісного і якісного напрацювання теорії валентності у власне-термінологічному її окресленні та теорії сполучуваності в ємному сенсі слова в різних суто теоретичних і теоретико-прикладних напрямках концептуальні основи функційно-когнітивної лінгвістичної парадигми уможливають простеження категорійних, класифікаційних, кваліфікаційних і рівневих особливостей валентності в різних мовах з урахуванням особливостей її вияву на різних рівнях і з послідовним з'ясуванням її специфіки не тільки у формальному (власне-синтаксичному) аспекті, але й у семантико-синтаксичному, власне-семантичному, функційно-комунікативному. Актуальність такого студіювання мотивована необхідністю глибокого осмислення валентності та її внутрішньореченнєвого навантаження, з одного боку, і „вмонтованості” валентних потенціалів у лексичну структуру слова, з іншого. Водночас важливим постає розгляд валентності в контрастивному вимірі, особливо в різноструктурних мовах, до яких зокрема належать українська і німецька, оскільки такий аналіз уможливує простеження різних ємностей формальної, семантичної валентності рівнево тих самих одиниць, і вияв розбіжностей класифікаційних, кваліфікаційних ознак і вимірів таких одиниць та окреслення спільних площин валентності. Це постає можливим за активного фундаментального напрацювання в сучасній теорії валентності (праці Ю. Апресяна, І. Вихованця, М. Всеволодової, В. Гака, Г. Гельбіга, С. Кацнельсона, Л. Теньєра, Ч. Філлмора та ін.), прикладних / теоретико-прикладних (Г. Шрайбер, К.-Е. Зоммерфельдт, Т. Масицька та ін.).

2. Основи теорії валентності. До компетенції теорії валентності належать такі важливі лінгвістичні проблеми: 1) співвідношення структури та семантики мовних одиниць з простеженням статусної ролі кожної з них в реалізації валентних значень; 2) закономірності вияву узгодження та керування як форм підрядного прислівного синтаксичного зв'язку в їхньому відношенні до теорії валентності; 3) особливості лівобічних та правобічних інтенцій лексеми для

окреслення регулярних / нерегулярних валентних позицій; 4) усталені прескрипції побудови мовних структур з виявом значущості валентних гнізд; 5) взаємодія і взаємовідношення морфо-синтаксичних і семантичних властивостей мовних одиниць у реалізації валентних потенціалів; 6) детермінація мовних структур парадигматично і синтагматично в їхній кореляції з валентними значеннями; 7) взаємовияв морфологічних категорій у цілісній системі морфологічних та синтаксичних категорій зі встановленням відповідної ієрархії та місця в ній категорії валентності; 8) інвентар валентних потенціалів – формальний та семантичний компоненти; 9) характеристика графемної структури валентності з простеженням інваріантних / варіантних виявів відповідних графем; 10) встановлення параметрів активної та пасивної валентності різних частиномовних класів слів тощо.

Безпосередній стосунок до загальної теорії валентності мають і питання: 1) визначення носія валентності; 2) обґрунтування валентних властивостей, їхньої структури і нотації; 3) встановлення оточення носія валентності і критеріїв визначення ступеня залежності актантів (аргументів); 4) тлумачення валентних властивостей; 5) диференціювання рівнів і моделей валентності (квантитативної, якісно-синтаксичної, якісно-семантичної (логіко-семантичної) та ін. (Й. Андерш, Р. Гжегорчикова, В. Шенкель та ін.); 6) визначення площин активного співвідношення позиційного оточення та валентних інтенцій тощо. Носій валентності переддетермінує своє оточення (праці Б. Абрамова, У. Енгеля, К.-Е. Зоммерфельда, Г. Шумахера, К. Тарвайнена та ін.), тобто передбачає та прогнозує (прогностична функція). За широкого підходу – будь-який мовний елемент постає носієм валентності (тому є словники валентності іменників, прикметників тощо), за вузького погляду – валентність притаманна тільки дієсловам (Г. Брінкман, Л. Теньєр, Т. Масицька та ін.) та тим похідним, що у своїй структурі зберігають основний потенціал валентності: *Дівчина вишиває рушник голкою* → **вишивання** *рушника голкою*; *Хлопець поливає гарбузи водою* → **полив** *гарбузів водою* і под. Водночас існує погляд, за яким валентність витлумачувано як сполучуваність одиниць різних мовних рівнів: фонологічного, морфемного, морфологічного і синтаксичного (В. Берков, З. Засорина та ін.). Внутрішню валентність можна розуміти і як властивість конститuentів слів (М. Степанова) та відповідну їхню реалізацію в синтагматичних моделях.

3. Активна та пасивна валентність. Загальна теорія валентності, що охоплює мовну систему цілісно, має кілька загальноконцептуальних напрямів, з-поміж яких значущими постають: а) співвідношення

валентності та сполучуваності; б) закономірності вияву валентних потенціалів у синтактиці, семантиці та прагматиці мовних одиниць; в) експлікація та імплікація валентних інтенцій мовних одиниць та ін. Валентність як вияв особливостей розгортання семантичного потенціалу лексеми безпосередньо корелює із закономірностями творення речення і в цьому розрізі охоплює кілька аспектів аналізу: формально-граматичний, семантико-синтаксичний, власне-семантичний, комунікативний та прагматичний. З окресленими аспектами корелює розмежування активної та пасивної валентності як визначальної характеристики лексем. Активна валентність притаманна тим лексемам, що у своїй лексичній структурі передбачають обов'язковий вияв тих чи тих семантичних компонентів для реалізації відповідного стану або ж вияву певного стану: *хто? ← носити → що? → чим? → звідки? → куди?*, що відбито у тлумачних словниках. Врахування таких валентних потенціалів та їхньої реалізації особливо важливо не тільки у тлумаченні слова, його лексикографічному опрацюванні, але й у перекладацькій практиці, пор.: укр. (1) *Хлопець несе букет квітів у руках з поля до хати* (п'ятивалентне дієслово *несе*); (2) *Дитина снує* (одновалентне дієслово *снує*); нім. (3) *Der Junge trägt einen Blumenstrauß in der Hand aus dem Bereich des Hauses* (п'ятивалентне дієслово *trägt*); (4) *Ein Kind schläft*. (одновалентне дієслово *schläft*) До носіїв активної валентності належать насамперед предикатні знаки, з-поміж яких ядро становлять дієслівні лексеми (пор. (1), (2), (3), (4)). Спеціалізованими носіями пасивної валентності виступають іменникові лексеми, з-поміж яких ядро становлять носії власне-предметної семантики. У загальній масі вони зазвичай прогнозовані на заповнення тих чи тих валентних гнізд (*Хлопець* (суб'єкт) *несе букет квітів* (об'єкт) *у руках* (інструмент) *з поля* (вихідний локатив (= локатив-старт) *до хати* (кінцевий локатив (= локатив-фініш); *Der Junge* (суб'єкт) *trägt einen Blumenstrauß* (об'єкт) *in der Hand* (інструмент) *aus dem Bereich* (вихідний локатив (= локатив-старт) *des Hauses* (кінцевий локатив (= локатив-фініш)).

4. Валентність ↔ дієслівна грамати́ка. Описати валентні властивості мовної одиниці, зокрема дієслова як найбільш ядерного носія активної валентності – означає врахувати не тільки кількість партнерів, що заступають відповідні придієслівні (ліво- / правобічні) позиції, але й врахувати семантико-денотативні (тобто належність аргумента (актанта) до певного семантичного класу), семантико-функційні (тобто семантичну роль) та формально-граматичні (див. теорії Б. Абрамова, І. Вихованця, М. Всеволодової, В. Гака, Г. Гельбіга, С. Кацнельсона, К. Тарвайнена та ін.) характеристики. Теорія валентності є плідною і важливою для дослідження синтаксичного

оточення, встановлення реченнєвих моделей, для виділення синтаксичних класів слів. Теорія валентності в сучасній лінгвістиці постає розвитком низки лінгвістичних концепцій (пор. праці Б. Абрамова, Р. Бройера, І. Вихованця, Г. Гельбіга, Г. Нікули, К. Тарвайнена та ін.). Теорію валентності можна кваліфікувати як дієслівну граматику, тому що вона первинно опрацьовувалась щодо дієслів (Л. Теньєр), у валентних властивостях дієслова виявляється його специфіка як ознакового слова, сучасна теорія функційної еквівалентності має опертям принципи валентності.

Щодо розгляду валентних властивостей дієслова, то реальними є дві версії. Валентність простежувано з позиції теорії двоскладності речення (Г. Брінкман, О. Москальська, К. Шендельс, Н. Філічева та ін.), виключаючи із загального корпусу актантів дієслова суб'єкт і наголошуючи на особливому статусі відношення *підмет – присудок*. На практиці ж суб'єкт досліджувано в аспекті валентних властивостей дієслова. У цьому розрізі вельми цікавими постають аргументи вербоцентричної версії теорії валентності (Б. Абрамов, І. Вихованець, Г. Гельбіг, Й. Ербен, Г. Зейферт, Г. Нікула, К. Тарвайнен, Ж. Фурке, Т. Хойер та ін.). Простежуючи особливості підходів, можна констатувати, що в першому випадку говориться про відношення між процесом та його актантами (між предикатом та його аргументами, тобто відношення в структурі пропозиції, або ситуації) і відповідно між морфологічними засобами їхнього маркування (фінітним дієсловом та ім'ям у номінативі), у другому ж – інтерпретується відношення між членами судження, тобто між суб'єктом і предикатом, а, відповідно, між мовними засобами – носіями цих функцій (за Б. Абрамовим).

Не менш суттєвим питанням теорії валентності є питання сутнісних валентних властивостей. Валентність здебільшого визначається як синтаксичний феномен (пор. ранні погляди Г. Гельбіга), або ж як синтаксичний феномен із семантичним підґрунтям (цей погляд розвивають І. Іртенська, пізніші погляди Г. Гельбіга, В. Флемінг). Водночас валентність можна витлумачувати і як рефлекс семантичної валентності (К.-Е. Зоммерфельдт, Г. Шрайбер) або як семантичний феномен (К. Тарвайнен, Т. Хойер), або як особливий вияв керування (у широкому сенсі) (У. Енгель, Г. Шумахер).

Відсутня єдність і в розумінні основ валентних властивостей. Досить поширеним є погляд, за яким валентні властивості мають семантичну основу. Останню слід розуміти не як властивість значення в логіко-релятивному сенсі, а швидше як результат синтаксування семантичних відношень між елементарними синтаксичними одиницями (предикатами або функторами й аргументами) (Г. Гельбіг), тому що валентність виявляє семантичні відношення не прямо, а

опосередковано. Підтвердженням семантичного підґрунтя валентних властивостей слід вважати наявність лексико-семантичних варіантів, що різняться між собою певним аспектом валентних властивостей, пор.: (5) *Die Mutter kocht Suppe* – (6) *Wasser kocht* – (7) *Er kocht vor Wut*.

Залежно від концептуального визначення валентності по-різному постають витлумачувані її рівні: формально-граматичний, семантико-синтаксичний, власне-семантичний, комунікативний та прагматичний. Виділення цих рівнів валентності і відповідно формально-граматичної, семантико-синтаксичної, власне-семантичної, комунікативної та прагматичної валентності зумовлено розмежуванням кількісного та якісного аспектів у вивченні валентних властивостей.

Твердження про семантичну основу валентних властивостей зумовлює визнання семантичного обґрунтування всього оточення носія валентності. У дієслова розмежовують обов'язкові, факультативні актанти (аргументи) та вільні поширювачі (Г. Гельбіг), комплексну та основну валентність (К. Тарвайнен, Я. Корхонен), що ґрунтується на різних ступенях зв'язку оточення з носієм валентності. Тісніший зв'язок властивий членам оточення, що кваліфіковані як обов'язкові актанти (аргументи). У вивченні валентності варто враховувати характеристики актантів (за іншою термінологією – додатків (у широкому сенсі), поширювачів, комплементів, співучасників, контекстуальних партнерів, *Mietspieler*, *Aktanten*, *Ergänzungen*). У плані дослідження якісного аспекту валентності розмежовують внутрішній і зовнішній аспекти, де внутрішній аспект витлумачувано як семантико-денотативний аспект, тобто належність актантів до певного семантичного класу, а зовнішній виявляє семантичні ролі актантів, тобто це семантико-функційний аспект.

5. Статус аргументів (актантів, комплементів) у теорії валентності: доцентровість дієслівних лексем. Якісний вимір валентності виявляє різні площини кваліфікації актантів, що в сучасній лінгвістиці переосмислені як аргументи або комплементи. Останнє зумовило тенденцію до постійного розширення інвентаря актантів, пор.: Л. Теньєр вважав актантами тільки суб'єкт та об'єкти, а обставини – сирконстантами. Розвиваючи ідеї Л. Теньєра, Х. Брінкман вважає актантами суб'єкт та об'єкти в давальному та знахідному відмінках. П. Грабе, Й. Ербен, В. Шмідт зараховують до актантів обставини й предикатив, але Й. Ербен вважає облігаторними тільки обставини часу, місця, способу дії, причини. З-поміж дієслівних актантів Г. Гельбіг вирізняє суб'єкт, об'єкти, обставини різної семантики, суб'єктний та об'єктний предикативи, інфінітив. К. Тарвайнен відносить до повних актантів як виразників значення суб'єкт та об'єкти, обставини різної семантики, предикатив, а також особливі форми дієслівних актантів

(інфінітиви, дієприкметники, герундій) та актанти-речення. У цьому разі легко простежити як розширилось поняття актанта.

У теорії валентності дискусійним є питання про вияв і ступінь зв'язності комплементів з носіями валентності, що виявлено в диференціації усіх комплементів щодо їхньої семантики та можливості елімінування в ізольованому реченні на актанти і сирконстанти (Л. Теньєр), актанти і вільні поширювачі (Г. Гельтбіг) тощо. Інколи актанти диференціюють на обов'язкові та факультативні залежно від можливості / неможливості та частотності редуції в реальній комунікації з урахуванням відповідних мовленнєво-ситуативних завдань та обставин комунікації, що мотивують їхній пропуск або редуцію. У цьому вимірі можна витлумачувати і погляд К. Фабріціус-Ганзен, що розмежовує два типи факультативності актантів: означену та неозначену. Вона вважає, що обов'язковість актанта слід визнати справді синтаксичною, яка відповідним чином кваліфікує дієслівні лексеми [Fabricius-Hansen 1991: 701].

Б. Абрамов розмежовує в носія валентності напереддетерміноване і напереддетерміноване оточення, що залежить від семантики останнього і пропонує розглядати реалізацію валентних властивостей дієслова з погляду його парадигматики й синтагматики. У цьому разі врахування реальної комунікації постає несуттєвим, тому що основним виявом є потенційна валентність, а не її вияв / невияв у мовленнєвій ситуації. Це вербоцентрична версія теорії валентності, основою якої постає тлумачення валентності як спроможність одиниць певної семантики прогнозувати своє оточення в кількісному і якісному вимірах, тобто визначати свій найближчий синтагматичний контекст, у рамках якого постає експлікованим увесь обсяг значення. Первинно ця теорія ґрунтувалася тільки на аналізі фінітних дієслів, тому що цей граматичний клас характеризується найпотужнішими доцентровими потенціями, чим вони відрізняються від інших класів одиниць.

Доцентрові потенції характеризують спроможність слів приєднувати залежні слова; такі тенденції містять у собі відповідну інформацію про граматичні і семантичні ознаки оточення конкретного слова. Тому в описі доцентрових потенцій слід враховувати три різновиди ознак оточення: функційні (синтаксична функція залежного слова), формальні (його морфологічна форма), семантичні (його належність до певного семантичного класу) [Абрамов 1968: 54]. У доцентрових потенціях виявлена співвіднесеність слів і з граматичними (форма і функція), і з семантичними ознаками їхнього оточення. Тому можливим постає розмежування всередині «доцентрових потенцій» синтаксичної і семантичної валентностей. У цьому аспекті суттєвим є диференціювання двох різновидів семантичної структури: абсолютивної

та відносної. Таке диференціювання зумовлене різною міцністю зв'язку слів з відповідними значеннями з оточенням. Абсолютивною є семантична структура тих слів, що за свого вжитку в реченні не вимагають обов'язкового оточення залежних партнерів. Водночас останні певною мірою вибірково допускають більшість слів абсолютивної семантики, якщо ємність і специфіка повідомлюваної реченням інформації цього потребують. Особливим постає статус слів, яким не властиві доцентрові інтенції, пор., наприклад, окремі прислівники типу нім. *noch, schon, sehr, doch, jedoch* та ін. Особливістю відносної семантичної структури є те, що такі слова конотують ті чи ті елементи свого оточення, які повинні разом з ними актуалізуватися в реченні для надання йому смислового і структурного завершення. У цьому разі легко підтвердити особливість слів з відносною семантичною структурою, прогнозуючи гіпотетичні речення без наявності необхідних детермінаторів, пор., наприклад (необхідні детермінатори наведено в дужках), нім.: (8) *Er forderte (j-n) (zu etw.) auf*; (9) *Sie strichete (j-m) die Hand*; (10) *Wir wurden (j-s < einer Sache) ansichtig* (приклади взято в [Абрамов 1968: 57]). Словам з відносною семантичною структурою властиве діагностування, прогнозування відповідної кількості елементів власного потенційного оточення, інші ж елементи тільки допускаються. Тому слова з відносною семантичною структурою відрізняються від слів з абсолютивною семантичною структурою якісно сильнішим виявом зв'язку зі своїм синтаксичним оточенням. За твердженням Б. Абрамова, фінітні дієслова сучасної німецької мови вирізняються на тлі інших лексико-граматичних категорій тим, що з-поміж них немає слів з абсолютивною семантичною структурою [Абрамов 1968]. Останнє мотивує висновок, що в таких дієслів щонайменше один вияв, здебільшого лівобічний суб'єктний, повинен поставати експліцитно актуалізованим, поза яким неможлива реалізація комунікативної функції. Останнє можна вважати кваліфікативним виявом комунікативного аспекту валентності німецьких дієслівних фінітних лексем.

6. Аспекти категорійної валентності.

6.1. Формально-граматичний аспект валентності. Синтаксичну валентність розглядають або через аргументи, виражені тими чи іншими морфосинтаксичними структурами (членами речення і частинами мови в певній формі) (М. Степанова, Г. Гельбіг), або через кількість та якість актуалізованих синтаксичних відношень та морфологічних засобів їхньої актуалізації (Б. Абрамов), або властивість носія валентності залежно від частиномовної належності детермінувати синтаксичну функцію і морфологічну форму актантів (К. Тарвайнен).

Теорія валентності охоплює розгляд формальних реалізацій відповідних лексемних потенціалів: (11) *Євка* (хто?) ← *копнула* → (чим?) *ногою свого* → (що?) *рюкзака* (І. Карпа); (12) *Мати* (хто?) ← *копає* → (чим?) *лопатою* → (що?) *картоплю* (Є. Гуцало), що засвідчує її формальний (формально-граматичний) аспект. У цьому розрізі надзвичайно важливим постає встановлення основних форм заповнення тих чи тих валентнозумовлених позицій: *Євка* (хто?; форма називного відмінка, однина) ← *копнула* → (чим?; форма орудного відмінка, однина) *ногою свого* → (що?; форма знахідного відмінка, однина (можливий варіант – *рюкзак*) *рюкзака* (І. Карпа); *Мати* (хто?; форма називного відмінка, однина) ← *копає* → (чим?; форма орудного відмінка, однина) *лопатою* → (що?; форма знахідного відмінка, однина) *картоплю*. Формальні вияви валентнозумовлених компонентів постають зазвичай передбачуваними неваріантними (лівобічна позиція форми називного відмінка в структурі двоскладного простого речення) або передбачуваними варіантними (*Дівчинка купила хліб / хліба (хліб / хліба* – форма знахідного відмінка однини / форма родового відмінка однини)). Водночас формальний вияв валентнозумовлених компонентів може поставати непередбачуваним: (13) *Перед лазничкою було розкладено багаття, довкола нього* (де? форма родового відмінка, однина) ← *розташувалося з трійко дорослих і один хлопчик-підліток* (І. Карпа); (14) *Селяни, поприїздивши на обивательських шакайках (дехто привіз разом і подушне), розташувались* → (де?; форма родового відмінка, однина) *коло будинку, нарізно од панських карет* (Панас Мирний); (15) *Гості розташувались з картами надворі* → (де?; форма місцевого відмінка, однина) *на веранді, посідали на стільцях і по східцях, бо в покоях було так душно, неначе в грубах було натоплено жаркими дровами з дубини або з березини* (І. Нечуй-Левицький); (16) *Вони оглянулись і побачили на кормі гурт селян, що розташувались* → (де?) *там* із обідом (В. Підмогильний); (17) *Дальшу зупинку зробив він коло вітрини кондитерської, де в поетичному порядку, на білому мереживному папері, в розмальованих коробочках, фаянсових тарелях та вазах* (де?) ← *розташувалось солодке, невимовне смачне мстиво* (В. Підмогильний). У дієслова *розташуватися* в (3) валентнозумовлений компонент виражений прийменниково-відмінковою формою родового однини (*довкола нього*); у (14) – прийменниково-відмінковою формою родового однини (*коло будинку*); у (15) – прийменниково-відмінковою формою місцевого однини (*на веранді*); у (16) – інваріантною формою прислівника (*там*); у (17) – прийменниково-відмінковою формою місцевого множини (*на папері, в коробочках, тарелях та вазах*), що є показником його формальної непередбачуваності, але ні в якому відсутності регулярності.

Формально-граматичний аспект валентності уможливорює встановлення 1) основних формальних різновидів валентнозумовлених компонентів (частиномовних, а в межах останніх тих чи тих можливих формальних різновидів – відмінкових форм, числових форм, форм роду): у (15) – прийменниково-відмінкова форма місцевого відмінка, форма однини, форма жіночого роду (*на веранді*); у (16) – інваріантна форма прислівника (*там*); у (17) – прийменниково-відмінкова форма місцевого відмінка, форма множини (*на папері, в коробочках, тарелях та вазах*); 2) характеристику закономірностей форм синтаксичного підрядного прислівного зв'язку у валентнозумовлених компонентів, пор.: у (11) *копнула* → (чим?) *ногою* – форма керування (пряме, неваріантне, слабке); *копнула* → (що?) *рюкзака* – форма керування (пряме, неваріантне, сильне); у (14) *розташувались* → (де?) *коло будинку* – форма прилягання (відмінкове прилягання) та ін.

6.2. Семантико-синтаксичний аспект валентності. Семантико-синтаксичний аспект валентності ґрунтується на особливостях семантичного типу лексеми з активною валентністю з простеженням закономірностей семантичного наповнення валентнозумовлених компонентів у їхньому формальному вираженні: (18) *Несу махольот до швидкісного ліфта* (А. Дімаров) – *махольот* (валентнозумовлений правобічний об'єктив, виражений формою знахідного відмінка іменника, форма множини); *до ліфта* – (валентнозумовлений правобічний граничний локатив, виражений формою місцевого відмінка іменника з прийменником, форма однини); (19) *Тітка Павлина підняла свій шматок, обчистила його від попелу й вугілля* (А. Дімаров) – *тітка* (валентнозумовлений лівобічний суб'єкт, виражений формою називного відмінка іменника, форма однини) і под. Валентнозумовлені компоненти на семантико-синтаксичному рівні виявлювані в синтаксемах, диференційними ознаками яких постають: 1) категорійно-семантичне значення слова, від якого утворена синтаксема; 2) відповідна морфологічна форма; 3) спроможність реалізовуватися у відповідних позиціях [Золотова 1988: 4]. Диференційні ознаки синтаксем, їхня сукупність уможливорює встановлення функційної типології синтаксем, що має опертям розуміння синтаксичної функції як конструктивної ролі синтаксичної одиниці у побудові комунікативної одиниці: а) самостійне, ізольоване використання одиниці ((20) *А до нас на п'ятий день син з донькою приїхали* (А. Дімаров); (21) *На світанку побратались ми* (Р. Іванчук)); б) вживання одиниці як компонента речення ((22) *... Тимофій Сандуляк суботнього ранку таки вернувся з того світу...* (М. Матіос); (23) *Пішов у глину через молоду свою кров* (М. Матіос)); в) прислівне використання одиниці як компонента словосполучення ((24) *Дорослі гладили мене по голові, хлопці лото*

заздрили *мені*, а я походжав поміж ними, побрязкуючи чесно заробленими гривениками (А. Дімаров); (25) *Славкові* політика лиш пошкодила (М. Матіос)). У (20), (21) синтаксеми *на п'ятий день*, *на світанку* є вільними, синтаксеми *Тимофій* (22), *через молоду свою кров* (23) виступають зумовленими внутрішньо реченнєвою позицією, синтаксеми *мені* (24), *Славкові* (25) виступають зумовленими. Семантико-синтаксичний аспект теорії валентності загалом може виступати домінуючим та максимально вичерпним, якщо кваліфікувати валентність як здатність лексеми власною структурою прогнозувати відповідну кількість валентнозумовлених компонентів з адекватним формальним вираженням. Підтвердженням цього постає викінчена кваліфікація валентності І. Вихованцем з концептуально довершеними прикладами на зразок: (26) *Хлопець* (хто?) ← *віз* → (що?) *вантаж* → (чим?) *машиною* → (кому?) *бабусі* → (звідки?) *з міста* → (куди?) *до села*, де вияв активно валентного дієслова-присудка (предиката) охоплює, на думку вченого, максимально можливу кількість валентнозумовлених субстанційних компонентів: правобічного суб'єктного (називний відмінок – *хлопець*) та лівобічних.

6.3. Власне-семантичний аспект валентності. Оскільки теорія валентності знаходиться на перетині граматики і лексики, синтаксису і семантики (за Г. Гельбігом), її розгляд повинен ґрунтуватися на урахуванні закономірностей міжривневого вияву її категорійності. Власне-семантичний аспект валентності передбачає розгляд її основних структурних компонентів через діагностування й інвентаризацію семантичних ролей валентнозумовлених компонентів: 1) **агенс** (27) *У селі співали нову пісню* (А. Яна); (28) *Доцить*; нім. (29) *In dem Dorf sie sangen ein neues Lied*; (30) *Es regnet* (агенс у (27), (28) виражений формальним нулем, а в (29) агенс виражений займенником *sie*; у (30) – семантично спустошеним *Es*); 2) **пацієнтив**: (31) *На цій фермі годують перепілок*; нім. (32) *Auf dieser Farm zugeführt werden Wachteln*; ця роль внутрішньо диференційована на: а) **об'єктив**: (33) *Координаційно-обчислювальний центр здійснює опрацювання нової інформації* (Голос України. 2007. 14 вересня)); нім. (34) *Das Coordination Technology Centre bietet die Verarbeitung von neuen Informationen*; б) **креатив / результатив**: (35) *Небувалий урожай – три мільйони тюльпанів – вирощено в нашому Ботанічному саду* (Донеччина. 2004. 12 травня)); нім. (36) *Rekordernte – drei Millionen Tulpen – in unseren botanischen Garten angebaut*; в) **еврикатив**: (37) *Відкриття, здатне перевернути всі попередні уявлення про клітину, здійснено нещодавно в Англії* (Голос України. 2000. 17 грудня)); нім. (38) *Eröffnung, die alle bisherigen Vorstellungen von einer Zelle drehen kann, die kürzlich in England* (еврикатив *Відкриття*, нім. *Eröffnung* є вторинним заповнювачем лівобічної

валентнозумовленої позиції, тому що є предикатним знаком) тощо. Аналіз власне-семантичного аспекту валентності ґрунтується на семантичній структурі лексеми та відповідній ситуації, уміщеній в активно валентному дієслові. Встановлення семантичних ролей передбачає вияв їхньої формальної реалізації у відповідній мові, пор.: (27), (29), (31), (33), (35), (37) і (28), (30), (32), (34), (36), (38), уможливує визначення спільного і відмінного в різних мовах у власне-семантичному та формальному виявах.

6.4. Комунікативний аспект валентності. Вичерпний аналіз повинен максимально враховувати комунікативну значущість валентності. Інколи валентність обмежують тільки наявністю регулярних (обов'язкових) виявів тих чи тих компонентів у певної лексеми, що зумовлено необхідністю реалізації її семантики: (39) *Тож ми кохали всім класом і ревнували всім класом: не до якогось конкретного Сашика, Миколи чи Ігоря, а до дев'ятого «А», десятого «Б» чи восьмого «В». Бо закоханість була особливою і мала свою неповторну історію* (А. Дімаров) та (40) *Так, я кохаю її... Я її кохаю* (В. Дрозд); (41) *А може, й до самого Бога ревнував її* (В. Дрозд). У (39) дієслова *кохати, ревнувати* (*кохали, ревнували*) не містять при собі правобічних валентнозумовлених компонентів, що вказують на об'єкт відповідної дії, у (40), (41) ці ж дієслова містять відповідний компонент – *її*. Такого ґатунку відсутність сильнокерованого валентнозумовленого компонента може свідчити або про функційний фокус речення, або ж про його комунікативну настанову. Комунікативний аспект валентності охоплює уже вияв валентних потенціалів лексем у конкретному реченні-висловленні, у якому значущими виступають співвідношення ситуації (контексту) і повідомлення. Перша умотивовує експлікацію / імплікацію того чи того валентнозумовленого компонента.

Наявне цілком коректне твердження, що семантичний предикат як основний компонент семантичної реченнєвої структури “змістово виявляє співвідношення із позначуваною ним ситуацією”, хоча, на думку Предрага Піпера, кількість учасників у певному віднесенні не є завжди постійною, чим зумовлений і зміст предиката, у тому сенсі, що предикат відкриває місця для тих / таких аргументів у семантичній структурі речення, скільки ним учасників виявлено [Піпер 2005: 610]. “Ця властивість предиката кількістю своїх аргументів вказувати кількість учасників у певному відношенні називається валентністю, напр. ‘спавати’ одновалентний предикат (пор. *Она спава*), а ‘сањати’ – двовалентний предикат (пор.: *Она сања море*). Поняття валентності не обмежене тільки кількістю аргументних місць, які предикат відкриває та їхнім квалітетом” [Там само: 610]. Кількісний вияв валентності часто обмежують, констатуючи тільки наявність одно-, дво-, три і

чотиривалентних предикатів (пор., наприклад, у П. Піпера: серб. (42) *Ана стоји* – одновалентний; (43) *Ана чека пријтеље* – двовалентний; (44) *Ана шаље брату телеграм* – тривалентний; *Ана плаћа поклон брату чеком* – чотиривалентний [Там само: 610]). У такому погляді чітко простежувана концепція валентності, талановито обґрунтована Л. Теньєром на матеріалі французької мови, у якій, за твердженням Ю.Д. Апресяна, інших виявів валентності предикатів, крім характеризованих предикатів з трьома валентностями і незначної кількості з чотирма, не може бути [Апресян 1973: 298]. В. Гак, простежуючи особливості вияву валентності в російській мові, наголошує, що для останньої семантичне доповнення є суттєвішим і концептуальнішим, ніж для французької, пор.: рос. (45) *Птица (S₁) вылетела (V₁) из гнезда* – франц. (46) *L'oiseau (S₁) est sorti (V₁) de son nid*; рос. (47) *Змея (S₂) выползла (V₂) из норы*; фран. (48) *Le serpent (S₂) est sorti (V₂) de son trou* [Гак 1981: 54]. Обидва російські дієслова спеціалізовані щодо денотативного значення лівобічного суб'єктів, тому $V_1 \neq V_2$, а у французьких дієслівних семем відсутня вказівка на спосіб руху і на денотативний статус суб'єктів, тому $V_1 = V_2$ (за В.Г. Гаком). Подібні вияви валентності особливо значущі в комунікації, де послідовно виявлювані та диференційовані категорії з орієнтуванням на адресанта (ствердження/заперечення, суб'єктивної модальності (упевненість/сумнів тощо), емотивності) та категорії з орієнтуванням на адресата (комунікативної настанови, мовленнєвої ситуативності, функційно-стильової модифікації).

У цьому сенсі покажемо, що семантику дієслова можна «продіагностувати» об'єктивно – через аналіз синтаксичної поведінки дієслів, зокрема і через врахування їхніх комплементів, якщо під останніми мати на увазі не тільки аргументні позиції, але й вияви типу *чекати годину, пройти кілометр, відчувати страх*, що репрезентують регулярний вияв валентнозумовлених компонентів на віртуальному їхньому рівні. Усталене поняття описового предиката значною мірою має опертям валентні правобічні вияви, коли контактний/прямий постпозитивний компонент інтегрується в семантику дієслова: *зробити обшук* → *обшукати*; *здійснити арешт* → *арештувати* тощо; до останніх слід віднести також й утворення типу *писати листи* → *листувати, стелити асфальт* → *асфальтувати* (інколи прогностично можливе похідне дієслово: *прокладати шлях* → **шляхувати*).

За влучним твердженням Н. Хомського, елементопорядок у глибинно реченнєвій структурі не передбачає жодної обов'язковості, тому що має абстрактний характер і безпосередньо не мотивує опис поверхнево-лінійних структур. Трансформації, що перетворюють

глибинні структури на поверхневі, можуть легко міняти елементи місцями [Chomsky 1965: 123-124]. Оскільки в певній структурі може поставати тільки один трансформаційний крок, то суттєвим є встановлення усієї ємності трансформації, простеження усіх кроків поступовості (пор.: [Baker 1978: 125-137; Chomsky 1965: 133-184]). У цьому разі вияв реченневих утворень фразеологізованого типу з елементами як, мов, наче, неначе сигналізує про їхню вторинність і постання на ґрунті формально ускладнених конструкцій з розгорнутим виявом порівняння, пор.: Дівчина мов блискавка ← Є дівчина + Дівчина має ознаки, що нагадують вияв блискавки (X мов $Y = X$ подібний Y). Подібне легко простежити і в утвореннях, де первинна синтаксична позиція, семантично визначувана дієсловом-предикатом, заповнюється словом іншої семантики, що традиційно покваліфіковане як метафора: Море хвилювалося ← хто? (синтаксична позиція підмета-істоти, що визначувана внутрішньосемантичними інтенціями дієслова-присудка, заповнюється іменником-назвою неістоти) хвилювалося.

У розгляді валентності слід враховувати особливості та закономірності її вияву не тільки в первинних слів, але й у похідних, де суттєвим постає врахування насамперед вторинності такого елемента і наявність у його оточенні валентнозумовлених аргументів (комплементів, актантів). Яскраве підтвердження цьому дають похідні німецькі субстантиви в зіставленні з українськими відповідники. Так, наприклад, німецькі субстантиви – найменування поведінки людини (українські відповідники поведінка, дії, вчинки) типу *Benahmen n – Art, wie sich jemand benimmt; Verhalten (Art und Weise, wie sich ein Lebewesen, etwas verhält), Betragen* містять у своєму складі три групи: 1) субстантивовані інфінітиви: *das Verhalten, das Betragen, das Benehen, das Handeln, das Aufführen, das Gebaren, das Auftreten* тощо; 2) суфіксальні девербативи типу *die Handlung*; 3) складні іменники з актуалізованою препозитивно-означувальною частиною: *das Fehlverhalten, das Kaufverhalten* і под. або з препозитивно-означальною частиною: *die Verhaltensweise, die Handlungstise, der Verhasltenstherapeut* і под. Склад першої групи можна кваліфікувати як похідні за моделлю субстантивізації: *sich benehen* → *das Benehen*, *sich verhalten* → *das Verhalten*, *sich betragen* → *das Betragen* тощо. У комунікації будь-які метафоричні утворення, лексикалізовані сполуки та багато інших заповнюють первинні валентнозумовлені позиції.

6.5. Прагматичний аспект валентності безпосередньо корелює з прагматичним значенням речення. **Прагматичний** аспект основним завданням має встановлення умови та мети реалізації речення в мовленнєвій ситуації; визначення позицій мовців (та сама фраза з тим самим денотативним змістом вимовляється з різною метою. Така мета

становить прагматему (спрямування речення на виклик у мовця певної реакції): (колезі:) *Я зайду до тебе* – обіцянка (як прагматема); (учневі, який не виконав завдання:) *Я зайду до тебе* – попередження (як прагматема); (недбайливому учневі:) *Я зайду до тебе* – погроза (як прагматема). Прагматичне значення речення встановлюють з опертям на мовленнєву ситуацію. Так, наприклад, діти повертаються зі школи додому і чують від матері: *Комп'ютер зламався*. Ця фраза може означати, наприклад, що діти не зможуть займатися за комп'ютером і повинні сідати виконувати уроки. Ця ж фраза, промовлена до чоловіка, який повернувся з роботи, може означати, що слід негайно відремонтувати комп'ютер. У силу цього усі обов'язкові валетнозумовлені позиції можуть редукуватися. Останнє виступає наслідком максимального ущільнення інформації, що забезпечуване усією ємністю попередніх знань (пресупозицією).

7. Замість висновків. Перспективним у теорії валентності постає загальноконцептуальне диференціювання формально-граматичної, семантико-синтаксичної, власне-семантичної валентності та опрацювання площин їхньої взаємодії, що уможливить розширити загальний погляд на повну / напівповну синсемантичність лексем та розширення загального інвентаря описових предикатів. Перспективним також виступає опрацювання контрастивно-лексикографічної інтерпретації валентності та створення на цій основі відповідних експериментально-дослідницьких національних корпусів.

Література

1. *Абрамов Б.А.* Синтаксические потенции глагола (Опыт синтаксического описания глаголов современного немецкого языка как системы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
2. *Абрамов Б.А.* О понятии синтаксической избирательности // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
3. *Абрамов Б.А.* Грамматика зависимостей и теория валентности // Современные зарубежные грамматические теории: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1985.
4. *Апресян Ю.Д.* К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973.
5. *Вихованець І.Р.* Нариси з функціонального синтаксису української мови. К., 1992.
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
7. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972.
8. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М., 1981.
9. *Загітко А.П.* Теоретична граматики української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк, 2011.
10. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1988.

11. *Пунер П.* Семантичке категорије у простој реченици: синтаксична семантика // Пунер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б. Синтакса савременог српског језика. Проста рече ница. М., Београд, 2005.
12. *Степанова М.Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблемы валентности в современном немецком языке. М., 1978.
13. *Baker C.L.* Introduction to Generative-Transformational Grammar. Prentice Hall, 1978.
14. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971.
15. *Chomsky N.* [Aspects of the Theory of Syntax](#). MIT Press. 1965.
16. Die deutsche Sprache. Kleine Encyklopädie. Leipzig, 1970. 2 Bd.
17. *Engel U.* Untersuchungen zu Satzbauplan und Wortfeld in der geschriebenen deutschen Sprache der Gegenwart. T. 2. München, 1975.
18. *Engel U.* Syntax der deutschen Gegenwartsprache. Berlin, 1982.
19. *Engel U., Schumacher H.* Kleines Wörterbuch deutscher Verben. Tübingen, 1976.
20. *Fabricius-Hansen C.* Verbalsemantik // Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung D. Weinrich (Hg.) W. de Gruyter. Berlin; New York, 1991.
21. *Helbig G.* Valenz – Satzglieder – semantische Kasus – Satzmodelle. Leipzig, 1982.
22. *Helbig G.* Studien zur deutschen Syntax. Leipzig, 1983.
23. *Helbig G.* Valenz und Kommunikation // Deutsch als Fremdsprache. 1985. H. 3.
24. *Helbig G.* Kommunikativer Grammatikunterricht – Ziele, Möglichkeiten und Grenzen // Deutsch als Fremdsprache. 1986. H. 1.
25. *Helbig G.* Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970. Leipzig, 1988.
26. *Irtjenewa N.* Valenz und Satzteilstruktur // Beiträge zur Valenztheorie. Halle / Saale, 1971.
27. *Sommerfeldt K.-E., Schreiber H.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutlicher Adjektive. Leipzig, 1974.
28. *Sommerfeldt K.-E., Schreiber H.* Zum Verhältnis von semantischer und syntaktischer Valenz // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 32. H. 3.
29. *Sommerfeldt K.-E., Schreiber H.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig, 1980.
30. *Tarveinen K.* Zur satzgliederternen formalen Dependenz // Zeitschrift für Germanistik. H. 4.

**АСПЕКТИ КАТЕГОРІЇ ВАЛЕНТНОСТІ:
ТЕОРЕТИЧНИЙ І КОНТРАСТИВНИЙ ВИМІРИ**

Розглянуто категорію валентності, проаналізовано основні теоретичні постулати категорії валентності, визначено аспекти та рівні валентності. Значну увагу приділено характеристиці формально-граматичного, семантико-синтаксичного, власне-семантичного, комунікативного та прагматичного рівнів валентності. Кваліфіковано досліджено співвідношення активної та пасивної валентності з визначенням співвідношення цих різновидів валентності з частиномовною належністю слів. Особливу увагу приділено аналізу валентності в контрактивному плані з визначенням значущості експліцитної / імпліцитної валентності в різносистемних мовах.

**АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ВАЛЕНТНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И КОНТРАСТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

А.А. Загнитко

Ключевые слова: категория валентности, формально-грамматический уровень, семантико-синтаксический уровень, собственно семантический уровень, коммуникативный уровень, прагматический уровень

Аннотация

Рассмотрена категория валентности, проанализированы главные теоретические постулаты категории валентности, определены аспекты и уровни валентности. Значительное внимание уделено характеристике формально-грамматического, семантико-синтаксического, собственно семантического, коммуникативного и прагматического уровней валентности. Квалифицированно исследовано соотношение активной и пассивной валентности с установлением соотношения указанных разновидностей валентности с частеречной принадлежностью слов. Особое внимание уделено анализу валентности в контрастивном плане с определением значимости эксплицитной / имплицитной валентности в разнотипных языках.

**ASPECTS OF THE CATEGORY OF VALENCY:
THEORETICAL AND CONTRASTIVE DIMENSIONS**

A.A. Zagnitko

Keywords: category valence, formal-grammatical level, semantic and syntactic level, proper semantic level, communicative level, pragmatic level

Abstract

The category of valence is considered, the main theoretical postulates of valence category is analyzed, the aspects and levels of valence are identified. Considerable emphasis is focused on formal grammatical, semantic and syntactic, semantic fact, communicative and pragmatic levels of valence. Aply investigated the relation of active and passive valence with establishing relationships with these types of valence part of speech affiliation words. Special attention is paid to the analysis of valence in contrastive plan with explicit value / implicit in the languages of different valence.

Чешская диглоссия: истоки и перспективы

© доктор филологических наук А.И. Изотов (Россия), 2013

Ключевые слова: чешский язык, языковая ситуация, диглоссия, литературный язык, обиходно-разговорный язык, койне

Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является её близость к классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. На большей части территории современной Чехии мы обнаруживаем, с теми или иными оговорками, все основные признаки классической диглоссии в понимании Ч. Фергюсона [Ferguson 1972], а именно:

1. Различаются «высокий» (*spisovná čeština*) и «низкий» (*obecná čeština*) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

2. Социальный престиж первого идиома (*spisovná čeština* - 'литературный чешский язык') высок, социальный престиж второго идиома (*obecná čeština* - 'обиходно-разговорное чешское койне') низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией: так называемая «Пражская Библия» на чешском языке была напечатана в 1488 году - за 93 года до Острожской Библии Ивана Фёдорова.

4. Обиходно-разговорный чешский усваивается «естественным» путем, то есть через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорный чешский не кодифицирован, хотя и характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

6. Сложившаяся чешская диглоссная ситуация достаточно стабильна, во всяком случае, она существует в течение целого ряда поколений.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского на синхронном уровне выглядит как упрощённый вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому или же к обиходно-разговорному чешскому.

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний).

Истоки данного положения вещей следует искать, по нашему мнению, в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние несколько столетий. В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из центрально-европейской сверхдержавы к XVIII веку фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка – сфер науки, литературы, повседневного общения значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 году Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами – немцами, венграми, украинцами и т.д.), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и «чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство, см. [Obrátil 1936].

Даже в сельской местности на рубеже XVIII-XIX веков целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык слуганок» (Dieneginnensprache). Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас, если бы не взлет патриотических настроений в конце XVIII-первой половине XIX веков. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробное научное описание богемского языка немцам для обстоятельного изучения оного, богемцам же для совершенного понимания» [Dobrowsky 1809], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь [Jungmann 1835-1839], в который смело включает, богемизировав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского.

Однако Й. Добровский, составляя свою «Подробное научное описание...», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода – периода расцвета чешской литературы в XVI-начале XVII столетий. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем этот живой язык, ср. материалы конференции в Оломоуце [Spisovná... 1995].

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. В-первых, «живой чешский язык» – абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (*obecná čeština*), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин *obecná čeština* ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А.Г. Широкова [Васильева, Широкова 2003]) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, *obecná moravština* – обиходно-разговорное моравское койне или *obecná laština* – обиходно-разговорное силезское койне).

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX века (мировые войны; преобладание городского населения над сельским; массовая коммуникация) нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» двести лет назад, когда чешские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)? Кроме того, Й. Добровский в общем-то и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [Petr 1989: 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (читателю немецкоязычному, ведь написана его грамматика на немецком языке и в первую очередь для немцев - вчитаемся в само название его грамматики) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX века) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Petr 1989: 37]. Мы полагаем, что такое полувековое «запаздывание» связано с особенностями земского патриотизма многих тогдашних обитателей Чехии, которые очень долго предпочитали считать себя в первую очередь не чехами или немцами, а «богемцами», ср. [Веверкова 2012: 15-18].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства. Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности». Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искусны в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s.r.o, выпустившая сериал в 2008 году на пятнадцати DVD в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (*spisovná čeština*). Как много теряет фильм при «перевode» на литературный чешский язык, в данном случае буквально видно невооруженным глазом.

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами + немецкий). В русском переводе П. Богатырева «степень макароничности» понижается за счет исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» (однако кое-где сохранены немецкие вкрапления, хотя в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» – в разной степени исковерканности, ср. *kvér* < *Gewähr*, *frajtr* < *Gefreute* и т.д.). При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, местами довольно сомнительный. Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую. Отметим, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор немцев из Чехии, Моравии, Словакии – *Böhmakeln* (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакароническим текстом перевода), см. [Torberg 2008].

Перспективы развития языковой ситуации в Чехии можно видеть в постепенном сближении чешского литературного языка и обиходно-разговорного койне. Литературный чешский язык (*spisovná čeština*) постепенно демократизируется, избавляясь от одних элементов и обза-

водясь другими. Обиходно-разговорные формы сначала проникают в литературный язык на правах дублетов, а затем могут стать основными (или даже единственными) вариантами, ср. формы типа *píši* > *píši/píšu* > *píšu*. Главное, этот процесс должен быть естественным и независимым от конъюнктурной риторики, ср. эмоциональную дискуссию на страницах ведущего чешского лингвистического журнала *Slovo a Slovesnost* в 2005-2006 годах в [Čermák, Sgall, Vybíral 2005], [Kořenský 2005], [Oliva 2005], [Čermák, Sgall, Vybíral 2006].

Следует также отметить, что если еще не так давно существование данной диглоссии «литературный чешский» - «обиходно-разговорный чешский» для собственно-чешских территорий не оспаривалось, хотя и оговаривалось, что в Моравии и Силезии данная ситуация осложняется наличием местных диалектов и интердиалектов [Daneš et al. 1997: 14-18], то в последние годы и чешские [Mluvená... 2011], и ведущие зарубежные богемисты [Bermel 2010] чаще говорят не о диглоссии, а о постдиглоссионной ситуации, так как в связи с общей демократизацией речи элементы обиходно-разговорного койне всё чаще проникают в те сферы общения, которые еще недавно были для них закрыты, так что прежняя ситуация дополнительной дистрибуции разрушается.

Разрушение названной диглоссии проходит на фоне явственно прослеживаемой в современной чешской лингвистике тенденции к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» (*чеш.* spisovná čeština, *англ.* Standard Czech) - «обиходно-разговорный чешский» (*чеш.* obecná čeština, *англ.* Common Czech) в пользу дихотомии «письменный чешский» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* Written Czech) - «устный чешский» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* Spoken Czech). Следует отметить и то, что термин «литературный чешский» (*spisovná čeština*), обязанный своему возникновению господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется, как это видно из указанных в списке литературы исследований последнего десятилетия и даже из самих их названий, калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*standardní čeština*, *Standard Czech*).

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция» [Изотов 2013]. Создание на рубеже тысячелетий крупных (сотни миллионов словоупотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привело к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явлениях языковой периферии). Но дело не только в возможно-

сти надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения - статистической характеристики описываемого, отметим первые попытки создания корпусно ориентированного грамматического описания современного чешского языка в Карловом университете в Праге [Cvrček et al. 2010] и в Институте чешского языка национальной Академии наук [Kapitoly... 2011]. При этом исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, - то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов, поэтому и на выходе получают фактически описание «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* Written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* Spoken Czech), что также косвенно способствует размыванию рассмотренной выше диглоссии «литературный чешский» (*чеш.* spisovná čeština, *англ.* Standard Czech) - «обиходно-разговорный чешский» (*чеш.* obecná čeština, *англ.* Common Czech).

Л и т е р а т у р а

- Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. Вып. 1. - М., 2003. - С. 46-69.
- Веверкова К. Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790-1869) в водвороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // Правова держава. Вып. 14. - Одесса: Астропринт, 2012. - С. 12-18.
- Изотов А.И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1. С. 68-71.
- Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky. - Prag, 1809.
- Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost, 71. - Praha, 2010. № 1. - S. 5-30.
- Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P. K diskusi o standardní a „spisovné“ češtině // Slovo a Slovesnost, 67. - Praha, 2006. № 4. - S. 267-282.
- Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P. Od školské spisovnosti ke standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 2. - S. 103-115.
- Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny. 1. Jak se píše a jak se mluví. - Praha: Karolinum, 2010. - 354 s.
- Daneš Fr. et al. Český jazyk na přelomu tisíciletí. - Praha: Academia, 1997. - 296 s.
- Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P.P. - London: Penguin, 1972. - P. 232-251.
- Kapitoly z české gramatiky / Ed. Štícha Fr. - Praha: Academia, 2011. - 1192 s.
- Kořenský J. K článku Od školské spisovnosti ke standardní češtině: reakce na výzvu k diskusi // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 4. - S. 270-277.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. - Praha: Academia, 2011. - 492 s.

- Obrátil K. J. Čítanka Dr. Edv. Beneše. - Brno: O. Sobek, 1936.
Oliva K. Požadavky na úroveň diskuse o spisovné/standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 4. - S. 278-290.
Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D.1. - Praha, 1989. S. 5-38.
Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. - Praha, 1835-1839
Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23.-27.8.1993. - Praha, 1995.
Torberg F. Anhang: Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). - München: Verlag Langen Müller, 2008. - S. 615-620.

CZECH DIGLOSSIA: CAUSES AND PERSPECTIVES

A.I. Izotov

Key words: Common Czech, Standard Czech, Written Czech, Spoken Czech, diglossia, code-switching, register

Abstract

In this paper, a phenomenon of Common Czech in respect to Standard Czech is regarded. Czech has often been proposed as an example of diglossia according to Ferguson's original definition. However, the current Czech language situation is rather "post-diglossic", because features of different codes are intermingled in speech and writing in a way proscribed under descriptions of classical diglossia. Besides, in connection with the so called corpus revolution, the dichotomy Standard Czech × Common Czech is substituted gradually in academic publications by the dichotomy Written Czech × Spoken Czech.

Критерии адвербиализации как ключ к проблеме орфографии наречий

© доктор филологических наук В.В. Каверина (Россия), 2013

Ключевые слова: современная орфография, наречия, наречные сочетания

Проблему орфографии наречий и наречных сочетаний пытались разрешить на протяжении всего XX века [Обзор 1965: 341–350]. Неудачные попытки его упорядочения предпринимались неоднократно, к примеру, в проекте «Свода правил русского правописания» 2000 г., о чем мы писали в статье, посвященной проекту [Каверина 2001: 8].

Недостатки данного правила не устранены и поныне. «Правописание наречий – один из самых сложных разделов в правилах русской орфографии. Трудность освоения правил слитного, раздельного и дефисного написаний наречий связана в первую очередь с тем, что подчиняющиеся тому или иному параграфу правила слова необходимо учить практически списками. Правописание большей части наречий требует проверки по орфографическому словарю», – пишет Н.В. Николенкова [Николенкова 2008: 1]. Причину такого положения дел исследователи видят в нечетком определении лингвистических оснований, по которым языковая единица в силу своих парадигматических и синтагматических связей может быть признана наречием или отнесена в разряд существительных. Как считает О.Е. Иванова, «в действующих правилах правописания наречий не удовлетворяет, прежде всего, отсутствие логических основ в классификации материала, взгляд на него с позиции диахронии, опора не на частеречную сущность наречия, а сугубо формальные (и порой достаточно частные) показатели, что влечет за собой противоречивость, перекрестность нормативных требований» [Иванова 2009: 102]. Действительно, «частеречная сущность наречия» определяется лингвистами крайне нечетко и противоречиво, и причину такого положения можно найти в истории грамматической мысли [Панков 2009: 92–97].

Одной из важнейших причин нестабильности данного участка орфографической системы является включение в список наречий предложно-падежных сочетаний, бесконечно расширяющих перечни слов для запоминания в учебных пособиях и справочниках. Подвергнув данные слова проверке с использованием критериев адвербиализации, можно четко ограничить круг слов с раздельным написанием, относящихся к наречиям, что значительно упростит существующее правило раздельного их написания. Определение частеречной принадлежности наречных сочетаний осложняется тем, что «онаречивание» словоформ проходит в

своем развитии разные стадии. Так, по мнению О.П. Ермаковой, адвербиализация, «имея начало, вовсе не всегда имеет завершение. Некоторым полунаречным формам, возможно, суждено остаться таковыми: *на бегу, в обмен, с размаху*» [Ермакова 1966: 46–47].

К сожалению, далеко не все авторы справочной и учебной литературы уделяют должное внимание вопросу о разграничении наречий и других частей речи. Как пишет О.Е. Иванова, «существующая в школе практика преподавания направлена на постепенное словарное запоминание наречных единиц» [Иванова 2009: 101]. Нечеткая морфологическая оформленность наречий приводит к тому, что большинство справочников и учебных пособий включает в списки для заучивания сочетания, не относящиеся к данной части речи, например: *под вечер, под началом, под утро, под шумок* [Правила 2007: 144].

С целью выявления наречных сочетаний, традиционно и ошибочно включаемых в перечни наречий, пишущихся отдельно, был проведен анализ современных кодифицирующих, справочных и учебных материалов [Старостина 2010]. В результате был выявлен корпус слов, включенных в наречные списки с недостаточным на то основанием.

Для анализа каждого сочетания использовались грамматические критерии адвербиализации лексем. Одну из первых попыток сформулировать такие критерии сделали в 1933 году А.Б. Шапиро и М.И. Уаров: «Наречия первой группы с приставками нередко по своему звуковому составу целиком совпадают с сочетаниями предлогов с существительными и прилагательными. Приметы, по которым можно отличать наречия от таких сочетаний следующие: а) неупотребительность в современном литературном языке части слова, остающейся после отделения приставки. Например: *впросак (просак), надыбы (дыбы)*... б) невозможность вставки после наречия (образованного от основы прилагательного) существительного без изменения смысла речи. Например: *понесся наудалую, звать наверное*... в) отсутствие и невозможность присоединения без помощи предлога к наречию (образованного от основы существительного), зависящего от него существительного без изменения смысла речи. Например: *он выехал за границу* (ср. *за границу СССР*)» [Шапиро, Уаров 1933: 32].

Несколько иначе данную проблему решают в 1958 году В.А. Добромыслов и Д.Э. Розенталь: «Мы нередко сталкиваемся с переходными случаями, с промежуточными явлениями, когда то или иное слово хотя и переходит в наречие, но этот переход еще не завершился. Обычно при решении вопроса приходится учитывать: а) возможность поставить к слову падежный вопрос или определить (пояснить) его каким-нибудь другим словом... б) возможность поставить слово (существительное) в другом падеже при том же предлоге или с другим пред-

логом... в) возможность подобрать аналогичные примеры с другими существительными (семантически близкие)» [Добромыслов, Розенталь 1958: 127].

Наиболее четко критерии категориальной принадлежности слов к наречиям были выделены Ф.И. Панковым:

1. «несклоняемость, неспрягаемость и несогласуемость, т. е. неизменяемость;
2. синтаксическое примыкание к глаголам, прилагательным, наречиям и отглагольным существительным;
3. семантико – синтаксическая позиция обстоятельства, определения, сказуемого и даже вводного слова;
4. семантическое значение непроцессуального признака действия или другого непроцессуального признака, а также состояния субъекта (предикативные наречия)» [Панков 2003: 67].

Из сказанного выше следует определение наречия «как грамматического класса слов, объединяющего несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, в основном («самостоятельном») употреблении способные примыкать к глаголам, наречиям, именам существительным, прилагательным, выступать в синтаксической функции обстоятельства, несогласованного определения, сказуемого и – во вторичном употреблении – в функции вводного слова» [Панков 2003: 72].

Ф.И. Панков предлагает «различать регулярные словоизменительные образования (синтаксические формы соответствующих частей речи) и собственно наречия (адвербиализованные словоформы)» [Панков 2009: 224], объективным же критерием их разграничения вслед за М.В. Всеволодовой [Всеволодова 1983] называет «совокупность следующих факторов: лексико-семантического, морфологического, синтаксического и словообразовательного» [Панков 2009: 224].

В работе К.А. Старостиной была проведена проверка наречных сочетаний с помощью критериев адвербиализации, алгоритм которой подробно описан Ф.И. Панковым: «С точки зрения первого фактора адвербиализованная словоформа изменяет свое лексическое значение, либо приобретая новые, не свойственные ей изначально смыслы, либо утрачивая часть сем-«аборигенов». Второй фактор – это выпадение словоформы из морфологической парадигмы, то есть ее изоляция от парадигмы словоизменения, в том числе перенос ударения, утрата падежных форм и числовой противопоставленности. Третий – утрата синтаксических свойств, разрушение синтагматических связей. Четвертый – изменение словообразовательных потенций. Если указанные свойства «подозреваемой» лексеме не присущи, это означает, что перед нами вовсе не наречие, а если свойственны частично, значит, процесс адвербиализации лексемы пока не завершен» [Панков 2009: 224].

Проиллюстрируем проведенный анализ на примере двух гнезд наречных сочетаний.

2.1. БЕЗ ВЕДОМА – С ВЕДОМА

2.1.1. В лексико-семантическом плане образования *без ведома* – *с ведома* не получают никакого смыслового «сдвига» по отношению к слову *ведомо* в значении 'известно, знакомо' [НСРЯ 2001]. Более того, некоторые толковые словари используют данные образования в словарной статье ВЕДОМО: «**Ведомо: с ведома** кого или чьего – с уведомлением или с согласия другого лица. *Сделать что-н. с ведома руководителя*; **без ведома** кого или чьего – без уведомления или без согласия другого лица. *Без ведома начальника*» [Ожегов, Шведова 2008: 71]. Это, впрочем, не совсем корректно, поскольку морфологическая характеристика толкуемого слова *ведомо*, очевидно, отличается от частеречной принадлежности не только образований *без ведома* – *с ведома*, но и используемых для дальнейшего разъяснения существительных с предлогом *с уведомлением* – *без уведомления*, *с согласия* – *без согласия*. Вместе с тем данная словарная статья вводит образования *без ведома* – *с ведома* в синонимический ряд с названными существительными, что, очевидно, указывает на частеречную характеристику данных образований. Кроме того, сама рассматриваемая здесь пара является антонимической: «*Морские Евангелия Гончаровой, без ведома и воли ее, явно католические, с русскими почти что незнакомые*» (М.И.Цветаева)/ «*Я бы даже опечатки исправлял лишь с ведома автора*» (С.Довлатов).

Таким образом, в лексико-семантическом плане *без ведома* – *с ведома* можно охарактеризовать как имена существительные.

2.1.2. В морфологическом плане данные образования во многих словарях представлены как наречия. Например: «**Без ведома**, нареч. Без разрешения, без согласия кого-л. *Ушел из дому без ведома, и до сих пор его нет*» [Бурцева 2007: 20]; «**С ведома** кого, нареч. Уведомив, с разрешения, с согласия кого-н. *Мы зашли сюда с ведома коменданта*» [Бурцева 2007: 568]. Однако еще В.В.Виноградов полагал, что, по видимому, перед нами обороты, застывшие в промежуточной стадии между именем существительным и предлогом, так как выражения *с ведома* и *без ведома* сочетаются только с родительным падежом (*с ведома начальства, без ведома родителей*) и согласуемые формы родительного падежа местоименных прилагательных здесь равносильны родительному определительному падежу имен существительных (ср. *с моего ведома, но: с его ведома*) [Виноградов 1986: 315]. Кроме того, замечания об истории формы *ведомо* встречается у А.А.Потебни: «*Ведомо*, синонимичное по отношению к *известно*, будучи формой явно причастной, по направлению к наречности переходило через субстанци-

альность, заметную в *без ведома* (без вести): «а тогда на них (переветников) не было *ведома* никакого“, что предполагает ”какое ведомо“ (т. е. имя существительное среднего рода)» [Потебня 1899: 470]. Вслед за Виноградовым мы полагаем, что *без ведома* – *с ведома* – это обороты, застывшие в промежуточной стадии между именем существительным и предлогом. Действительно, по отношению ко многим словам трудно решить вопрос, осуществляют ли они с течением времени весь путь адвербиализации или же сразу перейдут в предлоги, минуя наречия.

Показательно, что в одном из словарей данные образования охарактеризованы как предлоги: «**Без ведома** предлог с род. пад. Употр. при указании на: 1) кого-л., что-л., чье согласие для совершения какого-л. действия не получено; без согласия, без разрешения; 2) кого-л., вопреки чьему желанию что-л. Совершается»; «**С ведома** предлог с род. пад. Употр. при указании на кого-л., с чьего согласия совершается какое-л. действие» [НСРЯ 2001]. Однако здесь учитывается способность этих слов «иметь при себе в качестве определения местоименное прилагательное и возможность отделения от них предлога посредством вставки определяющего слова (ср. *с их ведома*)» [Виноградов 1986: 315]. Таким образом, мы придерживаемся точки зрения Виноградова о том, что *без ведома* – *с ведома* являются существительными с предлогами.

2.1.3. В синтаксическом плане сохраняются синтагматические связи имени существительного. Данная словоформа может быть распространена притяжательным местоимением, что не характерно для наречий. Так, в «Национальном корпусе русского языка» обнаружены следующие случаи распространения данной словоформы притяжательными местоимениями. В предложении: «*Тем же утром Рюмин, минуя Абакумова и без его ведома, позвонил в ЦК и попросил приема у Сталина!*» (А.И. Солженицын) сочетание *без ведома* распространено притяжательным местоимением *его*. Кроме того, притяжательным местоимением осложняется исследованная словоформа в другом примере: «*Наташа развила бурную деятельность без моего ведома, и оттуда пришли сразу три вызова: от Общества болгаро-советской дружбы, от Союза писателей и от министра культуры, Павла Матеева (он учился у нас в Литинституте)*» (В. Астафьев). Всего в «Национальном корпусе русского языка» обнаружено 210 случаев распространения притяжательными местоимениями сочетания *без ведома* и 40 случаев сочетания *с ведома*.

Итак, очевидно, что пару *без ведома* – *с ведома* нельзя отнести к наречиям.

2.8. ЗА ПАЗУХОЙ – ЗА ПАЗУХУ

2.8.1. С точки зрения лексико-семантического фактора образования *за пазухой* / *за пазуху* имеют смысловую связь с именем существительным *пазуха*. Эти образования не получают смыслового «сдвига» по отношению к имени существительному *пазуха* в значении 'пространство между одеждой в области груди' [БТС 2008]. Более того, практически все толковые словари используют данные образования в словарной статье ПАЗУХА в качестве примеров, иллюстрирующих толкование данного существительного: «**Пазуха**, -и, ж. 1. Пространство между грудью и прилегающей одеждой. *Держать что-н. за пазухой. Положить за пазуху...*» [Ожегов, Шведова 2008: 488].

Помимо этого, в некоторых толковых словарях данные сочетания помещены во фразеологическую зону в качестве устойчивых выражений: «**Пазуха**, и, ж. 1. Пространство между грудью и прилегающей к ней одеждой. <...> **За пазуху, за пазухой, из-за пазухи** – *А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный! – Что у меня за пазухой побрякивает? – возразил урядник, нимало не смутясь. – Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина* Пушкин. Кап. Дочк. <...> ~ **Как у Христа за пазухой (жить)** Разг. Хорошо, без забот и хлопот. – *Так вот, друзья, – жили мы, Как у Христа за пазухой, И знали мы почёт*. Некр. Кому на Руси... **Держать (иметь) камень за пазухой** см. *Камень*» [ССРЛЯ 1959: 33–34].

Из приведенной выше словарной статьи мы видим, что рассматриваемые образования входят в такие устойчивые сочетания, как «*держать (иметь) камень за пазухой*» и «*как у Христа за пазухой (жить)*». Это дает основания полагать, что данные образования входят в состав фразеологического оборота. Об этом свидетельствуют и примеры, представленные в «Национальном корпусе русского языка», где обнаружено 45 случаев написания *как у Христа за пазухой* и 32 случая употребления (*иметь*) *камень за пазухой*.

Действительно, некоторые фразеологические словари включают в состав фразеологизмов *держать (иметь) камень за пазухой* и *как у Христа за пазухой (жить)* исследуемое сочетание *за пазухой*: «**ДЕРЖАТЬ КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ**. Разг. Экспрес. Таить злобу против кого-либо; быть готовым причинить зло кому-либо. *Не всегда ясно, но с всегдашним постоянством поддерживал группу Беннигсена наружно почитавший фельдмаршала, но державший камень за пазухой умный, самолюбивый, иронический Ермолов* (Л. Раковский. Кутузов)»; «**КАК У ХРИСТА ЗА ПАЗУХОЙ**. Разг. Экспрес. 1. Очень хорошо, вольготно, без забот, без нужды и хлопот (жить, отдыхать и т. п.). – *Так вот, друзья, — и жили мы, Как у Христа за пазухой, И знали мы почёт* (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). 2. В полной безопасности (быть, нахо-

диться, чувствовать себя и т. п.). *Благодарите всевышнего, что сидите у болота, как у Христа за пазухой*, – вмешался в разговор Бунчук. – *На чистом наступают, а мы тут за неделю по обойме расстреливаем* (Шолохов. Тихий Дон)» [Федоров 2008].

Таким образом, в лексико-семантическом плане *за пазухой* / *за пазуху* можно охарактеризовать как имена существительные.

2.8.2. В морфологическом плане данные образования не изолированы от всей парадигмы словоизменения соответствующих имен существительных. Не происходит утраты падежных форм: N_n *пазуха*, N_v *за пазуху*, N_t *за пазухой* и др. Образования *за пазухой* – *за пазуху* имеют формы числа, склонения и рода, что невозможно для наречий. Кроме того, при словоизменении не происходит переноса ударения. Показательно, что данные сочетания не представлены в словаре наречий и служебных слов Бурцевой.

Таким образом, в морфологическом плане данные сочетания не являются наречиями.

2.8.3. В синтаксическом плане у данных сочетаний сохраняются синтагматические связи имени существительного. Сочетания *за пазухой* – *за пазуху* могут употребляться с определением, что не характерно для наречий. Например, в «Национальном корпусе русского языка» находим: «*Сухо и тепло было за пазухой у плотника*» (Ю. Коваль) или «*За пазухой у Миньки хранился листок бумаги с изображением все того же французского целковика*» – всего 22 случая распространения сочетания *за пазухой*.

Итак, наш анализ показал, что сочетания *за пазухой* – *за пазуху* нельзя отнести к наречиям» [Старостина 2010: 37–40; 59–61].

Исследование Старостиной выявило, что далеко не все сочетания, представленные в наречных списках, на самом деле являются наречиями. Некоторые из них только на пути адвербиализации, подавляющее же большинство представляет собой существительные с предлогами. Только одно из пишущихся отдельно образований можно с уверенностью отнести к наречиям – это *на весу*. В 10 из 47 рассмотренных сочетаний процесс адвербиализации полностью не завершен. Это слова *без запроса, без конца, в конец, на дом, на дому, на карачках, на карачки, на поруках, на поруки*. Остальные исследованные образования: *без ведома, в глаза, в глазах, для вида, до конца, за глаза, за границей, за границу, за пазухой, за пазуху, из-под мышек, из-подмышек, из-под мышки, на вес, на вид, на виду, на глаз, на глазах, на глазок, на корточках, на корточки, на цыпочках, на цыпочки, на четвереньках, на четвереньки, под конец, под ложечкой, под ложечку, под мышками, под мышки, под мышкой, под мышку, под начало, под началом, с ведома, с виду* – наречиями не являются.

На основании проведенного исследования мы предлагаем:

1. Упразднить раздельное написание наречий.
2. При нормализации орфограммы обратить внимание на разграничение наречий и наречных сочетаний с использованием критериев адвербиализации.

В результате значительно упростится правило правописания наречий, которое может выглядеть, к примеру, так:

Пишутся через дефис:

- наречия с приставкой *в-* (*во-*), образованные от порядковых числительных, например: *во-первых, во-вторых, в-третьих*;
- наречия с приставкой *по-*, оканчивающиеся на *-ому, -ему, -ски, -цки, -ьи*, образованные от прилагательных, например: *по-новому, по-хорошему, по-казацки, по-немецки* (искл. *по-латыни*);
- наречия, образованные повторением того же слова (*еле-еле, чуть-чуть, вот-вот*), корня (*давным-давно, видимо-невидимо*) или синонимов (*подобру-поздорову, нежданно-негаданно*).

Пишутся слитно все остальные наречия, например: *безудержу, безумолку, безустали* и др.

Примечание: Не путать наречия и предложно-падежные сочетания существительных с наречным значением.

Например: *Выучить стихотворение наизусть* (наречие).

НО: *Выучить стихотворение на память* (существительное).

Проверка:

- 1) есть сущ. ж.р. *память* с тем же значением;
- 2) возможно другое сочетание сущ. с тем же значением: *читать по памяти*;
- 3) возможно употребление слова с согласованным определением: *на добрую память*.

Л и т е р а т у р а

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. (1-е изд. – 1947; 2-е изд. – 1972).
3. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
4. *Добромыслов В.А., Розенталь Д.Э.* Трудные вопросы грамматики и правописания. Пособие для учителей под ред. проф. А.Б. Шапиро, изд. 2, перераб. Вып. первый. М., 1958.
5. *Ермакова О.П.* О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
6. *Иванова О.Е.* О современном правописании наречий и наречных сочетаний // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009.

7. *Каверина В.В.* Нерешенные вопросы современного русского правописания в связи с проектом «Свода правил русского правописания» // *Язык, сознание, коммуникация*: Вып. 20. М., 2001.
8. *Николенкова Н.В.* Правописание наречий: история одного правила в XX веке. М., 2008. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37385.php>.
9. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2008.
11. *Панков Ф.И.* Наречная темпоральность и ее речевые реализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
12. *Панков Ф.И.* Еще раз о грамматике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2003, № 2.
13. *Панков Ф.И.* Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адverbальной темпоральности. М., 2008.
14. *Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
15. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. Харьков, 1899.
16. *Правила русской орфографии и пунктуации*. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2007.
17. *Словарь современного русского литературного языка*. В 20-ти тт. Москва-Ленинград, 1962.
18. *Старостина К.А.* Проблемы правописания наречий в современном русском языке. Дипломная работа. М., 2010.
19. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц 3-е изд., испр. М., 2008.
20. *Шапиро А.Б., Уаров М.И.* Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати. М., 1933.

КРИТЕРИИ АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ КАК КЛЮЧ К ПРОБЛЕМЕ ОРФОГРАФИИ НАРЕЧИЙ

Аннотация

В статье рассматривается подвижная область современной русской орфографии – правописание наречий. Важнейшей причиной нестабильности данного участка орфографической системы является включение в список наречий предложно-падежных сочетаний. Проверка с использованием критериев адverbиализации ограничивает круг наречий с раздельным написанием и значительно упрощает существующее правило.

CRITERIA OF ADVERBIALISATION AS A CLUE TO THE ORTHOGRAPHY OF ADVERBS

V.V. Kaverina

Keywords: modern orthography, adverbs, adverbial phrases

Abstract

The article focuses on the orthography of adverbs as an unstable case of the Russian spelling system. The main reason for it is traceable to placing preposition + noun adverbial phrases into the group of adverbs. The use of criteria of adverbialisation may limit the number of adverbs spelt as one word and simplify the existing rule.

Предлог *к* в архангельских говорах

© кандидат филологических наук И.Б. Качинская (Россия), 2013

Ключевые слова: русская диалектология, северные говоры, предложные словосочетания, предлог, предлог *к*

В статье рассматриваются синтаксические конструкции с предлогом *к*, записанные в говорах Архангельской области при сборе материалов для «Архангельского областного словаря». Как правило, общерусское слово в диалектах имеет более широкую фонетическую, грамматическую, синтаксическую и семантическую вариативность по сравнению с литературным языком (ЛЯ). Это касается и предлогов.

1. Фонетический аспект

1.1. Перед последующим звонким согласным по правилу ассимиляции во всех русских говорах регулярно происходит озвончение *к* в [г]: *г дому, г делу, г зиме*¹.

1.2. Характерное для многих русских говоров произношение предлога *к* как [х] – *х кому, х попу, х тому, х царю* (см. [ДАРЯ: I, карты 87, 88]) – в современных архангельских говорах не зафиксировано, при том что подобная диссимиляция спорадически наблюдается там и в начале слова, и в середине (в лексемах типа *кто, трактор*).

1.3. Напротив, в некоторых архангельских говорах (в Каргопольском и Плесецком р-нах) зафиксирован переход *к* в [т] (или в [д] в случае ассимиляции по звонкости) перед последующим заднеязычным: *т кому, т колу, т крючку, т курочкам, т коровушке, д Гале, т хлеву, т хозяину* (см. об этом фонетическом явлении [ДАРЯ: I, карты 87, 88; Бурова 1967], в архангельских говорах – [Бегунц 2007], в древнерусских памятниках – [Галинская 2008]). Есть примеры, когда в пределах одного предложения предлог *к* встречается несколько раз, и именно перед заднеязычным происходит диссимиляция:

Чёрна собака-то через меня перескочила и г бураку, т корзины-то. А потом их к Плисецкой перевели, не т Каргополю стали присоединять, а т Конёву.

1.4. Частый вариант предлога *к* – *ко*. Выбор между *к* / *ко* бывает обусловлен фонетической позицией. *Ко* употребляется перед группой согласных, *к* – во всех остальных случаях:

¹ В большей части представленных ниже примеров транскрипция опущена и предлог *к* прописан в орфографическом варианте.

ко льдам, *ко* свату, *ко* свадьбы, *ко* смерти, *ко* звозу, *ко* скоту, *ко* спине, не *ко* спеху, *ко* своим, *ко* всему, *ко* кресту, *ко* кровати, друг *ко* дружке.

Если в предложении предлог *к* встречается несколько раз, выбор варианта определен именно этой позицией:

к Паше *ко* Степанычу; *к* матери *ко* своей; *ко* свекровке не больно *хоца*, не *к* матери; *ко* другой *к* маленькой; *к* ночи и *ко* дню Бога *призывают*; *день к* вечеру да *ко* смерти ближе.

В литературном языке, где первоначально, по-видимому, наблюдалась подобное соотношение, к настоящему времени вариант предлога *ко* сохранился перед группой согласных только в местоимениях: *ко* мне, *ко* всем, *ко* всему. В остальных случаях вариант *к* вытеснил вариант *ко*: *к* двери, *к* столу, *к* зданию, *к* стремлению, *к* вставке, *к* козе, *к* характеру и проч.

1.5. Однако в архангельских говорах вариант *ко* зафиксирован и в других позициях, кроме как перед группой согласных. Это позиции перед группой «согласный+гласный» и даже позиция перед гласным.

В позиции употребления *ко* перед группой «согласный+гласный» проглядывается тенденция его использования перед заднеязычными согласными – видимо, во избежании ассимиляции, большей нарочитости наличия предлога:

перед заднеязычными: ко корню, *ко* колышкам, *ко* койке, *ко* костру, *ко* кушаку, *ко* Кати, *ко* Коли, *ко* Каменке, *ко* каждой; *ко* Гале, *ко* Гаврилову; *ко* хомуту;

не перед заднеязычными: ко саду, *ко* мельнице, *ко* ногам, *ко* ведёрцо́чку, *ко* лошади, *ко* дево́цькам, *ко* мужикам, *ко* большевикам, *ко* покойнику, *ко* тестю, *ко* бабушки, *ко* венцу, *ко* речам, *ко* себе;

перед гласными: ко обеду, *ко* Анне Афанасьевне.

1.6. Обратная замена – использование варианта *к* перед группой согласных – зафиксирована только перед личным местоимением 1 л.: *к* мне (*Она к* мне пришла).

1.7. Предлог *ко* может принимать на себя ударение: *ко́* гребни, *ко́* хлебу, *ко́* хрену, *ко́* дню, *ко́* двору, *ко́* сну, *ко́* сену.

2. Синтаксический аспект

2.1. Как и в ЛЯ, предлог *к* (*ко*) употребляется только с Дат. падежом. Во многих архангельских говорах в окончании существительных в 1 скл. в Дат. – Предл. падежах наряду с <е>, <ê> ([e, ê]) встречается <и> ([и, ы]) или сосуществование этих окончаний, поэтому примеры *к* Мо-

сквы, *к жены*, *к земли* – это примеры на употребление предлога **к** в Дательном падеже, так же, как и *к Москве*, *к жене*, *к земле*. Кроме того, при ориентации существительных 3-го склонения на 1-е в Дат. падеже вместо окончания <и> [и] (*ко смёрти*) фиксируется окончание <е> (<ê>) ([е, ê]): *к печё*, *ко смертё*.

2.2. Сфера употребления предлога **к** может совпадать со сферой его употребления в ЛЯ, а может отличаться: там, где в архангельских говорах используется конструкция **к** + Дат., в ЛЯ могут употребляться другие предлоги с другими падежами; диалекты и литературный язык могут различаться управлением:

браниться к нему (= с ним); обращать вниманье к ней (= на нее); приостановились к Людке (= у Людки), прижился к одной там, там и живёт (= у одной); к пилке худое (= для пилки), легче к желудку (= для желудка) – и т.д.

2.3. В диалектном языке гораздо больше, чем в литературном, примеров, когда одна и та же конструкция может существовать как в беспредложном варианте, так и в предложном (*письмо Пушкину = письмо к Пушкину*). В некоторых конструкциях различие касается только использования / неиспользования предлога **к**:

говорила к маме; передавай привет к девушкам; приколовала к себе; принадлежит к тебе; к нам очередь пахать (наступит); выписываю к себе (журналы); приобрёл к себе дом; кроме тебя, никого к Аннохе не надо.

В других случаях предложное управление в диалектном языке соответствует беспредложным конструкциям литературного языка с Род. или Вин. падежами:

касаются к тебе (= тебя, Р.), касаться к нему (= его, Р.), не касаюсь к вину (= вина, Р.), Шура к жене брат (= брат жены, Р.), посещает к ей (= её, В.).

2.4. Как и в ЛЯ, в архангельских говорах при предлоге **к** частотны конструкции с удвоением корня существительного (местоимения):

девка к девке сядем; зерно к зерну сдавали; копейка к копейке бережётся; новость к новости; одно ко другому не мешалось; деньги к деньгам так и катятся; надо ведь это всё слово к слову поставить.

2.5. Характерное для говоров удвоение, повторение предлога касается и предлога **к**:

К этой тойко (только) к загнете пехай. Давай у пастухов просить-ся: отпустите меня к ноцькам к двум. Веть конечно, кто-то и хорошо,

а кто-то и к цему и к худому поменет. А это я опять заварю к утрею, ко дню.

2.6. Предлог **к** часто выступает совместно с предлогом **от** при двойном предложном управлении: род. п. – дат. п. (в ЛЯ см. об этом [АГ-80: II: 34, § 1762]). При повторении слова:

В Семушине на лодках плавали от крыльца ко крыльцу. Привяжут да от дома к дому верёвку незаметную, колечко стучит к воротам. Мы ищё месяца три проболтались – от тётки к тётке, от тётки к тётке. Теперь рыба магазинска, от случая к случаю. Деревня? От лучины к лучине, сами знаете – перестройка! (т.е. когда-то жили с лучиной и теперь из-за перестройки вновь к ней вернулись).

Без повторения того же слова:

На память к бабушке от Гали (надпись на фотографии). Иди ты к водяному от меня прочь!

2.7. Предлог **от** может антонимически противостоять предлогу **к** (идти к дому – идти от дома):

На этой-то стороне надо к соньцю идти-то, а за Пинегой, дак проць от соньця. Была не проць от людей, к людям была. Она здешна, к Шегмасу только выходила (= замуж в деревню Шегмас), она-то здешна, я-то от Шегмаса. Не на што спасибо, мне не к себе взять, а всё от себя отдаю. Это штобы к тебе шло, а не от тебя.

2.8. В говорах присутствуют дублетные формы предложного управления. Все они могут быть выявлены только при сплошном обследовании предлогов, функционирующих как в отдельном говоре, так и в группе говоров или в полидиалектной системе, к которой относятся архангельские говоры в целом. Пока можно указать лишь на некоторые синонимичные формы:

к = в, на (В.), для (Р): Ходили к церкви дак = в церковь; к обеду = на обед; платок к шее привяжет = на шею; подхожа к бруснице = похожа на бруснику; рець подходит к нашей = похожа на нашу; к чему ты тут? = для чего ты тут? – и т.д.

В диалектной речи могут использоваться иные предлоги, синонимичные предлогу **к**, – например, при обозначении лица, на которое направлено действие:

к = до, для (Р.): к Гале = до Гали; тётка придёт до меня; Надо обратиться до врача; Она уж для меня лашчитя (ласкается).

Синонимичными с предлогом **к** во многих значениях оказываются предлоги, либо отсутствующие в ЛЯ, либо имеющие в нем иное падежное управление или значение. В значении 'рядом, около':

к = **у** (Р), **около** (Р) **воколо** (Р.), **вплоть** (Д.), **вряд** (В.), **во́дле, возле, возля** (В.): *Хозяин похоронен к ручью (= около ручья). – Таких много воколо церёмховых кустов; вплоть Москве грузлей-то нет (груздей); почти врьд деревни; А врьд Павла Иваныча она живёт; водле бок куропатка побежала; водле нас, водле дорогу идут; возле ту сторону домто; возля реку тропинка (см. соответствующие предлоги в [АОС-5, 6-7]).*

В значении 'близко по времени':

к = **возле** (Р.): *к Паске; к Троицы; к празднику; приезжать к воскресенью. – Родился тут возле Паски.*

Как и для всякой устной речи, для говорков характерно нагнетение синонимов. Это проявляется и при использовании разных предлогов в пределах одной речевой фразы:

К Белому камню называется дорога. В сторону Ухменьги. // Сюда-то ведь не спят, надо в поудень (на юг) спать головой-то. К поудню спят. // К сену ходили, на сенокос ходили, к сену уйехали. // К Архангелу нужен был библиотекарь и в Усачёво (названия деревень). // Пошла к садиду ещё роботать, у (= в) садике. // Сын тоже в отчаянье. К отчаянью пришёл.

2.9. Предлог часто дублирует значение префикса при управляющем глаголе (*зйти за кем-н., пойти по дороге* и проч.). Приставка **к-** не является глагольной, и предлог **к** в ЛЯ обычно соотносится с префиксами **при-** и **под-** (*пришел к дому / к вечеру / к отцу; подошел к дому / к вечеру / к отцу*): «Двойное управление вин. п. и дат. п. с предлогом **к** имеет место... у переходных глаголов с префиксами **при-**, **под-** (предлог семантически дублирует приставку)» [АГ 80, II: 32, § 1756].

В архангельских говорах предлог может **к** употребляться с глаголами с теми же префиксами:

при-: *она к тебе прижилась; приколдовала к себе; приобрёл к себе дом; принадлежит к тебе; она к тебе не признаётся; к розговору пристанет; белая горячка к нему пристала; к ей цево-то надо приписывать; прибрала к рукам; не приучены к земли.*

под-: *к сорока подходит (годам); к восьмидесяти подвигаеце, подшло к розговору; всё подходит к розвалу; к ремонту-то не подлежит; к операции не подлежат; подпоры к зароду (стогу) не подпирают, не поддавалась к убою; к печке-то подметись.*

Предлог **к** регулярно сочетается также с глаголами с префиксами *по-, за-, на-*:

по-: *поедет к венцу; пошла к празднику; к ночи там пойду; всё пошло к религии; подаёшь снопы к молотилке; к ребятам посылала (конфеты); ни к добру им показалось; позвонили к Архангелу (в деревню Архангело); поставят к песку; к ночи поела; я к ей посмотрела; Говрит, кому хош поставит(свечку)? к живым-то иль к мёртвым?*

за-: *заходила к Насте; я к ей не залезу; к ночи запритесь; заварю к утрею; к каждой погоде заболит пята-то (пятка);*

на-: *к чему хош научу; научат их к работы-то; к опослюю-то налить (= на потом), эдак к груди нарастёт (= до груди), к ноци-то накладу, к делу-то налаживал.*

Глаголы в конструкциях с предлогом **к** могут иметь и другие префиксы:

к праздничку сходят; к работы убежишь; к сену увели; к нам замуж выходите – и т.д.

Предлог **к** легко присоединяется к беспривставочным глаголам:

гостите к нам; ложила к месту; не один день к этому делу смеялись; всё к добру учил; не к чему ему ехать, всё к нулю идёт; сулилась к йим.

2.10. Фиксируется употребление предлога **к** в безглагольных сочетаниях:

маслята к варке; грозы больше к ночи; я простая к слезам; черника слабая к морозу; к пирогам нужно время; негожо к еды, вкусно к еды; хороши к стирке (рубяхи); хороши к молоку (коровы); худая к жизни (свекровь); ни к делу дожж-то (дождь), деньги не к месту; они не к грамоте, а к работе; туци к дождю.

2.11. Предлог **к** может присоединяться к наречию:

к туды; если к вовремя придёш; к завтра (Сахарку дадут маленькую грудюцьку, дак вот пей, не то на её смотри, к завтра оставляй ли цео).

3. Семантический аспект

Несмотря на диффузность значений и сложность их выделения, семантическую область употребления предлога **к** можно разделить на четыре основные группы. Предлог **к** используется при указании на место, время, цель действия и на его объект. Эти области накладываются друг на друга: примеры могут быть проинтерпретированы как одновре-

менное указание на место и объект, время и объект, цель и объект, место и цель, время и цель. Зафиксированы и некоторые другие значения.

Протозначение предлога **к** связано с семантикой **приближения**, которое осуществляется на всех уровнях: пространственном и временном, субъектном и объектном, материальном и абстрактном. Это *приближение* может быть «далеким» и «близким», может оказываться «рядом», «накануне» или даже «внутри».

В русском языке, как и во всех других славянских языках, очень развита синонимия синтаксических конструкций, в том числе на уровне предложных сочетаний, на что мы уже обращали внимание в §2. Поэтому во многих случаях мы будем указывать на соответствия между диалектным употреблением конструкций с предлогом **к** предложным (и беспредложным) конструкциям литературного языка (обращая внимание лишь на характерные для ЛЯ в этих же значениях предлоги и опускающая указания на падеж).

3.1. Пространственная (локативная) функция.

3.1.1. При совмещении локативной и объектной функций. При указании на определенную направленность действия – на место, куда, по направлению к которому осуществляется движение, действие (соотносится с предлогами ЛЯ **у, на, к, в сторону, по направлению к**):

Такой крутой берег к реке. Мы ешишó слушались, к овину ходили, ху-дой ли доброй год будет. Муравьи всегда к дому вьют гнездо, муравейник сплетут к лесине. Наерно, обедник (ветер), к югу приворачиват. У нас к северу окна, а им надо к полдню (к югу) штёбы было. К соньцю дак зеленеш, напротив соньця, дак реберит-реберит. Торокан всё время пехатся ко хлебу, он жорать хочет. Зоя была зашла, она сразу ему к ушкю, шопчет што-то. Ясли (кормушка) к корове не ходят – корова к яслям (пословица).

‘Согласно ориентиру’, ‘вслед за чем-н., кем-н.’ (соотносится с предлогами ЛЯ **по, за**):

Так к солнышку идти. Сел на мотоцикл, вдогонку к Ольге.

«Пространство» может пониматься как в «широких» пределах, так и в «узких»:

Ой, мама, опять колет к сердцю. Цё-то опять приступает шибко к голове. Зыбка (колыбель) вроде как ящика, к голове пошире.

3.1.2. ‘Рядом с чем-н., в непосредственной близости от чего-н.’ (соотносится с предлогами ЛЯ **у, возле, около, рядом с, в**):

Девки, ко звозу становитесь! Там у меня бо́льшая изба к дороге-то. Он выпросилс жить, квартиру нашли к реки. У меня хозяин похоронен к ручью. Кто место откупит, тово к церкви хоронят. Ты уж меня по-

хорони к матери. Такой кругленькой соску́т один, к пецьке посодо́ят, маслом помажут. Комары, ой как жужжит к уху, пишчит. Отодвинь к стороне (обувь).

При указании направленности действия, движения внутрь чего-н. (соотносится с беспредложными сочетаниями в ЛЯ):

Дометали, к дому (= домой) пришли – и дожж. Пока не предадим к земле Ленина, всё плохо будем жить.

3.1.3. При указании на принадлежность дополнения, элемента к основному объекту, для которого он предназначен (соотносится с предлогами ЛЯ **возле, рядом, на** и с беспредложными сочетаниями):

Повешала рукотерник к рукомо́йке. Раньше к окнам кружева вязали. Ще делают оградку к дому-ту. К коровам не привязывали, а к лошадям, ширкуны, такой мечик (= мячик), внутри пустой, и таку гайку или чё положат.

3.1.4. При указании на место, к которому непосредственно прикасается что-н. (соотносится с предлогами ЛЯ **на, к, рядом с**):

В ту стену к воротам приколациват. Стаю раньше ставили к дому: идёшь – там и стая (= отгороженное помещение для скота).

При указании на место, к которому непосредственно прикасается что-н. (соотносится с предлогами ЛЯ **на, к**):

Утром встават, платок к шее привяжет – и пошёл. Рубаха приятна к телу-то. К себе надевают, дак как батист. Летом ребята на лошадях, колокольчики к ушам. Когда мешаешь – к ложке-то слышно, значит, рис сварён.

‘О чем-н. прилегающем, подходящем по размеру’:

А это кузов, он ко спине хорошо, и ягоды не мнутя.

3.1.5. При совмещении локативной и целевой функций. При указании на цель движения, его результат: ‘куда, в какое место’ (соотносится с предлогами ЛЯ **в, на, к** или с беспредложными сочетаниями):

Ходили к церкви дак. У их там избушка, они там к избушке-то уедут и наберут ягод-то. Я уж выгостила, нать к дому. Я к отцовскому дому ходила. Опять останусь нянчице, не ушла к строенью. Приехали к ейной квартиры. К магазину ушла. Ницё, всё соврал, к семье не пошёл. Приехали мы к Цюхарям, деревня-то Цюхари. А тамока к кинам ушли дак, наа (надо) смотреть. Те-то (ссылные) приехали к баракам, домам, а те – к пням, сами строили.

3.1.6. При указании на место, где осуществляется деятельность⁷ (соотносится с предлогами ЛЯ **на, в, к, за**):

Утром к работе прибежишь. В три часа ездил к сеткам. Уехали к морю бродить бродягами. К лесу поехал за кокорами. Она к коням уйдёт, он выползёт на улицу. На гору-то убежали, к ягоде убежали (за ягодами). К двенадцати часам только к ягодам пришёл. К сенокосу зашли.

Очень частотное сочетание **к сену (сенам)** при глаголе движения – ‘(пойти) на сенокос’:

Семь раз ездила к сену, на сенокос. А тут нету хозяйки, ушли к сену. На луг к сену пошла. Десяти годов к сену повезут. Кабы к сенам не погонили – больше гуляли. Кто знает, к сенам уехали много. Отца спроваживать пошёл, к сенам.

3.2. **Временная** (темпоральная) функция.

3.2.1. При указании на время, при наступлении и в течение которого совершается действие (в ЛЯ соответствует беспредложным конструкциям Твор. п. и конструкциям с предлогами **в, на**):

Поцевайте тут, приходите к ночи. Они его к ночи не пустили. К ночи повесь, высохнёт. Так сёдня куда пойдёшь к вечеру? Чаю давеча наваривала, к утру перепрелый будет. К утру Вася опять до свету уехал. Вам это к утру надо или ко дню? К выходному-то не бывал. Четырнадцатого первый (Спас), дак ево к выходным перенесли. Не к этому воскресенью приезжали, к тому. Приезжаю сюда только к лету. Колодец-то к зиме запечатан, воду овцам с реки носит. Пришла уж близко к восьми, дак мы до полдесятого цирикали сидели.

3.2.2. При указании на приближение определенного периода (соотносится с предлогами ЛЯ **перед, к, на**):

Волнуха-то идёт к осени. Живица-та как уже замёрзла, как застыгшая, она не бежит больше, хоть по талому, хоть к зимы. Как раз к лету, нать на пожню идти (на сенокос). Приезжали к этому празднику, к Троице, со всех деревён. Ходят туда к праздникам, в церкву ходят к празднику в церковь, молеце. Яйца наскопя (накопят), в дому складут, к Паске. Я к тебе к лету принесу, цецяс-то я не могу, не попала ходить. Нам уш старо, дак к старости и гонит. Нет, как к ранешнему – нет!

При указании на время, до наступления которого должно совершиться действие:

Я уж к ночи так никогда ни ем. Таблеток надавала медичька, надо пить к ночи. И я ходила туда, к ночи-то, к вечеру. До утра пусть постоит, к утру мы снимемсе.

3.2.3. При указании на предназначенность чего-н. для определенного периода (соотносится с предлогами ЛЯ **на, для** или с беспредложными сочетаниями):

Воды припаси к завтраю. Вот ыш, всё и кладу к утрею, утре только затопить. Вот это надо к утрею оставлять. К завтра оставьте. А к кажному празднику справлю. Твой дом остался к следующему разу.

3.2.4. 'Через определенный период, к окончанию какого-то срока' (соотносится с предлогом ЛЯ **через**):

К году родила девочку.

3.2.5. При указании на некоторую неопределенность, связанную со временем; 'иногда', 'в какое-то время бывает так, а в какое-то по-другому':

К хорошему году и брусника растёт. Голубель (ягода голубика) растёт к году тожсо. Морошка – не к году цветёт.

3.2.6. При указании на возраст субъекта, к которому он приближается:

Она старинной человек – дак ей уж к девяноста годам сбегается. Годов ему к семидесяти гребёт. Один к тридцати подбирается, другой за тридцать. Ей уж теперь много за тридцать, к сорока годам.

3.2.7. При совмещении временной и объектной функций. При указании на наступление определенного события (в ЛЯ соответствует конструкциям с предлогами **к, в, на**):

Раньше к венчанию ездили, а теперь в сельсовет. Вот ходят, ходят (гуляют с девушкой), а наутро к венцам с другою пойдут.

При указании на скорое наступление какого-то события, явления (соотносится с предлогами ЛЯ **перед, накануне, в**):

Бабушки к родам ходят, их созовут. Это уж последний год к войны мы робили. Они ведь скоро к армии дак, возьмут. Дожди потом пойдут к копке (картофеля). К дожджу меня берёт сердцем. Хозяйка не жалится к снегу? Всё, Аня, к морозу дело-то идёт.

'Во время определенного события' (в ЛЯ соответствует предлогам **в, во время**):

Вот у меня мать к испанке умерла. Я к морозу-то худа, у меня бок заболит.

3.2.8. При указании на предзнаменования, приметы:

Окна запотевают, говорят, к дожджу ли? Вороны высоко сидят – тоже к морозу, а по дороге ходят – к теплу. На печку кошка залезает – к морозу. Как к мальчику (перед рождением ребенка мужского пола) – то спина пуце болит. Птица в раму – тоже к вести, к любой. Нос чёшется – к покойнику, а под носом – к рюмке. Голова чешется – к седине, вишей-то нету. Лиса перебежала (дорогу) – это тоже к добру, лиса. Ягоды красные снятся к житью, а чёрные – к слезам. Лошадь снится и к хорошему, и к плохому. Мохнатого зверя увидеть во сне – к счастью. Тот-то батаман («домовой»), спиши – не спиши, спросить надо: к худу или к добру? Ой, всё к худу да к худу.

3.3. Объектная функция.

3.3.1. При указании на объект (в ЛЯ соответствует беспредложным конструкциям и предложениям **на, в, к, для**):

Я не касаюсь к вину. Што-то глаз свербит, я простая к слезам. Она к сердцу приступат. Ячмень ведь легче к желудку. К какой-то болезни пристаёт (помогает лечению). Как подождит, дак клонит ко сну лихо, лихо. Она (черника) слабая к морозу. Нету талану (таланта) – не пришьёшь к сарафану (пословица).

При повторении существительного указывает на множественность объектов:

Девка к девке сядем да песни поём. Копейка к копейке – кажну бержёшь. Новость к новости! А щас-то в колхозах не пащут хлеб, а раньше сдавали зерно к зерну.

3.3.2. При указании на лицо, субъект, в сторону которого направлено действие (в ЛЯ, как правило, соответствует беспредложным конструкциям):

Ты к маме-то говорила? К девушкам привет-то передавай. Я думаю наказать к девочкам, штоб пришли. Мама не бранится, ницё к нему? Когда к нам-то очередь пахать-то? К нам в деревню музыку хорошо было слышно. Он говорит: моя тётка к тебе поладит ногу. Тётка Маша, пришли к нам хоть толоконця (толокна). Я выписываю к себе «Крестьянку» да «Роботницу». Посещает к ей. Меня ругают, шо я ласкова к козам очень. Прилежна к человеку была, хороша кошечка. Как оно ведь сердце припадёт к целовеку. Надо большая привычка к человеку и к быку.

В ЛЯ соответствует конструкциям с предлогами **на, у, над**:

Она видит, што к ней тут вниманье стали обращать. К этой хозяйке я и не бывала. Помнишь, я к вам был. Я к ей давно не бывала. Спасибо на беседы, гостите к нам. Мы до того к ёму дохохоцим!

При обозначении лица, в пользу, в интересах которого совершается действие (соотносится с предлогом ЛЯ **для**):

Девочки – они большие домашние, лучше к родителям.

3.3.3. При совмещении объектной и целевой функций. При указании на предназначение чего-н. для чего-н. как необходимой принадлежности (в ЛЯ соотносится с предлогом **для**):

К земли-то был куплён плуг, окучник, соломорезка – соломой резать. Вот шкап, ранешный, раньше он был приспособлен к белью. Это занавески маленьки таки коротки шью к этой комнате.

В добавление к чему-н.:

Он к каждому слову нет-нет изматюкается.

3.4. **Посессивная** функция.

3.4.1. При указании на принадлежность к кому-н. (соответствует беспредложной конструкции ЛЯ):

Только Соболеву Шура к жене брат. У меня к мужу первый друг, ходил в гости.

3.4.2. При указании на отношение, принадлежность к чему-н., включение в общий круг (соотносится с предлогами ЛЯ **к, на**):

Была Олонецкая губерния, мы к Олонецкой губернии, и Вологодская была, и Орхангельска. У вас речь подходит к нашей. Я гу (говорю) не-ет, это у нас, грю, к такому слову приходится дак. От иш, «роща»-то применяется больше к основному лесу. Не могу применить, к чему это слово. Она к этому и сказала. Ко слову сказала. Где розговаривам, к розговору пристанет.

3.5. **Целевая** функция.

3.5.1. При указании на цель, назначение; 'для чего' (соотносится с предлогами ЛЯ **на, в, для, к** и с беспредложными сочетаниями):

С восьми годов к работе учили. Она приставила меня к роботы-то. Они не к грамоте, а к работе. К ремеслу научить. Их сразу не на передовую брали, учить к войне. Надо всех к делу приставить. Слава богу, с четырнадцати лет к пеци-то поставлена. Молотилка была, дак я к молотилке была. Бабушка, ты меня всё к добру учила. Ныне уцятся, да не к тому, не поют на крылосе, не к тому науцёны. Раньше учили к церковному. Науцят, к экому-ту скоро уцятся, на хорошо-то не науциши, а к экому-то скоро уцятся, не дай Бох. Года стали большие, дак надо собираться к бою – умирать.

3.5.2. При указании на назначение, предназначение (соотносится с предлогом ЛЯ **для**):

Кореньга́ к пилке худое. К пирогам нужно время хорошее. Они очень хороши к стирке, белянькие. Печка оселаси сюда вот, к топке не подлезжит. Негожо к еды, к пице. Они вкусны к еды-то. Маслята слизуны – к варке. А корова-то к молоку была хороша, хороша. Этот глаз не принадлежит к операции – сосудик-то лопнул. К жизни худая свекровь была, потом мужика угонили, убили. Ой, теперь всё не к житью пошло. Военный пришёл, шапку скиневат, к описи пришёл (чтобы описывать).

3.6. Причинная функция.

3.6.1. При указании на причину события; ‘почему, из-за чего’ (соотносится с предлогом ЛЯ *из-за*):

Да мы к тому не ездим, что вас изъять (вводить в расходы). Она по семсят рублей заработ, она к тому и пальта покупает. Он тут к чему, этот следователь?

3.7. За пределами нашего внимания осталось достаточно большое количество конструкций с предлогом *к*, которые могут рассматриваться в рамках несвободных словосочетаний и фразеологии. Это и «посыллы» *к богу, к лешему, к чёрту, к жихорю, к водяному, к жабе, к болятям, к монаху, ко хрену* и т.д. Сетования на то, что *всё идёт к развалу / к концу / к нулю / к изводу*. Многозначными являются идиомы *к делу, к месту, к рукам, к душе (сердцу), к чему, ни к чему* и проч. Некоторые сочетания обладают наречными значениями или уже перешли в наречия.

Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря» [АОС] с привлечением данных Картотеки и «Электронной картотеки АОС» [Картотека], а также собственных полевых записей автора.

Для общеславянского языкового континуума характерно постепенное нарастание признаков, ведущих к качественным изменениям. Лучше всего эти признаки просматриваются не столько при сопоставлении языков в их литературных вариантах, сколько при учетывании диалектных данных. В настоящей статье основное внимание было уделено конструкциям с предлогом *к*, которые не встречаются в современном русском литературном языке, однако подобные конструкции можно найти не только в различных говорах русского языка, но и в белорусском, украинском, польском, чешском и многих других славянских языках.

Л и т е р а т у р а

14. АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–14. М., 1980–2012 (издание продолжается).
15. АГ-80 – Академическая грамматика. М., 1980.

16. *Бегуниц И.В.* Об одной диалектной замене предлога «к» в севернорусских говорах // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2007.
17. *Бурова Е.Г.* Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
18. *Галинская Е.А.* Нестандартная реализация предлога «к» в истории русских диалектов // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). 2008.
19. ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. Карта 87: Диалектные разновидности произношения предлога *к* перед звонкими взрывными согласными; Карта 88: Диалектные разновидности произношения предлога *к* перед глухими взрывными согласными.
20. Картотека «Архангельского областного словаря» (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка, каб. русской диалектологии).

ПРЕДЛОГ *К* В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация

В статье предлог *к* рассматривается в фонетическом, синтаксическом и семантическом аспектах. Выделены основные значения предлога *к*: локативное, темпоральное, объектное, целевое, посессивное, причинное, указаны их диффузные области; приводятся сравнения диалектных конструкций с конструкциями литературного языка. Впервые в научный оборот вводятся иллюстративные примеры, взятые из богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря».

PREPOSITION “K” IN ARKHANGELSK DIALECTS

I.B. Kaczinskaya

Keywords: Russian dialects studies, Northern dialects, prepositional word combinations, preposition, preposition K

Abstract

In the article by «Preposition “K” in the Arkhangelsk region dialects» excuse *K* be considered in the phonetic, syntactic and semantic aspects. The major values of the preposition to: local, time, object, target, possessive, causal. Specify diffuse field. Present comparisons with the literary language. Illustrative examples drawn from the catalogue of «Arkhangelsk Region Dialect dictionary», is first introduced into the scientific rotation.

Поговорим про *ПРО* и *О*, или Особенности функционирования русских делиберативных предлогов в XXI веке

© доктор филологических наук Е.В. Клобуков (Россия), 2013

Ключевые слова: предлог, система значений предлога,
история предложной системы, делибератив, определительное значение

Майе Владимировне Всеволодовой,
выдающемуся лингвисту
и замечательному человеку

Майя Владимировна Всеволодова – отважный человек. На фоне все еще доминирующей в нашей лингвистике, причем доминирующей по праву¹, структуральной парадигмы (язык как система, строгая синхрония, парадигматика, синтагматика...) Майя Владимировна смело обращается к данным диахронии, позволяющей лучше понять синхронические связи, в частности те отношения, которые существуют в системе современных русских предлогов и их аналогов.

Так предлог *опричь*, обычно снабжаемый в словарях пометами *устар.* и *обл.* (см., например: [БАС₂, т. 14: 42]), является, как мне кажется, не просто рядовым «нормальным», а одним из полноправных, даже любимых объектов того масштабного исследования предложных единиц современного русского языка, которое подвижнически осуществляет в последние годы М.В. Всеволодова. Названный предлог вопреки традиции (ср.: [Русская грамматика 2005/1980, т. I: 706–707] включен М.В. Всеволодовой в весьма ограниченный перечень первообразных русских предлогов [Всеволодова и др. 2003]. И это лишь один из примеров неожиданного для многих коллег выхода Майи Владимировны за рамки современного узуса и строгой литературной нормы (замечу, что подобные решения неожиданны только для тех, кто незнаком с исповедуемой М.В. Всеволодовой концепцией соотношения языковой системы и нормы).

В этой статье и мне хотелось бы рассмотреть некоторые языковые факты с точки зрения развития системы языка, но не погружаясь в глубь

¹ А.К Жолковский пишет о современном структурализме следующее: «В филологии так и осталась незавершенной многообещающая структуралистская революция, смена мистической гуманитарной парадигмы на новую, “научную”. <...> Филологии так же всё ещё предстоит осваивать структурализм, как России капитализм, – прежде чем заговаривать о чём-то следующем» [Жолковский 2013: 94].

веков, а анализируя одно из явлений нашей современной, реализуемой уже в XXI веке, «микроистории»² языковой системы.

Объектом данного исследования являются некоторые аспекты современного функционирования первообразных, восходящих к общеиндоевропейскому лексическому пласту [Фасмер 2004, т. 3: 96, 370] русских предлогов *про* и *о*. Эти предлоги синонимичны в своем основном (делиберативном) значении, реализуемом в конструкциях соответственно *про* + *Вин.п* (*говорить/думать про кого/что-л.*) и *О* + *Предл. п.* (*говорить/думать о ком/чём-л.*), поэтому условимся в дальнейшем называть их делиберативными предлогами, не забывая, разумеется, о том, что у каждого из них есть и другие значения (см. ниже).

Делибератив определяется Г.А. Золотовой как семантический «компонент со значением содержания речемыслительного, социального действия или восприятия» [Золотова 1988: 430]. Эта дефиниция требует уточнений.

Прежде всего, «речемыслительные» действия – это, по сути, два совершенно разных вида действий: речевых, представляющих собой разновидность социальных действий, и мыслительных – интеллектуальных действий [Клобуков 1986: 49]. Никакие другие социальные действия, кроме тех, что связаны с устной или письменной речевой деятельностью, в делиберативных контекстах не представлены, о чем свидетельствуют и приводимые Г.А. Золотовой примеры использования предлога *про*: *Расскажи мне, няня, Про ваши старые года* (Пушкин); *Про жизнь пустынную как ни пиши, А в одиночестве способен жить не каждый* (Крылов) и т. п.

Что касается предикатов восприятия (*вижу, смотрю, слышу, слушаю*), то среди них делиберативными контекстами задействованы только некоторые глаголы рецептивного действия (*слушаю про кого/что-л.*, но вряд ли [?]*смотрю про кого/что-л.* без объектного актанта, доминирующего в именной группе: *смотрю фильм про кого/что-л.*), а также некоторые неагентивные глаголы восприятия (*слышу про кого/что-л.*, ср. [?]*вижу про кого/что л.*).

Наконец, в числе предикатов с делиберативной валентностью должны быть отдельно названы глаголы ментального отношения типа *помнить*, не подводимые ни под одну из рубрик, перечисляемых Г.А. Золотовой, ср. фактически остающийся вне классификации приводимый ею пример: *Недаром помнит вся Россия Про день Бородина* (Лермонтов) [Золотова 1988: 430].

Стоит упомянуть о месте делибератива в общей классификации падежных значений (ср. известное разграничение объектных, субъектных, обстоятельственных и определительных падежных значений [Грамма-

² Термин М.В. Панова; см. [Панов и др. 1968(а): 18].

тика 2005/1980; Клобуков 1986]). Делибератив обычно считается разновидностью объектного значения.

Основным объектом моих рассуждений об особенностях функционирования современного русского делибератива будет предлог *про*. Дело в том, что те тенденции, о которых пойдет речь в данной статье, наиболее ярко проявляются именно у этого предлога, которому даже в основном его значении нередко приписывается стилистическая характеристика разговорности [Лексическая основа... 1984: 171], а не у его стилистически нейтрального (в делиберативном значении) и в 10 раз более частотного [Ляшевская, Шаров 2009: 1047] синонима *о*.

С позиций строгой литературной нормы современного литературного языка (кстати, не очень-то почитаемой М.В. Всеволодовой в качестве мерила при изучении законов функционирования языковой системы) предлог *про* нередко рассматривается как фактически однозначный, приспособленный для выражения исключительно делибератива (остальные значения этого предлога признаются устаревшими или просторечными). Например, лишь *о* делиберативном значении этого предлога пишет Г.А. Золотова [Золотова 1988: 430]. И в словаре [Лексическая основа... 1984: 171] предлог *про* также подается как однозначный, причем с пометой *разг.: рассказывать про нее*.

Минимизация семантических функций предлога *про* в указанных трудах вполне понятна и объяснима их целями – дать описание лишь основных употреблений этого предлога в научном исследовании, впервые характеризующем основной костяк предложной системы русского языка с позиций теории синтаксиса [Золотова 1988] или же представить функционирование данного предлога в целях преподавания русского языка иностранцам [Лексическая основа 1974]. Априори маловероятно, что древний по происхождению предлог *про*, достаточно частотный в современном русском языке (он входит в двадцатку наиболее употребительных предлогов, по данным словаря [Засорина, ред. 1977: 309], см. также [Ляшевская, Шаров 2009: 286]), может иметь только одно значение³.

Так, уже в словаре В.И. Даля для этого предлога отмечены два значения, причем первым представлено не делиберативное, а, судя по приводимым примерам, дестинативное (или, в терминологии других ученых, бенефактивное) значение, связанное с указанием на лицо, для которого предназначается какой-л. предмет или действие ([Золотова 1988: 40], ср. [Плунгян 2009: 165]).

Предлог *про* выступает, по Далю, в качестве синонима предлогов:

³ В близкородственном белорусском языке предлог *пра* ‘про’, по данным М.И. Конюшкевич, имеет, помимо делиберативного, еще три значения – дестинативное, финитивное и каузативное [Конюшкевич 2010: 460].

а) *для, ради*⁴ – *Не про тебя яма копана, да тебе в ней сидеть...; Про глухого по двук обеден не служит;*

б) *о (об)*⁵ – *Про кого говоришь?; Один про Фому, другой про Ерёму* [Даль 1982 (1882): 466].

В двух версиях Большого академического словаря (см. БАС₁, т. 11: 905-906; БАС₂, т.2: 607-608] система значений предлога *про* предстаёт в существенно ином по сравнению со словарем Даля виде, причем для характеристики этой системы важно не только количество выделяемых значений, но и то, какое значение признается «первым» (центральным). Рассмотрим каждое из этих значений подробнее в том порядке, как они представлены в БАС_{1,2}. Для обозначения значений предлога *про* в данной статье используется терминология, обычно используемая в настоящее время при описании семантики русских падежных форм и предложно-падежных конструкций.

1) **Делибератив** (по определению БАС₂, данный тип употребления предлога *про* связан с «указанием на предмет речи, мысли»; предлог *про* «соответствует по значению предлогу *о* (в 1 знач.⁶)» [БАС₂: т. 20: 607] ... *Но уже офицера не было – и она про него забыла* (Пушкин). В отличие от всех других употреблений конструкции *про* + *Вин.п.*, только делиберативные не воспринимаются, по данным БАС, как стилистически маркированные, поэтому выдвижение на первое место именно делиберативного значения представляется оправданным (вопрос о том, не было ли это значение центральным и во времена В.И.Даля, заслуживает специального исследования).

⁴ Сразу же отметим возможность расщепления этой группы примеров ввиду наличия у предлогов *для* и *ради*, помимо бенефактивного, также других значений: 1) финитивного (целевого): *Сегодня <...> у меня будет декоратор для принятия заказа на декорации «Акосты»* (Станиславский), *Гоголь сделал жжёнку, не потому, чтоб мы любили выпить, а так, ради воспоминания подобных okazji* (С. Аксаков) и 2) каузального: *Так рано поднялась? а? для какой заботы?* (Грибоедов); *Карл Федотович воздерживался от спиртных напитков ради приливов к голове* (Фет), см. [БАС₁, т. 12: 56-57; БАС₂, т. 5: 139].

⁵ Сближение с предлогом *о*, естественно, наблюдается только при выражении конструкцией *о* + *Предл.п.* делиберативного значения, которое является для *о* не единственным, ср.: 1) *о* + *Вин.п.* с значением объекта, локализирующего действие: *...И бьется о берег в вражде бесполезной* (Пушкин); 2) *о* + *Предл.п.* с количественным (партитивным) [Золотова 1988: 338] значением: *Аль о двух головах ты родится?* (Пушкин); 3) *о* + *Предл.п.* с временным значением: *А что, нынче о святках будешь кататься, Лука Иванович?..* (Гончаров) – примеры из [БАС₂, т. 13: 9-10], ср. [Золотова 1988: 209].

⁶ Заметим, что отсылка к первому значению предлога *о* ошибочна, так как в данном словаре делиберативное значение предлога *о* рассмотрено не как первое, а как второе значение; первое же значение реализуется, согласно БАС₂, в конструкциях типа *о* + *Вин.п.* типа *По вечерам ... доносятся звуки сечек, ударяемых о корыта* (Салтыков-Щедрин) [БАС₂, т. 13: 9-10].

2) **Бенефактив** (дестинатив): *Лошадей про всех не хватит* (Горький)⁷.

3) **Темпоральное-финитивное** значение: *...Бруснику да морошку про зимнюю бесхлебицу готовь* (А. Островский)⁸.

4) **Каузальное** значение (цель, причина, повод [БАС₂, т. 20: 608]): *Ну, вытьем же теперь про наше знакомство* (А.К.Толстой)⁹.

Итак, ядро семантической системы предлога *про* составляет делибератив, периферию – бенефактив (дестинатив) и два устаревших значения с каузальной (в самом широком смысле) доминантой.

В этой системе, конструируемой в БАС, к сожалению, пропущено одно значение, достаточно регулярно реализуемое в русской литературной речи. Ср. пример Г.А. Золотовой, который невозможно подвести ни под одну из рубрик БАС: *Эта сказочка моя – Про моря и про маяк* (Маяковский) [Золотова 1988: 221].

Данное высказывание не выражает собственно делиберативного значения, поскольку управляющим контекстом для делиберативных предложно-падежных конструкций являются предикаты «речи, мысли» [БАС₂: т. 20: 607]. *Сказка₁* (уменьш.-ласк. *сказочка*) – «повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных лицах и событиях (обычно с участием волшебных сил, колдунов и т.п.) [БАС₁, т. 13: 874, ср. 876]». Очевидно, что это имя конкретно-предметной, а не пропозитивной семантики (в отличие от *рассказ₁* («действие по глаголу *рассказать*» [БАС₁, т. 12: 799]). А это значит, что значение, выражаемое предложно-падежной конструкцией *про + Вин.п.* при имени *сказочка*, не может быть собственно делиберативным¹⁰.

Наш вывод подтверждается и данными БАС₂, касающимися семантической структуры соотносительного с *про* предлога *о*. В этом словаре для предлога *о* в конструкции *о + Предл.п.* установлено особое значение, отграничиваемое от делиберативного. Это значение реализуется в приименном употреблении «при раскрытии содержания, свойств и т. п. кого-, чего-л. *Лекция о воспитании. Фильм о молодёжи. Роман о дерев-*

⁷ Конструкция *про + Вин.п.* в данном значении воспринимается, согласно БАС₂, как устаревшая и просторечная.

⁸ Подобные конструкции маркированы в БАС₂ как устаревшие (отсутствие пометы *прост.* говорит о большей маргинальности таких конструкций в системе современного русского языка по сравнению с дестинативными конструкциями). В БАС₁ при данном значении предлога *про* стоит, помимо пометы *устар.*, также вызывающая большие сомнения помета *разг.*: вряд ли в середине XX в., когда издавался БАС₁, такие конструкции звучали в разговорной речи.

⁹ Конструкции этого типа с предлогом *про* также маркируются в БАС₂ как устаревшие. В БАС₁ мы вновь видим сомнительную помету *разг.*

¹⁰ Делиберативная сема, разумеется, присутствует так или иначе и в выражении *сказочка про моря*, но она не самостоятельна, а подчинена, как будет показано ниже, доминирующей определительной семе.

не» [БАС₂, т. 13: 10]. Совершенно очевидно, что аналогичное значение должно быть установлено и у предлога *про*, ср. симметричные приведенным выше примеры с данным предлогом: *лекция про воспитание, фильм про молодежь, роман про деревню*. Именно это (а не делиберативное) значение имеет конструкция с *про* в строках Маяковского *Эта сказочка моя – Про моря и про маяк*.

Что же это за значение? Явно по самой природе своей не объектное (делиберативное), в силу указанной непропозитивности лексической семантики слов типа *сказочка, лекция, фильм, роман*. Слова с конкретной лексической семантикой распространяются не объектным, а атрибутивным компонентом, они требуют ответа на вопрос о том, каков данный предмет, каким «содержанием», какими «свойствами» он обладает (если воспользоваться приведенной ранее формулировкой БАС₂). Следовательно, в контекстах типа *сказочка про моря* реализуется одна из разновидностей **определятельного** значения (ср.: [Русская грамматика 2005/1980, т. I: 478]).

Особенность этого значения заключается в том, что определение на уровне падежной формы или предложно-падежной конструкции редко бывает качественным, квалитативным¹¹, непосредственно указывающим на свойства характеризуемого предмета (ср.: *город-герой* = героический город). Чаще же определение предмета является относительным, оно осуществляется через указание на отношение к тому или иному компоненту денотативной ситуации: ее субъекту, объекту, предикату или адвербиальному распространителю («обстоятельству»).

Соответственно можно говорить об субъектно-определятельном значении (*роман Булгакова* = роман, который написал Булгаков), объектно-определятельным (*Институт русского языка* = институт, в котором изучают русский язык), предикатно-определятельным (*период таяния снегов* = период, когда тают снега) или же обстоятельственно-определятельным (*учителя Москвы* = учителя, живущие в Москве); подробнее см.: [Клобуков 1986: 60-61].

Если взять за основу данную систему семантических координат, то следует признать, что в контекстах типа *сказочка про моря* (= сказочка, рассказывающая про моря) реализуется одна из разновидностей определятельного значения – объектно-определятельное значение: определение предмета осуществляется через указание на делиберативный объект. Другими словами, можно утверждать, что в таких конструкциях реализуется **делиберативно-определятельное значение**.

Возникает вопрос: при каких условиях реализуется это значение? Судя по примерам, приведенным в БАС₂, конструкция *про + Предл.п.*

¹¹ Квалитативный признак – «компонент, выражающий качество, свойство предмета» [Золотова 1988: 431].

приобретает делиберативно-определяющее значение лишь в сочетании с конкретными именами, передающими информационное содержание [Золотова 1988: 221]: *лекция, песня, сказка, рассказ* и др. Что касается синтаксических дериватов типа *разговор* (←*разговаривать*), *слухи* (←*слушать*), *память* (←*помнить*) и т. п.¹², то при них, очевидно, та же конструкция реализует объектное, а именно делиберативное значение «в чистом виде» (выражение *разговаривать о ком/чём-л.* в номинативном отношении тождественно выражению *разговор о ком/чём-л.*, все различия связаны лишь с синтаксическими условиями использования этих выражений).

Таким образом, в семантической структуре предлога *про* помимо собственно делиберативного значения целесообразно выделять и еще одно, делиберативно-определяющее значение, которое в БАС₂ фактически устанавливается (хотя и с использованием иной терминологии) для предлога *о*.

Но на этом уточнения описания в БАС семантики предлога *про* не заканчиваются.

Сравнение данных словаря середины XX в. БАС₁ и издаваемого в наши дни БАС₂ показывает, что уточнения БАС₂ касаются (как уже отмечалось выше) лишь вполне резонного снятия пометы *разг.*, информирующей о якобы актуальной для середины XX в. разговорности конструкций типа *заготовить про что-л.* (3-е значение *про*) и *выпить про что-л.* (4-е значение *про*)¹³.

Общий же вывод, к которому можно прийти в результате сравнения словарных статей **ПРО** в БАС₁ и БАС₂, таков: по мнению составителей БАС₂, за полвека, истекшие с момента выхода в свет БАС₁, никаких существенных изменений система значений предлога *про* не претерпела.

Но с этим выводом очень трудно согласиться, если мы обратимся к данным современной русской разговорной речи.

Рассмотрим лишь несколько примеров разговорной речи XXI века; подобные примеры, я думаю, у многих на слуху.

(1) – *Ира, вы рассказываете удивительные вещи. Сергей – кинозвезда, он очень много снимается, у него должны быть миллионные гонорары, а вас послушать – долги, залог квартиры... / [Ирина Безрукова] –*

¹² Ср. примеры Г.А. Золотовой: ...*Варенье, вечный разговор про дождь, про лён, про скотный двор* (Пушкин); *Но сюда уже дошли слухи про лису* (В. Даль); *Не буди только память во мне Про волнистую розь при луне* (Есенин) [Золотова 1988: 221].

¹³ Справедливости ради следует отметить и определенное снижение уровня лингвистической интерпретации данной семантической системы в БАС₂ по сравнению с БАС₁, где была эксплицирована объектная природа и делиберативного, и дестинативного значений (в БАС₂ формулировки этих значений не включают указания на объектные отношения).

Не знаю, по каким звездам вы судите – наверное, по американским. У них – да, и гонорары миллионные, и шикарные гостиницы, и всевозможные комфортабельные трейлеры... Наша с Сережей жизнь совсем на голливудскую не похожа. Да и муж мой такой человек – он уж точно «не про деньги». Иначе красовался бы на всех рекламных постерах, и мы жили бы не в нашем совсем не элитном районе, в обычной квартире, а в каком-нибудь «золотом дворце» рядом с Красной площадью, с видом на Кремль. Сережа понимает, что деньги нужны, но они у него
на 127-м месте
(<http://7days.ru/article/privatelife/592552/6#ixzz25L2Ah0R8>).

Ясно, что в конструкции типа *Сергей уж точно не про деньги* не реализовано ни одно из значений предлога *про*, означенных в БАС_{1,2}. Здесь нельзя усмотреть делибератив, так как оним *Сергей* и его позиционные эквиваленты (*муж, он*) не относятся к числу предикатов речи/мысли (*разговаривать, петь, размышлять*) или их номинализаций типа *разговор, песня, размышление* и пр. Здесь нельзя усмотреть также бенефактивного значения, потому что оно реализуется в иной по актантному соотношению конструкции: Объект_{Nom} *про* Субъект-бенефактив_{Acc} (типа *Деньги не про Сергея*). В нашем же случае речь идет о прямо противоположной по своей формальной организации конструкции характеристики: предцизируемый Субъект_{Nom} – (*не*) *про* Объект_{Acc}. (*Сергей не про деньги*). Невозможно в конструкции типа *Он не про деньги* усмотреть реализацию также темпорально-целевого и каузального значений.

Очевидно, в нашем примере реализуется не выделяемое в БАС_{1,2} собственно **объектно-определяющее** значение – характеристика предмета через соотносимый с ним объект (в узком смысле, т. е. «собственно объект»; классификацию объектных значений: собственно объект, делиберативный объект, инструмент, средство, посредник – см.: [Клобуков 1988: 53-56]). Высказывание *Он не про деньги* означает *Он не имеет отношения к (большим) деньгам*, т. е. *Он не имеет (больших) денег* или *Он не зарабатывает (больших) денег*. Назначение подобных конструкций – выражать семантику признака предмета через его отношение к другим предметам). О признаковой, определяющей природе этого значения косвенно свидетельствует и контекст: в предыдущей фразе говорится: *Муж мой такой человек*, далее же идет уточнение: **какой** же он (*не про деньги*).

Приведем ряд других примеров подобного рода.

(2) – *Валерия, как ты думаешь, публика за последние годы поглупела? / – Почему это? / – Успех Стаса Михайлова я могу объяснить только этим. / – Успех [Стаса Михайлова](#) – это не про музыку. / – А*

про что? // *Про неизбывную женскую тоску. Женщины, которые ходят на его концерты, догадываются, что на самом деле он не совсем такой, как в песнях. Чувствуют это, но рады обманываться* (<http://afisha.mail.ru/concert/articles/34304/> 19.4.2012). = Успех Стаса Михайлова не имеет отношения к музыке. Синтаксема не про музыку и здесь выражает объектно-определяющее значение.

(3) [Любовь Казарновская обсуждает, как российская эстрадная певица Ева Польна выступила в телешоу в роли Мадонны:] – *Тембровые характеристики тут значительно лучше, чем у Мадонны. Но... это не Мадонна... Мадонна – это про другое* (ТВ – 1 канал, «Один к одному», 10.3.2013). = Мадонна не имеет к этому отношения (определение предмета речи через объекты, стоящие в данном контексте за местоимением *другое*).

Такой же тип семантических отношений выражается и в следующем примере:

(4) [А. Лебедев, редактор отдела спорта газеты «Московский комсомолец»] *Я уже не говорю про то, что газовый монополист мог бы эти 100 миллионов (потраченных летом 2012 г. на покупку для футбольной команды «Зенит» двух иностранных «легионеров» – Е.К.) потратить по-другому. Например, провести газ 10 тысячам тех самых бабушек. Специалисты наши из отдела экономики подтвердят.*

Но это я уже деньги в чужом кармане считаю (хотя компания-то вроде – наша, народная, как эти деятели сами подчеркивают). А тут [= эта ситуация. – Е.К.] вообще-то про другое.

Про то, что хамство это финансовое, этот пир во время финансовой чумы, накрывшей Старый Свет в том числе и в футболе, «Зениту» в Европе не забудут. Уверен (МК. 5.9.2012). = Эта ситуация – иного свойства.

Кроме не отмеченного в БАС₂ объектно-определяющего значения предлога *про* можно говорить также и об обычно не учитываемом **обстоятельно-определяющем** значении (а конкретно, о **финитивно-определяющем** значении: определение предмета осуществляется с опорой на его целевое предназначение). Ср.:

(5) [Актриса и телеведущая Юлия Высоцкая говорит об открытом ею ресторане:] *А в Москве больше нигде есть. Там к еде пока еще не научились относиться правильно. В рестораны ходят для тусовки. Если место модное, то в нем уже можно вкусно не готовить, всё равно соберется толпа. А у нас ресторан **про еду**. Каждый продукт, который обозначен в меню, особенный. Каждый рецепт не похож на другие, которые используются в столице* (7 дней, 2012, № 34: 11). О каком ресторане идет речь? Ресторан «про еду» – **такой** ресторан, в который

идут, **чтобы** «правильно» **поесть** (в описании значения предложно-падежной конструкции выделены ключевые семы – доминирующая определительная и специфицирующая целевая).

В любом случае обсуждаемая конструкция не имеет ничего общего с теми, что обычно учитываются при классификации значения предлога *про*. Ср. также:

(6) [Алексей Зимин, совладелец кафе «Ragout»] *Ragout начиналось как проект про гастрономическую еду за человеческие деньги. Ragout 2.1 – уже настоящий гастрономический хав: кафе с тонкими вещами в меню, бар с грилем, аудитория для винных дегустаций...* (Афиша 20, 2012: 41).

Итак, в языке последних лет конструкция типа *X (не) про У* получила возможность выражать ранее не свойственные предлогу *про* объектно-определяющее и обстоятельственно-определяющее значения.

Любопытно, что аналогичное семантическое развитие получает в последние годы (хотя, по моим наблюдениям, значительно реже) и предлог *о*. Ср. фрагмент интервью, которое дал журналисту Илье Красильщику мэру Москвы С. Собянину:

(7) [Красильщик] *Почему у Москвы до сих пор нет бренда?*

[Собянин:] *Наверное, бренд должен быть. Но это не просто надпись «I love Moscow». Это информация о том, чем интересен город для бизнеса, для туристов, для жителей, для граждан России. Это вопрос формирования имиджа города в целом. А не отдельного названия. Конечно, какой-то логотип должен быть, но это далеко не самое главное. И далеко не самое сложное.*

[Красильщик:] *Разумеется, никакой логотип нельзя сделать, не понимая, о чем этот логотип. И это самый важный вопрос – Москва, она о чем? [= Москва – какая? – Е.К.]*

[Собянин:] *Она много про что...* [= Она разная. – Е.К.] *Это большой город* (Афиша 2012, № 16: 40).

Здесь все ясно с предлогом *про*: он выступает в своем новом, объектно-определяющем (отнюдь не делиберативном) значении. Определительная природа значения предлога *про* подтверждается развитием ответа С. Собянина на вопрос о том, «про что» город Москва: *Это большой город*.

Но интересно, что в том же контексте в том же самом, отнюдь не делиберативном, а определяющем значении употреблен и предлог *о*: *Москва, она о чем?*

В нашей картотеке есть и иные примеры с объектно-определяющим употреблением предлога *о*:

(8) Ну, спрашивается, кому и зачем надо было назначать митинг на 15 декабря? **О чем митинг-то?** В прошлом декабре людей погнала на улицы конкретная причина: фальсифицированные выборы. Эта причина, как и глубочайшее недовольство властью, никуда не делась, но повода-то нет (Новая газета 14.12.2012).

(9) [Д. Нагиев, ведущий телепроекта «Голос [России]», на финальном состязании певцов:] **Это проект о нежности, о радости, о любви.** Это проект «Голос» (ТВ – 1 канал, 29.12.2012).

Итак, когда мы говорим о развитии русского языка XXI века, мы должны иметь в виду не только такие очевидные процессы, как, например, пополнение русской лексической системы многочисленными заимствованиями. Есть все основания констатировать определенное развитие самого консервативного, весьма инертного сегмента языковой системы – грамматики (грамматика консервативна, так как это стержень языковой системы [Панов и др. 1968(б): 9]).

Каковы причины появления у предлога *про* (и у его синонима предлога *о*) новых значений – объектно-определяющего и финитивно-определяющего? Таких причин несколько. Одни являются внутриязыковыми, другие же есть все основания трактовать как внешние.

Появление конструкций типа *Он не про деньги, Ресторан про еду* – результат расширения в русском языке сферы употребления конструкций типа *песня/сказка/книга про В.п. / о Пр.п.* Эти конструкции с доминирующим конкретно-предметным именем или его местоименной заменой были раньше средством выражения исключительно делиберативно-определяющего значения. Но самим фактом своего существования они подготовили почву для наблюдаемого в наши дни расширения семантического потенциала делиберативных по своему основному значению предлогов. Действительно, если возможно определение предмета через делиберативный объект, то почему не может быть определения через собственно объект (т. е. объект не речемыслительного, а любого другого действия или отношения)?

Вопрос в другом: почему для выражения рассмотренных в этой статье объектно-определяющего и финитивно-определяющего значений были избраны конструкции с делиберативными по своей семантической доминанте предлогами *про* и *о*? Ответ простой: делиберативное значение не является у данных предлогов единственным. Наличие в семантических парадигмах указанных предлогов значений, не связанных непосредственной с идеей делибератива, а именно собственно объектного (*удариться о камень*) и финитивного (*запасать корм про зиму*)

и т. п. говорит о содержательной «толерантности» этих предлогов, которая и создала возможности для появления у них новых значений.

Рискну предположить существование и «внешних» причин у рассматриваемого в статье развития семантического потенциала делиберативных предлогов.

Вернемся к рассмотренным выше языковым примерам (2) – (9). Откуда они взяты? Из Интернета, из гляцевых журналов, с телеэкрана. Это речь «медийных» лиц, в основном представителей артистической и журналистской элиты, которая во многом является законодателем словесной «моды» (о словесной моде как заметном феномене современной жизни см. подробнее [Кронгауз 2012: 61 и далее]). В наше время модно хорошо знать иностранные языки (прежде всего, конечно, английский) и вкраплять иноязычные элементы в свою речь. Эти модные вкрапления касаются не только лексики (*бренд, тренд, ньюсмейкер, трендсеттер, джоггер* и пр.). Они, по моим наблюдениям, коснулись уже и грамматики.

Есть основания предположить, что в проанализированных мной примерах обыгрываются возможности калькирования конструкций с многозначным английским предлогом *about*, одним из значений которого является делиберативное: *to speak / to think / to read / to write / to worry about smb. / smth.* (говорить, думать, писать, читать, заботиться о ком/чём-л.) [Гальперин и др. 1979, т. I: 40].

Но этот предлог имеет и иное, в нашей терминологии – объектно-определяющее значение, если он употребляется за рамками сферы подчинения речемыслительным глаголам. Например, выражение *It's not about the money* может означать «это не имеет отношения к деньгам» – смысл абсолютно тот же, что вкладывает Ирина Безрукова, см. выше пример (1), в свои слова *Да и муж мой такой человек — он уж точно «не про деньги»*.

Итак, одним из стимулов для развития новых значений в семантической структуре русских делиберативных предлогов *про* и *о* может являться языковая мода, стремление украсить свою речь англицизмами, в данном случае – калькой конструкции *smth. is about smth.*

Зарождение моды на что-то – вещь очень прихотливая. Повод может быть ничтожным – им может стать, например, запомнившийся фрагмент какого-то прецедентного текста. Так, меня в рассказе об актере Сергее Безрукове (1) очень интригуют кавычки: *Да и муж мой такой человек — он уж точно «не про деньги»*. Зачем здесь кавычки? Это просто маркер необычности, «модности», знак введения непривычной конструкции *про* + *В.п.* в новом значении? Или это неатрибутированная цита-

та? Например, из композиции «Price Tag» (2011) британской исполнительницы Джесси Джей (Джессики Эллен Корниш)¹⁴. К слову сказать, все использованные в данной статье примеры необычного использования конструкций *pro + V.n* и *o + Пр.п.* датированы 2012-2013 гг., т. е. хронологически следуют за началом ротации названной песни, весьма популярной в англоязычном мире.

Подведем итоги. Представленный в статье материал неоспоримо свидетельствует о том, что в последние годы делиберативный сегмент русской предложно-падежной системы, который начиная с XIX века лишь утрачивал свои вторичные семантические функции, получил неожиданное развитие. Предлоги *pro* и *o* обрели новые вторичные значения: объектно-определяющее и финитивно-определяющее. Этот процесс был, разумеется, в определенной степени подготовлен особенностями функционирования самой русской предложно-падежной системы. В то же время не следует исключать также такие факторы, как грамматическая интерференция и языковая мода.

Л и т е р а т у р а

1. Всеволодова М.В. и др. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003, № 2.
2. Жолковский А.К. Интервью // Афиша, 2013, № 1.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
4. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа). М., 1986.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М., 2012.
6. Панов М.В. и др. Русский язык и советское общество / Социолого-лингвистическое исследование: Лексика современного русского литературного языка. М., 1968 (а).
7. Панов М.В. и др. Русский язык и советское общество / Социолого-лингвистическое исследование: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968 (б).
8. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Издание 3, испр. и доп. М., 2009.
9. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М., 2005.

С л о в а р и

1. БАС₁ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л. Т. 11–12, 1961; Т. 13, 1962.
2. БАС₂ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. СПб. Т. 5, 2006; Т. 13, 2009; Т. 14, 2010; Т. 20, 2012.
3. Гальперин И.Р. и др. Большой англо-русский словарь. Т. I. М., 1979.

¹⁴ Chorus: *It's not about the money, money, money / We don't need your money, money, money / We just wanna make the world dance, / Forget about the Price Tag* (Jessie J. "Price Tag").

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. III. М., 1982 (1882).
5. *Засорина Л.Н., ред.* Частотный словарь русского языка. М., 1977.
6. *Канюшкевич М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі: Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках. Ч. 2. Гродна, 2010.
7. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка на материалах национального корпуса русского языка. М., 2009.
8. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского язык: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотипное. М., 2004.

**ПОГОВОРИМ ПРО *ПРО* И *О*,
ИЛИ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РУССКИХ ДЕЛИБЕРАТИВНЫХ ПРЕДЛОГОВ В XXI ВЕКЕ**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одному из фрагментов новейшей истории русской предложной системы – расширению в XXI веке сферы употребления определительного значения у предлогов *про* и *о*.

**LET US TALK ABOUT *PRO* AND ON THE SUBJECT OF *O*:
DISCUSSING PECULIARITIES OF THE FUNCTION OF RUSSIAN PREPOSITIONS
IN THE XXI CENTURY
E.V. Klobukov**

Keywords: preposition, preposition semantics,
the history of prepositional system, semantic roles, attributive meaning

Abstract

The article deals with the most up-to-date aspect of Russian system of prepositions, that is the expansion of the use of prepositions *pro* and *o* in attributive meaning in the XXI century.

Посессивные конструкции «У X-а (есть) Y» как экспликатory актантных отношений

© доктор филологических наук И.М. Кобозева (Россия), 2013

Ключевые слова: посессивная конструкция, актантное отношение, предикатные имена, семантические классы, ограничения на образование конструкции

В Теории функционально-коммуникативного синтаксиса М.В. Всеволодовой (далее ТФКС) среди слов с реляционной семантикой (противопоставляемых словам денотативной семантики) выделяется класс реляторов – предикатов, называющих отношения между участниками ситуации. Как справедливо пишет автор, в предложениях с глаголами денотативной семантики (напр., *читать, командовать*) «глагол, называющий действие лица... определяет этим отношение S-а к объекту своего действия. Эти отношения – имманентная, неотторжимая часть значения любого объектного глагола» [Всеволодова 2000: 40]. Можно переформулировать это положение и так: предикаты денотативной семантики предопределяют как количество участников (семантических актантов, партиципантов) обозначаемой ими типовой ситуации, так и их семантические (денотативные по терминологии ТФКС) роли (агенса, экспериментера, пациенса, бенефактива, инструмента и т. д.¹). Семантические роли можно рассматривать как смысловые отношения, связывающие синтаксические актанты предикатного слова с самим этим словом. Такие отношения мы будем в дальнейшем называть актантными. Так, в предложении *Петр читает книгу* подлежащее *Петр* связано с предикатом *читает* актантным отношением агенса, а прямое дополнение *книгу* – актантным отношением пациенса. В отличие от обычных «денотативных» предикатов, как бы «подразумевающих» смысловые отношения со своими актантами и между ними, реляторы утверждают наличие этих отношений. Так, «денотативный» предикат *разрезать* «подразумекает», что его актант, выраженный группой NP_{acc} находится с его актантом, выраженным при помощи предложной группы *на* NP_{acc}, в отношении «целое – часть». А релятор *включать* (*в себя, в свой состав*) утверждает наличие этого отношения. Именно выражение *Петин галстук* «подразумекает», что галстук находится в отношении принадлежности к

¹ Конкретные наборы семантических ролей, используемых в разных семантико-синтаксических теориях, не совпадают, хотя и имеется существенная зона пересечения. Расхождения связаны, как правило, с различием задач, для решения которых разрабатывается теория.

Пете, а релятор *принадлежать* в *Галстук принадлежит Пете* утверждает наличие этого отношения (обратного к отношению обладания).

В отличие от реляторов, которые служат единственными носителями информации о соответствующем отношении в предложениях, где они выступают в функции главных предикатов, экспликативы всегда сопровождают в предложении другое слово с денотативной предикатной семантикой. Это предикатное слово, например, *открытие*, уже несет в себе представление о двух участниках обозначаемой им типовой ситуации, выступающих к предикату в актантных отношениях агенса и темы (Эврикатива в терминах ТФКС). В этом аспекте оно ничем не отличается от глагола *открывать*. Но в отличие от *открывать*, *открытие*, для того чтобы стать главным предикатом, нуждается в формальной глагольной поддержке – экспликаторе, который прояснит, в каких семантических ролях выступают подлежащее и дополнение в предложении с предикатным именем *открытие*, в семантике которого эти роли уже заложены. Так, в предложении *И.П. Павлову принадлежит открытие условного рефлекса* (синонимичном предложению *И.П. Павлов открыл условный рефлекс*) глагол *принадлежать* выступает уже не как релятор, а как экспликатор агентивного отношения денотата косвенного дополнения к ситуации открытия².

Интересно, что вводя понятие денотативной роли (ДР), М.В. Всеволодова блестяще продемонстрировала его значимость как раз при помощи глагола *принадлежать*, предъявив четыре построенных по одной и той же формальной модели предложения с этим глаголом, в которых он соотносится с совершенно разными типовыми ситуациями, обозначая различные отношения между участниками, которые, соответственно, имеют разные ДР. Лишь в одном из этих предложений (*Эта машина принадлежит моему соседу*) глагол изосемически выражает посессивное отношение между участниками с ДР Посессора и Посессива), а в других случаях неизосемически выражает иные отношения: бытийно-локативное – между Локативом и Экзистенсом (*Соседние озера принадлежат другим подвидам гусей*); акциональное – между Креативом и Агенсом (*Эта статья принадлежит молодому ученому*); характеристическое – между Признаком и Дескриптивом [Всеволодова 2000: 133 и далее].

В данной очерке мы рассмотрим две предикативных конструкции, относящихся к классу реляторов, изосемично выражающих отношение

² В Теории моделей «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука, А.К. Жолковского и др. понятие экспликатива соответствует более формализованное понятие лексико-функционального глагола при лексических функциях типа Oper, Func и Labor.

обладания: *У X-а есть Y* и *У X-а Y*³, называемые соответственно бытийной и связочной. Эти конструкции в Теории функциональной грамматики А. В. Бондарко относятся к ядру функционально-семантического поля (ФСП) посессивности в русском языке, поскольку служат главным предикативным средством кодирования отношения обладания [Бондарко 1996]. О семантических различиях между ними написано много (см., напр., [Чинчлей 1996]), поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе. Скажем только, что отношение обладания в конструкции *У X-а есть Y* утверждается и может попасть в коммуникативный фокус (*У X-а есть Y*), а в конструкции *У X-а Y* это отношение пресуппонируется (тот факт, что X чем-то обладает составляет предпосылку высказывания), а утверждается с ее помощью, что то, чем X обладает есть Y, и потому конструкция с нулевой связкой используется скорее для характеристики имущественного или какого-то иного статуса X-а, чем для установления факта наличия или отсутствия Y-а у X-а, ср. *Его не интересует путевка в дом отдыха, потому что у него есть дача* и *Он не нам чета: у него машина, дача*.

Помимо названных конструкций в русском языке для выражения отношения обладания используются и другие лексические и грамматические средства: приименной родительный падеж, притяжательные местоимения и прилагательные, глаголы обладания и принадлежности типа *иметь, принадлежать*, реляционные имена типа *хозяин, владелец, собственность* и др. Известно, что многие из этих языковых средств используются и для выражения целого ряда других семантических отношений, в частности отношения родства и иных социальных отношений, отношения «часть – целое», актантных отношений. Только что мы видели это на примере глагола *принадлежать*. Если взять приименной родительный падеж, то спектр выражаемых им отношений настолько пестр (см., напр., классификацию таких отношений в [Борщев, Кнорина 1990]), что если все эти отношения включать в ФСП посессивности, то эта функционально-грамматическая категория окажется аморфной и безграничной, потеряет внутреннюю связующую логику. В типологических исследованиях так и происходит (см. об этом [Плунгян 2011: 236–238]). Спектр семантических отношений, выражаемых посессивными предикатами и предикативными конструкциями, существенно уже. Это позволяет использовать соответствующие предикативные конструкции как лакмусовые бумажки, позволяющие выявить «следы посессивности» в одних сочетаниях с приименным родительным и обнаружить их полное отсутствие в других, формально тождественных, сочетаниях, в

³ Подчеркнем, что релятором выступает не предикат быть и не связка сами по себе, а именно целая конструкция, включающая в качестве обязательного элемента предлог *у* (ср. [Всеволодова 2000: 41]).

частности в сочетаниях типа *литр воды* или *стог сена*, которые не трансформируемы в **У молока (есть) литр* или **Сено имеет стог* (см. [Кобозева 2013]).

Посмотрим с этой точки зрения на актантные отношения. Все ли они выразимы при помощи данных конструкций? В работах, посвященных категории посессивности, обычно приводятся изолированные примеры типа *У нас сегодня вечером собрание* или *У меня сенокос*. М. В. Всеволодова затрагивает данные конструкции в контексте обсуждения различных моделей предложения (МПр). Говоря о предложениях, построенных по бытийной модели, она пишет, что по этой синтаксической модели в русском языке строятся «сообщения о личности человека, внешности, физическом и эмоциональном состоянии, отношении к другим людям и происходящих в его жизни событиях [Всеволодова 2000: 228]. Далее приводятся примеры предложений, построенных по бытийной модели, среди которых попадаются и интересующие нас посессивные конструкции, как бытийная (с *есть*), так и связочная (без *есть*), причем в одном из примеров связочная конструкция выступает как средство выражения актантных отношений между «посессором» X и ситуацией Y, напр., *У отца завтра концерт*. Из этого сообщения мы узнаем, что отец говорящего будет партиципантом ситуации концерт. Семантическая роль отца при этом остается недоопределенной: он может быть как выступающим (Протагонистом), так и зрителем (Экспериментером), хотя первое более вероятно.

Связочная посессивная конструкция всплывает и при обсуждении МПр со стальных предикатами: *У него грипп* [Там же: 246], где она выражает актантное отношение экспериментера к состоянию, в котором он пребывает.

Заметим, что во всех четырех приведенных примерах посессивного кодирования актантных отношений актант X был либо первым, либо вторым по важности участником ситуации.

Возникают вопросы: для всех ли типов ситуаций возможно оформление актантного отношения при помощи посессивной конструкции и всегда ли эта конструкция должна быть связочной? Очевидно, что ответ на первый вопрос должен быть отрицательным. Не для всякой ситуации участие в ней партиципанта в той или иной роли может быть выражено, концептуализовано при помощи хотя бы одной из двух наших конструкций. Так, смысл предложения *Я зажег лампу* не передается при помощи конструкции *У меня было зажигание лампы*, а тем более при помощи конструкции **У лампы было зажигание мной / мое зажигание*. Ответ на второй вопрос также отрицательный. При описании ряда психологических состояний (ментальных, волевых, эмоциональных) используется именно бытийная, а не связочная конструкция, ср. *У X-а*

есть мысль, что *P* / желание, чтобы *P* / надежда на *P*. Из этого закономерно вытекает вопрос: какие же типы ситуаций допускают концептуализацию актантных отношений при помощи бытийной и / или связочной посессивной конструкции?

Не найдя ответ на этот вопрос в литературе (хотя возможно, поиски были не достаточно настойчивыми), я решила провести собственное мини-исследование, используя Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Конечно, такое исследование не может дать ответ на вопрос об ограничениях на кодирование актантных отношений при помощи бытийной и связочной посессивных конструкций, но может, как минимум, дать информацию о классах ситуаций, которые допускают такое кодирование. Инструментарий корпуса позволяет извлечь предложения, соответствующие запросу: *y* + имя в род. пад. (на расстоянии до 2) + *быть* в изъяв. накл. (на расстоянии до 3) + имя с семантической пометой «непредметное». В выдаче, разумеется, оказались не только интересующие нас конструкции с посессивным выражением актантных отношений, потому что семантическая категория непредметных имен очень широка и включает в себя помимо нужных нам предикатных имен и абстрактные имена, обозначающие не ситуации, а различные нематериальные объекты, например, имена со значением ‘способ’ (*метод, прием* и т. п.), имена семантического класса «репрезентационный объект» (класс, выделяемый в Онтологической семантике [Nirenburg, Raskin 2004]) – *книга, фильм, мизансцена* и т. п., имена трансцендентальных объектов типа *душа, аура* и целый ряд других классов имен, не являющихся номинализациями ситуаций. Когда в позиции *Y* находятся такие имена, наши конструкции выражают отношение обладания между посессором *X* (одушевленным или неодушевленным) и некоторым объектом нематериальной или не только материальной природы.

Оторосив из полученной выборки подобные не относящиеся к делу предложения, мы получаем множество бытийных и связочных конструкций, в позиции *Y* у которых находится имя с ситуативной семантикой. Это может быть как имя, имеющее однокоренной глагол или предикатив (напр. *желание – желать, интерес – интересно* (кому что), *забота – заботиться*), так и имя, морфологически не соотносительное с глаголом (*концерт, матч, свадьба* и т. п.). Обозначая ситуацию, такие имена имеют семантические валентности на участников ситуации (партиципантов), независимо от того могут ли эти участники получить выражение в виде синтаксических актантов данного слова и какова будет форма этого выражения. Тем самым актантные отношения заложены в семантике таких имен. И посессивные конструкции (бытийная либо связочная) используются уже как экспликаторы этих отношений. Посмотрим, какие же семантические группы ситуативных имен

смотрим, какие же семантические группы ситуативных имен допускают посессивное кодирование актантных отношений.

1. Имена, обозначающие мероприятия: *концерт, матч, уборка, сенокос, танцы* и т. п.:

(1) а. *Мы как раз оказались в Питере, но на бал не попали – в тот вечер у Володи был концерт*⁴.

б. *В Токио у команды были товарищеские матчи с разными клубами.*

в. *У меня сейчас экскурсия, – не останавливаясь сказала она.*

г. *Мужики... молят: «отпустите вы нас только поскорее, потому что у нас покос, уборка хлеба».*

Какими свойствами обладают ситуации, относящиеся к разряду мероприятий? Во-первых, это контролируемые положения дел, в том самом смысле, в каком эта скрытая категория предикатов понимается в семантике (см. [Булыгина 1982: 68–83]), то есть это положения дел, которые не могут возникнуть сами по себе, помимо воли их главных участников. Это исключает из класса мероприятий ситуации типа *прошнуться* или *сломать ногу*. Во-вторых, это ситуации, длящиеся в течение некоторого периода времени, не сводимые к точке на временной оси. Это исключает из данного класса все моментальные ситуации (*забить гол, размахнуться, взять ноту*) в том числе одиночные коммуникативные действия (*попросить, поздравить, осудить, расписаться в книге* и т. п.). По той же причине все имена мероприятий хорошо сочетаются с фазовыми глаголами: *Концерт начинается; Матч продолжался ровно почти три часа; Обсуждение диссертации закончилось поздно*. В-третьих, это ситуации, представляющие собой сложные последовательности более элементарных действий. В этом отношении имена мероприятий соотносительны с классом «деятельностей» в фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна – глаголов, обозначающих «совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения» [Апресян 2009: 40]. В-четвертых, это ситуации, наступление которых планируется их участниками. Так, одна и та же деятельность – уборка квартиры, будет мероприятием только в случае, если она сознательно намечена, не вызвана случайно возникшей необходимостью, например, тем, что дети в отсутствие родителей позвали гостей и в доме все перевернуто вверх дном. И только намеченная уборка (уборка-мероприятие) имеется в виду, если ситуация выражается посессивной конструкцией *У нас (была / будет) уборка*.

⁴ Здесь и далее за редкими исключениями даются примеры из НКРЯ, которые иногда приводятся в сокращенном за счет несущественных деталей варианте.

Последнее положение подтверждается интерпретацией многозначных предикатными имен в рамках посессивной конструкции. Рассмотрим имя *встреча*. В одном из своих значений оно соотносительно с неконтролируемым моментальным глаголом происшествия *встретить / встречать*: *По дороге домой он встретил своего школьного учителя, которого не видел больше десяти лет. Эта встреча (встреча_1) оказалась судьбоносной.* В другом значении оно соотносительно с контролируемым глаголом деятельности *встречаться*: *Завтра депутат встречается со своими избирателями. Встреча (встреча_2) пройдет в заводском клубе. Встреча_1* обозначает происшествие, *встреча_2* – мероприятие. Теперь посмотрим на предложение (2):

(2) *У Федей в парке встреча с каким-то приятелем.*

Никакой неоднозначности в (2) не ощущается. Оно понимается только как сообщающее о намеченном Федей заранее событии (мероприятии), в котором он будет участником (контрагентом, коагентом встречи). (2) не может быть сообщением о случайном событии (происшествии).

Выше мы уже говорили, что семантическая роль актанта X при посессивном кодировании актантных отношений часто остается недоопределенной. Так, в предложении (1в) «она» может быть как экскурсоводом (агентом), так и экскурсантом (пациентом и /или адресатом). Иногда уточнению денотативной роли способствует форма кодирования других актантов или сирконстантов предикатного имени. Так, в примере (3) из НКРЯ:

(3) *Завтра у меня экскурсия в доме-музее В.И. Ленина, «Боевое крещение»*

оформление сирконстанта как локатива склоняет чашу весов в пользу того, что «я» – агент, экскурсовод. Если бы вместо *в доме...* было *в дом...*, интерпретация роли «я» была бы скорее пациентивной, т. е. как экскурсанта. Это объясняется тем, что локатив концептуализирует музей как «местонахождение», каковым он является скорее для постоянно работающего в нем экскурсовода, а директив концептуализирует тот же музей как цель перемещения, каковой он является прежде всего для экскурсанта.

Из двух конструкций только одна способна выступать как выразитель отношения актанта к мероприятию — связочная конструкция. Это очевидно в примерах (1в, г), которые станут неграмматичными (в случае интересующей нас предикатной семантики имен), если вместо нулевой формы, обязательной для связки в настоящем времени, мы вставим экзистенциальное *есть*: *У меня сейчас есть экскурсия* не может значить ни то, что я сейчас веду экскурсию, ни то, что я сейчас являюсь экскур-

сантом; *У нас есть покос, уборка хлеба* не может значить, что нам предстоит косить и убирать хлеб. Если же мы встречаем слова *покос* или *экскурсия* в посессивной конструкции с *есть* (бытийной конструкции), как в (4):

- (4) а. *У нас есть обзорные экскурсии по Берлину, четыре дня.*
б. *У соседа есть покос на том берегу.*

то все всякого сомнения данные имена выступают в предметном, а не предикатном значении, а конструкция выступает не как экспликатив актанта отношения, а как релятор обладания: в (4а) турагентство («мы») обладает товаром-услугой типа «экскурсия по Берлину», в (4б) сосед является хозяином участка земли.

В случае если имя мероприятия имеет соотносительный глагол, посессивная конструкция имеет изофункциональную ей акциональную конструкцию, в которой соответствующее актанта отношение не эксплицируется, ср.:

- (5) *В лагере после завтрака у нас была уборка территории = В лагере после завтрака мы убирали территорию.*

Заметим, что если сказуемое посессивной конструкции относится к настоящему времени, то само участие X-а в мероприятии, которое обозначает Y может относиться как к настоящему, так и к будущему времени. Так, в (1в) даже наличие наречия *сейчас* без обращения к контексту не позволяет однозначно интерпретировать предложение, как произошедшее в ходе экскурсии. Оно может означать и то, что экскурсия намечена на ближайшее будущее. В (1г) только контекст позволяет понять, что мужики не заняты покосом и уборкой хлеба в момент речи, но займутся этим, как только представится возможность.

2. Имена, обозначающие физиологическое или психосоматическое состояние живого существа: *жажда, роды, озноб, жар, кровотечение, хорошее настроение* и т. п.

Эту группу посессивных конструкций иллюстрируют следующие примеры из НКРЯ:

- (6) а. *...у меня были роды на 34 неделе...*
б. *У Жени был шок, он подавился омаром.*
в. *Но потом открыли и джин, потому что у Кретицина была жажда и он все равно уже открыл тоник.*
г. *Ночью у него был жар и озноб.*

Прочие примеры в (6), представляющие большинство в данной выдате, реализуют другую семантическую структуру: актуальное пребывание X-а в состоянии Y в момент референции.

Такая структура кодируется только связочной конструкцией. Ср. неграмматичность примеров типа: **У меня есть роды*; **У него есть жажда / озноб / жар*. В подобных предложениях данная конструкция эксплицирует отношение экспериенцера к состоянию, в котором он находится.

Заметим, что у синонима *жара* – имени *температура*, в полемическом контексте при фокусе на верификативном компоненте смысла возможно появление экзистенциального *быть*:

(7) *У него есть* ↓ *температура*.

Это связано, по-видимому, с тем, что если *жар* в наивной картине мира предстает как самостоятельное патологическое состояние, своего рода болезнь, то *температура* мыслится, прежде всего, как симптом болезни, равно как *пульс* можно рассматривать как симптом состояния 'жив'. Не удивительно, что наличие температуры, как и пульса, одинаково может кодироваться бытийной посессивной конструкцией (ср. *У него есть пульс*). Но если пульс – только симптом, то *температура* (как синоним *жара*) – это и ощущаемое субъектом аномальное состояние. Поэтому нормальная пульсация крови, нормальное дыхание и прочие состояния организма, которые можно назвать фоновыми, в обычной ситуации не выражаются связочной конструкцией (ср. **У него пульс / дыхание*). Здесь действует та же закономерность, что и в области меронимических отношений: для обязательных частей объекта в нормативном количестве посессивное предикатное кодирование неграмматично (ср. **У Маши глаза*). Только при выражении характеристик нормативных состояний или частей конструкция становится нормой: *У него ровный / прерывистый пульс; У Маши карие / красивые глаза*).

Все физические и психосоматические состояния, встретившиеся в нашей выдаче, – это не фоновые состояния живого организма: ощущения острой физиологической потребности (жажда и т. п.) или боли (колики и т. п.); физиологически нормальные, но относительно редкие состояния (месячные, роды и т. п.); патологические состояния (болезни и т. п.), отклонения от «усредненного» психосоматического состояния в положительную или отрицательную сторону: (*плохое самочувствие, хорошее настроение*). Поскольку нахождение в том или ином физиологическом или психосоматическом состоянии входит в пресуппозицию сообщений о состоянии живого организма, а утверждаются в них только специфические характеристики состояния, то естественно, что используется именно связочная, а не бытийная посессивная конструкция.

Ограничения на заполнение позиции Y в данной конструкции для имен рассматриваемого семантического класса носят не семантический,

а лексический характер, ср. *У Крестина была жажда* и **У Крестина был голод*.

В случае если имя состояния имеет соотносительный глагол или предикатив, посессивная конструкция имеет изофункциональную ей статальную конструкцию, в которой соответствующее актантное отношение не эксплицируется, ср.:

(8) а. *У него был озноб.* = б. *Его знобило;*

(9) а. *У нее роды.* = б. *Она рождает.*

Следует заметить, что имя *роды* и глагол *рождать* (в отличие от *озноб* и *знобить*) обозначает ситуацию, которая обладает как свойствами состояния, так и отдельными свойствами деятельности (это ситуация, длящаяся определенный период времени, в течение которого с экспериенцером происходят изменения, скорость которых он может отчасти контролировать, ср. *Она родила очень быстро*) и даже мероприятия: наступление этой ситуации планируется субъектом в том смысле, что срок его наступления ему приблизительно известен; в ситуации обычно сознательно участвует не только экспериенцер, но и «помощник», *принимающий роды*. Поэтому вне контекста предложение (9а) неоднозначно. В отличие от (9б) оно может быть проинтерпретировано как обозначающее не состояние экспериенцера, а актуальное или предстоящее участие другого участника (в первую очередь «помощника») в данной ситуации.

Многие именные выражения, обозначающие патологическое состояние организма, содержат отсылку к части тела или органу экспериенцера, непосредственно затронутыми этим состоянием:

(10) а. *У нее было истощение нервной системы.*

б. *У меня часто были головокружения.*

Близкими, но не тождественными моделям, подобным (10), которые можно назвать моделями с «внешним посессором», являются МПР с «внутренним посессором». При этом именование состояния должно быть заменено предикатным, ср.: (10а') *Ее нервная система была истощена* и (10б') *Моя голова часто кружилась*. Заметим, что если (10а) и (10б) скорее описывают состояние со слов или с ориентацией на специалиста-медика, то (10а') и (10б') скорее дают обыденное субъективное описание психосоматического состояния. Такое «профессиональное» прочтение (10а), вероятно, связано с восприятием отглагольных номинализаций как приметы научного стиля. Конструкции с внутренним посессором часто считаются базовыми, а конструкции с внешним посессором — производными от них. Но при этом часто последние более естественны, чем первые. Ср. довольно искусственное (10б') с более естественным (10б) и еще более

(10б') с более естественным (10б) и еще более естественным *У меня часто кружилась голова.*

3. Имена, обозначающие интенциональные состояния субъекта:
мысль, убеждение, сомнение, желание, надежда, опасение и т. п.

- (11) а. *У биологов есть своё **мнение** по поводу данной фразы: кропинный – это крапивный.*
б. *У Ирины было **чувство**, что она голая стоит посреди учительской.*
в. *У русских есть национальное **самосознание, сознание** культурной и национальной общности, национальная **воля** – воля выжить, воля развиваться.*
г. *И всё же у Печорина была **надежда**.*

В отличие от физических состояний, нахождение экспериенцера в интенциональном состоянии сознания (ментальном, волевом, эмоциональном) оформляется бытийной посессивной конструкцией (с *есть* в настоящем времени). Это вполне соответствует указанному выше семантическому отличию этой посессивной конструкции от связочной. Нахождение в том или ином физическом состоянии всегда пресуппонируется, а утверждается, какое именно это состояние. В случае интенционального состояния или отношения сам факт его наличия утверждается, часто одновременно с утверждением о его пропозициональном содержании.

Ограничения на использование конструкции *У X-а есть Y* для выражения интенциональных состояний типа Y существуют, как показывают примеры в (12):

- (12) а. [?]*У него есть **знание**, что эта вещь стоит очень дорого.*
б. ^{*}*У меня есть **радость** / **благодарность**, что меня вовремя предупредили.*

но, по-видимому, носят не семантический, а лексический характер. Можно было бы подумать, что аномальность примеров в (12) как-то связана с фактивностью конструкции, которая в свою очередь коррелирует, но не предопределяется, фактивностью предиката, от которого образовано имя состояния. Действительно, все конструкции в (11) нефактивны: они не пресуппонируют истинность ситуации, которая выражена предикацией, зависимой от имени состояния. Имя *сознание* в (11в) соотносительно с фактивным предикатом *сознавать (что P)*, но в контексте абстрактного имени *национальная общность* оно не создает фактивной конструкции: если бы это было не так, то из предложения *У русских нет сознания национальной общности* следовало бы что национальная общность у русских есть, но только они этого не сознают. На самом же деле в данном случае отсутствие сознания общности тождественно отсутствию самой общности. Но гипотеза о фактивности как

причине аномальности (12) не подтверждается. Как показывают примеры в (13), посессивная конструкция с именем интенционального состояния в позиции Y может быть и фактивной:

- (13) а. *У руководства есть четкое понимание, что электорат изменился.*
б. *У Майи есть какой-то комплекс по поводу того, что в России Щедрина слишком часто называли мужем Плисецкой.*

Как кажется, справедливо одно семантическое ограничение: с именами, соотносительными с фактивными предикатами эмоционального состояния (*сожаление, разочарование, радость, удивление* и т. д.), конструкция *У X-а есть Y* не употребляется. При этом данные имена выступают в составе описательных предикатов с экспликаторами *чувствовать* и / или *испытывать*. Так что узус в данном случае отдал предпочтение семантической избыточности (сема 'чувствовать' в таких ОП дублируется). Для прочих подклассов имен интенциональных состояний приходится признать лексический характер ограничений.

Как и для других классов ситуативных имен в позиции Y посессивная конструкция практически всегда имеет изофункциональную акциональную конструкцию:

- (14) а. *У нее есть комплекс по этому поводу. = Она комплексует по этому поводу.*
б. *У них есть желание пообщаться с нами. = Они хотят пообщаться с нами.*
в. *У него есть подозрение, что соседи что-то замышляют. = Он подозревает, что...*

4. Замечание об именах, обозначающих физическое состояние неодушевленных объектов и веществ.

В нашей выборке встретился лишь один пример интересующего нас посессивного оформления физического состояния объекта, не относящегося к категории живого:

- (15) *Если обычная жидкость может просто течь или замерзнуть, то у транспортного потока есть третье, «полузастывшее», состояние.*

Здесь X – движущиеся транспортные средства, метафорически концептуализированные как движущаяся жидкость (*транспортный поток*). При этом речь в (15) идет не о локализованном во времени состоянии X-а, а об одном из трех присущих X-у как объекту данного вида физических состояний (покоя, нормального движения и ненормально медленного, прерывистого движения, которое в ходе развертывания метафоры представлено по аналогии с жидкостью как «*полузамороженное*»). Здесь состояние объекта мыслится как один из его параметров, а пребывание объекта в одном из трех возможных для него состояний

как его имманентное свойство. Как мы увидим ниже, наличие у объекта параметра выражается бытийной посессивной конструкцией: *У X-а есть Y*. Таким образом, здесь эта конструкция эксплицирует отношение характеристики между носителем свойства и свойством.

5. Имена атрибутов, или параметров, характеризующих объекты и явления (свойство, преимущество, амплуа, срок годности, история, логика развития и т. д.).

- (16) а. *У всех тайфунов есть общая черта: в Северном полушарии они закручены против часовой стрелки, а в Южном – наоборот, по часовой.*
б. *У этого фильма есть недостатки: слишком много уделено внимания той чуши, что Раиса Захаровна несла Василию.*
в. *У кругов есть объем?*
г. *В древности у русских была традиция в отдельных семьях давать имена детям по названиям деревьев, кустарников, трав.*

Примеров с именами данного класса в позиции обладаемого в нашей выборке большинство, и по составу данное множество имен самое многочисленное, что не удивительно, поскольку разнообразие видов объектов и явлений обеспечивает соответствующее разнообразие параметров. В данном случае конструкция *У X-а есть Y* служит экспликатором актантного отношения X-а к его атрибуту. Имена атрибутов с семантической точки зрения суть двухвалентные предикаты: первый их актант – носитель параметра, а второй – значение параметра. Так, в примере (16а) представлено родовое параметрическое имя с самой широкой областью определения – *черта* (черты, свойства, характеристики и т. п. есть у любых сущностей и явлений), первый актант выражен именем явления *тайфун*, второй – аппозитивным предложением, раскрывающим содержание *черты*; в (16б) первый актант оценочного параметра *недостатки*, имеющего очень широкую область определения, заполнена именем объекта *фильм*, а вторая – аппозитивным предложением, раскрывающим, в чем состоят недостатки; в (16г) первая валентность имени *традиция*, обозначающего параметр, присущий только социальным группам, заполнена именем *русские*, а вторая – инфинитивным оборотом, содержащим описание данной традиции. В (16в) параметр выражен именем *объем*, его первый актант – именем объекта – *круг*, а второй семантический актант не выражен, так как наличие у объектов данного вида такого параметра под вопросом. Заметим, что обычной для простых типовых атрибутов типа *вес, размер, объем, цвет, цена* и т. п., в общем случае не требующих развернутой дескрипции значений, является связочная, а не бытийная конструкция, ср.:

- (17) *У таких контейнеров (* есть) объем три метра в кубе.*

Это объясняется тем, что наличие у физического объекта подобных параметров составляет пресуппозицию, а к утверждению относится только значение параметра. И только когда обсуждается само наличие у объектов определенного вида такого параметра и оно, соответственно, находится в ассертивной части смысла предложения, употребляется бытийная конструкция.

Каких-либо ограничений на заполнение позиций *X* или *Y* в соответствующих конструкциях, мы пока не обнаружили. Для связочной конструкции, естественно, должно соблюдаться требование вхождения параметра *Y* в число параметров, присущих объекту *X*.

Изофункциональные глагольные конструкции есть только у тех «параметрических» посессивных конструкций, в которых имя параметра *Y* соотносительно с параметрическим глаголом (вес – весить, емкость – вмещать, цена – стоить и т. п.), ср.:

(18) а. *У этой глыбы вес три тонны.* – б. *Эта глыба весит три тонны.*

Для типовых параметров (вес, цвет, температура и т. п.) более употребительной, чем связочная посессивная, является изофункциональная ей идентифицирующая конструкция с внутренним посессором, напр., *Вес этой глыбы три тонны.*

Итак, наше мини-исследование показало, что в зоне актантных отношений в русском языке бытийные посессивные конструкции могут быть использованы прежде всего как экспликатеры отношения носителя к параметру и экспериенцера к его интенциональному состоянию (ментальному, волевому или эмоциональному), а связочные посессивные конструкции — как экспликатеры отношения партиципанта к мероприятию и экспериенцера к его физиологическому или психосоматическому состоянию.

Естественно, что эти наиболее частотные случаи не исчерпывают всех возможностей использования рассматриваемых посессивных конструкций «на службе» у актантных отношений. Но о других возможностях – как-нибудь в другой раз.

Л и т е р а т у р а

1. *Бондарко А.В.* Посессивность (Вступительные замечания) // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
2. *Борщев В.Б., Кнорина Л.В.* Типы реалий и их языковое восприятие // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
3. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

5. *Кобозева И.М.* О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. генитив // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013.
6. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
7. *Чинчлей К.Г.* Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
8. *Nirenburg S., Raskin V.* Ontological Semantics. Cambridge (MA), 2004.

ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ «У X-А (ЕСТЬ) Y» КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ АКТАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

В работе анализируются предикативные посессивные конструкции *У X-а есть Y* и *У X-а Y*, в тех их употреблениях, в которых они кодируют актантные отношения типа 'X – участник Y-а (в той или иной семантической роли)'. Показано, что не любые актантные отношения могут быть выражены при помощи хотя бы одной из этих конструкций и что конструкции различаются по составу выражаемых ими отношений в зависимости от семантики имени в позиции Y. Для конструкции *У X-а есть Y* наиболее часто встречающимися в НКРЯ актантными отношениями являются 'X – экспериенцер интенционального состояния Y'; 'X – носитель параметра Y', а для *У X-а есть Y* – 'X – участник мероприятия Y' и 'X – экспериенцер физиологического или психосоматического состояния Y'. Для каждого из этих четырех семантических типов конструкций отмечаются ограничения на заполнение позиций X и Y, носящие в основном лексический характер и приводятся эквивалентные им непосессивные предикативные конструкции.

POSSESSIVE CONSTRUCTIONS «U X-A (JEST') Y» AS A MEANS OF EXPRESSION OF ACTANCY RELATIONS

I.M. Kobozeva

Keywords: possessive construction, actancy relations, predicative nouns, semantic classes, constraints on construction formation

Abstract

In the paper predicative possessive constructions of Russian *U X-a jest' Y* and *U X-a Y* in their use as a means of expressing actancy relations such as 'X is a participant of Y (in some semantic role)'. It is demonstrated, that not all actancy relations may be expressed with the help of at least one of the two constructions and that the construction differ in the number of expressible relations depending on the meaning of NPs in the possessor position

Y. For *U X-a jest' Y* two actancy relations are most frequently expressed in Russian National Corpus: 'X is an experiencer of intentional state Y' and 'X is a bearer of parameter Y'; for *U X-a Y* the two most frequent relations are 'X is a participant of an activity Y' и 'X is an experiencer of physiological or psychosomatic state Y'. For each of the given four semantic types of possessive constructions constraints on X and Y are mentioned, most of them having lexical nature, and equivalent non-possessive predicative constructions are given.

Корреляция предложной и союзной единиц в выражении полипропозитивной семантической структуры

© доктор филологических наук М.И. Конюшкевич (Беларусь), 2013

Ключевые слова: предлог, союз, формант, синтаксема,
указательное местоимение, сложноподчиненное предложение,
русский язык, белорусский язык

Одним из диагностических параметров атрибуции предлога, предложенной профессором М.В. Всеволодовой является свойство предложной единицы коррелировать с союзной единицей [Всеволодова 2003]: *От слёз распухли глаза – Глаза распухли от того, что плакал.* Особенно прозрачна такая корреляция у производных предлогов: *при условии оплаты – при условии того, что будет произведена оплата; несмотря на дороговизну – несмотря на то, что всё дорого; во время занятий – во время, когда шли занятия.*

Как известно, предлог вместе с флексией образует синтаксему и является ее формантом, а субстантив или его субститут (наречие, инфинитив, сочетание слов) представляют лексический (номинативный) компонент синтаксемы [Всеволодова 2005; Конюшкевич 2006]. Коррелирующий с предлогом союз или его аналог также является формантом синтаксемы, но с иным ее номинативным компонентом – в виде предикативной единицы.

Правда, термин «синтаксема» понимается шире трактовки Г.А. Золотовой – не как триединство категориального значения слова, его словоформы и ее синтаксической функции, а как актантная позиция: и словоформа, и предикативная часть в рамках высказывания (простого или сложного) занимают одну и ту же актантную позицию. Иначе говоря, с точки зрения оформления одной и той же актантной позиции в предложении, предлог и союз изофункциональны. Различие между ними состоит в разных наборах других функций, сопряженных с морфологическими свойствами тех лексем, которые легли в основу предложной или союзной единиц, а также в объемах находящегося при них номинативного компонента – словоформы и предикативной единицы соответственно.

Важно подчеркнуть, что основное различие между номинативными компонентами одной и той же синтаксемы состоит не только в разном их объеме, но и в том, что один из них был лексической, т.е. собственно номинативной, единицей, а второй – предикативной, т.е. коммуника-

тивной, единицей. Попав в состав синтаксемы, обе единицы утратили те свои специфические свойства, что делало их самостоятельными каждая на своем уровне. Слово потеряло свою лексемную автономию и представлено в именной синтаксеме только одной словоформой, а не всей парадигмой, а предикативная единица утратила коммуникативность и представлена в предикативной синтаксеме придаточной частью сложного высказывания.

Утратить самостоятельность слову и предложению «помогли» форманты. В предложно-падежной синтаксеме таким формантом выступили предлог и флексия, а в сложном высказывании – сочетание *то, что* как «препозитивный аналитический показатель предикативной номинализации» [Черемисина и Колосова 1987: 31]. Причем важно, что «номинализатор *то, что* (где *что* – союз) остается за пределами предложения, подвергающегося номинализации. Коммуникативную функцию предложение выполняет без номинализатора, вхождение которого в предложение лишает последнее коммуникативной самостоятельности и превращает в блок, предназначенный для соединения с чем-то другим. В этом смысле номинализатор сопоставим с субстантивным суффиксом, а его склоняемый компонент *то* – с падежной формой существительного, которая ориентируется на доминирующее слово: *Я рад тому / раздосадован тем / жалею о том / помню о том, что собрание перенесли на среду*» [Черемисина и Колосова 1987: 31]; (выделено нами. – М.К.).

Отсюда вытекает, что блок *то, что* принадлежит именно придаточной части, поскольку он как номинализатор выступает формантом синтаксемы, номинативный компонент которой выражен предикативной (придаточной) частью. При преобразовании предикативной единицы в именную таким формантом именной синтаксемы остается только своеобразный «конфикс» (термин М.В. Всеволодовой) – флексия имени + предлог (если он есть). В примерах *Я рад перенесению / раздосадован перенесением / жалею / помню о перенесении собрания на среду* «конфикс» выделен в синтаксемах *перенесению, перенесением / о перенесении*.

Сопоставляя эти же процессы с аналогичными в алтайских языках, М.И. Черемисина и Т.А. Колосова отмечают: «Показатели падежей и их уточнители-предлоги крепятся у нас не на глагол-сказуемое, заканчивающее зависимую часть, как в алтайских, а на специальный местоименный компонент "то", предваряющий собою эту предикативную единицу» [Черемисина 1982: 5]. Таким образом, у *то* отмечено свойство быть формальной «флексией» придаточной части, «синтаксическим маркером» ее функции [Там же: 6].

Итак, если при преобразовании предложно-падежной синтаксемы *о собрании* в синтаксему *о том, что будет собрание* с номинализованной предикативной единицей в качестве номинативного компонента, то формантом преобразованной синтаксемы уже становится сочетание «предлог *о* + *то* как «флексия» предикативной единицы + союз *что*». Функции первых двух элементов – предлога и «флексию» *то* понятны. Понятно и то, что показатель связи *то, что* «организован сложнее обычных многокомпонентных союзов. Его компоненты, "то" и "что", четко разделены интонационно и пунктуационно, но линейно они связаны жестко: "то" всегда непосредственно предшествует союзу "что"» [Черемисина 1982: 12].

Но о роли *что* в форманте такой синтаксемы следует порассуждать. С одной стороны, в аспекте структуры сложноподчиненного предложения это действительно только союз. Но, с другой – в структуре форманта синтаксемы, занявшей ту же актантную позицию, *что* и морфологизированная синтаксема *о собрании, у что* появляется еще какая-то функция. Какая? М.И. Черемисина отметила особую функцию союза *что* в рассматриваемых конструкциях: «в сочетании с *то*, варьирующим по падежам, *что* выступает, скорее всего, как "прокладка", позволяющая предикативной единице вступить в грамматические отношения с *то*» [Там же: 15].

Подобные «прокладки» в языке видны всюду – интерфиксация в словообразовании, суффиксид *-й-* в основе формы настоящего времени глаголов во избежание зияния гласных на морфемном шве (*чита-й-ет*), обеспечение грамматической связи между словами в предложениях с описательными предикатами (сравн.: *Университет готовит специалистов – Университет осуществляет подготовку специалистов; Таня скромна – Таню отличает скромность*). В синтаксисе за подобными строевыми единицами закрепился термин «экспликатор». М.В. Всеволодова показала, что в функции экспликатора может выступить и знаменательное слово [Всеволодова 2000] (сравн.: *шел в университет, но вошел в здание университета*), и предлог (*сидеть ближе к сцене*) [Всеволодова 2010].

М.И. Черемисина, возможно, вскользь, но завершает статью ключевой для дальнейших исследований в области релятивной грамматики фразой: «Этому грамматическому явлению нелегко подобрать аналогию вне сферы полипредикативного синтаксиса. Но мне кажется, что его все-таки можно пояснить сопоставлением с переходами слов из одной части речи в другую, т.е. с процессами их приспособления к выполнению разных функциональных ролей» [Черемисина 1982: 17].

Думается, что союз *что* в таких номинализованных синтаксемах с предикативным элементом выступает именно в роли экспликатора,

обеспечивающего грамматическую связь «флексии» *то* (во всех возможных ее падежных формах) с номинативным компонентом, предикативным по форме, но не коммуникативным, а номинализированным по функции.

Переходя к корреляции форманта предложного типа и форманта союзного типа, напомним еще одно высказывание: «*То, что какая-то дама предложила мне купить фокстерьера...* – не сообщение, "экс-сообщение". Но это такая синтаксическая форма, с которой можно оперировать как с существительным. Её можно размещать в любых именных позициях, придавая ей различные падежные и падежно-предложные формы» [Черемисина 1982: 13] (выделено нами. – М.К.).

Именно такие «экс-сообщения» в виде номинализованной предикативной единицы мы будем рассматривать, преобразуя предложно-падежно-именную синтаксему в предложно-падежно-предикативную. Эта процедура в содержательном отношении является обратной процессу номинализации как «преобразования предикативных структур в именные» [Арутюнова 1980: 347].

Такая процедура необходима, чтобы увидеть, во-первых, возможности, механизмы и закономерности «технического решения языкового воплощения полипропозитивной семантической структуры» [Шмелева, 2010: 122] (выделено автором. – М.К.) и, во-вторых, выявить истинный инвентарь тех единиц, которые выступают в роли форманта предложно-падежно-предикативной синтаксемы.

И здесь мы сталкиваемся с проблемой терминологии. Те примеры формантов, которые мы приводили в начале статьи (*при условии, что; несмотря на то, что; во время, когда*), еще можно с некоторой натяжкой назвать союзами (трактовки об аналитических показателях связи с *т*-словами мы здесь опускаем), но ко многим другим не применим ни один из существующих в лингвистике терминов. Ни один из используемых в лингвистике терминов – «союз», «аналог союза», «союзный аналог», «союзное соединение», «союзное сцепление», «союзное сочетание», «коннектор», «скрепа», «показатель связи», будучи точным применительно к тому или иному частному синтаксическому явлению, не может покрыть всех функций в полипропозитивной синтаксической структуре. «Перед нами не термины, а пока еще "терминоиды"» [Черемисина, Колосова 1987: 124].

По отношению к предмету нашей статьи мы тоже испытываем затруднения в выборе термина, но по главной функции в синтаксеме будем называть аналитический показатель предложно-падежно-предикативной синтаксемы союзным формантом, в отличие от

предложного форманта коррелирующей предложно-падежно-именной синтаксемы.

Уже первые наблюдения над результатами преобразования подтверждают, что «синтаксические отношения, понимаемые как внутренняя, содержательная сторона конструкций, – это особые семантические абстракции. Они столь же разнообразны, как синтаксические формы, и в принципе каждой форме соответствует свой синтаксический смысл, как каждому слову – свое значение» [Черемисина, Колосова 1987: 76]. Подобно тому, как создан репертуар именных синтаксем в «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой [Золотова 1988], подобно тому, как при атрибуции предлогов в реестрах, составляемых участниками проекта «Славянские предлоги...», создается репертуар предложно-именных синтаксем во всем их семантико-функциональном многообразии [Всеволодова 2005; Загнітко 2007; Канюшкевіч 2008-2010], – необходима также инвентаризация и тех союзных формантов, которые коррелируют с предложными формантами в каждом из отдельных видов синтаксем.

Наш материал свидетельствует, что количество таких союзных формантов (типа «предлог + *то, что*») в языке на порядок больше, чем количество всех «терминоидов» союзного типа, когда-либо попадавших в поле исследовательского внимания синтаксистов. Более того, в качестве экспликатора в союзном форманте способны выступить не только союз *что*, но и другие союзы и союзные слова, а в качестве «флексии» предикативной единицы – не только семантически пустое *то*₂, как в примерах выше, но и другие местоимения (о разграничении всех значений и функций *то*₁, *то*₂, и *тот* см. в нашей статье [Конюшкевич 2010]).

Продемонстрируем это на материале белорусского языка на небольшом фрагменте – преобразовании синтаксем с предлогом *ад* в синтаксемы с коррелирующим союзным формантом.

Предлог *ад* в белорусском языке выступает формантом 29 синтаксем. В нашем реестре [Канюшкевіч 2008–2010] они подаются под номером как каждая отдельная содержательная функция предлога: АД-1, АД-2, АД-3 и т. д. При рассмотрении в данной статье некоторых синтаксем сохраняется тот же номер предлога, что и в реестре.

Разновидность синтаксемы определяется, с одной стороны, по правой валентности предлога, т.е. лексического значения существительного – номинативного компонента синтаксемы, с другой, – по левой валентности предлога, т.е. по лексическому значению слова, с которым устанавливается с помощью форманта синтаксическая связь номинативного компонента синтаксемы. В процессе преобразования требуется и сохранить ту же денотативную роль синтаксемы (определяется прежде всего по левому компоненту синтагмы), и учитывать значение номинализованной предикативной единицы, которое во многом зависит от лексиче-

ского значения и грамматических свойств имени, включенного в состав этой предикативной единицы.

Предлог *ад* формирует синтаксемы, выражающие денотативные роли протагониста, предикатные, сирконстантные (временные, пространственные), каузальные, характеризующие роли. Рассмотрим преобразование некоторых из них в союзно-предикативные.

1. Преобразование синтаксем типа «протагонист» при акциональных предикатах.

1.1. Синтаксемы с денотативной ролью агенса.

АД-1 *каго* Род. Модель: *X-у даставалася ад Y-а. Мне часта пападала ад бацькі / ад сястры / ад сяброў.* Модель преобразованной синтаксемы – *X-у даставалася ад таго, хто ёсць Y*. Союзные форманты – *ад таго, хто; ад той, што; ад тых, хто; ад тых, што.* Например: *Мне пападала ад таго, хто ёсць маім бацькам / ад той, што ёсць маёй сястрой / ад тых, хто лічыцца маімі сябрамі / ад тых, што лічацца маімі сябрамі / сяброўкамі.*

Как видим, в денотативной роли агенса предикативная синтаксема формируется союзными формантами, образование которых зависит от пола лица в роли агенса: сочетание местоименных субстантивов *той* и *хто* возможен только тогда, если агенс – одно лицо мужского пола. Если лицо женского пола / лица обоих полов, то синтаксему оформляет формант с *што* (даже если речь идет о нескольких лицах мужского пола, *хто* проявляется в значении единственного числа: *ад тых, хто лічыцца маімі сябрамі*).

Поскольку номинативный компонент предикативной синтаксемы имеет значение идентификации (*хто ёсць Y*), то далеко не все словоформы парадигмы относительных местоимений *хто* и *што* в данной синтаксеме будут представлены. Для *хто* это только формы им. и вин. падежей (*ад таго, хто быў / каго лічу бацькам / сябрам / сябрамі; ад тых, хто быў / каго лічу сваімі сябрамі*).

Применительно к лицу женского пола форма вин. п. *што* в данной синтаксеме невозможна: **ад той, што лічу сваёй сястрой*, равно как некорректно в вин. п. и местоимение *хто*: **ад той, каго лічу сваёй сястрой* (*каго* – только для муж. рода), и *ад той, якую лічыў сваёй сястрой* (*у* местоимения *які (ая/ія)* слишком ярка семантика характеристики и выделения объекта из класса однородных объектов, в результате исчезает значение идентификации).

Таким образом, традиционное представление о свободном склонении относительных местоимений *хто*, *што* нуждается в уточнении: полнота их падежной парадигмы напрямую зависит от того, в какой синтаксеме они выступают в качестве союзного форманта.

Ограничения наблюдаются и при преобразовании в союзно-предикативные предложно-местоименных синтаксем с личными местоимениями: *даставалася ад яго / ад яе / ад іх*). И здесь уместно отметить тонкую наблюдательность М.В. Всеволодовой, заметившей особенности сочетаемости служебных слов с анафорическими местоимениями и в силу этого включившей в атрибуцию предлога такой параметр, как возможность / невозможность сочетаемости предлога с анафорическим местоимением. Думается, что данный параметр «просится» и в атрибуцию союзных средств.

Поскольку личные местоимения, как правило, ретроспективны (анафора), а роль союзного форманта требует от них проспекции (катафоры), то данное противоречие налагает запрет на преобразование падежной синтаксемы в предикативную: **Мне даставалася ад яго, хто лічыцца маім бацькам*. Осознанное нарушение запрета вызывает, как правило, экспрессию; к примеру: *Чаму? Чаму мне больш за ўсё даставалася ад яго, хто быў маім бацькам, каму давяраў усе свае таямніцы, каго так высока цаніў!?*..

Но и тогда хороший вкус потребует а) особого интонирования фразы и, скорее всего, б) парцелляции и/или сегментации самого форманта, позволяющего и другие падежные формы местоимения *хто* для иных значений предикативной синтаксемы, в) градуального наращивания сложного высказывания другими придаточными частями; г) постпозитивного по отношению к личному местоимения *то*; к примеру, так: *Чаму? Чаму мне больш за ўсё даставалася ад яго? Таго, хто быў маім бацькам, каму давяраў усе свае таямніцы, каго так высока цаніў, кім ганарыўся!?*.. Аналогичный запрет касается и других личных местоимений.

Если преобразованию подвергается предложно-местоименная синтаксема с кванторным местоимением (*ад усіх, ад кожнага / ай, ад інашага / інашай / іных*), то эти местоимения включаются в состав не номинативного компонента синтаксемы, а ее форманта: *ад усіх, хто; ад усіх, што; ад усіх, хто; ад усіх, што; ад кожнага, хто; ад кожнай, што; ад інашага, хто; ад інашай, што; ад іных, хто; ад іных, што*. Кроме того, наблюдается существенный семантический сдвиг и в содержании номинализованного предикативного компонента: он утрачивает значение идентификации и приобретает семантику экзистенции. Например: *Даставалася яму ад кожнага / усіх, хто трапляўся ў жыцці*.

Синоним предлога *ад* в рассмотренном значении агенсной синтаксемы – предлог *з боку*: *Даставалася яму з боку брата / сястры / сяброў*. Механизм преобразования аналогичен тому, который наблюдается и у синтаксем с предлогом *ад*: *Даставалася яму з боку*

таго, хто лічыцца братам / з боку той, што лічыцца сястрой / з боку тых, хто лічыцца сябрамі / з боку тых, што лічыцца сябрамі.

1.2. Синтаксемы с денотативной ролью адресанта.

АД-3 *каго/чаго* Род. Модель: *X чуў ад У-а: Ад савецкага Інфармбюро. Прывітанне ад сяброў. Нідзе не бачылі зайцоў, І дзядзьку стрэліць не прыйшлося, Але пачулі ад Антося: – Забілі зайца, не забілі, Але ж, брат, гуку нарабілі* (Я. Колас). *Даведаліся ад людзей, Што пан Хадыка, дабрадзей, Сваю пасаду спродаць мае* (Я. Колас). Модель преобразованной синтаксемы: *X чуў ад таго, хто ёсць У*. Номинативный компонент предикативной синтаксемы в результате преобразования имеет значение идентификации. Союзные форманты те же, что и в агентивной синтаксеме: *ад таго, хто; ад тых, хто; ад той, што; ад тых, што; ад тых, хто.*

Поскольку роль адресанта может быть представлена и неодушевленным существительным, в лексическом значении которого присутствует сема 'лицо' (*даведацца ад рэдакцыі / прэс-службы*), то преобразование таких синтаксем в предикативные требует введения в формант более конкретного экспликатора-существительного – *крыніца* (рус. *источник*), которое, в свою очередь, в силу своего категориального значения требует и иного союзного слова: *Пачулі ад крыніцы, якая завецца рэдакцыяй / прэс-службай*. Некорректно: **Пачулі ад таго, што завецца рэдакцыяй*. Правда, следует заметить, что в белорусском языке и падежные синтаксемы с предлогом *ад* в сочетании с неодушевленным существительным в адресантной роли довольно редки; например, некорректно: *даведацца ад *радыё / *тэлебачання / *перадачы*.

1.3. Аналогичные механизмы наблюдаются и при преобразовании синтаксем с денотативной ролью репрезентатора. Номинативный компонент таких синтаксем имеет значение совокупности лиц-репрезентаторов (организации, коллектива, группы), делегирующих полномочия репрезентанту.

АД-4 *каго/чаго* Род. Модель: *X прысутнічае ад У-аў: Кандыдаты ад грамадскіх рухаў. Прадстаўнік ад прафсаюза. Гаварылі выбарныя ад сялян* (Я. Колас). *Ад Беларусі прыехала дэлегацыя з трох чалавек*.

Модель преобразованной синтаксемы: *X прысутнічае ад тых, хто такія У*. Номинализованная предикативная единица имеет значение квалификатива. Возможные союзные форманты *ад тых, хто; ад тых, што*: *Прысутнічаць ад тых, хто / ад тых, што аб'яднаны ў прафсаюз / тэрыторыяй Беларусі / прыналежнасцю да сялянства*. Значение совокупности лиц позволяет введение экспликаторов типа *калектыў, група, таварыства, асацыяцыя, раён, вобласць* и т. п.: *Прысутнічаць ад групы / калектыву тых, што аб'яднаны ідэяй захавання спадчыны*.

Наблюдения показывают, что приведенный в нашем реестре предлог *ад імя* в качестве синонима таковым предлогу *ад* не является: во многих контекстах эти предлоги не взаимозаменяемы. Синтаксема с предлогом *ад імя* предполагает репрезентатора-оратора (*гаварыць ад імя сялян / студэнтаў / рэктарата*, но не: **гаварыць ад імя прафсаюза / Беларусі / раёна*), в отличие от репрезентатора-представительства (*выбарныя ад сялян / раёна / Беларусі / партыі / аб'яднання*).

Думается, что и преобразование падежных синтаксем с данными предлогами в предикативные тоже будет иметь некоторые различия, хотя бы на том основании, что предложно-падежные синтаксемы с *ад*, в отличие от синтаксем с *ад імя*, могут иметь номинативный компонент в виде неодушевленного существительного, а следовательно, и в предикативной синтаксеме допускаются союзные форманты *ад таго, што; ад усяго, што* (*выбарныя ад таго, што / ад усяго, што складае прафсаюз / раён / Беларусь*), которые невозможны при преобразовании синтаксемы с *ад імя*: **гаварыць ад імя таго, што складае прафсаюз*.

Подобные механизмы преобразования наблюдаются и у других синтаксем типа «протагонист» при акциональных предикатах с денотативными ролями лица – донатора, номинатора, каузатора, стимула.

2. При реляционных предикатах допускают преобразование синтаксемы типа «протагонист» с ролями а) компарата доминирования, б) компарата различия.

2.1. АД-13 *каго/чаго* Род. Синтаксемы – компараты доминирования сочетаются с реляционными предикатами, выраженными компаративом, как правило, с отрицанием (при утвердительных компаративах чаще используются синтаксемы с предлогом *за*: *Брат старэйшы за сястру*). Модель: *X не лепшы / не горшы ад У-а: Але напэўна і мужчыны Павежнасць гэтае хвіліны Не менш ад хлопцаў адчувалі* (Я. Колас). *Брахун не горшы ад сабакі* (Я. Колас). Наиболее естественно преобразование в полупредикативный оборот с союзом *чым*: *Брахун не горшы, чым сабака*.

Допустима порой (обычно при образном уподоблении) и корреляция с предикативной частью, однако в таких случаях требуется иной состав союзного форманта: «*ад таго (той, тых)* + существительное + союзное слово *які* в соответствующей форме»: *Брахун не горшы ад той жывёлы, якая завецца сабакам*.

Модель *X не лепшы / не горшы ад таго, хто / што* и корреляция с союзными формантами *ад таго, хто; ад той, хто; ад той, што; ад тых, што* возможна только в тех случаях, когда релянты кореферентны и в главной части сложного высказывания высказывания компарат

(эталон сравнения) уже назван. Например: *На правым баку Нёмана лясы вышэйшыя ад тых, што растуць на левым*. Поскольку в таких высказываниях союзный формант содержит и часть номинативного компонента синтаксемы (*тыя, што* – это *лясы*), то в качестве экспликатора в союзном форманте возможно и союзное слово *які*: *На правым баку Нёмана лясы вышэйшыя ад тых, якія растуць на левым*.

2.2. АД-15 *каго/чаго* Род. Синтаксемы – компараты различия имеют два варианта модели: 1) *X інакшы ад У-а: У стэпах глеба інакшая ад лясной*; 2) *X адрозніваецца ад У-а: Сыраежку трэба адрозніваць ад бледнай паганкі*. Преобразование в союзную синтаксему зависит, во-первых, от частеречности левого “соседа” синтаксемы в высказывании: если это адъектив (*інышы, інакшы, іначай*), то синтаксема может иметь две модели преобразования: 1) *X інакшы, чым У: У стэпах глеба інакшая, чым лясная*; 2) *X адрозніваецца ад таго, хто / што называецца У-ам: Сыраежку трэба адрозніваць ад таго грыба, што называецца бледнай паганкай*. Во-вторых, для второй модели преобразования релянты должны быть кореферентны (не случайно в примере с грибами понадобилось включение в союзный формант существительного *грыб*). См. также: *Пакінем спадчыну мы дзеля патомкаў інакшую ад той, што ўзялі мы ад продкаў на абломках гісторыі сваёй* (Я. Купала).

М.В. Всеволодова, включая в программу атрибуции предлога такой параметр, как поведение предлога в составе фразеологизма, предвидела какие-то особенности предложных единиц в иных условиях. И ее прогноз подтверждается: синтаксемы с предлогом *ад* в составе фразеологизмов не поддаются преобразованию: (*Адрозніваецца*), *як неба ад зямлі. Ад сілы (мінімум) набярэцца пяць чалавек. Пісаць ад рукі*.

3. При характеристических предикатах синтаксемы с предлогом *аб* имеют следующие роли типа «протагонист»: а) генератива (*чалавек ад станка*), б) элиминатива (*лякарства ад сухотаў*), в) квалификатива (*чалавек ад навукі*), г) квалитатива (*хірург ад Бога*).

3.1. АД-2 *каго* Род. Модель: *X₁ нарадзіўся / паходзіць ад Х-а*. Генератив: *А каму, як не ёй ведаць, ад каго я нарадзілася?* (І. Шамякін). *Хоць Зося і не будзе вельмі ўжо пасажнай, Ды не з абы сяла яна, абы шляхцянка: Яна - з яснавельможных і ваявадзянка Ад маці Гарашчанкі!* (А. Міцкевіч. Пер. П. Бітэля).

При метонимизации возможно употребление с неодушевленным существительным: *Чалавек ад сахі ды касы. Калі ў сэрцы зіма і прасвету няма, і пакуль маім грудзям балесне, браце мой, не пытай – я ад плуга, ратай, не дзівіся, што сумныя песні* (М. Васілёк). Кроме генератива

может быть роль квалификатива: *Чалавек ад навукі*, т. е. *Чалавек вучоны* (но необязательно из семьи учёных). Сін. з сям'і; з роду.

Модель преобразованной синтаксемы: X_1 *нарадзіўся ад таго, хто быў X-ом*. Номинативный компонент предикативной синтаксемы в результате преобразования имеет значение квалификации. Возможные союзные форманты: *Нарадзіўся ад таго, хто быў селянінам / ад той, што была сялянкай / ад тых, што былі сялянамі*. В отличие от агентивных синтаксем генеративные не допускают союзного форманта *ад тых, хто*, поскольку жесткая когнитивная основа предполагает в таких случаях под *X-ом* двух разнополюх лиц, но не двух лиц мужского пола. Кроме того, союзный формант *тыя, хто* сопряжен, как правило, с формой ед. числа глагола (*тыя, хто быў*), что противоречит самой природе генератива, исключающего дискретность: в основе рода находится либо один из родителей, либо оба, но не каждый в отдельности.

Метонимические синтаксем с неодушевленным существительным при преобразовании требуют развернутой расшифровки метонимии: *чалавек ад сахі – чалавек ад тых, хто ўсё жыццё меў справу з сахарой / ад таго, што называецца сялянскай справай; чалавек ад навукі – чалавек ад таго, што называецца навукай*. В контексте: *Ад роднае зямлі, Ад гоману бароў, Ад казак вечароў, Ад песень дудароў, Ад светлых воблікаў закінутых дзяцей, Ад шолаху начэй, Ад тысячы ніцей, З якіх аснована і выткана жыццё І злучана быццё і небыццё, – Збіраўся скарб* (Я. Колас). Преобразование подобных синтаксем в предикативные возможно, но сопряжено со значительными потерями в экспрессии и в эстетике.

В силу яркой когнитивной основы генеративы с личным местоимением *ад яго / ад яе / ад іх* употребляются в текстообразующей функции после высказывания, в котором уже была употреблена генеративная синтаксема в другой форме. К примеру, перефразируем высказывание из А. Мицкевича: *Маці Зосі была яснавяльможнай шляхцянкай. Зося ад яе*. Преобразование возможно с формантом *той, што*: *Зося ад той, што была яснавяльможнай шляхцянкай*. Сохранение личного местоимения в предикативной синтаксеме потребует сегментации высказывания и вызовет экспрессию: *Зося ад яе – той, што была яснавяльможнай шляхцянкай*.

Генеративные синтаксем возможны не со всеми кванторными местоимениями (допустимо: *нарадзіцца ад іншага, ад іншай*), поскольку генеративная роль требует конкретной номинации основоположника рода, а не указания на него или, тем более, на нескольких. Роль такой номинации выполняет предикативная единица, а само кванторное местоимение входит в союзный формант; при этом высказывание

приобретает гипотетическую модальность: *Я мог бы нарадзіцца ад іншага, хто б сустрэў тады маю маці / ад іншай, што сустрэлася б тады з маім бацькам.*

Синонимами *ад* в генеративной функции выступают предлоги *з сям'і*; *з роду*. Генеративную синтаксему с квалификативным значением номинализованной предикативной единицы оформляют те же союзные форманты, что и с предлогом *ад*: *з сям'і таго, хто быў селянінам*; *з сям'і той, што была сялянкай*; *з сям'і тых, што былі сялянамі*. Предлог *з роду* употребляется только с формой множественного числа имени собственного (*з роду Радзівілаў / Валовічаў / Сапегу*), поэтому он коррелирует только с союзным формантом *з роду тых, што*: *Ён з роду тых, што маюць прозвішча Радзівілы / Валовічы / Сапегі.*

3.2. АД-14 чаго Род. Элиминатив. Модель: *X ад У-а: Лякарства / лячыць ад грыпу*. А далей – сівізна ляжа дымам, нас *ад старасці* будуць лячыць (П. Панчанка). *Мама шмат якія расліны ведае. Яна нават збірае іх. Тая, кажэ, ад горла, а тая ад жывата* (А. Чарнышэвіч). *Ад старасці ды ад смерці няма лекаў на свеце*. Даже если нежелательная реалья представлена живыми существами (клопы, тля, тараканы и др.), она в сознании носителя белорусского языка представлена как неживая субстанция. Ср.: – *Гэты сродак ад чаго?* – *Ад прусакоў / ад тлі / ад вусеняў / ад кратоў.*

Преобразованная модель имеет два варианта. Первый: *X ад таго, што называецца У-ам*. Союзный формант *ад таго, што*: *Няма лекаў на свеце ад таго, што называецца старасцю*. Применительно к живым существам такие конструкции не совсем корректны: *Гэты сродак ад таго, што называецца прусакамі / тлэй / вусенямі / кратамі*. Второй вариант более уместен: *X ад таго, каб не было У-а*. Союзный формант *ад таго, каб не* (отрицание *не* при предикате, наряду с номинативной функцией, выполняет и релятивную): *Гэтая расліна ад таго, каб не балела горла / не балеў живот*. *Гэты сродак ад таго, каб не было прусакоў / тлі / вусеняў / кратоў.*

Однако сложные предложения с формантом *ад таго каб не* – явление крайне редкое и в некоторой степени искусственное, поскольку в этом сочетании имеет место релятивная избыточность: сталкиваются два средства, выражающие одинаковую сему ‘удаление’, предлог *ад* и отрицание *не*. Более естественными выглядят высказывания с целевым предлогом *для*: *Гэты сродак для таго, каб не было тлі / вусеняў / кратоў.*

Процедура преобразования падежных синтаксем в предикативные свидетельствует о их семантической и стилистической дистрибуции: падежные, будучи неизосемическими, более емки семантически и более

естественны в речи, в то время как изосемические предикативные более искусственны, но однозначны.

4. Синтаксемы с предлогом *ад* при статальных предикатах выполняют каузативные денотативные роли: а) внешний предметный каузатив состояния лица (*нясе холадам ад окна*), б) внешний предметный каузатив состояния среды (*ярка ад сонца*), в) внутренний каузатив состояния лица (*душыцца ад смеху*), г) внешний событийный каузатив состояния лица и среды (*прачнулiся ад грукату*).

4.1. АД-9 чаго Род. Внешний предметный каузатив состояния лица. Модель: *X-у цёпла / холадна / добра / ад Y-а: Ад напаленай пeчы ногi хутка сагрэліся. Ад сонца Дaніку не цёпла – цёпла ад бацькавага салдацкага башлыка, ад вялікага, з чужых плячэй, паўкажушка* (Я. Брыль). Преобразование в предикативную синтаксему требует введения в ее номинативный компонент слова, объясняющего внешнюю причину состояния лица. Модель: *X-у цёпла / холадна / добра / ад таго, што Y такі* с союзным формантом *ад таго, што: Ногi хутка сагрэліся ад таго, што печ напаленая. Дaніку цёпла ад таго, што бацькаў башлык быў цёплы.*

4.2. АД-26 чаго Род. Внешний предметный каузатив внешнего состояния среды. Модель: *X такой от Y-а: Зямля чырвоная ад ягад. На лугу бела ад хустак, гамоняць бабы* (І. Пташнікаў). *Ад бляшанай страхі ў вочы калола сляпучая яснасць* (В. Адамчык). *Радзіўся новы рупны дзень, ад рос, ад сонца яркі* (П. Панчанка). *Было ўсё чорна тут ад сажы* (Я. Колас). Преобразование в предикативную синтаксему требует введения количественного показателя, оправдывающего интенсивное влияние одного предмета на внешнее состояние другого. Преобразованная модель: *X такі ад таго, што многа Y-ов* с союзным формантом в двух графических вариантах: *ад таго, што; адтаго, што: Зямля чырвоная ад таго, што многа ягад.*

4.3. АД-27 чаго Род. Внутренний каузатив состояния лица. Модель: *X-у кепска / добра ад X-а: Заходзіцца ад плачу. Дарэктар бедны ўвесь жахнуўся, Ад страху нават аж прыгнуўся* (Я. Колас). *Ад думаў галоўка баліць. Гатоў сам сябе ўкусіць ад злосці.* Преобразованная модель: *X-у кепска / добра ад таго, што X (не) такі / (не) так робіць.* Союзные форманты *ад таго / адтаго, што; ад таго, як: Не ўпершыню Герасім Пятровіч страшэнна злаваўся ад таго, што ён, каго слухаюцца дарослыя сур'ёзныя людзі, хто сваёй логікай можа пераканаць любога, не можа справіцца з адной дзяўчынкай* (І. Шамякін). *Многае залежыць і ад даследчыка. Ад яго індывідуальных якасцей, ад таго, як ён*

«прачытае» твор, наколькі глыбока і адэкватна ўспрыме яго ўнутраную структуру (М.Я. Цікоцкі).

4.4. АД-28 чаго Род. Внешний событийный каузатив состояния лица и среды. Модель: *X-у кепска / добра ад дзеянняў У-а: Ад гэтых слоў лягчэй на сэрцы* (Я. Колас). *Прачнуўся лес ад бразгатання, Ад таго шуму палявання* (Я. Колас). *Ад вашай скакухі забалелі ўсім брухі.* Преобразованная модель: *X-у кепска / добра ад таго, што робіць У.* Союзные форманты: *ад таго, што; адтаго што; ад таго як.* Например: *Прачнуўся лес ад таго, што шумела і бразгатала паляванні. Лягчэй на сэрцы ад таго, што казалі добрыя словы / ад таго, як казалі / паглядзелі / зрабілі...*

Принципиальное различие между предикативными синтаксемами в пп. 4.3. и 4.4. состоит в том, что а) в них различные по значению номинативные компоненты, б) модель в п. 4.4. допускает разнообразие союзных формантов: фразу *На сэрцы лягчэй ад слоў* можно трактовать, как *На сэрцы лягчэй ад таго, што казалі / ад таго, дзе казалі / ад таго, калі казалі / ад таго, чаму казалі / ад таго, каму казалі / ад таго, хто сказаў* и т.д.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть подробно преобразование всех синтаксем с предлогом *ад* в предикативные с союзным формантом, но и рассмотренных достаточно, чтобы прийти к некоторым выводам, касающимся не только белорусского языка.

1. Подобно тому, как именная синтаксема имеет предложно-падежный формант (в виде предлога и/или флексии), так и коррелирующая с ней предикативная синтаксема имеет союзный формант, который образуется от предлога + союзного блока типа «то, что».

2. Каждый из элементов союзного форманта синтаксемы выполняет в ней свою функцию: предлог указывает на падеж и актантную позицию синтаксемы, указательное местоимение *то* (бел. *той₁ / тое₂*) является «флексией» номинализованной предикативной единицы (номинативного компонента) синтаксемы, а союз или союзное слово – экспликатором синтаксической связи номинативного компонента синтаксемы не только с «флексией», но и с другими синтаксемами в высказывании. Причем экспликатор в форманте выполняет роль не столько скрепы, сколько манифестанта лексического содержания номинативного компонента синтаксемы.

3. Именно ролью манифестанта лексического содержания номинативного компонента синтаксемы и обуславливается, во-первых, множество и разнообразие экспликаторов-союзов и, во-вторых, то, что в отношении к, казалось бы, одинаковым в звуко-графическом отношении союзным средствам система предъявляет разные грамматические, семантические и стилистические требования.

Л и т е р а т у р а

1. *Арутюнова Н.Д.* Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, № 4.
2. *Всеволодова М.В.* и др. К основаниям функциональной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2.
3. *Всеволодова М.В.* Вопросы грамматического описания категории предлога // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 5. Гродно, 2005.
4. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 11.
5. *Всеволодова М.В. и др.* Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Функциональная грамматика реального употребления». М., 2005 (в печати).
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
7. *Занітко А.П. и др.* Словник українських прийменників. Сучасна українська мова. Донецьк, 2007.
8. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. М., 1988.
9. *Канюшкевич М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна, 2008 – 2010; Ч. 1. Дыяпазон А – Л. 2008; Ч. 2. Дыяпазон М – П. 2010; Ч. 3. Дыяпазон Р – Я. 2010.
10. *Канюшкевич М.И.* Предлог как синтаксеообразующий формант и структура синтаксем // Лингвистични студии: зб. наук. праць. Вып. 14. Донецьк, 2006.
11. *Канюшкевич М.И.* Семантический диапазон и синтаксические функции слова “то” в сложноподчиненном предложении // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике. Тюмень, 2010.
12. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
13. *Черемисина М.И.* Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением «ТО» // Функциональный анализ синтаксических структур: сб. науч. тр. Иркутск, 1982.
14. *Шмелева Т.В.* Техника сложного предложения // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: колл. моногр. Тюмень, 2010.

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ И СОЮЗНОЙ ЕДИНИЦ В ВЫРАЖЕНИИ ПОЛИПРОПОЗИТИВНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация

Путем преобразования предложно-падежно-именной синтаксем в предложно-падежно-предикативную доказывается корреляция предложного и союзного формантов данных синтаксем. Союзный формант представляет собой “предлог + блок *то, что*”, где *то* является “флексией” предикативной единицы, а *что* выполняет функцию экспликатора, не только обеспечивающего связь предикативной единицы с *то*, но и манифестирующего лексическое содержание номинативного компонента предикативной синтаксем. На материале

белорусского языка методом преобразования падежных синтаксем с предлогом *ад* в предикативные доказывається, что именно ролью манифестанта лексического содержания номинативного компонента синтаксемы обусловлены разнообразие и условия функционирования союзных средств в структуре сложноподчиненного предложения.

**THE CORRELATION OF PREPOSITION AND CONJUNCTION
IN THE POLYPROPOSITIONAL SEMANTICAL STRUCTURE
M.I. Konyushkevich**

Keywords: preposition, conjunction, formant, syntaxeme,
demonstrative pronoun, complex sentence,
the Russian language, the Belarusian language

Abstract

The conversion of a case-prepositional-nominal syntaxeme into a case-prepositional-predicative one proved the correlation of prepositional and conjunctive formants of the given syntaxemes. The conjunctive formant consists of «a preposition + the unit *мо, что*», in which *мо* is “an inflection” of a predicative syntaxeme and *что* functions as an explicator not only providing the interconnection of the predicative unit with *мо*, but also demonstrating the lexical contents of a predicative syntaxeme nominative component. On the material of the Belarusian language using the method of conversion of case syntaxemes with the preposition *ад* into predicative ones the author proves that it's the role of a lexical contents manifestant of the syntaxeme nominative component that specifies the variety and functioning conditions of conjunctions in the structure of a complex sentence.

К лингвистическим основам преподавания русского словообразования в иностранной аудитории

© доктор педагогических наук Л.В. Красильникова (Россия), 2013

Ключевые слова: русское словообразование,
лингводидактические рекомендации, функции словообразования,
области словообразования

Данная статья не претендует на полное описание лингвистической базы преподавания русского словообразования иностранным учащимся, в первую очередь филологам, и поэтому ее название включает малоиспользуемый сегодня оборот «к лингвистическим основам», указывающий на то, что мы обратимся лишь к наиболее важным, с нашей точки зрения, лингводидактическим рекомендациям, которые необходимо учитывать преподавателям при работе над темой «Русское словообразование» на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Ограниченный объем жанра статьи предопределил тезисный характер нашего изложения. Настоящие рекомендации направлены прежде всего на углубление (если даже не на формирование) у преподавателей РКИ понимания значимости общих принципов системности и функциональности при подаче русского словообразования в иностранной аудитории.

1. Преподаватели РКИ должны иметь четкое представление о том, какие языковые и речевые функции присущи русскому словообразованию. Базисной функцией, связанной с типологической структурой русского языка как языка синтетического, флективно-фузионного, является собственно деривационная функция (Н.Д. Голев, З.И. Резанова и др.). Языковыми функциями, проявляющимися в процессе речи, выступают номинативная (*марсход*), конструктивная (*осуществить издание*), компрессивная (*МГУ, завлаб, зачетка*), стилистическая (*книжка*), экспрессивная (*трудяга*) (Е.А. Земская), адаптирующая (*компьютерный*) (Е.В. Петрухина). К речевым функциям русского словообразования относят текстообразующую, или дискурсивную (Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, З.И. Резанова и др.), игровую (*сникерсни*) (Е.А. Земская, Е.В. Красильникова и др.), эстетическую функции (Л.В. Красильникова).

2. Теоретической основой лингводидактического описания русского языка как неродного, целью которого является обеспечение иностранных учащихся алгоритмами моделирования речевой деятельности на русском языке, выступает совмещение системно-структурного и ком-

муникативно-функционального подходов к описанию языка, с учетом когнитивных факторов в языке. Современное широко понимаемое функционально-коммуникативное описание языка должно дополняться исследованиями в рамках собственно когнитивного направления в лингвистике, которое изучает язык как средство мышления, как средство познания человеком окружающей действительности: «когнитивный подход к языку – убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления» [Кибрик 1994: 126].

Речь идет не об эклектическом соединении результатов исследования в рамках разных научных направлений, а о плодотворном их синтезе и переосмыслении, необходимых в целях преподавания русского языка как неродного или иностранного. Такое описание языка отличает формирующуюся в настоящее время антропоцентрическую лингвистику, в центре которой находится не просто говорящий / пишущий, а думающий и чувствующий человек. В антропоцентрической лингвистике учитывается специфика исследований в рамках такого научного направления, как когнитивная лингвистика, рассматривающей языковые явления как структуры представления знания, что позволяет выявить специфику, в частности, русской национальной языковой картины мира. Ценность такой лингвистики заключается «в сбалансированности предлагаемого ею пути, который подразумевает гармоничное использование и классифицирующего (структурно-парадигматического), и функционального (ономасиологического), и собственно коммуникативного подходов (а также когнитивного – *Л.К.*), и который решительно чужд гипертрофии каждого из них в отдельности» [Морковкин 1986: 228]. Современные методисты предлагают считать базовой дисциплиной обучения РКИ антропологическую лингводидактику, которая опирается на результаты психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, культурологии и когнитивистики [Торопова 2005; Красильникова 2005].

Следствием такого понимания современной лингводидактической парадигмы выступают следующие рекомендации по отношению к словообразовательному материалу. Все единицы, выделяемые при структурно-семантическом описании словообразовательной системы русского языка, в разной степени обладают методическим потенциалом (прежде всего производное слово, словообразовательная модель и словообразовательная категория). На основе функционально-коммуникативного подхода к описанию языка в лингводидактике следует выделять два направления изучения и описания русского словообразования: 1) особенности функционирования аффикса в производном слове (словообразовательной модели) и 2) описание функционирования производного слова в контексте, в определенной синтаксической конструкции.

Второе направление функционально-коммуникативного описания деривационного материала тесно связано с общим лингводидактическим принципом подачи лексико-грамматического материала при обучении иностранных учащихся на синтаксической основе (Г.И. Рожкова, М.В. Всеволодова, Э.И. Амиантова и др.). При этом особым объектом внимания является изучение роли производных слов в составе речевых структур, служащих для выражения разного рода коммуникативных намерений говорящего (ср.: мягкая просьба: *Подожди, пожалуйста, еще одну минуточку.*)

На базе лингвокогнитивной парадигмы русское словообразование рассматривается как особый фрагмент русской языковой картины мира (Е.С. Кубрякова). Производное слово в этом случае выступает как структура представления знаний о мире (*итальянец* – тот, кто является гражданином Италии; *учитель* – тот, кто учит детей в школе).

3. Ономастиологический принцип описания языкового материала, доминирующий в практике преподавания русского языка как иностранного, выдвигает в качестве одной из базовых единиц представления русского словообразования в курсе практического русского языка словообразовательную категорию с учетом ее дифференциации в зависимости от степени абстракции (Е.А. Земская, Е.И. Коряковцева и др.). В качестве примера приведем фрагмент русской словообразовательной картины, представленный производными субстантивами. Его формируют семантико-словообразовательные категории лица (*учитель*), предмета (*краска*), отвлеченности (*увеличение, ответственность*), абстрактности (*справедливость*) и субъективности (*домишко*). Гиперкатегория, например, предмета организована словообразовательными категориями, различающими мир натурфактов и мир артефактов. В свою очередь дериваты со значением артефакта объединяются в производные со значением средства (*шпателька*), орудия / инструмента (*будильник*), места (*березняк*), вместилища (*хлебница*) и некоторых других.

4. Необходимо учитывать особенности значения производного слова, является ли оно суммой значений частей слова или характеризуется разной степенью фразеологичности. Значение деривата первого типа тесно связано с возможностью предсказать (и даже образовать в потоке речи) соответствующее производное (*основательница*).

5. Необходимо опираться на представление о том, что с точки зрения продуктивности суффиксы (а также словообразовательные модели) представляют непрерывный континуум переходов из одного состояния в другое: максимально продуктивные, не максимально продуктивные, но все же продуктивные, не средней продуктивности, а малой продуктивности [Ревзина 1969: 87]. Рецептивное словообразование (на базе чтения и аудирования) базируется на словообразовательных моделях

практически всех типов производности, в то время как умения и навыки в области репродуктивно-продуктивного словообразования (говорение и письмо) формируются на основе деривационный потенциал прежде всего продуктивных моделей.

6. Важным, систематизирующим работу над производными словами, фактором является вхождение словообразовательной модели в одну из основных областей словообразования: собственно транспозиционную, модификационную или мутационную. Каждую из деривационных областей образуют производные, построенные по ограниченному числу определенных словообразовательных моделей. Для каждой из них характерен свой набор словообразовательных категорий. Они отличаются типом словообразовательного значения по отношению к фразеологичности. Производные каждой из областей словообразования различаются доминирующей языковой функцией или типичным набором языковых функций. Данные свойства производных дериватов определяют типичные для них семантико-синтаксические условия функционирования.

Так, собственно транспозиционная область включает в себя производные, являющиеся в основном отвлеченными существительными. Значение производных имен представляет собой сумму значений частей слова. Доминирующей для отвлеченных дериватов является конструктивная функция (описательные предикаты, предложно-падежные конструкции и т. д.).

Модификационную область создают производные с конкретно-предметными значениями: лицо женского пола, незрелое существо, единичность и некоторые другие, значение которых является суммой значений частей слова. Основная языковая функция – номинативная. Однако наиболее специфическую часть данной области словообразования составляют производные с суффиксами субъективной оценки (*солнышко*) и стилистическими суффиксами (*скамейка*). Основными языковыми функциями являются экспрессивная, стилистическая, для некоторых моделей актуальна также компрессивная функция (*Третьяковка*).

В мутационную область входят производные существительные со значением лица и предмета. Значение дериватов в редких случаях может состоять из суммы значений частей слова (*тарактелка*), однако наиболее типичным является наличие приращенного семантического компонента (*белок*). При представлении мутационной лексики в иностранной аудитории наиболее плодотворным является привлечение результатов когнитивных исследований.

Таким образом, чтобы преподаватель русского языка как иностранного мог свободно «плавать в море» производных слов и деривационных моделей, ему нужен «навигатор» в виде лингводидактических рекомендаций, фиксирующих внимание на системных, коммуникативно-

функциональных и когнитивных моментах в представлении русского словообразования в аспекте РКИ.

Л и т е р а т у р а

1. *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994, № 5.
2. *Красильникова Л.В.* Традиционное и новое в обучении иностранных студентов-филологов // Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР: 15 лет РКИ на Дальнем Востоке: Тезисы 2-ой международной научно-практической конференции 13–14 апреля 2005 г. Владивосток, 2005.
3. *Морковкин В.В.* Русская лексика в аспекте педагогической лингвистики // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Докл. советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986.
4. *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.
5. *Торопова Т.Ю.* О названии дисциплины, являющейся теоретической базой РКИ // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 1. М., 2005.

К ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ОСНОВАМ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация

Статья содержит основные лингводидактические рекомендации по работе с иностранными учащимися-филологами при работе над русским словообразованием. Данные рекомендации базируются на принципах системности и функциональности.

ON THE LINGUISTIC PRINCIPALS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE WORD FORMATION TO FOREIGN STUDENTS

L.V. Krasilnikova

Key words: word formation in Russian language, linguodidactic recommendations, functions of word formation, word formation fields

Abstract

The author gives principal linguodidactic recommendations on teaching Russian language Word Formation to foreign Philology students. These recommendations are based on systematic and functional-communicative approaches to language.

Лингводидактический портрет описательных предикатов

© кандидат филологических наук В.А. Кузьменкова (Россия), 2013

Ключевые слова: описательные предикаты, однословные предикаты, трансформация, конверсив, классификатор, экспликатор, ликвидатив, семантическая парадигма

Юбилейный сборник статей – это не только дань уважения замечательному Ученому и Учителю, но и возможность сказать «личные» слова в адрес юбиляра. Я с удовольствием этим воспользуюсь, прежде чем приступить к тексту статьи.

«Во всем мне хочется дойти до самой сути» – эти слова Б. Пастернака, на мой взгляд, очень точно характеризуют научное творчество профессора М.В. Всеволодовой. Именно «дойти до сути» – ее жизненный и научный принцип. Майе Владимировне свойственна полная самоотдача в науке, и того же она ждет от своих учеников. Еще одна отличительная черта научной деятельности М.В. Всеволодовой – забота о практическом применении полученных теоретических результатов. Об этом свидетельствует ее неустанный труд по созданию лингводидактической модели русской грамматики. Данная статья – попытка следовать в указанном ею направлении.

Описательные предикаты (ОП) справедливо относят к числу языковых универсалий. Этим обусловлен интерес исследователей к данной синтаксической единице.

Данная работа базируется на традиционном подходе к изучению ОП, трактующем ОП как «глагол + имя существительное». Существует более широкое толкование обсуждаемой категории, включающее в ОП ряд других моделей. В своих работах М.В. Всеволодова показала, что описательные предикаты как грамматическая категория гораздо шире, чем мы считали ранее [Всеволодова 2000].

Однако в данной работе мы будем обсуждать лишь ОП, которые построены по модели «глагол + имя существительное», как наиболее частотные.

В научной литературе [Мордвилко 1956, Лекант 1976, Телия 1981, Макович 1997, Дидковская 2000] отмечается, что описательные предикаты занимают особое место в ряду синтаксических единиц, так как обладают одновременно отдельными свойствами фразеологизмов и свободных словосочетаний.

Описательный предикат (ОП) – это единица «косвенной номинации» [Телия 1981], представляющая собой на формальном уровне две синтаксические единицы (*сказуемое + дополнение* или *подлежащее + сказуемое*), а на семантическом – одну единицу. ОП могут состоять также из нескольких единиц, если в структуре ОП появляется слово-классификатор (*Происходит процесс распада*) или прилагательное (*Происходит мгновенный распад*).

По смыслу ОП равнозначны одному слову (что сближает их с лексикологическими знаками), и их главное сущностное свойство – обозначать одну денотативную единицу. Семантическую целостность ОП подтверждает наличие в языке соотносительного глагола (одной леммы), эквивалентного по семантике ОП (*проводить допрос – допрашивать*).

Однако на формальном уровне, как было сказано выше, ОП представляют собой словосочетание, состоящее из двух или нескольких единиц: *бросить взгляд, впасть в тоску, совершить ошибку, оказывать влияние* (ОП-1), или предикативную конструкцию: *тоска навалилась, охватила грусть, мелькнула мысль, происходит распад* (ОП-2).

Существует несколько различных классификаций ОП: 1) ОП, семантически тождественные соотносительному глаголу (*принимать участие – участвовать*), и семантически близкие ему (*заливаться слезами – плакать*) [Мордвилко 1956]; 2) структурная классификация (по синтаксической позиции именованного компонента) – ОП-1 и ОП-2 [Канза Роже 1991]; 3) семантическая классификация, учитывающая семантику глагольного компонента [Кузьменкова 2000]. Приведенные классификации построены на разных основаниях, но не являются противоречащими и проливают свет на разные свойства ОП, дополняя друг друга. ОП обнаруживаются во всех стилевых разновидностях, но соотношение в них различных групп ОП зависит от типа текста.

Остановимся несколько подробнее на структурной классификации.

Именной компонент в составе ОП может занимать различные синтаксические позиции: дополнения (в ОП – 1) – *принимать решение* и подлежащего (в ОП – 2) – *овладело отчаяние*. В составе ОП-2 функционирует две группы глаголов-экспликаторов (термин М.В. Всеволодовой): 1) группа нейтральных глаголов-репрезентантов события: *идти, происходить, совершаться, производиться*: «Его, между прочим, конфузило то обстоятельство, что **разговор** постоянно **шёл** на немецком языке» (И.С. Тургенев); 2) группа эмоционально-экспрессивных глаголов, таких, как *вспыхнуть, разгореться, нахлынуть, вскипеть*: «Им **овладело беспокойство**, охота к перемене мест» (А.С. Пушкин).

Среди моделей предложений с ОП-2 выделим конструкции, осложненные авторизацией. В них функционируют глаголы-экспликаторы *доноситься, раздаваться, слышаться* и существительные – именные компоненты, которые обозначают звуки, издаваемые живыми существами или вызываемые стихийными силами. В таких предложениях довольно часто, при наличии синтаксического подлежащего, отсутствует семантический субъект, который эксплицируется только в пространстве текста: «*Внезапно раздался стон*»; «*Послышался тихий шёпот*».

М.В. Всеволодова ввела в научный оборот термин «языковые механизмы языка». ОП служат эффективным языковым механизмом осуществления коммуникативных задач, так они являются открытой системой для различных синтаксических трансформаций. Но для того чтобы правильно им пользоваться, необходима своеобразная предписывающая инструкция, основанная на сумме знаний об этой синтаксической единице, обладающей многочисленными коммуникативными преимуществами, обусловленными ее структурой.

Несмотря на разнообразие моделей и широкое распространение ОП во всех речевых жанрах, не существует пособий, которые носили бы рекомендательный характер в области использования ОП и реализовали бы прескриптивный (предписывающий) и проскриптивный (запрещающий) принципы. В этой связи следует упомянуть словарь-справочник В.М. Дерибаса [Дерибас 1979], который содержит список глагольно-именных оборотов (в числе которых и свободные словосочетания, и идиоматические, и ОП), однако не разграничивает их и не дает практических рекомендаций по употреблению этих единиц в речи.

В настоящее время назрела необходимость разработать своеобразную «инструкцию», которая помогала бы не только узнавать ОП разных групп в текстах различных стилей, но и предписывала бы правила их употребления. Суть такого комплексного представления ОП состоит в том, чтобы показать ОП в целостной системе, разработать и предложить рекомендательные правила для осмысленного и эффективного использования обсуждаемых языковых единиц с учетом заложенных в них коммуникативных преимуществ.

Для создания «портрета» ОП и представления их как системного фрагмента русского языка проведена дескриптивная (описательная) работа, которая складывалась из следующих шагов:

- 1) рассмотрение круга полусвязочных глаголов ОП в синхронии и диахронии;
- 2) первичный анализ особенностей функционирования видов, выявляющихся при использовании ОП;
- 3) выявление закономерностей при употреблении категории числа именного компонента;

- 4) учет словообразовательных возможностей глагольной основы;
- 5) выявление запретов и ограничений на употребление ОП и однословного глагола-коррелята;
- 6) изучение особенностей лексической и семантической сочетаемости (глагольный + именной компонент в ОП);
- 7) описание слов-классификаторов в ОП;
- 8) изучение характера распределения групп поля ОП в текстах различных функциональных стилей;
- 9) исследование закономерностей образования ликвидативов, конверсивов и синонимичных конструкций на базе ОП;
- 10) наблюдение за функционированием различных групп и моделей ОП в пространстве текста [Всеволодова Кузьменкова 2003].

Прокомментируем содержание названных этапов работы.

1. Список глагольных компонентов ОП претерпевает изменения, и это обстоятельство обуславливает рассмотрение ОП в синхронии и диахронии. Так, в XIX веке самым распространенным в роли глагольного компонента был глагол «делать», наиболее семантически ослабленный («опустошенный»), в котором в самом общем виде сосредоточена семантика действия. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры: *Странно это: и прокурор, и следователь слушали на этот раз ужасно сдержанно, вопросов делали меньше* (Ф.М. Достоевский); *Во мне, однако, было что-то вроде таланта, потому что музыка часто делала на меня сильное впечатление* (Л.Н. Толстой); (ср. совр.: *задавать вопросы, производить впечатление*). В современном русском языке на месте глагола «делать» во многих ОП стали употребляться глаголы *совершать, производить, осуществлять, оказывать, вести*.

2. Замечено, что ОП могут быть единственной формой для выражения значения совершенного вида при одновидовых глаголах и различать значения видов при двувидовых глаголах. Так, ОП «*произвести переполох*» при определенных условиях может быть заменен однословным предикатом «*переполошить*». ОП «*производить переполох*» не может быть заменен однословным предикатом, так как такого глагола в форме несов. вида не существует.

ОП *делать гримасы* имеет соотносительный однословный предикат «*гримасничать*». ОП «*сделать гримасу*» не имеет соотносительного однословного предиката, следовательно, в данном случае замена невозможна: *«Ребёнка окрестили; причём, он сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что он будет титулярный советник»* (Н.В. Гоголь).

Соотнесенные по виду ОП *оказывать – оказать сопротивление* имеют замену только в случае с глаголом несов. вида: *оказывать сопротивление – сопротивляться*; ОП *оказать сопротивление* не имеет

соответствующего однословного коррелята: «*Базаров взял на руки ребёнка, который, к удивлению Фенечки, не оказал никакого сопротивления*» (И.С. Тургенев).

3. Одним из важных принципов описания ОП следует считать выявленную в ряде случаев зависимость между употреблением видовых форм и категорией числа. В большинстве случаев при глаголе несовершенного вида в составе ОП употребляется существительное во множественном числе: *наносить удары, делать (строить) гримасы, делать (совершать) круги, бросать взгляды*. При глаголах совершенного вида употребляется, как правило, имя существительное в единственном числе (*нанести удар, сделать (состроить) гримасу, сделать (совершить) круг, бросить взгляд*).

4. В рекомендательных правилах чрезвычайно важно указать случаи запретов и ограничений на использование ОП или соотносительного однословного предиката.

Запреты могут носить морфологический, лексический и синтаксический характер [Кузьменкова 2003]. Морфологический характер запретов не обусловлен контекстом и проявляется в том случае, если особенности глагольной основы препятствуют образованию отглагольного существительного [Шуваев 2002]. В таких случаях образование ОП из-за отсутствия девербатива невозможно. К лексическим запретам следует отнести, например, невозможность образования ОП с некоторыми однонаправленными или разнонаправленными глаголами движения в переносном значении: Так, возможны ОП *нести ответственность, вести переговоры, вести записи, протокол, переписку; идёт собрание, заседание*. Но невозможно: **носить ответственность, потери; *водить записи, протокол, переписку; *ходит собрание, заседание*.

К числу синтаксических запретов относятся, например, такие случаи, когда при именном компоненте имеется факультативный член ОП – имя прилагательное, например: *Маятник совершает крутильные колебания*. В этом предложении терминологическим становится все сочетание «*крутильные колебания*» (колебания бывают *малыми, гармоническими, линейными, одномерными, синусоидальными, параметрическими*). Замена на однословный предикат не рекомендуется, так как при этом нарушается семантика научного текста. В ОП *дать обет, принять схиму, нести послушание, давать показания* именной компонент имеет значение определенного понятия. Трансформация подобных ОП в однословный предикат запрещена или ограничена, так как значение глагола шире, чем значение каждого отдельного ОП. Замена на однословный предикат затруднена, если в модели ОП-2 отсутствует семантический субъект: «*Произошло короткое замыкание*». В предложениях типа «*Он сделал мне подарок*» или «*Учёный сделал важное открытие*» трансформа-

ция на однословный предикат запрещена, так как при трансформации однословный предикат остается без объектной позиции, и в этом случае предложение не является информативно достаточным: *«Он открыл», *«Он подарил».

На выбор формы предиката, как было замечено Ю.Д. Апресяном [Апресян 1974], влияет категория одушевленности/неодушевленности субъекта. Так, при одушевленном субъекте, обозначающем лицо или группу лиц, возможны обе формы предиката: «*Маша испытывают нужду в деньгах*» и «*Маша нуждается в деньгах*». При неодушевленном субъекте употребляется предикат только в виде одной словоформы: «*Дом нуждается в ремонте*». Невозможно: *«*Дом испытывает нужду в ремонте*». С другой стороны, здесь важна также семантика именного компонента. Например, предложение «*Тело испытывает давление*» вполне корректно.

Существуют также стилистические запреты или ограничения на использование соотносительных форм предиката, связанные с их функционированием в пространстве текста: *выдвинуть предположение – предположить, производить кормление – кормить, сделать предложение – предложить*. В разных функциональных стилях, в текстах различных речевых жанров предпочтительны различные группы ОП или однословные предикаты. Так, например, использование ОП ядерной группы в повседневной речи приводит к комическому эффекту, что остроумно подмечено составителями сборника «Физики шутят»:

– *Папа, я хочу на завтрак кукурузных хлопьев. Неужели и сегодня овсянка?*

– *Мама выдвинула предположение, что ввиду похолодания будет полезно повысить температуру твоего тела путём поедания тобой овсянки* [«Физики шутят» 1966].

Как утверждал Ю.Д. Апресян, «свобода перефразирования тем больше, чем менее маркированным является перефразирующее средство и контекст, в котором употреблено исходное выражение. Наименее маркированными естественно считать контексты, в которых исходное слово имеет минимум синтаксических связей с другими словами и употреблено в простом, нераспространенном, утвердительном, неотрицательном, немодальном предложении в изъявительном наклонении настоящего времени [Апресян 1974: 344].

5. Совершенно очевидно, что необходимо представлять ОП как текстовую категорию. Роль ОП в формировании семантической парадигмы на основе именного компонента ОП, в структурировании текстового пространства, в развертывании перспективы текста, в передаче его динамики заслуживает особого внимания. Как показали исследования, многие явления, связанные с существованием и особенностями функ-

ционирования ОП, могут быть рассмотрены и объяснены только в пространстве текста.

Предложения с ОП-2, в составе которых употребляются эмоционально-экспрессивные глаголы, в подавляющем большинстве служат для выражения эмоционально-психического состояния человека. Наименование состояния становится грамматическим подлежащим, а семантический субъект «уводится» на позиции косвенных падежей: «*Наташу охватил страх*»; «*У меня мелькнула мысль*»; «*К нему пришло успокоение*»; «*Мной овладело отчаяние*». Позиция подлежащего, как показала М.В. Всеволодова, является более значимой в коммуникативной перспективе предложения, благодаря чему появляется возможность актуализировать имя, акцентировать внимание читателя и удерживать его в определенном текстовом пространстве: «*Отец Сергей <...> встал на молитву и молился до тех пор, пока в душе не возникло решение. Решение было такое, что он должен исполнить требование женщины, что вера может спасти её сына*» (Л.Н. Толстой). Именной компонент может занимать позицию дополнения (ОП-1), при этом глагольный компонент, благодаря «разъёмности» структуры, может варьироваться, меняя фокус освещения ситуации. В пространстве текста структура ОП-2 может заменяться ОП-1, а осью текстового пространства служит именной компонент в разных синтаксических позициях: «*Деноминация будет произведена тогда, когда на бумажной купюре негде будет рисовать*»; «*При нашей неразберихе деноминацию проводить – себе дороже*». Автор текста как будто бы поворачивает именной компонент, высвечивая его разные грани и меняя фокусировку.

Рассмотрим фрагмент текста «Отец Сергей» (Л.Н. Толстой), который изображает молящегося отца Сергия: «*И она слышала, что он шепчет что-то, – очевидно, молился... Он не отвечал, продолжая за стеной ровным голосом читать молитвы... Всё это время он стоял в своём чулане и молился... Прочтя все вечерние молитвы, он теперь стоял неподвижно, устремив глаза на кончик носа, и творил умную молитву, духом повторяя: “Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя...”*». Фокус данного текстового пространства – молитва отца Сергия. Архитектоника текста подчинена задаче всестороннего описания ситуации (молитвы), в том числе с помощью ОП: *читать молитвы, прочтя все вечерние молитвы, творил умную молитву*.

Чем более детально изображается ситуация, тем больше альтернатив в «назначении» актантов на те или иные роли. Участники ситуации меняют свои роли, а члены предложения – свои синтаксические позиции. Остановимся несколько подробнее на способности ОП передавать конверсные отношения. Как известно, понятие «конверсив» в синтаксис введено Т.П. Ломтевым [Ломтев 1972], который различал конверсию

предметов и конверсию самого отношения. В сфере ОП представлены как лексические, так и грамматические конверсивы: «Мы поехали к нему, чтобы **получить** его **согласие** на участие в концерте. Он размышлял несколько секунд, после чего **дал согласие**». Далее в тексте появляется структура ОП–2, поднимающая именную компонент на коммуникативно более значимую позицию, но одновременно устраняющая имя субъекта: «После того как **согласие было получено**, оставалось договориться о дате концерта».

6. На базе ОП в тексте могут строиться синонимические конструкции и ликвидативы. Благодаря «разъёмной» структуре описательных предикатов возможна синонимия глагольных компонентов без изменения актантных ролей: *Он сделал – совершил – допустил ошибку*.

Ликвидатив мы вслед за Ю.Д. Апресяном толкуем так: «делать так, что некая ситуация перестает иметь место или не имеет места» [Апресян 1974]: (*принимать решения – отменять решения*). Ликвидативы мы считаем аналогами ОП, так как они образуются по тем же самым моделям: «Тут **гость послал прокуратору свой взгляд**, и тотчас, как **полагается, угасил его**» (М. Булгаков). В качестве глаголов-экспликаторов в подобных конструкциях могут выступать следующие глаголы: *аннулировать, избавлять, ликвидировать, лишать, нарушать, опровергать, отбрасывать, отводить, отменять, терять, разрывать* (список незакрытый).

В рамках небольших фрагментов текстов нередко обнаруживаются различные модели ОП, при этом может происходить замена именного компонента личным местоимением, что дает возможность избежать повторов одного и того же слова: «Премьер сказал, что не надо его **уводить из-под ответственности, он несёт ответственность**, как премьер, за ситуацию в стране... И президент **несёт ответственность**. И парламент. Поэтому **ответственность надо разделять, а не уходить от неё**» (ТВ); «Ваше преподобие, я ушёл от мира, чтобы **спастись от соблазнов**, – сказал он, бледнея и с трясущимися губами. – За что же Вы здесь **подвергаете** меня **им?**» (Л.Н. Толстой).

Подобные структурные общности удерживаются ситуацией, представленной в семантике именного компонента, глагольный же компонент «уполномочен» отразить динамику ситуации. ОП, отражающие динамику процесса или состояния, весьма многочисленны в текстах различных жанров: «Он **остановил свой взор** на верхних этажах, **ослепительно отражающих в стёклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевёл его вниз, где стёкла начали предвечерне темнеть**» (М. Булгаков).

Следует обратить внимание на соположение именного и глагольного компонентов. Они не всегда находятся в близком соседстве друг с дру-

гом. В нейтральных, не экспрессивных высказываниях именной компонент стоит, как правило, в постпозиции: *подвергать соблазну, принять решение, (меня) охватила тоска*. Но в зависимости от коммуникативного намерения и текстового регистра место именного компонента, а также текстовое расстояние между глагольным и именным компонентом может меняться. Именной и глагольный компоненты могут быть разнесены в текстовом пространстве, отделены друг от друга другими членами предложения: *«Его вид привел всех присутствующих в неописуемое изумление»*; *«Освящение храма в Омске произойдет 12 июня»*; *«Так что утешение принц Чарльз не может найти даже в далекой Австралии»* (ЛГ); *«Больше своих неожиданных взглядов начальник тайной полиции на ижемона не бросал и продолжал слушать, прищурившись»* (М. Булгаков). Приведем пример из поэтического текста: *«Ах, как она совершила / его на глазах у всех / Россию заморозивший / бессмертный грех!»* (А. Вознесенский). Именной и глагольный компоненты могут находиться в разных частях сложного предложения: *«Я прошу съезд обсудить то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры»* (А.И. Солженицын).

Имея полную морфологическую парадигму, включающую видовые, временные формы глагольного компонента, его причастные и деепричастные формы, ОП тем самым позволяет вмещать в сравнительное небольшое пространство текста, организованное одной ситуацией, максимум пропозиций. *«Боже мой! Какая противная!»* – со скрежетом думал он, *впадая в ярость* (Ф.М. Достоевский). *«Царь Пётр I, не разрушивший этой системы, но подвергший её серьёзнейшим испытаниям, был как бы осуждён народным голосованием»* (Н.Я. Эйдельман).

На базе ОП, образованных при помощи каузативных глаголов (*внушать, ввергать, вселять, вводить, доставлять, приводить, приносить, повергать, причинять, пробуждать*), могут образовываться следующие трансформы: *Он не внушает мне доверия – Я не испытываю доверия к нему*. Возможны также другие трансформы, так называемый «квазилонгкатив»: *Роман приводит меня в восхищение – Я в восхищении от романа; Последние новости повергли меня в ужас – Я в ужасе от последних новостей*.

Так как обычно в состав ОП входят две словоформы, перед именным компонентом существует «вакантная позиция», которую может занимать прилагательное или числительное, доопределяя именной компонент, расширяя информацию текста и по-разному ее окрашивая: *«Внезапно разгорелся жаркий спор»*; *«Время от времени он бросал на неё красноречивые взгляды»*; *«Она бросила на него ненавидящий взгляд»*; *«Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивлённый*

взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора» (М. Булгаков). В подобных предложениях семантика прилагательного нередко является решающим фактором в определении семантики всего высказывания. Иногда в пространстве текста прилагательное меняет свою частеречную принадлежность, приобретает статус существительного, которое становится темой текста, обеспечивая продвижение текстовой информации, отражающей развитие ситуации: *«Он бросил на неё удивлённый взгляд. Его удивление было столь неподдельным, что он не смог его скрыть»* (М. Булгаков).

При помощи ОП может создаваться семантическая текстовая парадигма. Предложения, входящие в состав семантической парадигмы, строятся на основе одного денотата, но могут отличаться, по словам Т.П. Ломтева, «на некую семантическую величину» [Ломтев 1972]. Приведем пример текстовой парадигмы, соотносимой с глаголом «думать»: *«И тут Стёпины мысли побежали уже по двойному рельсовому пути, но, как всегда бывает во время катастрофы, только в одну сторону, и вообще чёрт знает куда»; «И тут закопошились в мозгу у Стёпы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как назло, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале»; «Мысль улетела, а тоска осталась необъяснимой, ибо не могла же её объяснить мелькнувшая как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль...»* (М. Булгаков).

До сих пор мы приводили примеры в основном из художественных текстов. По словам Ю.М. Лотмана, «именно в литературном произведении слово «текст» оправдывает свою этимологию («*textum*» от «*texio*» – «*сотканный, сплетенный*»)» [Лотман 1999]. ОП пронизывают ткань текста, способствуя, тем самым, его «сплетению».

В научных и специальных текстах, которые, как известно, отличаются от художественных набором других характерных черт (точностью, однозначностью), преобладают ОП, семантически тождественные однословному предикату: *подвергать тело нагреванию – нагревать тело, происходит рассеяние частиц – частицы рассеиваются: «Рассеяние будет происходить лишь в тех случаях, если неоднородности плотности наблюдаются в относительно большем масштабе»*. Данные модели ОП, в соответствии с семантической классификацией, входят в ядерную группу и составляют наиболее изученное ядро функционально-семантического поля ОП.

ОП распространены не только в художественных и научных, но и в публицистических, и в духовных текстах, которые в данной работе не рассматриваются.

Таким образом, результаты всестороннего исследования описательных предикатов в их функционировании могут стать базой для создания

пособия по использованию описательных предикатов в русском языке, которое могло бы оказать существенную помощь не только иностранным учащимся, но и носителям русского языка. Грамотное использование ОП помогает говорящему/пишущему, с одной стороны, украсить речь, с другой – более точно и однозначно выразить мысли и идеи.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. *Всеволодова М.В.* Описательные предикаты и их соотносительность с денотативной структурой предложения // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 3. М., 2000.
3. *Всеволодова М.В., Кузьменкова В.А.* Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 5.
4. *Дерибас В.М.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Словарь-справочник. Изд. 2-е. М., 1979.
5. *Дидковская В.Г.* Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2000.
6. *Канза Рोजе.* Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
7. *Кузьменкова В.А.* Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
8. *Кузьменкова В.А.* Запреты и ограничения на употребление одной из соотносительных форм предиката (описательный предикат – однословный предикат) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 5. М., 2003.
9. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
10. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. М., 1999.
11. *Макович Г.В.* Описательный способ выражения семантического предиката со значением активного действия в современном русском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 1997.
12. *Мордвилко А.П.* Глагольно-именные описательные обороты в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
13. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
14. *Физики шутят.* Составители-переводчики: Ю. Конобеев, В. Павлинчук, Н. Работнов, В. Турчин. /Под общ. ред. В. Турчина. М., 1966.
15. *Шуваев Мирослава.* Возможности отглагольной синтаксической деривации субстантивов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Аннотация

В статье дается лингводидактический портрет описательных предикатов, приводятся результаты исследований их функционирования в тексте, которые могли бы использоваться в практике преподавания русского языка, а также при разработке современных учебных пособий.

LINGUODIDACTIC PORTRAIT OF DESCRIPTIVE PREDICATES
V.A. Kuzmenkova

Keywords: descriptive predicates, one-word predicates, transformation, conversion, qualifier, explicator, liquidators, semantic paradigm

Abstract

This paper gives linguodidactic portrait descriptive predicates, the results of investigations their functioning in the text, which could be used in the practice of teaching Russian language, as well as the development of modern teaching aids.

«Грамматика беседословная» Ивана Иконника 1733 г.: поиски синтаксической концепции

© доктор филологических наук Е.А. Кузьмина (Россия), 2013

Ключевые слова: синтаксис, славяно-русская грамматическая традиция

В ранней славянской грамматической традиции XVI–XVII вв. специальная синтаксическая концепция (теория синтаксических связей, теория предложения и его членов) разработана не была. В первых грамматиках церковнославянского языка синтаксический раздел либо отсутствует вообще, как, например, в грамматике Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска Съвершѣнна Искусства осми частей слова, и нынѣ нынѣ дни» (Вильно, 1596 г.), либо представляет собой краткое приложение к морфологии («Этимологич»), повторяя ее композиционно и терминологически, как в грамматике Мелетия Смотрицкого «Грамматика Славянских правилное Синтагма» (Евье, 1619 г.); 2-е изд. «Грамматика» (М., 1648); 3-е изд. «Грамматика» (М., 1721). В рукописных же грамматических руководствах этого времени термином *синтаксисъ* обозначались явления совершенно иные – графико-орфографические: либо совокупность всех надстрочных знаков, ср. «пишѣ ихъ в бжтвенныхъ писанихъ верхъ буквъ, а зовется верхнаѣ сила, а по гречески синтаксисъ» (статья «Еще соуть и нынѣ воуквы» [цит. по Ягич 1885–1895: 692]), либо знак соединения, т.е. переноса, который «оуказываетъ соединити рѣчь радѣленю на двѣ строки» («Начало книзѣ глемеи грамматика» [РГБ, ф. 299, ед.хр. 336, л. 94 об.], «Грамматичесство», «О еже како просодѣи достои писати и глати» [Ягич 1885–1895: 747–748, 995]).

Отсутствие в традиции XVI–XVII вв. синтаксической концепции было обусловлено положением дел в античной и ранней послеантичной грамматической науке, достижения и вместе с тем ограниченность которой были унаследованы славянской лингвистической мыслью. В античности не были выработаны некоторые основополагающие лингвистические понятия, которые требуют объединяющего и обобщающего подхода к языковым явлениям, в частности, понятие о языке как о целостном объекте. Не сформировалось в античной грамматике и учение о предложении как о лингвистической единице, принадлежащей качественно иному уровню, нежели лексический [см. Мечковская 1984: 100–

102]. По представлениям античных авторов, «строение слова, его сочетаемость с другими словами отражают строение вещи (или представления) и отношения между вещами в реальном мире (или человеческом мышлении), зависят только от значения слова и ни в коей мере от строения языка как целого. Язык – не система, а агрегат...» [Античные теории 1936: 23].

Более продвинутый этап синтаксических штудий в сравнении с тем уровнем, который был достигнут в славянской грамматической традиции XVI–XVII вв., отражен в рукописном трактате «Грамматїка вєсѣдсловнаа» Ивана Иконника 1733 г. (Собрание рукописей музея-заповедника «Московский Кремль», № кн. 213, 8°, 221 л.) (далее **ГИ**). **ГИ** была создана в целях внедрения грамматической образованности как учебно-методическое пособие, призванное сформировать процедуры овладения языком как «грамматикой», т.е. как системой алгоритмических правил, и оптимизировать освоение существующих грамматик церковнославянского языка [см. Кузьмина 2011; Кузьмина 2012: 271–447].

Иван Иконник с сожалением констатирует, что грамматики, используемые «при школахъ», т.е. грамматика Мелетия Смотрицкого и ее сокращенная переработка «Грамматїка славѣнскаа въ кратцѣ соврѣннаа» Федора Максимова (СПб., 1723), не отвечают базовому дидактическому принципу – принципу доступности (или посильности) [Щукин 2008: 230]. Представленный в них теоретический и языковой материал по содержанию и объему является непосильным для обучающихся, «приступъ» к его «постиженію... бываєтѣ не удобенъ: что какъ, ѿ чегѡ ради оно положися, темно. Ѣнюдѡ же аще что ѿ ѡсязаютѣ [ученики], но далече сѣтъ подобающагѡ стоятѣ» (л. 37). По замыслу И. Иконника, его пособие не заменяет существующие грамматики, а помогает их освоить и эффективно использовать при изучении церковнославянского языка: «за приступъ ѡныхъ грамматїкъ, ѿ за рѣководящее снхъ ѡзъ по силѣ моеѣ предъ очесы ѡчащихъ прѣлагаю» (л. 37). Однако исходная целеустановка на детальное истолкование, «гаснѣишее Ѣясненіе» правил и предписаний М. Смотрицкого и Ф. Максимова была последовательно реализована лишь в трех частях **ГИ** – орфографии, этимологии и просодии. В синтаксической же части своей грамматики И. Иконник, отступая от моделей, заданных предшественниками, демонстрирует результаты собственных лингвистических поисков.

В своих изысканиях он базируется на теологической концепции грамматики, в которой грамматика трактуется как разновидность божественности¹, «дверь разума, еуже {в полѣтѣ сщѣнагѣ писанія} входящій, дражайшя бисеры и каменія дарованія бжїя чуднѣ ѡбрѣтаютъ» (л. 3). В рамках этой концепции, согласно И. Иконнику, главенствующая роль должна быть отведена именно синтаксису, поскольку синтаксис одновременно является и инструментом синтеза, владение которым позволяет породить «слово», т.е. предложение, соответствующее постулируемой норме: «Сїя бо часть, ꙗ кїи нѣкїи хитрецъ, вся части ꙗкѡ злато || сребро ꙗ прѡчая {расыпаная}, во едино должно собирая, бл҃гоуспїи ꙗ премро, ꙗ реченїи слово составляетъ» (л. 153 об.–154), и инструментом анализа, позволяющим постичь высшую истину, заложенную в библейских и литургических текстах: «Сїя бо сїнтагма вины ради во еже слово составлять, в бжтвенномъ писанїи разумъ сокровенъ ꙗ гл҃бины ꙗвлекаетъ, ꙗ своимъ дѣствомъ аки ключемъ, нѣкїя ковчеги ꙗсполнь сщїи драгихъ каменїи, ꙗ злата, ѡверзаетъ» (л. 155 об.).

Понимая синтаксис как учение «ѡ сочиненїи слова» (л. 153 об.), И. Иконник в качестве основной выдвигает проблему «согласованности» «частїи слова», т.е. их сочетаемости в соответствии с их грамматическим значением: «нѣжднѣйшее къ вѣдѣнїю токѡ ѡбятнѣ всѣхъ правилъ согласїе собранїи в словѣ реченїи здѣ ꙗяснїти потщахомся» (л. 156 об.). Остальная синтаксическая проблематика выводится им за пределы грамматики. Приоритетное внимание к правилам «ѡ согласїи» обусловлено тем, что именно в их нарушении И. Иконник усматривает причину многочисленных ошибок, засвидетельствованных им в «вѣчисленнѣ стїхѣ» (л. 168 об.) конфессиональных текстов.

В правилах «ѡ согласїи» (л. 164 об.–167 об.) И. Иконник регламентирует три «ѡбраза согласїа»: а) прилагательного с существительным, б) «возносительного», т.е. относительного, местоимения ꙗже с существительным, в) подлежащего со сказуемым («ꙗменителна со гл҃омъ»). Описание каждой синтаксической связи включает характеристику вступающих в соединение элементов, перечень признаков, по которым осу-

¹ Развернутое обоснование теологической концепции грамматики дается в предисловии к московскому изданию грамматики М. Смотрицкого 1648 г. (л. 1–40) [см. Кузьмина 2011а; Кузьмина 2012: 113–137].

ществляется согласование/координация, языковой пример и его анализ по указанным признакам:

компоненты связи	параметры согласования	пример
существительна имене съ прилагательнымъ	в родѣ числѣ ѿ падежи	трѣдъ повреднымъ
возносительнаго съ прѣидущимъ	в родѣ ѿ числѣ	Петръ, ѿже камень вѣры
Именительна со гломъ	в родѣ, числѣ, ѿ ли- цѣ	Павелъ блговѣствовѣтъ

Ср., например, полное описание «согласїа» «Именительна со гломъ»:

Кое есть Третїе согласїе; Именительна со гломъ. Именительныи со гломъ в чемъ согласїе имать. Въ трехъ: в родѣ, числѣ, ѿ лицѣ.

Павелъ блговѣствовѣтъ. Кое есть сїе согласїе. Именительна со гломъ. Кий именительныи. Павелъ. Чегу ради; Іакѡ существо вещи нарицаетъ. Кий есть глѣ; блговѣствовѣтъ. Чегу ради; Іакѡ токѡмъ тоя вещи энже привязѣтъся дѣнство нъявляетъ.

Блгоуѣпно ли сице согласїе: Павелъ блговѣствовѣтъ; ѿ зѣлѡ ѿряднѡ. По что; Понеже, Павелъ рода мѡжеска, числа единственна, лица третїяго: ѿ глѣ сєи, блговѣствовѣтъ, Подовнѣ рода мѡжеска, числа единственна,|| лица третїяго. Тѣмже блго есть (л. 167–167 об.).

Особое внимание в ГИ уделяется специфике согласовании существительного с «возносительнымъ» местоимением. И. Иконник специально оговаривает, что относительное местоимение не согласуется с определяемым существительным по падежу, а только по роду и числу: «Для чєво егѡ глєши токѡмъ въ двѡхъ прѣидущѡ согласовати: сє ѣт, в родѣ ѿ числѣ, ѿбо здѣ видитъся іакѡ ѿ въ падежи согласовати ѡномѡ можетъ. Малымъ нѣкакѡ прилѡчаемъ по словѣ, но в тѣхѡже паки можетъ ѿ инымъ падежемъ ѡномѡ возносити» (л. 166 об.). Конструкция с относительным местоимением, согласованным

с определяемым словом главной части не только по роду и числу, но и по падежу, является гречи́змом, неприемлемым для церковнославянского языка, нарушающим славянскую модель управления глагола. И. Иконник кодифицирует синтаксическую норму, согласно которой падежная форма местоимения должна быть грамматически мотивирована сказуемым придаточного предложения. Зависимость падежа местоимения от модели управления глагола-сказуемого в придаточном предложении демонстрируется в **ГИ** на примере изменения «согласия» «Петръ, ѿже» в рамках вероучительных текстов:

Петръ ѿже камень вѣры.

Петръ егѡже проповѣдь во Юдеехѡ бысть.

Петръ емѡже Гдѣ даде ключа црѣвѣя.

Петръ, егѡже хсѣ ѡблажи.

Петръ, ѿмѡже ѿповѣданіе бысть.

Петръ, ѡ немже намъ есть слово.

Видиши ли, какъ именительнѡ единѡ, вси падежи
возносна привязѡются, ѡбаче {токмѡ} в родѣ ѿ чис-
лѣ за прѣмѣнное привязѡются (л. 166 об.).

Несоблюдение синтаксических норм «согласіа» порождает ошибки в библейских и литургических текстах, чреватые искажением заложенного в них высшего сакрального смысла, Богодухновенной истины. Стремясь непосредственно скоординировать систему кодифицированных норм и императивные конфессиональные тексты, И. Иконник включает в раздел «ѡ согласіи» образцы проведенной им «справы» таких «погрѣшительных» форм. Так, в 8-м ирмосе песни гласа 6-го «Канона покаянного ко Господу Нашему Иисусу Христу» он признает ненормативными формы **источи** и **попали**, употребленные в грамматической позиции 2 л. ед.ч., поскольку они нарушают «согласие» по лицу. Простые претериты И. Иконник квалифицирует как формы 3 л. ед.ч. (а не 2 л.), в то время как надлежащей формой 2 л. ед.ч. является перфект со связкой – **источилѣ еси, попалилѣ еси**²:

² Заполнение 2 л. ед.ч. формами перфекта обусловлено стремлением избежать омонимии форм 2 и 3 л. ед.ч., присущей церковнославянскому аористу и имперфекту, и дать более точное соответствие греческому образцу: в греческом языке 2 и 3 л. ед.ч. во всех прошедших временах противопоставлены. В первой половине XVI в. в этом направлении правит глагольные формы Максим Грек со своими помощниками. В переводе Толковой Псалтыри в 1519–1522 гг. они последовательно употребляют во 2 л. ед.ч. перфектную форму там, где в предшествующих текстах употреблялась форма аориста [см. Ковтун, 322

Знаменательно ти вѣди, ꙗко в сѣ^а Ирмосѣ Гл҃омъ, источнѣ, попали, погрѣшительнымъ быти, понеже творецъ сего Ирмоса не третіемъ но ко второмъ лицѣ ѡбра-тивъ стѣхъ <...> Тѣмъ оны здѣ третіе^а лицѣ быти || здѣ ѿ не пристонитъ: но вторы^а яку во обра-самыи стѣхъ полагаемъ, иже по справѣ сице быти надле-житъ: Изъ пламене стѣымъ росъ источилъ еси, а пра-веднаго жертвы ѿ воды попалилъ еси: Вся во твориши хѣ еликъ хоцещи. Тѣмъ тя превозносимъ Гда во вѣки (л. 162–162 об.).

Предложенные И. Иконником формы перфекта со связкой соответ-ствуют норме, кодифицированной готовившим третье издание грамматики М. Смотрицкого 1721 г. Федором Поликарповым, который последовательно вводил в позицию 2 л. ед.ч. парадигм всех прошедших времен глагол-связку ѣси: чѣлъ ѣси (л. 116 об.), творилъ еси (л. 139 об.), былъ еси (л. 156 об.) и т.п.

И. Иконник не ограничивается кодификацией синтаксических норм «согласия» и демонстрацией процедуры их применения. Руководствуясь дидактическими целями, он разрабатывает задания, направленные на овладение этими нормами. Учащимся предлагается выявить ошибки в «согласии» глаголов и относительных местоимений в Каноне Великой Субботы и в библейских текстах: «Ты силенъ съсѣче державѣ бл҃гнѣ; Бїенъ высть/ но не раздѣлнся слове, еяже причастнся плоти; Ты во спсе положиши во гробѣ»; «Во гробѣ еже ископѣ азъ, тѣ погрѣбешн [Быт. 50: 5]»; «И вѣде такъ древо сѣдено при исходищи водъ, иже дастъ плодъ свои во время свое [Пс. 1: 3]» – и самостоятельно провести их «справу»: «В сиухъ ѿ прѣчиухъ <...> словесѣ, ѿчащѣся согласїе доброе, ѿ {дрѣгая} сочиненїя подобаѣ прилѣжнѣ испытываѣ» (л. 168–168 об.).

Синтаксис как искусство анализа текста нацелен на «ѡбрѣтенїе в словѣ лежащаго разума», т.е. его «знаменованїя» (л. 169). Вторую часть синтаксического раздела своей грамматики И. Иконник посвящает анализу фрагментов конфессиональных текстов, состоящему в выявлении «знаменованїя» падежей (л. 169–170 об.):

Синицына, Фонкич 1973: 108–109]. В грамматиках церковнославянского языка при комплектовании парадигм прошедших времен формами аориста и имперфекта позиция 2 л. ед.ч. также заполняется формами перфекта (ср., грамматика Л. Зизания – л. 57, грамматика М. Смотрицкого – л. 125–126, 146–146 и др.).

На всякъ ношь, постелю мою ѡмочю. [Пс. 6: 7]
Ношь: Кій падежь есть; **Винительный.**
По качествѣ каковыи винительный;
Время знаменующій.

Однако в большинстве случаев попытки И. Иконника установить «**знаменованіе**» падежа приводят к тому, что определение семантики падежной формы он подменяет определением семантики высказывания:

И́коже̑ {же́лае̑} елень на источники водныя. [Пс. 41, 2]
И́сточники: Кій падежь есть; **Винительный.**
Что знаменуетъ; Уподобленіе.
Всѣхъ црѣи бл҃гочѣвѣишии Константинъ.
Константинъ: кій падежь есть; **Именительный.**
Что значитъ; Превосходство.

Итак, проведенное исследование позволяет утверждать, что И. Иконник создавал синтаксический раздел своей грамматики как теоретическую основу и инструмент для решения практических задач «книжной справки» библейских и богослужебных книг. Несмотря на то что его изыскания в области структурного и семантического синтаксиса были весьма фрагментарны и не сложились в целостную концепцию, а также не увенчались кодификацией системы синтаксических норм, сам факт их проведения представляет несомненную ценность. Грамматика И. Иконника подтверждает мысль о том, что значение любого лингвистического описания определяется не только зафиксированной в нем нормой, которая «всегда временна» [Всеволодова 2010: 12], но и реализованной в нем лингвистической рефлексией, мыслью о «языке и его месте в мироздании» [там же].

Литература

- Античные теории 1936** – Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
Всеволодова 2010 – Всеволодова М.В. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, фил. ф-т, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва и А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 12–13.
Ковтун, Синицына, Фонкич 1973 – Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М.: Наука, 1973. С. 99–127.

- Кузьминова 2011** – Кузьминова Е.А. «Грамматика беседословная» Ивана Иконника как синтез славянской грамматической традиции // Библиоковедение. 2011. № 4. С. 56–61.
- Кузьминова 2011а** – Кузьминова Е.А. «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 64–73.
- Кузьминова 2012** – Кузьминова Е.А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012.
- Мечковская 1984** – Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А.Е. Супруна. Минск: Изд-во университетское, 1984.
- Щукин 2008** – Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008.
- Ягич 1885–1895** – Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

«ГРАММАТИКА БЕСЕДОСЛОВНАЯ» ИВАНА ИКОННИКА 1733 Г.: ПОИСКИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация

Статья посвящена синтаксической концепции, реализованной в рукописной грамматике Ивана Иконника (1733 г.). Синтаксис трактуется Иваном Иконником как теоретическая основа и инструмент для решения задач книжной справки библейских и богослужебных книг.

**«BESEDOSLOVNAYA GRAMMAR» BY IVAN IKONNIK (1733):
SEARCHES FOR THE CONCEPT OF SYNTAX
E.A. Kuzminova**

Keywords: syntax, Slavic-and-Russian grammatical tradition

Abstract

The syntax concept implemented in the hand-written grammar by Ivan Ikonnik (1733) is considered. In the interpretation of Ivan Ikonnik the syntax appears as a theoretical basis and an instrument to solve the problems of confessional editing of the bible and liturgical books.

Роли лица, маркируемые словоформой управляющего существительного

© доктор филологических наук О.В. Кукушкина (Россия),
Е.А. Доценко (Казахстан), 2013

Ключевые слова: предлоги, пропозитивные именные группы, семантические роли лица, корпусная лингвистика

Максимально полная инвентаризация и функциональное описание «образований предложного характера» (формулировка «Русской грамматики») – одна из главных задач проекта по функциональному изучению славянских предлогов, возглавляемого и воодушевляемого М.В. Всеволодовой. В решении этой задачи в рамках данного проекта дальше всего продвинулась М.И. Конюшкевич. В изданных ею материалах не только зафиксировано большое число аналогов предлогов, но и представлена их ролевая характеристика (см. «Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка» (составитель – М.И. Конюшкевич)).

Мы столкнулись с данной проблемой при сплошном анализе и разметке именных групп, содержащих цепочки существительных (прежде всего с приименным родительным лица), в электронном корпусе текстов: требовалось выделить среди них устойчивые единицы предложного типа, требующие специального описания¹. Как и ожидалось, попытки провести здесь четкую границу по линии «предлог/не предлог» окончились неудачей. Это хорошо видно на примере такого, казалось бы, признанного предлога, как *за неимением X*. Эта единица имеет синоним-предлог *без кого-/чего-л.*, но сам факт синонимии о частеречной принадлежности свидетельствовать еще не может. Данная единица содержит пропозитивное существительное, управляющее субъектом самостоятельной пропозиции (*'X отсутствовал...'*). Синтаксема, в которой стоит это существительное (за + Т.п.), в отличие от предлога *без*, более эксплицитно передает причинные отношения. Таким образом, синонимия с предлогом указывает лишь на то, что в русском языке значение 'из-за отсутствия' может быть выражено с разной степенью имплицит-

¹ Этому была посвящена дипломная работа Е.А. Доценко «Обозначение роли лица средствами именной группы» (МГУ, 2010 г.)» Работа выполнена под рук. О.В. Кукушкиной на материале миллионного электронного корпуса газетных текстов (ЛОКЛЛ филологического ф-та МГУ.) Ее целью было создать основу для описания и последующей семантической разметки именных групп с одушевленными и квазидушевленными существительными.

ности. Возможность замены на бесспорный предлог является свидетельством не частеречной принадлежности именной группы, а функциональной ее близости к предлогам. Функциональная основа такой близости – пропозиитивность (или скрытая предикативность, в другой терминологии): и предлоги и именные группы с пропозиитивным содержанием являются второстепенными предикатами. И в сочетаниях типа *за неимением X. / с легкой руки X. / при попустительстве X. / по распоряжению X. / от лица X. / именем X. / к неудовольствию X.* и т. п. синтаксема управляющего существительного выполняет функцию, аналогичную предложной: (а) именуется зависимую пропозицию и связывает ее логическими отношениями с главной; (б) вводит в предложение новое лицо; (в) маркирует семантические роли, в которых выступает это лицо в зависимой и основной пропозициях. Практически, эта синтаксема выступает здесь как средство синтаксического оформления наименования лица. Это способствует синонимии между однословными предлогами и теми существительными, пропозиитивное значение которых наиболее абстрактно.

Если существительное эксплицитно называет пропозиитивный признак (ср. *по распоряжению кого-л., к чьему-л. ужасу* и т. п.), степень фразеологичности единицы может быть минимальной. Но даже такие единицы приходится описывать словарно, так как они не свободны и по форме, и по значению. Здесь возникает проблема выбора означаемого синтаксемы (например, предлога), ограничения на состав возможных существительных и пр. (ср. аномальность **с его распоряжения; *к его страху* и нормальность *с его разрешения; к его радости* и т. п.). Часто нуждается в экспликации также обозначаемое пропозиитивной именной группой положение дел и особенно его отношение к главной пропозиции. Все это делает именные группы пропозиитивного типа важной частью так называемого «малого синтаксиса» и особым объектом лексикографии. Поэтому можно говорить о том, что здесь действует принцип – чем больше единиц мы опишем, не ограничиваясь степенью «предложивания», тем лучше.

Средства ввода в предложение имен лиц (в том числе их совокупностей) для анализа смысла высказываний представляют первостепенный интерес. Среди них наиболее сложным объектом анализа являются именные группы с одушевленным (или квазидушевленным) существительным в Р.п. или Д.п. без предлога (а также их варианты с прилагательным), оформляющие зависимую пропозицию. Они образуют в языке достаточно обширные функциональные «скопления», объединяемые ролью, которую выполняет вводимое лицо. В этих «скоплениях» достаточно много синонимов и фразеологических единиц. Описывая эти объекты, мы получаем знания о том, что вообще может делать лицо в

«чужой пропозиции», зачем оно в нее вводится, какие средства для этого используются, как они стилистически распределены, какие из них наиболее «определены», т. е. фразеологизованы и т. п.

Ниже именные группы указанного типа будут рассмотрены с точки зрения таких функциональных «скоплений», т. е. той ролей, которые выполняет вводимое ими лицо в главной пропозиции. Непосредственно речь будет идти о материале газетных текстов и том балансе ролей, который характерен для газетного языка.

По отношению к главной пропозиции вводимое именной группой лицо может выполнять роль «внешнюю» («вводную») и «внутреннюю». На этом основании, иногда, правда, оставляющем зоны неоднозначности, роли лица можно разделить на два основных класса, описанных ниже на основании имеющегося у нас материала².

1. Роли вводного типа.

Лицо, вводимое существительным в вводной (присентенциальной) позиции, выступает в газетных текстах в ролях четырех основных типов: 1. **субъект-авторизатор** ('кто именно сказал/считает, что P'); 2. **субъект – перформативный каузатор** ('кто именно сказал, чтобы было P'); 3. **субъект везения/невезения** ('для кого именно благополучно/неблагополучно, что P'); 4. **объект противопоставления** ('кого говорящий противопоставляет участникам P').

1. Средства, маркирующие роль авторизатора.

Существительные, вводящие лицо-авторизатор, обозначают разные способы получения и представления информации и характеризуют модус сообщаемого в главной пропозиции по линии «факт / мнение / прогноз / план». В негативной разновидности, образуемой с помощью предлогов *вопреки* и *несмотря на*, информация авторизатора квалифицируется как противоположная той, что излагается в основной пропозиции. Лицо-авторизатор выступает, обычно, в одной из следующих разновидностей этой роли:

а) Источник фактологической информации (*по информации кого*).

Действия лица описываются с помощью существительных с семантикой осмысления и обработки информации, а также результатов этих действий. Ср.³ .:

² Приводятся единицы, которые представлены в нашей базе данных на настоящий момент. Очевидно, что эта база при расширении и уточнении будет пополняться.

³ Здесь и далее используются следующие правила оформления сочетаний: (1) прилагательное (*чей*) дается только при отсутствии случаев управления существительным; (2) знак * перед всей единицей обозначает, что единица отсутствует в Газетном корпусе ЛОККЛ, но встречается в других источниках (Интернете, Национальном корпусе и пр.). Знак * перед формой одного из чисел означает отсутствие в Газетном корпусе только этой формы. Ср. *по отчету/ам*, *по наблюдению/ям*. и т.п.

из + Р.п.: из сводок, из сообщения/ий, из рассказа/*ов, из речи/ей, из уст (кого);

по + Д.п.: по воспоминаниям, по данным, по донесению, по *заверению/ям, по заключению, по замечанию/*ям, по записям, по заявлению, по материалам, по *наблюдению/ям, *по объяснению, по отчёту/*ам, по подсчётам, по показаниям, по преданию/*ям, по признанию, по рассказу/ам, по сведениям, по сводкам, по свидетельству/ам, по словам, по сообщению/ям, по *уверению/ям, по утверждению/ям (кого);

со + Р.п.: со слов (кого);

согласно + Р.п.: согласно данным, согласно заключению, согласно изречению, согласно информации, согласно отчёту/ам, согласно сведениям, согласно сообщениям, согласно утверждениям (кого).

б) Источник (автор) излагаемого взгляда, мнения (по мнению, оценке кого).

Для обозначения этой роли используются словоформы существительных с семантическим компонентом 'точка зрения' (мнение, взгляд, воззрение и т. п.). Ср.:

в + П.п. в восприятии (чьём), , в глазах (ср.: Он всегда считался в глазах общества наиболее приемлемым...), в понимании, в представлении, в устах (кого) (ср.: И все-таки ссылка на «престиж России» в устах сегодняшнего Конюхова звучит особенно достоверно);

на + В.п.: на взгляд (кого), на вкус (чей);

по + Д.п.: по впечатлению (чьему), по логике, по менталитету, по меркам, по мнению, по понятиям, по убеждению, *по характеристике (кого);

с + Р.п.: с позиции/ий, с точки/ек зрения (кого);

Тв.п.: глазами (кого) (только в заголовках. Ср.: Алла Пугачева – глазами друзей и недругов; Россия глазами британцев и т.п.).

в) Автор способа представления информации, используемого при изложении (по классификации, определению кого, словами кого)

Лицо, в т. ч. автор мнения, вводится в первую очередь для уточнения избранного способа представления информации.

в + П.п.: в версии, в изложении, в интерпретации, в истолковании, в классификации, в прочтении, в толковании, в трактовке, в терминологии (кого);

по + Д.п.: по версии, по выражению/*ям, по изречению, *по легенде, по определению, по терминологии (кого);

деесприч. + Тв.п.: говоря словами (кого);

согласно + Д.п.: согласно изречению (кого).

Близость к роли «мнение» проявляется в возможности использования одних и тех же единиц для передачи субъекта мнения и автора используемого варианта изложения. Ср.: (1) В его понимании все происходящее ужасно ('он считает, что Р...'); (2) Словообразование, в понимании В.В. Виноградова, это особый раздел... ('словообразование, в том смысле, как его понимал В., – это').

г) Автор излагаемого прогноза, обещания (по прогнозу, предположению кого).

Для обозначения этой роли используются формы существительных с общим компонентом 'предположение':

по + Д.п.: *по *обещанию/ям, по прогнозу/ам, по прикидкам, по предположению, *по предсказанию, по расчёту/ам, (кого);*

согласно + Д.п.: *согласно оценкам (кого).*

д) Автор излагаемого плана действий (*по плану, замыслу кого*).

Для обозначения этой роли используются формы существительных с общим компонентом 'мысль':

по + Д.п.: *по задумке, по замыслу/ам, по идее/*ям, по мысли, по *плану/ам (кого);*

согласно + Д.п.: *согласно плану (кого).*

2. Средства, маркирующие роль перформативного каузатора ситуации

Управляющее имя характеризует речевые действия, которые лицо совершает для того, чтобы произошла / не произошла описываемая ситуация. Одновременно оно описывает отношение этого лица к ситуации ('надо, можно, хочу, согласен, чтобы было Р' и т. п.), а также часто дополнительно указывает на социальный статус лица. Основная пропозиция может иметь значение двух типов: (1) ирреальность – в этом случае в высказывании просто раскрывается содержание речевого действия (требования, пожелания и пр.); ср.: *По его приказу мы должны были ...* ('Он приказал, чтобы мы...'); (2) реальность – в этом случае к раскрытию содержания прибавляется указание на то, сказанное выполнено (*По его приказу мы выдвинулись вперед* ('Он приказал, чтобы мы ..., и мы...сделали это')). Последний случай является основным. Перформативные группы также регулярно используются и в позиции компонента основной пропозиции, а именно – определителя способа действия (*как?*). В этом случае (см. ниже) основная пропозиция обычно не раскрывает содержание речевого действия (ср.: *Мы действовали по его приказу*).

На основании характера директивного акта можно выделить следующие группы маркеров и виды функций воздействующего на ситуацию лица.

а) Приказавший (*кто дал распоряжение, чтобы...*).

Здесь используются как единицы с семантикой 'долженствование' (*повеление*), так и разного рода обозначения письменных и устных способов побуждения к действию. Все они одновременно указывают на руководящий статус лица, т. е. на обладание правом наказывать за невыполнение его воли.

по + Д.п.: *по велению, по заданию, *по команде, *по повелению, по поручению, по постановлению, *по предписанию/ям, по приказу/*ам, по приказанию, по распоряжению, по решению, по указанию/*ям, по указу/*ам (кого);*

согласно + Д.п.: согласно постановлению, согласно приказу, согласно распоряжению, согласно решению, согласно указу (кого);

Т.п.: *велеием, *повелеием, *поручением, постановлением, *приказанием, приказом, решением, указом (кого).

б) Пожелавший (кто высказал требование, пожелание, просьбу, чтобы ...)

Действия каузатора обозначаются с помощью наименований директивных речевых актов разной степени категоричности. Роль «руководитель» при этом не исключается, но она специально не маркирована. Ср.:

по + Д.п.: по воле, *по вызову, по жалобе/ам, по желанию/*ям, по заказу/ам, по *заявке/заявкам, по звонку, по зову, *по крику, по настоянию, по просьбе/ам, *по прошению, *по пожеланию/ям, по призыву, по приглашению, по прихоти, по (чьему) произволу, по требованию/*ям, по ходатайству (кого), *по (чьему) хотению;

согласно + Д.: согласно воле, согласно пожеланию (кого);

Т.п.: волей/*ю, *хотением (кого).

Волею (кого) в текстах анализированного Газетного корпуса употребляется только в контекстах с неодушевленными именами типа судьба, случай. Ср.: *Но волею судеб началась другая эпопея жизни Нины Буровой...*

Негативная разновидность образуется прежде всего с предлогом вопреки. Ср.:

вопреки + Д.п.: вопреки воле, вопреки желанию, вопреки мнению, вопреки недовольству (кого), вопреки (чьим) убеждениям.

Другие предлоги: *без воли, помимо воли, против воли (кого), вне воли (чьей).*

Ср.: *...я задерживала те письма Пастернака за границу (а они шли через меня), которые вне его воли... могли разжигать там нездоровые страсти.*

в) Согласившийся (кто согласился, разрешил, чтобы ...)

Управляющие существительные имеют семантический компонент 'разрешение'. Единицы при попустительстве и попустительством характеризуются дополнительным негативно-оценочным значением. Лицо не обязательно является начальником, но без его согласия описываемое положение дел невозможно:

по + Д.п.: по лицензии/ям (кого);

при + П.п.: *при одобрении, при попустительстве, при согласии (кого);

с + Р.п.: с ведома, с одобрения, с позволения, с разрешения, с согласия, с санкции, (кого);

Т.в.п.: *попустительством (кого).

Негативная разновидность:

без + Р.п., без ведома, без решения, без разрешения, без согласия (кого).

г) Рекомендовавший (кто рекомендовал, посоветовал, чтобы ...):

по + Д.п.: по заветам, по инициативе, *по наставлению/ям, *по научению, по подсказке, по предложению/*ям, по рекомендации/*ям, по совету/*ам (кого).

В негативной разновидности регулярно используется вопреки + Р.п.: *вопреки рекомендациям, вопреки советам, наставлениям (кого).*

3. Средства, маркирующие субъект везения / невезения

Управляющие существительные описывают исход ситуации для лица (не обязательно непосредственного участника) в виде его хорошего / плохого итогового эмоционального состояния или указания на благополучие/неблагополучие. Ср.:

к + Д.п.: к возмущению, к восторгу, к гордости (ср.:...куда, к гордости персонала, приводят на экскурсии...), к досаде, к изумлению, к негодованию, к огорчению, к прискорбию, к разочарованию, к счастью, к удивлению, (кого);

на + В.п.: на радость, на счастье, на удачу, на удивление, на горе (кого/кому).

по + Д.п.: по счастью (употребляется только с незаполненной субъектной валентностью)

4. Средства, маркирующие лицо – объект противопоставления

Эти средства используются для передачи следующих логических отношений:

а) указание на исключение данного лица из числа называемых участников ситуации: за + Т.п.: за вычетом, за исключением (кого);

б) указание на противоположность участника данному лицу. Основным маркером этого значения является *в отличие от*. Однако используются и другие единицы с семантикой «противопоставление». Ср.:

в + В.п.: *в противоположность (кому), в противовес (кому), не в пример (кому, ср.: Не в пример семьям других теннисных прим, родные Яны...).

на + П.п.: на фоне (кого) (ср.: ...выделяет «Ва-Банк» на фоне многочисленных современных групп....)

Ср. также в контраст с (*Я уверен, что и m-lle Blanche... не потеряла бы надежды и употребила бы все обольщения кокетства над бабушкой — в контраст с неподатливою и неумеющею приласкаться гордячкой Полиной* (Ф.М. Достоевский, Нац. корпус);

II. Маркеры ролей невводного типа

С помощью синтаксемы существительного в ситуацию может вводиться участник субъектного, объектного и признакового типа. При этом она может вводить как субъект – носитель предикативного признака, так и дополнительный субъект, связанный отношениями с каким-то из участников описываемой ситуации. На основании этого имеющийся у нас материал можно разбить на следующие функциональные группы.

1. Синтаксема существительного вводит лицо как субъект – носитель предикативного признака

Чисто грамматическое, «пустое» субъектное значение представлено единицей *со стороны (кого)*, вводящей субъект «направленного действия» (формулировка «Русской грамматики»). Это сочетание традицион-

но описывается как предлог. В остальных случаях управляющее имя либо описывает субъект по его локализации, либо уточняет аспект деятельности субъекта, участвуя в предикации. Эти случаи таковы.

а) Неопределенно-личный субъект, характеризующийся через локализацию сообщества, в котором происходит нечто:

в + П.п.: в *коридорах (ср.: *Так в коридорах Минобороны называют тех, кто...*), в кругах, в *кулуарах, в окружении (ср.: *По сведениям «МН», в окружении Сергея Бабурина составляется проект...*), в рядах, в среде/ах, в эшелонах (власти) (кого).

б) Субъект, характеризующийся по пережитому опыту, по достигнутому:

в + П.п.: в активе (ср.: *В активе нашей команды 6 побед*) (кого);

за + Т.п.: за плечами, за спиной (кого);

на + В.п.: на долю, *на совесть (лечь, выпсть) (кого);

на + П.п.: на счету, на совести (кого).

в) Субъект, характеризующийся по его отношению к ситуации (возможностям, желаниям сделать что-л., оценке события, типичности для него этой ситуации):

в + П.п.: *во вкусе, *в стиле, в духе (ср.: *Эти мрачные забавы дурного вкуса вполне в духе наших neoобновленцев...*), в власти, в силах, в компетенции, в планах, в интересах, *в репертуаре;

на + В.п.: на руку (кому);

по + Д.п.: по силам, по карману, по плечу, по возможностям, по зубам, по вкусу, нраву (кому);

с + Р.п.: с руки/не с руки (кому).

е) Участник-победитель (в спортивном дискурсе):

в + П.п.: в пользу (кого). Ср.: *Счет 1-0 в пользу «Спартака».*

2. Синтаксема существительного вводит лицо как дополнительный субъект, связанный с одним из компонентов ситуации.

С помощью синтаксем существительных регулярно маркируются следующие типы отношений и ролей.

Отношения немежличностного типа

а) Создатель или «основоположник» описываемой позитивной ситуации

с + Р.п.: с паса, с подачи, с почина, с (лёгкой) руки (кого);

Т.п.: заботами кого, мановением (руки), молитвами, руками, усилиями, силами, стараниями, трудом/ами (кого).

б) Виновник ситуации (субъект действий, ставших причиной описываемой негативной ситуации) – с дополнительным причинным значением. Ср.:

по + Д.п.: по вине, по глупости, по недисциплинированности, по недомыслию, по недосмотру, по недоумию, по незнанию, по незрелости кого, по необра-

зованности, по неосмотрительности, по неосторожности, по неразумению, по ошибке (кого);

С большинством из этих существительных используются также причинные предлоги *из-за* и *благодаря чему* (с ироническим оттенком).

в) Непосредственный автор, производитель, исполнитель, «обработчик» упоминаемого артефакта, произведения искусства:

из-под + Р.п.: *из-под пера, из-под рук* (кого);

в + П.п.: **в аранжировке, в воплощении, в исполнении, в интерпретации, в обработке, в переводе/ах (кого), *в переложении, в постановке, *в редакции, в режиссуре* (кого);

под + Т.п.: *под редакцией* (кого);

Р.п.: *кисти, *конструкции, производства, работы, *руки* (кого).

г) Владелец, распорядитель:

в + П.п. (статич.): *во владении, в ведении, в собственности* (кого/у кого);

в + В.п. (динамич): *во владение, в ведение, в собственность* (кого/кому).

д) Свидетель действий участника («аудитория»):

в + П.п.: *в присутствии* (кого);

на + П.п.: *на виду, на глазах* (кого/у кого);

перед + Тв.п.: *перед лицом* (кого).

е) Участвовавший/не участвовавший в описываемой ситуации:

С указанием на совершение действий:

с + Тв.: *с участием* (кого)

при + Р.п.: *при участии* (кого),

без + Р.п.: *без участия* (кого)

С указанием на факт отсутствия кого-л. (в т. ч. как причину):

в + В.п.: *в отсутствие* (вариант – *в отсуствии*), *при отсуствии* (кого).

за + Т.п.: *за неимением, за отсуствием* (кого).

ж) Совместно с субъектом производивший действие:

в + П.п.: *в компании, в кругу, в обществе, в сопровождении* (кого).

Основная часть именных синтаксемы, маркирующих эту роль, обычно управляет предлогом *с*. В отличие от перечисленных выше, такие синтаксемы указывают на партнерство, постоянность совместных действий, т. е. на межличностные отношения (ср.: *в связке с, в упряжке с, в союзе с, *в тандеме с, в группе с, в команде с, в содружестве с, в единстве с, *в корпорации с, *в сообществе с, *в кооперации с, *в объединении с, в сотрудничестве с, во взаимодействии с, *в сговоре с, *в сообщничестве с, *в партнёрстве с, *в сожительстве с кем, в партнёрах с, *в соратниках с, *в сообщниках с, *на пару с (кем)*).

О т н о ш е н и я м е ж л и ч н о с т н о г о т и п а .

Для таких отношений характерна регулярная статическая и динамическая модификация, указывающая на их наличие, начало, прекращение. Управляющие синтаксемы маркируют следующие типы этих отношений.

а) Руководитель, лидер лица-участника.

Эта функция в наиболее «чистом» виде передается *во главе с (кем)*. Для более эксплицитных маркеров этой роли используется лексика двух типов: (1) отглагольные существительные с семантическим компонентом 'лидерство' (*главенство, командование, председательство*) или 'подчинение другому лицу' (*служба, подчинение*); (2) существительные, называющие возглавляемую совокупность лиц и шире – сферу, подчиняющуюся руководителю (*группа, команда, банда, полк; двор; стан, сторона*). Отношения могут описываться в трех модификациях: статика – 'динамика: конечная точка' – 'динамика: начальная точка'. Ср:

«в + П.п. – в + В.п. – из + Р.п.»: *в подчинении (кого/у кого) – в подчинение (кого/кому/к кому) – *из подчинения (кого)*;

«под + Т.п. – под + В.п. – из-под + Р.п.»: *под руководством – *под руководство – *из-под руководства, под управлением – под управление – *из-под управления, под юрисдикцией – под юрисдикцию – *из-под юрисдикции, под контролем – под контроль – из-под контроля, под командованием – *под командование – *из-под командования, под водительством – *под водительство – *из-под водительства, под главенством – *под главенство – *из-под главенства, под предводительством – *под предводительство – *из-под предводительства, под председательством – *под председательство – *из-под председательствва, под началом – *под начало – *из-под начала (кого)*.

'Статика' – 'динамика: конечная точка': **под воеводством – *под воеводство (кого), в распоряжении (кого/у кого) – в распоряжение (кого), в ведении (кого) – в ведение (кого), *в услужении (у кого) – *в услужение (0), на службе (кого, ср.: на службе Кремля /у кого) – на службу (кого/к кому), на стороне (кого) – на сторону (кого), в штат (0) – *в штате (кого), *в команде – *в команду (кого), в управлении (кого, ср.: деньги находятся в управлении владельцем клуба /кем) – в управление (кого)*.

Без модификаций: *под санкции, *при дворе, *в соратниках, *в лагере (кого)*.

б) Контролер лица-участника

Все указанные единицы образованы от пропозитивных существительных, общий компонент в значении которых – 'наблюдение'.

под + В.п. (динамич.) *под надзор (кого), *под присмотр, *под ответственность (чью)*.

под + Т.п. (статич.): *под конвоем, под наблюдением, *под приглядом, под присмотром (кого)*,

в) Оказывающий влияние, давление на лицо-участника

Управляющие существительные содержат сему «ограничение свободы». Здесь используются как синтаксемы пропозитивных имен (*знёт, иго, диктатура, оккупация, аннексия*), так и конкретно-предметных: *каблук, пята, повод* (как элемент конской упряжи), а также *рука, лапа, объятие, тиски*. Ср.:

в + В.п. (динамич.): *во власть, *в лапы, в объятия, в руки, *в тиски (кого)*;

в + П.п. (статич.): *в лапах, в объятиях, в руках, в тисках, (кого);
из + Р.п. (динамич., старт): *из лап (кого), *из тисков (кого);
из-под + Р. (динамич., старт): *из-под влияния, *из-под воздействия, *из-под власти, *из-под оккупации (кого);

под + В.п. (динамич., конечн. точка): под влияние, *под воздействие, под обаяние, *под натиск, *под нажим, под диктат, *под давление, *под власть, *под оккупацию (кого);

под + Т.п. (статич.): под влиянием, под воздействием, *под натиском, под нажимом, *под диктовкой, *под диктатом, под давлением; под властью, *под диктатурой, *под игом, под гнётом, *под оккупацией, *под аннексией (кого), под каблуком, *под пятой (кого/у кого).

Ср. также без возможности модификации: на поводе (кого/у кого), под диктовку (кого).

г) Помощник (защитник, спонсор, поручитель) лица-участника

В качестве маркеров этой роли используются синтаксемы абстрактных существительных с соответствующей семантикой, а также отдельных конкретных существительных, связанных с ситуацией «помощь» и «укрытие» (см. рукав, шея, ложечка, зонтик и др.). Часть этих синтаксем описывают сами отношения (в статической и динамической модификациях). Ср.:

в + П.п. (статич.): в тени (ср.: Кто прячется в тени Березовского?), в сени (кого);

за + Т.п. (статич.): за спиной (кого, прятаться);

из-под + Р.п. (динамич.): из-под крыла (чьего);

на + В.п. (динамич.): на шею (чью);

на + П.п. (статич.): на попечении, на обеспечении (кого), на содержании (кого/у кого);

под + Тв.п. (статич.): под эгидой, под крылом, под крышей, под охраной, под патронажем, под сенью, под протекторатом, под зонтиком, под покровительством, под патронатом, под опекой, *под протекцией, под прикрытием, *под защитой, *под попечительством, *под попечением, *под кураторством, *под шефством (ср.: Еще одна школа – под шефством «Азовстали» (Интернет)) (кого);

под + В.п. (динамич.): под крышу, *под крылышко, под крыло, под рукав, под защиту, *под шефство (ср.: Два озера Ленинградской области ушли «с молотка» под шефство бизнесменов (Интернет)) (кого).

Другая часть характеризует помощь лица как средство осуществления чего-л. В этом случае статическая и динамическая модификация невозможны. Ср.:

благодаря + Р.п.: благодаря помощи, благодаря содействию, благодаря поддержке (кого);

за + В.п.: за счёт (кого);

на + В.п.: на средства, на деньги (кого);

по + Д.п.: *по протекции (кого),

под + В.п.: под поручительство, под гарантию/ши, *под расписку, под ответственность (кого);

при + П.п.: при поддержке, при помощи, при содействии, при помощи и содействии, при посредничестве, *при пособничестве (кого);

с + Р.п.: с ложечки, с руки, кормиться, есть) (кого).

с + Т.п.: с помощью (кого).

д) Нападающий на участника, противник:

от + Р.п.: от руки/рук (кого);

под + В.п. (динамич.): *под огонь (кого);

под + Т.п. (статич.): под огнём, *под нападками, *под натиском (кого);

е) Давший участнику право быть своим представителем:

от + Р.п.: от лица, от имени (кого);

Т.п.: именем (кого).

3. Синтаксема существительного вводит лицо как объект действий участника

Ввод лица-объекта с помощью синтаксем существительных – явление гораздо более редкое. Исключение составляет только роль лица, в пользу или во вред которому совершается действие (ср. «бенефициант»). В отличие от случаев типа *к счастью, на радость* и пр. (см. выше субъект везения/невезения), управляющее существительное характеризует не эмоциональное состояние, а «утилитарные» результаты действия, причем конкретизируя цель (*чтобы было как кому*). Ср.:

в + В.п.: во благо, в благодарность, во вред, в назидание, в ответ; в отместку, в пику, в подарок, в пользование, в помощь, в противовес, в утешение, в ущерб (кому);

в пользу, в защиту, в поддержку, во имя, в память, в честь (кого);

на + В.п.: на нужды (кого); *на выгоду (его/ему), на помощь (ему), на счастье (кому), *на удачу (кому), на пользу (кому), на уступки (кому);

Д.п.: памяти (кого).

Собственно объект направленного действия, в том числе объект речи, наиболее регулярно вводимый с помощью *по отношению к кому*, присоединяют также следующие синтаксемы:

в + В.п.: в сторону, в адрес (кого);

в + П.п.: в отношении (кого);

по + Д.п.: по адресу, по поводу, *по части (кого).

Лицо или аудитория, к которой апеллирует субъект действия вводится следующими синтаксемами рассматриваемого типа:

Р.п.: для ушей, для сведения, *до сведения, до слуха (кого);

Д.п.: вниманию (кого).

Выделяется также группа синтаксем, обозначающих лицо, которое привлекается или отстраняется от участия в ситуации. Объектное значение осложняется при этом обстоятельством:

в + В.п.: в обход (кого);

с + Т.п.: с привлечением (кого), под носом (кого/у кого);

за + Т.п. за спиной (кого делать что-л.).

4. Синтаксема существительного вводит признак участника

С помощью таких единиц производится (1) идентификация участника ситуации; (2) описываются его свойства.

(1) Идентификация лица-участника.

а) Уточнение индивидуального имени, названия участника:

имени + Р.п. (при идентификации неодушевленного участника);

по + Р.п./И.п. (при идентификации одушевленного участника): *по имени (кто/кого), по фамилии (кто/кого), *по бабушке (кто), по прозвищу (кто), * по прозвищу (кто), по кличке (кто);*

под + Т.п.: *под именем/именами (кто/кого), *под фамилией (кто/кого), *под псевдонимом (кто).*

б) Определение того, кто конкретно представляет участника:

б1) уточнение лица, представляющего группу или воплощающего названное явление: в лице (кого). Ср.: (1) *Книжное обозрение» в лице Евгения Баханова выиграло судебный процесс первой инстанции...;* (2) **В его лице мы столкнулись с новой угрозой... (Интернет); Государственная бюрократия в лице комитета должна освободить малый бизнес от бюрократизма.*

б2) уточнение состава группы путем перечисления входящих в нее лиц: в составе, в лице (кого). Ср.: *Колосов с группой офицеров в составе капитанов Абросимова, Жмурова, Рыбакова и старшего лейтенанта Бойко направляется в Московско-Костеревский АБТ центр...; в настоящий момент работает бывшая ритм-секция спид-металлистов Gattai Ray в лице басиста Яна Рубаха и барабанистика Томаса Нака...;*

в) описание множества, к которому принадлежит участник:

в + В.п. (динамич.): *в состав, *в цепь, в ряды, в число, в среду (кого);*

в + П. (статич.): *в числе, в группе, в цепи, в ряду, в составе (кого);*

из + Р.п. (статич.): *из числа, из состава, из рядов, из семьи, из рода/ов, из чреды, из какого количества (семёрки кого, и т.п.), из среды, *из цепи (кого).*

Ср.: *...выяснилось, что в состав претендентов вошли 68 предприятий...;довесок из числа разнокалиберных пенсионеров...; А России... отводится роль подсудимой за тоталитаризм в ряду прочих подсудимых.*

(2) Описание свойств участника

а) Определение свойств через ссылку на конкретное лицо с аналогичными свойствами:

в + Р.п.: *в возрасте (кого);*

Р.п.: *типа, уровня, ранга, возраста (кого); толка (чьего)*

б) Определение социальной роли, статуса, в которой выступает участник.

В состав этих единиц входит лексика, называющая: 1) положение лица, его роль, класс, категорию лиц (*статус, ранг, чин, звание, долж-*

ность, титул, степень, пост, сан, ипостась, роль и т. п.); 2) некий ло-
кум или аксессуар/атрибут, соответствующий данному статусу (ср.
кресло):

в + В.п. (динамич.): *в должность, в звание, в ранг, в сан, * в статус, в сте-
пень, * в чин, на должность, на место, на пост, на роль* (кого);

в + П.п. (статич.): *в должности, * в достоинстве, в звании, в *ипостаси/ях,
в качестве, в кресле/ах, в ранге, в роли, в состоянии, в статусе, * в степени, * в
титуле, в чине, в положении* (кого);

на + В.п. (динамич.): *на должность, на место, на пост, на роль* (кого);

на + П.п. (статич.): *на должности, на месте, на положении, на посту, * на
роли, на правах* (кого);

с + Р.п. (динамич.): *с поста, с должности* (кого).

в) Описание чужого внешнего вида, в котором временно выступает
участник.

Здесь используются существительные, называющие внешние атри-
буты (*вид, облик, обличье; костюм, наряд, маска* и пр.). Их синтаксемы
указывают на то, что для участника эти атрибуты являются чужими,
временными:

в + В.п. (динамич.): *в костюмы, в роль, в образ* (кого);

в + П.п. (статич.): *в виде, * в костюме, * в маске, в наряде, в роли, в образе, * в
облике, в обличьи, * в облачении, в шкуре, в позе* (кого);

под + Т.п.: *под видом, * под маской* (кого);

с + Т.п.: *с видом* (кого);

5. Синтаксема существительного вводит обстоятельст-
венный признак ситуации

Чисто обстоятельственные роли для лиц нехарактерны, поэтому они
обычно осложняют субъектные или объектные роли. Исключение со-
ставляют две обстоятельственные роли, при которых именные синтак-
семы регулярно вводят лицо, не выступающее в качестве дополнитель-
ного субъекта или объекта ситуации. Первая из этих ролей – характери-
стика способа действия некоего лица-«прототипа», который копирует
участник. Ср.:

в + В.п.: ** в подражание* (кому);

в + П.п.: *в духе, в манере, * в технике, в стиле, в традициях* (кого);

по + Д.п.: *по примеру, по модели, * по образцу, по подобию, по образу и подо-
бию, по стопам, по обычаю/ям* (кого);

на + В.п., П.п.: *на манер, на языке* (кого);

Т.п.: ** тропую, * дорогой* (кого).

Вторая роль временная – деятельность или существование лица вы-
ступает как временной ориентир:

в + В.п. (статич.): *во времена, в эпоху, в бытность, в бытность царствова-
ния* (ср.: *В бытность царствования Николая I, Александров II и III он стал
академиком*), *в царствование, в правление* (кого);

до + Р.п. (динамич., конечн. точка): *до времён* (кого);

со + Р.п. (динамич., старт): *со времён* (кого);

Р.п.: *времён, эпохи* (кого).

Функция пространственного ориентира для лиц нехарактерна. В спортивном дискурсе, однако, представлена единица *в зоне* (кого), обозначающая область расположения определенного игрока. Ср.: *И в зоне опорного полузащитника часто вакуум образуется.*

Итак, как показывает анализ, для наименований лиц, вводимых синтаксемами существительных, в газетных текстах в наибольшей степени характерны функции субъектного типа. Безусловными лидерами по употребительности в газетном дискурсе являются маркеры следующих типов ролей лица (по убыванию):

- 1) перформативный каузатор типа «приказавший» (*кто распорядился, чтобы; по приказу кого*);
- 2) источник информации (*кто сообщил излагаемое; со слов кого*);
- 3) «руководитель» субъекта ситуации (*под чьим руководством он действует*);
- 4) источник мнения (*по мнению кого это так*);
- 5) статус, в котором выступает участник ситуации (*в качестве кого он выступает*).

РОЛИ ЛИЦА, МАРКИРУЕМЫЕ СЛОВОФОРМОЙ УПРАВЛЯЮЩЕГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Аннотация

В статье на основе анализа материала газетных текстов описываются устойчивые именные группы с пропозитивной семантикой, включающие в свой состав наименования лиц, а также определяются основные семантические роли, которые может играть это лицо по отношению к главной пропозиции.

ROLE THE PERSONS MARKED BY A WORD FORM OF THE USED NOUN O.V. Kukushkina, E.A. Dotsenko

Keywords: pretexts, pro-positive noun phrases,
semantic roles of the person, corpus linguistics

Abstract

In the article steady noun phrases with the pro-positive semantics, names of persons including in the structure, on the basis of the analysis of a material of newspaper texts, are described, and also the main semantic roles which this person in relation to the main pro-position can play are defined.

Частотные и распределительные характеристики русских предлогов и синтаксем, с ними связанных (по «Ядерному компьютерному корпусу текстов русских газет конца XX-ого века»)

© доктор филологических наук *О.В. Кукушкина (Россия)*,
доктор филологических наук *А.А. Поликарпов (Россия)*, 2013

Ключевые слова: предложно-именные синтаксемы, однословные и неоднословные предлоги, падеж и одушевленность / неодушевленность имени, частота и жанровый диапазон употребления

1. Общая характеристика текстового материала, на котором получены частотно-распределительные данные по русским предлогам, и логика изложения этих данных

Несомненно, что без данных об активности и широте употребления в текстах различного рода характеристика русских предлогов является неполной. Вместе с тем, до настоящего времени, кроме работы [Кукушкина, Поликарпов 2003], не было предпринято попыток собрать хотя бы начальные частотные данные о русских предлогах. Это определило одно из направлений анализа поведения русских предлогов в творческом коллективе под руководством М.В. Всеволодовой, которое и представлено в данной статье – выявление жанровой широты и активности употребления различных типов предлогов (однословных и неоднословных) в текстах различных типов. Отдельно здесь рассматривается более специальный вопрос о поведении однословных предлогов в составе именных синтаксем, отличающихся падежом имени и его одушевленностью / неодушевленностью.

В комплексном словаре русских предлогов позиция указания на частотность употребления того или иного предлога была заявлена в свое время уже в первом варианте атрибуции предлогов [Всеволодова и др. 2003], и мы старались ее реализовать в первых вариантах нашего реестра предлогов на материале «Ядерного компьютерного корпуса газетных текстов конца 20-ого века» (http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/corp_descr.html). Именно на этом материале мы и построили представляемые ниже «Алфавитно-частотный словарь русских однословных предлогов по газетным текстам различных типов: с информацией о падеже и одушевленности / неодушевленности имени в синтаксемах, в которые они входят», а также «Распределительный словарь всех реализованных предложных еди-

ниц по газетным текстам различного типа». На основе этого материала нами проводится анализ по каждой из этих характеристик, а также по их комбинациям.

Временной диапазон газетных текстов используемого «Ядерного компьютерного корпуса газетных текстов конца 20-ого века» (далее: Ядерного газетного корпуса) – 1997 год. Общее число разных текстов в «Ядерном газетном корпусе» – 3097. Общее число словоупотреблений в корпусе – 1 млн. 354 тыс. 382 словоупотребления.

В корпусе выделены тексты следующих жанровых типов:

- информационные (ИНФ), 86571 словоупотребление,
- публицистические (ПУБ), 478245 словоупотреблений,
- информационно-публицистические (ИНФ-ПУБ), 606518 словоупотреблений,
- художественные (ХУД), 32879 словоупотреблений,
- художественно-публицистические (ХУД-ПУБ), 86800 словоупотреблений,
- рекламные (РЕКЛ), 9276 словоупотреблений,
- официально-деловые (ОФ-ДЕЛ), 38662 словоупотреблений,
- «остальные» (ОСТ), 15431 словоупотреблений.

ИТОГО: 1354382 словоупотреблений.

Тип текстов «остальные» (ОСТ) представлен небольшим объемом разнообразных текстовых материалов, например, таких, как объявления, письма в редакцию, кроссворды и т. п.

Более подробно о текстовом источнике (в том числе, о характере различных жанровых типов текстов) см. в Интернете www.philol.msu.ru/~lex/corpus/, а также в работе (Поликарпов и др. 2008).

Анализ данных начинается с представления характеристик наиболее и наименее универсальных единиц «Распределительного словаря всех реализованных предложных единиц по газетным текстам различного типа». Одним из результатов его анализа является получение «Общего распределения числа разных предлогов разных типов по степени их полижанровости».

Далее, рассматриваются только однословные предлоги в именных синтаксемах и на основе анализа частоты их употребления в текстах различных жанров. Результаты этого анализа в виде полного словаря представлены в 8 главе («Алфавитно-частотный словарь русских однословных предлогов по газетным текстам различных типов: с информацией о падеже и одушевленности / неодушевленности имени в синтаксемах, в которые они входят») находящейся в печати книги [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2013]. В настоящей работе на основе анализа и обобщения данных этого словаря получены

и проинтерпретированы следующие распределения однословных предлогов, употребленных в предложно-именных синтаксемах:

- (1) по частотным диапазонам их употребления,
- (2) по частотам разных падежей имен в этих синтаксемах в текстах различных жанровых типов,
- (3) по частотам одушевленных / неодушевленных имен в этих синтаксемах в текстах различных жанровых типов,
- (4) по частотам падежей имен и одновременно – по их одушевленности / неодушевленности в этих синтаксемах по текстам различных жанровых типов,
- (5) по суммарной употребительности и количеству разных однословных предлогов в текстах различных жанровых типов и т. п.

2. Проблемы и ограничения анализа частотных и распределительных характеристик предлогов

Как было отмечено выше, задача синтаксемного представления всех однословных предлогов (особенно, если ставится задача разграничения употреблений предлогов в текстах в их разных значениях), а также задача сплошного выделения неоднословных предлогов, часто омонимичных с соответствующими сочетаниями знаменательных слов, являются очень трудоемкими на достаточно представительном текстовом материале. Поэтому в первой попытке построения частотного словаря предлогов на указанном текстовом материале нам приходится идти на определенные ограничения как по типам учитываемых предлогов, так и по их характеристикам. В этой попытке анализа частотных характеристик учитываются пока только общие частоты каждого из однословных предлогов (без разграничения их употреблений в разных значениях) и только в составе синтаксем, охарактеризованных со стороны падежа имени, которым управляет предлог, и со стороны одушевленности / неодушевленности этого имени. Это, в частности, означает то, что в подготовленном частотном словаре нами пока не учитывались, например, те случаи употребления однословных предлогов, когда предлог управляет и именем, а местоимением.

Употреблений однословных предлогов в составе именных синтаксем (в сравнении с местоименными синтаксемами) – подавляющее большинство. А именно, общее число употреблений таких предлогов в составе именных синтаксем – 127868 (87,7% употреблений всех однословных предлогов в составе текстов «Ядерного газетного корпуса»), а в составе местоименных – 17958 (12,3% употреблений всех однословных предлогов). В составе именных синтаксем употребляется 98 из общего количества 105 разных однословных предлогов. Т. е. только в местоименных синтаксемах в данном текстовом материале употребляется 7

предлогов (*аналогично, безотносительно, вслед, минус, применительно, промеж, снаружи*).

Кроме этого, пока в полном объеме не проводилась работа по выделению и учету всех случаев употребления неоднословных (составных) предлогов. Однако нам удалось собрать данные для «Распределительного словаря русских предлогов различного типа, реализованных в газетных текстах разных жанров» (см. ниже раздел 3). Этот словарь дает представление не о *частоте*, а о *факте* употребления данного предлога в тех или иных жанрах текстов, о *жанровом диапазоне употребления* предложных единиц различного типа по газетным текстам русского языка.

Особая трудность решения задачи сбора частотных данных для неоднословных (составных) предлогов определяется тем, что существует много пограничных случаев, в которых разграничение омонимичных друг другу сочетаний слов – неоднословных предлогов и сочетаний знаменательных лексем – оказывается не простой задачей. Для начальной постановки этой проблемы нам удалось, используя имеющийся в нашем распоряжении полный реестр русских предлогов (ок. 6 тыс. одно- и неоднословных предложных единиц с учетом их лексико-семантических и лексико-грамматических вариантов), выявить факт хотя бы однократного употребления (или неупотребления) каждого из предлогов из этого набора в текстах каждого из выделенных в Корпусе жанровых типов.

Эти и другие упомянутые выше ограничения должны быть сняты впоследствии, но уже те результаты, которые сейчас получены, имеют самостоятельное значение, т. к. характеризуют как жанровый диапазон употребления всех предлогов, так и относительную активность употребления самой важной, ядерной части системы предлогов русского языка, каковым и является корпус однословных предлогов.

3. Распределительный словарь русских предлогов различного типа, реализованных в газетных текстах разных жанров

Этот распределительный словарь важен, с одной стороны, тем, что демонстрирует степень относительного разнообразия предлогов в русских газетных текстах разных жанровых типов. Видно, что в этих текстах общее разнообразие неоднословных предлогов существенно выше, чем разнообразие однословных предлогов. С другой стороны, этот словарь демонстрирует степень стилистической широты употребления каждого из предлогов (и целых их классов), степень их закрепленности за тем или иным жанровым типом газетных текстов.

Порядок расположения материала в приводимой ниже Таблице 1 – от наиболее широко употребляемых единиц ко все более специфиче-

ским, употребляемым во все более узком диапазоне разных текстовых жанров (с величиной полижанровости от максимальной величины 8 до 6 жанров включительно). Таких предлогов разного типа (одно- и неоднословных) оказалось 98. Кроме этого, ниже приводится список тех предлогов, которые встретились в текстах только какого-нибудь одного из жанровых типов, с комментариями по некоторым из них.

Один и тот же предлог представлен в разных своих фонетических вариантах (типа: в-во, к-ко, о-об-обо и т. п.).

Жанры газетных текстов, в которых встретились эти предлоги:

инф-пуб – информационно-публицистический

оф-дел – официально-деловой

рекл – рекламный

соб-инф – собственно-информационный

соб-пуб – собственно-публицистический

худ - художественный

худ-пуб – художественно-публицистический

ост – остальные.

Таблица № 1.

Самые широко употребляемые предлоги (с величиной полижанровости от 8 до 6 жанров) из «Распределительного словаря русских предлогов различного типа, реализованных в газетных текстах разных жанров»

Предлоги / жанры	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Общий итог
без	1	1	1	1	1	1	1	1	8
в	1	1	1	1	1	1	1	1	8
в качестве	1	1	1	1	1	1	1	1	8
в конце	1	1	1	1	1	1	1	1	8
в порядке	1	1	1	1	1	1	1	1	8
в течение	1	1	1	1	1	1	1	1	8
во	1	1	1	1	1	1	1	1	8
для	1	1	1	1	1	1	1	1	8
до	1	1	1	1	1	1	1	1	8
за	1	1	1	1	1	1	1	1	8
из	1	1	1	1	1	1	1	1	8
из-за	1	1	1	1	1	1	1	1	8
к	1	1	1	1	1	1	1	1	8
ко	1	1	1	1	1	1	1	1	8
кроме	1	1	1	1	1	1	1	1	8
между	1	1	1	1	1	1	1	1	8
на	1	1	1	1	1	1	1	1	8

Предлоги / жанры	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Общий итог
над	1	1	1	1	1	1	1	1	8
о	1	1	1	1	1	1	1	1	8
об	1	1	1	1	1	1	1	1	8
обо	1	1	1	1	1	1	1	1	8
около	1	1	1	1	1	1	1	1	8
от	1	1	1	1	1	1	1	1	8
перед	1	1	1	1	1	1	1	1	8
по	1	1	1	1	1	1	1	1	8
по адресу	1	1	1	1	1	1	1	1	8
под	1	1	1	1	1	1	1	1	8
после	1	1	1	1	1	1	1	1	8
при	1	1	1	1	1	1	1	1	8
про	1	1	1	1	1	1	1	1	8
с	1	1	1	1	1	1	1	1	8
со	1	1	1	1	1	1	1	1	8
среди	1	1	1	1	1	1	1	1	8
у	1	1	1	1	1	1	1	1	8
через	1	1	1	1	1	1	1	1	8
благодаря	1	1		1	1	1	1	1	7
больше	1	1	1		1	1	1	1	7
в результате	1		1	1	1	1	1	1	7
в силу	1		1	1	1	1	1	1	7
в составе	1		1	1	1	1	1	1	7
в центре	1	1	1		1	1	1	1	7
вместе с	1	1	1		1	1	1	1	7
вместо	1		1	1	1	1	1	1	7
внутри	1	1	1		1	1	1	1	7
во время	1	1	1		1	1	1	1	7
во главе с	1		1	1	1	1	1	1	7
вокруг	1	1	1		1	1	1	1	7
выше	1	1	1		1	1	1	1	7
изо	1	1	1		1	1	1	1	7
имени	1		1	1	1	1	1	1	7
на протяжении	1	1	1	1	1	1		1	7
назад	1		1	1	1	1	1	1	7

Предлоги / жанры	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Общий итог
накануне	1	1		1	1	1	1	1	7
несмотря на	1	1	1		1	1	1	1	7
ниже	1	1	1		1	1	1	1	7
по имени	1	1	1		1	1	1	1	7
против	1		1	1	1	1	1	1	7
рядом с	1	1	1		1	1	1	1	7
с помощью	1	1	1	1	1	1		1	7
сквозь	1	1		1	1	1	1	1	7
со стороны	1	1	1		1	1	1	1	7
согласно	1		1	1	1	1	1	1	7
спустя	1		1	1	1	1	1	1	7
судя по	1	1	1		1	1	1	1	7
ближе к	1		1		1	1	1	1	6
в начале	1	1	1		1	1		1	6
в области	1		1	1	1	1		1	6
в ответ на	1		1		1	1	1	1	6
в отношении	1		1	1	1	1		1	6
в поле	1		1		1	1	1	1	6
в процессе	1		1		1	1	1	1	6
в районе	1	1	1		1	1		1	6
в связи с	1		1		1	1	1	1	6
в честь	1	1	1		1	1		1	6
вблизи	1		1	1	1	1		1	6
включая	1			1	1	1	1	1	6
внутри	1	1	1	1		1	1		6
вроде	1		1		1	1	1	1	6
за время	1		1		1	1	1	1	6
из-под	1		1		1	1	1	1	6
мимо	1		1		1	1	1	1	6
на имя	1		1		1	1	1	1	6
на пороге	1		1		1	1	1	1	6
на удивление	1	1	1			1	1	1	6
наряду с	1		1	1	1	1		1	6
по отношению к	1		1		1	1	1	1	6

Предлоги / жанры	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Общий итог
по пути	1		1		1	1	1	1	6
по случаю	1		1	1	1	1		1	6
по сравнению с	1		1		1	1	1	1	6
под названием	1	1	1		1	1		1	6
под руководством	1		1	1	1	1		1	6
помимо	1		1		1	1	1	1	6
прямо на	1		1		1	1	1	1	6
ради	1		1		1	1	1	1	6
с места	1		1		1	1	1	1	6

В составе «Ядерного газетного корпуса присутствует 17 однословных и 84 неоднословных предлога, встретившихся в текстах *только одного жанрового типа*.

Среди них, например, следующие однословные:

а-ля, вдогонку, вокруг, изнутри, касаемо, касательно, минус, навроде, окрест, параллельно, подле, по-за, посередине, посредине, промеж, сквозь, соразмерно.

Среди них, например, следующие неоднословные:

без оглядки на, в борьбу с, в даль, в добавление к, в зависимости от, в надежде на, в назидание, в объезд, в оппозиции к, в плоскости, в пределы, в промежутке между, в соединении с, вверх по, вдалеке от, вдоль по, весом около, весом от, вне поля, вне стен, вне сферы, во всеоружии, вослед за, вплотную к, вправо от, вровень с, длиной до, длиной более, емкостью до, за границами, за спину, за фасадом, из глубины, из пределов, из расчета на, крепостью в, мощностью более, мощностью в, мощностью до, мощностью от, мощностью по, на отметке, на пути к и т. п.

Характерно, что среди однословных предлогов, встретившихся в текстах только одного жанрового типа, часто встречаются либо заимствованные предлоги (*а-ля*), либо устаревшие (*окрест*), а также просторечные (*навроде, подле, промеж, сквозь*).

Как видно из представленных данных, неоднословные предлоги, будучи, в среднем, относительно более специфическими по своей семантике, закономерно тяготеют к употреблению в более узком, в среднем, жанровом диапазоне текстов, в сравнении с однословными предлогами.

В частности, средняя величина полижанровости для каждого из однословных предлогов равняется 4,19. В то же время для неоднословных – только 2,83.

Кроме того, распределение по этой характеристике неоднословных единиц отличается от однословных более выраженной асимметричностью, сдвинутостью «центра тяжести» распределения в область минимальной полижанровости. Максимальное число неоднословных предлогов (83) встречается в текстах только какого-нибудь одного жанрового типа. Чуть меньше число (63) – в текстах двух жанровых типов и т. д., вплоть до 5 предлогов (*в качестве, в конце, в порядке, в течение, по адресу*), встретившихся в текстах всех 8 выделенных в корпусе жанровых типов. В отличие от этого, распределение однословных предлогов характеризуется относительной симметричностью: это распределение содержит два относительно равноценных максимума – по краям распределения. Кроме того, как это будет показано ниже на материале однословных предлогов в именных синтаксемах, намного большая доля из них характеризуется максимально широким жанровым распределением, а именно, 29 однословных предлогов из общего числа 98, употребленных в составе именных синтаксем, встречаются во всех 8 разных жанровых типах текстов. А средняя степень полижанровости однословных предлогов, как это указано выше, существенно больше.

Обращает на себя внимание также то, что в нашем газетном материале реализуется высокий процент всех обнаруженных к настоящему времени русских однословных (как первообразных, так и производных) предлогов – до 33% от общего объема. Не реализуется в них (то есть обладают нулевой частотностью и, соответственно, нулевой полижанровостью), в основном, диалектные, просторечные, специально-книжные и устарелые предлоги. Например, в газетных текстах нашего корпуса не представлены следующие предлоги этих функционально-стилистических классов: *вдогон, вкось, вперекор, вперехват, встречу, замест, заместо, из-среди, из-промеж, край, круг, наместо, наперехват, насупротив, обапол, обок, обочь, кроме, окромя, округ, опосля, опричь, позадь, по-над, поперёд, по-под, посереды, посередке, посередь, посредь, преж, применительно, промежду, пропорционально, противно, противу, среди, середь, силою, сопровит, с-под, стезёю, супротив* и др.

Естественно, что данной нулевой величиной представленности эти предлоги обладают именно в данном корпусе данного объема. Расширение текстового материала обязательно обнаружит какие-то случаи употребления части из этих предлогов. Например, по данным сайта «Словарь русских синонимов» (<http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1>

[%81%D1%82%D0%BE](#)), частота употребления слова *зместо* (синоним литературного предлога *вместо* по материалам большой совокупности текстов (ок. 300 млн. словоупотреблений) составляет 234 раза. Т. е. в среднем это слово встречается менее 1 раза на 1 миллион словоупотреблений. Т. е. это не находится в сколько-нибудь значимом статистическом противоречии с данными по нашему миллионному газетному корпусу, в котором это слово не встретилось ни разу.

Эти данные, как и приводимые ниже данные по отдельным предложениям, одушевленности и падежным формам имен в предложно-именных синтаксемах, на наш взгляд, позволяют обоснованно судить о некоторых тенденциях употребительности предлогов различного рода и их отдельных характеристик в современных газетных текстах различных жанров и в современном русском языке в целом.

4. Алфавитно-частотный словарь однословных предлогов русского языка, реализованных в предложно-именных синтаксемах

Содержанием данного раздела статьи является представление фрагмента полного алфавитно-частотного словаря однословных предлогов русского языка, реализованных в предложно-именных синтаксемах (см. Таблицу 2). Напомним, что полностью этот словарь представлен в книге «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2013]. Кроме общей абсолютной частоты употребления каждого из таких предлогов в словаре представлены еще и отдельно характеристика частоты каждого из их лексико-грамматических вариантов предлогов (охарактеризованных по падежу и одушевленности / неодушевленности имени, которым управляет предлог) в текстах указанного газетного корпуса в целом, а также их частоты по отдельности в текстах различных жанровых типов.

На основе этого комплексного частотного словаря мы получаем ряд аспектуальных его проекций:

– по суммарной употребительности и количеству разных однословных предлогов (в указанных синтаксемах) по текстам различных жанровых типов,

– по суммарной употребительности и количеству разных однословных предлогов с различными падежами,

– по суммарной употребительности и количеству разных однословных предлогов с одушевленными / неодушевленными именами в предложно-именных синтаксемах, а также по

– употребительности с разным сочетанием указанных признаков предлогов.

Подчеркнем, что если какой-либо однословный предлог встречается в текстах газетного корпуса в составе однословного (составного) предлога, то эти случаи его употребления НЕ суммировались с остальными случаями его самостоятельного употребления.

Таблица № 2.

Фрагмент алфавитно-частотного словаря однословных предлогов русского языка, реализованных в предложно-именных синтаксемах с указанием падежа и одушевленности / неодушевленности имени (на материале газетных текстов разных жанровых типов)

Предлог и его синтаксема			Жанровые типы текстов								
Предлог	Падеж	Одуш. / неод.	инф-пуб	оф-дел	ост	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Итого
а-ля	и	неод						2			2
		одуш	2					3			5
	и (Всего)		2					5			7
а-ля (Всего)			2					5			7
без	р	неод	501	28	5	9	52	423	21	78	1117
		одуш	30			2	2	18	2	3	57
	р (Всего)		531	28	5	11	54	441	23	81	1174
без (Всего)			531	28	5	11	54	441	23	81	1174
благодаря	д	неод	55		3		12	35		5	110
		одуш	5				2	4		1	12
	д (Всего)		60		3		14	39		6	122
благодаря (Всего)			60		3		14	39		6	122
...		
у	р	неод	409	21	4	8	56	321	27	59	905
		одуш	575	30	16	6	60	453	47	119	1306
	р (Всего)		984	51	20	14	116	774	74	178	2211

Предлог и его синтаксема			Жанровые типы текстов								
Предлог	Падеж	Одуш. / неод.	инф-пуб	оф-дел	ост	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Итого
у (Всего)			984	51	20	14	116	774	74	178	2211
через	в	неод	251	12	3	1	36	216	19	54	592
		одуш	18					22	2	3	45
	в (Всего)		269	12	3	1	36	238	21	57	637
через (Всего)			269	12	3	1	36	238	21	57	637
южнее	р	неод	2					1			3
	р (Всего)		2					1			3
южнее (Всего)			2					1			3

Анализ данных этого словаря по некоторым аспектам проводится в следующих разделах.

5. Анализ и обобщение частотных данных по однословным предлогам русского языка, реализованным в предложно-именных синтаксемах

На основе преобразования данных частотного словаря, приведенных в предшествующем параграфе, получены следующие обобщенные и аспектуальные результаты.

5.1. Рангово-частотный список 41 самого частого русского однословного предлога, употребленного в предложно-именных синтаксемах. В представляемом ниже списке (см. Таблицу 3) представлены только те однословные предлоги, которые встретились с частотой 60 и более в указанном корпусе, начиная с самых частых. Таковых – 41 предлог. Общая их частота – 127344 словоупотребления. Т. е. в среднем более 3000 словоупотреблений на один предлог. Остальные 57 менее частых предлогов этого типа обладают совокупной частотой 525 словоупотреблений. Т. е. в среднем менее 10 раз на один предлог.

Таблица № 3.

Рангово-частотный список самых частых однословных предлогов

№.№ п/п	Предлог	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Итого
1	в	20837	386	1137	268	3218	15853	728	3127	45554
2	на	8467	156	506	125	1344	6527	388	1350	18863

№№ п/п	Предлог	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Итого
3	с	5980	160	375	60	766	4276	267	998	12882
4	по	3906	64	258	68	687	3059	133	498	8673
5	к	2343	42	136	22	268	2034	112	343	5300
6	из	2236	122	108	29	406	1796	93	327	5117
7	о	2142	24	140	31	257	1719	66	242	4621
8	за	1900	25	82	14	272	1503	107	286	4189
9	для	1637	117	171	29	225	1285	24	243	3731
10	от	1642	27	149	13	190	1353	85	253	3712
11	у	984	20	51	14	116	774	74	178	2211
12	до	963	17	81	7	109	761	47	192	2177
13	под	515	8	36	8	84	504	39	124	1318
14	при	562	9	86	3	64	492	15	65	1296
15	после	590	3	33	7	82	396	22	119	1252
16	без	531	5	28	11	54	441	23	81	1174
17	между	335	6	7	3	55	202	5	27	640
18	через	269	3	12	1	36	238	21	57	637
19	перед	200	3	16	2	25	206	15	30	497
20	против	223	1	10	1	31	165	2	11	444
21	над	192	5	3	2	23	159	12	37	433
22	среди	148	4	7	3	28	142	4	24	360
23	из-за	166	5	3		30	104	3	12	323
24	кроме	99	2	5	3	6	75	5	15	210
25	имени	44	1	13	35	17	46	1	11	168
26	про	97	5	3	2	4	31	5	20	167
27	согласно	75	0	4	1	13	62	2	1	158
28	вокруг	82	1	1		3	58	2	7	154
29	благодаря	60	3			14	39		6	122

№№ п/п	Предлог	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	Итог
30	вместо	46	0	2	3	8	51	4	6	120
31	около	49	1	5	1	11	40	1	5	113
32	накануне	58	1		1	8	29	1	5	103
33	помимо	42	0	2		9	33	1	6	93
34	ради	35	0	1		3	35	1	1	76
35	вне	46	0	1	1		25		1	74
36	внутри	38	0	5			20		4	67
37	из-под	20	0	2		4	24	7	9	66
38	включая	29	0			3	31	1	1	65
39	возле	24	0			7	19	5	8	63
40	вроде	35	0	2		1	17	1	5	61
41	путем	25	0	4		6	22		3	60
1-41		57672	1226	3485	768	8487	44646	2322	8738	127344

Характерно, что в общем рангово-частотном словаре русского языка предлоги последовательно (вместе с союзами, местоимениями и частицами) занимают самые верхние позиции. При этом предлог **в** в большинстве русских текстов различных функциональных стилей и жанров оказывается самой частой лексической единицей. А однословные предлоги превосходят остальные лексические единицы по их средней частоте употребления в русских текстах более, чем в 50 раз.

5.2. Употребительность однословных предлогов в текстах различных жанровых типов. Ниже, в Таблице 4 представлена в суммарном виде информация об употребительности всех тех однословных предлогов, которые входят в предложно-именные синтаксемы, в Корпусе в целом и в текстах разных его жанровых типов.

Таблица 4.

Распределение суммарной употребительности и количества разных однословных предлогов по текстам различных жанровых типов

Хар-ки/ /жанры	Жанровые типы текстов								
	инф-пуб	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	ост	Итог

Частоты однословных предлогов в именных синтаксемах имен в текстах Корпуса	57895	3499	773	8509	44848	2339	8775	1230	127868
Частоты всех слов в текстах Корпуса	606518	38662	9276	86571	478245	32879	86800	15431	1354382
% содержание употреблений этих предлогов в текстах Корпуса	9,54	9,05	8,33	9,83	9,38	7,11	10,11	7,97	9,44
Кол-во разных однословных предлогов в текстах Корпуса	83	46	53	79	48	59	33	34	98

Наиболее важным является то, что удельный вес употреблений предлогов в составе именных синтаксем заметно колеблется от одного жанрового типа к другому. Более активное употребление предлогов (на фоне общего объема употреблений слов во всем Корпусе) в текстах информационно-публицистического, информационного, публицистического и художественно-публицистического жанровых типов связано, естественно, с более именным характером этих текстов в сравнении с другими типами текстов, с большей плотностью и сложностью сети отношений между обозначениями различных «субстанций» и «вещей», которые выражаются, в частности, и предложными единицами.

Общий процент употребления 98 однословных предлогов от общего объема текстов корпуса – 9,44%. Среди них выделяется 21 исконный первообразный (непроизводный на данном этапе существования русского языка) предлог: *без, близ, в, для, до, к, между, на, над, о, от, по, под, подле, пред, при, про, против, с, сквозь, у*. Они в совокупности покрывают основную долю (85,78%) употреблений всех однословных предлогов в составе именных синтаксем.

5.3. Активность употребления разных падежей имен в предложно-именных синтаксемах, включающих однословные предлоги по текстам различных жанровых типов. Переходим к учету того, чем, в зависимости от падежной формы имен, отличается частотность однословных предлогов в предложно-именных синтаксемах по текстам различных жанровых типов (см. Таблицы № 5а и 5б).

Таблицы № 5а и 5б.

Распределение сводной частоты употребления однословных предлогов
с каждым из падежей имен в предложно-именных синтаксемах,
по текстам различных жанровых типов

Таблица 5а.

Падежи	Абс./ / %	к-во разных пред-логов	Жанровые типы текстов			
			инф-пуб	оф-дел	ост	рекл
В	Абс.	15	12842	744	293	142
	%		22,182	21,263	23,821	18,37
Д	Абс.	14	6337	388	100	88
	%		10,946	11,089	8,1301	11,384
И	Абс.	2	12			
	%		0,0207			
П	Абс.	5	21343	1224	320	306
	%		36,865	34,981	26,016	39,586
Р	Абс.	68	11136	768	356	176
	%		19,235	21,949	28,943	22,768
Т	Абс.	9	6225	375	161	61
	%		10,752	10,717	13,089	7,8913
Все пред-логи	Абс.	98	57895	3499	1230	773
	%		9,5455	9,0502	7,971	8,3333
Весь корпус	Абс.		606518	38662	15431	9276
	%		100	100	100	100

Таблица 5б.

Падежи	Абс. / %	к-во разных пред-логов	Жанровые типы текстов				Итого
			соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	
В	Абс.	15	1920	9549	654	2102	28246

	%		22,564	21,292	27,961	23,954	22,09
Д	Абс.	14	961	5164	245	840	14123
	%		11,294	11,514	10,475	9,5726	11,045
И	Абс.	2		15		4	31
	%			0,0334		0,0456	0,02424
П	Абс.	5	3278	16764	662	3018	46915
	%		38,524	37,38	28,303	34,393	36,6902
Р	Абс.	68	1530	8764	490	1804	25024
	%		17,981	19,542	20,949	20,558	19,5702
Т	Абс.	9	820	4592	288	1007	13529
	%		9,6369	10,239	12,313	11,476	10,5804
Все предлоги	Абс.	98	8509	44848	2339	8775	127868
	%		9,8289	9,3776	7,114	10,109	9,44106
Весь корпус	Абс.		86571	478245	32879	86800	1354382
	%		100	100	100	100	100

Рассмотрение данной таблицы позволяет заключить, что наибольшей употребительностью во всех текстах корпуса обладают предложно-именные синтаксемы, содержащие имя в предложном падеже. Далее следуют синтаксемы с именем в винительном, а потом – в родительном. Наименьшей частотой в этих конструкциях обладает именительный падеж.

Если родительный падеж по употребительности в указанных условиях находится на 3 месте (за предложным и винительным), то он обладает наиболее широкой сочетаемостью с различными предлогами (68 предлогов). Остальные падежи существенно отстают от него по этой характеристике.

Для текстов каждого из выделенных жанровых типов обнаруживается следующая картина:

- наиболее насыщенными предложно-именными синтаксемами являются художественно-публицистические тексты;
- менее всего (на единицу площади текста) употребительны предложно-именные синтаксемы в художественных текстах (что, видимо,

связано с большим удельным весом прямой и косвенной речи персонажей в них);

– причем, художественные тексты лидируют по употребительности синтаксем с винительным падежом и демонстрируют почти самый низкий удельный вес синтаксем с предложным падежом.

5.4. Дифференциация частот всех предлогов по одушевленности/неодушевленности имен в предложно-именных синтаксемах. Очевидным является преобладание в любом тексте номинаций объектов, а не людей и других одушевленных в русском языке существ и явлений – в среднем, более, чем в 10 раз. Однако соотношение между одушевленными и неодушевленными именами в газетном корпусе колеблется, исходя из специфики содержания текстов каждого из типовых жанров. В частности, обнаруживается естественное повышение процента одушевленных номинаций в художественных, художественно-публицистических и рекламных текстах. Совершенно естественно, что максимально активно неодушевленные имена представлены в предложно-именных синтаксемах в официально-деловых текстах (см. Таблицу № 6).

Таблица 6.

Распределение частот и процентов всех однословных предлогов по одушевленности/неодушевленности имен в предложно-именных синтаксемах в текстах разных типов

Одуш./неодуш. Имена	Жанровые типы текстов								Итого
	инф-пуб	ост	оф-дел	рекл	соб-инф	соб-пуб	худ	худ-пуб	
неодуш (абс.)	53279	1108	3289	695	7949	41144	2080	7924	117468
неодуш (%)	8,78	7,18	8,51	7,49	9,18	8,6	6,33	9,13	8,67
одуш (абс.)	4624	123	212	78	563	3706	261	853	10420
одуш (%)	0,76	0,8	0,55	0,84	0,65	0,77	0,79	0,98	0,77
Общий итог (абс.)	57903	1231	3501	86571	8512	44850	2341	8777	127868
% употр. всех предлогов в Корпусе	9,55	7,98	9,06	9,33	9,83	9,38	7,12	10,11	9,44
Частоты всех слов в корпусе	606518	15431	38662	9276	86571	478245	32879	86800	1354382

5.5. Соотношение употребительности одушевленных и неодушевленных имен в разных падежах в предложно-именных синтаксемах. Еще более интересным оказывается рассмотрение того, как соотносятся по употребительности одушевленные и

неодушевленные имена в предложно-именных синтаксемах в зависимости от того, в форме какого падежа употреблено имя (см. Таблицу 7).

Таблица 7.

Соотношение употребительности одушевленных и неодушевленных имен в разных падежах при употреблении их в предложно-именных синтаксемах

Падеж	одуш/ неод	инф- пуб	оф- дел	ост	рекл	соб- инф	соб- пуб	худ	худ- пуб	Итого
В	неод	12299	724	282	135	1874	9089	604	1992	26999
	одуш	543	20	11	7	46	460	50	110	1247
Д	неод	5952	365	91	87	906	4827	209	777	13214
	одуш	386	23	9	1	55	340	36	63	913
И	неод	9					11		4	24
	одуш	3					4			7
П	неод	20923	1208	314	304	3241	16402	637	2929	45958
	одуш	420	16	6	2	37	362	25	89	957
Р	неод	9219	667	304	119	1290	7167	400	1447	20613
	одуш	1916	101	52	57	240	1594	90	357	4407
Т	неод	4874	323	116	50	638	3647	230	774	10652
	одуш	1351	52	45	11	182	945	58	233	2877
Итого		57895	3499	1230	773	8509	44848	2339	8775	127868

Рассмотрение данной таблицы обнаруживает, что наименьшая разница в частоте представленности одушевленности или неодушевленности для имен в форме определенного падежа характерна для тех из них, что стоят в именительном падеже (около 3 раз больше в пользу неодушевленности). Наоборот, наибольшая разница по этому показателю в пользу неодушевленности характерна для винительного падежа имени (более, чем в 22 раза чаще). Если считать, что именительный падеж чаще, чем другие падежи, маркирует некоторую активную субстанцию (в том числе и лица), а винительный падеж – чаще самую пассивную субстанцию (на которую часто «переходит» действие, выраженное глаголом), то тогда и противопоставление синтаксем с этими падежами

имени по их одушевленности / неодушевленности становится понятным.

Что характерно, имена в дательном падеже оказываются на 2 месте (после винительного падежа) по преобладанию неодушевленности над одушевленностью (в 14 раз чаще). В то же время творительный падеж имени как орудийный (т. е. тоже относительно активный) по часто встречающейся функции имени в форме этого падежа оказывается и имеющим тоже относительно небольшую разницу в частоте одушевленных и неодушевленных имен (вслед за именами в именительном падеже).

Выводы

Проведенный анализ показал продуктивность использования количественной меры для оценки относительной значимости употребления отдельных предлогов, их классов (однословных и неоднословных) и синтаксем их включающих (с разграничением синтаксем по падежу и одушевленности/неодушевленности имени в синтаксеме) в газетных текстах разных жанровых типов. Проведен начальный анализ зависимостей между некоторыми признаками указанных синтаксем в русских газетных текстах различной жанровой принадлежности. Полученные результаты, характеризуя непосредственно газетный язык, в определенной степени могут быть отнесены к языку в целом, т. к. современная газета открыта мощному воздействию различных коммуникативных сфер.

Можно полагать, что в результате этого сделан определенный шаг на пути к коммуникативно-функциональному описанию русской языковой системы, к проверке корректности описаний предлогов в наших словарях и грамматиках на основе изучения их функционирования в реальных текстах, а именно: на основе специально подготовленных текстовых корпусов. Несомненно, что на этом пути требуется дальнейшее расширение категориально-признакового аппарата исследования, а также расширение стилистического диапазона привлекаемого для изучения речевого материала.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // «Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология». 2003, № 2.
2. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М., 2013.
3. Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX-ого века URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/corp_descr.html

4. Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Жанровое распределение русских предлогов в корпусе современной газеты // Язык и социум. В двух частях. Ч1. Минск, 2003.
5. Поликарпов А.А., Кукушкина О.В., Виноградова В.Б., Пирятинская Е.Ф., Савчук С.О. Компьютерный корпус текстов современной русской газеты // Язык средств массовой информации. М., 2008.
6. Сайт «Словарь русских синонимов» URL: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/>

**ЧАСТОТНЫЕ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ
ПРЕДЛОГОВ И СИНТАКСЕМ, С НИМИ СВЯЗАННЫХ (ПО «ЯДЕРНОМУ
КОМПЬЮТЕРНОМУ КОРПУСУ ТЕКСТОВ РУССКИХ ГАЗЕТ КОНЦА XX-ОГО
ВЕКА»)**

Аннотация

Одним из направлений функционально-коммуникативного анализа предлогов русского языка является определение жанровой широты и активности употребления различных типов предлогов (однословных и неоднословных) в текстах различных жанровых типов. Для этого на материале «Ядерного компьютерного корпуса газетных текстов конца 20-ого века» был собран и проанализирован материал по однословным и неоднословным предлогам. В частности, был создан «Алфавитно-частотный словарь русских однословных предлогов по газетным текстам различных типов: с информацией о падеже и одушевленности/неодушевленности имени в синтаксемах, в которые они входят». В настоящей работе на основе анализа и обобщения данных этого словаря получены и проинтерпретированы следующие распределения однословных предлогов, употребленных в предложно-именных синтаксемах:

- (1) по частотным диапазонам и жанровой широте их автономного употребления,
- (2) по частотам разных падежей имен в этих синтаксемах в текстах различных жанровых типов,
- (3) по частотам одушевленных / неодушевленных имен в этих синтаксемах в текстах различных жанровых типов,
- (4) по частотам падежей имен и одновременно – по их одушевленности / неодушевленности в этих синтаксемах по текстам различных жанровых типов.

**THE FREQUENCY AND DISTRIBUTIONAL FEATURES
OF RUSSIAN PREPOSITIONS AND SYNTAXEMES ASSOCIATED WITH THEM
(ACCORDING TO "CORE COMPUTER CORPUS OF TEXTS FROM RUSSIAN
NEWSPAPERS OF THE LAST DECADE OF THE XXTH CENTURY")**

O.V. Kukushkina, A.A. Polikarpov

Keywords: Prepositional-nominal syntaxemes, single-word and multiword prepositions, case and animate/inanimation character of a name, frequency and genre range of prepositions' use

Abstract

One of the areas of functional-linguistic analysis of prepositions of Russian language is the revealing of the genre width and differences in frequency of use for different types of prepositions (single-word and multiword) in texts of different genre types. To do this, on the basis of "Core Newspaper Corpora of Russian of the last decade of XXth century", was "Frequency dictionary of Russian one-word prepositions from newspaper texts of various types, with information on the case and animate / inanimate nature of a name in a syntaxeme in which a preposition is used". In this paper, basing on the data from the dictionary, we obtained and interpreted the following distributions of prepositions and their use in prepositional-nominal syntaxemes:

- (1) overall frequency range and diversity of prepositions in their isolated use in texts of different genre types,
- (2) different frequencies for different cases of names in syntaxemes in texts of different genre types
- (3) frequencies of animate/inanimate names in these syntaxeme in texts of different genre types
- (4) different frequencies for different cases of names together with their animate / inanimate character in these syntaxemes for texts of different genre types.

К вопросу о формировании и функционировании словосочетаний с родительным приименным без предлога

© кандидат филологических наук *Е.В. Куликова (Россия), 2013*

Ключевые слова: словосочетание, родительный приименной, падеж, функционирование

На сегодняшний день в научной литературе существует несколько подходов к определению категории падежа. С одной стороны, падежи классифицируются в таких морфологических терминах, как «приименные» и «приглагольные» [Шахматов 1925; Якобсон 1936; Зализняк 1973]; с другой стороны, решающим при определении значения падежа считается его функция быть выразителем объекта, субъекта, определения или обстоятельства в предложении, то есть в основу кладется синтаксическая роль падежей [Курилович 1962]. Когда же падежи классифицируются как «локативные», «инструментальные» и т. д., то это уже скорее «чистая» языковая семантика, а не морфология и не синтаксис.

Г.П. Мельников [Мельников 1980: 41] в качестве средств установления связи между значением, формой и основанием группировки падежей использует представления прежде всего о коммуникативных (а не просто синтаксических, морфологических или семантических) функциях слов в сообщении. В след за А.А. Шахматовым, беря за основу деления русских падежей на две основные группы: «приименные» и «приглагольные», Г.П. Мельников вносит несколько уточнений. Поскольку развитие языковых форм обусловлено наличием специализированных коммуникативных функций, то более непосредственно функция падежей будет отражена в том случае, если ее связать с синтаксическими категориями подлежащего и сказуемого. Но еще более непосредственное, функция падежей, по мнению Г.П. Мельникова, может быть сформулирована в терминах их «коммуникативного амплуа»: специализация форм слов к выражению темы или ремы в рамках сообщения, то есть той единицы речевого потока, которую А.А. Шахматов называл «коммуникацией» [Мельников 1980: 42].

Г.П. Мельников, таким образом, выделяет две основные функции русских падежей: «темные» и «ремные», а так как и в теме, и в реме могут быть свои распространители, то среди темных функций он выделяет «собственно темные» (именительный падеж) и «притемные» (родительный падеж), а среди ремных – «собственно ремные» (винительный падеж) и «приремные» (все другие косвенные падежи). Для типич-

ной ремы в языке формируется специальная форма слов – глаголы, для простейшей типичной темы – имена. Когда же имена выступают в реме в предложениях типа: *Сегодня мороз. Брат студент*, здесь функции падежей расходятся с их амплуа [Мельников 1980]. Отметим, что автор в своей работе рассматривает падежные значения без предлогов, соответственного без их влияния на словоформу и без вносимых ими оттенков значения.

В данной Г.П. Мельниковым системе нас, прежде всего, будет интересно рассмотреть родительный падеж и его «амплуа» и возможные расхождения с этим «амплуа».

В русской падежной системе имен существительных одним из наиболее активных падежей является родительный. Он выступает, в основном, как связанная синтаксема, то есть в присловной позиции. Вопрос поведения родительного падежа и употребления словосочетаний с родительным приименным – актуален и далеко не прост в нашей практике. Как показал С.А. Лутин [Лутин 2008], родительный падеж отличается от всех других падежей в русском языке в первую очередь своей функцией: это не столько носитель некоторой достаточно абстрактной для современного языка, но все-таки имеющей место быть инвариантной смысловой функции, что присуще другим падежам, сколько показатель грамматической зависимости словоформы.

В современном русском языке количество словосочетаний с родительным приименным огромно и их число постоянно увеличивается. Они образуют разные по смыслу сочетания денотативных ролей. В диссертационном исследовании, проведенном автором статьи под руководством профессора М.В. Всеволодовой, были выделены определенные функционально-семантические группы словосочетаний с родительным приименным без предлога. Каждая группа подверглась детальному и тщательному анализу. В соответствии с поставленными задачами были использованы следующие методы исследования: интерпретация, моделирование; описательно-сопоставительный метод, метод наблюдения; метод типологизации; метод компонентного анализа для выявления структурных, семантических, коммуникативно-прагматических возможностей исследуемых словосочетаний; метод контекстуального анализа при исследовании функционирования словосочетаний в полипро-позитивных предложениях и метод исчисления, взятый из математической логики.

Нужно отметить, что, как и предполагалось, не все из выделенных в диссертации групп имеют аналогичные корреляты в других языках. Одно из таких несовпадений – сочетание с родительным локатива в русском с одной стороны, и в английском, болгарском языках, с другой, например: *студент университета*, в английском языке имеет вид: *a*

student at the University [студент в университете], то же и в болгарском, калька – *ученица в пятом классе*, ср. в русском языке *ученица пятого класса*.

Богатство и разнообразие грамматических значений, выраженных родительным приименным без предлога в русском языке, в других языках довольно часто выражается отдельным предложением, а в пределах словосочетания может иметь значительные формальные отличия.

В работе не была представлена категоризация семантики словосочетаний с родительным приименным на основе системы дихотомических оппозиций [Маркус 1963; Трубецкой 1960; Ломтев 1972; Всеволодова 2000], поскольку неоднократные попытки построения такой системы пока не дали удовлетворительных результатов. Это может быть связано с тем, что мы пока не располагаем полным набором возможных типов словосочетаний с родительным приименным и поэтому не можем выявить и сформулировать принцип или принципы, на основе которых язык формирует исследуемые словосочетания. Но, возможно, что это связано и со спецификой родительного приименного, «поглощающего» специфику смысловых отношений между компонентами словосочетания. Вместе с тем, тот факт, что нам удалось представить отдельные фрагменты общей категории словосочетаний именно в виде дихотомических многогранговых оппозиций, говорит о том, что и данный фрагмент может быть в дальнейшем тоже категоризован.

Важно, что впервые словосочетания вообще и словосочетания с родительным приименным в частности рассматриваются как синтаксическая категория, для исследования которой применен комплексный структурный, семантический, коммуникативный и функциональный анализ. Отдельные фрагменты системы русских словосочетаний, представляются единой, целостной многогранговой категорией, что позволяет выявить некоторые свойства русских словосочетаний, связанные как с категорией актуального членения, так и с интерпретационной (трансформационной) парадигмой предложения.

Проведенный лингвистический анализ показал, что сочетания с родительным приименным могут быть семантизированы путем экспликации, «развертывания» смысла словосочетания; но даже семантически близкие по содержанию компоненты обладают разной способностью к образованию словосочетаний с родительным приименным, ср.: *птицы и звери Африки, растительность России*; и: *крокодилы в реке Нил / нильские крокодилы, астры в моем саду*. Закономерности построения того или иного типа словосочетаний с родительным приименным должны стать объектом дальнейших исследований.

Важную роль при описании словосочетаний с родительным приименным играет взгляд на исследуемые единицы с точки зрения дихо-

томии. Это дает более полное представление о природе и специфике данных структур.

В период с XVIII – начала XIX века в русском языке было много словосочетаний с родительным приименным, которым в современном русском языке соответствуют либо предложные конструкции, либо беспредложные с другими падежами. Однако остаточные явления системы данных словосочетаний того времени имеют место и сегодня. Внимательный взгляд на историю исследуемых словосочетаний во многом помогает понять современную систему языка и объяснить некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении структур с родительным приименным.

Можно сказать, что в указанный период происходит активное вытеснение словосочетаниями с родительным приименным беспредложным семантически им однородных словосочетаний с прилагательными, с одной стороны, и вытеснение предложными конструкциями словосочетаний с беспредложным Р.п.

Разные исследователи объясняют этот процесс по-разному. Некоторые связывают это с влиянием французского языка [Буслаев 1959], другие – формированием прилагательных как особого класса слов со значением свойственности, типичности [Белошапкина 1964], со становлением категории «сильного» управления [Белошапкина 1964].

Отметим также, что рассмотрение именных словосочетаний указанного периода происходит в работах исследователей по тому же принципу, как и рассмотрение современных словосочетаний в традиционных грамматиках, то есть единицы берутся как отдельные изолированные структуры, рассматривается их «лексическое наполнение» (то есть формирующая их лексика) и главным образом, зависимость зависимых компонентов от словообразовательных и лексических свойств главного слова, от отношений между компонентами и от функционирования всего словосочетания в функциональных стилях языка того времени. Однако исследуемые словосочетания не рассматриваются в структуре предложения, в процессе построения предложения-высказывания.

Тем не менее, В.А. Белошапкина [Белошапкина 1964] отмечает обусловленность некоторых моделей функцией стержневого слова в предложении. Например, «в соотносительном ряду типа *друг брата – друг брату* сочетания с Р.п. функционируют свободно, а сочетания с Д.п. закрепляются в своей исконной функции предикативно значимых структур: *он друг брату, я им сосед*. На протяжении XIX в. такое разграничение моделей по функциям становится почти правилом, причем Д.п. закрепляется в сочетаниях, включающих название лица (ср. ранее более свободное употребление: *начало делу, конец беседе*). Как правило, синтаксическая «прикрепленность» (например, быть только сказуемым

для трехчленных групп с полными формами типа *нахожу возможным сообщить, не считает необходимым спорить*) словосочетания связана с его предикативным или полупредикативным функционированием» [Белошапкина 1964: 14].

С древнейших времен для имен существительных как грамматического класса в русском языке были специфичны два типа сочетаний: сочетания с прилагательными и вообще согласуемыми словами и сочетания с беспредложным Р.п. Все другие способы распространения существительных не были так универсальны; они всегда были свойственны лишь отдельным более или менее обширным группам слов.

В ходе развития способов распространения существительных возникли соотносительные ряды семантически однородных, но различных по форме именных словосочетаний. Наиболее обширный соотносительный ряд составляли словосочетания с отсубстантивными прилагательными и с беспредложным Р.п. существительного *отцов дом – дом отца, крыльчатые ступени – ступени крыльца*, долгое время сосуществовавшие в русском языке, которые активно действуют в некоторых современных славянских языках, например, в сербском, *Петров позыв* (приглашение Петра – Петр приглашает, в отличие от *позыв Петра* – приглашают Петра).

Именно соотносительные ряды функционально однородных разноструктурных словосочетаний были центром изменений в системе именных словосочетаний особенно в первой трети XIX в.¹

Таким образом, взгляд на процессы происходящие в период с XVIII – начала XIX поможет нам дополнить современное знание о структурах с родительным приименным.

После проведенного лингвистического анализа словосочетаний с родительным приименным и после рассмотрения исследуемых единиц на уровне дихотомии, мы пришли к следующим выводам.

1. Все множество исследуемых словосочетаний можно разделить на две большие группы:

а) Словосочетания с родительным приименным без предлога с полнознаменательными словами в роли главного слова. Такие словосочетания возникают при перефразировке-трансформации предложений для решения определенных коммуникативных задач и, таким образом, вводят дополнительную пропозицию в полипропозитивное предложение: *восстановление ранее удаленных систем, строительство дамбы, учение Фомы Аквинского*. Часто их аналогами в других языках выступают простые монопропозитивные предложения.

б) Словосочетания с родительным приименным без предлога со строевыми словами в роли главного слова. Такие словосочетания воз-

¹ Подробнее см. [Белошапкина 1964].

никают до предложения в процессе решения определенных коммуникативных задач и представляют собой двусловное развернутое выражение имени одного денотата. Сюда входят дескрипции, словосочетания со словами реляционной семантики: реляторами, экспликаторами и классификаторами и родовыми словами. Большинство словосочетаний этой группы имеют свои корреляты в других языках и являются если не универсалией, то фреквентарией: *цвет ручки, форма площадки, размер ноги, структура объекта, созвездие Лебедя*.

Поскольку словосочетания с родительным приименным очень многочисленны, выявить какие-либо семантические приемы для их классификации практически невозможно.

2. Можно говорить о волнообразном движении в системе языка, о чем свидетельствует исторический материал. Так, если в начале XIX в. происходило активно вытеснение беспредложного Р.п. предложными конструкциями, то сейчас Р.п. активно пополняется за счет введения новых семантических значений.

3. Несомненным остается факт, что словосочетания не являются допредложенческой единицей, а строятся в процессе речестроения.

4. Родственные и временные отношения, выраженные в структуре родительного приименного, типа *брат жены, сестра мужа* представляют собой лингвистические универсалии и в силу своей изосемичности являют собой ядерную часть функционально-грамматического поля словосочетаний с родительным приименным.

Л и т е р а т у р а

1. *Белошапкина В.А.* Изменения в субстантивных словосочетаниях // Изменения в системе словосочетаний. М., 1964.
2. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
4. *Зализняк А.А.* О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
5. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
6. *Куликова Е.В.* Словосочетание в функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка (на материале словосочетаний с родительным приименным). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
7. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
8. *Лутин С.А.* Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М., 2008.
9. *Маркус С.* Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
10. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
11. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. VI. Praha, 1936.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПРИИМЕННЫМ БЕЗ ПРЕДЛОГА

Аннотация

Статья посвящена вопросу формирования и функционирования словосочетаний с родительным приименным без предлога. Впервые словосочетания рассматриваются как самостоятельная категория, учитывается специфика их формирования на протяжении последних двух столетий.

**FURTHER DISCUSSION OF SHAPING AND FUNCTION
OF THE WORD COLLOCATIONS WITH ADNOMINAL GENITIVE CASE
E.V. Kulikova**

Keywords: word collocations, adnominal genitive, case, function

The article is about shaping and function of word collocations with adnominal genitive case. It is a first time when this units are given in its historical development during last two centuries.

Прецедентные высказывания из русских волшебных сказок и их употребление в современном русском языке

© кандидат филологических наук Ли Сяндун (Китай),
Юань Юй (Китай), 2013

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное высказывание, русские волшебные сказки

Исходя из теории культурного пространства и прецедентного феномена¹, данная работа посвящается исследованию прецедентных высказываний (ПВ), восходящих к русским волшебным сказкам, и их употреблению в современном русском языке.

Русская волшебная сказка, представляя собой один из главных жанров фольклора, характеризуется богатейшей идейной ценностью и неповторимой красотой языка, что обуславливает ее как один из важных источников ПВ.

В данную работу входят 24 ПВ, отобранные нами из 92 волшебных сказок с помощью эксперимента, в котором участвовали 55 носителей русского языка (24 мужчины, 31 женщина), среди которых есть студенты, преподаватели, инженеры, охранники, пенсионеры и представители других профессий.

Для эксперимента нами подготовлен анкетный лист (в приложении), который состоит из двух частей.

Первая, объяснительная часть строится в соответствии с основными признаками прецедентного феномена (ПФ) (сверхличностный характер; актуальность в когнитивном плане; частая возобновляемость в речи)² и прецедентного высказывания (многоуровневость структуры значений; связь с породившим его текстом; форма употребления)³. В объяснительной части представлены 5 критериев, которые помогают участникам эксперимента выделить:

1) высказывание, употребляющееся в современной русской речи, общеупотребительное;

2) высказывание, вызывающее воспоминание о волшебных сказках или сказочных ситуациях;

3) высказывание, имеющее не только буквальное, но и глубокое значение;

4) высказывание, употребляющееся в оригинальной форме;

¹ Красных В.В., М., 2002.

² Красных В.В., М., 2002.

³ Захаренко И.В., Красных В.В., М., 1997.

5) высказывание в трансформированной форме, но легко узнаваемое.

Среди них первый критерий определяет употребительность высказывания в современной русской речи; второй – показывает связь ПВ с породившей его волшебной сказкой или сказочной ситуацией; третий – определяет значения высказываний; последние два критерия указывают на форму употребления высказывания в современной русской речи.

Вторая, табличная часть содержит 115 высказываний, процитированных нами из 92 русских волшебных сказок. При отборе возможных прецедентных высказываний из русских волшебных сказок сказочные лингвистические формулы (начатые, конечные и переходные формулы, а также описательные, диалоги-формулы) и устойчивые высказывания являются приоритетными целевыми высказываниями. Респондент должен был подобрать к каждому высказыванию номер критерия, который, по его мнению, соответствует данному высказыванию.

Далее мы провели своего рода теоретическое осмысление и практическое подтверждение в современном русском языке прецедентности высказываний, выделенных опрошенными эксперимента, пользуясь национальным корпусом русского языка, СМИ и разнообразными словарями.

Совмещая статистические данные эксперимента и результаты практической проверки, мы выбрали 24 высказывания из всех вошедших в анкетный лист как ПВ для дальнейшего исследования.

В целях исследования признаков, присущих ПВ, и функций, выполняемых ПВ в современном русском языке, мы рассматриваем ПВ в трех аспектах: значение, связь с текстом-источником и форма употребления.

1. Значение прецедентных высказываний в современном русском языке

Сопоставляя значения ПВ в волшебных сказках и в современной русской речи, мы предлагаем классификацию прецедентных высказываний, разделив на две группы.

1) ПВ, значение, а также стилистические и эмоциональные окраски (если они существуют) которых в сказках в полной мере сохраняются в современной русской речи, не подвергаясь никаким изменениям. Сюда входят следующие ПВ:

Биться (драться) или мириться; будь что будет; где это видано, где это слышано; дай попытаю счастья; дела пытаешь или от дела пытаешь; делать нечего, прошлого не воротить; живи, не тужи; зажить [себе] припеваючи; куда глаза глядят; куда деваться; куда путь дер-

жишь; куда тебя черти несут; [расти] не по годам, не по дням, а по часам, по минутам; рубил бы ты дерево по себе – лучше бы вышло; сказано-сделано; слезами дела не поправишь; собаке собачья и смерть; чему быть, того (тому) не миновать; худую (дурную) траву из поля вон.

Возьмем некоторые из них в качестве примера:

Будь что будет – эту фразу произносит герой сказки, когда он решает делать что-то, не думая о последствиях: *"Остался Иван один и думает: «Меня-то старик не погубил, а вот жив ли конь? **Будь что будет** – пойду узнаю»"* («Иван, вдовый сын»).

В современной русской речи эта фраза употребляется в ситуации, когда говорящий решает что-то делать или как-то поступать, не думая о последствиях. Данное ПВ употребляется для выражения решимости, готовности пойти на все, что бы ни случилось. Например:

*– Как вы думаете: сделает? – Не знаю... – Вот и я беспокоюсь ужасно. – **Будь что будет.** Пойдёмте танцевать. – Знаете, душно. Я уже с Теткиным уморилась, я ведь неважно танцую и не очень это люблю. [И. Грекова. На испытаниях (1967)];*

*"Господи, что ж я такое сделал? Ведь это значит передать письмо прямо в руки Гарднера". Он даже схватил было шляпу, чтобы бежать за Куртом, но только вздохнул и вяло подумал: "Теперь уж всё равно. **Будь что будет**". Но в третью минуту он уже почувствовал глубокую, спокойную и ясную уверенность: отдал – и отлично сделал, что отдал! [Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)]*

Видно, что значение и эмоциональная окраска, которую носит ПВ *будь что будет* в сказочной ситуации, сохраняются и в современной русской речи.

Где это видано, где это слыхано – указание на невиданную и неслыханную вещь и выражение удивления или сомнения говорящего в достоверности происшествия. Это основное значение передается из сказок в современную русскую речь. Сегодня русскоговорящие употребляют эту фразу в случае, когда видят или слышат о чем-либо необычном, невероятном. Посмотрим примеры:

*– Реабилитированного зачислили в органы, и притом в центральный аппарат. **Где это видано, где это слыхано?** К тому ж ещё и масона, пусть и в далёкой молодости, но ведь масона. [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)]*

*– Дачу, гараж, две машины и сад. **Где это видано, где это слыхано.** Если зарплата пятьсот пятьдесят. [Евгений Попов. Горбун Никишка (1970-2000)]*

– Подумать только: секретарь ЦК писал стихи! «Где это видано, где это слыхано?» Правда, таланты не афишировались, но стихи просочились: вполне приличные. [Николай Амосов. Голоса времен (1999)]

Сказано-сделано – это выражение означает немедленное выполнение данного обещания. Посмотрим в первую очередь сказочные фрагменты:

“Дай мне, батюшка, двадцать девять девиц; я сама буду тридцатая, пойду с ними к белым полотняным шатрам, переночую в тех шатрах единую ночь и открою вам виновника”. **Сказано-сделано.** Поутру зовёт султан турецкий млада Балдака, сына Борисьевича, в палаты к себе, а зовёт его с товарищами через своего пашу любимого (Балдак Борисьевич);

Утром говорит старушка красной девице: «Вот тебе подарок: золотое пяльце да иголочка; ты только пяльце держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы». **Сказано-сделано.** Пришла красная девица на Просвирин двор и нанялась в работницы; дело у неё так и кипит под руками... («Перышко финиста – ясна сокола»)

В современной русской речи значение этого ПВ сохраняется. Например:

– Армяне умеют считать деньги. А если родится девочка, Володька вообще никуда не денется. Отцы любят девочек как ненормальные. **Сказано – сделано.** Ирина изловчилась и зачала ребёнка. А через девять месяцев родилась девочка. Назвали Снежана. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

– Ну раз такое дело, отец вызвал "своих" лилипутов и сказал: "Все в комсомол – немедленно!" **Сказано – сделано.** Раньше в комсомол первичная организация принимала, а потом райком утверждал. [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)];

– Тогда Л-в, вообразив, что не боги горшки обжигают, решил стать беллетристом. **Сказано – сделано:** месяца через два был готов роман. Л-в пригласил всех сотрудников, устроил великолепный ужин, а затем приступил к чтению. [В.Ф. Ходасевич. О меценатах (1936)]

ПВ *сказано-сделано* используется в случае, когда подчеркивается решительное и немедленное действие человека после того, как он обещал.

Слезамы дела не поправишь – в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» эта фраза означает, что слезы не решат проблемы, не помогут делу. Используя эту фразу, царь утешал царицу, которая горько плакала из-за предстоящей разлуки с сыном.

В ситуации, требующей утешить кого-то, высказать соболезнование, современные русские бессознательно прибегаем к этому ПВ как совету не поддаваться отчаянию и печали. Данное ПВ представляет собой языковую форму тактики, заложенной в русской национальной культуре.

Не знала, как матери на глаза показаться. Есть карточки – живешь, нет карточек – смерть. Выли с матерью на пару, детей напугали так, что и те в голос заревели – как на поминках. Слезами однако дело не поправишь. [http://www.pravdasevera.ru/?id=13525]

Этот абзац выписан из статьи, в которой автор вспоминает те трудные годы после того, как ее отец умер. Они много переживали, «выли», но слезы не помогли.

2) ПВ, которые сохраняют первоначальное значение в сказках, но в современной русской речи приобретают некоторые стилистические окраски. К этой группе относятся такие ПВ, как *в ус не дует*; *век живи, век учись*; *долго ли, коротко ли*; *много будешь знать, скоро состаришься*; *откуда ни возьмись*.

Посмотрим примеры:

В ус не дует — в значении: словно ничего не случилось, как ни в чем не бывало. Посмотрим фрагменты с этой фразой из волшебной сказки «Заколдованная королева»:

*...а в одном покое стол накрыт, на столе разные закуски и вина приготовлены, богатые приборы поставлены. Иван купеческий сын взял – из всякой бутылочки выпил до рюмочки, со всякой тарелочки съел по кусочку, напился-наелся, сидит себе и **в ус не дует!***

Иван съел все на столе, но вел себя так, будто ничего не случилось.

В современном русском языке данное ПВ обычно употребляется для изображения человека, который погружается в собственный мир или свою жизнь и поступает так, словно в окружающем мире ничего с ним не случилось. Современные примеры следующие:

*– Ты же сама на Дольникова смотреть без смеха не можешь. А он доктор наук и профессор, между прочим. – Да, ты это правильно говоришь, – согласилась она. – Но вот Андрей Николаевич, над которым мы потешаемся, живет себе и **в ус не дует**. Имеет лычки, занимает непьющую должность, строит из себя светило медицины и за каждую консультацию берет, между прочим, по четыреста-пятьсот рублей. [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]*

Андрей Николаевич, над которым остальные потешаются, живет сам по себе, как будто смеха со стороны никогда не было.

– И даже плакал, оттого что проклятая судьба поставила его в такие обстоятельства. Но подпустить все-таки пришлось... И теперь этот альбатрос в Америке уважаемый человек, женился на американке. Живет в Калифорнии в собственном доме под пальмами и **в ус не дует**. А тут жил в семейном общежитии с женой и дочкой. [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]

Раньше герой много пострадал, но теперь он женат и живет в Америке, словно все неприятное ушло в прошлое.

Иногда это ПВ в современной русской речи говорится с легким неодобрительным оттенком. Например:

– Слева обитает ветеран, глухой как пень, – чистит, поди, свои медали и **в ус не дует**. [Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени* (2008)];

– Поинтересуется, почему это в новогодние праздники, самый разгар будней Деда Мороза, данный экземпляр нагло сибаритничает и **в ус не дуем**. [Юлия Капишникова. *Нашел спящего Деда Мороза!* // «Пятое измерение», 2003].

«Глухой как пень», «нагло сибаритничать» – эти выражения передают неодобрение автора к описываемому. Так что, здесь ПВ *в ус не дуем* приобретает тонкую неодобрительную стилистическую окраску, чего нет в сказках.

Век живи, век учись – в сказке «Верлиока» дед застал селезня по дороге к Верлиоке. Селезень говорил ему: **«Век живи, век учись»** и учил его, как убить Верлиоку. Здесь фраза *век живи, век учись* означает необходимость и значение учиться чему-либо новому вне зависимости от возраста. Это ПВ является одним из самых употребительных высказываний в современном русском языке с тем же значением. Например:

– Но неужто вам ещё надобно учиться, братец? – удивляется Наташа.
– **Век живи, век учись!** – отвечает брат, пересматривая записи Дена⁴.

Иногда русские употребляют это ПВ в шутку, когда узнают что-либо новое, чего до сих пор не знали, например:

– Прежде всего я оглядел сапоги Павловского. По виду – сверху – советские, офицерские, они имели подошвы немецких армейских сапог, подбитых гвоздями с широкими шляпками, каблуки были охвачены металлическими подковками. Такого гибрида за три года войны я ещё не встречал – **век живи, век учись**. [В. Богомолов, *В августе сорок четвёртого...*]

⁴ 叶芳来 俄汉谚语俗语词典. 北京: 商务印书馆, 2005. С. 34

Герой называет наряд Павловского «гибридом», имея в виду его странную, необычную одежду, чего никогда не видел. Поэтому он шутиливо сказал: «Век живи, век учись».

Долго ли, коротко ли – в сказках это выражение используется как переходная формула со значением: прошло неизвестно сколько времени. Посмотрим сказочные фрагменты:

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю; нагоняют его старише братья, узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море... («Соль»);

Долго ли, коротко ли они этак плавали, наконец подплыли к берегу; а тут на плоту стояла царевна и мыла бельё... («Хитрая наука»);

Долго ли, коротко ли – пришёл он на царский двор, прямо к царю, и сказал: «Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить»... («Скорый гонец»).

В современной русской речи данное выражение или просто указывает на время действия, или наряду с основным значением обозначает еще нелегкий процесс достижения чего-либо:

Потом второй сын, что был младше старшего, но старше младшего (который умер в отрочестве), также встал и пошел (хотя ему ничего не говорили). Долго ли, коротко ли шел, неизвестно. Далеко ушел. [Алексей Радов. Сказки // «Октябрь», 2002]

Долго ли, коротко ли текло время, но Настенька успела прекрасно овладеть немецким языком, а Ирина — несколько разочароваться в своем суженом. [Владимир Рецеттер. «Эта жизнь неисправима...» (Записки театрального отщепенца) (2001)]

Долго ли, коротко ли времени прошло, очнулся Афоня. [Виноградная лоза (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.11.23]

Долго ли, коротко ли, но они благополучно справились с задуманным, о чём вы узнали из их любезного приглашения приехать, погостить. [Мария Пушьева. На крыше дома твоего (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.04.11]

Долго ли, коротко ли она утешала своего кавалера, но привела его за руку в сортировку, поставила среди коридора, сама рядом обороной встала. [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]

Долго ли, коротко ли, но после разных цензурных осложнений роман наконец был напечатан в журнале и потом вышел отдельной книгой, и на титульном листе я не без тайного тщеславия прочёл напечатанное мне посвящение. [В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)].

Много будешь знать, скоро состаришься — эта фраза встречается в сказке «Василиса Прекрасная»: героиня попала в избушку Бабы-

Яги, которая велела ей служить себе. В избушке Бабы-Яги много волшебного, вызывающего у Василисы интерес. Но Баба-Яга предупредила ее: **«Много будешь знать, скоро состаришься»** в значении: тот, кто знает больше, стареет быстрее.

В современной русской речи в данном значении употребляется эта фраза в такой ситуации, когда говорящий не умеет или не хочет чего-нибудь объяснить, тем самым отказываясь от ответа на вопрос или продолжения разговора. Например:

– От кого же это письмо? – проговорила Настенька и хотела было взять со стола пакет, но Пётр Михайлыч не дал. – Та, та, та! Очень любопытна! Много будешь знать, скоро состаришься, – сказал он. [А. Писемский, Тысяча душ].

Пётр использует это ПВ как отказ от ответа на вопрос Насти.

На мой вопрос, что это значит, матушка закричала на меня, а потом сказала фразу, которую я обыкновенно слышала, когда старики не умели или не хотели чего-нибудь объяснить детям: «Много будешь знать, скоро состаришься». [Е. Водовозова, На заре жизни]

Старый конь борозды не испортит – так, что ли? – Много будешь знать – скоро состаришься. И вообще что ты понимаешь в зрелых мужчинах, – расплылась Карина в раскрасневшейся улыбке. [Дарья Симонова. Сорванная слива (2002)]

Из примеров видно, что в современной русской речи это ПВ произносится с некоторым шутливым оттенком, чего не чувствуется в сказке.

Откуда ни возьмись – в русских волшебных сказках это выражение описывает неожиданное появление положительного героя или его помощника. Например:

Вдруг откуда ни возьмись – явился старец и спрашивает: “Чего тебе надобно? Зачем позвала?” («Хитрая наука»);

Вдруг откуда ни возьмись — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему: “Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королева пусть едет на коне золотом”... («Иван-царевич и серый волк»).

В современной русской речи это выражение употребляется для характеристики неожиданного возникновения кого-нибудь или чего-нибудь. Посмотрим примеры:

Но тут откуда ни возьмись появилась в воздухе рука, а вслед за рукой материализовался и её владлец в камуфляжной одежде с армейским ремнём на чреслах – охранник, значит. [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)]

Здесь ПВ *откуда ни возьмись* описывает неожиданное появление той «руки».

Иногда это выражение приобретает шуточный и иронический оттенок, если это адресовано отрицательному по мнению автора человеку или явлению. Например:

В судьбоносные периоды страны у Компартии – откуда ни возьмись – появляются "друзья по духу", как их называют "потенциальные союзники". [Б.Я. Кашианова. На другом берегу (2003) // «Советская Россия», 2003.08.23]

Всё славно, не сглазить бы, да вот только откуда ни возьмись – "облава" на олигархов, арест одного из ведущих менеджеров "ЮКОСа". [Владимир Попов. Страсти по «черному золоту». России прочат лидерство в мировой нефтяном экспорте. Но ценой утраты перспектив развития отечественной экономики (2003) // «Завтра», 2003.08.13]

В последних двух примерах авторы выделяют выражение «друзья по духу» и «облава на олигархов», тем самым выражает к ним скептическое отношение, в связи с этим ПВ *откуда ни возьмись* приобретает тонкий иронический оттенок.

Практический анализ на современных материалах показывает, что рассмотренные ПВ сохраняют устойчивость в основном значении, что обеспечивает им высокую "узнаваемость" в современной коммуникации.

2. Связь прецедентных высказываний с текстом-источником

Как мы знаем, что по признаку существования / отсутствия связанности с текстом-источником ПВ могут сохранять или потерять связь с определенным текстом⁵. Что касается ПВ, восходящих к волшебным сказкам, то по результатам нашего эксперимента и практического анализа они отличаются «особой» связанностью с текстом-источником, по которой мы разделяем их на две группы.

1) Больше 50% среди выбранных нами ПВ встречается во многих русских сказках, т.е. они связаны не с «определенным текстом», а с волшебными сказками вообще.

Прецедентное высказывание *долго ли, коротко ли* имеет место во многих волшебных сказках, иногда даже несколько раз повторяется в одной сказке. Например, в сказке «По щучьему велению» это высказывание повторяется два раза: *«долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера – его найти и привез-*

⁵ Захаренко И.В., Красных В.В., М, 1997.

ти во дворец...»; «**долго ли, коротко ли** – проснулся Емеля, видит – тёмно, тесно...».

К таким ПВ принадлежат и *биться* или *мириться*; *будь что будет*; *где это видано, где это слыхано*; *зажить [себе] припеваючи*; *куда глаза глядят*; *куда деваться*; *куда путь держишь*; *от дела лятаешь аль дела пытаешь*; *откуда ни возьмись*; *[расти] не по годам, не по дням, а по часам, по минутам*; *сказано-сделано*; *собаке собачья и смерть*.

Не трудно отмечать, что почти все эти ПВ относятся к сказочным формулам или к устойчивым выражениям. Среди них ПВ *зажить себе припеваючи* принадлежит к конечной формуле; *долго ли, коротко ли*; *куда глаза глядят*; *куда деваться*; *откуда ни возьмись*; *сказано-сделано* представляют собой повествовательные формулы. ПВ *биться* или *мириться*; *будь что будет*; *куда путь держишь*; *от дела лятаешь аль дела пытаешь*; *(расти) не по годам, не по дням, а по часам, по минутам*; *собаке собачья и смерть* – устойчивые выражения, которые или описывают внешность героев, или произносятся героями.

2) Остальные ПВ обладают единственным текстом-источником. Это *в ус не дует* из сказки «Заколдованная королева»; *век живи, век учишь* из «Верлиоки»; *дай попытаю счастья* из сказки «Иван, вдовый сын»; *делать нечего, прошлого не воротить* из сказки «Птичий язык»; *живи – не тужи* из сказки «Хитрая наука»; *куда тебя черти несут* из «Волшебного кольца»; *много будешь знать, скоро состаришься* из сказки «Василиса Прекрасная»; *рубил бы ты дерево по себе – лучше бы вышло* из «Волшебного кольца»; *слезами дела не поправишь* из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»; *худую(дурную) траву из поля вон* из сказки «Иван, вдовый сын»; *чему быть, того не миновать* из сказки «Царь-девица».

В какой бы связи ни находился ПВ с текстом-источником, с волшебными сказками вообще или с определенной конкретной волшебной сказкой, средний носитель русского языка узнает их с первого взгляда и помнит, что это сказочные выражения, но редко может назвать, из какой сказки они исходят. Все это обусловлено признаками волшебной сказки: устойчивость в композициях, повторяемость лингвистических формул, сходство в сюжетах и т. п.

3. Форма употребления прецедентных высказываний в современном русском языке

Статистические данные эксперимента и наша практическая проверка показывают, что подавляющее большинство рассмотренных нами ПВ из волшебных сказок является каноническими, т. е. они выступают

как строгая цитата, не подвергающаяся изменениям⁶. Это, на наш взгляд, обусловлено языковой устойчивостью волшебных сказок, которые передаются из поколения в поколение в зафиксированной форме. Но есть и исключения. Следующие 3 из рассмотренных ПВ представлены в трансформированном виде при употреблении в современном языке.

Делать нечего, прошлого не воротишь – в значении: то, что было, никак не изменишь. В современной русской речи чаще употребляется последняя часть этого ПВ, более того, вместо слова «прошлого» возможно и слово «деланного». Посмотрим примеры:

*Эту возможность создал научно-технический прогресс, и **деланного не воротишь**. [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]*

*Потом усыпленная пушистым обращением особь в штанах, возможно, и пожалеет о сделанном. Но **сделанного не воротишь**. Объяснять труднее. [Марианна Баконина. Девять граммов пластики (2000)]*

ПВ [расти] не по годам, не по дням, а по часам, по минутам обозначает быстрый темп развития какого-нибудь действия. В современной русской речи бывают случаи, когда вместо глагола «расти» возможно употребление других глаголов, но значение и основная конструкция остаются неизменными. Например:

*Но беспорядков уже не было. Порядок и безопасность были установлены и обеспечены в столице. Население организовалось **не по часам, а по минутам**. [Н.Н. Суханов. Записки о революции / Книга 2 (1918-1921)]*

Слезами дела не поправишь – современные русские чаще употребляют другие виды этого ПВ, например: «слезами делу не поможешь», «слезами горю не поможешь». Например:

*– Успокойтесь, успокойтесь, Екатерина Федоровна, – сказал я, – **слезами делу не поможешь**, надо подумать, как их разыскать скорее. [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]*

*Но отец Тимоши, Тимофей тоже Шапкин, сказал, что плакать толку мало, **слезами горю не поможешь**, всем велел братья за инструменты. [Владимир Войнович. Замысел (1999)]*

Следует отметить, что трансформированный вид не оказывает влияние на основное значение этих ПВ, другими словами, в какой форме ни употребляются эти ПВ, оригинальной или трансформированной, их значение остается неизменным.

⁶ Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., М., 2004. С.35.

4. Заключение

В современных научных исследованиях прецедентных феноменов ПВ является менее изученным как в теоретическом плане, так и в практическом плане. Теоретическое осмысление ПВ, восходящих к русским волшебным сказкам, и практический анализ на примерах с их употреблением в современном языке позволяет нам сделать следующие выводы.

Кроме основных признаков, приписываемых ПВ (сверхличностный характер; актуальность в когнитивном плане; частая возобновляемость в речи, многоуровневость структуры значений), мы выявляем еще некоторые новые, дополнительные характеристики, присущие ПВ, восходящим к русским сказкам.

Такие основные признаки волшебных сказок, как устойчивость в композиции, обилие лингвистическими формулами и их повторное употребление, сходство в сюжетах и образах героев, во-первых, помогают ПВ из волшебных сказок сохранять связь с источником, придают ПВ «волшебно-сказочный» вид, который позволяет носителям русского языка узнать их с первого взгляда, во-вторых, обеспечивают подавляющему большинству ПВ в современной русской речи стабильное значение и форму, зафиксированные в сказке. Благодаря устойчивости в форме и значении некоторые ПВ из волшебных сказок входят в состав пословиц, поговорок или фразеологизмов. К пословицам и поговоркам относятся *в ус не дует; век живи, век учись; дела пытаешь или от дела лытаешь; много будешь знать, скоро состаришься; руби дерево по себе (компактная форма ПВ рубил бы ты дерево по себе—лучше бы вышло); слезами горю не поможешь (трансформированный вид ПВ слезами дела не поправишь); чему быть, того (тому) не миновать; худую (дурную) траву из поля вон*. Такие пословицы и поговорки получают название «фольклорные прецедентные высказывания»⁷. В фразеологизмы входят *будь что будет; долго ли, коротко ли; сказано-сделано*. Этим объясняется частичное совпадение ПВ с традиционными пословицами, поговорками и фразеологизмами.

Русские сказки, и волшебные сказки в частности, оказываются одним из важнейших источников ПВ, которые чаще всего представлены в форме начатых, конечных, переходных, диалогов-формул или устойчивых выражений в волшебных сказках. Сказки играют важную роль на начальном этапе в процессе социализации человека. В современном русском языке ПФ, в том числе и ПВ, представляя собой носитель духовных ценностей и культурного наследия народа, выступают в качестве инвариантов восприятия в познавательной деятельности всех членов русского лингво-культурного сообщества.

⁷ Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., 2004. С. 32.

Наша статья ограничивается исследованием ПВ в пределах волшебных сказок. ПВ предстоит дальнейшее исследование, например, на материалах других жанров фольклора, с тем, чтобы обосновать признаки ПФ, выявить его функции, осветить тесную связь языка, культуры и национальности. Результаты исследования ПВ могут быть полезными для преподавания и изучения русского языка и помогают найти доступ к пониманию русской культуры.

Л и т е р а т у р а

1. *Аникин В.П.* Русская народная сказка. М., 1984.
2. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 5 т. Т. 2. М., 2008.
3. *Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1999.
4. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство, лингвокультурологический словарь. М., 2004.
5. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М., 1979.
6. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
7. *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2.
8. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.
9. *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте. // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
10. *Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингвокогнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний. // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
11. *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. // Международный конгресс МАПРЯЛ. Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Доклады советской делегации. М., 1982.
12. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.
13. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
14. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
15. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
16. *Красных В.В.* Культурное пространство: система-координат. // *Respectus philologicus*. Варшава, 2005.
17. 叶芳来 《俄汉谚语俗语词典》. 北京: 商务印书馆, 2005.

Приложение

Анкетный лист

Пол. М. Ж.
 Возраст 20 лет 20~30 лет 31~40 лет 40 лет

Дорогие друзья!
 Мы все любим сказки. Они существуют сотни и тысячи лет, приходят к нам в раннем возрасте и остаются с нами на всю жизнь.

Мы проводим исследование, которое позволит нам установить, какие выражения из русских волшебных сказок употребляются в речи носителями русской культуры. Помогите нам сделать наше исследование более полным и достоверным.

Заполните, пожалуйста, анкету, в которой процитированы высказывания из русских волшебных сказок.

Отметьте, пожалуйста, номера критериев, которым соответствуют выбранные высказывания:

5. высказывание, употребляющееся в современной русской речи (вы используете/слышите/читаете); общеупотребительное;
6. высказывание, вызывающее воспоминание о волшебных сказках или сказочных ситуациях;
7. высказывание, имеющее не только буквальное, но и другое значение;
8. высказывание, употребляющееся в оригинальной форме;
9. высказывания, в которых сохраняется конструкция, но возможны **другие слова** вместо оригинальных, при этом высказывание легко **УЗНАЁТСЯ**. Если можно, приведите примеры.

Образцы для заполнения анкеты:

1. *в тридевятом царстве, в тридесятом государстве*

Данная фраза соответствует критериям 1 (употребляется в общении), 2 (вызывает воспоминание о сказке), 3 (при употреблении она обозначает нереальное, несуществующее или далеко расположенное место) и 4 (употребляется именно в этой форме).

2. *махнула левым рукавом/левой рукой – (озеро), махнула правым/правой – (лебеди)*

Данная фраза соответствует критериям 1 (*– Ваш город просто не узнать! – Да это всё мэр: махнет правой рукой – памятник, махнет левой – эстакада...*), 2 (напоминает о сказке), 3 и 4.

3. *не пей, козлёночком станешь*

Данная фраза соответствует критериям 1, 2, 3, 5 (встречаются другие варианты этой фразы, как *не пей, не ешь – козлёночком станешь; не смотри – козлёночком станешь; Пей. Козлёночком не станешь!*)

4. *ни в сказке сказать, ни пером описать*

Данная фраза соответствует критериям 1, 2, 3 и 4

5. *жил-был...*

Данная фраза соответствует критериям 1, 2, 4 (жила-была)

Высказывание	Ваш выбор	Высказывание	Ваш выбор
Биться/Драться или мириться.		Мёртвого назад не воротишь.	
Бог тебя не		Мне из твоей вины не	

оставит.		шубу шить!	
Будь что будет.		Много будешь знать, скоро состаришься.	
В молодых годах на утеху, в старости на подмогу, а по смерти на помин души.		Много ли, мало ли времени прошло.	
В ус не дует.		Много морей изъездить, во многих землях побывать.	
Век живи, век учись.		Мы спим – не спим, думать думаем...	
Век очей не отвести.		На ладонь кладу, а другой прихлопну – и останется от тебя только грязь да вода.	
Век тому не бывать.		Начинается сказка от сивки, от бурки, от каурки.	
Век, обнявшись, не просидеть.		Нашепчутся две кумы – весь мир узнает.	
Видом не видать и слыхом не слышать.		Не время спать, время вставать.	
Вот остроглазая: всё видит далеко.		Не выслужишь и выеденного яйца.	
Вот диво, так диво.		Не медля нимало, предстать пред его очи светлые.	
Всякой птице свой хвост ближе к телу.		Не остаётся от кого ни следа, ни памяти.	
Где махнешь помелом – там будет улица, а перемахнешь – так и с переулочком.		Не подстрелив ясного сокола, рано перья щипать.	
Где меня бог благословит, там и буду.		Не пойдёшь охотою, возьму силою.	
Где это видано, где это слыхано...		Не пробраться туда ни пешему, ни конному.	
Дай попытаю счастья?		Нечего с ног ломать.	
Два ореха в		Ни на единый миг покоя	

короб, два из короба...		не давать.	
Двое из сумы.		Ни не шаг прочь не отойду!	
Двоим смерть не страшна!		Ни одна птица мимо не пролётывала, ни один зверь мимо не прорыски- вал.	
Дела пытаешь или от дела лытаешь.		От нашего ребра не ждать нам добра.	
Делать нечего, прошлого не воротишь.		Откуда ни возьмись.	
Дело на лад идёт.		Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки уезжает сын от матери на бой...	
Дело у неё так и кипит под рука- ми.		Поездить по разным местам, по чужим зем- лям, людей посмотреть и себя показать.	
Держи, лови, руби его/её.		Поминай как звали.	
Диво дивное, чудо чудное.		Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано – нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катит- ся.	
До последней капли крови служить.		Простить первую вину.	
Долго ли, корот- ко ли.		Раньше времени хвалить- ся.	
Драться не на живот, на смерть.		Расти не по годам, не по дням, а по часам, по минутам.	
Другой такой красавицы на всём белом свете не найдёшь.		Рубил бы ты дерево по себе – лучше бы вышло.	
Живи – не тужи!		С кем не случается беда?	
(Живут роскош- ные – и празд- нуют; живут горемычные – и трудятся:) каж- дому своя доля!		С краю до краю все дворы обходила – а толку нет ни капли.	
Жить в тишине и согласии.		Сегодня попируем, а завтра и за работу при-	

		немя.	
Жить и питаться, чем бог послал.		Сказано-сделано.	
Жить-поживать да добра наживать.		Сказке конец, а добру молодцу квасу корец.	
За правду грудью стоять.		Скатерть, скатерть! Развернись, раскатись, напои, накорми меня, доброго молодца.	
Зажить себе припеваючи.		Слезами дела не поправишь.	
Запели петухи – и демонское наваждение стинуло!		Слушаться кого в горе и в радости.	
Запереть Горе в сундук да в землю закрыть.		Собаке собачья и смерть!	
И стала она в добре поживать, лиха не зная.		Спать бы тебе вечным сном, кабы не я!	
Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом.		То был в беде, а что теперь будет со мной.	
Избушка, избушка! Стань постарому, как мать поставила.		То был не нужен, то вдруг понадобился.	
Искать лёгкого хлеба.		То не я хвалился, то хмель хвалился.	
Как не попытать счастья?		Товар не худ, купец не глуп; чай, сам цену знаешь.	
Как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся.		Ты меня пожалел, а я тебя добру научу.	
Кому своё добро не дорого?		У меня коли похвалился, так и дело сделай.	
Кто меня любит, тот сам найдёшь.		Умным – дорога, и дуракам – путь не заказан.	
Кто первый встретится, того и просить.		Худую (дурную) траву из поля вон.	
Кто пойдёт направо (тог царство получит), а кто пой-		Чему быть, тому не миновать.	

дёт налево (тот много зла и горя примет).			
Кто хошь приходи, пей и ешь на казённый счёт		Что ни скажет – то и сбудется, чего ни пожелает – то и даст господь.	
Куда глаза глядят.		Что угодно, что надобно.	
Куда деваться.		Что, дела пытаешь аль от дела лыгаешь?	
Куда клубочек покатится, туда и путь держи.		Это работа моих рук не минует.	
Куда путь держишь.		Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать/ни твои слушать.	
Куда тебе, нет совсем ходу!		Я твои думки ведаю, хочешь, пособлю твоему горю?	
Куда тебя черти несут.		Я тотчас являюсь перед тобой, как лист перед травой.	
Лишняя обуза с рук долой.		Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай.	
Лучше смертную чашу испить, чем в бесчестье жить да лютому ворогу дань платить.			

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЗ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Данная работа посвящается исследованию прецедентных высказываний (ПВ), восходящих к русским волшебным сказкам, и их употреблению в современном русском языке. Русские волшебные сказки оказываются одним из важнейших источников ПВ, представленных чаще всего в форме начатых, конечных, переходных, диалогов-формул или устойчивых выражений волшебных сказок. В современном русском языке ПВ из волшебных сказок отличаются устойчивостью в значении и форме и выступают в качестве инвариантов восприятия в познавательной деятельности всех членов русского культурного сообщества.

**PRECEDENT STATEMENTS FROM RUSSIAN MAGIC FAIRY TALES
AND THEIR USAGE IN MODERN RUSSIAN
Li Xiangdong, Yuan Yu**

Keywords: precedent phenomenon, precedent statement,
Russian magic fairy tales

Abstract

This article concerns the usage in modern Russian of precedent statements, the latter chiefly taking its origin in Russian magic fairy tales. In these magic fairy tales, precedent statements usually take the forms as beginning, ending, transitions, dialogue-formulas or fixed expressions. In modern Russian, precedent statements from magic fairy tales are prone to remain stable both in terms of meaning and form, while acting as a perceptive invariant in the cognitive activities as part of the construction of the Russian cultural community.

Русское коммерческое письмо: аспекты описания в учебных целях

© кандидат филологических наук В.А. Маркова (Россия), 2013

Ключевые слова: русское коммерческое письмо, типы коммерческих писем, структура, композиция, языковые и текстовые нормы, сопоставительный анализ русскоязычных и иноязычных текстов коммерческих писем

Деловая сфера общения, и прежде всего общение в области коммерческой деятельности, традиционно вызывает большой интерес в иностранной аудитории, так как многие учащиеся хотели бы работать в коммерческой структуре в качестве переводчика. Одной из основных обязанностей переводчика является работа с документами, в том числе с коммерческой корреспонденцией. Как отмечают Л.Р. Дускаева и О.В. Протопопова, деловые письма, несмотря на появление новых, более быстрых технологий, остаются сегодня надежным каналом связи: «входящая и исходящая корреспонденция занимает значительное место в документообороте организаций» [Дускаева, Протопопова 2006: 78]. Обучение составлению коммерческих писем на русском языке является, таким образом, одной из основных составляющих курса русского языка в деловом общении для иностранных учащихся. Это значит, что русское коммерческое письмо нуждается в таком описании, которое отвечало бы потребностям процесса обучения, учитывало бы его цели. В настоящей статье мы представляем некоторые соображения о том, какие аспекты должно включать описание коммерческого письма в учебных целях, каково содержание каждого аспекта такого описания.

Обучение общению в какой-либо сфере имеет целью формирование коммуникативной компетенции, которая, как указывает Д.И. Изаренков, включает три составляющих: 1) предметную компетенцию («денотативный план высказываний, фрагменты окружающего мира через знания человека об этом мире»), 2) языковую компетенцию (знание языковых единиц всех уровней, знание правил оперирования этими единицами для построения единиц более высокого уровня, умение на основе строительного языкового материала и правил комбинирования языковых единиц строить неограниченное число коммуникативных единиц определенной семантики) и 3) прагматическую компетенцию (знание «соответствий между коммуникативными намерениями (интенциями) и реализующими их высказываниями», а также «соответствий между вариативной формой высказываний, реализующих одно и то же намерение, и ситуативными условиями речевого акта»), умение «реализовывать ком-

муникативное намерение путем выбора речевого действия в соответствии с требованиями ситуации и логикой протекания речевого акта») [Изаренков 1990: 56-57]. Такое понимание коммуникативной компетенции демонстрирует актуальность для процесса обучения как собственно языковых, так и экстралингвистических параметров.

В нашем случае целью обучения является формирование у учащихся коммуникативной компетенции в области письменного делового общения (ведения коммерческой переписки). Соответственно описание коммерческой корреспонденции в учебных целях, адресованное преподавателю, должно включать всю информацию, которая актуальна для формирования у учащихся коммуникативной компетенции в этой области – информацию как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Представляется, что описание коммерческого письма в целях обучения должно включать следующие аспекты:

1) информацию о том, что такое коммерческое письмо, какие виды коммерческих писем существуют, каково их назначение, т.е. сведения, связанные с коммерцией как видом деятельности;

2) описание структуры и композиции коммерческих писем разного типа; для этого необходимо иметь представление о минимальной структурной единице текста коммерческого письма, о том, в какие части объединяются эти единицы, каково взаимное расположение этих частей;

3) описание языкового материала коммерческих писем – тех языковых средств, которые в них используются; выявление принципов использования языковых средств: механизма выбора языкового средства в зависимости от экстралингвистических параметров;

4) описание текстовых норм коммерческого письма;

5) сопоставительный анализ русскоязычных и иноязычных текстов писем (если предполагается преподавание в мононациональных группах).

Рассмотрим каждый из этих аспектов.

1. Типы коммерческих писем

Знания о том, какие виды коммерческих писем существуют, кто является их адресантом и адресатом, какие цели в них ставятся, необходимы для формирования у учащихся предметной компетенции. Следовательно, эта информация должна быть одной из составляющих описания коммерческой переписки в учебных целях. Охарактеризуем коротко основные виды коммерческих писем.

К числу коммерческих писем принадлежат письма-запросы, письма-предложения и письма-рекламации. Первые два типа писем относятся к так называемой предконтрактной переписке. Письмо-запрос направляется, как правило, покупателем и представляет собой просьбу сообщить

какую-либо информацию. Предложение – это письмо, в котором продавец предлагает поставить товар на определенных условиях. Существует также такая разновидность письма-предложения, как встречное предложение – такое письмо направляется покупателем продавцу в том случае, если его не устраивают какие-либо условия поставки, и он предлагает свои условия.

Письма-рекламации составляются в связи с ненадлежащим выполнением обязательств по контракту. Такие письма могут составляться как покупателем, так и продавцом. В рекламациях предъявляются различного рода претензии. Это могут быть претензии в связи с неудовлетворительным качеством поставленного товара, в связи с недостаточностью товара, в связи с ненадлежащей упаковкой, задержкой в поставке, несоблюдением условий платежа и т. п. [Жданов, Жданова 2002: 113]. Каждый тип писем имеет свою цель: попросить о предоставлении информации, предложить товар на определенных условиях, изменить условия поставки, потребовать компенсацию за ненадлежащее исполнение обязательств по контракту.

2. Структура и композиция коммерческого письма

Следующий аспект описания коммерческой переписки в учебных целях – это описание структуры и композиции разных типов коммерческих писем. Коммерческое письмо, как и любой текст, состоит из некоторых элементарных структурных единиц, «кирпичиков». Композиция коммерческого письма представляет собой определенное расположение этих элементарных структурных единиц.

Что является «кирпичиком» текста коммерческого письма? В каких единицах удобно описывать его структуру? В литературе, посвященной деловому тексту, при описании структуры и композиции писем используется понятие «аспект». При этом предлагаются разные определения понятия «аспект»: содержательный фрагмент, включающий речевое действие [Колтунова 1998: 26], ситуативно-оценочная модель: «сообщение о некоторой ситуации и логическая оценочная модель этой ситуации» [Веселов 1993-а: 21], «мысль, выражаемая одним или несколькими предложениями» [Веселов 1993-б: 20]. Следует заметить, что границы понятия «аспект» не являются достаточно четко очерченными. Так, П.В. Веселов отмечает: «Изложение каждого аспекта содержания рекомендуется начинать с нового абзаца. Новую тему или новый поворот темы следует также выделять новой строкой» [Веселов 1993-б: 21]. Ту же мысль находим у М.В. Колтуновой: «Абзацное членение может быть проведено в пределах текста одноаспектного письма <...>, а также в пределах одной композиционной части письма, совпадающей с аспектом. Красной строкой выделяется новая мысль, тема или поворот темы»

[Колтунова 1998: 27]. Из приведенных цитат следует, что аспект не является элементарной структурной единицей, так как внутри аспекта возможны «поворот темы» или развитие новой темы, новой мысли. Таким образом, понятие «аспект» характеризуется некоторой размытостью и неоднозначностью. Кроме того, понятие «аспект» не обладает строгим лингвистическим статусом, оно имеет функциональный характер: «... в качестве самостоятельных аспектов рассматриваются речевые фрагменты с однотипными речевыми действиями – просьбами, сообщениями, предложениями... Выделение каждого речевого действия в самостоятельный аспект необходимо потому, что по каждой просьбе, по каждому предложению принимается самостоятельное решение» [Колтунова 1998: 26]. Иными словами, например, две разные просьбы в письме признаются разными аспектами, хотя в языковом отношении они ничем друг от друга не отличаются. Чисто функциональный характер понятия «аспект», отсутствие в нем корреляции между планом содержания и планом выражения делает неудобным использование этого понятия для лингводидактического описания текста¹. С другой стороны, представляется затруднительным использовать те понятия, которые традиционно применяются при лингвистическом описании текста (сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, прозаическая строфа и т. п.), так как они предполагают определенную протяженность структурной части. В деловом же письме, в связи с его ярко выраженным прагматическим характером, лаконичностью, структурная часть часто ограничивается рамками предложения. Очевидно, для адекватного описания текста делового письма должно быть разработано какое-то новое понятие минимальной структурной единицы, которое, с одной стороны, отражало бы специфику этого рода текстов, и, с другой стороны, «имело бы выход» на форму, на языковые средства выражения. Думается, что при разработке этого понятия следует исходить из того, что самой важной характеристикой письма является цель, как на уровне письма в целом, так и на уровне его отдельных фрагментов. Именно цель «определяет тематический и функциональный тип деловой бумаги, композицию письма, его тональность» [Колтунова 1998: 22]. Цель письма может быть различной: это может быть побуждение адресата к каким-либо действиям, сообщение адресату какой-либо информации, придание юридического статуса какому-либо событию (например, подтверждение заказа), поддержание деловых отношений и т. д. [Колтуно-

¹ С точки зрения лингводидактического описания целесообразно выделять такие структурные единицы, которые, различаясь в смысловом отношении, имеют и специфическое языковое выражение. Например, в научном тексте выделяются такие составляющие, как «определение понятия», «характеристика предмета» и т. п., при этом каждая из этих составляющих имеет свои средства выражения.

ва 1998: 22]. Письмо строится таким образом, чтобы цель была достигнута, каждый смысловой фрагмент письма является шагом в достижении главной цели. Реализация цели распадается на ряд этапов, на каждом из которых решается определенная локальная задача, реализуется определенное коммуникативное намерение, определенная интенция. Понятие коммуникативной цели (коммуникативного намерения, интенции) является ключевым для текста делового письма. Это наглядно демонстрирует языковой материал писем: желая быть правильно понятым и иметь возможность впоследствии сослаться на переписку, составитель письма эксплицирует свои коммуникативные намерения: *сообщаем, подтверждаем, просим* и т. п.

Итак, именно коммуникативная цель, или интенция, должна рассматриваться как фактор, формирующий минимальную структурную единицу текста делового письма. Уточним, что под интенцией понимается «социальный мотив при вступлении в <...> контакты» [Малюга 2008: 23], коммуникативное намерение, которое «может возникнуть в виде замысла построить высказывание в том или ином стиле речи, в монологической или диалогической форме» [Азимов, Щукин 2009: 83].

Как соотносятся понятия «интенция» и «высказывание»? «Классическим» является соотношение «одна интенция – одно высказывание»: таким оно предстает в работах Дж. Остина, Дж.Р. Серля. Однако в ряде более поздних работ отмечается, что такие симметричные отношения между высказыванием (речевым актом) и интенцией существуют не всегда. В одном высказывании может выражаться более чем одна интенция – такие высказывания (речевые акты) А.Г. Поспелова определяет как «полиинтенциональные речевые акты» [Поспелова 2001], цит. по: [Жданова 2010: 19]. С другой стороны, некоторыми исследователями выделяются сложные речевые акты, которые включают ряд высказываний, объединенных общим коммуникативным намерением, т. е. имеют место отношения «одна интенция – несколько высказываний» (см. об этом, например, [Марков 2003]). Итак, отношения «интенция – высказывание» не всегда являются симметричными: одно высказывание может реализовать более чем одну интенцию, несколько высказываний могут объединяться общей интенцией. Осознание этого подводит нас к пониманию минимальной структурной единицы текста. Очевидно, следует признать, что минимальной структурной единицей текста является фрагмент текста, реализующий одну интенцию. Назовем такую единицу структурно-прагматическим фрагментом (СПФ). Структурно-прагматический фрагмент может представлять собой часть высказывания, реализующую одну интенцию, целое отдельное высказывание, реализующее одно коммуникативное намерение, группу высказываний,

объединенных общей интенцией. Приведем примеры структурно-прагматических фрагментов разного объема.

1. Структурно-прагматический фрагмент составляет часть высказывания: *Благодарим Вас за присланные каталоги и просим выслать нам предложение на поставку двадцати компьютеров.* Данное высказывание содержит два СПФ: 1) *Благодарим Вас за присланные каталоги* (интенция – подтверждение получения материалов в форме благодарности) и 2) *просим выслать нам предложение на поставку двадцати компьютеров* (интенция – просьба).

2. Структурно-прагматический фрагмент равен по объему целому отдельному высказыванию: *Просим сообщить стоимость транспортировки по факсу* (интенция – просьба).

3. Структурно-прагматический фрагмент объединяет несколько отдельных высказываний: *Заказ может быть выполнен в течение 25-30 недель после получения контракта. Эти сроки отгрузки не являются гарантированными, однако они кажутся нам наиболее вероятными* (интенция – сообщение информации, касающейся поставки)².

Итак, мы предлагаем считать минимальной структурной единицей текста делового письма структурно-прагматический фрагмент, реализующий одну интенцию и имеющий определенную специфику в языковых средствах выражения, что отличает его от других СПФ³. Рамки статьи не позволяют дать списки СПФ всех типов писем и указать типичную последовательность СПФ для каждого типа письма. Поэтому мы ограничимся лишь общими замечаниями о том, как должно строиться описание делового письма в данном аспекте.

Поскольку набор СПФ в письмах одного и того же типа может различаться, целесообразно выделять инвариантные и вариативные СПФ для каждого типа писем. Так, например, в письме-предложении, высылаемом продавцом по просьбе покупателя, возможны следующие типы СПФ:

- вступление в контакт: обращение;
- обоснование составления письма: ссылка на предшествующий деловой контакт;
- констатация предложения на определенный товар;
- сообщение условий поставки;

² Пример из книги [Жданова, Романовская, Величко 1992].

³ Следует заметить, что в существующих пособиях по деловому письму присутствует имплицитное, теоретически не оформленное представление о том, что существуют минимальные структурные единицы делового текста, имеющие определенную целеустановку и стандартное языковое выражение: в пособиях даются рекомендации, как сделать ссылку, указать на цель, отказать, мотивировать свою позицию и т. п.

- согласие на изменение условий поставки (в соответствии с просьбой покупателя);
- отказ изменить условия поставки (в ответ на просьбу покупателя);
- мотивация отказа;
- указание на возможность получения дополнительной информации (у сотрудника, по телефону и т. п.);
- выражение надежды на заказ;
- выход из контакта: заключительная этикетная формула, предшествующая подписи.

Из числа названных СПФ инвариантными являются: 1) вступление в контакт: обращение; 2) обоснование составления письма: ссылка на предшествующий деловой контакт; 3) констатация предложения на определенный товар; 4) сообщение условий поставки; 5) выход из контакта: заключительная этикетная формула, предшествующая подписи. Остальные СПФ являются вариативными.

После того как был определен набор структурно-прагматических фрагментов для каждого типа письма, можно переходить к описанию композиции, которая представляет собой определенную последовательность расположения структурно-прагматических фрагментов. Думается, что в композиции письма целесообразно выделять по возможности достаточно крупные части, представляющие собой целые блоки СПФ. Именно такая традиция сложилась сегодня: в деловых письмах, независимо от типа письма, принято выделять вводную и основную части⁴. Во вводной части представлена мотивация написания письма: «почему я пишу, что побудило меня к составлению письма». Основная часть реализует цель письма: «зачем я пишу, чего я хочу добиться своим письмом». Такой подход к определению композиции представляется вполне оправданным, так как при этом эксплицируются универсальные принципы составления делового письма, не возникает ощущения излишней дробности описания, затрудняющей восприятие. В то же время и вводная, и основная часть могут состоять как из одного структурно-прагматического фрагмента, так и из целого блока структурно-прагматических фрагментов, расположенных в типичной последовательности.

Таким образом, описание структуры и композиции коммерческого письма предполагает указание: а) типичной последовательности частей письма; б) типичной последовательности СПФ внутри каждой части; в) статуса СПФ: какие СПФ являются инвариантными, а какие – вари-

⁴ См., например, работы П.В. Веселова, М.В. Колтуновой, И.Н. Кузнецова, О.В. Трофимовой и Е.В. Купчик.

тивными. В результате такого описания выстраиваются структурно-композиционные схемы коммерческих писем разного типа. Наполняя такие схемы языковым материалом, или, иными словами, реализуя, вербализируя заложенные в них интенции, можно составить письмо любого типа.

3. Языковое наполнение структурно-композиционной схемы коммерческого письма

Для формирования языковой компетенции необходимо вооружить учащихся знаниями о том, какими языковыми средствами может быть выражена та или иная интенция. При этом следует учитывать, что существует целый спектр средств вербальной реализации одной и той же интенции. Например, интенция «просьба» может быть выражена с помощью императива (*Вышлите, пожалуйста*), с помощью глагола-перформатива *просить* в сочетании с инфинитивом (*Просим выслать*). Кроме того, она может быть выражена в косвенной форме: в форме вопроса (*Не могли бы Вы выслать*), в форме выражения предполагаемой благодарности (*Будем Вам очень признательны, если Вы вышлете*). Многообразие способов реализации одной и той же интенции ставит перед преподавателем задачу объяснить, какие средства предпочтительнее в той или иной ситуации. Осознание учащимися механизма выбора способа реализации интенции в зависимости от экстралингвистических условий, от намерений адресанта определенным образом воздействовать на адресата необходимо для формирования у учащихся прагматической компетенции.

Таким образом, следующим аспектом описания коммерческого письма в учебных целях является констатация всего языкового материала, выражающего каждую интенцию, а также выявление механизма выбора языкового средства в зависимости от экстралингвистических параметров. В данной статье мы не имеем возможности привести полные парадигмы средств, реализующих разные интенции, отметим только, что такие парадигмы представлены в практических пособиях по составлению деловых писем. Здесь же мы более подробно остановимся на механизме выбора языкового средства.

Итак, у составителя письма есть целый спектр вариантов вербализации интенции. Чем определяется выбор нужного варианта? Выбор способа реализации интенции – это тактический ход, определяемый той стратегией, которую выбирает адресант. Стратегия – это общая линия коммуникативного поведения, выбираемая в зависимости от цели коммуникации. Различаются две основные стратегии: стратегия доминирования и стратегия кооперации. Стратегия доминирования – это стратегия подавления, стратегия, направленная «на слом эмоционального,

интеллектуального поведенческого сопротивления собеседника» [Шляхов 2010: 121]. Стратегия кооперации – это стратегия сотрудничества, взаимодействия. Кроме того, может быть выделена еще третья стратегия – стратегия сопротивления, противостояния давлению со стороны собеседника. Стратегия реализуется с помощью тактик. Тактика – способ реализации стратегии. «Каждая тактика направлена на выражение отдельного коммуникативного намерения...» [Малюга 2008: 39]. Осознание учащимися коммуникативной стратегии приводит к пониманию выбранных тактик и в конечном счете к пониманию того, почему та или иная интенция реализуется именно таким образом, а не как-либо другому.

Рекомендуемой стратегией в области коммерческой коммуникации является стратегия кооперации: следование именно этой стратегии должно в идеале демонстрировать деловое письмо. Отсюда становится понятным, почему в деловых письмах так часто используются косвенные речевые акты. Как известно, понятие косвенного речевого акта было введено в научный обиход Дж.Р. Серлем, который в качестве косвенных речевых актов рассматривал «случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [Серль 1986: 196]. Так, например, просьба может быть выражена в форме вопроса: *Не могли бы вы передать мне соль?* В косвенных речевых актах воздействие на адресата является более мягким, менее очевидным. Дж.Р. Серль отмечает, что «в силу принятых требований вежливости в речевом общении нередко бывает неуместным высказывание прямых повелительных предложений... или эксплицитных перформативных предложений..., и поэтому мы ищем косвенные средства для осуществления наших иллокутивных целей... В побудительных высказываниях вежливость является основной мотивировкой осуществления косвенных иллокутивных актов» [Серль 1986: 201].

В коммерческих письмах косвенные речевые акты – явление нередкое. Примером может послужить следующая формулировка: *Будем Вам признательны за быстрый ответ.* В данной формулировке просьба выражена в форме гипотетического выражения признательности. Ср.: *Ответьте, пожалуйста, как можно скорее.* Еще пример: *Мы помним, что Вы в свое время сообщили нам, что, начиная со 2-го квартала, Вы вновь сможете поставлять вышеуказанный продукт*⁵. Здесь напоминание выражено в форме указания, что адресант помнит информацию, сообщенную ему некогда адресатом. Ср.: *Напоминаем Вам, что Вы в свое время сообщили нам, что, начиная со 2-го квартала, Вы вновь сможете поставлять вышеуказанный продукт.* Очевидно, что в обоих

⁵ Пример из книги [Жданов, Жданова 2002].

рассмотренных примерах выбирается косвенная форма выражения интенции для того, чтобы минимизировать эксплицитное воздействие на адресата, «спрятать» его, и эта тактика является следствием выбора общей стратегии – стратегии кооперации.

С коммуникативной стратегией связан выбор смягченной или более жесткой формулировки в тех случаях, когда один из партнеров отвечает отказом на какое-то предложение или предъявляет претензию в связи с ненадлежащим исполнением обязательств другой стороной. В рамках стратегии кооперации адресант старается составить письмо максимально деликатно, «чтобы адресат, во-первых, понял и принял его позицию, а во-вторых, желал сохранить деловые отношения с отправителем» [Трофимова, Купчик 2010:46] С этой целью используются следующие тактики.

1) Не констатируются и тем более не выражаются отрицательные эмоции.

2) При необходимости выразить побуждение к действию, воздействовать на партнера используются косвенные речевые акты: *Будем признательны Вам за быстрый ответ.*

3) При сообщении негативной информации выражается сожаление, указывается на вынужденный характер такого шага: *К сожалению, мы вынуждены сообщить Вам, что...; С сожалением сообщаем Вам, что....*

4) Информация-отрицание «прячется», формулируется через утвердительную конструкцию: *Мы можем разместить у Вас заказ при условии снижения цены. Ср.: Мы не можем разместить у Вас заказ на Ваших условиях.*

5) Негативная информация также «прячется», дается в придаточной части сложноподчиненного предложения, а также в пассивной конструкции: *С сожалением сообщаем, что наш счет до сих пор не оплачен. Ср.: Вы до сих пор не оплатили наш счет.*

6) Вводятся средства, указывающие на субъективность и, следовательно, некатегоричность мнения. В такой функции часто используется глагол *представляться* в роли простого глагольного сказуемого или в роли глагола-связки в составном именном сказуемом: *Нам представляется, что цена несколько завышена. Цена представляется нам несколько завышенной.* В приведенном примере смягчению оценки способствует также использование наречия *несколько*.

В случае же, если адресант считает необходимым оказать определенное давление на адресата, он выбирает более жесткий стиль общения (стратегию доминирования) и соответственно другие тактики, которые заключаются в следующем.

1) Констатируются (но не выражаются) негативные эмоции, связанные с ненадлежащим поведением партнера. При этом констатация эмоций находится в главной части сложноподчиненного предложения: *Мы неприятно удивлены тем, что наш счет до сих пор не оплачен.*

2) Позиция автора письма представляется как очевидная для любого разумного человека, в том числе и для адресата, партнеру навязывается мысль о необходимости принять точку зрения адресанта как само собой разумеющуюся: *Вы должны понять нашу позицию...; Как Вы понимаете, мы не можем принять товар в таком виде.*

3) Для выражения побуждения к действию используются прямые речевые акты: *Просим ... проверить и сообщить нам, в какой степени ... недостача может быть компенсирована Вашими поставщиками. Пожалуйста, известите нас по возможности скорее⁶.*

Варьирование в способе вербальной реализации интенции может быть связано не только с выбираемой стратегией общения, но и с установкой на определенный стиль общения – более официальный или менее официальный. Коммерческое письмо имеет двойственный характер: с одной стороны, это официальный документ, на который можно ссылаться в случае возникновения каких-либо недоразумений, а с другой – это как бы реплика диалога между двумя партнерами, пусть и данная в письменной форме. Диалогичность вносит в письмо субъективный, личностный характер. В результате в деловом письме сталкиваются две тенденции – установка на официальное общение и стремление к интимизации общения, придания ему «человечности» (причем в последнее время наблюдается усиление именно второй тенденции: так, П.В. Веселов отмечает, что «официальная деловая переписка начинает носить более личный характер» [Веселов 1993-а: 70]). Следует заметить при этом, что и официальное, и более личностное общение в равной степени сочетаются со стратегией кооперации. Рассмотрим, как проявляется установка на большую или меньшую официальность общения в языке письма.

Подчеркнуто-вежливый, холодно-официальный тон общения, эффект увеличения дистанции достигается благодаря использованию определенных языковых средств.

1) Используется книжная лексика: *Не откажите нам в любезности...; Мы были бы весьма обязаны Вам, если бы Вы...; Позвольте предложить Вам... .*

2) Используются описательные обороты (глагольно-именные сочетания), имеющие книжный характер: *Обращаемся к Вам с просьбой...; Ставим Вас в известность...; Если с Вашей стороны будет проявлен интерес....*

⁶ Пример из книги [Жданов, Жданова 2002].

3) Используются глаголы в сослагательном наклонении, несущие экспрессию подчеркнутой вежливости, корректности: *Мы просили бы Вас...; Мы хотели бы...*

4) Используются бессубъектные пассивные конструкции, в результате чего ставится акцент на действии, деле, и из отношений исключается какое-либо субъективное, личностное начало: *Товар может быть поставлен в течение трех месяцев.*

Эффект личностного характера общения достигается благодаря речевому поведению другого типа.

1) Используются активные конструкции с субъектом, благодаря чему в центре внимания оказывается субъект, производитель действия: *Мы можем поставить товар в течение трех месяцев.*

2) Речевые действия, носящие официальный характер, выражаются в косвенной форме, благодаря чему экспрессия официальности становится менее выраженной. Например, подтверждение получения предложения может выражаться в форме благодарности: *Благодарим Вас за Ваше предложение.* Ср.: *Подтверждаем получение Вашего предложения.*

3) В деловое общение привносится эмоциональное начало. При этом эмоции констатируются, а не выражаются. Так, вербализуя интенцию, реализующую основную цель письма (сообщение информации, предложение и т. п.), автор может «попутно» сообщить адресату о своих положительных эмоциях, связанных с деловыми контактами: *Мы рады сообщить Вам, что...; С большим удовольствием предлагаем Вам....* Констатация положительных эмоций часто наблюдается в формулировках, реализующих интенции этикетного характера: *Будем рады получить Ваш заказ.* Подчеркивая свою заинтересованность в деловых контактах, адресант может указать на нетерпение, с которым он ожидает ответа: *С нетерпением ждем Вашего ответа.* Наконец, составитель письма может подчеркнуть свое хорошее отношение к партнеру: *Искренне Ваши (подпись).*

4) В письме могут присутствовать «нерабочие моменты». Например, в заключительной фразе вместо традиционного «протокольного» выражения уважения может содержаться поздравление с праздником: *С наилучшими пожеланиями приятных пасхальных дней (подпись)*⁷. Ср.: *С уважением (подпись).*

4. Текстовые нормы коммерческого письма

Выше были охарактеризованы языковые нормы русского коммерческого письма. Однако невозможно грамотно составить коммерческое

⁷ Пример из книги [Жданов, Жданова 2002].

письмо, не имея представления о текстовых нормах этого рода документов. Текстовые нормы документа – это набор реквизитов (обязательных элементов содержания), их последовательность и расположение на листе. К числу реквизитов относятся логотип или эмблема товарного знака юридического лица, полное или сокращенное наименование организации-отправителя, почтовый и телеграфный адрес, номер электронной почты, номер телефона, факса, телекс, адресат, индекс документа, дата, ссылка на дату и индекс входящего документа, заголовок к тексту, текст, подпись, отметка о наличии приложения, отметка о направлении копий в другие адреса [Колтунова 1998: 12]. Думается, что на занятиях РКИ целесообразно рассказать учащимся лишь о некоторых из названных реквизитов (дата, заголовок к тексту, текст, подпись). Соответственно эта информация должна войти и в описание коммерческих писем в учебных целях, являясь одним из аспектов такого описания.

Дата письма – это дата его подписания. Дата ставится сверху справа. Заголовок к тексту представляет собой словосочетание, начинающееся предлогом *о (об)* или *касательно* (сокращенно *Кас.*). Заголовок отражает тему письма. Он помещается слева, под угловым штампом организации. Ниже располагается текст. Под текстом помещается подпись, которая обычно состоит «из наименования должности, личной подписи (факсимиле) и ее расшифровки» [Колтунова 1998: 15].

5. Сопоставительный анализ русскоязычного и иноязычного текстов коммерческих писем

Охарактеризованные выше аспекты описания коммерческих писем актуальны для обучения письменной деловой речи в любой группе. Однако, если предполагается преподавание в мононациональной группе, актуальным является еще один аспект – сопоставительный анализ текстов писем, составленных на русском языке и на родном языке учащихся. Предметом сопоставления могут быть как языковые, так и текстовые нормы, причем, естественно, интерес будет вызывать прежде всего область расхождения. Приведем несколько примеров такого расхождения.

Расхождение на уровне языковых норм. В русских и немецких коммерческих письмах личные и притяжательные местоимения *Вы, Ваш (Sie, Ihr)* пишутся с прописной буквы, а в английских письмах – со строчной (*you, your*). Еще пример. Для русского делового языка в большей степени, чем для немецкого, характерны перформативы. Например, при выражении просьбы используется глагол-перформатив *просить*: *Просим сообщить нам стоимость транспортировки по факсу*. В немецкой коммерческой корреспонденции русскому перформативу соот-

ветствует императив: *Bitte senden Sie uns die Kosten per Fax mit.* (Пожалуйста, сообщите нам стоимость транспортировки по факсу). Есть еще ряд расхождений между немецкими и русскими языковыми нормами коммерческого письма: порядок слов, особенности использования пассивных конструкций и др. (см. об этом [Маркова 2006]).

Расхождение на уровне текстовых норм. В английских письмах подпись обычно помещается с правой стороны листа, а в немецких и русских – слева [Жданов, Жданова 2002:13].

Итак, мы попытались показать, какая информация о коммерческой переписке актуальна для обучения составлению коммерческих писем, для формирования у учащихся соответствующей коммуникативной компетенции (в единстве ее предметной, языковой и прагматической составляющих). Систематизируя эту информацию, мы выделили и охарактеризовали основные аспекты описания коммерческих писем в учебных целях. К числу этих аспектов были отнесены классификация коммерческих писем, описание их структуры, композиции, языковых и текстовых норм, а также (для работы в мононациональных группах, для построения национально ориентированного курса) сопоставительный анализ языковых и текстовых норм русских и иноязычных текстов коммерческих писем.

Думается, что такое описание русского коммерческого письма в учебных целях является необходимой предпосылкой для построения курса делового русского языка – той его части, которая направлена на обучение письменной деловой речи.

Л и т е р а т у р а

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. *Веселов П.В.* Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. М., 1993-а.
3. *Веселов П.В.* Вы – секретарь. М., 1993-б.
4. Деловое письмо: Учебно-справочное пособие / авт.-сост. И.Н. Кузнецов. М., 2012.
5. *Дускаева Л.Р., Протопопова О.В.* Жанры официально-делового стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.
6. *Жданов А.А., Жданова И.Ф.* Деловые письма и контракты. М., 2002.
7. *Жданова Е.В.* Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. М., 2010.
8. *Жданова И.Ф., Романовская М.А., Величко А.В.* Деловой русский: Пособие для самостоятельного изучения русского языка для говорящих на английском языке. М., 1992.
9. *Изаренков Д.И.* Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990, № 4.
10. *Колтунова М.В.* Деловое письмо: Что нужно знать составителю. М., 1998.
11. *Малюга Е.Н.* Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М., 2008.

12. *Марков В.Т.* Методическая концепция обучения общению иностранных студентов гуманитарного профиля (на базе интегративно-когнитивного подхода). М., 2003.
13. *Маркова В.А.* Русская коммерческая документация в зеркале немецкого языка // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М., 2006.
14. *Поспелова А.Г.* Речевые приоритеты в английском диалоге. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2001.
15. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
16. *Трофимова О.В., Купчик Е.В.* Основы делового письма: учебное пособие. М., 2010.
17. *Шляхов В.И.* Сценарная основа речевого общения: Технологии обучения. М., 2010.

**РУССКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ ПИСЬМО:
АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ**

Аннотация

Статья посвящена проблеме описания текста русского коммерческого письма в учебных целях. В статье рассматриваются такие аспекты описания, как характеристика типов коммерческих писем, описание их структуры, композиции, языковых и текстовых норм, сопоставительный анализ русскоязычных и иноязычных текстов коммерческих писем.

**RUSSIAN BUSINESS LETTER:
ASPECTS OF THE DESCRIPTION FOR TRAINING PURPOSES**

V.A. Markova

Keywords: Russian commercial emails, types of business letters, structure, composition, language and text rules, comparative analysis of Russian and foreign-language texts of commercial emails

Abstract

The article deals with the problem of text descriptions of Russian commercial emails for training purposes. The article deals with such aspects as characteristic description of types of business letters, a description of their structure, composition, language and text rules, comparative analysis of Russian and foreign-language texts of commercial emails.

Роль иллюстрации и экспликации характеристик объекта в лингводидактическом описании текста (на материале текстов гуманитарного профиля)

© доктор педагогических наук В.Т. Марков (Россия), 2013

Ключевые слова: характеристика объекта или явления, логико-смысловая структура текста, тексты разных семантических разновидностей

Иллюстрация и экспликация характеристик объекта играют важную роль в логико-смысловой структуре научного текста. Микрополя с данным значением входят в состав более широких семантических макроструктурных образований. Примером реализации таких смыслов являются тексты, раскрывающие метатему «Понятие об объекте. Сущностные характеристики объекта». Определение экспликации, зафиксированное в «Философском словаре», отражает познавательную функцию экспликации: «Экспликация (лат. *eplicatio* – объяснение, развертывание) – <...> этап в исследовании, заключающийся в раскрытии сущности того или иного предмета или явления...» [Фролов 1980: 424].

Такое понимание экспликации указывает на его тождественность понятию объяснения [Там же: 260].

Наряду с общенаучным определением экспликации в теории и практике преподавания иностранных языков, в том числе и русского как иностранного, сложилось более конкретное понимание термина экспликации, соответствующее части текста, содержащей поясняющую, конкретизирующую информацию [Луан Нгуен Динь 1998: 124; Марков 2003: 88], при этом понятия экспликации и иллюстрации сближались [Нгуен Чонг Зо 1998: 64] или отождествлялись [Пироттти 1985].

В ряде исследований научного текста подчеркивалась роль иллюстрации и экспликации особенно в логико-смысловой структуре специального текста гуманитарного профиля. Данные смысловые единицы формируют вместе с аргументирующей частью содержательный инвариант метатемы «Понятие об объекте. Сущностные характеристики объекта». [Марков 2003: 88]

Тексты со значением «Понятие об объекте. Сущностные характеристики объекта» дают определение науки (или определение научного направления как составной части науки). Эти понятия обычно открывают курс изучаемой дисциплины (главы «Предисловие», «Введение», «От автора»). В них автор формулирует свое понимание предмета науки, ее целей и задач.

По функциональной направленности (авторской целеустановке) представленные тексты могут быть трех типов:

– информативно-констатирующими:

(текст 1) *Наука есть сознательная деятельность, направленная на описание и объяснение природных и общественных явлений путем открытия законов, которым они подчиняются. Понятая таким образом наука есть выражение деятельностного отношения человека к миру, который его окружает, и к себе самому; полученные с ее помощью знания должны служить человеку для овладения миром.*

(текст 2) *Попытки дать более точное определение науки привели к появлению значительного числа ее дефиниций. Эти дефиниции несут на себе отпечаток философско-теоретической ориентации их авторов. Например, Карл Маркс определяет науку с материалистических позиций как духовный продукт «общего исторического развития в его абстрактном итоге».*

– информативно-эксplikативными:

(текст 3) *Во времена угасания и заката греко-римской философии начинается формирование совершенно иного, чем философия, духовного явления: возникает новая мировая религия – христианство. Вместе с ним возникла и христианская религиозная теология. Религиозная теология – не философия. В ней отсутствует главное в философии: полная свобода воли, антидогматизм, антиавторитаризм. В религиозной теологии мировоззренческая мысль скована цепями догматики, авторитетом «священного писания», имеющим сверхъестественное происхождение, будучи письменной фиксацией истин, открытых через избранных для этого немногих людей всем остальным людям богом, богооткровением. Все это, конечно, весьма далеко от философии как свободного, исходящего лишь из собственной проблематики мышления о мире и о человеке.*

– и информативно-аргументативными:

(текст 4) *Некоторые ученые утверждали, что общественные закономерности не существуют и тем самым не могут быть обнаружены.*

Общественные явления возникают как результат поведения людей по отношению друг к другу, а люди, как сознательные существа, сами определяют свое поведение, выбирая для себя тот или иной его тип, когда существует возможность такого выбора. Тем самым якобы отсутствует постоянная, необходимая причинная связь между общественными явлениями, отсутствуют причинные закономерности.

При описании логико-смысловой структуры научного текста в целях обучения профессиональному общению представляется необходимым разграничить понятия экспликации и иллюстрации. Основанием для такого разграничения являются:

1. Характер информации, содержащейся в данной части текста, ее функция в тексте и, как следствие, тип текста по целеустановке:

– *иллюстрация* – раскрытие содержания утверждения (тезиса). Для раскрытия содержания используется конкретная фактическая информация. Тип текста – информативно-констатирующий (текст 2);

– *экспликация (уточнение)* – доказательство утверждения-тезиса. Для доказательства используется фактическая информация, имеющая общетеоретический характер. Тип текста информативно-экспликативный (текст 3);

– *аргументация* – доказательство утверждения с помощью воспроизведения логической цепочки от тезиса к доказательству, часто равнозначная мыслительному процессу, приводящему к получению нового знания. Тип текста информативно-аргументативный (текст 4).

2. Характер действий с учебным материалом.

В теории и практике обучения профессиональному общению сложился подход, согласно которому информация текста делится на основную, дублирующую (вводится специальными показателями *или, то есть, либо, иначе говоря*) и дополнительную. Последняя включает и аргументацию, и иллюстрацию (примеры, вводится показателями: *например, такие, как, в частности*), и дополнительную информацию, конкретизирующую и уточняющую, развивающую и повторяющую основную информацию текста (экспликацию). Дублирующая и дополнительная части при составлении вторичного текста (реферата) подлежат сокращению. [Бахтина 1988: 14-19] Такой подход отражает лингвистическую сторону текста, несмотря на то, что доказано положение, согласно которому текст имеет три стороны: коммуникативную, содержательную (логико-смысловую) и языковую (лингвистическую). Правильно подчеркивая роль информированности автора текста, исследователи не дают однозначных критериев оценки информации как дополнительной и, следовательно, инструкций по ее сокращению, например, в приведенном выше тексте доказательство тезиса с помощью экспликации общетеоретического характера можно опустить, так как оно уже входит в круг профессиональных знаний каждого специалиста данной области (*информативно-экспликативный тип текста*):

Во времена угасания и заката греко-римской философии начинается формирование совершенно иного, чем философия, духовного явления: возникает новая мировая религия – христианство. Вместе с ним возникла и христианская религиозная теология... Конечно, она весьма далека от философии как свободного, исходящего лишь из собственной проблематики, мышления о мире и о человеке.

Конкретную иллюстративную фактическую информацию, которую необходимо усвоить специалисту, нельзя сократить (*информативно-констатирующий тип*):

**Попытки дать более точное определение науки привели к появлению значительного числа ее дефиниций. Эти дефиниции несут на себе отпечаток философско-теоретической ориентации их авторов...*

Аргументация также не может быть сокращена до тезиса (*информативно-аргументативный тип*):

**некоторые ученые утверждали, что общественные закономерности не существуют и тем самым не могут быть обнаружены (тезис).*

Однако аргументация может быть свернута до уровня придаточной части сложноподчиненного предложения:

Именно исходя из того, что общественные явления возникают в результате деятельности людей как существ, наделенных сознанием (аргументация), некоторые ученые утверждали, что общественные закономерности не существуют и тем самым не могут быть обнаружены.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтина Л.Н., Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Обучение реферированию научного текста. М., МГУ, 1988.
2. Зо Нгуен Чонг. Теория учебника практического курса русского языка для студентов-филологов. М., 1998.
3. Марков В.Т. Методическая концепция обучения общению иностранных студентов гуманитарного профиля (на базе интегративно-когнитивного подхода). М., 2003.
4. Нгуен Динь Луан. Интегративно-когнитивный подход к формированию умений общения у вьетнамских студентов-филологов. М., 1998.
5. Пиротти Н.В. Отбор коммуникативного минимума для чтения по специальности (1 курс, естественно/научный профиль). Дис. ... канд. пед. наук. М., 1985.
6. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1988.

РОЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ И ЭКСПЛИКАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЪЕКТА В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ)

Аннотация

Статья посвящена особенностям характеристики объекта или явления в логико-смысловой структуре текста и закономерностям воспроизведения текстов разных семантических разновидностей.

ROLE OF ILLUSTRATIONS AND EXPLICATION OF THE CHARACTERISTICS OF THE OBJECT IN LINGUODIDACTIC DESCRIPTION OF TEXT (BASED ON THE TEXTS IN THE HUMANITIES)

V.T. Markov

Keywords: characterization of features of an object or phenomenon, the logico-semantic structure of the text, texts of different semantic types

Abstract

The article is devoted to the characterization of features of an object or phenomenon in the logico-semantic structure of the text, and the laws of reproduction of texts of different semantic types.

К вопросу о характере и объеме парадигмы конверсных структур

© И.И. Минчук (Беларусь), 2013

Ключевые слова: функциональный синтаксис, парадигма, конверсные структуры, симметрия и асимметрия конверсива

Вопрос парадигматики языковых единиц – один из фундаментальных в лингвистике. Его освещение с позиций функционально-коммуникативного синтаксиса позволяет вскрыть в языке новые связи, увидеть языковую систему «в действии», что особенно важно для прикладных направлений лингвистики.

В работах М.В. Всеволодовой проводится мысль о том, что явление парадигматики присуще всему языку в целом: парадигматические возможности вскрываются в каждой языковой единице. Так, в программных статьях, посвященных славянскому предлогу [Всеволодова 2008; 2010; 2011], М.В. Всеволодова декларирует идею системности реализации предложных единиц и вводит понятие «парадигмы предлога». Многообразие парадигматических связей предложных единиц позволяют Майе Владимировне выделить несколько видов парадигм: грамматическую, с делением на морфо-синтаксическую (*в дополнение чего / чему / к чему / с чем; в окрестности чего – в окрестностях чего*) и семантическую (*в пределах чего – в пределы чего – вне пределов чего – за пределами чего – за пределы чего – из пределов чего*) парадигмы и текстовую (*от шума / от него болит голова, но из вежливости / *из нее уступил*) парадигму.

Идея дифференциации языковых парадигм лежит и в основе описанного М.В. Всеволодовой «синтаксического поля предложения» [Всеволодова 2000]. Опираясь на работы своих предшественников (Н.Ю. Шведовой, В.А. Белошапковой, Т.В. Шмелевой, Г.А. Золотовой), она представила «систему парадигм предложений» объединяющую в себе синтаксическую, актуализационную и интерпретационную парадигмы [Всеволодова 2000: 215]. Важно, что в синтаксическом поле предложения объединены как внутримодельные преобразования, так и межмодельные трансформации, т. е. парадигматическими связями, по мысли М.В. Всеволодовой, «опутаны» не видоизменения одного предложения, а совокупность предложений с одним и тем же содержательным инвариантом [Всеволодова 1997: 152; 2000: 215].

В синтаксическом поле М.В. Всеволодовой конвертирование предложения, с одной стороны, трактуется как один из интерпретационных

механизмов. Его задача – «изменять при трансформации направление отношений между присказуемыми или присвязочными компонентами, из которых одно обязательно подлежащее» [Всеволодова 2000: 452]: *Земля больше Луны ↔ Луна меньше Земли; Отец заболел гриппом ↔ У отца начался грипп; В пещере скрывались разбойники ↔ Пещера скрывала разбойников*. С другой стороны, конверсные преобразования находят свое место в актуализационной парадигме, т. к. способствуют наведению фокуса актуализации и собственно актуализационным модификациям. Например, в предложении *Гемоглобин содержит железо* для тема-рематической мены используется конверсив *Железо содержится в гемоглобине* вместо **Железо содержит гемоглобин* (пример М.В. Всеволодовой). «В таких случаях использование конверсных структур обусловлено стремлением не создавать двусмысленных предложений» [Всеволодова 2000: 409].

В свою очередь, конверсные структуры (далее – КС), как показывают наши наблюдения, имеют собственную парадигму, которая может быть представлена как одно из звеньев системы парадигм предложения. Как множество возможных преобразований одной модели предложения с одним и тем же содержательным инвариантом составляют систему парадигм предложений, так все возможные конверсные преобразования данной модели составляют конверсную парадигму.

Описывая парадигму КС, будем исходить из следующих соображений.

Во-первых, несмотря на то, что речь идет об уровне предложения, описание конверсной парадигмы по принятым в конструктивном синтаксисе [Русская грамматика 1980] категориям времени, модальности, лица и склонения не представляется возможным (о категории залога будет сказано ниже). Если грамматическая парадигма предложения не учитывает номинативный компонент категорий времени и склонения, то для конверсного преобразования, которое базируется на денотативном, логическом и смысловом тождестве ситуации, этот номинативный компонент, структурирующий денотативную ситуацию, является принципиально значимым, т. к. «морфологическое варьирование предикатного центра приводит к выведению любого члена парадигмы из темпорально-видовой плоскости, заданной отображаемой ситуацией, разрушает инвариант «тождество ситуации» и создает языковую структуру, отражающую уже иную ситуацию» [Добричев 2006: 142]. Иными словами, как бы ни были близки в грамматическом отношении *Писатель написал книгу – Писателем написана книга* и *Писатель напишет книгу – Писателем будет написана книга*, применительно к реальной действительности это две разных ситуации, т.к. категория времени событийна.

Во-вторых, КС при сохранении тождества денотативной структуры типовой ситуации не требуют сохранения модели исходного предложения. Несмотря на то, что значительная часть конверсных преобразований строится в рамках одной модели: *Аня похожа на Олю* ↔ *Оля похожа на Аню*; *Ели растут попережку с березами* ↔ *Березы растут попережку с елями*, собственно грамматические конверсивы, входящие в ядро поля конверсности, образуются залоговыми формами глагола, что приводит к изменению модели исходного предложения: *Студент решает задачу* ↔ *Задача решается студентом*. Следовательно, парадигма двух КС должна рассматриваться безотносительно к категориям времени, лица, наклонения, но с учетом межмодельных преобразований как в рамках категории залога (*Рабочие строят дом* ↔ *Дом строится рабочими*), так и вне ее (*Газета публикует стихи молодых поэтов* ↔ *В газете публикуются стихи молодых поэтов*).

В-третьих, определяя объем конверсной парадигмы, недостаточно учитывать только количество возможных перестановок припредикатных имен в структуре конверсива¹. Объем конверсной парадигмы, на наш взгляд, определяется не только количеством участников ситуации, но и их денотативным содержанием. Ср.: *Иней покрыл деревья* ↔ *Деревья покрыты инеем* и *Деревья покрылись инеем* (каузаторм состояния протагониста-экспериментера *деревья* выступает имя со значением 'осадки'), но только *Платок покрыл голову* ↔ *Голова покрыта платком*.

В-четвертых, объем конверсной парадигмы обусловлен отношениями синонимии и антонимии, обеспечивающими конверсные трансформации на периферии поля². Обратим внимание на тот факт, что в языке не всегда есть системные лексические конверсивы типа *купить* ↔ *продать*, *выиграть* ↔ *проиграть*. Часто конверсная парадигма допускает варьирование объема: *Он, наконец, постиг смысл сказанного* ↔ *Смысл сказанного, наконец, дошел до него* (пример Ю.Д. Апресяна) (в левом

¹ Впервые понятие «парадигма» применительно к категории конвертируемости применил Т.П. Ломтев. В «парадигму по категории конвертируемости» при двухместном предикате он объединяет два предложения (*Писатель написал книгу* – *Книга написана писателем*). При трехместном предикате в парадигму, по мысли лингвиста, объединяются шесть предложений: *Командир вручил орден бойцу* – *Орден вручен командиром бойцу* – *Командир наградил бойца орденом* – *Боец награжден орденом (командиром)* – *Боец получил орден от командира* – *Орден получен бойцом от командира* [Ломтев 2004: 134].

² Мысль о значимости синонимических и антонимических связей для конверсной парадигмы высказана в работе С.А. Добричева [Добричев 2006: 12]. Описывая «конверсную номинативную парадигму» в английском языке, автор видит ее специфику в том, что «в ней прослеживаются два вида ассоциативных связей: конверсные и синонимические, а «строевым» материалом для нее являются как синонимические, так и антонимические и гипонимические лексические предикативные единицы» [Добричев 2006: 12].

члене парадигмы возможны конверсаторы *усвоил, уловил, осознал*), *Из воды **получился пар** ↔ Вода **превратилась в пар*** (пример Ю.Д. Апресяна) (в левом члене парадигмы возможен конверсатор *образовался*) и т. д.

В-пятых, для конверсной парадигмы значимой является возможность введения в структуру предложения показателей смысловых отношений (экспликаторов и классификаторов), что значительно увеличивает «конверсный потенциал» предложений³. Безусловно, глубинная основа конверсности – структура ситуации, в которой есть два участника (два S или S и O), связанных некоторым отношением. Именно поэтому структуры с реляционными и акциональными предикатами так «популярны» к конверсным преобразованиям: *Иван – брат Петра ↔ Петр – брат Ивана; Иван **боксирует с Петром** ↔ Петр **боксирует с Иваном**; Иван **продал машину** ↔ Машина **продана Иваном***. Структура S-P-O универсальна и многофункциональна, она «втягивает» в поле конверсности огромное количество построений, описывающих даже такие ситуации, в которых нет третьего участника, т. е. позиция объекта пуста с содержательной точки зрения, а описываемое отношение небинарно: *Он **сглупил** → Он **сделал глупость** ↔ Глупость **сделана им**; Мне **тоскливо** → Я **охвачен тоской** ↔ Меня **охватила тоска**; Сотрудник **исполнителен** → Сотрудник **отличается исполнительностью** ↔ Исполнительность **отличает сотрудника***. Такое вовлечение в поле конверсности структур с небинарным отношением позволяет сделать вывод об аттракции (от англ. *attraction* – притяжение, тяготение) механизма конверсности, обеспечивающего, с одной стороны гибкость синтаксической системы, а с другой, – ее стабильность.

Конверсная парадигма, подобно парадигме глагола, имеет сложный, комплексный характер, т. к. само явление конверсности многоуровнево, оно опирается на грамматику, лексику, прагматику, когницию. Проблема определения границ конверсной парадигмы осложнена еще и тем, что «конверсный бином» (минимальную парадигму, по С.А. Добричеву) образуют довольно разнородные преобразования: в основе одних лежат грамматические механизмы (*Рабочие **строят дом** ↔ Дом **строится рабочими**; Лампа **освещала стол** ↔ Стол **был освещен лампой***), другие

³ По мысли М.В. Всеволодовой, описательные предикаты обладают широкими возможностями представлять конверсные отношения: «в сфере описательных предикатов представлены как лексические: *Мы поехали к нему, чтобы **получить согласие** на участие в концерте. Он подумал всего несколько секунд, после чего **дал согласие** (дать согласие – получить согласие)*, так и грамматические конверсивы: *Он наслаждался церковной службой – Церковная служба давала ему наслаждение; Машиа **отличается красотой** – Машу **отличает красота***» [Всеволодова 2003].

являются лексико-грамматическими⁴ преобразованиями (*Аня – соседка Тани* ↔ *Таня – соседка Ани*; *Спартак выиграл у Динамо* ↔ *Динамо проиграл Спартаку*; *Иван купил у Петра машину* ↔ *Петр продал Ивану машину*). И каждая пара структур, определяясь комплексом дифференцирующих признаков⁵ (далее – ДП), имеет свое место в поле конверсности.

Таким образом, первая особенность конверсной парадигмы – полевая организация: в ней выявляются ядро и периферия. Ядерная пара структур, во-первых, должна соответствовать всем ДП конверсности. Во-вторых, ядерная структура должна быть как минимум трехэлементной: ее составляют предикат и две актантные позиции: *Мама приготовила ужин* ↔ *Ужин был приготовлен мамой*; *Иван – брат Петра* ↔ *Петр – брат Ивана*; *Нотариус заверяет документы* ↔ *Документы заверяются нотариусом*. Если пара структур не в полной мере соответствует комплексу ДП, она не может располагаться в ядре КС – ее место в околядерной или периферийных зонах поля: *Мама приготовила ужин* ↔ *Ужин приготовлен мамой* (размытие смыслового тождества структур); *Иван приходится братом Петру* ↔ *Петр приходится братом Ивану* (нарушение требования автосемантической и автосинтаксичности конверсатора); *Нотариус заверяет документы* ↔ *Документы заверяются у нотариуса* (угасание смыслового и грамматического тождества структур).

Объем конверсной парадигмы значительно увеличивается благодаря строевой лексике – экспликаторам и классификаторам. Трансформы с введением описательных предикатов (*Здесь мы ремонтируем автомобили* → *Здесь мы производим ремонт автомобилей*) представляют базу для формирования новых конверсных пар, не соответствующих всему комплексу ДП конверсности и формирующих периферийную область конверсной парадигмы.

Так, для пары *Здесь мы ремонтируем автомобили* ↔ *Здесь нами ремонтируются автомобили*, являющейся ядерным биномом, периферия парадигмы сформирована конверсивами *Здесь мы производим ремонт автомобилей* ↔ *Здесь нами производится ремонт автомобилей* (неизосемические конструкции с описательными предикатами), *Здесь*

⁴ Все перефразировки на основе лексических конверсивов М.В. Всеволодова называет лексико-грамматическими [Всеволодова 2000: 454].

⁵ Ядро поля конверсности, на наш взгляд, формирует комплект следующих дифференцирующих признаков конверсности: (1) тождество денотативной структуры ситуации; (2) двухсторонняя импликация; (3) тождество смысла; (4) бинарность отношения; (5) взаимная мена коммуникативных рангов; (6) тождество грамматической структуры; (7) автосеманτικότητα конверсатора; (8) автосинтаксичность конверсатора (подробнее об этом в [Минчук 2008], [Минчук 2011]).

мы производим работы по ремонту автомобилей ↔ *Здесь нами производятся работы по ремонту автомобилей* (неизосемические конструкции с описательными предикатами и классификатором).

Необходимо отметить, что в каждой из трех КС конверсанты различны: *мы – автомобили*; *мы – ремонт*; *мы – работы*. Соответственно, в первой (ядерной) паре структур конверсное отношение бинарно, а во второй и третьей (периферийных) парах небинарно, т. к. в конверсном преобразовании задействованы только протагонист ситуации и предикат, представленный аналитически.

На дальней периферии поля конверсную парадигму формируют пары структур, представленные корреляцией неопределенно-личных предложений (*Здесь производят ремонт автомобилей*) и пассивных конструкций с отстраненным субъектом (*Здесь производится ремонт автомобилей*).

Объем конверсной парадигмы не ограничивается приведенными структурами, т. к. экспликатор *производим* может быть заменен синонимом, например, *осуществляем*. Сочетание *производим (осуществляем) работы по ремонту* в данном контексте синонимично сочетанию *оказываем услуги по ремонту* и т. д. Денотативная структура ситуации в парах предложений *Здесь мы ремонтируем автомобили* ↔ *Здесь нами ремонтируются автомобили* и *Здесь мы оказываем услуги по ремонту автомобилей* ↔ *Здесь нами оказываются услуги по ремонту автомобилей* остается неизменной, хотя каждый строевой элемент, безусловно, вносит свой смысловой оттенок.

Добавим также, что внутри парадигматического ряда неравнозначность КС усиливается, когда невозможно установить жесткие рамки для выбора соответствующего экспликатора: *Он ощутил (наполнился, почувствовал) гордость за сына* ↔ *Его охватила (наполнила) гордость за сына*; *Я испытываю (ощущаю, чувствую) благодарность к учителю* ↔ *Благодарность к учителю наполняет меня* (при маловероятном *Благодарность к учителю испытывается (чувствуется, ощущается) мною*).

М.В. Всеволодова, обращая внимание на близость, но нетождественность значений синонимичных описательных предикатов, видит в этом закономерность устройства языка: «на основе одного денотата при помощи описательных предикатов может быть построена своего рода семантическая парадигма, в которой каждый вариант описательного предиката отличается от других на некую семантическую величину при сохранении общности содержания (денотата)» [Всеволодова 2003].

Таким образом, конверсная парадигма имеет полевою организацию в зависимости от соответствия образующих ее КС комплексу ДП. Введение в структуру предложения экспликаторов и классификаторов

значительно увеличивает объем конверсной парадигмы и делает границы поля конверсности проницаемыми.

Еще одна особенность парадигмы КС – многоуровневый характер, т. е. обусловленность объема и характера конверсной парадигмы спецификой разных уровней предложения-высказывания.

Денотативный уровень отражает распределение ролей между актантами в структуре конверсива. Объем и характер конверсной парадигмы зависит не только от типа предиката, но и от значения и способа выражения субъекта, характера объектной роли.

Например, в парадигме КС с протагонистом-стихией, системна синтаксема *от + Род*, эксплицирующая сему каузации: *Ветер гнет ветку* ↔ *Ветка гнется от ветра*; *Первый же подземный толчок разрушил водонапорную башню* ↔ *Водонапорная башня была разрушена от первого же толчка* (аналогичные конструкции могут быть получены с существительными *землетрясение, наводнение, сель, оползень*).

Парадигма КС, описывающих состояние неживой природы, имеет иной характер (она вариативна или асимметрична в количественном отношении): *Гора покрылась льдом* и *Гора покрыта льдом* ↔ *Лед покрыл гору*; *Роцца окуталась туманом* и *Роцца окутана туманом* ↔ *Туман окутал роццу*. В таких структурах с протагонистом-экспериментером каузативом состояния выступает имя со значением 'осадки': *лед, туман, снег, иней*.

Предложения с акциональными предикатами, выраженными переходными глаголами, как правило, участвуют в конверсном преобразовании без особых ограничений (*Рабочие строят дом* ↔ *Дом строится рабочими*). Если акциональный глагол непереходный, возможность конвертирования открывает строевая лексика (*Дежурные убирают в классе* → *Дежурные производят уборку в классе* ↔ *Уборка в классе производится дежурными*) и конверсные лексические корреляты (*Он сообщил нам о собрании* ↔ *От него мы узнали о собрании*).

Однако есть группа предложений с акциональными предикатами, не дающая КС. Это предложения с непереходными акциональными предикатами однонаправленного движения, в структуре которых один из актантов – движущийся субъект, а второй – ориентир «направление»: *Дети идут в школу*; *Мама вернулась домой*; *Я бегу в магазин*; *Туристы приблизились к памятнику* (директив-финиш); *Ребенок с хохотом скаатился с горы* (пример М.В. Всеволодовой); *Мы приехали из деревни* (директив-старт); *Всадник ехал вдоль берега реки*; *Я шел узкой полевой тропинкой*; *Мы возвращались через лес* (транзитив). Более того, у префиксальных производных глаголов со значением 'направление действия в пространстве' (глаголы, обозначающие 'приближение' и 'удаление на определенное расстояние': *подойти, подвести, подкатить, отойти,*

отлететь, отогнать) в подавляющем большинстве случаев отсутствуют и какие бы то ни было дискретные соответствия [Никитевич 2004: 216].

Эти наблюдения подтверждают идеи М.В. Всеволодовой о том, что, во-первых, «устойчивостью семантических связей характеризуются не отдельные лексемы, а классы слов» [Всеволодова 2003], а во-вторых, что тематическая классификация лексики коррелирует с синтаксической [Всеволодова 2000].

На лексическом уровне парадигма КС определяется «диапазонном конверсной сочетаемости» (термин С.А. Добричева), т. е. свойством «лексической единицы коррелировать с другой лексической единицей этого же лексико-грамматического разряда слов по конверсному признаку, что обуславливает возможность построения конверсного бинома» [Добричев 2006: 219]. Не всегда конверсным отношением связаны лишь две лексические единицы типа *купить* ↔ *продать*, *муж* ↔ *жена*, *дядя* ↔ *племянник*. В языковой системе возможны варианты: *начальник, директор, руководитель* ↔ *подчиненный*; *иметь, владеть* ↔ *принадлежать*. А в контексте таких вариантов – неисчислимое количество, особенно если речь идет о строевой лексике: *Он испытывал (чувствовал, питал, имел) интерес к редким картинам* ↔ *Редкие картины вызывали (пробуждали) в нем интерес*.

Мы уже отмечали, что категории времени, лица и наклонения не являются значимыми для конверсной парадигмы. На грамматическом уровне парадигма КС отражает, в первую очередь, залоговое конвертирование и грамматические варианты исследуемых структур: *Мама в обмороке* ↔ *У мамы обморок* и *С мамой обморок* (примеры М.В. Всеволодовой); *Иван выше Петра* ↔ *Петр ниже Ивана* и *Иван выше, чем Петр* ↔ *Петр ниже, чем Иван*; *Таня – сестра Ани* ↔ *Аня – сестра Тани*, *Таня – сестра Ане* ↔ *Аня – сестра Тане*, *Таня – Анина сестра* ↔ *Аня – Танина сестра*.

На коммуникативном уровне парадигма КС может быть представлена в двух аспектах. Во-первых, в ней отражено введение строевой лексики (приведенная выше парадигма КС: *Здесь мы ремонтируем автомобили* ↔ *Здесь нами ремонтируются автомобили*; *Здесь мы производим ремонт автомобилей* ↔ *Здесь нами производится ремонт автомобилей*, *Здесь мы производим работы по ремонту автомобилей* ↔ *Здесь нами производятся работы по ремонту автомобилей*).

Во-вторых, коммуникативная парадигма КС отражает возможности актуализации, запреты и разрешения на профилирование конверсантов. Традиционно при подаче КС соблюдается прямой порядок слов (подлежащее – сказуемое – дополнение), а особенности тема-рематического членения (если это необходимо) передаются с помощью интонирования:

/ Отец открыл \ окно ↔ \ Окно открыто отцом (при возможном / Отцом открыто | окно). Однако в некоторых случаях порядок слов в предложении не допускает изменений: Он скрипит сапогами ↔ У него скрипят сапоги (для предложений с у-локализатором, по замечанию М.В. Всеволодовой, характерно место подлежащего в абсолютном конце предложения); Сын танцует с одноклассницей ↔ С сыном танцует одноклассница; Алеша – сын приходского священника ↔ Отец Алеши – приходской священник.

Таким образом, многоуровневый характер парадигмы КС дает основания говорить о ее комплексности. Фактически мы имеем дело с целой системой подпарадигм, где каждая пара КС, в большей или меньшей степени соответствуя комплексу ДП конверсности, отражает безграничные возможности языка в представлении одной и той же ситуации в рамках всего одной формулы: S-P-O.

На разных уровнях предложения-высказывания проявляется еще одна особенность конверсной парадигмы – асимметричность. По мысли М.В. Всеволодовой, если структуры тождественны на каком-то одном из уровней предложения высказывания, значит, на других уровнях между их планами следует искать различия [Всеволодова 1997: 54]. Синтаксические конверсивы отражают одну денотативную ситуацию, однако каждая структура из конверсной парадигмы имеет некоторую особенность функционирования. Можно выделить несколько разновидностей асимметрии КС.

Задача КС как синтаксических синонимов – представить одну и ту же ситуацию с позиций разных участников. Следовательно, конверсное преобразование с целью актуализации – актуализационная асимметрия – естественная («законная», безусловная, обязательная) асимметрия парадигмы КС, обусловленная меной коммуниктивных рангов конверсантов, один из которых обязательно возводится в позицию подлежащего (высший коммуникативный ранг): Анна Ахматова – современница Марины Цветаевой ↔ Марина Цветаева – современница Анны Ахматовой; Автобус столкнулся с грузовиком ↔ Грузовик столкнулся с автобусом; Иван купил машину у Петра ↔ Петр продал машину Ивану. Актуализационная асимметрия характерна для всех КС без исключения независимо от их местоположения в поле конверсности.

В отличие от конверсивов, находящихся в паритетных отношениях (Иван боксирует с Петром ↔ Петр боксирует с Иваном), грамматические конверсивы, основанные на корреляции активной и пассивной структур, асимметричны в плане изосемичности. Первая структура в такой конверсной паре является изосемической (производящей), а вторая – неизосемической (производной): Нотариус

заверяет копию документа ↔ Копия документа заверяется нотариусом; Мы исследуем вирус гриппа ↔ Вирус гриппа исследуется нами; Проектор освещает сцену ↔ Сцена освещается проектором. Грамматические конверсивы характеризуются еще и функциональной асимметрией – активная и пассивная структуры «живут» в разных типах текста.

Вне ядра поля конверсности асимметрия КС гораздо более разнообразна. Так, преобразования на основе лексических конверсивов, (околоядерная зона поля конверсности), обнаруживают асимметрию, обусловленную статусом участников ситуации: социальным (*Иван – начальник Петра ↔ Петр – подчиненный Ивана*), возрастным (*Давыд Городенский – потомок псковского князя Довмонта ↔ Псковский князь Довмонт – предок Давыда Городенского*), родственным (*Максим Богданович – сын Адама Егоровича Богдановича ↔ Адам Егорович Богданович – отец Максима Богдановича*).

К околоядерной зоне поля относятся и грамматические конверсивы, в которых предикат исходной структуры выражен глаголом совершенного вида, принимающем в конверсive форму пассива с нулем связи: *Мама приготовила ужин ↔ Ужин приготовлен мамой; Отец открыл окно ↔ Окно открыто отцом.* Такие пары, уже обладая актуализационной асимметрией и асимметрией, связанной с производностью одной из структур, характеризуются еще и смысловой асимметрией, т. к. пассив привносит в предложение значение результативности.

Смысловая асимметрия свойственна и всем КС, основывающимся на системных лексических конверсных коррелятах типа *купить ↔ продать, дядя ↔ племянник, выиграть ↔ проиграть, сдавать ↔ снимать (комнату)*, т. к. их значения, хоть и сводимы друг к другу, но актуализируют разные, часто противоположные семы. В направлении от ядра к периферии поля смысловая асимметрия КС возрастает: на дальней периферии поля расположены контекстуальные конверсивы, конверсаторы в которых имеют разные объемы значения (*Мы истратили все деньги ↔ У нас выжили все деньги* (пример Ю.Д. Апресяна); *Листья падают с дерева ↔ Дерево роняет листья, Площадка расположилась под навесом ↔ Навес раскинулся над площадкой*).

Еще одна разновидность асимметрии КС – коммуникативная асимметрия – связана с более частым использованием в речи одного из членов конверсного парадигматического ряда. Асимметричны в коммуникативном плане, например, КС сигнификативного тождества *Стул – род мебели для сиденья, снабженной спинкой (для одного человека) ↔ Род мебели для сидения, снабженной спинкой (для одного человека) – стул* (вторая структура – кроссвордная дефиниция – менее частотна в

речи). КС типа *Иван имеет два автомобиля* ↔ *У Ивана есть два автомобиля* с точки зрения грамматики соответствуют норме, но в коммуникации более естественна вторая структура.

Асимметрию, связанную с изменением типа отношений между конверсантами, мы называем логической асимметрией: *Ветер качает ветку* ↔ *Ветка качается от ветра* (субъектно-объектные отношения ↔ отношения каузации); *Корни земляники содержат дубильные вещества* ↔ *Дубильные вещества содержатся в корнях земляники* (пример М.В. Всеволодовой) (характеризационные отношения ↔ бытийные отношения); *На лице – веснушки* ↔ *Лицо – в веснушках* (бытийные отношения ↔ характеризационные отношения).

Для каузальных структур, также относящихся к периферии поля конверсности, характерна фактуальная асимметрия. Связана она с тем, что в реальности причина всегда предшествует следствию, однако в конверсном предложении каузатив может занимать постпозицию: *Дожди вызвали наводнения* ↔ *Наводнения вызваны дождями*; *Торопливость порождает ошибки* ↔ *Ошибки происходят из-за торопливости* (пример Ю.Д. Апресяна).

Количественная асимметрия КС проявляется в том, что количество структур, находящихся в отношениях конверсности, может соотноситься не только как 1:1, но и как 1:2 и 1:3: *Стекло пропускает свет* ↔ *Свет проходит (проникает) сквозь стекло*; *Петр – подчиненный Ивана Ивановича* ↔ *Иван Иванович – начальник (шеф, босс) Петра*. При введении в структуру конверсива экспликаторов, количество вариантов соответствий может возрастать: *Неудача сына причинила (принесла, доставила, вызвала) огорчение маме(-ы)* ↔ *Мама испытала (пережила, почувствовала) огорчение из-за неудачи сына*.

В тексте КС дают говорящему право выбора, т.е. являются вариантами описания одной ситуации. Там, где есть варианты и возможность выбора, можно говорить о прагматике [Норман 2009: 85]. В современных текстах, особенно в текстах СМИ, КС часто используются не только и не столько с целью актуализации информации, сколько с целью воздействия на читателя, формирования его мнения. Ср.: *Белорусы разгромили французов на юношеском чемпионате мира по хоккею* ↔ *Французские хоккеисты уступили белорусам на юношеском чемпионате мира по хоккею*; *Гололед в Москве столкнул 15 машин* ↔ *В Москве 15 машин столкнулись из-за гололеда*. Такого рода КС характеризуются прагматической асимметрией.

Таким образом, системность конверсных преобразований простых предложений позволяет говорить о парадигме конверсных структур, которая, как было показано в статье, характеризуется полевой организа-

цией, комплексным характером и асимметрией на разных уровнях предложения-высказывания. Разноуровневый подход к парадигме конверсных структур – с одной стороны, шаг к постижению системности языковых преобразований, а с другой, – шаг в описании языковых механизмов, которые срабатывают при решении говорящим тех или иных коммуникативных задач.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. М.: 1995 г. Т. 1: Лексическая семантика.
2. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4.
3. *Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011, № 3.
4. *Всеволодова М.В., Кузьменкова В.А.* Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 5.
5. *Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: 1997.
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. М.: 2000.
7. *Всеволодова М.В.* Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // Славянское языкознание: XIV международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2008.
8. *Всеволодова М.В.* Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка // Московского университета. Серия 9. Филология. 1997, № 1.
9. *Добринцев С.А.* Конверсные отношения в современном английском языке. Дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. (Электронный ресурс. Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
10. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 2004.
11. *Минчук И.И.* Дифференцирующие признаки конверсности синтаксических структур // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы). Сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11-12 окт. 2011 г., Минск. Минск, 2011.
12. *Минчук И.И.* Поле конверсности: ядро и периферия // Вестник Гродненского гос. ун-та им. Я. Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2008, № 3.
13. *Никитевич А.В.* Русский глагол в составе номинативных рядов. Гродно, 2004.
14. *Норман Б.Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Курс лекций. Минск, 2009.
15. *Русская грамматика: в 2-х т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М., 1980. Т. 2: Синтаксис.*

**К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ОБЪЕМЕ
ПАРАДИГМЫ КОНВЕРСНЫХ СТРУКТУР**

Аннотация

В статье представлены особенности парадигмы конверсных структур. Полевой характер конверсной парадигмы связан с выделением ядра – пары конверсивов, соответствующих комплексу дифференцирующих признаков конверсности, и периферии, где могут ослабевать или утрачиваться некоторые признаки конверсности. Комплексность конверсной парадигмы обусловлена тем, что в ней может быть представлено несколько подпарадигм, где каждая пара конверсивов отражает безграничные возможности языка в описании одной и той же ситуации в рамках всего одной формулы: S-P-O. Асимметрия конверсной парадигмы прослеживается на разных уровнях предложения-высказывания и обуславливает прагматику говорящих в выборе одной из, на первый взгляд, равноправных конверсных структур.

**CHARACTER AND VOLUME
OF CONVERSE STRUCTURES PARADIGM REVISITED**

I.I. Minchuk

Keywords: functional syntax, paradigm, converse structures,
symmetry and asymmetry of the converse

Abstract

The article highlightens the peculiarities of converse structures paradigm. Afield character of converse paradigm is connected with outflux of the kernel which represents a couple of converses corresponding to differentiating signs of the converse, as well as to periphery where some converse signs can weaken or be lost. The complexity of the converse paradigm is caused by the fact that it can include a few subparadigms where each couple of converses reflects boundless language opportunities in the description of the same situation within only one formula: S-P-O. The asymmetry of the converse paradigm is traced on all levels of the statement sentence and causes speakers' pragmacy in choosing one of the seemed to be equal converse structures.

Правда, не все...

Опыт корпусного исследования семантики дискурсивных слов на примере слова *правда*

© доктор философии М.Н. Михайлов (Финляндия), 2013

Ключевые слова: корпусная лингвистика, параллельный корпус текстов,
дискурсивные слова, перевод

1. Общие замечания

Всякому, кто преподавал русский язык иностранцам на продвинутом этапе, вероятно, хотя бы раз приходилось потратить довольно много времени на объяснение значения слова *правда* в контекстах типа (1):

- Мы оба тогда учились на 3-м курсе филфака, правда на разных отделениях: Федя – на русском, а я – на английском. [НКРЯ]¹

Коварство подобных контекстов – состоит в том, что слово *правда* можно с некоторым трудом интерпретировать в основном значении, как «[т]о, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей» [Ожегов, Шведова]. При этом все же остается неясным, зачем автору вдруг потребовалось подчеркивать истинность своего высказывания. Внимательный студент может также обратить внимание и на необычность синтаксиса и сделать вывод, что слово *правда* не является в этом контексте существительным. В любом случае, вмешательство преподавателя оказывается весьма желательным.

В настоящей статье мы попытаемся объяснить особенности семантики слова *правда* в функции дискурсивного слова и показать трудности, возникающие при переводе подобных контекстов с русского на другие языки.

2. Правда ≠ 'действительно'?

Словарь русского языка под редакцией С. Ожегова и Н. Шведовой отмечает, что слово *правда* может быть не только существительным, но и

1. вводным словом, употребляемом в значении 'верно, в самом деле': Я, правда, не знал этого;
2. союзом, синонимичным союзу *хотя*: *Погоуляли хорошо, правда устали*;
3. частицей, выражающей 'уверенное подтверждение': Я правда *уезжаю* [Ожегов, Шведова].

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

Как известно, границы между различными классами служебных слов зачастую оказываются размытыми, и даже лингвисты нередко испытывают трудности в определении частеречной принадлежности служебных слов. Например, далеко не всегда удается различать союзы и частицы.

Вводные слова – грамматический класс на границе между морфологией и синтаксисом. Согласно «Русской грамматике» – это «довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц – словоформ и в разной степени устойчивых сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или его характеристике: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание, выделение какой-то его части; характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику» [АГ-80, § 2220]. В силу своей пестроты вводные слова нельзя назвать частью речи, скорее это лексико-грамматическая группа. Тем не менее, помету *вводн. сл.* нередко можно встретить в грамматической зоне словарных статей, как это и произошло с рассматриваемым в настоящей статье словом.

Из-за нечеткости границ между традиционными частями речи, в современной грамматике появился термин дискурсивные слова, «принципиально важным свойством которых является их функционирование в дискурсе» [Кислева, Пайар 1998: 7] и который включает любые элементы высказывания, используемые для разного рода модификаций его смысла и функций.

Рассмотрим подробнее выделяемые толковыми словарями значения слова *правда* в функции дискурсивного слова.

Во всех просмотренных нами словарях русского языка (под ред. Д. Ушакова, С. Ожегова и Н. Шведовой, Т. Ефремовой, С. Кузнецова) вводное слово *правда* толкуется как «действительно, в самом деле». Представляется, однако, что и в функции вводного слова это слово имеет значение уступки, как и в функции союза. Приведем несколько примеров:

- Мне ведь уже много лет, а вот никогда не приходилось ужинать и тем более обедать со знаменитостями. Правда, несколько раз я ел пирожки с мясом в компании Фёдора Двинятина, но... сами понимаете... [НКРЯ]
- В спектакле много смешного, изобретательного, метафорического. Жюри, правда, посчитало, что постановка лишена чёткой сверхзадачи и художественной целостности, но ещё Вл. Немирович-Данченко призывал, ставя классику, искать "образы от жизни". [НКРЯ]

- Белый дом, выступая в роли посредника, предпринимает, пока, правда, без особых успехов, меры по налаживанию диалога между израильтянами и палестинцами. [НКРЯ]

В примерах (2)-(4) слово правда можно заменить на *хотя, впрочем, тем не менее*, что указывает на уступительность, то есть указывается на некий факт, который внешне не вписывается в общую картину, но при этом не возникает противоречия, обе ситуации могут одновременно иметь место. Например, в примере (4) А = «американские политики пытаются наладить диалог между Израилем и Палестиной», В = «они до сих пор не достигли успеха». В является негативным фактом и не соответствует цели, поставленной в А (С = «добиться успехов в налаживании диалога»). При этом понятно, что при осуществлении деятельности А возможны временные неудачи В, которые все же не делают достижение цели С невозможным. В случае интерпретации вводного слова *правда* как 'действительно, в самом деле' логическая связь между компонентами высказываний (2)-(4) остается неясной. Продемонстрируем это, подставив действительно вместо правда в примере (3). Результатом будет следующий не очень связный текст:

- В спектакле много смешного, изобретательного, метафорического. [?]Жюри, действительно, посчитало, что постановка лишена четкой сверхзадачи и художественной целостности ...

Перейдем к слову *правда* в функции союза. В примерах (6)-(8) оно получает значение уступки и оказывается близким по семантике к таким словам и выражениям, как *хотя, тем не менее, однако, впрочем, все же* и т. д. и т. п.

- С Екатериной Михайловной они теперь большие подруги и часто ходят друг к другу в гости смотреть телевизор. Больше всего им нравятся сериалы. Правда Екатерина Михайловна предпочитает бразильские, а Елена Николаевна любит смотреть про инопланетян. [НКРЯ]
- Правление большинством, правда всего в один голос (четыре против трех), проголосовало за вас. [В. Войнович. Иванькиада / НКРЯ]
- Так что это он, а не ты подвинулся, давая тебе место у костра, правда при этом не переставая помешивать ложкой в котелке. [Ф. Искандер. Письмо / НКРЯ]

Завершим наш небольшой обзор данными ниже примерами (9)-(11) со словом *правда* в функции частицы. В этих примерах значение уступки отсутствует, и слово *правда* имеет упомянутое выше значение "уверенного подтверждения".

- Бог знает, что это было: нора, правда тайник или просто земля осела под камнем. [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей / НКРЯ]
- Не верили старики, что кто-то правда приедет к ним из тюрьмы. [В. Шукшин. Калина красная / НКРЯ]
- Профессор смотрел на сельских жителей — он правда не понимал, что происходит. [В. Шукшин. Печки-лавочки / НКРЯ]

В ходе работы с примерами из Национального корпуса русского языка бросилось в глаза доминирование слова *правда* в функции вводного слова. Как известно, главное формальное отличие вводного слова от служебных слов заключается в обособлении запятыми: частицы и союзы запятыми не выделяются.

- Я правда уезжаю
- Я, правда, уезжаю

В примере (12) *правда* является частицей и высказывание означает, например, следующее: 'Я говорю, что я уезжаю, и это соответствует действительности'. В примере (13) *правда* является вводным словом и высказывание будет означать: 'Я уезжаю, и это может вызвать определенные трудности' (например, говорящий не сможет активно участвовать в подготовке к семинару, но в самом семинаре участвовать готов). В устной речи в примере (12) будет логическое ударение на слове *правда*, а в примере (13) фразовое ударение будет на последнем слове и запятое не будут выражаться интонационно.

Рассмотрим теперь еще два примера со словом *правда* в функции вводного слова.

- С утра можно на шоссе такси найти прямо до Москвы. Правда, до шоссе километра два, дойдёте? [НКРЯ]
- Врачи разрешили тебе перейти в обычную, нормальную школу. Правда, на один класс ниже. Но в нормальную! [А. Алексин. Раздел имущества / НКРЯ]

Представляется, что в примерах (14)-(15) запятое после слова *правда* могли бы отсутствовать, и тогда оно стало бы союзом. В этих примерах, как и во многих других в анализированном материале, слово *правда* является средством связи между высказываниями, то есть выступает в роли союза. Это подтверждает, в частности, возможность замены в примерах (13)-(14) слова *правда* на союзы *но*, *а*, *хотя*.

Вернемся к примерам (2)-(4). Пример (2) оказывается аналогичным примерам (14)-(15), в нем запятая после *правда* факультативна. Однако в примерах (3) и (4) слово *правда* явно не является союзом, но при этом остается маркером межфразовой связи. В то же время, в примерах (6)-

(8) (особенно в примере (6)), слово *правда* можно было бы выделить запятыми и сделать вводным словом.

Приведенные примеры показывают, что в некоторых контекстах различие значений 'действительно' и 'хотя' у слова *правда* оказывается проблематичным, что усугубляется непоследовательностью пунктуации. Неносителю русского языка различить эти значения еще труднее. В следующем разделе мы рассмотрим переводы контекстов, содержащих слово *правда*, и попытаемся выяснить, насколько правильно переводчики интерпретировали значение слова *правда*.

3. Много ли *правды* в переводах?

Для исследования переводов контекстов, содержащих слово *правда*, мы использовали русско-финский параллельный корпус художественных текстов "ПарРус". К сожалению, из Национального корпуса русского языка не удалось получить достаточного количества примеров с переводами на другие языки, поэтому пришлось ограничиться несколько экзотическим русско-финским материалом. Отметим все же, что в Финляндии существует очень давняя традиция переводов с русского языка, переводится как русская классика, так и современная литература, некоторые произведения переводились на финский язык неоднократно [Михайлов 2003: 39-53]. Таким образом, русско-финский материал оказывается достаточно большим по объему и многообразным, и, возможно, более богатым, чем для многих других языковых пар.

Поиск выполнялся по субкорпусу русской литературы 20 века. Из полученных контекстов были отброшены те, в которых слово *правда* является существительным, например, как в примере (15):

- Ведь это правда, ведь действительно были такой двор и такой год! [Б. Пастернак, Доктор Живаго]

Были отброшены и примеры, в которых значение слова *правда* однозначно определяется синтаксической позицией или какими-либо формальными маркерами:

- И поп загудел про клен заледенелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда защемило в груди. [В. Шукшин, Верую]
- – Я не хочу, Фая, правда, – говорила Саша. [Г. Бакланов, Навеки девятнадцатилетние]

Таким образом, объектом нашего изучения являются контексты, в которых слово *правда* выступает в функции вводного слова или союза, причем значение определяется лишь контекстом, а не синтаксисом. В небольшой части случаев контекст не позволяет однозначно определить значение слова, например,

- Тут важно показать след, потом по нему пойдут. Оно, правда, и идти-то мало кому осталось. [В. Распутин, Живи и помни]

Пример (19) можно интерпретировать и как 'действительно, людей осталось мало', и как 'хотя людей осталось мало' (идет речь о возвращении мужчин в деревню в конце войны).

Из полученных в конечном итоге 233 примеров в 185 слово *правда* употребляется в значении 'хотя', в 43 – в значении 'действительно', пять контекстов являются неоднозначными. При этом в финских переводах лишь в 162 случаях для слова *правда* используются эквиваленты с уступительным или противительным значением. Попробуем выяснить, в чем причина расхождения.

В финском языке есть частица *tosin*, которая довольно близка по значению русскому слову *правда* в значении 'хотя'. Русско-финские словари указывают *tosin* в качестве соответствия слову *правда*; в толковании этого слова в финских толковых словарях указывается уступительное значение. Знак равенства все же поставить нельзя, например, финское *tosin* не употребляется в функции союза. Беглый просмотр материала из финско-русских параллельных текстов также дает противоречивую картину: одни русские переводчики достаточно активно используют *правда* в качестве эквивалента для *tosin*, другие используют вместо него другие связочные маркеры, такие как *но*, *хотя*.

В переводах с русского на финский слово *tosin* встретилось в 154 контекстах (66 %).

- Соседи, правда, сказали ему, что на этих днях, поздней ночью, они слышали шум автомобильного мотора. [Ю. Семенов, Семнадцать мгновений весны]
Tosin naapurit kertoivat hänelle, että muutama päivä sitten, myöhään yöllä he kuulivat auton äänen. [пер. Н. Пиенимяки]
 (= Правда соседи рассказали ему, что несколько дней назад поздно ночью они слышали шум машины²)

В оставшихся 34 % примеров зафиксировано порядка двадцати различных соответствий для слова *правда*, половина из которых встретилась один или два раза. Это довольно типичное явление: выбор в переводе соответствия для языковой единицы часто определяется конкретным контекстом, поэтому в параллельном корпусе появляется довольно большое количество окказиональных соответствий.

² Для удобства чтения для финских примеров сделан буквальный перевод. Грамматика финского текста не передается. Например, в финском языке нет категории рода даже у местоимений, в примере (20) было бы корректнее «рассказали ему/ей». Порядок слов также делается по возможности более естественным для русского языка: «слышали шум машины» а не «слышали машины шум».

Среди встретившихся в нашем материале соответствий многие не имеют уступительного значения. Большая часть из них использовалась при переводе контекстов, в которых слово *правда* имеет значение 'действительно', однако в некоторых случаях эти эквиваленты используются и при переводе контекстов с уступительным значением.

- Я тоже иногда им пишу. Но я, правда, больше не могу.
[Б Пастернак, Доктор Живаго]
Itsekin kirjoitan ajoittain heille. Mutta ei, ihan totta, enempää en jaksa. [пер. Ю. Конкка]
(= И сама пишу иногда им. Но нет, совершенная правда, больше на могу)
- Ну, правда, питается Кильдигс нормально, две посылки каждый месяц, румяный, как и не в лагере он вовсе.
[А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича]
No totta on, Kilgas syö normaalisti, hän saa kaksi pakettia kuussa, hän on punakka niin kuin ei leirissä olisikaan. [пер. Э. Адриана]
(= Ну, это правда, Килгас ест нормально, он получает два пакета в месяц, он румяный как будто бы не в лагере)

Пример (21), в самом деле, трудно интерпретировать как уступительный, но в примере (22) значение слова *правда* именно уступительное: автор показывает, что нет противоречия между веселостью персонажа и жизнью в лагере. (Если питаться хорошо, то и в лагере можно шутить.) Поэтому в переводе, на наш взгляд, несколько нарушается логика оригинального текста.

- Второй жилец исчез, помнится, в понедельник, а в среду как сквозь землю провалился Беломут, но, правда, при других обстоятельствах. [М. Булгаков, Мастер и Маргарита]
Nimetön vuokralainen hävisi maanantaina, seuraavana keskiviikkona katosi myös Belomut kuin maan rakoon, vaikkakin tietysti erilaisissa olosuhteissa. [пер. У.-Л. Хейно]
(= Безымянный жилец исчез в понедельник, в следующую среду исчез также Беломут как в щель в земле, хотя тоже, конечно, при других обстоятельствах)

В (23) наблюдается интересное явление: союз употребляется вместе с близкой по значению частицей. Для построения грамматически правильного высказывания было бы достаточно любого из этих двух средств связи:

- ... в среду как сквозь землю провалился Беломут, но при других обстоятельствах.
- ... в среду как сквозь землю провалился Беломут, правда, при других обстоятельствах.

В (24) высказывание становится слишком категоричным, что может потребовать подробного рассказа о "других обстоятельствах", но (25) оказывается очень близким к (23) и по смыслу, и по стилю. Вводное слово *правда* не является здесь маркером истинности, ведь данный контекст относится к авторской, а не к прямой речи. Если говорящий может время от времени маркировать свою речь как соответствующую действительности, то для автора такая стратегия была бы, по меньшей мере, странной. В финском переводе в качестве формального соответствия вводному слову *правда* используется наречие *tietysti* 'конечно / разумеется'. Получается, что Беломут не мог исчезнуть при тех же обстоятельствах, что и второй жилец?

Всего в нашем материале зафиксировано 17 случаев (7 %) передачи контекстов со словом *правда* в значении 'хотя' с помощью элементов со значением 'действительно'.

В заключение рассмотрим случаи с нулевым соответствием для слова *правда* в переводе.

- Наконец я подумал: Эге-ге... – и сам, правда сделав над собою очень большое усилие, уставился в ответ в глаза человеку. (М. Булгаков, Театральный роман) Viimein ajattelin: Sillä lailla...– ja pakottaudin tuijottamaan takaisin, suoraan miehen silmiin. (пер. Э. Адриана) (= Наконец подумал: Так вот... – и заставил себя устаться самому прямо человеку в глаза)
- Иные (= бумажки, деньги — М.М.), правда, пока чистые, пахнут хлебом, колбасой, вообще магазином, но большинство — множеством рук. (Г. Троепольский, Белый Бим, черное ухо) Toiset niistä — vielä puhtaat — tuoksuvat leivälle, makkaralle, yleensäkin kaupalle mutta suurin osa — lukemattomille käsille. (пер. Л. Иранто) (= Другие из них — еще чистые — пахнут хлебом, колбасой, вообще магазином, но большая часть — бесчисленными руками)

В нашем материале встретилось 14 примеров (6 %) с нулевым соответствием.

Здесь важно помнить, что переводчик выполняет перевод всего текста, а не отдельных предложений, и перенос всех языковых особенностей оригинала в перевод невозможен. Приоритетным является соответствие оригиналу на макроуровне и понятность перевода адресату. В этих целях возможно использование в переводе не прямых соответствий, эксплицирование невыраженной информации, а также опущение некоторых элементов исходного текста [см. напр. Гарбовский 2007: 360-

366]. Поэтому обнаруженные нами опущения вряд ли говорят о непонимании или недопонимании исходного текста, скорее всего это вызвано стилистическими требованиями принимающего языка.

4. Выводы

Проведенный анализ примеров из параллельного корпуса показывает, что даже переводчики художественной литературы иногда неправильно понимают значение дискурсивных слов, причем в нашем материале количество таких неточностей превышает статистическую погрешность.

Наряду с неизбежной ограниченностью владения неродным языком это говорит и о недостатках словарей, грамматик и учебников русского языка для иностранцев. Дискурсивные слова часто оказываются обделенными вниманием как слова второго сорта, без которых можно обойтись, например, при чтении специальной литературы. Возможно, это правильно для обучения на начальном этапе, но на продвинутом этапе обучения языку об этих «маленьких словах» забывать не следует. Даже говоря о языке для специальных целей следует иметь в виду, что в некоторых типах текстов, например, в юридических документах, правильная интерпретация дискурсивных слов оказывается довольно важной.

Л и т е р а т у р а

1. АГ-80 – Шведова Н.Ю. (гл. ред). Русская грамматика. Тт. I-II. М., 1980.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2007.
3. Киселева К., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Москва, 1998.
4. Михайлов М.Н. Параллельные корпуса художественных текстов: принципы составления и возможности применения в лингвистических и переводоведческих исследованиях. Тампере, 2003 (а также URL: <http://urn.fi/urn:isbn:951-44-5754-4>).
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
7. ПарРус – русско-финский параллельный корпус художественных текстов. mustikka.uta.fi (требуется регистрация пользователя).

ПРАВДА, НЕ ВСЕ...

ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ НА ПРИМЕРЕ СЛОВА ПРАВДА

Аннотация

В статье демонстрируются возможности использования корпусов текстов для исследования семантики дискурсивных слов. Одноязычные корпуса текстов позволяют уточнить предлагаемые словарями толкования, а материал параллельного корпуса текстов в частности показывает,

насколько хорошо переводчики понимают контексты, содержащие описываемую языковую единицу.

**A CORPUS-BASED STUDY OF DISCOURSE WORDS SEMANTICS:
THE CASE OF THE RUSSIAN WORD *ПРАВДА* ('INDEED')**

M.N. Mikhailov

Keywords: corpus-based studies, parallel corpus, discourse words, translation

Abstract

The paper demonstrates the potential of corpus-based research for studying semantics of discourse words. Monolingual corpora help researchers to fine-tune definitions from dictionaries, whereas data obtained from parallel corpora show among other things, how well translators understand contexts with the word in question.

Предлоги-наречия с пространственной семантикой в чешском языке (диапазон 'близко – далеко')

© О.Г. Николаенко (Чехия), 2013

Ключевые слова: предлог, пространственное наречие, чешский язык

Настоящее исследование выполнено в рамках диссертационной работы автора на тему «Предложные сочетания с пространственной семантикой в русском, белорусском и чешском языках». Объектом изучения в данной диссертации выступают сочетания наречий и первообразных предлогов, употребляющиеся в предложной функции и выражающие пространственные отношения, т. е. предложные единицы типа: *близко от кого/чего, выше над кем/чем, прямо перед кем/чем* (рус.) // *blízka od koho/čeho, výše nad kým/čým, přímo před kým/čím* (чеш.). Актуальной задачей исследования, в частности, является анализ компонентов искомых предложных сочетаний, основным из которых выступает пространственное наречие, или же предлог-наречие (о спорном морфологическом статусе этих слов речь пойдет ниже).

И если материалу русского и белорусского языков было уже уделено внимание (см. напр. [Николаенко 2008; Николаенко 2010]; дипломная и магистерская работа были посвящены пространственным предложным сочетаниям русского и белорусского языков – механизмам их образования, их структуре, функциям компонентов: [Николаенко 2008а; Николаенко 2010а]), то включение в исследование материала чешского языка послужило основой только начатого диссертационного проекта и является для автора новой вехой в многолетнем изучении данных языковых единиц.

В формате статьи речь о чешских предлогах мы будем вести впервые. Отметим также, что в открытом международном проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», который был инициирован нашим дорогим юбиляром проф. М.В. Всеволодовой и в рамках которого осуществлялась наши предыдущие научные изыскания, материал чешского языка до сих пор не был представлен.

Таким образом, целью настоящей статьи является представить наши первые наблюдения, с одной стороны, над освещенностью категории предлога в чешской лингвистике, с другой стороны, над интересующими нас «предложными» фактами чешского языка.

Для этого, во-первых, прокомментируем те чешские научные источники по теме, с которыми мы успели познакомиться; во-вторых, рассмотрим небольшую группу чешских предложных единиц, а именно предлогов-наречий, выражающих пространственные отношения в диапазоне 'близко-далеко'. Проследим, как данные единицы представлены в лексикографии, в грамматических источниках, в ресурсах Чешского национального корпуса (<http://www.korpus.cz/>). Определим морфологический статус данных единиц, их потенциал как компонентов предложных сочетаний.

Наиболее значительными работами о чешских предлогах являются две монографии – Л. Кроуповой «Вторичные предлоги в современном литературном чешском языке» (здесь и далее перевод с чешского наш. – О.Н.) [Kroupová 1985] и Р. Блатной «Многословные предлоги в современном литературном чешском языке» [Blatná 2006].

Считая однословные предлоги априори морфологическим ядром данной части речи, Л. Кроупова относит к ней также «те предложные выражения, которые хотя и состоят из двух или более слов, тем не менее образуют устойчивую лексическую единицу с таким же лексическим значением и такой же синтаксической функцией, как и у собственно предлогов (однословных). Для таких выражений наиболее подходящим представляется термин составное предложное выражение, или же составной предлог» [Kroupová 1985: 6]. В работе автор приводит список из 523 вторичных предлогов, среди которых – 113 однословных, 339 двухсловных, 71 предлог, состоящий из более чем двух слов. Каждая из единиц маркируется по следующим пунктам: отмеченность выражения как предлога в словарях; исполненность / неисполненность критериев препозиционализации (синтаксических, морфологических, лексикально-семантических); степень препозиционализации (I – начальная: исполнен один из критериев препозиционализации; II – средняя: исполнен более чем один критерий; III – полностью стабилизированный предлог: исполнены все критерии препозиционализации). В дальнейших главах работы представленным единицам даются подробные грамматические, семантические и стилистические характеристики. Большую часть описываемых однословных вторичных предлогов составляют сочетания существительных и первообразных предлогов (*na adresu, na rozdíl od, po bok, pod vlivem, s výjimkou, v důsledku* и др.).

Из наречных предлогов интересующего нас семантического диапазона представлены следующие: со значением 'близость кого-либо или чего-либо' – *blízko, blíže* (с пометкой «реже»), *nablízko, nablízku, nedaleko, okolo, poblízku* (с пометкой «реже»), *poblíž, poblíže, podle, vedle*; со значением 'отдаленность кого-либо, чего-либо от кого-либо, чего-либо' – *opodál* (с пометкой «книжное»), *daleko* (с пометкой «реже»). Все при-

же»). Все приведенные единицы маркируются как стабилизированные предлоги.

Корпусный анализ 440 многословных предлогов представлен в вышеупомянутой монографии Р. Блатной [Blatná 2006], вышедшей в серии «Этюды по корпусной лингвистике». Один из главных редакторов этой книги, видный чешский лингвист проф. Ф. Чермак в предисловии к ней отмечает, что «...это первая монография, посвященная многословным грамматическим единицам, и одновременно первое системное описание многословных предлогов (выходящее однако и в фразеологию), которое, помимо прочего, расширяет наше традиционно суженное представление о том, чем собственно является предлог. В противовес десяткам традиционных однословных предлогов в работе представлены и системно описаны сотни предлогов многословных» [Blatná 2006: 5].

Опять же большую часть материала составляют предложные единицы, образованные на основе абстрактных существительных, которые, с точки зрения автора, представляют собой «центр многословных предлогов в современном чешском языке» [Blatná 2006: 49], напр., наиболее частотные *v rámci, vzhledem k, spolu s, v případě, na základě, do konce* и др.

В списке Р. Блатной – всего 13 предлогов типа «наречие + первообразный предлог», или, как мы их называем, предложных сочетаний; два из них имеют пространственную семантику и потому попадают в поле нашего интереса – это единицы *nalevo od* и *napravo od*.

В работе Р. Блатной анализируются структурные типы и частотность заявленных чешских многословных предлогов, их синтагматика (левые и правые коллокаты, валентность), парадигматика (вариантность, антонимия и синонимия), синтаксические функции, семантика, их представленность в текстах разных стилей и жанров.

Признается недостаточность освещенности многословных предлогов в существующих грамматических описаниях (напр., в академической «Грамматике чешского языка» [Mluvnice 1986], в «Настольной грамматике чешского языка» [Příruční 1995]) и толковых словарях чешского языка (SSČŠV: *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1994*; SSJČ: *Slovník spisovného jazyka českého I-IV. Praha, 1960-1971*). «Ни одна из этих грамматик не представляет весь перечень многословных предлогов, частичные списки приводятся только в виде иллюстраций, а в приведенном изложении не содержится информация ни о том, о насколько большом наборе единиц идет речь, ни о том, какие из этих единиц относятся к центру, а какие к периферии» [Blatná 2006: 9].

Примечательно, как интенции чешских лингвистов-«предложников» коррелируют с интенциями участников проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», сформулиро-

ванными его главным инициатором и руководителем проф. М.В. Всеволодовой: это, например, ориентация на «сбор собственно языкового материала, то есть составление реестра единиц, выполняющих функцию предлога» [Всеволодова 2005: 87], либо ориентация на полевое устройство категории предлога как имеющей центр (ядро) и периферию, о чем Майя Владимировна пишет во многих работах (напр., [Всеволодова 2008]).

Таким образом, чешские лингвисты также обратили внимание на существование в языке составных единиц, которые образуются на основе различных частей речи и регулярно употребляются в предложной функции, и они ставят целью дать им как можно более полное описание.

Мы же сосредоточимся сегодня не на составных единицах (их изучение ожидает нас впереди), а на однословных предложных единицах, на основе которых могут образовываться искомые нами предложные сочетания, – группе чешских предлогов-наречий, выражающих пространственные отношения в диапазоне ‘близко-далеко’. В отношении материала чешского языка мы находимся в начале исследовательского пути, поэтому и начнем сначала – с базисного компонента изучаемых нами предложных сочетаний – с пространственного предлога-наречия.

В поле нашего внимания 16 единиц (включая варианты): *blízko, blíž, blíže, poblízku, poblíž, poblíže, nablízko, nablízku, blízoučko, blízounko, nedaleko, daleko, opodál, okolo, podle, vedle*. Данный список мы составили по материалам чешских грамматик ([Mluvnice 1986], [Příruční 1995]), толковых словарей (PSJČ: *Příruční slovník jazyka českého I-VIII. Praha, 1935-1957*; SSJČ: см. выше; SSČŠV: см. выше; SSČ: *Slovník současné češtiny. Brno, 2011*), монографии Л. Кроуповой [Kroupová 1985].

Мы обозначаем эти слова как «предлоги-наречия», поскольку их морфологический статус вызывает вопросы. Что перед нами – наречие, которое употребляется в функции предлога, или вторичный предлог, образованный транспозитивным путем от наречия, – вопрос спорный.

Исследователи и славянских, и германских языков говорят о наречном происхождении ряда предлогов (В.В. Виноградов, Е.Т. Черкасова, П.П. Шуба, Л. Кроупова, А.И. Смирницкий, А.Н. Шаранда и др.). Иногда эта точка зрения принимает радикальные формы: «Материальное тождество (при сохранении семантической связи) многих предлогов и наречий в английском языке и способность материально одного и того же слова выступать при одном глаголе то в качестве предлога, то в качестве наречия указывает на близость предлога к наречию и позволяет рассматривать предлоги не как отдельную часть речи, а как группу слов внутри наречия – слов, способных выполнять служебную функцию» [Смирницкий 1959: 376].

М.В. Всеволодова имеет противоположную, также революционную точку зрения: «не наречия переходят в предлоги, а предлоги в наречия», «наречия всегда вторичны» [Всеволодова 2008: 12].

Л. Кроупова, классифицируя предлоги по происхождению, среди предлогов, возникших из наречий, выделяет предлоги деадвербиальные (по форме и смыслу является очевидной связь предлога с наречием, от которого он образовался; производящее наречие употребляется в своей исконной функции, так что предлог выступает как вторичный, мотивированный наречием: *blízko, (ne)daleko, skrz, vně*), трансадвербиальные (единицы, происходящие из предложно-падежных форм существительных, которые перешли в наречия, а затем приобрели функцию предлогов: *dovnitř, namísto, okolo, opodál, zkraje* и др.), конадвербиальные (предлог и наречие сосуществуют параллельно как слова, одинаково звучащие, имеющие одинаковое происхождение и схожее лексическое значение: *mimo, poblíž, podle, vedle* и др.) [Kroupová 1985]. Так или иначе, каждой из этих единиц будет свойственно то, что в высказывании она может употребляться как с формой имени, так и без нее.

Через анализ происхождения данных единиц не решается спорный вопрос о том, чем же они все-таки являются; а единственным всем известным критерием, ссылаясь на который, в одном случае мы можем назвать слово предлогом, а в другом – наречием, остается следующий: присутствует после данной единицы управляемая группа слов или нет. Ср. опять же у Л. Кроуповой: «... у предлогов последующий член, которым предлог управляет, является необходимым (напр. *seděl vedle mne* – предлог *vedle*, но *seděl vedle* – наречие *vedle*)» [Kroupová 1985: 11].

Или, напр., в грамматиках: «Некоторые наречия приобретают в высказывании функции предлогов. Они сочетаются с существительным и при этом теряют позицию самостоятельного члена предложения. Напр.: *prošel mimo* (нар.), *mimo Petra tam nikdo nebyl* (предл.), это же касается и, напр., *okolo, blízko, kolem* и т.д.» [Příruční 1995: 341]. «Переходы между наречиями и предлогами являются двусторонними (с точки зрения синхронии речь идет об омонимии): (а) наречия *uvnitř, uprostřed, napříč, kvůli* и др. функционируют в сочетании с именами как предлоги; (б) предлоги *mimo, okolo, naproti, proti, vedle* и др. самостоятельно функционируют как наречия. – Напр.: *Latku přibíli napříč* × *Cesta vede napříč polem. Udělal jí to kvůli* × *Kvěli tobě jsem se opozdil do práce. Předem vím, kdo bude proti* × *Proti němu nic nezmužeš*» [Mluvnice 1986: 194].

Однако, учитывая тот факт, что первообразные предлоги сами по себе могут употребляться с нуль-формой имени «при грамматической неполноте, когда опущенное имя подразумевается из контекста: *Я не в том возрасте, когда решения принимают после поступков. Я лично это делаю до* (В. Амлинский) или в словосочетании *голосовать за и про-*

тив» [Янко-Триницкая 1989: 133], предположение о том, что это может быть свойственно и всем прочим предлогам, представляется весьма убедительным. Ср. у проф. М.В. Всеволодовой: способность выступать с 0-формой существительного как один из параметров атрибуции предложной единицы (см., напр., [Всеволодова 2008]).

Таким образом, привычные нам «наречия» можно рассматривать как предлоги, употребленные с нулевой формой имени. Сама речевая практика показывает, что данные единицы в любом случае предполагают определенную именную группу. Примером тому могут послужить и общеизвестные строки: «У лукоморья **дуб** зелёный; Златая цепь на дубе том: И днём и ночью кот учёный Всё ходит по цепи кругом; Идёт **направо** – песнь заводит, **Налево** – сказку говорит» (А.С. Пушкин). Очевидно, что «кот учёный» ходит то **направо от дуба**, то **налево от дуба**. Или в традиционной сказочной формуле: «Пойдёшь **направо** – богатым будешь, пойдёшь **налево** – счастье найдёшь, пойдёшь **прямо** – смерть найдёшь» (имеется в виду: пойдёшь от **камня-указателя**). Ср.: чешские единицы *napravo od* и *nalevo od* у Р. Блатной позиционируются как многословные предлоги [Blatná 2006].

Дискутабельность морфологического статуса исследуемых пространственных предлогов-наречий отражается и в их неопределенной представленности в лексикографии.

Здесь наблюдается несколько вариантов.

Единица маркируется как наречие, но в словарной статье после определенного значка (D – «разделяет разные семантические группы» (PSJČ); □ – «отделяет одинаковые формы заголовочного слова, принадлежащие к различным частям речи» (SSČŠV)) или без него (SSJČ) ее последующие значения приводятся под пометой «В сочетании с род. пад. имеет характер предлога»: *blízko, daleko, nedaleko, opodál* (PSJČ); либо под пометой «предлог»: *blizoučko, blíž (blíže), poblízku, poblíž (poblíže)* (PSJČ); *blízko, nedaleko, poblíž, vedle, opodál, okolo*(SSČŠV); либо под пометой «в значении предлога»: *blízko, blíže, daleko* (с пометой «редкое выражение»), *nablízko* (SSJČ).

Единицы представлены как омонимы: 1) как отдельные заголовочные единицы со своими словарными статьями, причем их порядок следования разный: первой описывается единица-наречие, второй – единица-предлог: *vedle* (PSJČ), *blízko, nedaleko, poblíž, opodál* (с пометой «книжное») (SSČ); и наоборот, первой идет единица-предлог, далее – единица-наречие: *okolo* (PSJČ; SSJČ; SSČ), *vedle* (SSČ); 2) под одной заголовочной единицей разделенные римскими цифрами (I. наречие, II. предлог): *nedaleko, poblízku (poblízko* – с пометой «редкое выражение»), *poblíž (poblíže), opodál, vedle, podle* (омоним-наречие с пометой «редкое») (SSJČ).

Единицы маркируются только как наречия: *blizounce*, *nablízko* (PSJČ); *nablízku* (PSJČ, SSJČ, SSČŠV, SSČ); *daleko* (SSČŠV, SSČ); только как предлог: *podle* (PSJČ, SSČŠV, SSČ).

Единообразия не наблюдается не то что в нескольких словарях, которые в целом демонстрируют преемственность по отношению друг к другу, но даже в пределах одного словаря.

Противоречия встречаются и в иллюстративном материале. Например, в случаях, когда в иллюстрации к единице, маркированной как наречие, она выступает: а) предлогом: *blizounko* (*Seděl blizounko ní a díval se pak upřeně na její prsty.* В. Němcová), *nablízko* (*Nechod'te nablízko hřebcům, ti neznají moresy a kopnou hned.* В. Němcová) (PSJČ); либо б) компонентом предложного сочетания: *blízko* (*Kaplan se postavil blízko ke kamnům.* А. Jirásek), *nedaleko* (*Nedaleko od kostelíčka bydlel převozník.* V. Třebizský. *Nedaleko od nas uhodilo!* F. Turinský) (PSJČ), ср.: русская единица *недалеко от* в двух современных словарях [Рогожникова 1991; Ефремова 2001] маркируется как предлог; *blízko*, *blíže* (*sednout si blízko k oknu; sedí blízko u okna; blíže k městu ubývá lesů*), *daleko* (*sedět daleko od jeviště*) (SSJČ).

Ясного представления об искомым предлогах-наречиях не дают и существующие грамматические описания чешского языка.

В рассмотренных нами грамматиках [Příruční 1995], [Mluvnice 1986] данные единицы отчасти приводятся в общих списках пространственных предлогов, дифференцированных по вопросам, которые ставятся к управляемой предлогом группе, т.е. выражающих «пространственные отношения как часть ответа на вопрос: Где? Куда? Откуда? Каким путем?» [Příruční 1995], либо, иными словами, «место на вопрос: Где? Куда? Откуда? Каким путем?» [Mluvnice 1986]. По иным семантическим признакам, в том числе признаку близости-отдаленности в пространстве, в данных источниках они не дифференцируются. Любопытно, что в [Příruční 1995] среди пространственных предлогов приводится сочетание *daleko od*, правда, без какого-либо комментария.

Поиск исследуемых единиц в ресурсах Чешского национального корпуса (<http://www.korpus.cz/>; корпус SYN, 1 568 079 262 позиции) привел к следующим результатам (в скобках указывается количество контекстов, в которых встречается единица: первое число обозначает ее предложное употребление, второе – наречное; дифференциация результатов поиска по частеречной принадлежности омонимичных единиц является одной из возможностей автоматической системы корпуса): *podle* 2 662 302 / 5435 (однако, значение близости в пространстве является лишь одним из значений этого многозначного предлога), *vedle* 233 124 / 24 490 (искомое пространственное значение – основное, но предлог также многозначный), *okolo* 104 137 / 7552 (искомое простран-

ственное значение – одно из значений данного многозначного предлога, не основное); предлоги, для которых значение близости в пространстве является основным и единственным пространственным значением: *ne-daleko* 65 055 / 0, *poblíž* 51 588 / 4166, *blízko* 24 485 / 30 758, *blíž* 2 139 / 18 747. Поисковой системой корпуса в качестве только наречных идентифицируются употребления следующих единиц: *daleko* 176 848 (однако из них 11 846 употреблений сочетания *daleko od*), *blíže* 29 248, *opodál* 5 850, *nablízku* 3346, *nablízko* 379, *poblíže* 43, *blizounko* 7, *poblízku* 1. Никакого результата не дал поиск единицы *blizoučko*.

Полученные данные, однако, не стоит принимать за абсолютные, поскольку компьютерная программа многие контекстуальные употребления идентифицирует ошибочно. К примеру, в блоке контекстов к единице *nablízku*, которую система определяет исключительно как наречие, встречаются контексты, где данная единица выступает предлогом, напр.: *Jeho přítomnost zde zase byla zcela pochopitelná - přijel , aby mohl být nablízku svému děvčeti; Nepokoušel se George následovat. Věděl, že teď musí zůstat s jejím otcem, i když by mnohem raději byl nablízku své paní; "Drž se u mě," pošeptala mu Ridley, když vešli dovnitř. "Nikoho tady neznám." "Neboj se," opáčil Clay. Zůstat jí nablízku mu nedělalo problémy. Или «наречие» *opodál*: *Možná proto, že i další dívka, která ležela na zemi opodál převráceného stolu, měla podobné rysy jako Kateřina; Viděl jsem krále z dálky několika metrů. Seděl na svém koni opodál ostatních; Obecenstvo je v pohybu. Obecenstvo se prochází sem a tam. Zůstává opodál šatny; má ohled na zvyklosti. И др.**

Часто встречаются контексты, в которых искомая единица является компонентом предложного сочетания. Например, *příliš blízko*: *Vesnice se samoobsluhou byla přece jenom příliš blízko Pavlovic; docela blízko*: *V té době jsou medvědi v Michiganu buď už uloženi k zimnímu spánku , anebo se drží docela blízko zimního brlohu; trochu blíž k*: *Přisedněte si trochu blíž k ohni a hned si pohovoříme; daleko od*: *Za celý den prožíval vždycky dva okamžiky, kdy se cítil opravdu skvěle - když plaval daleko od břehu a když seděl s přáteli u večere; hodně daleko od*: *Motorový člun se silným bílým reflektorem vrčivě klouzal po hladině hodně daleko od břehu a zmizel za zalesněným výběžkem.*

Уже сейчас можно сказать, что чешский язык даст богатый материал для изучения отнаречных предложных сочетаний.

Зондирование чешских предлогов-наречий с семантикой ‘близко-далеко’ в словарях, грамматиках, корпусе привело к противоречивым результатам, что опять же свидетельствует об актуальной дискуссионности и недостаточной изученности искомым слов. Как ожидается, решить спорные вопросы позволит проведение параллелей с материалом

русского и белорусского языков, что является задачей будущих исследований.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В.* Грамматика славянского предлога: системные явления в категории предлога (результаты первого этапа работы) // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Ч. 1. Гродно, 2005.
2. *Всеволодова М.В.* Категория русского предлога. Системные характеристики // Славянские предлоги. Велико Търново, 2008.
3. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
4. *Николаенко О.Г., Конюшкевич М.И.* Предложные сочетания с пространственным значением в белорусском языке // Язык – Культура – Человек: Сб. к юбилею проф. М.В. Всеволодовой. М., 2008.
5. *Николаенко О.Г.* Предложные сочетания с пространственной семантикой в русском и белорусском языках: образование, структура, функции компонентов. Дипл. проект. Гродно, 2008.
6. *Николаенко О.Г.* Предложные сочетания с пространственной семантикой в русском и белорусском языках // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Гродно, 2010.
7. *Николаенко О.Г.* Образование и структура предложных сочетаний в русском и белорусском языках. Магистер. дисс. Гродно, 2010.
8. *Рогожникова Р.П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М., 1991.
9. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
10. *Янко-Триницкая Н.Р.* Блатной А. Русская морфология. М., 1989.
11. *Vlatná R.* Viceslovné předložky v současné češtině. Praha, 2006.
12. *Kroupová L.* Sekundární předložky v současné spisovné češtině. Praha, 1985.
13. *Mluvnice češtiny II.* Praha, 1986.
14. *Příruční mluvnice češtiny.* Praha, 2003.
15. *Příruční slovník jazyka českého I-VIII.* Praha, 1935-1957.
16. *Slovník současné češtiny.* Brno, 2011.
17. *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost.* Praha, 1994.
18. *Slovník spisovného jazyka českého I-IV.* Praha, 1960-1971.
19. SYN. Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit. 25.01.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

ПРЕДЛОГИ-НАРЕЧИЯ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАПАЗОН 'БЛИЗКО – ДАЛЕКО')

Аннотация

Рассматривается группа предлогов-наречий чешского языка, выражающих пространственные отношения в диапазоне 'близко – далеко', их представленность в грамматических и лексикографических источниках, в ресурсах Чешского национального корпуса. Дискутируется вопрос о морфологическом статусе данных единиц – предлог или наречие?

**THE ADVERBIAL PREPOSITIONS OF SPACE
(FROM "NEAR" TO "FAR" MEANING)
IN THE CZECH LANGUAGE
Aksana Mikalayenka**

Keywords: preposition, spatial relations, the Czech language

Abstract

The article deals with the Czech adverbial prepositions of space (from "near" to "far" meaning), presented in grammar publications, lexicographical literature, in the resources of the Czech national corpus. The discussing point is the morphological status of these units (are they prepositions or adverbs?).

Церковнославянский предлог в грамматике и текстах XVII-XVIII вв.

© кандидат филологических наук Н.В. Николенкова (Россия), 2013

Ключевые слова: церковнославянский язык, предлог

Межнациональный проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», работа над которым интенсивно и плодотворно ведется последние годы, можно без преувеличения назвать детищем Майи Владимировны Всеволодовой. Интереснейшие результаты, полученные под ее руководством российскими и зарубежными учеными в области описания славянского предлога, представляют огромный интерес для исторической русистики и славистики. Так как до настоящего времени система и функционирование предлогов в древнем тексте описаны весьма фрагментарно, работы М.В. Всеволодовой намечают интереснейшие перспективы их исследований.

В работе 2005 года М.В. Всеволодова пишет: «Думается, что в качестве первого этапа работы мы справедливо выбрали создание по возможности полного реестра реально существующих (в том числе и в диалектах, а затем и в памятниках письменности) и реально употребляющихся единиц, выполняющих в языке функции предлога» [Всеволодова 2005]. Нам кажется, что для характеристики предлога как части речи в диахроническом аспекте необходимо привлечь данные письменных памятников (как ориентированных на книжную норму церковнославянского языка, так и деловых и бытовых), но для осмысления предлога как части речи носителями языка наиболее показательным является материал церковнославянских грамматик XVI-XVIII вв.

В первых грамматиках церковнославянского языка предлогу уделено мало внимания. Так, Лаврентий Зизаний в своей грамматике 1596 года определяет предлог как **часть слова не скланяема, прѣ иными Словы частми полагаема** и относит к этой части речи 18 слов, некоторые из которых имеют варианты (*пред/ предо* и др.). Для этих предлогов далее описано «сочинение», то есть употребление с определенными падежами (иллюстрации введены самим автором). В этом же разделе «Предлог» Зизаний упоминает **иных неких части, яже могутъ прелогги нарицати, но токмо въ сложеніи употребляемаа** [Кузьминова 2000: 99].

К ним относятся *въз/въсь; про; пре; разъ*. Употребляясь лишь как приставки, они не анализируются в разделе «сочинение».

В Грамматике Смотрицкого 1619 года выделено 20 предлогов, большая часть которых **Сочинительнѣ и Сложнѣ сѣть** (то есть выступают как часть речи и часть слова), а *вос, нис, рас, пре, про* лишены способности самостоятельного употребления и относятся к сложным [Кузьминова 2000: 387]. Далее, говоря о сочинении предлогов, Смотрицкий вводит в иллюстрации не только собственные примеры, но и цитаты из Священного Писания. Необходимо отметить, что именно при обращении к конкретному материалу автор отмечает недостатки в своей условной схеме. Так, в иллюстрациях отмечаем свободное употребление церковнославянского предлога *воз*: **Во³, ѿлѣ вос, в мѣстѣ за, Винитѣнѣ сочиняетсѣ, ѿкъ, блгть во³ блгть** (Ин 1: 16) <...> **Нѣсть ѡбаче нера³сѣднѣ оупотребляемъ прѣлогъ сѣй сочинителнѣ, сложнѣ во сочиняемый ѣсть** [Кузьминова 2000: 444].

Можно говорить о том, что постепенно начинающаяся филологическая работа с текстами позволяет авторам приходиться к выводам, которые вступают в противоречие с условно выстроенной моделью. Однако и московское издание грамматики Смотрицкого 1648 года повторяет ту же схему: справщики не видят противоречия в двух разделах текста, вероятно считая анализ предлога менее важным, чем, например, глагола.

В более поздней переработке того же грамматического сочинения – Грамматике Федора Максимова 1723 года – список предлогов, данный в разделе «Этимология», не отличается оригинальностью: перечислены 20 предлогов, каждый из которых **прѣдѣнными частями полагаетсѣ, ѿлѣ по сочинѣнѣю, ѿлѣ по сложѣнѣю** [Максимов 1723: 85]. Но далее, в разделе «О сочинении предлогов», который занимает 35 страниц, Максимов пытается не только определить характер употребления предлога с определенным падежом (здесь мы наблюдаем аналогию с его предшественниками), но и максимально широко описать те значения, которые приобретают предлоги в контексте. Поставленная Максимовым задача свидетельствует о понимании проблемы максимально точного описания церковнославянского предлога. Как же решалась она в самом начале XVIII века? Думается, что Максимова удалось сделать ряд наблюдений, не оформленных окончательно в виде грамматических правил, но демонстрирующих характер рассуждений автора этого времени.

Во-первых, в качестве материала для анализа и иллюстраций выбираются и широкий контекст книг Священного Писания, и анализ собственных употреблений. К примеру, у предлога *от* (Ѡ) выделены значения «отстояния» (Ѡстоитѣ Ѡ града), «действия» (всѧка власть Ѡ бѣа (Рим. 13:1)), движения (Ѡ бѣа подоваѣтъ все начинати), времени (Ѡ часа ѡнаго), места (волсви Ѡ востокѣ (Мф 2:1)). Правда, необходимо заметить, что при определении значений Максимов часто демонстрирует знание не столько собственно русских, сколько церковнославянских, книжных значений предлогов, отражающих переводной характер текста. К примеру, у *сз* автор отмечает значение «вместе» (прѣвѣсть же мариамъ ѣ нею (Лк 1:56)) и «между, посреде» (что ѣщете живаго съ мѣртвыми (Лк 24:5)). Очевидно, что толкование основано на различии предлога в греческом оригинале: *σύν* в первом контексте и *μετά* во втором. СРЯ XI-XVII значение «между» для предлога *сз* не отмечает [СРЯ XI-XVII 23, 1996: 8-9]; следовательно, его можно считать специфически церковнославянским, выявляемом лишь в одном, причем зависимом от греческого оригинала, контексте.

Во-вторых, Максимов отмечает для анализируемых предлогов синонимичные. Для Ѡ представлена синонимия с предлогами *чрез*, *кроме* (ничтоже боле Ѡ повелѣннаго вамъ творите), *из*, наречием *послѣди* (живши седмь лѣтъ ѣмѡжемъ Ѡ дѣвства) [Максимов 1723: 130-131]. Для *сз* отмечена синонимия с *чрез* (ѣлика сотвори бѣтъ съ ними) [Максимов 1723: 135]. Для *изъ* отмечается как синонимия с предлогом *сз*, так и с наречием *послѣди* (съ обѣда) [Максимов 1723: 128] (пример отмечен в разделе, описывающем значения «из», так что «съ» здесь оказывается для автора, по-видимому, вариантом предлога «из», что отмечено в заглавии «*Изъ, ѣли съ, знаменуетъ...*»).

Конечно, современные исторические словари описывают значения предлогов по-иному, но сопоставление взгляда грамматиста XVIII века и современного позволяет установить, к примеру, синонимию предлогов «от» и «из» и «с» с древнейших времен [СРЯ XI-XVII 13, 1987: 175-179].

В-третьих, устанавливая синонимические отношения между предлогами, Максимов в определенной степени проводит различия книжных (церковнославянских по значению, употреблению и в определенной степени по происхождению) предлогов и нейтральных или разговорных. А поскольку синонимия требует привлечения разного материала, то Максимов существенно пополняет набор книжных предлогов.

Такой принцип рассказа (сопоставительный) был использован автором в разделах «Надглаголие» и «Союз» [Максимов 1723: 65-84, 85-89]. Говоря о наречии (**надглаголіи**), автор противопоставляет церковнославянские **днесь, оуже, древле, вчера, йндѣ, горѣ** нейтральным (иногда разговорным и даже просторечным) **севѣ дни, вѣтъ вѣтъ, давнѣ, вчерась, въ йномѣ мѣстѣ, въ верхѣ**. В определенном смысле можно говорить о расширении введенного Смотрицким списка наречий и выявлении наречных выражений в современном Максимову языке.

Выбирая толкования для предлогов, автор придерживался того же принципа (хотя так же непоследовательно). Нейтральные предлоги, свойственные как книжному, так и разговорному узусу, толкуются посредством книжных предлогов (не вошедших в основной список) или наречий. Тем самым Максимов самостоятельно расширяет список из указанных им 20 предлогов, вводя в свой реестр множество новых.

К примеру, **по** в контекстах **по хѣтѣ, по образѣ вѣю высть человекѣ, по димосѣнѣ пишетѣ** толкуется через **подобѣнѣ** [Максимов 1723: 160], тем самым Максимов определяет данное наречие как способное занимать позицию предлога. Отметим, что в [СРЯ XI-XVII 16, 1990: 21] для лексемы дается единственная частеречная характеристика «наречие», только [СДРЯ XI-XIV VI, 2000: 539] находит возможность при определенных употреблениях дать значение предлога. В другом случае для **по** дается аналог **послѣ (по днѣхъ ѡсми; по сѣхъ же прѣиде йнѣ)** (Ин. 3: 22)). В современных исторических словарях предложное употребление выделено [СДРЯ XI-XIV VII, 2004: 260; СРЯ XI-XVII 17, 1991: 176], как и для еще одного аналога **по** – предлога и наречия **вслѣдѣ**, но Грамматика Максимова останется первой, в которой обращается внимание на такое употребление наречия.

В-четвертых, при описании предлогов **въ сложѣнїи** Максимов говорит и о лексическом их значении, и о грамматическом: показывает возможность указывать на будущее время, что в терминах современной грамматики означает указание на видовое образование (**сплю - оуспнѣхъ; пою – воспю**). Значения, отмечаемые для предлогов / приставок, оказываются многочисленны и дифференцированы: так, для **пре** выявлено 15 дополнительных значений и еще одно, охарактеризованное так: **Ѧвогда же хранитъ тѡжде знаменованїе, такъ: мудрость, премѣдрость** [Максимов 1723: 165]. Выделяемые значения «сложных» предлогов, то есть приставок, – это первая в истории русской грамматической мысли попытка охарактеризовать те дополнительные значения,

которые приставки вносят в структуру слова. А установление тождества приставочных и бесприставочных образований следует отнести к безусловно новаторским для грамматики XVIII века идеям Максимова.

Наконец, Максимова принадлежит наблюдение, ставшее сегодня одним из важных элементов анализа структуры словосочетания и предложения. Автор пишет в рассматриваемом разделе: **Знаменай, ꙗко сѣи предлози съ глаголи сложеннѣи свойственнѣ оусъгъелѣнтса, ꙗкѡ: ѿхождѣ ѿ тебе, согласѣюса съ тобою. при мнѣ прѣиде. надѣде над мѣ. подѣде под мѣ. прѣиде прѣд лицѡмъ. видѣ въ дѡмъ. ѿ прѡчаа** [Максимов 1723: 163].

В том же разделе можно найти еще некоторое число слов, впервые включаемых Максимовым в предлоги. Скажем, одно из значений приставки **про** определено как **сквозѣ** (с примером **прохождѣ**), другое как **лѣмѡ** (с тем же примером, что демонстрирует, насколько точно Максимов был способен определить омонимию на уровне морфем слова).

Все это позволяет нам утверждать, что Федора Максимова следует относить к первым настоящим исследователям славянского предлога. Им были в определенной степени намечены параметры будущих исследований в этой области. К сожалению, Грамматика Максимова традиционно считается одной из модификаций грамматической системы Смотрицкого, зависимой от этой модели [Живов 2004].

Интересным нам кажется сопоставление грамматических взглядов XVII-начала XVIII века и реальной практики создания текстов. Современные лексикографы имеют дело с дошедшими до нас памятниками, да еще и отобранными для включения в картотеки словарей. Грамматисты того времени, безусловно, были ориентированы на реальный письменный узус.

Интересен для такого сопоставления оказывается предлог **вѡз, ѿлѣи вѡс**. В описании Максимова он также окажется многозначным: значение **вмѣстѡ ѿ противѣ** в наиболее распространенном контексте из Ин 1:16 (**вѣгъть вѡ³ вѣгъть**). В «сложении» (то есть в значении приставки) ему приписано значение **выспрь** (с примером «восхожду»). Те же два значения выявлены сегодня и историческими словарями, причем первое из значений отмечено в [СДРЯ XI-XIV II, 1989: 146] в отдельной словарной статье про сам предлог, а значение «движение вверх» – в контексте «а лодиа горѣ идѣаше възводу» [СДРЯ XI-XIV I, 1988: 452, так в словаре!]. Те же значения (при использовании практически тех же контекстов) выделены в [СРЯ XI-XVII 2, 1975: 265].

Источники, введенные в оборот в последние годы, позволяют говорить о том, что предлог *воз* был весьма востребован в церковнославянском языке великорусской редакции как одно из важных средств создания книжного стиля. Например, контекст **положиша злаа въ бл҃гаа** частотен в памятниках русской агиографии XVI-XVII вв. [Герд 2003: 50]. Его используют в «Лексиконе словено-латинском» Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский с латинскими соответствиями «*лосо*» и «*рго*» [Німчук 1973: 435], а их ориентация на архаичный «еллино-славянский» стиль церковнославянского языка известна. В деловых и бытовых текстах XVI-XVII вв. этот предлог ожидаемо отсутствует. Можно с уверенностью говорить о церковнославянском характере предлога *воз*.

Еще более интересен оказывается предлог *през*. Он не представлен ни в списках предлогах, ни в главах о сочинении предлогов ни в одной из грамматик XVI-XVIII вв. Однако при обращении к текстам мы отмечаем эпизодическое его употребление. СДРЯ отмечает 7 контекстов его употребления, при этом все выявлены в одном памятнике – Рязанской Кормчей 1284 года, имеющей южнославянское происхождение [СДРЯ XI-XIV VIII, 2008: 158-159]. В XVI веке *през* отмечается редко, к примеру, в тексте Хронографа 1512 года, причем в части, соотносящейся с болгарскими источниками: «При семь Коньстянтине цари преидоша болгаре през рѣку Дунавъ» [СРЯ XI-XVII 18, 1992: 231]. Отметим, что выбор предлога в данном случае вполне может быть связан с желанием автора текста создать параллель с приставкой *пре* в глагольной форме, то есть оказывается обусловлен синтаксическими и стилистическими факторами.

М.В. Всеволодова отмечала, что «язык – система динамическая, и какие-то, необходимые для решения коммуникативных задач, для обслуживания новых сфер деятельности человека языковые единицы появляются в нем “по потребности”» [Всеволодова 2005]. Данное утверждение по отношению к системе предлогов оказалось верным не только для системы современных славянских языков. Для периода XVII века мы можем со всей определенностью утверждать, что и служебные части речи, такие как предлог, могли выбираться книжниками «по потребности» и решать стилистические задачи.

Во второй половине XVII века *през* начинает использоваться Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским при переводе с латинского языка научных сочинений. В 1659-60-х гг. ими был осуществлен пере-

вод «Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum», географического атласа с описанием стран и земель, изданного в 1645 году в Голландии отцом и сыном Блау. В этом переводе для передачи латинского *per* переводчики активно используют *през*, хотя ранее, при создании славяно-латинского и латино-славянского лексиконов, он использовался наряду с более распространенным «чрез» [Німчук 1973: 305, 491, 537]: **Гѡры презвѣсь ѡстровъ высѡки сѣтъ** [по рукописи ГИМ, Син. 19, 26]: **и прѣ многшїа степѣни ѡсѣа стрѣи бываѣтъ восхо дограда ѡже нависѡцѣмъ положѣнъ ѣсть** [там же, 187 об.] и т. д.

Задача Славинецкого и Сатановского – создать новый функциональный стиль (научный). Для решения задачи они и обращаются к мало употребляемым, хотя и известным ранее лексическим средствам. При этом выбор этих средств вряд ли можно считать влиянием юго-западно-русского варианта церковнославянского языка на московский. Наши наблюдения показывают, что широкого распространения *през* в созданных на территории Юго-Западной Руси текстах, не отмечается. Таким образом, использование *през* оказывается не переносом региональной модели на великорусскую почву, а самостоятельным выбором авторов перевода, выполняющих новую задачу.

Подводя итоги, отметим следующее. Реконструкция лингвистических представлений самих книжников периода XIV-XVII-XVIII века должна идти через анализ созданных ими текстов. Анализ только современных исторических словарей может создать не вполне верное представление о реальном словарном составе (книжном или разговорном) исследуемого времени. При этом особое внимание, на наш взгляд, должно быть уделено сочинениям, составленным наиболее образованными книжниками своего времени, которыми, безусловно, являются Епифаний Славинецкий и Федор Максимов.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В.* К вопросу о грамматике славянского предлога (Осмысление первичных результатов первого этапа в работе межнационального проекта) // *Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi.* Opole, 2005.
2. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Сост., подг. текста, научный комментарий *Е.А.Кузьминовой.* М., 2000.
3. *Живов В.М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. М., 2004.
4. *Житие Антония Сийского.* Под ред. *А.С.Герда.* СПб., 2003.

5. [Федор Максимов]. Грамматика славенская въ кратце собранная въ Грекославенской школѣ таже въ великом Новѣ градѣ при домѣ Архїерейскомъ.ю СПб., 1723.
6. «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / підгот. до вид. В.В. Німчук. Київ, 1973.
7. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. М. 1988 – наст.вр.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. М. 1975 – наст.вр.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПРЕДЛОГ В ГРАММАТИКЕ И ТЕКСТАХ XVII-XVIII ВВ.

Аннотация

В статье дается анализ взглядов некоторых книжников XVII-XVIII вв. на систему и основные значения предлога в книжно-письменном, церковнославянском языке. Показано, что уровень анализа текста, сделанный ими, позволяет рассматривать этот период как начало подлинно филологического осмысления русского языкового материала.

CHURCH SLAVONIC PREPOSITION IN GRAMMAR BOOKS AND TEXTS OF THE XVII-XVIII CENTURIES N.V. Nikolenkova

Keywords: Church Slavonic, preposition

Abstract

In the article some linguistic ideas which were brought by the scribes of XVII-XVIII centuries are looked over. The main point is connected with the grammatical system and the basic senses of the preposition in the Church Slavonic. The analysis of the text presented by Old Russian writers gives the possibility to look over this period as the beginning of philological Russian language material investigation.

К вопросу о полифункциональности языковых единиц

© доктор филологических наук Ф.И. Панков (Россия), 2013

Ключевые слова: полифункциональные слова, звучащая речь, функционально-коммуникативная грамматика русского языка

В работах профессора М.В. Всеволодовой много внимания уделяется полифункциональности языковых единиц. Рассмотрим это понятие подробнее и на конкретном материале.

1. Общее представление о полифункциональности. Понятие полифункциональности (многофункциональности), так же как и функции, в современной лингвистике чрезвычайно размыто: под ним подразумеваются подчас совершенно различные языковые явления. Полифункциональность выделяется как свойство единиц разного уровня: одни исследователи говорят о полифункциональности морфем, другие – о полифункциональности слов или словоформ, третьи выявляют полифункциональность высказываний, четвертые – выразительных языковых средств, пятые обращают внимание на полифункциональность языка в целом. Иногда полифункциональность понимается узко, иногда очень широко. Выделим основные интерпретации данного термина, расположив их по принципу: от единиц более низкого уровня к единицам более высокого уровня.

1. Полифункциональность морфемы, во-первых, как ее способность выступать одновременно в качестве аффикса и в качестве корня, и, во-вторых, ее способность как аффикса быть показателем различных падежных форм одновременно. Такое понимание встречается в работах В.А. Плунгяна: «... полифункциональность словообразовательных морфем (т. е. их способность выступать как в качестве аффиксов, так и в качестве корней самостоятельных существительных или глаголов) является полностью регулярной в языке эсперанто...» [Плунгян 2000: 90]; «Лингвисты уделяли много внимания проблеме описания падежных значений (в особенности у полифункциональных падежных показателей)» [Плунгян 2000: 189].

2. Полифункциональность местоимения как способность выполнять в речи дейктическую и анафорическую функции [Битехтина 1998].

3. Полифункциональность слов общего рода, «реализующихся в разных контекстах то как существительные мужского рода (*староста сказал, наш Саша*), то как существительные женского рода (*староста сказала, наша Саша*)» [Рощина 2005].

4. Полифункциональность двувидовых глаголов, «которые в разных контекстах реализуют свойства то совершенного, то несовершенного вида» [Рощина 2005].

5. Полифункциональность частиц как свойство их взаимозаменяемости в высказывании, основанное на их внутренней семантике: различиях и совпадениях в наборах сем (Т.М. Николаева): «... частицы имеют свое значение и почти всегда синонимичны, т. е. они представляют собой «набор сем». Наборы эти индивидуальны, но семы могут совпадать... Эта полифункциональность частиц, диффузность их семантики, сосуществование синонимичности и оригинальности влекут за собой еще два феномена, также всеми признаваемые: частицы должны подкреплять друг друга (или могут подкрепляться), и их значение во многом определяется контекстом» [Николаева 1985: 9].

6. Полифункциональность морфологических единиц в разговорной речи [Красильникова 1972].

7. Полифункциональность словоформ как способность выполнять различные синтаксические функции, т. е. функции разных членов предложения, как свойство занимать различные синтаксические позиции в высказывании [Всеволодова 2000; Вязовик 1981; Лейкина 1979; Милославский 1997 и др.]: «Слова типа *весело*, несмотря на их полифункциональность, могут быть охарактеризованы как наречие, поскольку они могут употребляться в той синтаксической функции, которой характеризуются наречия» [Милославский 1997: 591].

8. Полифункциональность слова как его многозначность, способность словоформы в разных синтаксических позициях реализовать тот или иной лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова [Брызгунова 1997; Всеволодова 2000]. Так, в учебнике М.В. Всеволодовой отмечается полифункциональность некоторых оценочных наречий, в частности выражающих аксиологические оценки: «Некоторые из этих наречий полифункциональны: *В лесу хорошо*; *Мне хорошо* – оценка состояния среды или субъекта; *хорошо прогрелась (земля)*; *поёт хорошо* – характеристика процесса. Другие оценивают только действия: *Так поступать нерационально*; *Он глупо ухмыльнулся*» [Всеволодова 2000: 68].

9. Полифункциональность словоформы как частотность ее употребления в речи [Земская 1983; Прокуровская 1974 и др.].

10. Полифункциональность словоформы как ее способность выступать в роли различных частей речи в разных синтаксических (контекстуальных) условиях [Болдычева 1981; Брызгунова 1982, 1997; Зайцев 1993, Сергеева 2002; Сюй Хун 2004, 2004; Цзян 2004, Рощина 2005]. Так, Л.И. Болдычева, сопоставляя материал английского и русского

языков, отмечает: «Некоторые единицы английского языка могут выполнять в предложении функции различных частей речи (полифункциональность)» [Болдычева 1981: 10], а Г.Н. Сергеева, подводя итог анализу слова *во многом*, пишет: «Таким образом, *во многом* – слово, проявляющее в своем функционировании признаки разных частей речи – существительного, частицы-наречия, собственно частицы и союза, то есть являющееся полифункциональным словом» [Сергеева 2002: 327].

11. Полифункциональность высказывания как наличие у него потенциальных значений, «которые вне интонации и смысловых связей остаются нераскрытыми, неактуализированными» [Брызгунова 1997: 880]. Как видим, свойство полифункциональности Е.А. Брызгунова рассматривает по отношению и к слову, и к высказыванию.

12. Полифункциональность стилистических приемов как выразительных средств русского языка, выполняющих несколько функций: выделительно-усилительную, экспрессивно-грамматическую, характерологическую, собственно-изобразительную (живописующую, функцию создания несобственно-прямой речи, выделения ключевого слова и др.: «Позиционно-лексический повтор – явление полифункциональное [Культура русской речи 2003: 483].

13. Полифункциональность языка как наличие у него разнообразных функций: средства сообщения и получения информации, коммуникации, общения, воздействия, выражения эмоций, самовыражения, эстетической функции, способности отражения национальной ментальности и национального своеобразия видения реального мира [Величко 1999; Книга о грамматике 2004; Крысин 2000]: «Грамматика русского языка для нерусских, ставящая целью разработать лингвистическую основу для обучения русскому языку, должна учесть разные его стороны, разнообразные роли, выполняемые языком в обществе, поэтому ее основополагающим принципом является опора на идею полифункциональности феномена языка... Полифункциональность языка обуславливает подход к языку как к средству порождения речи, поэтому структурное и семантико-смысловое описание дополняется функциональным» [Книга о грамматике 2004: 11]. Л.П. Крысин, характеризуя языковую ситуацию на Украине, писал о том, что ситуация параллельного двуязычия возможна в случае, «если оба языка полифункциональны, то есть используются в многообразных коммуникативных ситуациях и в разных социальных сферах» [Крысин 2000: 153]¹.

¹ На неоднозначность термина «полифункциональность» обращается внимание, в частности, также в книге [Сюй Хун 2004: 22], где рассматриваются его различные интерпретации.

Указанные различия в понимании термина являются следствием разных представлений лингвистов о функциях языковых единиц. Однако, безусловно, перечисленные интерпретации так или иначе связаны между собой. Например, полифункциональность словоформ как их способность выступать в роли различных частей речи тесно связана с явлением многозначности, со свойством лексемы в разных синтаксических позициях, контекстуальных условиях и/или с разным интонационным оформлением актуализировать те или иные семантические значения, реализовать тот или иной ЛСВ.

В материале, представленном ниже, в первую очередь учитывается концепция коммуникативного анализа русской звучащей речи Е.А. Брызгуновой, изложенная в ряде ее собственных работ [Брызгунова 1982, 1997 и др.], а также в трудах ее учеников и последователей (см., в частности, [Муханов 1990; Зайцев 1993; Коминэ 1999; Безяева 2002; Сюй Хун 2004; Панков 2004 и др.]).

2. Общее представление о полифункциональных словах и словоформах. Рассмотрим свойство полифункциональности лексических единиц как их многозначности. Различия между ЛСВ слов находят отражение в синтаксисе, т. е. закреплены на уровне их употребления. Представители тех или иных категориальных классов слов функционируют в составе высказываний, которые в зависимости от интонации и смысловых связей предложений в контексте могут иметь разные значения. Ср., например, нетождественные по интонационному оформлению и по значению примеры (1а) и (1б), где словоформа *лучше* в одном случае имеет грамматический статус компаратива, а в другом – частицы:

(1а) *Лу²чше работай!* б) *Лу²чше рабо²тай!*²

Такие высказывания, а также те слова в их составе, которые реализуются одним из своих ЛСВ, принято называть полифункциональными [Брызгунова 1982, 1997 и др.; Зайцев 1993; Сюй Хун 2004; Панков 2004].

Особенно богато и разнообразно полифункциональные слова (ПФС) представлены в звучащей речи. Их ЛСВ не только различаются значением, но даже могут функционировать как представители разных категориальных классов слов, в частности и как самостоятельные, полноточные, и как служебные (*где, ещё, как, какой, когда, куда, лучше, надо же, один, пока, просто, прямо, раз, сколько, скорее, так, такой,*

² Примеры из звучащей речи сопровождаются интонационной транскрипцией по Е.А. Брызгуновой [Русская грамматика 1980, I: 96–122].

там, тут, тоже, только и др.) или как служебные с разными значениями (а, вот, и, да, но, ну, хоть бы и др.) [Брызгунова 1997: 888]. Полифункциональность слов проявляется в их способности в составе высказывания изменять значение при взаимодействии синтаксической структуры высказывания, его лексического состава, интонации и смысловых связей с контекстом.

ПФС и словоформы могут различаться и коммуникативной ролью, т. е. способностью занимать ту или иную позицию в коммуникативной структуре высказывания [Янко 2001; Всеволодова 2000; Панков 2004].

Выявление ЛСВ этих слов, верификация их категориального грамматического статуса выражается с активным участием интонационных средств (в частности, с помощью выделения или, наоборот, невыделения слова центром ИК, типа ИК, синтагматического членения), а также смысловых связей предложений в контексте. Наиболее ярко различия между ЛСВ полифункциональных слов выявляются в высказываниях с единым лексико-грамматическим составом. При этом роль того или иного средства может варьироваться – усиливаться или ослабляться.

Явление полифункциональности (в понимании Е.А. Брызгуновой) не следует смешивать с полисемией (лексической многозначностью) и омонимией. Для выявления лексической многозначности или омонимии достаточно контекста словосочетания или предложения: *кисть винограда* – *кисть руки*, *студент идёт* – *дождь идёт*, *холодный душ* – *холодный взгляд*. А в актуализации значений ПФС участвуют синтаксические, лексические, интонационные, а нередко и контекстуальные средства. Ср., например, ПФС *какой* в составе следующих высказываний: (2а) – вопросительное местоимение в составе частного вопроса, (2б) или (2в) – выражение качественной оценки, (2г) – экспрессивное отрицание или несогласие:

- (2)а) *Како²й у Олега голос?* б) *Како⁵й у Олега го¹лос!*
в) *Како¹й у Олега го⁶лос! г) Како⁷й у Олега голос!*

ПФС в русском языке могут сочетаться друг с другом или с другими словами, образуя во взаимодействии с интонационными средствами высказывание в рамках диалогического единства. Эти высказывания, различающиеся интонацией (типом ИК и местом центра ИК), образуют оппозиции.

3. Полифункциональное слово *ещё*. ПФС *ещё* участвует в нескольких оппозициях.

1. Первая оппозиция: (3а) – частный вопрос с оттенком добавочности, (3б) – утверждение, высокая степень проявления признака:

- (3)а) *Ещё⁴ как?* б) *Ещё² ка²-к!*

Контексты с (3а) **Ещё**^д как? имеют общий семантический элемент ‘добавочность’. Для таких контекстов характерно перечисление, сопоставление. Таким образом, высказывание (3а) **Ещё**^д как? выражает частный вопрос и значение добавочности. Здесь *ещё*₁ – количественное наречие, *как*₁ – вопросительное местоименное наречие. В письменной речи обязателен вопросительный знак (3а₁):

- (3) а₁) – *Решить эту задачу можно ра¹зными способами. Во-пе³рвых, / с помощью сложе¹ния.*
 – **Ещё**^д как?
 – *Ещё с помощью умноже¹ния.*

Синонимичными по отношению к высказыванию (3а₁) **Ещё**^д как? являются высказывания (3а₂), (3а₃) и др. аналогичные:

- (3) а₂) *А ещё*^д как? а₃) *А ещё*^д как можно решить задачу?

Общим семантическим элементом контекстов с (3б) **Ещё** ка²:к! является утверждение и высокая степень проявления признака, действия, состояния. При этом используется ИК-2, обычно с увеличением длительности гласного центра:

- (3) б₁) – *А разве Олег поё³т? – Ещё* ка²:к!

Высказывание (3б) **Ещё** ка²:к! является одним из вариантов слова-предложения *да* при утверждении в реплике-реакции и выражает высокую степень проявления признака. (3б) **Ещё** ка²:к! в данном случае функционирует как междометное высказывание (сочетание двух частей), усиливающее эмоционально-экспрессивную характеристику лица, явления. Пунктуационный знак на письме, скорее всего, восклицательный. Синонимичными высказыванию (3б₁) **Ещё** ка²:к! являются высказывания (3б₂) – (3б₈):

- (3) б₂) *Конё²чно!* б₃) *Разуме²ется!* б₄) *Да, ещё* ка²:к! б₅) *Да, ещё* ка²:к поёт! б₆) *И, ещё* ка²:к! б₇) *И, ещё* ка²:к поёт! б₈) *Да¹, / поё¹т, / и при этом очень хорошо¹!*

2. Вторая оппозиция: (4а) – частный вопрос с оттенком добавочности, (4б) – утверждение, высокая степень проявления признака:

- (4)а) **Ещё**^д какой? б) **Ещё** како²:й!

Данную оппозицию можно охарактеризовать подобным же образом. Высказывание (4а) **Ещё**^д какой? выражает вопрос и значение добавочности. Здесь *ещё*₁ – наречие, *какой*₁ – вопросительное местоимение (4а₁):

- (4) а₁) – Ты у⁴мный, / краси⁴вый, / тала¹нтливый.
 – **Еще⁴** какой?
 – Очень скро¹мный.

Синонимичными по отношению к высказыванию (4а₁) **Еще⁴** какой? являются высказывания (4а₂), (4а₃) и др.:

- (4) а₂) А **еще⁴** какой? а₃) А **еще⁴** каким ты меня считаешь?

Высказывание (4б) **Еще^{2:й!}** како^{2:й!}! выражает утверждение и высокую степень проявления признака. **Еще^{2:й!}** како^{2:й!}! функционирует как междометное высказывание – сочетание двух частиц (4б₁):

- (4б₁) – На улице дождь что ли? – **Еще^{2:й!}** како^{2:й!}!

Возможная синтаксическая синонимия по отношению к (4б₁) **Еще^{2:й!}** како^{2:й!}! – высказывания (5б₂) – (5б₄):

- (4) б₂) Да **еще^{2:й!}** како^{2:й!}! б₃) Да¹, / и очень си¹льный! б₄) Да¹, / и дождь очень си¹льный!

Аналогичным образом функционируют высказывания с ПФС *какая, какое, какие*.

3. Третья оппозиция: (5а) – частный вопрос с оттенком добавочности, (5б) – несогласие, возражение, отказ:

- (5)а) **Еще⁴** чего? б) **Еще²** чего!

Учет роли системы интонационных средств и контекста позволяет разграничить значения так называемых междометных и немеждометных высказываний с единым лексико-грамматическим составом. При этом роль того или иного средства может варьироваться – усиливаться или ослабляться. Например, в диалогических единствах (5а₁) и (5б₁) наблюдается усиление роли интонации. Так, с помощью ИК-4 высказывание (5а₁) **Еще⁴** чего? в реплике-реакции передает частный вопрос с оттенком добавочности, включающий количественное наречие *еще⁴* и вопросительное местоимение *чего₁*, ср. разговор в буфете:

- (5) а₁) – Дайте, пожалуйста, мандари¹н.
 – **Еще⁴** чего?
 – Больше ничего¹.

Синонимичными по отношению к высказыванию (5а₁) **Еще⁴** чего? являются высказывания (5а₂) – (5а₅) и др.:

- (5) а₂) А **еще⁴** чего? а₃) Что **еще⁴** нужно? а₄) Что **еще⁴** хочешь?
 а₅) Чего **еще⁴** надо?

В диалоге (5б₁) с помощью ИК-2 высказывание *Еще² чего!* передает модус отрицания, в данном случае отказа. Это уже междометное высказывание, включающее в свой состав частицы *еще²* и *чего²*, ср. разговор ребенка с воспитательницей в детском саду:

- (5) б₁) – *Дайте, пожалуйста, мандари¹н.*
– *Еще² чего! Аннети¹т перед обедом испортишь.*

Синонимичными по отношению к высказыванию (5б₁) *Еще² чего!* являются высказывания (5б₂), (5б₃) и др.:

- (5) б₂) *Во³т еще¹!* б₃) *Не²т!*

При выражении собственно вопроса возможен и иной порядок слов:

- (5) в) – *Дайте, пожалуйста, мандари¹н. – Чего еще⁴?*

Изменение порядка слов при отказе невозможно:

- (5) г) – *Дайте, пожалуйста, мандари¹н. – *Чего еще²!*

Следует заметить, что высказывание (5б) *Еще² чего!* в значении несогласия является разговорным с оттенком сниженности. А член оппозиции (5а) *Еще⁴ чего?* со значением добавочности хотя стилистически и не сниженный, но в литературной речи по сравнению с ним более частотным являются (5д) или (5е):

- (5)д) *Еще⁴ что?* е) *Что еще⁴?*

4. Четвертая оппозиция: (6а) и (6б) – частные вопросы с оттенком добавочности, (6в) – переспрос, (6г) – экспрессивная оценка, т. е. ‘нескоро’:

- (6)а) *Когда Олег еще² придет?* б) *Когда Олег еще⁴ придет?*
в) *Когда⁶ Олег еще¹ придет!* г) *Когда⁷ Олег еще¹ придет!*

Высказывание (6а₁) *Когда Олег еще⁴ придет?* – частный вопрос с оттенком добавочности, здесь *еще⁴* – наречие:

- (6)а₁) – *Когда Олег еще⁴ придет?*
– *Обещал на следующее ле¹то.*

Возможная синтаксическая и интонационная синонимия по отношению к высказыванию (6а₁) – высказывания (6а₂) – (6а₄):

- (6)а₂) *Когда Олег еще² придет?* а₃) *Когда² Олег еще¹ придет?* а₄) *А когда Олег еще⁴ придет?*

Высказывание (6б₁) *Когда⁷ Олег ещё придет!* – это экспрессивное утверждение со значением ‘нескоро’, здесь *ещё₂* выступает в качестве усилительной частицы:

(6б₁) – *Может, подождём Олега?* – *Когда⁷ Олег ещё придет!* *К тому времени спектакль начнётся!*

Синонимичными по отношению к высказыванию (6б₁) *Когда⁷ Олег ещё придет!* являются высказывания (6б₂) – (6б₄):

(6б₂) *Когда⁷-то Олег ещё придет!*

б₃) *Олег ещё когда⁷ придет!*

б₄) *Олег придет скоро!*

5. Пятая оппозиция: (7а) – добавочность, (7б) – экспрессивное отрицание:

(7а) *Какие ещё⁴ вопросы?* б) *Каки⁷е ещё⁴ вопросы!*

Высказывание (7а₁) *Какие ещё⁴ вопросы?* представляет собой частный вопрос с оттенком добавочности, здесь словоформа *ещё₁* функционирует как наречие:

(7) а₁) – *Какие ещё⁴ вопросы?* – *Вопросов больше не¹т.*

Синонимичными по отношению к реплике-стимулу (7а₁) *Какие ещё⁴ вопросы?* являются высказывания (7а₂) – (7а₃) и др.:

(7) а₂) *А какие ещё⁴ вопросы есть?* а₃) *Есть ещё⁴ какие-нибудь вопросы?*

Высказывание (7б₁) *Каки⁷е ещё⁴ вопросы!* выражает экспрессивное отрицание, здесь *ещё₂* выступает в качестве частицы:

(7) б₁) *Каки⁷е ещё⁴ вопросы!* *Всё и так ясно.*

Возможными синонимами по отношению к высказыванию (7б₁) *Каки⁷е ещё⁴ вопросы!* являются высказывания (7б₂) – (7б₃) и др.:

(7) б₂) *Вопросов не¹т.* б₃) *Каки⁷е тут могут быть вопросы!*

6. Шестая оппозиция: (8а) – добавочность, (8б) и (8в) – несогласие:

(8) а) *Ещё⁴ как можно?* б) *Ещё⁴ как мо²:жно!* в) *Ещё⁴ ка²:к можно!*

Высказывание (8а₁) *Ещё⁴ как можно?* с помощью ИК-4 выражает значение частного вопроса с оттенком добавочности, здесь словоформа *ещё₁* функционирует как наречие:

(8) а₁) – *Решить эту задачу можно разными способами. Вопросы, / с помощью сложения. – **Ещё** как можно? – Ещё с помощью умножения.*

Возможный синоним – высказывание (8а₂):

(8) а₂) *А **ещё** как можно?*

Высказывание (8б) **Ещё** как *мо²:жно!* при выделенности *можно* центром ИК-2 с увеличением длительности гласного центра выражает значение несогласия. Словоформа *ещё₂* в данном случае является частицей, ср. разговор на улице между взрослым и подростками:

(8б₁) – *Нельзя² так шуметь! – **Ещё** как *мо²:жно!* Что² вы нам сделаете?*

Возможная синтаксическая и интонационная синонимия – высказывание (8б₂):

(8б₂) *Не¹т, / так *мо¹:жно.**

7. Седьмая оппозиция: (9а) – добавочность, (9б) – дополнительность:

(9а) **Ещё²** хлеба купи! б) **Ещё** хле²ба купи!

В предложениях (9а₁) и (9б₁) место центра ИК позволяет разграничить количественное наречие *ещё₁* (ЛСВ ‘добавочность’) и частицу *ещё₃* (ЛСВ ‘дополнительность’):

(9а₁) **Ещё²** хлеба купи! Много *госте²й* будет.
б₁) **Ещё** хле²ба купи! И *молока¹*. Не забудь.

8. Восьмая оппозиция: (10а) – желательность, (10б) – экспрессивное согласие:

(10) а) **Ещё²** бы! б) **Ещё²** бы!

Роль контекста в формировании значения высказывания с ПФС может усиливаться. Так, в реплике-стимуле диалога (10а₁) с помощью смысловых связей предложения в контексте и ИК-2 (или ИК-6) передается модус желательности. Это сочетание количественного наречия *ещё₁* и частицы *бы*. В примере (10б₁) с помощью смысловых связей предложения в контексте и ИК-2 реплика-реакция передает уже другое значение – модус утверждения, в данном случае усиления согласия с оттенком причины. Это междометное высказывание, включающее частицы *ещё₂* и *бы*. Как видим, здесь также разграничиваются категориальные классы слов, а также междометные и немеждометные высказывания, произносимые с одинаковой интонацией:

- (10) а₁) – *Очень вкусный суп. **Ещё² бы!** – Да е³шь сколько хочешь!*
 (10) б₁) – *Очень вкусный суп. – **Ещё² бы!** На мясном бульо²не-то!*

9. Девятая оппозиция: (11а) – указательность и добавочность, (11б) – усиленная указательность и добавочность, (11в) – указательность при перечислении и добавочность, (11г) – экспрессивное отрицание, возражение:

- (11) а) *Вот **ещё¹**.* б) *Вот **ещё²!*** в) *Вот **ещё⁴!*** г) *Во³т **ещё!***

Высказывание (11а) **Вот ещё¹** представляет собой нейтральное сообщение и имеет значение ‘указательность и добавочность’, здесь *вот ещё* – сочетание указательной частицы *вот₁* и количественного наречия *ещё₁*:

- (11) а₁) *Посмотри²те эти фотографии. Во¹т. Вот **ещё¹**.*

Синтаксическими и интонационными синонимами по отношению к высказыванию (11а) **Вот ещё¹** являются высказывания (11а₂), где выражена усиленная указательность и добавочность, (11а₃) – указательность при перечислении и добавочность, а также (11а₄), (11а₅) и др.:

- (11) а₂) *Вот **ещё²!*** а₃) *Вот **ещё⁴!*** а₄) *А вот **ещё⁴!*** а₅) *Тут **ещё² есть!***

В высказывании (11г) **Во³т ещё!** выражено совсем другое значение – ‘экспрессивное отрицание, несогласие с тем, о чем говорится в реплике собеседника, возражение’, и сочетание *вот* с *ещё* функционирует как междометное высказывание [Коминэ 1999], включающее в свой состав частицы *вот₂* и *ещё₂*, ср. (11г₁) – фрагмент телевизионного интервью с гимнасткой Алиной Кабаевой (2003 г.):

- (11) г₁) – *МГУ не бро³сила? – Во³т **ещё!** 21 декабря иду на се¹ссию.*

Синонимичными по отношению к междометному высказыванию (11г₁) **Во³т ещё!** являются высказывания (11г₂) – (11г₃) и др.:

- (11) г₂) *Конечно, не²т!* г₃) *А почему² я должна была бросить?*

Здесь, как видим, интонационные средства дифференцируют значения высказываний и категориальные характеристики словоформ в их составе: сочетание наречия с частицей (11а) и сочетание частиц в составе междометного высказывания (11г).

4. Выводы. Изучение русской грамматики предполагает обращение не только к письменной, но и к живой устной речи. Мы стремились обратить внимание на высказывания, которые в зависимости от интонации и смысловых связей предложений в контексте способны

передавать разные значения. В данной статье были рассмотрены так называемые ПФС – важный объект изучения функционально-коммуникативной грамматики русского языка. Особенно богато и разнообразно ПФС представлены в звучащей речи. Их ЛСВ не только различаются значением, но даже могут функционировать как представители разных категориальных классов слов, в частности и как самостоятельные, полнозначные, и как служебные или как служебные с разными значениями. ПФС могут различаться и коммуникативной ролью, т. е. способностью занимать ту или иную позицию в коммуникативной структуре высказывания [Всеволодова 2000; Янко 2001; Панков 2004].

В русском языке высказывания с ПФС, различающиеся в первую очередь не лексико-синтаксическим составом, а интонацией, образуют смысловые оппозиции. В формировании значений высказываний, составляющих оппозиции, наблюдается варьирование (усиление или ослабление) роли системы интонационных средств и смысловых связей в контексте. Кроме того, учет роли системы интонационных средств и контекста позволяет разграничить значения так называемых междометных и немеждометных высказываний с единым лексико-грамматическим составом. Что касается полисемии, то различные реализации ЛСВ слов характеризуются семантическими, синтаксическими и коммуникативными особенностями.

Поэтому представители различных категориальных классов как ПФС являются важным объектом, во-первых, для изучения и теоретического лингвистического исследования, во-вторых – для лексикографической практики, для составления функционального словаря русского языка, в-третьих – для практики преподавания русского языка в российской и иностранной аудитории.

Следует обращать внимание учащихся на то, что в звучащей речи, особенно в предложениях с многозначным лексико-грамматическим составом, активизируется роль системы интонационных средств и смысловых связей высказываний в контексте. Следовательно, преподавание грамматики на современном этапе должно базироваться на особенностях живого русского языка в его не столько письменной (это, кажется, делается довольно успешно), сколько устной форме. Необходимость ликвидировать существующую ныне пропасть между обучением грамматике письменной и звучащей речи давно назрела.

Л и т е р а т у р а

1. *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.
2. *Битехтина Г.А.* Лекция по функциональной морфологии для студентов специализации

ции РКИ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 18 апреля 1998 года.

3. *Болдычева Л.И.* Общелингвистические характеристики наречия (опыт сравнительно-типологического исследования на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
4. *Брызгунова Е.А.* Вводный фонетико-разговорный курс русского языка. М., 1982.
5. *Брызгунова Е.А.* Интонация и полифункциональные словоформы // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997.
6. *Величко А.В.* Социокультурный аспект описания языковых единиц как отражение идеи полифункциональности феномена языка // Слово. Грамматика. Речь. Сборник статей. М., 1999.
7. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
8. *Вязовик Т.П.* Конструкции с местоимениями, включающими частицу *вот* в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
9. *Зайцев А.Е.* Смыслоразличительные возможности интонации в высказываниях с полифункциональными словами. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
10. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь (фонетика, морфология, лексика, жест). М., 1983.
11. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный: Учебное пособие / Под ред. А.В. Величко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
12. *Красильникова Е.В.* О полифункциональности морфологических единиц в разговорной речи // Уч. зап. ГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 49. М., 1972.
13. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.
14. *Лейкина Б.М.* Некоторые функции слова *и* // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 4. Л., 1979.
15. *Милославский И.Г.* Морфология // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.
16. *Муханов И.Л.* К вопросу о соотношении понятий «эмоции», «экспрессия», «оценка» // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. Доклады и сообщения молодых ученых на VII Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1990.
17. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
18. *Панков Ф.И.* Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы *близко*) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2004. Вып. 28.
19. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000.
20. *Прокуровская Н.А.* Некоторые особенности употребления частицы *вот* в устной разговорной речи // Вопросы стилистики, вып. 8. Саратов, 1974.
21. *Рощина Ю.В.* Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии (на материале предметных и признаковых слов). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
22. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемiku. Словообразование. Морфология. М., 1980.
23. *Сергеева Г.Н.* Принципы лексикографического описания полифункционального слова (на примере слова *во многом*) // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002.
24. *Сюй Хун.* Полифункциональная лексика русского языка. Проблемы русско-китайских словарей. М., 2004.
25. *Коминэ Юко.* Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
26. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

К ВОПРОСУ О ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация

Важным объектом изучения функционально-коммуникативной грамматики русского языка являются полифункциональные слова, особенно богато и разнообразно представленные в звучащей речи. Их лексико-семантические варианты различаются значением, коммуникативной ролью и категориальным статусом.

MORE ON MULTIFUNCTIONAL LINGUISTIC UNITS

F.I. Pankov

Keywords: multifunctional words, spoken language, functional-communicative grammar of Russian

Abstract

The article focuses on Russian multifunctional words as the object of functional-communicative grammar. They are particularly rich and diverse in spoken language. Their lexical-semantic variants differ in meaning, communicative role and categorial status.

Взаимодействие русских наречий и предлогов на периферии функционально-грамматических полей

© Е.О. Патаракина (Россия), 2013

Ключевые слова: русский язык, наречие, предлог, функционально-коммуникативная грамматика, функционально-грамматическое поле (ФГП), частеречная принадлежность лексем, адвербиализация предлогов, бифункциональные единицы

И наречие, и предлог можно считать пока крайне мало изученными частями речи в русском языке. До сих пор не сформулированы общепринятые дефиниции этих классов слов, не существует и объективной, построенной на единых основаниях систематизации наречий и предлогов с точки зрения их грамматических, семантических и коммуникативных свойств. Поэтому неудивительно, что спорны и границы этих частей речи.

Можно легко выделить слова, чей категориальный статус может быть охарактеризован однозначно. Это, например, наречия типа *завтра*, *вчера*, предлоги *под*, *за* и т. д. Однако существуют также лексем, частеречная принадлежность которых спорна. Это так называемые бифункциональные единицы, которые в разных контекстах могут выполнять функции как наречий, так и предлогов. Например, словоформа *вокруг* в примере (1) играет роль наречия, однако в примере (2) ее принадлежность к категориальному классу предлогов очевидна:

(1) *Посмотрите вдаль и **вокруг**, – сказал он, – не правда ли, что этот бал похож на английский сад?*

(2) *Внутри ограды было тесно, шла только **вокруг** церквушки узкая дорожка для крестного хода, чтобы поместились рядом священник и дьякон.*

Формально-описательная грамматика описывает принципы определения спорных лексем как относящихся к той или иной части речи. Однако в традиционных грамматиках и словарях частеречная принадлежность слова бывает указана некорректно, без учета реального функционирования лексемы в языке.

По-видимому, каждая часть речи представляет собой полевую устроенность особого типа – функционально-грамматическое поле (ФГП). Сам термин «ФГП» был впервые введен в лингвистику М.В. Всеволодовой по отношению к русскому предлогу. [Всеволодова 2009]. ФГП – это поле, сформированное одной грамматической категорией на основе в первую очередь формальных, а не семантических признаков.

Слова той или иной части речи, однозначно определяемые как относящиеся к «своему» категориальному классу, составляют ядро этого поля, а «спорные» лексические единицы, в рамках которых возможно объединение грамматических признаков разных классов, образуют так называемую периферийную область. В частности, в данной статье анализируются бифункциональные слова, составляющие зону пересечения функционально-грамматических полей наречия и предлога, то есть объединяющие в себе функции обоих грамматических классов.

Акцентируя внимание на структуре и природе таких бифункциональных единиц, можно говорить о процессе адвербиализации предлогов, то есть о пословном переходе лексем из поля предлога в периферийную область поля наречия (обратные случаи – «опредложивания» наречий – нами не были отмечены ни разу). В данной работе приводятся результаты первых опытов анализа этого перехода, выделения его этапов и поиска критериев верификации частеречной принадлежности той или иной лексемы в сложных случаях.

Описанная выше проблематика рассматривается нами в русле функционально-коммуникативной грамматики. В частности, мы опираемся на фундаментальное понятие поля, которое является ключевым для современного взгляда на организацию языка. Оно помогает рассмотреть язык не как бессистемное скопление случайных единиц и множеств, а как упорядоченную структуру. Полем считается «континуальное сферическое образование с определенным центром (ядром), где формирующие его характеристики представлены наиболее ярко и однозначно... и постепенно ослабевающими к периферии зонами» [Всеволодова 2007, 2009].

Понятие поля используется не только в лингвистике. Мы знаем, например, о существовании электромагнитных, биологических полей и др. из естественнонаучных трудов. В лингвистике термин «поле» впервые был использован по отношению к лексике Г. Ипсеном, определявшим его как совокупность слов, обладающих общим значением. Более подробно понятие поля проанализировал немецкий филолог Йост Трир, исследуя лексику по семантическим (понятийным) полям. Он рассматривал слова не как отдельные носители смысла, а как единицы, обретающие смысл только в соотношении со смежными словами. Согласно теории Й. Трира, поле состоит из элементарных единиц – понятия и слова. На основе этого Й. Трир разделил «понятийное» (или семантическое) и «лексическое» поле, при этом составные компоненты лексического поля полностью покрывают сферу соответствующего понятийного поля (см. об этом [Ванштейн 2001]). Средством выражения семантического поля в языке является поле лексическое. Таким образом, суще-

ствуется параллелизм между планами понятийного содержания и языкового выражения.

К концепции Трира близка концепция Л. Вейсгербера, считающего, что семантическое деление системы языка определяется принципами, которые заложены в самом языке, в его семантической структуре, а не реальными отношениями в объективной действительности. У каждого народа свои принципы членения внешнего мира и свой взгляд на окружающую действительность, поэтому семантические системы в разных языках не совпадают. Поэтому необходимо искать принципы деления словарного состава на поля в самом языке (см. [Васильев 1971]). Языковые поля Л. Вейсгербер разделяет на однослойные и многослойные. Членение однослойных полей определяется какой-то одной точкой зрения и одним признаком, в то время как членение многослойных – на различные точки зрения, но при этом выделяется некоторое опорное «ядерное» значение.

В работе Отто Есперсена «Философия грамматики» [Есперсен 1958] рассматривается понятийное поле, включающее в себя внеязыковые, универсальные категории. «Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом» [Есперсен 1958: 58]. Задачу грамматиста Есперсен определяет как стремление разобраться в соотношении между понятийной и синтаксической категориями в каждом конкретном случае.

Концепция логических (понятийных) категорий разрабатывалась также русским ученым И.И. Мещаниновым, который анализировал проникновение логических категорий в самую структуру, грамматику языка (см. об этом [Мещанинов 1945; Всеволодова 2007]).

Углубляя данную проблематику, Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс выделили грамматико-лексические поля в немецком языке. Они отмечают, что «оказывается практически невозможным замкнуться в кругу грамматических форм, изолируясь от их употребления в естественной речи, где грамматические формы взаимодействуют друг с другом и с окружающей и наполняющей их лексикой» [Гулыга, Шендельс 1969]. Это окружение меняет значение и функции той или иной формы, отчего меняется и лексическое значение выступающего в данной грамматической форме слова. Грамматико-лексическое поле – это система, образуемая совокупностью таких взаимодействующих средств.

Синтаксические поля в концепции В. Порцига – это словосочетания и синтаксические комплексы, основанные на связях семантических компонентов. Такие семантико-синтаксические поля обусловлены лексической валентностью сочетающихся слов и моделью синтаксических отношений, то есть Порциг стремится обнаружить связи, которые заложены

жены в самих словах [Porzig 1957]. В этом отношении можно провести параллель между синтаксическими полями В. Порцига и лексико-грамматическими полями Е.В. Гульги и Е.И. Шендельса.

Понятие функционально-семантического поля (ФСП) ввел в лингвистику А.В. Бондарко, понимая под ним национально детерминированные реализации семантических категорий [Бондарко 1967, 1969, 1971 и др.]. А.В. Бондарко определяет ФСП как семантические категории, рассматриваемые «вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в данном языке» [ТФГ 1987: 31].

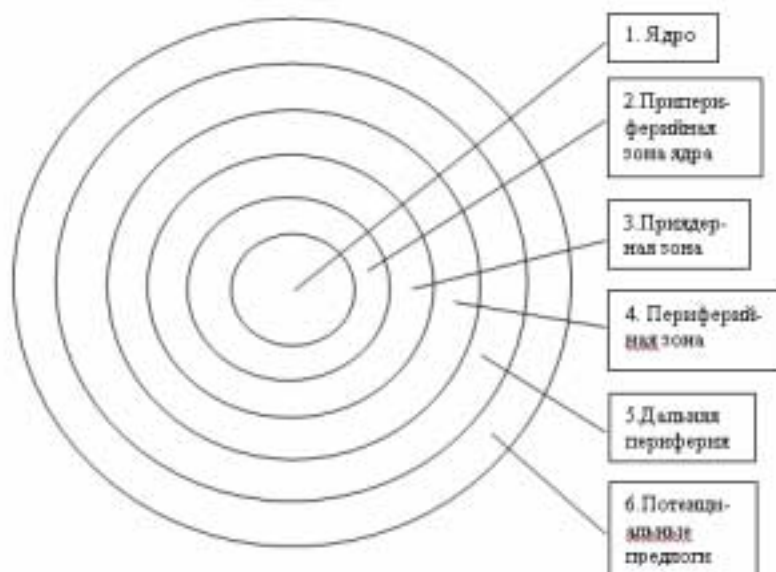
Как видим, поля разного типа выделяются на основе различных признаков. М.В. Всеволодова впервые выделила совершенно новый тип поля, объединяющий языковые единицы на основе учета в первую очередь грамматических, а не семантических, стилистических и др. признаков. Анализируя категориальный класс предлогов и предложных единиц, М.В. Всеволодова сформулировала понятие функционально-грамматического поля, в ядре которого находятся собственно предлоги со всеми присущими им грамматическими (морфологическими и синтаксическими) признаками, а периферию составляют разного рода языковые единицы, выполняющие сходные («предложные») функции [Всеволодова 2009].

Опираясь на понятие функционально-грамматического поля предлога, Ф.И. Панков сформулировал понятие функционально-грамматического поля наречия [Панков 2008]. Ядро ФГП наречия составляют в свою очередь лексемы, которые однозначно могут определяться как наречия и обладают признаками этого класса во всей полноте. К таким наречиям можно отнести словоформы *быстро*, *высоко*, *скоро* и т. п. Что касается периферийной зоны ФГП наречия, в нее включены слова, по своим свойствам менее очевидно относящиеся к категориальному классу наречий.

Прежде чем перейти к анализу единиц, составляющих зону пересечения ФГП наречия и предлога, рассмотрим подробнее структуру этих полей.

В описании ФГП предлога мы опираемся на работы М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2007, 2008, 2009, 2010 и др.]. Основным принципом организации ФГП предлога является грамматическая функция конкретных единиц, таким образом, центр ФГП представлен первообразными предлогами, выполняющими только предложную функцию, а на периферии находятся словоформы других частей речи, выполняющие в определенных условиях предложные функции. Рассмотрим структуру ФГП предлога более подробно (см. схему 1).

Устроенность ФГП предлога

Ядерную зону поля, как уже было указано, составляют лексемы, выполняющие только предложные функции. Самый центр ядра формируют так называемые первообразные (первичные) предлоги, как простые: *в, на, к, из, с* и др., так и комбинированные единицы разной степени сложности: *из-за, напротив, для ради* и т. д. Все эти предлоги названы первичными потому, что их связь с полнозначными словами и внутренняя форма утрачены в языковом сознании говорящих. М.В. Всеволодова называет эту группу предлогов немотивированными [Всеволодова 2008, 2010].

Следующая область ФГП предлога – припериферийная зона ядра, которую составляют вторичные предлоги, то есть предложные синтаксемы, дериваты существительных, глаголов и прилагательных, но не наречий. Соглашаясь с М.В. Всеволодовой, мы считаем невозможным происхождение предлогов от наречий, так как нам подобные случаи ни разу не встречались, напротив же, в доказательство адвербиализации предлогов мы можем представить убедительный материал. Единицы, входящие в эту область, также выполняют только функции предлога:

выступать в качестве эксперта, остановить работу во избежание аварии.

Приядерная зона, следующая от центра поля, представлена так называемыми аналогами предлогов [Всеволодова 2008, 2010]. Они составляют два класса: ближе к ядру находятся слова-классификаторы (термин Е.М. Вольф) типа *предел, рамки, область, случай* и др. Второй класс, находящийся ближе к периферийной зоне, – это единицы, образованные по аналогии с имеющимися предлогами. Например, по аналогии с *во избежание, в ознаменование* образуются следующие предложные единицы с целевым значением: *в изменение приказа, в улучшение качества, в исправление ошибок* и т. д. [Всеволодова 2008, 2010].

Еще дальше от ядра находится ближайшая периферийная зона, в которую входят корреляты предлогов, то есть словоформы, принадлежащие другой части речи, но в определенных условиях выполняющие функции предлога. Эти единицы тоже составляют два класса: компаративы (*прошёл больше километра, рост выше двух метров*), и словоформы параметрических существительных типа *доска длиной три метра, раствор крепостью один к трём* [Судзуки 2008, Всеволодова 2008, 2010].

Следующая область ФГП предлога – дальняя периферия, которую составляют окказионализмы. Они в свою очередь делятся на две группы: первая – это авторские образования-метафоры, не нарушающие норму: *рассмотреть явление на канве этногенеза, некоторые факты только появились на горизонте науки*. Вторая группа состоит из употреблений, выходящих за пределы современной нормы, о вписывающихся в систему языка: *прийти в сообществе с друзьями* [Всеволодова 2008, 2010].

Самая отдаленная от центра ФГП зона представлена так называемыми потенциальными предлогами, то есть единицами, предсказанными системой, но не представленными или представленными единичными примерами: *Мой анекдот не в пандан веселья* [Всеволодова 2008, 2010].

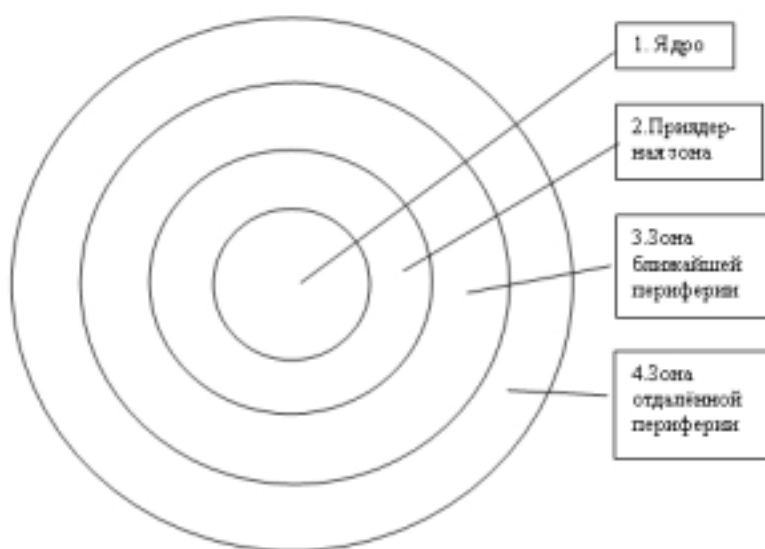
Интересующие нас бифункциональные единицы или предложные наречия (наречные предлоги) находятся в зоне пересечения ФГП предлога и наречия, при этом согласно описанной выше структуре ФГП предлога, занимают место в припериферийной зоне ядра, так как при выполнении ими предложных функций они могут считаться к вторичными предлогами.

Перейдем к рассмотрению ФГП наречия, опираясь на работы Ф.И. Панкова [Панков 2005, 2008, 2009 и др.]. Основным принципом организации этого поля мы выбираем связь рассматриваемых единиц с другими частями речи. Так, в центре поля находятся собственно наре-

чия, однозначно принадлежащие к своему классу, а дальнейшее расположение лексем организовано по степени усиления их связи с другими категориальными классами слов так, что на периферии ФГП окажутся бифункциональные единицы, в том числе и предложные наречия (наречные предлоги), на которых акцентируется внимание в нашей работе.

Схема 2

Устроенность ФГП наречия

Ядро поля включает в себя единицы, однозначно охарактеризованные как наречия. На первый взгляд, к ним относятся в первую очередь «определятельные» наречия на *-о* и *-е*, однако данные лексические единицы очевидным образом близки к категориальному классу прилагательных (в частности, к кратким прилагательным среднего рода). Подобные слова М.В. Панов называл «позиционными наречиями», описывая возникновение таких форм как процесс грамматической нейтрализации прилагательного и наречия. Поскольку «позиционные изменения не меняют сущности языковой единицы», М.В. Панов определял описанные лексемы как прилагательные [Панов 1999:140].

Таким образом, мы склонны относить к центральной, ядерной области ФГП наречия не «определятельные», а «обстоятельственные» единицы, такие, как *завтра*, *вчера*, *скоро* и т. п. Практически ни в одном контексте они не могут функционировать как имеющие другой катего-

риальный статус. Исключением могут служить субстантивированные употребления типа: «*Когда же наступит светлое **завтра?***».

Приядерную зону поля составляют в свою очередь наречия на *-о* и *-е*. Вероятно, это самая обширная область ФГП, сюда входят следующие лексемы: *хорошо, быстро, плохо, смешно, искренне* и др. Подобные слова коррелируют с формой среднего рода кратких прилагательных, поэтому мы не стали относить их к центральной зоне, где находятся «чистые» наречия, не имеющие тесной связи с другими частями речи, описанные нами выше.

Следующая по отдаленности от ядра область ФГП наречия – зона ближайшей периферии, в которую входят все бифункциональные единицы, способные выполнять не только наречные функции, но и функции какого-либо другого категориального класса. Сюда мы относим и предложные наречия (или наречные предлоги, т. к. в рамках данной работы мы считаем эти термины синонимичными), составляющие предмет нашего исследования. Такие слова в предложении могут употребляться и в роли наречий (3), и в роли предлогов (4):

(3) *Но именно у самой двери он лишился остатков смелости и прошагал **мимо**.*

(4) *Угощали всех, никого не пропускали, кто шёл **мимо** ворот.*

В качестве примера приведем также лексемы *вниз, вдоль, вне, внутрь, возле, вокруг, кругом, мимо, напротив, около, окрест, поверх, подле, позади, после, посреди, прежде, против, сбоку, сверх, сзади, сквозь, слева, справа* и др. Более подробно мы проанализируем подобные бифункциональные единицы в следующих разделах данной главы.

Зону отдаленной периферии в свою очередь составляют слова других частей речи, в определенных условиях выполняющие функции, сходные с наречными. Так, например, формы существительных *весной, зимой, осенью, летом, утром, вечером, ночью* и т. п. часто относят к наречиям не только в учебниках для иностранцев, но и в русских учебных пособиях и даже словарях и справочниках. Однако, несмотря на некоторые очевидные первые «шаги» их адвербиализации, мы все же не можем признать это вполне правомерным, так как все подобные лексемы могут присоединять в качестве определения прилагательное, согласуемое с ними по форме: *ранней весной, морозной зимой, дождливой осенью, жарким летом, солнечным утром, туманным вечером, темной ночью* и т. п. Указанная способность подобных лексем явным образом доказывает их принадлежность к классу существительных. Однако тот факт, что в предложении такие слова могут использоваться в позиции, сходной с позициями наречий (см. предложения 5 и 6), служит основанием для отнесения их к отдаленной периферии ФГП наречия:

(5) *Весной*, когда сходит снег и земля прогревается, в лесистых Черных горах расцветают подснежники.

(6) *Утром*, едва продрал глаза, я водворяюсь на пост, под смотровой навес кордона.

Исключением можно считать слово *днём*, процесс адвербиализации которого практически завершился. В значении «время суток» оно обычно не присоединяет к себе прилагательных, а кроме того, выпало из парадигмы подобных ему слов *утром*, *вечером* и *ночью*. Так, можно сказать *к утру*, *к вечеру*, *к ночи*, но нельзя сказать **к дню*, только *к завтрашнему дню* или *ко вчерашнему дню*. Мы склонны считать форму существительного *днём* сблизившейся с наречным категориальным классом и причислять ее к бифункциональным единицам, составляющим ближайшую периферию ФГП наречия.

Помимо существительных, в зоне отдаленной периферии рассматриваемого нами поля находятся также близкие к наречиям единицы, относящиеся к другим частям речи. Так, деепричастия *лежа*, *сидя*, *молча*, *смеясь* и подобные могут по функционированию и употреблению сблизаться с классом наречий, например, в предложениях типа (7), (8), (9) школьная традиция может определить эти лексемы как относящиеся к наречиям:

(7) *Я переместился на диван и читал лежа, пока не забылся черным, будто чулан, сном.*

(8) *Вместо этого я сидя спал в кресле час-другой в своей комнатке возле собачьего вивария — когда сильно клонит в сон, запах не очень мешает.*

(9) *Она молча смотрит на меня и на глазах бледнеет.*

Кроме того, в эту зону мы относим семантически близкие к наречиям идиомы, такие как *курам на смех*, *на скорую руку*, *сломя голову* и т. п.

Одновременно эта область является зоной пересечения ФГП наречия и других частей речи, в частности существительного, деепричастия и т. д.

Таким образом, можно выделить зону пересечения ФГП наречия и предлога, к которой и относятся бифункциональные слова.

Проблема разграничения классов наречий и предлогов в лингвистике еще не вполне разрешена. Существует два употребительных термина по отношению к спорным бифункциональным единицам. Часть из них называют со времен В.В. Виноградова «предложными наречиями» [Виноградов 1947 и др.], другую часть — «наречными предлогами» [Грамматика 1954; Сосновски 2000 и др.].

Войцех Сосновски использует термин «наречные предлоги» в отношении предлогов, образованных от бывших наречий. Это, например, лексемы *вне*, *помимо*, *сверх*, *сквозь*, *среди* и т. п. Они функционируют

исключительно в рамках категориального класса предлогов и относятся к наречным только в силу традиции. В свою очередь предложными наречиями В. Сосновски называет наречия, способные выполнять предложные функции. Так, слово *внутри* может выполнять разные синтаксические функции: в примере (10) из работы Сосновски оно занимает приглагольную позицию и не управляет падежом существительного или его субститута. В предложении же (11) формальным признаком предлога является его способность управлять падежом. Это, по мнению исследователя, пока единственный существенный признак, на основании которого можно разделить классы собственно наречий и предложных наречий:

(10) *Ядро лежит внутри.*

(11) *Ядро лежит внутри ореха* (оба примера – из [Сосновски 2000]).

Понятие наречных предлогов рассматривается также в «Справочнике по русской грамматике», где М.А. Шелякин определяет их как наречие без предлога или с предлогом, требующее определенного падежа [Шелякин 2006: 197]. Он приводит ряд примеров, разделяя наречные предлоги одновременно на основании определяемого ими падежа, а также на простые и составные.

Так, в качестве примера простых наречных предлогов, требующих родительного падежа, М.А. Шелякин приводит лексемы *близ, вблизи, вглубь, вдоль, взамен, вместе, вне, внутрь, возле, вокруг, впереди, вроде, вслед, мимо, наверху, накануне, напротив, около, относительно, поверх, позади, помимо, поперёк, после, посреди, посредине, прежде, против, среди, сбоку, сверху, свыше, сзади*. Родительного падежа требуют также составные наречные предлоги, к которым М.А. Шелякин относит *вблизи от, (не)вдалеке от, вдали от, вплоть до, впрямь до, независимо от*. С дательным падежом согласуются простые (*вопреки, навстречу, подобно, согласно, соответственно*) и составные (*применительно к*) наречные предлоги, а с творительным – только составные, такие как *вместе с, вслед за, следом за, совместно с, наряду с, рядом с, согласно с, сравнительно с* [Шелякин 2006: 197].

Те же лексемы выделяет В.В. Виноградов, называя их предложными наречиями [Виноградов 2001: 326]. Исследователь описывает переход наречия в предлог, приводя в качестве примера лексемы *в угоду, назло, наперекор, соответственно, подобно, относительно* и другие [Виноградов 2001: 326].

Мы же, анализируя зону взаимодействия ФГП наречия и предлога, пришли к выводу, что процесс идет в обратную сторону, и бифункциональные наречия и предлоги – результат адвербиализации предлогов. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Спорные лексемы, обладающие характеристиками и функциями обоих категориальных классов, в определенных контекстах классифицируются традиционной школьной грамматикой как наречия, но с точки зрения функционально-коммуникативной грамматики в абсолютном большинстве случаев относятся к предлогам. Несмотря на то, что переход лексемы из одного категориального класса в другой происходит медленно и буквально пословно, тем не менее, такое функциональное сближение словоформ на периферии ФГП постепенно. Нам удалось выделить примерные этапы этого перехода.

В грамматических справочниках обычно различие между предлогом и наречием формулируют таким образом: если сомнительная единица управляет падежом существительного или его субститута, она является предлогом, а если нет, – наречием [Шелякин 2006 и др.].

Начальным этапом адвербиализации предлога можно считать случаи, когда предлог занимает позицию, характерную для наречия, а припредложное существительное при нем выражено нулем. Рассмотрим слово *наперерез*. В предложениях типа (12) оно определяется школьной грамматикой как наречие, а в предложениях типа (13) – как предлог:

- (12) *Ты успеешь догнать машину, если побежишь **наперерез**.*
(13) ***Наперерез** нападающему бросились игроки защиты.*

Материал показал, что данная словоформа, как и аналогичные, не могут употребляться вне контекста с анафорическим именем (*машину*) или без управляемого существительного (*нападающему*), ср. невозможность или сомнительность (14):

- (14) **Я вышел из дома и бросился **наперерез**.*

В предложениях, где рядом с ней не стоит зависимое существительное, оно тем не менее обязательно присутствует в предшествующем контексте, ср. аналогичный пример (15):

- (15) *Они настигли беглецов, бросившись **наперерез**.*

Здесь позиция припредложного слова выражена «нулем», но очевидно, что невозможно просто кинуться *наперерез*, если из контекста нельзя выявить ответ на вопрос *кому?* Кроме того, мы можем добавить в подобные предложение зависимое существительное или его субститут, получив конструкцию типа (16):

- (16) *Они настигли беглецов, бросившись **им** наперерез.*

Исходя из этого, слово *наперерез* не может считаться наречием и должно быть определено как предлог. Важно также, что при переводе

на английский язык предложений с подобными словами выявляется невозможность построить конструкцию без анафорического имени (17):

(17) *Running **intercept** to the fugitives they caught them.*

Дословно это можно перевести так: *Побежав **наперерез** беглецам, они настигли их.* Аналогичным образом к предлогам можно отнести слова *около, рядом, мимо* и другие.

Переход из одной части речи в другую совершается буквально по-словно, и определить степень этих изменений порой очень трудно. Так, одно и то же слово в разных контекстах может быть ближе или дальше от центра ФГП и относиться к разным частям речи. Единицы, обладающие такими свойствами, находятся на втором этапе адвербиализации предлога, этапе бифункциональности предложной лексемы.

Например, рассмотрим слово *вокруг*. В предложениях типа (18) эта словоформа однозначно определяется как предлог, так как она управляет родительным падежом существительного *вокруг* (чего?):

(18) *Пойдите **вокруг** Сиона и обойдите его; пересчитайте башни его.*

Однако если изменить синтаксическую конструкцию, близость словоформы *вокруг* к классу наречий станет более явной (19):

(19) *Мы **потолкаемся** среди школьников на большой перемене в школьном дворе, затем обойдём школу **вокруг**.*

В примере (19) *вокруг* – наречие образа действия. В то же время эта лексема может быть локативным наречием, например, в предложении (20):

(20) ***Вокруг** есть всякие люди.*

Подобным образом можно выявить двойственную природу слова *после*. В предложениях типа (21) словоформа *после* явно является предлогом:

(21) *Зайдите ко мне **после** урока.*

Однако конструкция (22) явно иллюстрирует наречную принадлежность данной единицы:

(22) *Поговорим об этом (не сейчас) **после**.*

При переводе предложения (23) на английский язык не возникнет необходимости появления в конструкции анафорического имени, что можно считать доказательством принадлежности лексемы *после* к наречиям в данном случае:

(23) *Let's talk about that **later**.*

Дословно предложение (23) можно перевести как *Давай поговорим об этом после*.

В предложении (22) наречная функция слова *после* доказывается также тем, что мы можем заменить его на наречие *потом* (см. пример 24) без ущерба смысловой нагрузке предложения, в то время как в предложении (21), где данная лексема функционирует как предлог, мы не можем произвести такую замену (25):

(24) *Поговорим об этом **потом**.*

(25) **Зайдите ко мне **потом** урока.*

Такую проверку мы считаем возможным способом частеречной верификации бифункциональных слов. Возможность или невозможность замены спорной лексемы наречием иллюстрирует наречное или предложное употребление единицы в каждом конкретном случае.

Мы полагаем, что в приведенных выше предложениях речь идет о разных лексико-семантических вариантах (ЛСВ) слов *вокруг*, *после* и подобных.

Таким образом, рассмотренная нами структура ФГП наречия и предлога обуславливает взаимодействие бифункциональных единиц на периферии этих полей. Подобные единицы в разных контекстах выполняют функции разных частей речи, критерии отнесения их к тому или иному категориальному классу неоднозначны. Единицы, составляющие предмет нашего анализа, находятся на разных стадиях процесса адвербиализации предлогов, их перехода в периферийную зону ФГП наречия. Адвербиализация предлогов – сложный процесс, затрагивающий периферийную область ФГП наречия и предлога, он происходит очень медленно, буквально пословно. Этот переход проявляется в выполнении в конкретных контекстах лексической единицей функций, характерных для другого грамматического класса, поэтому анализировать его необходимо на конкретном языковом материале.

Л и т е р а т у р а

1. *Бондарко А.В.* К проблеме функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967, № 2.
2. *Бондарко А.В.* К функциональному анализу элементов разных языковых уровней // Единицы разных уровней грамматической системы языка и их взаимодействие. М., 1969.
3. *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
4. *Вайнштейн О.Б.* Грамматика ароматов // Иностранная литература. 2001, № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2001/8/vainstein.html>.
5. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей. // Вопросы языкознания. 1971, № 5.
6. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001. (1-е изд. – 1947 год).

7. *Всеволодова М.В.* Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) // *Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип. 15.* Донецьк, 2007. URL: <http://www.vsevolodova.ru/content/view/24/31/>.
8. *Всеволодова М.В.* Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2008.
9. *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты как единицы структуры Языка // *Вопросы языкознания.* 2009, № 3. URL: <http://www.vsevolodova.ru/content/view/43/31/>.
10. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // *Вопросы языкознания.* 2010, № 4. URL: <http://www.vsevolodova.ru/content/view/45/31/>.
11. Грамматика русского языка. В 2-х т. М., 1952-1954. Том I. Фонетика и морфология. М., 1960.
12. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
13. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/index.php
14. *Мецианинов И.И.* Понятийные категории в языке // *Труды военного института иностранных языков.* 1945, № 1.
15. *Панков Ф.И.* К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 1: Введение; фрагмент на букву «А» // *Язык, сознание, коммуникация.* М., 2005. Вып. 29.
16. *Панков Ф.И.* К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 2: фрагмент на букву «Б» // *Язык, сознание, коммуникация.* М., 2005. Вып. 31.
17. *Панков Ф.И.* Проблема бифункциональности предлогов и наречий // *Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип. 13.* Донецьк, 2005.
18. *Панков Ф.И.* Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия (на материале категории адвербиальной темпоральности). М., 2008.
19. *Панков Ф.И.* К вопросу о соотношении категориальных классов слов в русском языке (на материале наречий и предлогов) // *Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип. 18.* Донецьк, 2009.
20. *Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
21. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
22. *Сосновски В.* Морфологические типы русских предлогов и их соотношение с другими частями речи. Дипл. работа. М., 2000.
23. *Судзуки Р.* Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
24. *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко.* Л., 1987.
25. *Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике. 5-е изд., стереотип. М., 2006.
26. *Porzig W.* Das Wunder der Sprache. München-Bern, 1957.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ НАРЕЧИЙ И ПРЕДЛГОВ НА ПЕРИФЕРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Аннотация

Статья рассматривает русский язык с позиций функционально-коммуникативной грамматики. Предметом исследования является при-рода бифункциональных единиц, в разных контекстах приобретающих

свойства предлога и наречия. Анализ структуры функционально-грамматических полей этих частей речи позволил сделать вывод, что на их периферии происходит сложный процесс взаимодействия лексем, в частности, послонная адвербиализация предлогов, их приближение к категориальному классу наречий.

**INTERACTION OF RUSSIAN ADVERBS AND PREPOSITIONS
ON THE PERIPHERY OF FUNCTIONALLY-GRAMMATICAL FIELDS
E.O. Patarakina**

Keywords: Russian language, adverb, preposition,
functional-communicative grammar, functional-grammar field,
distribution of parts of speech, adverbialisation of prepositions,
bifunctional words

Abstract

This research was carried out in line of functional-communicative grammar approach. In this article bifunctional words which are able to function as adverbs and as prepositions as well and their structure are analyzed. We focused our attention on the structure of functional-grammar fields of adverbs and prepositions in Russian language and then we analyzed the process of an adverbialisation of prepositions, of prepositions transition into adverbs class which takes place on the periphery of those functional-grammar fields. There are results of that process in a lot of contexts in which prepositions have functions which belong to adverbs usually, for example a special place in a sentence.

**К вопросу о значении ролевой грамматики при
описании синтаксической системы русского языка
(на материале предложений, сформированных
предикатами передачи информации)**

© Н.Е. Правдина (Россия), 2013

Ключевые слова: ролевая грамматика, денотативная структура предложения, типовая ситуация, денотативные роли, актанты, модели предложения, система парадигм предложения

Вопрос о принципах описания синтаксической системы языка, как известно, решался лингвистами по-разному. В традиционной (формальной) грамматике подход к описанию предложений связан с членопредложенческим анализом. В падежной грамматике описывается семантика предложения, рассматриваемая как «система семантических валентностей, через связи «главного глагола» с ролями, диктуемыми значением этого глагола и исполняемыми именными составляющими» или «глубинными падежами»¹ [Демьянков 1990: 357]. При этом, описывая семантику предложения как систему семантических валентностей глагола, грамматика падежная, по сути своей, также как и традиционная грамматика, ориентирована на анализ членов предложения, присваивая им некоторые функции (например, подлежащему – функцию субъекта, дополнению – функцию объекта). При таком подходе к описанию синтаксической системы языка в поле зрения исследователей попадают далеко не все возможные компоненты структуры предложения, а только те из них, которые представлены «при языковом описании ситуации в виде особых аргументов при предикате предложения» [Панкрац 1996]. Однако практика преподавания языка инофонам показывает, что зачастую одно и то же содержание в разных контекстах должно быть выражено разными моделями предложения, для одного и того же события внеязыковой действительности говорящий в силу некоторых объективных факторов должен выбрать разные по своей формальной структуре модели предложения и использовать разные членопредложенческие позиции для имен разных участников ситуации. Кроме того, в процессе преподавания русского языка иностранцам стало ясно, что в поле внимания лингвистов необходимо включать не только обязательные компоненты структуры предложения, но и значимые факультативные компоненты его структуры. Учесть все эти моменты позволяет ролевая грамматика,

¹ О выделении шести глубинных падежей см. [Chalker, Weiner 1994].

которая берет за основу описания содержательный инвариант предложения – его содержательный аспект, отражающий реальное положение дел во внеязыковой действительности, типовую ситуацию. Содержательный инвариант предложения, который может быть реализован в достаточно большом количестве самых разных высказываний, различающихся конкретными исполнителями типовых значений, составляет денотативный уровень предложения, выраженный денотативной структурой, формируемой участниками ситуации – денотативными ролями.

Списки денотативных ролей разнятся и количественно и качественно. Наиболее объективной и применимой для нашей прикладной модели языка [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова 2001] является классификация Т.В. Шмелевой [Шмелева 1994], в основу которой положен «порядковый номер» роли или иерархическое место роли в классе типовых ситуаций. Т.В. Шмелева в самом общем виде денотативные роли делит на предикаты (бытийные, акциональные, статальные, реляционные и характеристические) и партиципаны. Партиципаны в свою очередь составляют две подгруппы: актанты (участники события) и сирконстанты (обстоятельства и характеристики событий). Актанты представлены следующими классами ролей:

1. «протагонист» – первый или единственный участник ситуации;
2. «пациенс» – второй актант, на который направлены действия протагониста;
3. «адресат» – третий после протагониста и пациенса участник ситуации, не подвергающийся прямому воздействию протагониста;
4. «инструмент» – предмет, использование которого способствует осуществлению ситуации; по порядковому номеру он может быть вторым, третьим или четвертым;
5. «ситуант» – участник ситуации, осложняющий и конкретизирующий ее.

Каждый класс актантных ролей в свою очередь представлен рядом более конкретных ролей, связанных тем или иным образом с характером типовой ситуации. Наиболее подробный реестр этих ролей представлен в «Теории функционально-коммуникативного синтаксиса» М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2000].

На основе понятия типовой ситуации, денотативных ролей (прежде всего, денотативных типов предикатов), синтаксического поля предложения и формальной записи модели предложения ролевая грамматика строит классификацию моделей русского простого предложения. Предварительный список моделей русского простого предложения представлен в «Теории функционально-коммуникативного синтаксиса» М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2000].

В рамках данного подхода в настоящее время совместными усилиями российских, белорусских и украинских лингвистов реализуется международный проект «Модели простого предложения и их типовые значения с учетом речевых реализаций» (под руководством проф. М.В. Всеволодовой). Основной целью проекта является выявление типологии восточнославянских простых предложений с учетом их грамматических, структурно-семантических модификаций, актуализационных и интерпретационных трансформаций. Первым этапом работы стало описание моделей предложений с акциональными предикатами (класс моделей предложений со значением передачи материального объекта и класс моделей предложений со значением передачи информации) [Всеволодова 2004, 2005; Важник 2004, 2005; Виноградова, Ситарь 2005а, 2005б; Виноградова 2004, 2006; Правдина 2006 и др.].

Применяя положения ролевой грамматики к анализу предложений, сформированных предикатами передачи информации, отметим, прежде всего, специфику денотативной структуры этих предложений:

– формируют описываемый класс предложений акциональные предикаты – глаголы речи, причем, в рассматриваемый класс предикатов входят глаголы как письменной, так и устной речи (*говорить/сказать, сообщать/сообщить, писать/написать* и т. п.);

– другими основными конституирующими, облигаторными денотативными ролями предложений передачи информации являются адресант (т. е. отправитель информации), адресат (т. е. получатель информации), делиберативный объект (т. е. передаваемая информация, или «лицо, предмет, признак, событие, являющееся объектом интеллектуальной деятельности адресанта» [Всеволодова 2000: 144]);

– кроме того, как показал материал, эти предложения могут иметь в своей структуре и другие значимые факультативные денотативные роли ситуации передачи информации, характером и лексическим наполнением которых во многом определяется трансформационная парадигма предложений описываемого класса. Это, прежде всего, актант со значением жанра сообщения и актант со значением канала передачи информации, которые пока не включены ни в один из существующих списков денотативных ролей.

Анализ языкового материала доказывает, что трансформационная парадигма предложений во многом определяется характером и лексическим наполнением как конституирующих, облигаторных ролей, так и факультативных значимых денотативных ролей. Так, например, предложения со значением передачи информации, имеющие в составе денотативной структуры факультативную значимую роль «место размещения информации» характерны для письменной передачи информации: *Корреспондент Иванов в газете «Известия» сообщил о визите прези-*

дента в КНР и Нестор в «Повести временных лет» пишет о борьбе русских князей против разорительных набегов половцев (в роли места размещения информации выступают предложно-падежные словосочетания в газете «Известия» и в «Повести временных лет»). Эти изосемические конструкции в отличие от предложений, в которых роль места размещения информации отсутствует, могут иметь безличные модификации: *В газетах сообщили о визите...* и *В летописях пишется о борьбе...* Для подобных предложений возможны также метонимические трансформации, в которых появляется квазироль адресанта: *Газета «Известия» сообщает о визите...*; *Газеты сообщили о визите...*; *Летописи сообщают о борьбе...* При этом трансформационная парадигма предложений, включающих в свой состав компонент места размещения информации, различается в зависимости от того, создано ли место размещения информации (локатив) самим адресантом или нет. Например, предложение *Пушкин в романе «Евгений Онегин» пишет о...* имеет следующую трансформацию: *В романе «Евгений Онегин» Пушкина говорится о ...*, а предложение *Иванов в газете «Известия» пишет о ...* не может быть трансформировано таким образом, то есть имеет ущербную трансформационную парадигму.

Другая значимая факультативная роль денотативной структуры предложений, сформированных предикатами передачи информации, – тип канала передачи информации (например, *пресса, телевидение, радио, интернет* и т.п.) – также предопределяет трансформационную парадигму моделей предложений передачи информации. Например, в трансформационной парадигме предложений, где каналом передачи информации является электронный и радиоволновой носитель (интернет, радио, телевидение), отсутствуют метонимические трансформации, в которых появляется квазироль адресанта: *газета писала* сказать можно, а **телевидение сообщило* – нельзя. Тип канала передачи информации во многом предопределяет также лексическое заполнение предикатной роли, выбор того или иного типа предиката передачи информации (ср: *Кто-то выступал /выступил с сообщением (или сообщил/сказал) по телевидению/по радио; Кто-то написал (или опубликовал) статью в газете; Кто-то разместил новый материал в интернете* и т. п.).

Применяя ролевую грамматику при анализе языковых явлений, у лингвистов появилась возможность увидеть и описать:

1) содержательное, семантическое пространство языка, включающее объективные (диктальные по Ш. Балли, или диктумные) и субъективные (модальные в терминах Ш. Балли, или модусные) смыслы;

2) совокупность средств выражения тех или иных смыслов вне зависимости от уровня этих средств;

- 3) типологию этих средств и их функционирование в речи;
- 4) языковые механизмы, определяющие адекватное потребностям коммуникантов функционирование в речи языковых средств.

Ролевая грамматика помогает описать и осмыслить предложения языка с точки зрения отражения некоей внеязыковой ситуации, что в свою очередь дает теоретическую основу как для преподавания иностранного языка, так и для сопоставительного языкознания, т. к. типовые ситуации суть лингвистические универсалии. Значение ролевой грамматики в практике преподавания русского языка как иностранного определяется тем, что большинство типовых ситуаций идентичны в разных языках, таким образом, типизированное содержание дает прекрасную основу для сопоставительного анализа и позволяет опираться на типизированное внеязыковое содержание при обучении средствами его выражения, поскольку оно присутствует в языковом сознании учащегося.

Л и т е р а т у р а

1. *Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В., Клобукова Л. П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
2. *Важник С. А.* Об одной актуализационной модификации модели предложения: модели белорусских, русских и польских простых предложений с акциональными предикатами // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. научн. конф., 18-19 мая 2004 г., Минск: В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2004.
3. *Важник Сергей.* Хто пра што vs. хто аб чым, або спецыфіка выражэння дэлібератыва ў мадэлях беларускіх прэдыкатаў перадачы інфармацыі // Лінгвістычны студіі: Зб. наук. праць. Выпуск 13. Донецьк, 2005.
4. *Виноградова Е. Н.* Актантное представление ситуации в моделях с типовым значением передачи предмета // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф., 18-19 мая 2004 г., Минск, Ч. 1. Минск, 2004.
5. *Виноградова Е. Н.* Модальные модификации предложений с акциональными предикатами. Выражение «желания» // Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 3. М., 2006.
6. *Виноградова Е., Ситарь А.* Модели предложений типовой ситуации платы: способы выражения денотативных ролей (на материале русского и украинского языка) // Лінгвістычні студії: Зб. наук. праць. Выпуск 13. Донецьк, 2005а.
7. *Виноградова К. Н., Ситарь Г. В.* Модальні модифікації необхідності: моделі імпліцитного типу // XII Международная конференция по функциональной лингвистике. «Функционализм как основа лингвистических исследований». Сборник научных докладов (Ялта, 3-7 октября 2005 г.). Симферополь, 2005б.
8. *Всеволодова М. В.* Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций. Задачи и перспективы межнационального проекта // Лінгвістычні студії: Зб. наук. праць. Выпуск 13. Донецьк, 2005.

9. *Всеволодова М.В.* Понятие об уровнях предложения как аппарат описания модели предложения // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф., 18-19 мая 2004 г., Минск, Ч. 1. Минск, 2004.
10. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М., 2000.
11. *Демьянков В.З.* Падежная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
12. *Панкрац Ю.Г.* Падежная грамматика // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
13. *Правдина Н.Е.* Специфика денотативной структуры предложений типовой ситуации передачи информации // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Сборник научных и научно-методических статей. СПб., 2006.
14. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Курс лекций. Красноярск, 1994.
15. *Chalker S., Weiner E.* The Oxford dictionary of English Grammar. Oxford, 1994.

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ РОЛЕВОЙ ГРАММАТИКИ ПРИ ОПИСАНИИ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, СФОРМИРОВАННЫХ
ПРЕДИКАТАМИ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ)**

Аннотация

В статье речь идет о значении ролевой грамматики при описании синтаксической системы русского языка в целях его преподавания инофонам. Принципы ролевой грамматики применяются к анализу предложений, отражающих ситуацию передачи информации с глаголами речевого действия.

**ON THE IMPORTANCE OF ROLE GRAMMAR
IN DESCRIPTION OF RUSSIAN LANGUAGE SYNTACTIC SYSTEM
(SENTENCES WITH SPEECH PREDICATES)
N.E. Pravdina**

Keywords: role grammar, denotative sentence structure, typical situation, denotative roles, actants, sentence models, the system of a sentence paradigm

Abstract

The article focuses on the benefits of role grammar in describing the syntactic system of the Russian language in terms of its teaching to foreign students. According to the article the principles of role grammar are applied to the analysis of the sentences which reflect the situation of information transfer with the verbs denoting speaking.

Модель синтаксических фразеологизмов с повторами в украинском языке: попытка классификации

© кандидат филологических наук А.В. Ситарь (Россия), 2013

Ключевые слова: модель предложения, повтор, синтаксический фразеологизм, украинский язык, фразеологизированное предложение

В современных лингвистических исследованиях представлены разные подходы к явлению фразеологизации, охватывающей языковые единицы разных уровней. Синтаксические фразеологизмы как особый тип предложения, состоящий из постоянной и изменяемой частей, характеризующийся идиоматической связанностью компонентов, ослаблением или утратой на современном этапе развития языка синтаксических связей и прямых лексических значений слов, фиксированным порядком расположения компонентов, экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью [Величко 1996; Всеволодова, Лим Су 2002; Личук 2001; Русская грамматика 1980 и др.], являются одним из эффективных средств выражений авторских интенций и достижения желаемого влияния на адресата сообщения: *Чим не подарунок! Що за дитина! Яка книжка!* и др.

Одной из активно используемых в речи групп синтаксических фразеологизмов (или фразеологизированных предложений) являются предложения, базирующиеся на повторе компонентов. Эта группа единиц не раз обращала на себя внимание русистов [Янко-Триницкая 1967; Русская грамматика 1980; Величко 1996; Всеволодова, Лим Су 2002; Ксенофонтова 2006; Меликян 2004; Шеманаева 2010 и др.]. Отдельные конструкции проанализированы также на материале английского [Wierzbicka 1987; Верба 1975; Чистоногова 1970 и др.], русского и финского [Копотев 2008], русского и корейского [Всеволодова, Лим Су 2002] языков в сопоставительном аспекте. Отметим, что данные исследования выполнены представителями различных лингвистических школ с использованием разной терминологии («синтаксический фразеологизм», «синтаксическая идиома», «фразеологизированное предложение», «фразеосхема», «фразеомодель», «тавтологическая конструкция» и т. д.).

В украинистике лексически повторяемые компоненты квалифицируют как «одну из характерных особенностей фразеологизированных предложений закрытой структуры» [Личук, Шинкарук 2001: 28] (см. также работы [Личук 2001; Войцехівська 2007]). Представляется, что данная группа синтаксических фразеологизмов достаточно неоднородна

по своей структуре и семантике, а её объем в украинском языке шире, чем это принято считать. Более того, поскольку в состав этой группы в украинском языке входит более двадцати моделей предложений, наряду с принципами кристаллизации, структурной периферийности [Копотев 2008], семантическим сдвигом и переразложением основных валентностных связей [Верба 1975], квалифицируем повтор как фактор, организуемый ряд синтаксических фразеологизмов, обеспечивающий устойчивость структуры и связанность значения синтаксических конструкций.

Подчеркнем, что мы исходим из широкого понимания понятия «повтор» [Волянська 2010; 2012; Загнітко 2006; Папина 2002 и др.], т. е. рассматриваем не только собственно лексический повтор в рамках одной модели, но и повтор слов в нескольких предложениях, и нанизывание синтаксических структур одного типа (см. об этом ниже).

Цель данного исследования – предложить классификацию моделей синтаксических фразеологизмов, базирующихся на повторе, в украинском языке.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что в рамках синтаксических фразеологизмов рассматриваемой группы можно выделить типы, опираясь на такие критерии, как линейность, частичный статус повторяемого компонента, тождественность / нетождественность его морфологической формы, частичная принадлежность компонента в интерпозиции (между повторяемыми лексемами); фиксированный / изменяемый порядок компонентов в составе модели, семантический тип, а также принадлежность к языковому уровню.

1. По линейности (в зависимости от расположения повторяемых компонентов) выделяем:

1.1. Повтор в рамках одной модели предложений, в свою очередь реализующийся в двух подтипах:

1.1.1. Модели предложений с контактным повтором лексем: *Гроші зрішми, але треба чогось і до грошей. На господарстві треба й корів, треба й волів, треба й возів, треба коней, треба й до коней. Треба миски й ложки, треба чогось і до ложки* (Іван Нечуй-Левицький. Старосвітські батюшки та матушки) (модель N₁ Cop_f N₅, а/але/однак...).

1.1.2. Модели предложений со смежным повтором (наиболее продуктивная подгруппа предложений): *Після виборів зробив велику дурість: погодився на висування у Верховну Раду. Його вибирали як постійний парламент у кількості біля 400 із 2500 народних депутатів. Думав: "працювати, так працювати"! Але не очікував, що б було так тяжко засідати безупинно* (Микола Амосов. Голоси часів) (модель Inf_{так} Inf).

1.2. Дистантний повтор лексеми, по нашим наблюдениям, характерен, прежде всего, для двух подгрупп синтаксических фразеологизмов – со значением отрицания и оценки. Чаще всего важна с точки зрения говорящего лексема дублируется в соседних предложениях: *Стурбовані Зайченки спитали в один голос:*

– *Як ваше здоров'я, Буридановичу?*

– *А-а... **Яке вже там здоров'я**, коли я нічого не їм? – зітхнув Осел* (Василь Бережний. Дем'янку Дерев'янку, або Пригоди електронного хлопчика. Що задумав Головань) (модель *Який (уже/вже) там* N₁ Cop_f).

Реже для нахождения повторяемых компонентов нужен более широкий контекст, между ними может быть одно или несколько предложений, ср.: *Оскільки я в Криму, а це, як відомо, терени Партії регіонів, то розумію, в чому полягає ця «щирість». Безумовно, люди після останніх подій там начебто й заспокоїлися. Хоча з іншого боку – от вам події в Бахчисараї. **Тож яке там заспокоїлися?*** (Юрій Андрухович: «Це покоління політиків має йти на смітник» // Дзеркало тижня. 19-25.09.2006 (№ 31)) (модель *Яке (уже/вже) там* V_f); *Та й келія мало подібна до пристановищ фахових анахоретів, де звичайно бруд конкурує із святістю. Швидше ательє артиста маляра – височенне, із світлом на всю стіну, повне червоних передвечірніх променів. А замість мольбертів та полотен – шафи та полиці з книжками, столи з приладдями, ретортами, склянками, слоїками. В кутку – знайома принцесі топильна електрична піч Гайдена. Від колишньої оранжереї лишилося декілька пальм та багато квіток на всій віконній стіні та навіть на столах. Під пальмами – фотель, біля фотеля – столик із радіотелефоном. Тут же й екран, та ще нової системи. **От тобі й келія!*** (Володимир Винниченко. Сонячна машина) (модель *От (тобі/вам) і/й* N₁ Cop_f).

2. По признаку частиречного статуса повторяемых компонентов модели предложения:

2.1. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором существительного:

2.1.1. В одной морфологической форме: **Життя як життя** (Володимир Дрозд. Життя як життя) (модель N₁ Cop_f як N₁);

2.1.2. В разных морфологических формах: **Ключі від квартири – усім святам свято** (Вечірня газета. 08.08.2002) (модель *Усім/всім* N_{sp1} N₁ Cop_f).

2.2. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором глагола:

2.2.1. Повтор глаголов в одной форме:

2.2.1.1. Спрягаемой формы глагола:

– *Я тебе більше не пуцу проїжджатись з Казанцевим на баских конях.*

– *Я й сама поїду, гусари не вовки: мене не з'їдять.*

– *З'їдять не з'їдять, а все-таки я не хочу, щоб ти кохалась та залицялась з якимсь проїдисвіттом та вводила мене й себе в славу (Іван Нечуй-Левицький. Старосвітські батюшки та матушки) (V_f не V_f , а...).*

2.2.1.2. Инфинитива: *Гуляти – так гуляти!* (У озера. – 01.10.2010 (№ 36)) (модель Inf так Inf).

2.2.2. Повтор глаголов в разных формах: *Будь-які капітальні роботи – це, безумовно, добре. Ось провели газ до школи – це хіба погано? Зробити – зробили. А прибрати за собою ... забули?* (Районка. 20.12.2012) (модель Inf V_f).

2.3. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором наречия представлены в собранном материале редко: *Оце добре так добре!* (<http://goloka.org.ua/viewtopic.php?t=106&start=75>) (модель *Оце Adv_{pr} так Adv_{pr} Cop_f*).

2.4. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором прилагательного также оказались непродуктивными:

– *Розумний ти як я подивлюся...*

– *А я не сперечаюсь. Розумний так розумний...* (Юрій Олійник. Жити – завтра (Пацани)) (модель *Adj₁ так Adj₁ Cop_f*).

2.5. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором числительного представлены единичными примерами: *Я ж ніколи особливо не переймався балами у школі. Що мені до неї – два так два, а як три – то й на краще* (Гелвін. Конвульсії, або Записки Невгамовного інтерпретатора) (модель *Num₁ так Num₁ Cop_f*).

2.6. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором местоимения: *Від часів «розвиненого бубабізму» я ловлю себе на звичці читати улюблені вірші вголос – для когось, хто поруч. Ні, не свої (бо свої – це свої), а саме улюблені. Останнім часом я все частіше читаю вголос поетів Бондаря і Жадана, Жадана і Бондаря. Це входить у звичку, це сильніше за мене, хоч, можливо, ця звичка є, як і всі інші, згубною* (Юрій Андрухович. Чистота голосу, або передмова до // Дзеркало тижня. 17.01.2003 (№ 2)) (модель *Pron₁ Cop_f Pron₁*).

2.7. Модели синтаксических фразеологизмов с повтором предложно-именного комплекса:

– Виходить, інші воювали, а ти тільки пісеньки виспівував? Добра в тебе була служба.

– **Е, на службі як на службі.** Було так, що й воювали, а було так, що й співали. Ось побудеш, то сам побачиш... (Григорій Тютюнник. Вир) (модель rper N₆ як rper N₆ Сор_f).

3. По частиречной принадлежности компонента в интерпозиции между повторяемыми лексемами:

3.1. Модели синтаксических фразеологизмов с частицей в интерпозиции:

– У суспільстві існує розподіл праці. Одні працюють лікарями, інші роблять у колгоспі, і ніхто з інтелігенції ще ніколи не дивився з презирством на людей фізичної праці. Це твоя вигадка.

– **Вигадка не вигадка, а я розумію так:** будь ти вчений чи сто раз професор, а від простого народу не верни, раз він тебе в люди вивів (Григорій Тютюнник. Вир) (модель N₁ не N₁, а...);

3.2. Модели синтаксических фразеологизмов с союзом в интерпозиции: *1 грудня, дев'ята річниця референдуму, коли на руїнах імперії постала наша Незалежність. [...] І це ж треба, саме сьогодні Всесвітній день боротьби зі СНІДом. Ну, світ як світ, у нього свої міжнародні дати. А от чому саме на цей день президент призначив Професійне свято працівників прокуратури, – це вже фрейдистський ляпсус* (Ліна Костенко. Записки українського самашедшого) (модель N₁ Сор_f як N₁).

3.3. Модели синтаксических фразеологизмов с предлогом в интерпозиции: *З усього його гарему тільки одна жінка була цьому хану до вподоби. Татарка, красуня з красунь* (Памук Орхан. Мене називають Червоний) (модель N₁ Сор_f з/із/зі N_{2pi}).

3.4. Модели синтаксических фразеологизмов с глагольной связкой в интерпозиции: *До пам'ятника проикує урядова делегація на чолі з президентом. Попереду, за ритуалом, гопакедія в шароварах, у віночках і плахах, несе кошики з квітами. Затим поважно виступають перші особи держави, половина з яких того Кобзаря не читали і мова його їм до фені. Але ритуал є ритуал, щорічна церемонія* (Ліна Костенко. Записки українського самашедшого) (модель N₁ Сор_f N₁).

4. По характеру порядка компонентов:

4.1. Модели синтаксических фразеологизмов с фиксированным порядком компонентов (большинство рассмотренных моделей): *Знав би я, чим ти дихаєш, я б тебе з очей не спускав, гада. За нього люди на смерть підуть, а він у батька на пасіці медок тріскатиме. Земляки земляками, хоч ще ні бійці, ні стрільці, а так собі, горобці, одначе треба мені ширше очі розплющити»* (Григорій Тютюнник. Вир) (модель N₁ Сор_f N₅, а/але/однак...).

4.2. Модели синтаксических фразеологизмов, допускающие изменение порядка слов, ср.:

О, хто це сяєво планет подвоїв?

Потроїв дальні мерехти зірок?

Спиваю з уст цілунок, як дзвінок,

І – що там інші? – я герой з героїв! (Яр Славутич. Її уста);

З героїв герой: *скорив тисячі пальцем одним,*

А палець той був не простим, а вказівним! (Станіслав Єжи Лец. Фрашки. Геройство. Переклад Віктора Марача) (модель $N_1 \text{ Сор}_f \text{ з/із/зі } N_{2pl}$);

Наказую перед Богом, що оживлює все, і перед Христом Ісусом, Який добре визнання засвідчив за Понтія Пилата, щоб додержав ти заповідь чистою та бездоганною аж до з'явлення Господа нашого Ісуса Христа, що його свого часу покаже блаженний і єдиний міцний, Цар над царями та Пан над панами, Єдиний, що має безсмертя, і живе в неприступному світлі, Якого не бачив ніхто із людей, ані бачити не може. Честь Йому й вічна влада, амінь! (Біблія. Переклад Івана Огієнка);

Співай, моя голубонько,

Є, може, й наш талан;

Одна сльозина щирая –

Я над панами пан! (Леонід Глібов. За щедрівку пісенька) (модель $N_1 \text{ Сор}_f \text{ над } N_5$).

5. По семантичному критерию среди проанализированных предложений можно разграничить пять типов (в вопросе семантической дифференциации опираемся на классификацию, предложенную в работе А.В. Величко [Величко 1996]). Иными словами, в рамках предложений с повторами реализованы все семантические группы, кроме модальных синтаксических фразеологизмов:

5.1. Модели синтаксических фразеологизмов со значением оценки: **Табір як табір:** *поміж тополями просторе подвір'я, самохідні комбайни, чекаючи жнив, вишикувались, мов для параду; під довжелезним навісом теж повно всякої техніки, що їй ми вже й назвиськ не знаємо* (Олесь Гончар. Твоя зоря) (модель $N_1 \text{ Сор}_f \text{ як } N_1$).

5.2. Модели синтаксических фразеологизмов со значением 'да – нет': *При цьому із сесійної зали хтось із депутатів запропонував завтра розглянути це питання. У відповідь Литвин сказав: «Завтра так завтра, коли запросимо, тоді запросимо»* (Форпост. Інтернет-видання, 01.06.2010: <http://4post.com.ua/politics/167807.html>) (модель $Adv_{pr} \text{ так } Adv_{pr} \text{ Сор}_f$).

5.3. Модели синтаксических фразеологизмов со значением множественности (наименее продуктивная в собранном фактическом

матеріалі група): З "друзями", як СНД, не потрібні вороги. Друзі – Польща, Словаччина, Чеська Республіка хочуть, щоб Україна була в ЄС, для кращого життя українського народу, друзі – Німеччина продає Україні дешевий газ. Друзі – Грузія хоче, щоб Україна вступила в НАТО, є друзі і «друзі» (www.unian.ua/comments/535333) (модель $\text{Cop}_F N_{1pl} i/\ddot{u} N_{1pl}$).

5.4. Модели синтаксических фразеологизмов, выражающие акцентирование объекта: **Хто-хто, а син знає, що добра половина цих обладунків в звичайний час зосталася б лежати вдома, бо нічого зайвого чабан не візьме в таку спеку носити з собою по степу ...** (Олесь Гончар. Тронка) (модель Prop-Prop, a...).

5.5. Модели синтаксических фразеологизмов со значением обусловленности: **Жарти жартами, – подумав я, – а він піде з нами у вогонь і в воду** (Роман Андріяшик. Люди зі страху) (модель $N_1 \text{Cop}_F N_5, a/\text{але/однак...}$).

6. По признаку принадлежности к языковому уровню разграничиваем:

6.1. Лексический повтор в рамках модели предложения или соседних предложений (см. предыдущие примеры).

6.2. Дублирование синтаксических структур в двух разновидностях:

6.2.1. Нанизывание предложений, построенных по одной модели: **І доктор Рудольф лежить собі й попиває молочко, вернувшись до «старого режиму». От тобі й переліт! Бідний, милий майстер Кін! От тобі й сонячна машина, і обожнювання, і нова ера, і перемога над тою, що там десь, у лабораторії, кається й жде на нього** (Володимир Винниченко. Сонячна машина) (модель $\text{От (тобі/вам) i/\ddot{u} N_1 \text{Cop}_F$).

6.2.2. Нанизывание предложений, построенных по разным моделям, но относящихся к одному структурному и/или семантическому типу: **Тимко знав, що дядькова коса не клепалася відколи й куплена і що він міг косити нею тільки тому, що в нього було сили, як у бика: вигостривши її тепер, як бритву, Тимко передав Павлові і з цікавістю спостерігав, що воно з того вийде.**

Павло сьак-так, для годиться, помантачив косу, поплював у руки, широко розставив ноги і, відвівши далеко назад косу, щоб, значить, був більший розгін, махнув нею по траві і впав на землю.

– **Що ти їй зробив? – дивувався він, підвівшись під загальний регіт хлопців.**

– **Нагострив, дядьку...**

– **От молодчина! Оце коса так коса! – повеселішав Павло, уже не так з розгону загаяючи її в траву** (Григорій Тютюнник. Вир) (модель

(модели *От* N₁ Сор_f и *Оце* N₁ *так* N₁ Сор_f); **Ой князь, от так князь, ну й князь!** *Пили, їли, троцили, запихалися, дивилися, витріщали очі. От так-так, оце воно, ох і князь же ж у нас!* (Павло Загребельний. Диво) (модели *Ой* N₁ Сор_f, *От так* N₁ Сор_f, *Ну i/ї* N₁ Сор_f и *Ох i* N₁ Сор_f).

Таким образом, повтор является одним из факторов, «цементирующих» предложения, обеспечивающих их фразеологизацию. В составе проанализированной группы наиболее продуктивными оказались синтаксические фразеологизмы с повторяемыми существительными, при этом чаще всего дублируется форма именительного падежа. Подавляющее большинство предложений относится к двум семантическим типам – оценочному или утвердительному / отрицательному. Следующий этап исследования предполагает дифференциацию синтаксических фразеологизмов с учетом присущей им прагматической функции.

Л и т е р а т у р а

1. *Величко А.В.* Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. Учебное пособие. М., 1996.
2. *Верба Л.Г.* Синтаксическая идиоматика в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1975.
3. *Всеволодова М.В., Лим Су Ён.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М., 2002.
4. *Войцехівська Н.К.* Іменники як лексично повторювані компоненти речень фразеологізованої структури // Філологічні студії: зб. наук. ст. Вип. 5. Вінниця, 2007.
5. *Волянская Ю.Ю.* Повтор в украинской поэтической речи: классификационные параметры, специфика функционирования // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методич. статей. Вип. 8. М., 2012 (в печати).
6. *Волянська Юлія.* Типологічні різновиди повтору в сучасній лінгвістичній думці // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А.П. Загнітко. Донецьк: ДонНУ, 2010. Вип. 21.
7. *Загнітко А.П.* Лінгвістика тексту: Теорія і практикум. Науково-навчальний посібник. Донецьк, 2006.
8. *Коптев М.В.* Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки, , 2008.
9. *Ксенофонтова Л.В.* Языковые свойства и текстообразующие потенции фразеомодели с лексическим повтором в произведениях В. Маканина // ROSSICA OLOMUCENSIA XLIV (za rok 2005). 3. část / Ročenka katedry slavistiky na Filozofii cke fakultě Univerzity Palackeho. Olomouc, 2006. URL: http://www.upol.cz/fileadmin/user_upload/Veda/AUPO/AUPO_Rossica_XLIV_3_dil.pdf
10. *Личук М.І.* Ступені фразеологізації речень: Автореф. дис. ... канд. філол. уаук. К., 2001.
11. *Личук М.І., Шинкарук В.Д.* Ступені фразеологізації речень. Чернівці, 2001.
12. *Меликян В.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2004.
13. *Папина А.Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории: учеб. для студентов-журналистов и филологов. М., 2002.
14. *Русская грамматика.* В 2 т. / редкол.: Н. Ю.Шведова (гл. ред.) и др. М., 1980. Т. 2: Синтаксис.

15. *Чистоногова Л.К.* Повтор как синтаксический фразеологизм в современной английской диалогической речи // Учен. зап. Хабаров. пед. ин-т. Сер. иностр. яз. Хабаровск, 1970. Т. 27.
16. *Шеманаева О.Ю.* Конструкция «Праздник не в праздник» на фоне других конструкций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М., 2010. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/83.htm>
17. *Янко-Триницкая Н.* Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами // Русский язык в школе. 1967, № 2.
18. *Wierzbicka Anna.* Boys will be boys: “radical semantics” vs. “radical pragmatics” // Language. 1987. Vol. 63, № 1.

**МОДЕЛИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПОВТОРАМИ
В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ**

Аннотация

Статья посвящена анализу моделей синтаксических фразеологизмов с повторами. Повтор квалифицируется как один из факторов фразеологизации предложений. Выделены основные типы синтаксических фразеологизмов с повторами в украинском языке.

**MODELS OF SYNTACTIC IDIOMS WITH REPEATS
IN THE UKRAINIAN LANGUAGE:
AN ATTEMPT OF CLASSIFICATION**

Anna Sitar

Keywords: model of sentence, repeat, syntactic idiom,
the Ukrainian language, sentence with phraseological structure

Abstract

The article is devoted to analysis of the models of syntactic idioms with repeats. The repeat is qualified as one of the factors of sentence phraseologization. The main types of syntactic idioms with repeats in the Ukrainian language are distinguished.

**Словарь тем писателя в контексте идеографических
словарей и авторской лексикографии.
На материале художественной прозы и драматургии
А.П. Чехова (К постановке проблемы)**

© кандидат филологических наук *Е.В. Суровцева (Россия), 2013*

Ключевые слова: художественная проза, драматургия, тема,
Чехов, чеховский корпус, чеховский словарь

Представляемая нами работа выполняется в рамках работы над корпусом чеховской художественной прозы и драматургии, проводимой в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Данная статья представляет предварительные результаты работы, выполненной нами совместно с аспиранткой кафедры теории литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Людмилой Валерьевной Лапониной.

В лингвистических исследованиях активно используются так называемые идеографические словари, описывающие логические связи между словами, представляя совокупности слов, объединенных той или иной идеей. Слова в таких словарях распределяются по темам-понятиям [Караулов 1980; Раков 1988; Русский семантический словарь 1982]; в их основу может быть положен таксонимический принцип [Баранов 1995]; существует также целый ряд словарей, организующий лексический материал в учебных целях [Морковкин 1984; Саяхова, Хасанова 1977; Саяхова, Хасанова 1984; Саяхова, Хасанова 1989; Саяхова, Хасанова, Морковкин 2000; и др.].

В качестве еще одного типа идеографических словарей как словарей, дающих концептуальную модель какой-либо предметной области, а также в русле такой области лингвистики, как авторская лексикография, нам хотелось бы предложить словарь тем писателя.

В рамках данной статьи речь пойдет о тематической разметке художественной прозы и драматургии А.П. Чехова. Нами проанализированы 583 прозаических и 17 драматургических текстов писателя¹. Тек-

¹ Мы позволили себе разделить «Два романа» (1882) на два произведения – «Два романа (Роман доктора)» и «Два романа (Роман репортёра)». Первоначально они были опубликованы самим Чеховым как разные рассказы под названиями «Роман доктора» и «Роман репортёра», хотя и в одном выпуске журнала «Осколки» (1883, № 2, 8 января).

сты произведений анализировались по академическому изданию (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. М.: Наука, 1974–1983). Нами пока не включались и не анализировались произведения с пометой «dubia», «незаконченное», «коллективное», «редактированное», а также письма, официальные и деловые бумаги, гимназические и стихотворные опыты писателя, подписи к рисункам и записи в альбомах, статьи, «Остров Сахалин» и «Из Сибири».

Поскольку автоматического алгоритма разметки тем не существует, наш путь целесообразнее объяснить на примере нескольких текстов, и уже потом представить какие-то обобщения. Мы предприняли попытку эмпирического выделения тем с опорой на лексический состав.

Для удобства восприятия нашей концепции мы позволили себе в рамках данной статьи поместить один из известнейших чеховских рассказов – рассказ «Толстый и тонкий» (1883) (приводится по: [Чехов 1974–1983: том 2, с. 250–251]). Как уже было сказано, тематическая разметка опирается на интерпретацию содержания текста, подключая частотность лексико-семантических групп. В приводимом нами тексте рассказа жирным шрифтом выделены слова, на основании которых в рассказе отмечена тема «Встреча». Очевидно, это связано не только с наличием слов «встретились», «увидев», «приятно ошеломлены», но и с тем, что если мы попробуем пересказать текст, без упоминания о том, что герои встретились, мы обойтись не сможем. Следующая маркировка – подчеркивание одной чертой. Так отмечены элементы, которые позволяют нам выделить тему «детство» и – более абстрактно – «воспоминания». Курсивом выделены лексемы, позволяющие выделить в данном тексте тему «дружба». Кроме того, несколько фрагментов подчеркнуты двойной чертой – это тема «человек и чин».

Чехов А.П. Толстый и тонкий (1883).

На вокзале Николаевской железной дороги **встретились** два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёр-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком – его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом – его сын.

– Порфирий! – воскликнул толстый, **увидев** тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! *Друг детства!* Откуда ты

Рассказы были объединены в одно произведение издателями академического издания сочинения и писем Чехова.

взялся?

Прятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. **Оба были приятно ошеломлены.**

– Милый мой! – начал тонкий после лобызания. – Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

– В гимназии вместе учились! – продолжал тонкий. – Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

– Ну, как живёшь, *друг?* – спросил толстый, восторженно глядя на *друга*. – Служишь где? Дослужился?

– Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

– Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сторбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

– Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! *Друг*, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

– Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой

Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Уже на этом примере видно, что темы неоднородны, это может быть как ситуация («встреча»), так и какое-то абстрактное понятие («воспоминания»), и тип героя, и место действия. Как правило, в тексте можно выделить несколько тем – произведений с одной темой очень мало (например, в рассказе «Встреча весны», 1882, мы выделяем тему «весна», в юмореске «Краткая анатомия человека», 1883, – «наука», в рассказе «Отрывок», 1892, – «провинция»). Легко объяснимо и предсказуемо то, что больше всего тем нами выделено у наиболее сложных произведений, таких, как «Смерть чиновника» (1883), «Попрыгунья» (1892), «Скрипка Ротшильда» (1894) и других. Отметим, что тексты позднего периода (после 1889-го года) распределить по тематике намного сложнее, поэтому мы выделяли темы по принципу их частности и значимости для понимания. Чем больше в произведении рефлексии повествователя и героя о факте или явлении, тем скорее они выносятся в тематическую разметку корпуса.

Для сравнения рассмотрим пьесу «Три сестры» (1900). Герои неоднократно размышляют о времени и его движении. Текст начинается с реплики Ольги: «Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а берёзы ещё не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже всё в цвету, тепло, всё залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там всё, как будто выехали вчера» [Чехов 1974–1983: том 13, с. 119]. Ольга видит настоящее только сквозь призму прошлого, она постоянно сопоставляет данный момент с тем, что уже было.

В первом акте герои очень часто обращают внимание на изменения, произошедшие в их жизни. В словах героини на этот раз присутствуют некоторые детали, смысл которых сводится к тому, что время несет определенные изменения и это проявляется даже во внешних знаках. «Ольга. Сегодня ты вся сияешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей был бы хорош, только он располнел очень, это к нему не идёт. А я постарела, похудела сильно, оттого, должно быть, что сержусь в гимназии на девочек» [Чехов 1974–1983: том 13, с. 120].

Чехов весьма настойчиво использует такой тематический способ речевой характеристики, заставляя героев высказываться о своем прошлом многократно на протяжении пьесы. Поэтому вынесение в тематику «прошлого», «движения времени» – бесспорно. Другая тема, о которой герои неоднократно высказываются, – это труд и необходимость работать, и т. д. Кроме того, мы учитывали исследования чеховедов, касающиеся содержания текстов. Так, например, в пьесах Чехова неоднократно отмечается «диалог глухих» и невозможность взаимопонимания персонажей [Шах-Азизова 1966; Скафтымов 2007].

Таким образом, после сплошной разметки всех текстов мы получили некоторый список тем, довольно неоднородный. Для продуктивной работы с этим списком мы в ходе нашей дальнейшей работы планируем выработать двухуровневую структуру: темы объединить в блоки – «макротемы», причем количество тем в разных макротемах может быть различным. Хотелось бы также обратить внимание на то, что одна и та же тема может попасть в несколько макротем. Так, тему «Пасха» правомерно отнести и в группу «Время», и в группу «Религия».

При разметке произведений для «Корпуса текстов Чехова», над которым сейчас завершена работа в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии, тематика также была вынесена в т. н. паспорта (наряду с жанром, периодом творчества, типом повествования и т. п.). Поэтому темы могут функционировать как одно из средств классификации текстов: в корпусе можно задать поиск не только произведений, например, написанных в 1883 году или опубликованных в журнале «Осколки», но и произведений, в которых действие происходит в Петербурге, или в которых есть свадьба и вообще та или иная ситуация.

Для работы с корпусом нами при помощи программистов нами была разработана специальная система – «КИИСа» – корпусную информационно-исследовательскую систему, позволяющую всем интересующимся не только пользоваться готовыми результатами изучения какого-либо текста, но и проводить самостоятельный его анализ, получать новые данные – алфавитные и частотные словари произведений и их единиц, отобранных по разным признакам. Так, данная система позволяет как просматривать список тем, выделенных в каком-либо произведении, так и получать перечни произведений по конкретной теме.

Список произведений А.П. Чехова с указанием тем (фрагмент).

№№	Название произведения	Тип текста	Год написания	Темы
1.	Каникулярные работы институтки Наденьки N	худ. проза	1880	образование, педагогика,

2.	Смерть чиновника	худ. проза	1883	маленький человек, человек и чин, начальник, искусство, чин, происшествие, из мухи слона, смерть
3.	Дочь Альбиона	худ. проза	1883	провинция, образование, свое и чужое, рыбалка, отношение к иностранцам
4.	Толстый и тонкий	худ. проза	1883	дружба, человек и чин, встреча, детство, воспоминания, чиновничество
5.	Хамелеон	худ. проза	1884	человек и чин, состояние общества, штампы
6.	Лошадиная фамилия	худ. проза	1885	врачевание, забытая фамилия, телеграмма, забывчивость, фамилия
7.	Унтер Пришибеев	худ. проза	1885	человек и чин, суд, общественный порядок, чиновник
8.	Ванька (1886) ²	худ. проза	1886	детство, деревня, бедность, Москва, рождество, иллюзии
9.	Злоумышленники	худ. проза	1887	бюрократия, затмение, ограниченность
10.	Каштанка	худ. проза	1887	животные, цирк, отношение к животным
11.	Иванов (1889) ³	пьеса	1889	современный человек, столкновение носителей разных взглядов
12.	Попрыгунья	худ. проза	1892	смысл жизни, женский тип, взаимопонимание, иллюзии
13.	Палата № 6	худ. проза	1892	сумасшествие, смысл жизни, взаимопонимание, провинция
14.	Чёрный монах	худ. проза	1894	сумасшествие, семейная жизнь, смысл жизни, взаимопонимание, иллюзии
15.	Скрипка Ротшильда	худ. проза	1894	смерть, смысл жизни, взаимопонимание, провинция, семейная жизнь, иллюзии
16.	Учитель словесности	худ. проза	1894	женитьба/замужество, провинция, любовь, иллюзии, смысл жизни, человек и быт, взаимопонимание, семейная жизнь
17.	Чайка	пьеса	1895 – 1896	современный человек, искусство, любовь, иллюзии
18.	Дядя Ваня	пьеса	1896	иллюзии
19.	Ионыч	худ.	1898	провинция, человек и быт,

² У Чехова есть ряд одноимённых произведений, написанных в разное время, на разные темы и в разной стилистической манере. В таких случаях мы в ходе наших исследований сопровождаем название текста датой.

³ «Иванов» существует в двух редакциях (1887 г. и 1889 г.), они обе включены в академическое собрание сочинений. Для различения этих текстов мы также сопровождаем название текста датой.

		проза		любовь, смысл жизни, взаимопонимание, иллюзии
20.	Человек в футляре	худ. проза	1898	провинция, смысл жизни, взаимопонимание, педагогика
21.	Крыжовник	худ. проза	1898	любовь, провинция, смысл жизни, человек и быт, иллюзии
22.	Три сестры	пьеса	1900	прошлое, движение времени, семейная жизнь, любовь, смысл жизни, непонимание, труд
23.	Архиерей	худ. проза	1902	смерть, религия, взаимопонимание, смысл жизни
24.	Вишнёвый сад	пьеса	1903	смена эпох, судьба сада, ответственность каждого

Список тем А.П. Чехова с указанием произведений (фрагмент)

№№	Темы	Название произведения	Тип текста	Год написания
1.	воспитание	Случай с классиком	худ. проза	1883
		Сборник для детей	худ. проза	1883
		Экзамен	худ. проза	1883
		О драме	худ. проза	1884
		Не в духе	худ. проза	1884
		Отец семейства	худ. проза	1885
		Панихида	худ. проза	1886
		Лишние люди	худ. проза	1886
		Серьёзный шаг	худ. проза	1886
		Накануне поста	худ. проза	1887
		Письмо	худ. проза	1887
		Задача (1887)	худ. проза	1887
2.	журналистика	Корреспондент	худ. проза	1882
		Радость	худ. проза	1883
		Мысли читателя газет и журналов	худ. проза	1883
		Ревнитель	худ. проза	1883
		Съезд естествоиспытателей в Филадельфии	худ. проза	1883
		Перепутанные объявления	худ. проза	1883
		Молодой человек	худ. проза	1884
		Сон репортёра	худ. проза	1884
		Письмо к репортёру	худ. проза	1884
		Два газетчика	худ. проза	1885
		Писатель	худ. проза	1885
		Тряпка	худ. проза	1885
		Письма	худ. проза	1886
		Конкурс	худ. проза	1886
		О женщинах	худ. проза	1886
		Сказка	худ. проза	1886

		Письмо в редакцию	худ. проза	до 1882
		И то и сё. Поэзия и проза	худ. проза	1881
3.	искусство	Ненужная победа	худ. проза	1882
		Два скандала	худ. проза	1882
		Барон	худ. проза	1882
		Мечь (1882)	худ. проза	1882
		Отвергнутая любовь	худ. проза	1883
		Современные молитвы	худ. проза	1883
		Крест	худ. проза	1883
		Кое-что (1883 – № 1) ⁴	худ. проза	1883
		Бенефис соловья	худ. проза	1883
		Кое-что (1883 – № 2)	худ. проза	1883
		Смерть чиновника	худ. проза	1883
		Трагик	худ. проза	1883
		В ландо	худ. проза	1883
		Нечистые трагики и прокажённые драматурги	худ. проза	1884
		Певчие	худ. проза	1884
		Чтение	худ. проза	1884
		«Кавардак в Риме»	худ. проза	1884
		На кладбище	худ. проза	1884
		Живая хронология	худ. проза	1885
		Женский тост	худ. проза	1885
		Сапоги	худ. проза	1885
		Моя «она»	худ. проза	1885
		Нечто серьёзное	худ. проза	1885
		Конь и трепетная лань	худ. проза	1885
		После бенефиса	худ. проза	1885
		Средство от запоя	худ. проза	1885
		Контрабас и флейта	худ. проза	1885
		Тапёр	худ. проза	1885
		Magi d'elle	худ. проза	1885
		Художество	худ. проза	1886
		Произведение искусства	худ. проза	1886
Критик	худ. проза	1887		
Скучная история	худ. проза	1889		
Чайка	пьеса	1895 – 1896		
И то и сё. Поэзия и проза	худ. проза	1881		
Грешник из Толедо	худ. проза	1881		
4.	любовь	Исповедь, или Оля, Женя, Зоя	худ. проза	1882
		Зелёная коса	худ. проза	1882
		Свидание хотя и состоялось, но...	худ. проза	1882
		Пропавшее дело	худ. проза	1882
		Который из трёх?	худ. проза	1882
		Он и она	худ. проза	1882

⁴ Перу Чехова принадлежат два разных произведения под названием «Кое-что», написанных в одном и том же году. Поэтому для их различения мы вынуждены использовать номера.

	Барыня	худ. проза	1882
	Живой товар	худ. проза	1882
	Цветы запоздалые	худ. проза	1882
	Два скандала	худ. проза	1882
	Идиллия – увы и ах!	худ. проза	1882
	Добрый знакомый	худ. проза	1882
	Отвергнутая любовь	худ. проза	1883
	В циркульне	худ. проза	1883
	Роман адвоката	худ. проза	1883
	Женщина без предрассудков	худ. проза	1883
	Жених	худ. проза	1883
	Братец	худ. проза	1883
	Филантроп	худ. проза	1883
	Вор	худ. проза	1883
	Слова, слова и слова	худ. проза	1883
	Двадцать шесть	худ. проза	1883
	Тёща-адвокат	худ. проза	1883
	Моя нана	худ. проза	1883
	О том, как я в законный брак вступил	худ. проза	1883
	Злой мальчик	худ. проза	1883
	Трагик	худ. проза	1883
	Шведская спичка	худ. проза	1883
	Осенью	худ. проза	1883
	Дочь коммерции советника	худ. проза	1883
	Опекун	худ. проза	1883
	Знамение времени	худ. проза	1883
	Из дневника одной девицы	худ. проза	1883
	В гостиной	худ. проза	1883
	В рождественскую ночь	худ. проза	1883
	Марья Ивановна	худ. проза	1884
	Комик	худ. проза	1884
	Наивный леший	худ. проза	1884
	Два письма	худ. проза	1884
	Трифон	худ. проза	1884
	Дачница	худ. проза	1884
	Драма на охоте	худ. проза	1884
	На большой дороге	пьеса	1884
	Дипломат	худ. проза	1885
	Из воспоминаний идеалиста	худ. проза	1885
	Егерь	худ. проза	1885
	Делец	худ. проза	1885
	Конкурс	худ. проза	1886
	Неудача	худ. проза	1886
	К сведению мужей	худ. проза	1886
	Открытие	худ. проза	1886
	Ведьма	худ. проза	1886
	Шуточка	худ. проза	1886
	Агафья	худ. проза	1886
	Любовь	худ. проза	1886

		Счастличик	худ. проза	1886
		Тайный советник	худ. проза	1886
		На даче	худ. проза	1886
		От нечего делать	худ. проза	1886
		Несчастье	худ. проза	1886
		Пустой случай	худ. проза	1886
		Светлая личность	худ. проза	1886
		На пути	худ. проза	1886
		То была она!	худ. проза	1886
		Шампанское (1887)	худ. проза	1887
		Полинька	худ. проза	1887
		Верочка	худ. проза	1887
		Дома	худ. проза	1887
		Весной (1887)	худ. проза	1887
		Зиночка	худ. проза	1887
		Дорогие уроки	худ. проза	1887
		Рассказ госпожи NN	худ. проза	1887
		Огни	худ. проза	1888
		Татьяна Репина	пьеса	1889
		Бабы	худ. проза	1891
		Дуэль	худ. проза	1891
		После театра	худ. проза	1892
		Рыбья любовь	худ. проза	1892
		Соседи	худ. проза	1892
		Страх	худ. проза	1892
		Рассказ неизвестного человека	худ. проза	1893
		Володя большой и Володя маленький	худ. проза	1893
		Учитель словесности	худ. проза	1894
		Чайка	пьеса	1895 – 1896
		Три года	худ. проза	1895
		Ариадна	худ. проза	1895
		Дом с мезонином	худ. проза	1896
		Моя жизнь	худ. проза	1896
		Ионыч	худ. проза	1898
		Крыжовник	худ. проза	1898
		О любви	худ. проза	1898
		Дама с собачкой	худ. проза	1899
		На волчьей садке	худ. проза	1882
5.	Москва	Ванька (1886)	худ. проза	1886
		Мошенники поневоле	худ. проза	1882
6.	новый год	Гадальщики и гадальщицы	худ. проза	1882
		Либерал	худ. проза	1883
		Завещание старого 1883-го года	худ. проза	1884
		Контракт 1884 года с человечеством	худ. проза	1884
		Ёлка	худ. проза	1884
		Праздничная повинность	худ. проза	1885
		Дело о 1884 годе	худ. проза	1885

		Новогодние великомученики	худ. проза	1886
		Шампанское (1886)	худ. проза	1886
		Визитные карточки	худ. проза	1886
		Ночь на кладбище	худ. проза	1886
		Шампанское (1887)	худ. проза	1887
		Петров день	худ. проза	1881
7.	охота	На волчьей садке	худ. проза	1882
		Двадцать девятое июня	худ. проза	1882
		Он понял!	худ. проза	1883
		На охоте	худ. проза	1884
		Драма на охоте	худ. проза	1884
		Финтифлюшки	худ. проза	1885
		Егерь	худ. проза	1885
		Рано!	худ. проза	1887
		Лист	худ. проза	1883
8.	Пасха	Казак	худ. проза	1887
		Письмо к учёному соседу	худ. проза	1880
9.	столкновение носителей разных взглядов	Из огня да в полымя	худ. проза	1884
		Нищий	худ. проза	1887
		Враги	худ. проза	1887
		Встреча	худ. проза	1887
		Письмо	худ. проза	1887
		Володя	худ. проза	1887
		Почта	худ. проза	1887
		Иванов (1887)	пьеса	1887
		Без заглавия	худ. проза	1888
		Медведь	пьеса	1888
		Предложение (1888)	пьеса	1888
		Иванов (1889)	пьеса	1889
		Свадьба (1890)	пьеса	1889
		Юбилей (1892)	пьеса	1891
		В бане	худ. проза	1895
		Пережитое	худ. проза	1882
10.	человек и чин	Двое в одном	худ. проза	1883
		На гвозде	худ. проза	1883
		Совет	худ. проза	1883
		Торжество победителя	худ. проза	1883
		Кот	худ. проза	1883
		Смерть чиновника	худ. проза	1883
		Сущая правда	худ. проза	1883
		Справка	худ. проза	1883
		Отставной раб	худ. проза	1883
		Толстый и тонкий	худ. проза	1883
		Опекун	худ. проза	1883
		В почтовом отделении	худ. проза	1883
		Либерал	худ. проза	1883
		Гордый человек	худ. проза	1884
		Альбом	худ. проза	1884
		Несообразные мысли	худ. проза	1884
		Водевиль	худ. проза	1884

	Экзамен на чин	худ. проза	1884
	Хамелеон	худ. проза	1884
	Из огня да в полымя	худ. проза	1884
	Винт	худ. проза	1884
	Гусиный разговор	худ. проза	1884
	Маска	худ. проза	1884
	Свадьба с генералом	худ. проза	1884
	Новейший письмовник	худ. проза	1884
	Предписание	худ. проза	1884
	Праздничная повинность	худ. проза	1885
	Капитанский мундир	худ. проза	1885
	Служебные пометки	худ. проза	1885
	Не тлетворные мысли	худ. проза	1885
	Мелюзга	худ. проза	1885
	Безнадежный	худ. проза	1885
	Упразднили!	худ. проза	1885
	В номерах	худ. проза	1885
	Последняя могижанша	худ. проза	1885
	Ворона	худ. проза	1885
	Вверх по лестнице	худ. проза	1885
	Унтер Пришибеев	худ. проза	1885
	Визитные карточки	худ. проза	1886
	Персона	худ. проза	1886
	Дамы	худ. проза	1886
	Тайный советник	худ. проза	1886
	Ты и вы	худ. проза	1886
	Человек	худ. проза	1886
	Лев и солнце	худ. проза	1887
	Беда (1887)	худ. проза	1887

Кроме того, мы можем проводить и иные виды исследований тематического состава корпуса – например, определить, в текстах каких жанров встречается та или иная тема, в какой период творчества написаны произведения с выбранной нами темой и многое другое.

В качестве практического применения можно назвать преподавание русского как иностранного (где важен подбор текстов по определенным лексико-семантическим группам), преподавание в целом (т. к. тематическая разметка позволяет анализировать некоторые культурные феномены в их отражении у Чехова) и дальнейшая исследовательская деятельность. Например, возможен выход на авторскую картину мира.

Как отмечает Громов, «каждый отдельный рассказ Чехова можно рассматривать как фрагмент «большого полотна», как элемент многовариантной повествовательной системы» [Громов 1989: 241], «отдельные рассказы тяготеют друг к другу как фрагменты целостной повествовательной системы. <...> Феномен *множества* (курсив автора цитируемого исследования – Е.С.) представляется решающим для понимания творчества Чехова, его художественного метода и мастерства» [Громов

1974: 308]. Сам исследователь в качестве одной из реализаций этой системности составил каталог чеховских персонажей [Громов 2004]. Отметим, что подробнейший каталог всех персонажей писателя составила М. Ткаченко [Все герои Чехова].

Нами же предлагается тематическая разметка текстов, позволяющая работать с группой текстов, в которых затрагивается та или иная проблематика, например, мы можем отобрать для анализа все произведения Чехова, в которых затрагивается тема «человек и чин», или в которых говорится о журналистике – и рассматривать те или иные языковые закономерности уже внутри этих тематических групп.

Таким образом, к существующим на настоящий момент типам словаря языка писателя (а это, напомним, конкорданс, индекс, глоссарий, толковый словарь, словарь тропов) можно добавить словарь тем.

Л и т е р а т у р а

1. *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. М., 1990. Выпуск 1; Идеографический словарь русского языка. М., 1995.
2. Все герои А.П. Чехова – вся Россия. Полный каталог из 2355 имен, составленный по произведениям великого русского писателя / Сост. М. Ткаченко. М., 2004.
3. *Громов М.П.* Повествование Чехова как художественная система // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974.
4. *Громов М.П.* Книга о Чехове. М., 1989.
5. *Громов М.П.* Персонажи чеховских произведений // Громов М.П. Тропа к Чехову. Документально-художественная книга о жизни и творчестве А.П. Чехова. М., 2004.
6. *Караулов Ю.Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1980.
7. *Морковкин В.В.* Тематический словарь-минимум современного русского языка // Лексические минимумы современного русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984.
8. *Раков Г.А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии: Семасиологический и ономасиологический анализ системных отношений в лексике. Томск, 1988.
9. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов, В.А. Афанасьев, И.В. Михалёв; Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1982.
10. *Саяхова Г.Л., Хасанова Д.М.* Учебный тематический словарь: Общество. Уфа, 1977.
11. *Саяхова Г.Л., Хасанова Д.М.* Тематический словарь русского языка для башкирской средней школы. Уфа, 1984.
12. *Саяхова Г.Л., Хасанова Д.М.* Иллюстрированный тематический словарь русского языка. М., 1989.
13. *Саяхова Г.Л., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.* Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2000.
14. *Скафтымов А.П.* К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007.
15. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Сочинения: В 18 томах; Письма. В 12 томах. М., 1974–1983. 18 томов сочинений.
16. *Шах-Азизова Т.К.* Чехов и западноевропейская драма его времени. М., 1966.

**СЛОВАРЬ ТЕМ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ
ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ.
НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
И ДРАМАТУРГИИ А.П. ЧЕХОВА
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Аннотация

В статье описывается механизм тематической разметки художественной прозы и драматургии А.П. Чехова. В качестве практического применения нашей разработки можно назвать преподавание русского языка (в том числе как иностранного) и дальнейшую исследовательскую деятельность (например, реконструкция авторской картины мира, изучение языка писателя, составление словаря тем писателя).

**THE DICTIONARY OF SUBJECTS OF THE WRITER IN A CONTEXT
OF IDEOGRAPHIC DICTIONARIES AND AN AUTHOR'S LEXICOGRAPHY.
ON A MATERIAL OF ART PROSE AND A.P. CHEKHOV'S DRAMATIC ART
(TO THE PROBLEM STATEMENT)**

E.V. Surovtseva

Keywords: art prose, plays, Chekhov, the corpus of texts by Chekhov, dictionary of Chekhov's language

Abstract

In the article the mechanism of a thematic marking of prose and plays by A.P. Chehov is described. As practical application of results of this work it is possible to name teaching (including Russian as foreign) and the further research activity (for example, the exit on an author's picture of the world is possible, study of language of the writer, drawing up of the dictionary of subjects of the writer).

Когнитивно-дискурсивный аспект исследования природной лексики

© кандидат филологических наук Л.А. Усманова (Россия), 2013

Ключевые слова: ассоциативные связи, семантическое поле, парадигматика, синтагматика

Раскрытие механизма ассоциативных связей в языке и их теоретическое осмысление в рамках Казанской лингвистической школы послужило базой для последующего выхода лингвистики в семантическую сферу и ее сближения с психологией, социологией и антропологией.

Применяя учение об ассоциациях в лингвистике, заимствованное в свою очередь из области психологии, казанские ученые (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий и др.) последовательно доказали наличие в языке разных типов отношений, указывая, что «поскольку постоянное существование языка является исключительно психическим, следовательно, и составные части языка могут быть связаны только психически. Не только семантическая сторона языка разлагается на психические элементы, являющиеся далее не разложимыми представлениями, но и остальные две стороны языка – как морфологическая, так и произносительно-слуховая, или фонетическая – могут существовать в человеческом языке только в виде неделимых, далее неразложимых представлений и их сочетаний. Эти представления ассоциируются друг с другом, группируются в некоторые постоянные и вместе с тем подвижные системы, взаимно вызывают и обуславливают друг друга и т. д.» [Бодуэн де Куртенэ 1963: II: 164].

Развивая идею об ассоциативной природе языковых единиц, В.А. Богородицкий указывал, что «слова, будучи знаками или символами предметов и явлений, как бы замещают эти последние, причем называемый предмет или явление может во время речи быть налицо, а может и отсутствовать, воспроизводясь воспоминанием и воображением» [Богородицкий 1915: 146]; «...отдельное слово [представляет] целую систему ассоциаций», причем «...при отсутствии речи весь ассоциативный комплекс не исчезает, но остается в состоянии ассоциативной связанности, хранясь, как образно выражаются немецкие психологи – “в темном пространстве бессознательного”» [Там же].

Языкознание рубежа XX–XXI веков, переключившее акценты с системы языка на его функционирование, способствовало активизации исследований в области ассоциативных маршрутов слов и обогащению типовых сочетаемостных закономерностей в виде словарных данных.

Это проявилось, с одной стороны, в разработке теории валентности и сочетаемости слов (С.Д. Кацнельсон, Л. Теньер, Г. Хельбиг, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян и др.), с другой – в изучении сочетаемостных свойств различных частей речи, прежде всего глагола как конструктивно значимого компонента, а также имени с учетом его дифференциации по отдельным тематическим группам и семантическим параметрам (Н.Д. Арутюнова, В.В. Морковкин, Е.В. Рахилина, Л.О. Чернейко и др.).

Следует отметить также, что в зависимости от позиции выделяется сочетаемость контактная (при соположении языковых единиц) и дистантная (на расстоянии). И.П. Слесарева «ближние» как наиболее сильные синтагматические связи соотносит с понятием минимального расстояния между словами (контактные слова), связь между которыми строится на семантическом согласовании, понятие же «дальние» связи применяет к словам, находящимся на более или менее значительном расстоянии от исходного слова и реализующимся в развернутом контексте (дистанционные слова) [Слесарева 1984: 26–35]. Отражая «расстояние» между словами в речевом произведении, понятия «ближние» и «дальние» связи демонстрируют различие в характере и степени семантической связи между словами.

В соответствии с современным направлением лингвистической науки, развивающейся в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, рассмотрение сочетаемости слов на уровне контактных и дистантных связей в пространстве художественных текстов определенного писателя дает возможность глубинного смыслового понимания содержания произведения, как «особой художественной конфигурации объективной реальности и авторского воображения, имплицитного сопряжения правды и вымысла», «среды формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения» [Алефиренко 2011: 114].

Благоприятным материалом для применения данных соображений, касающихся дискурсивно-смыслового анализа художественной речи, являются прозаические и поэтические тексты И.А. Бунина как образец классической традиции, отличающиеся огромной силой изобразительности, благородством и строгостью формы, точностью и живописностью в изображении картин природы. «Поднебесной метафорой действительности, метафорой любви, молодости и несбывшихся надежд» назвал Ю. Бондарев прозу и поэзию Бунина – «это как бы непрерывное движение от самого себя к родной и ставшей далекой российской земле, без которой не было бы ни художественного чародейства Бунина, ни его превосходных, написанных в эмиграции рассказов, этих непревзойденных шедевров, ни “Жизни Арсеньева” с его тоской по утраченной России, ни “Митиной любви” с его печалью по юности, ни его сердитой

публицистики, в которой он не признавал и осуждал исторический пожар в России» [Бондарев 1995: 44].

Исследователи творчества И.А. Бунина (В.Н. Афанасьев, А.К. Бабореко, И.П. Вантенков, А.А. Волков, Н.К. Гей, В.А. Гейдеко, Л.М. Грановская, Л.К. Долгополов, А. Измайлов, Л.В. Крутикова, В.В. Краснянский, В.В. Красноярский, Н.М. Кучеровский, В.Я. Линков, Н.М. Любимов, О.Н. Михайлов, В. Нефедов, Н.А. Николина, В.А. Приходько, В.С. Сидорец, И.Д. Стерлин и мн. др.) говорят о тесной связи природной лексики со спецификой мировосприятия Бунина, она, по мнению буниноведов, является одним из важнейших компонентов, составляющих языковую картину мира писателя. При изучении данной сферы как неотъемлемой части его идиостиля наиболее эффективным нам представляется применение системного и полевого подхода к исследованию художественных текстов, позволяющего выявить потенциалы языковых единиц, во всей полноте реализующихся в текстовых взаимосвязях.

Рассматривая с этих позиций состав и структурную организацию лексико-семантического поля (ЛСП) «Природа» в пространстве художественных текстов И.А. Бунина, отметим, что исследуемая языковая система характеризуется индивидуальной спецификой, представленной как на уровне парадигматических, так и синтагматических связей имен основных природных реалий, степень значимости которых зависит от частотности их воспроизведения и специфики использования языковых средств при описании окружающего мира.

В соответствии с принципом родовидовой организации единиц системы схема семантической сферы «Природа» имеет несколько уровней обобщения; при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается. Наблюдения показали, что самым важным ЛСП для репрезентации семантической сферы «Природа» в творчестве Бунина является микрополе «Небесная сфера», которое делится на частные подмножества, ассоциируемые с одной стороны, с названиями небесных тел: солнце, луна, месяц, спутник, звезда, созвездие, планета, комета, метеорит т. п., связанные с восприятием небесного пространства как местоположения небесных светил, а с другой – связанные непосредственно с атмосферой Земли, составляющей ее воздушное пространство, которые в свою очередь делятся на следующие составляющие: небо (его синонимы и перифразы: *небосклон, небосвод, голубые просторы, пустынные высоты, голубая бездна, синяя вышина, лазурь голубая, купол синий* и др.), облака, тучи и нек. др.

Анализ синтагматики имен природных реалий, а также метафорических высказываний как целостного образа позволил выявить комплексы индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих особенности эсте-

тического освоения явлений природы в текстах Бунина. Наиболее значимые для репрезентации ЛСП «Природа» в произведениях данного автора слова микрополя «Небесная сфера» вступают в атрибутивно-предикативные сочетания, предопределяемые, в первую очередь, денотативным значением указанных имен (движение, цвет, форма, размер, удаленность и пр.), и, кроме того, актуализирующие различные образные представления автора и находящие множество субъективных интерпретаций, связанных со зрительными, звуковыми, физическими, психологическими ассоциациями автора.

В пространстве художественных текстов Бунина слова исследуемого ЛСП употребляются в прямом, денотативном значении достаточно часто, однако функции подобных слов не являются чисто информативными, т. к. они служат прежде всего средством композиционной организации предложения, средством раскрытия концептуального содержания всего произведения и отдельных его элементов. Информация о природном объекте становится актуальной по ходу развития сюжета, поскольку она представляется с позиции наблюдателя, который сам моделирует ту или иную ситуацию. Связь с миром носит опосредованный характер и проявляется через призму индивидуально-авторского мировосприятия.

При этом образность не всегда воплощается в специфических, тропических средствах. «Безобразная образность» у И.А. Бунина может появляться и в результате актуализации у слова дополнительной периферийной семы, создающей особый психологический фон, на котором развертываются события в произведении (*тускло белело облачное небо; ласково синее утреннее небо; кротко солнце листья пригревает, чувствуешь на лице горячую ласку солнца*). Иногда в словосочетании автор усиливает одну и ту же сему путем повтора и тавтологии (*легкие облака, жаркое солнце* и др.).

Субъективное восприятие природы, как результат индивидуально-авторского отражения мира, реализуется в атрибутивной сочетаемости с прилагательными психического восприятия и восприятия с помощью различных органов чувств. Атрибутивная сочетаемость с этими прилагательными является неотъемлемой чертой художественной системы И.А. Бунина и характеризуется селективностью, избирательностью. В определении наиболее часто совмещаются элементы самых разных источников восприятия, которые образуют сложный тип семантических связей – синестетическую метафору: *...под осенними ледяными и острыми звездами («Жизнь Арсеньева»); В окно я вижу груды облаков, Холодных, белоснежных, как зимою, / И яркость неба влажно-голубого («Отрывок»)*. Употребление подобных сочетаний обусловлено, на наш взгляд, не столько изобразительно-выразительными функ-

циями, сколько оценочно-характеризующими, выражающими отношение Бунина к природе.

Синтетический образ реальности возникает благодаря способности творческой личности к синтетическому переживанию, восприятию мира в единстве и многообразии впечатлений. И.А. Бунин отличает слитное изображение явлений природы и восприятия их человеком (автором и персонажами), что проявляется в совмещении, переплетении и нераздельности этих планов, их гармонии, совпадении или несовпадении, контрасте. Для него характерно «панорамное» видение картин природы. В силу широты взгляда эти описания включают большое количество репрезентантов ЛСП «Природа» из разных микрополей, при этом лексемы, представляющие одно семантическое поле, могут употребляться в переносном значении в качестве составляющих других полей, напр: *Помню крещенские морозы, наводившие мысль на глубокую древнюю Русь, на те стужи, от которых "земля на сажень трескалась": тогда над белоснежным городом, совершенно потонувшим в сугробах, по ночам грозно горело на черно-вороненом небе белое созвездие Ориона, а утром зеркально, зловеще блистало два тусклых солнца и в тугой и звонкой неподвижности жгучего воздуха весь город медленно и дико дымился алыми дымами из труб и весь скрипел и визжал от шагов прохожих и санных полозьев...* («Жизнь Арсеньева»).

Достаточно широко представлен в нашем материале образно-ассоциативный слой, при этом образы создаются как с помощью тропов и фигур (*В черном узоре ветвей - месяца рог золотой*), так и за счет актуализации периферийных сем в контексте. Чаще всего образы формируются на уровне предложения (*Высоко в небе плыли и таяли теплые дымчатые облака с золотисто-алыми краями* («Маленький роман»); *Потом побрел к морю, глядя на мелкую зыбь его сиреневого простора, на раковины облаков, таявших над ним в бездонном шелковистом небе, на кубики палевых домов, терявшихся вдоль широкого изгиба песчаного побережья...* («Жизнь Арсеньева»).

Прием углубления семантики метафорического сочетания и усиления эмоционально-образного восприятия природы достигается писателем за счет цветовой характеристики слов рассматриваемого микрополя «Природа». По словам Н.К. Гей, «в художественной системе И.А. Бунина цвет имеет чрезвычайно большое смысловое наполнение, он является элементом мировоззрения автора. Для всего творчества И.А. Бунина характерно удивительное богатство цветового словаря, умение использовать мельчайшие оттенки цветов и их полутонов для передачи неповторимого состояния в природе или душе человека» [Гей 1975: 357].

Показательно, что в художественной системе произведений Бунина цветовая семантика контекстуально развертывается, детализируется и обыгрывается за счет подключения эмоционально-оценочной лексики, н-р: *Над небом мертвенно-свинцовым /Угрюмо меркнет зимний день («Родина»); Совершенно непонятно было, как могут они так старательно, в таком упорном забытьи, так сладко и сильно цокать, щелкать и рассыпаться под этим тяжким свинцово-облачным небом, среди гнущихся от ветра деревьев, в густых мокрых кустах («Деревня»).*

Сделанные наблюдения подтверждают мысли казанских лингвистов о системном характере языка как некой совокупности, элементы которой взаимосвязаны и значение которых определяется прежде всего их функционированием в том или ином контексте.

Анализ синтагматических связей имен природных реалий, а также метафорических высказываний как целостного образа позволил выявить комплексы индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих особенности эстетического освоения явлений природы. При этом внимание к отдельным ЛСП и средствам их лексической репрезентации в текстах Бунина, а также выявление их ассоциативно-смыслового взаимодействия позволяют реконструировать картину мира автора, специфика которой выявляется на уровне расширенного контекста, обеспечивающего дистантные связи и отношения ключевых лексем, а также учета имплицитных звеньев и дискурсивно-коннотативной информации, закодированной автором в тексте.

Л и т е р а т у р а

1. *Алефиренко Н.Ф.* Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГПУ. 2011, № 1 (23).
2. *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. Казань, 1915.
3. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные работы по общему языкознанию. Т. I–II. М., 1963.
4. *Бондарев Ю., Ларионов А.* В наши дни окаянные (к 125-летию со д.р. И.А. Бунина // Слово. 1994, № 9-10.
5. *Гей Н.К.* Художественность литературы. Поэтика. Стил. М., 1975.
6. *Слесарева И.П.* «Ближние» и «дальние» синтагматические связи слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДНОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация

Статья посвящена аспекту параметризации и рассмотрения семантической сферы «Природа» в индивидуально-авторской картине мира. Работа опирается на постулаты Казанской лингвистической школы об

ассоциативной природе языка и речевой деятельности, парадигматических и синтагматических связях в системе языка.

**COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT OF THE STUDY
OF NATURAL LANGUAGE**

L.A. Usmanova

Keywords: associative links, semantic field, paradigmatic, syntagmatic

Abstract

The article is devoted to an aspect of the parameterization and consider semantic spheres of "Nature" in the author's individual world view. The work is based on the postulates of Kazan linguistic school on the associative nature of language and speech activity, paradigmatic and syntagmatic relations in the language system.

**Однородные члены предложения
в системе русских народных загадок
как способ репрезентации категории градуирования
(на примере загадок, посвященных описанию
небесной сферы)**

© кандидат филологических наук Н.И. Федорова (Россия), 2013

Ключевые слова: однородные члены предложения,
загадка, градуирование

Жанры устного народного творчества строятся по определенной системе и по определенному регламенту. Так, для лексики характерно употребление постоянных эпитетов: красна девица, чисто поле, добр молодец и т. д. Регламент прослеживается и в синтаксическом строе: в текстах преобладают простые предложения, иногда с однородными членами. Если анализировать некоторую совокупность предложений, то возможно проследить синтаксический параллелизм конструкций.

Однако стоит отметить, что приведенные выше типичные особенности претерпевают некоторые изменения, функционируя в том или ином жанре. Так, в жанре загадки простые предложения встречаются довольно часто: *Синенька шубенка покрыла весь мир (небо)* [Садовников 1959: 209], *Красная девица по небу ходит (солнце)* [Садовников 1959: 209]. Часто в составе простых предложений встречаем однородные члены: *Меня бьют, колотят, ворочают, режут (земля)* [Садовников 1959: 209], *Под небом дочечка не сохнет, не мокнет, не куржавеет (язык и зубы)* [Садовников 1959: 203].

На наш взгляд, наличие рядов однородных членов служит не только расширению диапазона объектов или субъектов действия, но и реализует прием градации. Причем, если традиционно градация направлена на увеличение или уменьшение описываемого явления, то в загадке данная градация доводится до абсолюта. В данном случае мы понимаем под абсолютом либо необъятность некоторого пространства, либо невозможность продуктивного выполнения действия кем-либо, что не предполагается априори понятием градация.

Таким образом, градация в системе народных загадок получает несколько модифицированное значение, указывающее не на развитие описываемого явления, а описание его до крайней степени развития.

На наш взгляд, данная абсолютизация, несомненно, связана с психологией градуирования, характерной для каждой нации на любом периоде ее развития, так как процесс приведения ряда явлений в упорядочен-

ную систему в соответствии с некоторой шкалой является неотъемлемой частью отражения представлений об окружающем мире. Стремление языка к упорядочению составляющих его частей подчеркивает его системность и стройность: «Лингвистика – наука гуманитарная, но точная: язык не может быть беспорядочным скоплением единиц и множеств, иначе он не был бы столь совершенен» [Всеволодова 2009:76].

Согласно Э. Сепиру, «градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету. Суждения типа “А больше, чем В” или “Этот бидон содержит больше молока, чем тот” делаются задолго до того, как становятся возможными такие заключения, как, например, “А вдвое больше, чем В”, “Объем А – 25 куб. футов, объем В – 20 куб. футов, следовательно, А больше, чем В, на 5 куб. футов”» [Сепир 1985: 43].

В работе Э. Сепира затрагивается вопрос о начальной точке отсчета шкалы, ее промежуточной части, а также относительный характер оценки того или иного качества или количества описываемого явления.

В загадках относительность теряется, так как способ передачи информации производится эксплицитно с применением образности, известной обывателям: *Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица – веретеница; Никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красна девица (солнце)* [Садовников 1959, 210], *Рассыпался горох по сту дорог; никто его не сберет: ни царь, ни царица, ни красна девица, ни бела-рыбница (небо и звезды)* [Садовников 1959, 213].

Особого внимания при рассмотрении вопроса градуирования заслуживают особенности реализации самой шкалы. Так, если в обычной речи чаще используются сравнительные формы слов либо определенные квантификаторы, то для загадок характерны превосходные формы. Превосходные формы употребляются при описании различных сфер: ментальной (*Что на свете всего быстрее? Мысль* [Садовников 1959: 209], *Что милее на свете? Солнце* [Садовников 1959: 209], *Что краше света белого? Солнце* [Садовников 1959: 209]).

Заметим, что превосходная степень, или суперлатив, может использоваться как эксплицитно (см. приведенные выше примеры), так и имплицитно, причем имплицитное употребление реализуется посредством указания на невозможность выполнения какого-либо действия любым всеми субъектами. Иногда возможно приведение превосходной степени и без обращения к отрицанию: *Катилась кадушка, золотая кружка, через царя, через царицу, через красну девицу (солнце)* [Садовников 1959: 210]. В данном случае ряд однородных членов демонстрирует широту объятости пространства, вернее, необъятность описываемого пространства.

Рассмотрим следующие загадки о небе и звездах: *Рассыпался горох, никому не собрать: ни дьякам, ни попам, ни серебряникам, один бог соберет, в коробеечку складет (небо и звезды)* [Садовников 1959: 213], *Рассыпался ковер по всем городам, по всем пригородам. Никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам (небо и звезды)* [Садовников 1959: 214], где в качестве характерного признака загадываемого объекта предъявляется его большое количество. Заметим, что значение «много» передается имплицитным образом: первоначально говорится о нежелательном появлении большого количества определенного предмета, затем о невозможности его вернуть в «исходное положение». И только потом слушателю в качестве причины невозможности выполнения действия приводится количественная характеристика предмета. Более того, отрицательное местоимение *никто* получает в загадке своего рода пояснение, так как за местоимением следует ряд однородных членов, реализующий своей совокупностью градацию как прогрессирующую, так и регрессирующую. Обращение к градации и есть, на наш взгляд, реализация градуирования, попытка дать количественную характеристику наблюдаемого объекта. Более того, данная количественная характеристика находится не в середине количественной шкалы, а стремится к ее максимуму либо уже указывает на него.

Возможно, данное указание свидетельствует о некотором числовом максимуме, так как, во-первых, обывателям на момент создания данного рода загадок (загадки о природных явлениях считаются самыми древними и заключаются в себе следы охотничьего и пастушечьего быта) не были известны числа больших значений; во-вторых, не приводится сравнений количества звезд с количеством какого-либо иного предмета с целью выявления численного превосходства. Данное утверждение позволяет внести понятие относительности, но не оценочного либо личностного характера, а временного.

Следующей особенностью градуирования в системе народных загадок является распространенность приведенных выше имплицитных форм, так как по своей природе загадка представляет собой иносказательное описание некоторого предмета, а точнее, наиболее характерных его особенностей, служащих своеобразными сигнальщиками для определения искомого явления. Соответственно, указание на максимальное количество загадываемого предмета посредством приведения ряда однородных членов характерно для жанра загадки и, наоборот, приведение ряда однородных членов предложения, употребленных в загадке, указывает на максимальное (предельное) проявление данного качества или количества описываемого предмета.

В качестве примера приведем загадку, описывающую способность солнца находится в любом месте небосклона, доступном взгляду на-

блюдателя: *Красненька девица ходит по небу (солнце)* [Садовников 1959: 214].

Существенен тот факт, что упомянутые нами ряды однородных членов чаще всего представляют собой уже сложившуюся структуру. Так, часто для указания на невозможность действия приводятся следующие субъекты: царь, царица, красна девица. Данная последовательность субъектов представляет собой оппозицию, причем также крайнюю, основанную на социальном статусе субъектов. *Царь, царица* представляют максимум данной шкалы, а *красна девица* – минимальное значение, что вновь актуализирует представления о психологическом принципе градуирования, в основе которого находится представление о социальном статусе жителей определенного государства на данный момент его развития. Причем субъект, обозначающий максимум, представлен способным осуществить любое действие, за исключением описываемого в загадке, что, возможно, с точки зрения обывателя, явственнее доказывает невозможность осуществления действия, представленную при помощи отрицательного местоимения.

В некоторых загадках встречаем продолжение упомянутого ряда однородных членов: *Рассыпался стакан по все городам; никто его не сберет: ни царь, ни царица, ни красна девица, ни брат, ни сестра* [Садовников 1959, 214], *Рассыпался стакан по все городам; Всяк ему дивится: и царь, и царица, и красна девица, и добрый молодец* [Садовников 1959: 215].

Продолжение ряда однородных членов также строится на оппозиции, но уже имеющей в основе гендерный признак: *брат-сестра, девица-молодец*. В данном случае перед нами вновь шкала, но не подразумевающая, кроме полярных элементов, никаких других составляющих. Более того, в данном случае термин полярность наиболее уместен, так как не представляется возможным выявить максимум или минимум шкалы.

Следующим характерным для загадок является ряд однородных членов, представляющих служителей церкви: *Рассыпался собор на двенадцати сторон; Никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам, ни грамотным людям, ни нам, дуракам*. [Садовников 1959: 214], *Рассыпался туман, что не собрать ни дьякам, ни пономарям* [Садовников 1959: 214].

Данная оппозиция построена на основе знаний об иерархии должностей служителей церкви. Однако представленные лексемы (*поп, дьяк*) не указывают на самые высокие чины в иерархии должностей. С другой стороны, обывателю наиболее властным и наиболее приближенным является именно поп. И тогда мы имеем наличие относительного максимума согласно восприятию обывателя, но отсутствие указания на

максимум согласно религиозному представлению. Следующая оппозиция (*грамотный человек – дурак*) строится на ментальной особенности субъекта, и вновь представлены ее крайние значения.

Отметим, что стремление к абсолюту характерно для народных загадок. Данная категория реализуется посредством определительного местоимения *весь*: *Во все стреляют, все убивают, а меня не убьют (земля)* [Садовников 1959, 209]; *Синенька шубенка покрыла весь мир (небо)* [Садовников 1959, 209].

Абсолютность определенного действия передается и сложноподчиненным предложением с придаточным уступительным, предполагающим своей семантикой невозможность продуктивного выполнения данного действия вопреки многократным попыткам его осуществления: *Сито вито, кругловито; Кто ни взглянет – тот заплачет (солнце)* [Садовников 1959: 209]. Смысл приведенной загадки можно передать иными словами: любой, кто взглянет на объект, непременно заплачет. Данная трансформация предложения позволяет утверждать, что действие субъекта распространяется на любого, то есть на всех.

В качестве квантификатора выступает и наречие всегда: *Что всегда ходит, а с места не сходит? (солнце)* [Садовников 1959: 209]. Данная формулировка в качестве основного признака выдвигает постоянство выполнения некоторого действия, что также указывает на максимальное проявление описываемого признака. В то же время вторая часть загадки подчеркивает отсутствие некоторого действия, являющегося логичным следствием первого. Причем, в данном случае со второй частью гармонично соотносится квантификатор *никогда*, что вновь актуализирует шкалу градуирования, основанную на частотности выполнения действия.

Приведенные выше шкалы градуирования, зафиксированные в народных загадках, указывают на попытки обывателя отметить максимумы и минимумы определенных плоскостей измерения. Причем, не имея определенных знаний, обыватель предлагает собственные, наивные, крайние «пометы» шкал, чего нельзя встретить в восприятии современного человека, имеющем согласно современной науке бесконечное множество положительных и отрицательных чисел, а также многих других шкал.

Л и т е р а т у р а

1. Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009, № 3.
2. Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М., 1959.
3. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике, выпуск 16, лингвистическая прагматика. М., 1985.

**ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В СИСТЕМЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК
КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ГРАДУИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАГАДОК, ПОСВЯЩЕННЫХ
ОПИСАНИЮ НЕБЕСНОЙ СФЕРЫ)**

Аннотация

В статье рассматривается реализации категории градуирования в системе русских народных загадок посредством анализа однородных членов предложения.

**HOMOGENEOUS PARTS OF THE SENTENCE IN RUSSIAN FOLK RIDDLES
AS A WAY OF REPRESENTING GRADUATION
Naylya Fedorova**

Keywords: homogeneous parts of the sentence, riddle, grading judgements

Abstract

The author describes the way graduation are represented in the Russian folk riddles by analyzing homogeneous parts of the sentence.

Проблемы описания русских отрицательных наречий

© А.А. Хазанова (Россия), 2013

Ключевые слова: отрицание, отрицательные наречия, морфосинтаксическая классификация, отрицательный формант, семантическая классификация

Распространение русского языка в мире, расширение рамок его изучения в качестве иностранного предполагает решение множества проблем, связанных с методикой его преподавания. Одной из актуальных в данном русле является проблема выражения категории отрицания, сложность которой проявляется в соотношении плана содержания и плана выражения, а точнее, структуры предложения и его значения. Отрицание – «одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых, смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые элементы» [Ярцева 2000: 354]. Из этого определения следует, что отрицание является универсальной лингвистической категорией, отраженной в языке и в речи, поскольку она находит выражение во всех языках мира.

Отрицание в русском языке выражается с помощью огромного количества средств различных языковых уровней, и потому, учитывая специфику данной категории, необходимо уделять ей достаточно большое внимание в иностранной аудитории. Отрицание в речи передается за счет лексико-грамматических средств и интонации, однако не всегда внешнее отрицание в предложении соответствует отрицательному значению. Нередко говорящий может с помощью отрицания выразить свое согласие с собеседником, которое будет нести положительный оттенок. Сравним предложения:

(1) – Маша постриглась. Новая стрижка ей идёт.

– **Не говори**¹! (= *И не говори!*)

(2) – Маша постриглась. Новая стрижка ей идёт.

– **Не скажи**²!

Внешне (на взгляд инофона) кажется, что предложения эти абсолютно одинаковые по смыслу, но только использованы глаголы разного вида. Однако в примере (1) говорящий соглашается с собеседником, а во (2) – высказывает свое категорическое несогласие с данным фактом. Добавок сильно сказывается влияние интонации.

Корректное выражение отрицания на русском языке, в частности использование отрицательных наречий, зачастую вызывает трудности у иностранных учащихся, приводящие к ошибкам типа **Мария никогда была в Париже* (вместо *Мария никогда не была в Париже*). Сложности возникают и при определении места отрицания в предложении **Петя не совершенно хотел обидеть Васю* (вместо *Петя совершенно не хотел обидеть Васю*). Иногда отрицательная частица *не* может стоять как перед наречием, так и после него, однако при этом выражаются разные смыслы. Сравним следующие высказывания:

- (3) а) Это *совсем не* так!
б) Это *не совсем* так!
(4) а) Костя мне *очень не* нравится!
б) Костя мне *не очень* нравится!

В приведенных выше примерах конструкция «наречие + не» передает более высокую степень несоответствия ожиданиям говорящего, а «не + наречие» – менее высокую. Однако не все наречия в русском языке обладают такими возможностями, ср., например, следующие пары предложений, первое из которых вполне корректно, а второе в литературном языке не отмечено:

- (5) а) Это *вовсе не* так!
б) *Это *не вовсе* так!
(6) а) Что-то Юрий Николаевич сегодня *крайне* раздражен.
б) *Юрий Николаевич *крайне* умный человек.
(7) а) Ира *далеко не* так талантлива, какую хочет казаться.
б) *Ира *не далеко* так талантлива, какую хочет казаться.
(8) а) Алёна живёт *недалеко* от тебя.
б) *Алёна живёт *далеко не* от тебя.

Предложение (6а) чисто на формальном уровне не содержит отрицания, однако нетрудно заметить, что наречие *крайне* не сочетается со словами положительной семантики: см. пример (6б). В примерах (7) и (8) место частицы *не* определяется в зависимости от лексико-семантического варианта (ЛСВ) отрицаемого наречия. Наречие *далеко* реализуется как минимум тремя ЛСВ: *далеко*₁ ‘на большом расстоянии’, *далеко*₂ ‘нескоро’ и *далеко*₃ ‘совсем не, вовсе не’, которое употребляется всегда с отрицанием.

Русские отрицательные наречия представляют собой не хаотический набор лексем, а определенным образом организованное и упорядоченное множество, которое может быть представлено в виде структурированной системы бинарных оппозиций. Это достаточно обширная группа слов с разными формальными, семантическими и синтаксическими характеристиками, которые входят в состав функционально-семантического поля отрицания, выражающегося лексическими, грам-

матическими, словообразовательными и интонационными средствами языка.

Морфосинтаксическая классификация (система) отрицательных наречий строится на основании формальных характеристик наречий, в основе которых лежит принцип наличия / отсутствия у наречия отрицательного форманта (как правило, префикса).

Формант по происхождению может быть либо предлогом (без/бес – *бездарно, безмерно, безвозмездно, безошлинно, бесполезно, беспочвенно*; вне – *внештатно, внезаконно, внеочередно, внеурочно*; дис – *дисгармонично, дез – дезорганизованно*), либо частицей (не/ни – *некуда, нечасто, неплохо, никуда, нимало*).

Отдельного упоминания заслуживает наречие **вничью**, которое по способу выражения отрицания отличается от всей системы своим особым, «внутренним» отрицанием. Дело в том, что отрицание бывает разного уровня, и помимо собственно наречного отрицания есть еще и местоименное. Лексема **вничью** является дериватом отрицательного местоимения *ничья* (н.ф. – *ничей*), которое в свою очередь образовалось от вопросительного местоимения *чья* (н.ф. – *чей*) с помощью приставочного (префиксального) способа образования.

К отрицательным наречиям с формально отсутствующим формантом отрицания перед собой, однако «требующим» такого форманта у следующего за ними распространяемого компонента, относятся, в частности, такие лексемы, как *абсолютно (не), вовсе (не), отнюдь (не), отроду (не), совершенно (не), совсем (не), сроду (не)*, а также *вечно*, выражающее модус отрицания.

Отрицательные наречия могут быть с одним (*неодобрительно, беззвучно*) или с двумя формантами (*небеспредельно, безграницно*). Сам формант при этом может быть как собственно (исконно) русским (не/ни или без/бес – *нерадостно, ниотчего, безмолвно, бессонно*), так и иноязычным (а/анти/дис/дез/ир/у – *алогично, антиполитично, дисгармонично, дезорганизовано, ирреально, утопически*). В свою очередь последние делятся на форманты латинского и греческого происхождения.

Для морфосинтаксической классификации (системы) важно также учесть, что одни отрицательные наречия способны употребляться вообще без форманта (*внезаконно – законно, аморально – морально, беззастенчиво – застенчиво*), другие – нет или очень редко (*внезапно – *запно, ненастно – *настно, утопично – *топично*). Важно отметить, что именно такие лексемы, как *ненастно, беспечно*, которые сами по себе без форманта в языке не функционируют, представляют особый интерес

в лингвистике, поскольку не всегда ясно, какую нагрузку несет в себе формант у таких единиц языка. Любопытно, что в русском языке есть слова типа *медленно* – *немедленно*, которые полностью различны в значениях и не являются собственно антонимами. Ср.: *Игорь медленно подошел к столу.* – **Игорь немедленно подошёл к столу;* «*Немедленно говори правду!*» – *отец сурово обратился к сыну.* – «**Медленно говори правду!*» – *отец сурово обратился к сыну.*

Этимологический анализ позволяет выявить систему значений таких наречий. В некоторых случаях, однако, такой анализ весьма приблизителен и неточен.

На примере наречия *беспечно* можно с уверенностью утверждать, что здесь семантика отслеживается достаточно точно. На морфемном уровне прекрасно просматривается корень *-печ-*, который, по сути, является тем же корнем, что и в русском существительном и глаголе *печь*, и отрицательный формант (префикс) *бес-*. В соответствии с дефинициями многих толковых словарей, в частности С.И. Ожегова и под ред. Д.Н. Ушакова, наречие *беспечно* в современном русском языке имеет значения ‘беззаботно’, ‘легкомысленно’. Если искать еще родственные слова для этой лексемы, то мы найдем слово *печаль*, которое, так же как и *беспечно*, восходит к древнерусскому слову *пека* (ср. опека) ‘жар, зной’. Отсюда и вытекает, что *беспечно* – это ‘то, что не жжет’, ‘не доставляет заботы’.

Лексема *нельзя* исконно является древнеславянским словом и в настоящее время используется в значении ‘невозможно’, ‘не следует’. Изначально это слово представляло собой сочетание отрицания *не* с существительным *льга* ‘свобода’ в форме дательного падежа единственного числа. Перед гласным переднего ряда **ѣ** заднебный звук *g* изменился в *z* (ср. нога – нозѣ – укр. нозі). В болгарском языке сохранилась форма именительного падежа *льга* ‘можно’ > ‘свобода’ и *нельзя* ‘нельзя’ (ср. также польск. *lza* (*nie*lza) и чешск. *lze* ‘легко’, ‘возможно’).

Учитывая этимологию, в рамках нашей темы можно рассматривать наречия *утопически* / *утопично*, у которых на морфонологическом уровне можно обозначить корень – *топ* – (от греч. *topos* – ‘место’) и отрицательный префикс *у-* (от греч. *и* – ‘не, нет’). Само наречие является производным от существительного *утопия* (дословно ‘место, которого нет’), обозначающего ‘нечто несбыточное, фантастическое’. Можно в связи с этим вспомнить знаменитый фантастический роман Томаса Мора «Золотая книга о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», опубликованный в 1516 году.

Семантическая классификация (система) отрицательных наречий учитывает их содержательную сторону, включающую объективные и субъективные смыслы (о систематизации утвердительных наречий см. [Панков 2008]). Составление такой классификации необходимо, поскольку она помогает выявить механизм функционирования изучаемых лексем.

Все наречия данной категории могут быть разделены на два больших класса – знаменательные и местоименные. И те, и другие делятся на диктальные (полнознаменательные) наречия, которые играют самостоятельную роль в структуре предложения, и строевые (неполнознаменательные), осложняющие структуру предложения дополнительными смыслами.

Диктальные (полнознаменательные) наречия включают в себя характеристизационные и логические, которые в свою очередь также делятся на более конкретные подмножества.

Характеризационные наречия подразделяются на наречия образа действия (*вничью, безграмотно, небыстро*), стальные наречия (*нерадостно, нежарко*) и наречия аксиологической оценки (*нерационально, безобразно, небызынтересно*), наречия оценки количества признака (*абсолютно, немного, далеко не*) и оценки качества действия (*неуклюже, некрасиво*).

Среди логических наречий выделяются временные (*недавно, неожиданно, незадолго*) и пространственные (*некуда, неподалёку, нигде*), целевые (*бесцельно, непреднамеренно, неумышленно*) и причинные (*беспричинно, поневоле, недаром*) лексемы.

Строевые (неполнознаменательные) наречия делятся на два подкласса: модальные модификаторы (*необходимо, нельзя, невозможно, нежелательно, необязательно, не нужно*) и наречия персуазивности, выражающие ту или иную степень уверенности/неуверенности говорящего в истинности сообщаемого (*безусловно, неоспоримо, неверно, неправильно*).

Интересно заметить, что, как правило, все отрицательные наречия независимо от своей синтаксической позиции (присловной, позиции вводного слова и др.) в предложении отмечены главным фразовым ударением (центром ИК): *Нелегко¹ признавать свои ошибки*. Собственно говоря, это объясняется тем, что зачастую в позицию ремы попадают слова, которые семантически отклоняются от нормы.

В практике преподавания русского языка как иностранного также считается сложным употребление отрицательных модальных предикатов, что связано с их различием в семантике в сочетании с глагольным

видом [Рожкова 1986]. Ср.: **Нельзя читать без света** = запрет, субъективная рекомендация говорящего \neq **Здесь нельзя прочитать ни строчки, всё стерлось** = нет объективной возможности, нет условий.

Таким образом, можно говорить о том, что отрицательные наречия отличаются неоднородностью семантических и синтаксических показателей и своей способностью формировать модусные смыслы и функционировать в отрицательных модификациях предложений (об отрицательных модификациях см. [Золотова 1973], [Всеволодова 2000]). В связи с этим отрицательные наречия представляют собой достаточно сложный объект для изучения нерусскими учащимися.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М., 2000.
2. *Золотова Г.А.* Очерки функционального синтаксиса. М. 1973.
3. *Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативная система семантических разрядов наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008, № 4
4. *Рожкова Г.И.* Русский язык в нерусской аудитории. (Спецкурс по основам функциональной морфологии). М., 1986.
5. *Хазанова А.А.* Функционирование отрицательных наречий в русском языке (лингводидактический аспект). М., 2011.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. М., 2000.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РУССКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ

Аннотация

Статья посвящена анализу отрицательных наречий и их функционирования в русском языке. Целью статьи является описание фрагмента языковой системы, связанного с употреблением отрицательных наречий. Автором предложены формальная и семантическая классификации исследуемых единиц.

THE PROBLEMS OF RUSSIAN NEGATIVE VERBS' DESCRIPTION

A.A. Khazanova

Keywords: negation; negative adverbs; morphosyntactic classification; negative formant; semantic classification

Abstract

This article is devoted to the analysis of negative adverbs and their functioning in Russian language. The purpose of the article is the description of a fragment of the language system connected with the usage of negative adverbs. The formal and semantic classifications are offered by the author.

**Русские предложные единицы
со значением противопоставления.
К вопросу о морфосинтаксической парадигме**

© кандидат филологических наук Т.Е. Чаплыгина (Россия), 2013

Ключевые слова: система языка, предлог, предложные единицы, морфосинтаксическая парадигма, синонимико-вариативные ряды

Для лингвиста нет запретных тем, как нет и запретных объектов для изучения. Более того, объективная научная картина невозможна без изучения языка во всех его проявлениях, «только учет всех употребляемых единиц и условий их функционирования позволит представить самую систему языка, понять его структуру и вскрыть механизмы функционирования» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов – в печати]

Понимая безусловную важность и необходимость языковых норм, исследователь, в своем стремлении увидеть все многообразие речевых проявлений, не должен бояться «окунуться» в речевые факты, не всегда признанные словарями, справочниками и грамматиками.

Именно с осознания и проверки практикой этих постулатов, началось участие автора этой статьи в межнациональном проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», идейным вдохновителем и руководителем которого является Майя Владимировна Всеволодова.

То уважительное отношение к любым фактам языка, в какой бы сфере они не были найдены, та скрупулезность, с какой Майя Владимировна вела поиск предложных единиц, являются воплощением «познавательного» отношения к языку, о котором писал А.М. Пешковский еще в начале XX в.: «И не только к целым языкам, но и к отдельным языковым фактам лингвист, как таковой, может относиться в настоящее время только объективно-познавателью. Для него нет в процессе изучения <...> ни “правильного” и “неправильного” в языке, ни “красивого” и “некрасивого”, ни “удачного” и “неудачного” и т. д., и т. д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых» [Пешковский 2010: 4].

Созвучные такому подходу мысли, высказываются и современными лингвистами. Так, В.Е. Голдин пишет о необходимости «сквозного» изучения языка, идущего «от самих языковых и речевых явлений и совершающимся на всем пространстве (материале) русской речи» [Голдин 1991: 61]. Иллюзия «абсолютной автономности и универсальности литературного языка», представление о том, что литературный язык может заменить собой «без ущерба любые другие идиомы русской речи

в их собственных функциях и сферах общения», – по словам автора, – «мешает выработке правильной политики общества по отношению к нелитературной речи и прежде всего – к диалектам...» [Голдин 1991: 59].

О том, что носитель языка, даже нарушая норму, не выходит за рамки системы языка, пишет В.А. Карпов в монографии *Язык как система*: «... вопреки общепринятому мнению о том, что отклонения от нормы не предполагают системы, мы считаем, что в системе заложены возможности и для нормы и для ее нарушения. Норма предполагает конвенционализм на базе высокой употребительности, нарушение лежит в рамках сознательного или бессознательного отступления от конвенций» [Карпов 2009: 49]. А это значит, что, описывая систему языка, необходимо включать в анализ максимальный объем речевых единиц.

Именно привлечение всего собранного языкового материала, включая и его некодифицированную часть, вместе с обращением к другим славянским языкам позволило увидеть системность морфосинтаксической устроенности русских предложных единиц, подойти к пониманию механизмов их функционирования.

«Реестр русских предложных единиц» в двух книгах, вместивший в себя предложные единицы в диапазоне от А до В, помимо кодифицированных предлогов, отмеченных в словарях, подобрал в себя значительное количество предложных единиц (ПЕ), не фиксируемых словарями и грамматиками, но по частотности употребления, если опираться на статистику, выдаваемую поисковыми системами Интернета – иногда до сотен тысяч страниц, отнюдь не являющимися случайными, малоупотребительными. [Всеволодова, Виноградова, Чаплыгина, в печати]

В ходе работы с языковым материалом нередко обнаруживалось, что кодифицированный предлог входит в синонимико-вариативный ряд предлогов, не замеченных словарями. Например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой отмечен **вразрез с чем**: *Действовать **вразрез с инструкцией***, который маркирован «в значении предлога с тв.п.», но за рамками словаря остались: **вразрез кого-чего**: *Результатом разрешения этого спора было вынесение федеральным судом Центрального района г. Кемерово решения, <...> хотя оно было вынесено **вразрез сложившейся ранее судебной практики**. Я понимаю, что иду **вразрез темы**, но хотелось бы слышать талантливых исполнителей и их <...> неплохие песни.; **вразрез кому-чему**: *Агитация и пропаганда **вразрез законодательству**. Но жизнь шла **вразрез его надеждам, уверенности, намерениям** (ЗС 1/03); **вразрез к кому-чему**: *А мы, **вразрез к общему мнению**, заявляем: субъект индивидуален и вправе называть себя богом и идти **вразрез к общепринятым нормам** (Инг.).***

Как показал анализ языкового материала, если предлог **вразрез с чем** участвует в передаче только реляционных отношений (ср. толкование предлога в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: ‘в противоречии с чем-н., не согласуясь с чем-н.’), то другие отмеченные варианты, помимо реляционных отношений, могут передавать и пространственные: *Этикетки печатаются **вразрез наклейки**. Она стояла всего пару минут, а потом, резко развернувшись, пошла **вразрез потоку**, будто маленький и верткий катер шел **вразрез бурлящей реке**. После этого он делает передачу **вразрез к линии штрафной**.* (Инг.). А значит, и речевой потенциал этих единиц выше.

На данном этапе исследования, параллельно с работой над следующими выпусками «Реестра русских предложных единиц», идет осмысление накопленного языкового материала, нацеленное на выявление закономерностей построения, функционирования, особенностей реального речеупотребления ПЕ.

Так, к настоящему моменту найдены синонимико-вариативные ряды разных реализаций базовых ПЕ, выявлены механизмы формирования морфосинтаксической парадигмы, а именно: 1) изменение форм числа базовой ПЕ: *в рамке / в рамках закона*; 2) изменение падежной формы базовой ПЕ: *в ритм / в ритме музыки*; 3) изменение падежной формы припредложного существительного (вариативность управления ПЕ): *во вред дела / во вред делу*; 4) введение дополнительного предложного компонента в состав ПЕ (экспликатора, редупликатора): *в дополнение к приказу / в дополнение с приказом* [Виноградова, Чекалина 2009; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов – в печати]

Такие ряды системны в определенных семантических зонах. Наиболее продуктивными являются зоны реляционных отношений, зона лимитатива – сферы человеческой деятельности, зона пространственной близости.

Так, для семантической зоны реляционных отношений (в широком понимании) системной оказалась парадигма: **предлог + род.п.**, **предлог + дат.п.**, **предлог + к + дат.п.**, **предлог + с + тв.п.** [Виноградова, Чекалина: 2009; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов – в печати].

Более пристальный взгляд на ПЕ зоны реляционных отношений позволил выделить предлоги, служащие для выражения отношений противопоставления, некоторые наблюдения, касающиеся морфосинтаксической устроенности которых мы и представим.

Сразу оговорим, что в данной статье мы анализируем собранный языковой материал пока в диапазоне от А до В. Безусловно, по мере продвижения работы над Реестром в сферу анализа будут включаться новые единицы, последуют уточнения и добавления.

Представим в таблице анализируемые ПЕ со значением противопоставления, указав в каждом случае вариативность форм управляемого существительного.

	чего? р. п.	чему? д.п.	к чему? к +д.п.	с чем? с + тв.п.	другие варианты
в противоречие	+	+	+	+	
в противоречии	+	+	+	+	
в противоположность	+	+	+	+	от чего?
в противоположность	-	+	+	+	
в противовес	+	+	+	+	
в противовесе	-	+	-	-	
в противоход	+	+	+	+	от чего?
в противоходе	+	-	+	+	
в противопоставление	-	+	+	+	
в противопоставлении	-	+	+	+	
в противостоянии	-	-	+	+	
в противоположение	+	+	+	+	
в противоположении	-	+	+	+	
в противность	+	+	+	+	
впротивность	+	+	-	-	
впротив	+	+	-	-	
впротиву	+	+	-	-	
впротивь	-	+	-	-	
впротивку	-	+	-	-	
впротивку	-	+	-	-	
впоперёк	+	+	+	+	
вперекор	+	+	+	+	на вперекор
в разрез	+	+	+	+	
вразрез	+	+	+	+	
в разрезе	-	-	-	+	
в оппозицию	+	+	+	+	
в оппозиции	+	+	+	+	
в контраст	+	+	+	+	
в контрасте	-	-	+	+	
в пику	+	+	+	+	
впику	+	+	+	+	
визави	-	-	-	+	
версус	-	-	-	-	что версус что, что

					версус чего, что версус чем
--	--	--	--	--	-----------------------------------

Как оказалось, среди описываемых ПЕ есть:

а) единицы, для которых значение противопоставления является единственным: **в противоречие, в противовес, в противоположность, в противопоставление, в противоположение / в противоположении, в противность, впротиву, впротивь, впротивку / в противку, в оппозицию/в оппозиции, в контраст, версус.**

б) единицы, у которых значение противопоставления является только одним из возможных значений. **В противоход, впротив, вперекор, впоперёк, вразрез, визави** используется также для выражения пространственных отношений: *Традиционно промывали горячей водой под напором в противоход циркуляции. Здесь мой koh-i-poor, в Будейовицах, впротив моего пансиона я топил горе в пиве. Вперекор течению плыть тяжело (В. Даль. Инт.). Мой собственный ребенок такое выделяет в кровати ночью: я его нахожу то ногами на подуш-ке, то впоперек кровати, то скатившимся на пол <...> . Она стояла всего пару минут, а потом, резко развернувшись, пошла вразрез потоку, будто маленький и верткий катер шел вразрез бурлящей реке. (Здесь и гремевшая на весь Петербург Никольская городская психушка, здесь и расположенная визави Никольской городская психушке родная автору этих строк 235 средняя школа,<...> здесь и расположенный визави Дому Сказки ничем не примечательный безликий доходный дом <...>. (М. Метс. Инт.).*

ПЕ в пику/впику помимо отношений противопоставления: **Впику мыслей** Никиты о «странностях этого мероприятия», нашему агентству показалось странным, что все как-то уж очень хорошо. может выражать целевые отношения: *Делать что-то впику США – это что признак мудрости? Акция проводится впику компаниям, утверждающим обратное (Инт.).* = назло, чтобы досадить.

Необходимо отметить, что в текстах встречается не только предложное употребление рассматриваемых единиц. Ср.: **в противостоянии к** кому-чему в предложной функции: *Наряду с прагматизмом и в противостоянии к нему в философии XX в. сложилось <...> международное течение, которое в самом общем виде можно характеризовать как... Несмотря на повышенный уровень склонности к риску, валюта Японии осталась востребована как убежище и в противостоянии к доллару зафиксировала уверенное укрепление, и не являющиеся предложными единицами: "ВЫБОР" – ежегодная премия за гражданское мужество в противостоянии преступности. = премия за то, что мужественно противостоят преступности; Новые стратегии в противо-*

стоянии пиратству у берегов Сомали.= стратегии в том, как противостоять пиратству; ПЕ в **противостоянии** с кем-чем: *Все это время городская дума работала в жестком противостоянии с главой городской администрации* (ТВ). Основная интрига седьмой книги заключалась в том, кто из главных героев выживет **в противостоянии друг с другом** (Инт.). и описательный предикат **оказаться в противостоянии** с кем-чем: *Планета Нибиру оказалась в тесном противостоянии с Землей* (Э/Л). = противостояла Земле)

Анализ показал, что ПЕ может участвовать в выражении определенных отношений, противопоставления в нашем случае, не всем синонимико-вариативным рядом реализаций, а только отдельными его членами, т. е. семантический потенциал членов одного синонимико-вариативного ряда реализаций базового предлога может отличаться.

Так, ПЕ в **разрез** чего, в **разрез** чему, в **разрез** к чему могут использоваться и в зоне пространственных и в зоне реляционных отношений, но в **разрез** с чем (как и его вариант в **разрезе** с чем, который отмечен только в сочетании с экспликатором с в постпозиции) «работает» только в зоне реляционных отношений: *"Газпром" пошел вразрез с рынком. Тех, кто выступил в разрез с идеями нашего синдиката, мы высылает из Чили. И как же, однако, высокопарен русский язык, в разрез с сухой лаконичностью английского. ...пост первого замминистра является политической должностью, а занятие его непосредственно после кресла начальника генштаба находится в разрезе с принципами гражданского контроля армии* (Инт.).

При том, что основным значением предлога **визави** чего/чему/к чему/с чем является пространственное: *Визави дома строители завершают сооружение двух ненастоящих озер. <...> присела и в свой черед распахнула ручки визави мальчику. А в центральном его здании, расположенном визави к Кремлю, разместить, кроме отелей, офисов и прочего, элитный медцентр <...>. Кай протиснулся к упомянутому кактусу и устроился визави с довольно симпатичным типом, на губах которого плавала мечтательная улыбка.* (Б. Иванов, Ю. Щербатых. Инт.), у варианта **визави** с кем-чем было отмечено и значение противопоставления: *... на протяжении трех вечеров он оказался визави с пороками общества и своими собственными? Я отчетливо осознал, что я очнулся от любовного ослепления и снова оказался визави с холоднотейтральным миром* (Инт.). В зоне реляционных отношений "работает" только один член морфосинтаксической парадигмы предлога **визави** чего/чему/к чему с чем.

Остановимся на особенностях формирования синонимико-вариативных рядов структурно различных реализаций базовой единицы рассматриваемых ПЕ.

Анализ собранного языкового материала показал, что вариативность формы числа базовой единицы (ср.: *в вопросе – в вопросах*) в данной группе ПЕ не отмечена.

Что касается морфосинтаксической устроенности описываемых единиц, то были отмечены сложные ПЕ с препозицией немотивированного предлога **в**:

а) отыменные разнокорневые, строящиеся по модели «**противо- + отглагольное существительное**»:

– с разделным написанием препозитивного предлога: **в противоречие / в противоречии, в противовес / в противовесе, в противоход / в противоходе, в противопоставление / в противопоставлении, в противоположение / в противоположении, в противостоянии**: *Обжалуемые требование и решение налогового органа вынесены в противоречие норм налогового законодательства. Правительство намерено перейти на режим субсидирования процентных ставок в противовес используемого ранее механизма субсидирования отраслей экономики. <...> по-новому смотреть на проблему вынужденных переселенцев и бездомных, в противоход существующей ныне доктрины общественного мнения. Этот стиль сценического танца был создан еще в начале 20 века, в противопоставление балету. Философское направление, считающее, в противоположение материалистическому монизму, что в основе мира и его явлений лежит несколько начал (Инт.);*

– с вариативным написанием препозитивного предлога (слитно – раздельно): **В противоположность** сказанного Кисой Воробьяниновым – *торг здесь уместен. Впротивоположность Ницше "Леонтьев-антрополог никогда не писал о человеке "вообще" (Инт.);*

б) отыменные однокорневые

– со слитным написанием препозитивного предлога: **впротив, впротиву, впротивь**: *...а все мужчины любят кого-то завоевывать, поэтому – загадочность и интерес – твои козыри впротив потенциальной соперницы. Правда, тут же философ бросается в другую крайность <...> чрезмерно уповая на естественность впротиву неестественности христианской аскезы. Тени великих интеллектуалов мира сего возносились впротивь солнцу (Инт.);*

– с вариативным написанием препозитивного предлога: **в противность – впротивность**: *На совете, в противность мнения стариков – Кутузова и князя Шварцберга, было решено немедленно наступать [Л. Толстой. НКРЯ. 1867–1869]. Прозоровскому послан был указ расследовать, не печатает ли Новиков, впротивность закону, книга церковной печати (Новиков Николай Иванович. Творчество и биография. Инт.); в противку – впротивку: Христос один, но две сущно-*

сти (в **противку монофизитам**, ну а в дальнейшем и монофелитам), по этому поводу был 4 и 6 Вселенский... (Инт.). Не все по шерсти, ино и **впротивку** (Даль. Инт.).

в) предлоги **впоперёк**, **вперекор** со слитным написанием препозитивного предлога: "Все ведет к тому, – пишет Гоголь, – чтобы мы крепче, чем когда-либо прежде, ухватясь за крест, плыли **впоперёк скорбей**" (Мочульский. Инт.)/ Но желание сэкономить топливо не стало **впоперёк комфорту**: в автомобилях есть мультимедийно-развлекательный центр с аудиосистемой <...>. Пои, ямицк, **вперекор этой ночи**, – Хочешь, сам я тебе подпою... (Есенин. Инт.). Для успешной политики часто необходимо идти **вперекор своим принципам** (Инт.)/

г) отыменные разнокорневые

– с вариативным написанием препозитивного предлога: **в разрез / вразрез, в пику / впику**: Результатом разрешения этого спора было вынесение федеральным судом Центрального района г. Кемерово решения, <...> хотя оно было вынесено **вразрез сложившейся ранее судебной практики**. Я разглядывал балашовский дом, теперь уже – **вразрез деревенской традиции** обращаемый фасадом к озеру, а не к улице (НВ). ...радио "Станция" решила устроить свой рейв **в пику** ежегодной, раскрученной и ожидаемой московской молодежью "**Орбите**". **В пику воинственному Бушу** мир голосует за Керри. **Впику** оживления фондового рынка накопленный опыт позволил освоить самые сложные проекты по выпуску производных ценных бумаг <...>. А пытаться воспитать в любом человеке независимость, когда это идет **впику характера**, мне кажется опасная затея (Инт.)/

– с раздельным написанием препозитивного предлога: **в оппозицию / в оппозиции, в контраст/в контрасте**: Он полагает, что Союз правых сил может растерять голоса, если выступит **в оппозиции Путину** [НКРЯ. 2003]. ...уход **в оппозицию федеральным властям** после августа 1991 г. Новое **в контраст старого**. **В контраст великолепию** церкви St. Peter's – крошечная бывшая баптистская церковь (ныне переоборудованная под офисы) выглядит очень скромно. Но тот же жёлтый цвет **в контрасте с тёмными тонами** несет в себе нечто лучезарно радостное (Инт.)/

Для предложных единиц со значением противопоставления характерна вариативность форм винительного и предложного падежа базовой ПЕ, а именно модели «в + вин. п.» и «в + предл. п.»:

– **в противоречие – в противоречии**: Администрация города Нефтекамска действует **в противоречие** политики Президента и правительства Российской Федерации. – В данной ситуации водитель Газели действовал **в противоречии правил** дорожного движения РФ;

– **в противовес** – **в противовесе**: **В противовес средневековым догмам в философии возникло новое течение** – гуманизм. – Автопроизводители **в противовесе закону о такси** (Инт.);

– **в противоход** – **в противоходе**: ... по-новому смотреть на проблему вынужденных переселенцев и бездомных, **в противоход существующей ныне доктрины общественного мнения**. – Давайте вместе попробуем разобраться, почему профсоюзная деятельность сегодня, по сути, идет **в противоходе социального тренда** (Инт.);

– **в противопоставление** – **в противопоставлении**: **В противопоставление Пушкину**. – В народном сознании брюки символизировали "нечистый" низ **в противопоставлении "чистому" верху** (Инт.);

– **в противоположение** – **в противоположении**: Слово **факт в противоположение праву** иногда употребляется юристами по отношению к обстоятельствам... – Неолиберализм **в противоположении социал-демократии** (Инт.);

– **в оппозицию** – **в оппозиции**: **Переход буржуазии в оппозицию правительству**. – На протяжении многих лет Шарадзе находился **в оппозиции правительству**, но никакой политической силы не представлял (Инт.).

Анализ языкового материала показал, что **в контрасте** и **в разрезе** отмечаются только в вариантах с постпозитивными предложениями-экспликаторами: **в контрасте к кому-чему/с кем-чем**, **в разрезе с кем-чем**. Поэтому пары **в контраст - в контрасте**, **в разрез - в разрезе** отмечены только в таком варианте: *Полотно подвесного потолка можно **подобрать** как в тон, так и **в контраст к основному интерьеру***. – Яркий цвет, действительно, работает на рекламу, на улучшение ее видимости, но только в том случае, когда выступает **в контрасте к цвету фона**; **В контраст с тобой** он ни с кем не спорил. – **В контрасте с нашими ожиданиями**, нас никто не встречал. Подросток начинает дерзить, кричать, его поведение нарочно идет **вразрез с родительскими требованиями** (ТН). – Правоприменение не может осуществляться **в разрезе с принципами** данного вида судопроизводства, такими как законность, обоснованность, справедливость и др. (Инт.).

Анализ собранного языкового материала показал, что ПЕ со значением противопоставления в разной степени используют выявленные варианты управления падежной формой припредложного существительного. Если обратиться к представленной выше таблице, то можно увидеть, что управление существительным в форме дат.п. более частотно для ПЕ данной группы, чем управление род.п.

Введение экспликатора в постпозицию приводит к образованию составных предлогов, управляющих дат.п.: «**предлог + к + дат.п.**» или тв.п.: «**предлог + с + тв.п.**».

Составные предлоги с экспликаторами в постпозиции широко представлены при выражении отношений противопоставления.

Исключение составляют предлоги **впротив, впротивь, впротиву, в противку**, которые не отмечены в сочетании с постпозитивными экспликаторами.

Как можно увидеть, четырехчленная парадигма «**предлог + ко-го/кому/к кому/с кем**» отмечена у ПЕ:

– **в противоречие/в противоречии**: *Правительство с самого начала формируют в противоречие закона. Вы тут, извините, живете в противоречии закона от 1125 года; ...в противоречие закону, иным правовым актам. В противоречии закону «О недрах» республиканские власти предоставляли совмещенное право на пользование участками недр; В противоречие к закону туда отправили так же и срочников. ...не должна никоим образом применяться в противоречии к действующему законодательству. ...в противоречие с законом при-роды, ослабляющие волю, эмоциональное и физическое здоровье челове-ка... Где-то оно функционирует в противоречии с законом (Инт.);*

– **в противовес**: *Каких-либо убедительных аргументов в противовес этого тезиса не получено. Страдания даются человеку в противовес счастью (А. Маринина). В противовес к сказанному. А что, разве свободная воля всегда идёт в противовес с божьим замыслом? (Инт.);*

– **в противоход**: *... в противоход существующей ныне доктрины общественного мнения. Вопрос: как долго рынки способны расти в противоход экономике? В противоход к стремлению большинства выступавших поэтов усилить отчетливость и выразительность своего чтения... Сердце работает в противоход с жизненными задачами выросшего человека (Инт.);*

– **в противоположность / впротивоположность**: *Одна только общая воля может управлять силами Государства в противоположность частных интересов. <...> Восточная Европа, где личный автомобиль массово появился относительно недавно, впротивоположность тех же немцев, где личные автомобили появились много раньше нас... В противоположность Гераклиту, Аристотель дает свое решение проблемы, исходя из сформулированных им же основных принципов формальной логики... Впротивоположность минору мажор обла-дает светлой окраской. В противоположность к специальным исто-рическим наукам она хочет дать всеобщую историю... Мапуа, нена-висть родилась впротивоположность к человеколюбию. В противо-положность с античным миром наши современные общества построены на начале деления труда. Доля тех, кто тратит на мобильную*

связь меньше 30 грн./міс, уменьшилась с 16% до 11%, **впротиволожность с 18% до 24%** выросшая группа тех... (Инт.);

– **в противоположение / в противоположении**: Ибо они выдвигали ведь, **в противоположение исторической действительности**, некую систему «понятий» и «правил», здравых понятий и простых правил. **В противоположении такой позиции** выступают взгляды тех исследователей экономического процесса, которые трактуют экономический процесс с точки зрения... **В противоположение малодушию**, отрицающему пространственное воздействие, увидим зоркость достижений, красоту устремлений и величие подвига. Немецкий философ XX века Мартин Хайдеггер считал: «Смысл бытия никогда не может быть поставлен **в противоположение к сущему или к бытию** как опорному «основанию» сущего <...> глупость восходит как бы к самой сердцевине человеческой жизни, а именно к его самоопределению по отношению к Богу, **в противоположении к мудрости**... Папа перечисляет все якобы преимущества Римской Церкви **в противоположение с заблуждениями и еретическими мнениями**... **В противоположении с немецким правом** общественный договор должен быть нотариально заверен... (Инт.);

– **в противность**: Князь, однако ж, вздумал было шуметь, зачем ему **в противность уговора** разрубили ухо [Дурова. НКРЯ. 1835]. Кирилл **в противность Феофану** считал нужным следовать Александрийскому, а не Ватиканскому тексту [Живов.1990]. Меня напрягают, **в противность к мнению** подавляющего большинства народонаселения планеты, воители за грамотность. Есть разум **в противность с пустотой** (Инт.);

– **в разрез / вразрез**: Я живу **в разрез всего**. Твоя фантазия ведет Тебя **вразрез всех мнений**... **В разрез поговорке**, первый блин сегодня не оказался комом. Пост президента шел **вразрез советскому политическому укладу**... Сегодня неоспорим тот факт, что ее мировой имидж шел **в разрез к повальной битломании** конца шестидесятых годов прошлого века. Как-то мои реальные опыты всегда получались **вразрез к киношнолитературным штампам**. Менеджер – **в разрез с образованием**. **Вразрез с нормами** человеческого общежития (Инт.);

– **вперёд**: Но желание сэкономить топливо не стало **вперёд комфорту**: в автомобиле есть мультимедийно-развлекательный центр с аудиосистемой... Во-первых, любовь-то как раз часто идет **вперёд к уважению** <...> это форум, если имеешь мнение, выскажи его, только если оно идет **вперёд с мнением** оппонента, то добавь, что это твоя личная точка зрения (Инт.);

– **вперекор**: И этим двум существам надо быть вместе обязательно **вперекор складываемых обстоятельств** (различный социаль-

ный уровень, биологический, материальный. И мы любили друг друга **вперекор всем законам и правилам**. ...на действии **вперекор к этому мирному договору**, Гитлер и поднялся до вершины власти в Германии, вместе с нацистами. Это был первый раз, когда я из-за любимой пошел **вперекор с мамой**. (Инт.);

– **в контраст**: **Новое в контраст старого**. **В контраст Тине** скромно предложу всего два варианта. Сонность дня **в контраст к бессонной ночи**. Мозаичность соединения образных картин **вступает в контраст с сюжетной упорядоченностью** изображённого... (Инт.);

– **в оппозицию/в оппозиции**: **Переход буржуазии в оппозицию правительства**. На протяжении многих лет Шарадзе находился **в оппозиции правительства**, но никакой политической силы не представлял. Уйдет ли новая Дума **в оппозицию правительству**? Он полагает, что **Союз правых сил может растерять голоса**, если выступит **в оппозиции Путину** [НКРЯ. 2003]. ...духовенство с начала XX в. постепенно становилось **в оппозицию к царской власти**... [НКРЯ. 2003]. [Представители старого боярства] были **в оппозиции к политической линии великого князя** (Л. Гумилев). **В оппозицию с гуманизмом** может вступить даже наука. Как и все грамматические категории, понятие категории определенности реально существует только **в оппозиции с противоположным понятием** (Н. Трубецкой. Инт);

– **в пику / впику**: **В пику принятия** закона высказались некоторые фракции Госдумы. ...когда я, **впику пропаганды** мясоедения выкладываю статьи о вегетарианстве, меня судят и осуждают. **В пику объединению**. В нашем городе в следующую субботу проводится Праздник Семьи **впику тем самым парадам**. Основной признак истинной любви – ее долговечность (**в пику к страсти**, которая быстротечна). **Впику к вчера опубликованной композиции**, версия Фантома «1930». Брюки клеш и юбки «а-ля 70-е» идут **в пику с юбками-макси** и романтическими кружевными блузами. Я про то, что результаты голосования все равно выйдут **впику с результатами опроса** (Инт.).

Трехчленная парадигма «предлог + чему/к чему/с чем» – без варианта «предлог + род.п.» отмечена у ПЕ:

– **в противопоставление/в противопоставлении**: **В противопоставление предыдущему**.... Инвестирование **в противопоставлении Урезаниям**. Спортивные ввели термин «синдром победителя» **в противопоставление к термину** психологи «синдром отличника» в педагогике. ...всеобщая воля выявляется как таковая только **в противопоставлении к индивидуальной воле**. ...черно-белое кино, телевидение, фотографии **в противопоставление с реальным красочным миром**. Стремление к самоутверждению за счёт кого-то, **в противопоставлении с кем-то** (Инт.).

Трехчленной пока представлена парадигма ПЕ **в противоходе** – «**предлог + чего/к чему/с чем**»: *Основные аргументы критики таковы: несмотря на декларированную ФРС цель действовать в «противоходе» делового цикла для смягчения последствий. В силу изобилия природных ресурсов Казахстан оказался как бы в противоходе к общецивилизационной проблеме для любых государств. Мы движемся в противоходе с большей частью мирового сообщества.* (Инт.) Не найденным оказался вариант **в противоходе** чему.

Двухчленная парадигма отмечена в следующих вариантах:

1) «**предлог + чего/чему**»:

– **впротив**: *Впротив всех жуликов и воров. С левого пути сойти, по правой дороге идти, все худое и злое стороной обойти не впротив судьбе да будет по силам мне* (Инт.);

– **впротиву**: *А в собственном сердце впротиву угасающих ангелов рождают отвратительных тварей. Впротиву пятистопному и шестистопному ямбу он противопоставил четырехстопный: неслышанная наглость!!!* (Инт.);

2) «**предлог + к чему/с чем**»:

– **в противостоянии**: *...наши страны, став независимыми, определяют исторические и политические пути, к сожалению, нередко в противостоянии к общему прошлому. Кризис бреттонвудской валютной системы и колебания курса доллара в противостоянии с валютами Европейского Союза* (Инт.);

– **в контрасте**: *Христианская религия, в контрасте к Язычеству, основана на исторических фактах. Но тот же жёлтый цвет в контрасте с тёмными тонами несет в себе нечто лучезарно радостное* (Инт.).

В рассматриваемой группе ПЕ есть и такие, которые управляют только одной формой падежа: **в противовесе кому-чему**: *Автопроизводители в противовесе закону о такси; впротивь* чему: *Тени великих интеллектуалов мира сего возносились впротивь солнцу; впротивку/в противку* чему: *...есть мех.(анизм) саморазрушения в противку меху самосохранения...; визави с кем-чем*: *Тэлли оказался визави с ситуацией, в которой никогда не пожелал бы оказаться снова; в разрезе с кем-чем*: *Правоприменение не может осуществляться в разрезе с принципами данного вида судопроизводства, такими как законность, обоснованность, справедливость и др.* (Инт.).

Как оказалось, у некоторых ПЕ величина синонимико-вариативного ряда реализаций может отличаться при отдельном и слитном написании предлога в препозиции. При слитном написании синонимико-вариативный ряд может уменьшаться. Это отмечается у ПЕ **впротивоположность** (не отмечен вариант управления род.п.), **впро-**

тивность (не представлены варианты с экспликаторами в постпозиции: «предлог + к чему/с чем»).

В ходе анализа языкового материала были отмечены и другие первичные предлоги в составе ПЕ: **в противоположность от** *кого-чего*: **В противоположность от** *сэндвича* бутерброд включает в себя единственный кусок хлеба. **В противоположность от** *длительных диет*, сами по себе разгрузочные дни оказывают положительное влияние на весь организм <...>; **на** *вперекор* *кого/кому*: *А поднять голову, и пойти на вперекор судьбы, И не надо идти на вперекор природе активностью, ещё больше растрачивая свои жизненные силы* (Инт.).

Особое место занимает предлог *кто-что* **версус** *кто-что*. (В текстах может быть представлен графическим вариантом: *кто-что* vs. *кто-что*: *Хонда vs Тойота. Рубль vs доллар vs евро*. (Инт.)) Для этого предлога характерно управление одновременно двумя существительными. Отмечены варианты: *кто-что* **версус** *кто-что* с управлением именами в им. п.: *Как вы думаете будет ли бой Ленокс Льюис версус Виталий Кличко? Муж версус животное. Мама версус сын. Свекровь версус теща; кто-что версус* *кого-чего* с управлением именами в им.п. и род.п.: *Любовь версус секса. Сэр Робсон версус Сэра Фергюссона! кто-что версус кем-чем* с управлением именами в им.п. и тв. п.: *... что касается игры Металлист vs Черноморцем, нужно сказать, что игра получилась очень интересной...* (Инт.).

Таковы некоторые результаты наблюдений над морфосинтаксической устроенностью русских предложных единиц со значением противопоставления.

Л и т е р а т у р а

1. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2: Синонимия и антонимия предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006, № 2.
2. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. (в печати)
3. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 2. Реестр русских предложных единиц. А – В РЯДАХ (кого-чего) (объективная грамматика). (в печати)
4. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 3. Реестр русских предложных единиц. В РЯДУ (чего) – ВЫШИНЫ С(О) (чем) (сколько единиц) (объективная грамматика). (В печати)
5. *Голдин В.Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики. // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.
6. *Карпов В.А.* Язык как система. М., 2009.

7. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. М., 2010.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 1999.

С о к р а щ е н и я

НКРЯ – Национальный корпус русского языка
Инт. – Интернет

РУССКИЕ ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ. К ВОПРОСУ О МОРФОСИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ.

Аннотация

В статье говорится о необходимости анализа не только кодифицированного литературного языка, но и всего русского языка в его целостности. Представлены особенности морфосинтаксической парадигмы русских предложных единиц со значением противопоставления.

RUSSIAN ADVERSATIVE PREPOSITIONAL UNITS. TOWARDS THE QUESTION OF MORPHOSYNTACTIC PARADIGM. T.E. Chaplygina

Keywords: system of a language, preposition, prepositional units, morphosyntactic paradigm, synonymic-variational series

Absrtract

The article deals with the issue of the need to take into account not only the codified literary language, but the Russian language as a whole. Morphosyntactic paradigm of Russian adversative prepositional units are described.

Ситуация внешней причины ошибочного действия в русском и белорусском языках

© кандидат филологических наук И.А. Чепикова (Белоруссия), 2013

Ключевые слова: каузальность, внешняя предметная причина, причинный компонент, следственный компонент, типовая ситуация, маркер каузальности, предлог, союз

В современном языкознании накоплен большой опыт функционально-семантических описаний языка как в теоретико-методологическом отношении, так и в практическом их использовании. Особенно плодотворен функциональный подход в сопоставительных исследованиях языков, поскольку он базируется на признании единства полевой структуры языка в целом, что позволяет учитывать не только оппозиции, но и некоторые неоппозитивные множества.

При сопоставительных исследованиях категории каузальности акцент сопоставления должен быть смещен на релятивные средства – предлоги, союзы, а также на ту знаменательную лексику, которая используется в качестве таких средств, так как именно в этих средствах ярче всего заметна национальная специфика каждого из сопоставляемых языков [Усаченко 2009].

При субкатегоризации внешней предметной причины важным является учет значения следственного компонента как стержневого в структуре каузального высказывания. Это позволяет выделять в рамках ситуации внешней предметной причины четыре подгруппы: ситуацию внешней причины действия, ситуацию внешней причины признака, ситуацию внешней причины состояния, ситуацию внешней причины экзистенции. Дифференциацию разнообразных типовых ситуаций в структуре каждой из четырех основных можно провести с учетом сужения (уточнения) семантики следственного и причинного компонентов, получив при этом конечный список типовых ситуаций. Каждая типовая ситуация (ТС) имеет свой набор маркеров каузальности, среди которых выявляется семантическая доминанта (наиболее точное, яркое, специализированное средство определенного варианта каузального отношения). В данной статье на примере анализа ситуации ошибочного действия рассматриваются нюансы каузального значения и специализация маркеров в русском и белорусском языках.

Следственный предикат ситуации ошибочного действия обозначает неосознанное действие, оцененное говорящим как «ошибочное, с несостоявшимся или противоположным предполагаемому ранее результа-

том» [Всеволодова 2008: 173], напр.: *ошибиться, путать, опоздать* (бел. *памыліцца, блытаць, спазніцца*) и т. п. Как правило, причина (А) предшествует следствию (Б). С учетом семантики А проведена дальнейшая классификация типовых ситуаций.

ТС-1: ‘Х сделал не то в результате действия У-а’. При этом само действие У-а оценено как негативное либо ошибочное, напр.: *перепутал поезда в результате обмолвки / ошибки диспетчера*. В ПП используются предлоги **в результате** (доминанта выделяется жирным шрифтом), *вследствие, из-за, по*, устар. *через* (бел. *у выніку, з-за, па*, устар. *цераз*): *Наверное, мы вместе погибнем в этом раю, которого я удостоился по чьей-то ошибке* (Б. Окуджава); *Какими чудесами, через какое колдовство нелепость обо мне все в голос повторяют?* (А. Грибоедов). В сложноподчиненном предложении (СПП) возможно использование **в результате того что**, *вследствие того что, из-за того что, потому что, оттого что, так как, поскольку* (бел. *у выніку таго што, з-за таго што, бо, таму што, ад таго што, паколькі*): *Я перепутал поезда в результате того, что диспетчер сделал ошибку*.

ТС-2: ‘Х сделал не то вследствие того, что У такой’: *ошибся силу трудности задания*. В качестве А выступают лексемы со значением признака, свойства. Маркерами каузальности в ПП являются **вследствие, в силу, из-за, по причине, по** (бел. *з-за, у сілу, з прычыны, па прычыне, па*): *...не будут ли нас путать из-за нашей одинаковой фамилии?* (В. Чивилихин) – *...ці не будуць нас блытаць з-за нашага аднолькавага прозвішча? Акцентуацыйныя памылкі допускаюцца ўследствие разнастаснасці і падвільнасці ударэння* (К. Бабов). В СПП – **вследствие того что, в силу того что**, *из-за того что, потому что, по причине того что, по той причине что, так как, оттого что, поскольку* (бел. *з-за таго што, бо, таму што, з прычыны таго што, па той прычыне што, з той (тае) прычыны што, ад таго што, паколькі*): *Девушек постоянно путают из-за того, что они очень похожи – Дзяўчаты пастаянна блытаюць з-за таго, што яны вельмі падобныя*.

ТС-3: ‘Х сделал не то по вине У-а’, напр.: *опоздал по вине сестры*. Вторичная семантическая функция существительных со значением **лица** реализуется в ПП, где маркерами каузальности выступают **по вине, из-за, под влиянием**, прост. *через / чрез* (бел. *па віне, праз, пад уплывам, з-за, устар. цераз*): *Происшедшая по вине телеграфа обмолвка...* (Л. Леонов); *Праз цябе мы спознімся на цягнік* (Я. Брыль); *Ці не забыліся часам ... пад уплывам розных палітэхнолагаў, сваіх і за-акіяўскіх, з якога яны роду-племені?* (Т. Бондар); *Цераз цябе мяне з Паціеўскім блытаюць* (К. Чорны). В структуре СПП эксплицируется некое действие лица-виновника. Возможны две структуры: *Б произошло по вине У-а, который сделал не так; Б произошло из-за того, что У*

сделал не так. Как видно, наблюдается корреляция причинной и атрибутивной придаточных частей.

ТС-4: 'на ошибочное действие X-а повлияли **ситуация / положение дел**', напр.: *Но за ужасной сутолокой жизни мы об этом всегда забываем* (К. Паустовский). Маркеры в ПП – *за* + тв. п., *из-за*, *по причине*, *в угаре*, *в* + предл. п. (бел. *з-за*, *у чадзе*, *з прычыны*, *па прычыне*, *у*): *Старец, забытый в неразберихе...* (С. Алексеев); *У шалёнай мітусні дзён мы забываем пра першых настаўнікаў* (А. Забалоцкая); *Ці не забыліся часам у чадзе перадвыбарчай кампаніі..., з якога яны роду-племіні?* (Т. Бондар). В СПП возможно использование *из-за того что*, *за тем что*, *потому что*, *по причине того что*, *по той причине что*, *так как*, *оттого что*, *поскольку* (бел. *з-за таго што*, *бо*, *таму што*, *з прычыны таго што*, *па той прычыне што*, *з той (тае) прычыны што*, *ад таго што*, *паколькі*): *Як чалавек жыве ўсе гады на адным месцы, дык не вельмі заўважае змены, бо ўсё на вачах робіцца спакваля* (В. Карамазу).

ТС-5: 'на ошибочное действие X-а повлияло **состояние среды**', напр.: бел. *затрымаліся з-за непагадзі*. Маркерами каузальности выступают предлоги *из-за*, *от*, *на* + предл. п., *с* + род. п., *по причине*, *вследствие*, *в связи с* (бел. *з-за*, *ад*, *на*, *з*, *з прычыны*, *па прычыне*, *праз*, *у сувязі з*, *у звязку з/са*): *То ли от холода, то ли от волнения промахнулась Мэриетка* (Б. Лавренев); *...задержаться в связи с пургой* (Русская грамматика); *спазніўся праз дождж*. В СПП возможны союзы рус. *из-за того что*, *потому что*, *оттого что*, *по причине того что*, *по той причине что*, *в связи с тем что*, *вследствие того что* и бел. *з-за таго што*, *бо*, *таму што*, *ад таго што*, *з прычыны таго што*, *па той прычыне што*, *з той (тае) прычыны што*, *у сувязі з тым што*.

Таким образом, в рамках анализируемой ситуации объединены каузальные конструкции, в которых следствие обозначает неосознанное действие, оцененное говорящим как ошибочное. На ошибочное действие влияют: действие лица, свойство и признак предмета либо лица, лицо, ситуация или положение дел, состояние среды. Возможно совмещение семантики условия при А 'ситуация / положение дел', 'состояние среды', когда А и Б одновременны. Семантические доминанты русского и белорусского языков в большинстве ТС совпадают, различаются лишь в ТС-4 (рус. *за* + тв. п. и бел. *з-за*). Довольно частотно использование каузальных маркеров *из-за*, *из-за того что* (бел. *з-за*, *з-за таго што*). Национальная специфика проявляется в наличии безэквивалентных русских маркеров *вследствие*, *вследствие того что* и в отсутствии стилистической окраски белорусского предлога *праз*.

Л и т е р а т у р а

1. *Усаченко И.А.* Выражение ситуации внешней предметной причины в русском и белорусском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2009.
2. *Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. 2-е изд. М., 2008.

СИТУАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПРИЧИНЫ ОШИБОЧНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В данной статье на примере анализа ситуации ошибочного действия рассматриваются нюансы каузального значения и специализация маркеров (предлогов и союзов) в русском и белорусском языках.

THE SITUATION OF THE EXTERNAL CAUSE OF FAULTY ACTION IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

I.A. Chepikova

Keywords: causality, external objective cause, causal component, effect component, model situation, marker of causality, preposition, conjunction

The article is focused on the shades of the causality meanings and the corresponding use of the causality markers (prepositions and conjunctions) in Russian and Belarusian languages. The study is observed on the analysis of the situation of the faulty action.

Способы выражения пространственных значений в двухкомпонентных безглагольных предложениях¹

© Чжоу Хайянь (Китай), 2013

Ключевые слова: безглагольные предложения, пространственное значение, динамика, статика

Двухкомпонентные безглагольные предложения с пространственным значением типа *Отец к окну*, *Отец в городе* не раз были предметом исследования в русской синтаксической литературе², лингвисты разных эпох с разных сторон исследовали данный тип предложения, однако некоторые вопросы остаются дискуссионными. В центре дискуссионных мнений находится синтаксическая функция предложно-падежных форм «к окну» и «в городе» в данных предложениях. Одни лингвисты [Потебня 1958, Шахматов 1941, Пешковский 1956], в связи с долгим господством вербоцентризма «представление об обязательности глагола в предложении», считают безглагольные предложения неполными³, так как в них отсутствует сказуемое-предикат, предложно-падежные формы исполняют лишь функцию второстепенных членов предложений. Другие лингвисты [Шведова 1973, Золотова 1998, Лекант 1985, Божок 1989] рассматривают безглагольные предложения как полные в структурно-семантическом плане, они считают, что глагол не является единственным способом выражения предиката и в данных предложениях функцию предиката-сказуемого исполняют именно предложно-падежные формы. Мы придерживаемся второй точки зрения и относим безглагольные предложения к числу полных предложений⁴.

¹ Данная статья является результатом реализации научного проекта «Изучение переходных явлений в грамматической системе русского языка», поддержанного Министерством образования КНР (номер научного проекта 13YJAJ740085).

² Об истории изучения безглагольных предложений см.: А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Г.А. Золотова, Е.Н. Ширяев, П.А. Лекант, А.П. Сковородников, Е.Л. Безденежных и др. В данной работе мы употребляем «двухкомпонентное предложение» вместо «двусоставного предложения», «субъект и предикат» вместо «подлежащего и сказуемого» с целью подчеркивания семантической структуры предложений.

³ Однако эти лингвисты отмечают отличие этих предложений от обычных структурно-семантически неполных предложений, и характеризуют безглагольные предложения с помощью таких терминов, как «эллипсис», «нуль» и др.

⁴ Лингвисты доказывают структурно-семантическую полноту безглагольных предложений на основании таких разных теоретических положений, как соотношения речи и языка, обратная валентность, выражения предикативности, парадигма, модель предложений и др.

Г.А. Золотова [1998: 49-53], М.В. Всеволодова [2000:12,159] выделяют синтаксическую форму слова (синтаксему) как элементарную единицу функционально-коммуникативного синтаксиса, соединяющую в себе морфологическую, категориально-семантическую и функционально-синтаксическую характеристики. Иными словами, синтаксема включает в себя не только морфологическую форму, но и семантический элемент, она также учитывает синтаксический потенциал формы, то есть особенности функционирования в синтаксических построениях. По функционально-синтаксическим возможностям синтаксемы можно разделить на три группы: свободная, обусловленная и связанная синтаксема. Свободная синтаксема вне зависимости от контекста имеет самостоятельное смысловое содержание, то есть является исполнителем определенной денотативной роли и способна занимать практически любую позицию в предложении; обусловленная синтаксема выявляет свое содержание, свою роль в структуре предложения и способна функционировать как один из компонентов предложений определенной модели, а связанная синтаксема не имеет – при изолированном предъявлении – никакого самостоятельного значения и способна лишь к присловному употреблению. Итак, предложно-именные формы с пространственным значением типа *в лес, к окну, в городе, на столе* и др. являются свободными синтаксемами. «Они имеют наибольший синтаксический потенциал, кроме внепредложенческой позиции (в качестве заголовка), выступают и как компоненты предикативной пары в обусловленной позиции» [Всеволодова 2000:171]. Г.А. Золотова [1998: 212, 213] справедливо отметила, что «обозначение движения, перемещения (*идти, бежать, лететь, ехать* и др.) часто сочетается с обозначением пространственных координат (*из дому, с улицы, из-за угла, в лес* и др.). Но эти формы имен способны выражать их собственное значение: направление (директив), пути движения (транзитив) и др., в результате чего они способны употребляться не только при глаголах, но и в других позициях: *Татьяна в лес; медведь за нею; Казбич – к окну*.

Как известно, пространственные отношения, наряду с временными, являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка [Бондарко 1996: 6]. Русский язык богат языковыми средствами выражения разных пространственных отношений. М.В. Всеволодова в монографии «Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке» [1982: 9-13] выделяет три пропорциональные оппозиции в системе пространственных отношений: соппространственность / несопространственность, заполненность / незаполненность и динамичность / статичность. Опира-

ясь на теоретические положения М.В. Всеволодовой, в нашей работе мы разделяем безглагольные предложения с пространственным значением на два типа: динамические и статические. «Динамичность предполагает изменение сорасположения предмета и локума⁵ (удаление, приближение, прохождение), а статичность предполагает неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета» [Всеволодова 1982: 13].

Безглагольное динамическое предложение включает в себя минимально два компонента: субъект и предикат, оба компонента одинаково важны для создания структурно-семантического значения предложения. Модель данного типа предложения: N₁ (Pron) [С одуш.] + Adv (N₂...) [П движение] и N₃ (Pron) [С одуш.] + Adv (N₂...) [П движение]. Латинские буквы N₁, N₃ (Pron) и Adv (N₂...) обозначают морфологическую структуру предложений, то есть имя существительное в именительном или дательном падеже + предложно-падежная форма или наречие. А славянские буквы в квадратных скобках обозначают семантическую структуру предложений, то есть субъект, выраженный одушевленным именем или местоимением и предикат, обозначающий движение.

Субъект в безглагольных динамических предложениях может быть выражен существительным или местоимением в именительном или в дательном падеже, например: *Стали они болтать о том, о сём: вдруг, смотрю, **Казбич** вздрогнул, переменился в лице – и к окну* (Лермонтов); *Павел подбежал к его избе. Так и есть – замок. **Он** к соседям, **он** в сарай, **он** в баню* (Шишков); К числу безглагольных предложений мы смело относим и предложения с субъектом в дательном падеже, которые рассматриваются часто как безличные предложения. Они в отличие от предложений с субъектом в именительном падеже способны выражать значения долга, необходимости, например: *...Александра Владимировна обычно повторяла шутку, услышанную ею от рабочих на заводе: «**Хозяевам** на работу к шести, а **служащим** к девяти»* (Гроссман); *Илья спросил у Михаила, когда **ему** на работу, и Михаил ответил, что он на эти дни отпросился...* (Распутин).

А предикат в безглагольных динамических предложениях выражается предложно-падежными формами или наречиями. Как правило, значение динамичности пространственных отношений реализуется в трех

⁵ По определению М.В. Всеволодовой [1982: 6], локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статический, динамический).

видах: исходный пункт движения («старт»), конечный пункт движения («финиш») и «трасса движения».

Предикат со значением «исходный пункт движения» выражается с помощью предлогов *из, с, от* и др. и их соответствующих падежных форм имен. Например: *...чуть свет, он – со двора, это верно* (Толстой); – *Слава богу...А я из обедни...*(Чехов); – *Я только что от него...Со стариком трудно ладить, но я его уговорил* (Афанасьев); *Не выдержал я, бегом из двора на улицу, а сзади стрельба* (Островский).

Предикат со значением «конечный пункт движения» (включая и направление движения) выражается с помощью предлогов *на, в, к, до* и др. и их соответствующих падежных форм имен. Например: *Летим ночью... – сказал через дверь Андрей Наташе. – А сейчас на телеграф, позвоню знакомому администратору в Москву* (Солнцев); – *Так вы в Персию? <...> а когда вернётесь? <...> – кричал вслед Максим Максимыч...* (Лермонтов); *Купив билеты, хватаю Наташу за руку и бегом – на перрон. И в вагон, где нет никого* (Солнцев); *Я покатился вниз по лестницам подъезда, скорей на улицу...*(Солнцев); *Профессор туда-сюда – ничего не помогает. Профессор к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит: Обратитесь к директору. Профессор сел на поезд и поехал в Москву* (Даниил Харис).

«Трасса движения» выражается с помощью предлогов *через, по* и др. и их соответствующих падежных форм имен. Например: *Вернутся они сейчас к Василию Ивановичу, устроят лёгонький ужин – молочко, творожок, оладьи со сметаной – и по домам* (Евсеев); *Работал я и в совхозе и на крупзаводе – там у нас, Воронежской области, но больше по колхозам* (Овечкин); *И вот тоненький звоночек затрепетал, наполнил всю квартиру. Елена через кухню, через тёмную книжную, в столовую* (Булгаков).

Пространственное значение в безглагольных предложениях иногда усложняется значениями времени, цели, транспортным средством и так далее. Например: *Мы на минуточку, – повинулся Василий Иванович. – Только комнату осмотреть* (Евсеев) (наблюдается и временное значение); – *Мы не на прогулку, Борис. Должен понимать. – Вы за Таинной Михайловной. И я с вами* (Афанасьев) (имеется целевое значение); – *Ишь! – ругался Мохнаков. – Фрицев на машинах, а мы пешком...*(Астафьев); (Верочка) *Из школы пешечком, вдоль малолюдного Крюкова канала и – нырк в свою квартирку! Попила, поела и – шасть в свою комнатку* (Арнаутов) (присутствует транспортное значение).

Пространственные отношения в безглагольных предложениях выражаются не только формами имен, но и наречиями. Например: *Несколько раз у него промелькнула было тайная мысль: а не махнуть ли через*

речку да по-над берегом, лугом и бурьянами – **домой** (Евсеевко); *Отрезаю гусям дорогу в парк, они заулюлюкали на них что было силы: – Гля **отсюда!** Гля!* (Евсеевко); *Вы молодёжь светлая, гордая: ещё пока здесь, под черкесскими пулями, так вы **туда – сюда**...* (Лермонтов).

Предикативность⁶, как основной характерный признак предложения, присуща и безглагольным предложениям вне зависимости от того, что в них отсутствует глагол, так как «и предикативность (категория предложения), и предикат (признак субъекта) свойственны и безглагольным предложениям» [Всеволодова 2009: 93].

В отличие от глагольных предложений с пространственным значением типа *Вася пошёл в школу*, где предикативность (время, лицо и модальность) проявляется благодаря личным формам глагола, безглагольные динамические предложения имеют определённую зависимость от контекста в выражении предикативного значения. Точнее, время определяется конкретным контекстом, например: – *Ну, ребята, кто куда, а я в сберкассе, – надо в деревню сходить* (Гроссман) (будущее время); *Отбухал я свои три месяца, получил у гражданина начальника паспорт и на Кавказ* (Солженицын) (прошедшее время); *Утром родители на производство, а ихняя няня берёт младенца, берёт пузырёк с коровьим молоком и идёт гулять по улицам Ленинграда* (Зоценко) (настоящее время).

Иногда однородные глаголы и временные наречия помогают определить время в безглагольных динамических предложениях. Например: *Прямь сообщением обратно на вокзал, подождал вечернего поезда – и домой* (Овечкин); – *Теперь я уж не знаю... – медленно цедил я, потирая лоб. – Чувствую себя хреновато... Заехал домой после больницы, забрал её и сразу к вам...* (Солнцев); *А Тамара Михайловна вся вспыхнула, залилась счастливым материнским румянцем и, повернувшись к гостям, объявила: – Теперь в столовую* (Евсеевко); *А вот если я прекращу это дело, завтра в Москву, может быть, самому Лаврентию Павловичу сообщат...* (Гроссман).

Лицо в безглагольных динамических предложениях выражается местоимениями первого, второго и третьего лица и именами существительными. Например: – *Слава богу... А я из обедни <...> ходил с знакомым ключарем повидаться* (Чехов); – **Вы** от Дарьи Михайловны? (Тургенев); *Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чегенца; ружье из чехла – и туда; я за ним* (Лермонтов).

Модальное значение в безглагольных динамических предложениях выражается благодаря контексту, точнее, повелительное наклонение

⁶ По определению В.В. Виноградова и др., предикативность заключается в отнесении сообщаемого к ситуации в действительности и воплощается в категориях времени, модальности и лица.

выражается с помощью интонации, обращения, частиц и так далее, например: *Он крикнул шоферу: – в Москву! К Таганке, живо!... О, чёрт!...* (Пильняк); – *Серёжка, марш домой, сейчас же!* (Островский); *Митя, домой быстро! Разворачивай!* (Афанасьев); *Да что же вы на дороге стоите? Пожалуйста, в комнаты!* (Чехов); *Мы у него на днях на свадьбе играем... Я их тут всех обую. Давай сейчас в больницу? – Нет, домой* (Солнцев); А частица «бы» является главным символом сослагательного и желательного значений, например: *Ему лишь бы своё выполнить, командировку отметить да поскорее домой, в баню, к жене* (Овечкин); *Она и меня с собой таскала. Мне что: скорей бы <...> домой* (Распутин).

В безглагольных динамических предложениях особенно ярко наблюдается оттенок быстроты, стремительности и экспрессивности. Данное свойство безглагольных предложений становится очевидно при сравнении с синонимичными глагольными предложениями, ср.: *Сестра подошла к окну – Сестра подбежала к окну – Сестра кинулась к окну – Сестра к окну*. Самой высокой степенью экспрессивности обладает именно безглагольное динамическое предложение.

Безглагольное статическое предложение также включает в себя минимально два обязательных компонента: субъект и предикат, выражаемый предложно-падежными формами или наречиями. Модель данного типа предложения: N_1 (Pron) [С одуш. / неодуш.] + Adv ($N_2...$) [П местонахождение].

В зависимости от семантики субъекта мы выделяем два подтипа безглагольных статических предложений: лицо и его местонахождение типа *Отец в городе* и предмет и его местонахождение типа *Книга на столе*.

Всем лицам и предметам, существующим в мире, присуще местонахождение. Итак, субъект предложения выражается существительным, местоимением, субстантивным прилагательным, количественно-именным сочетанием и так далее. Например: *Так зачем же медлить и откладывать? Родители дома* (Петров); *Я в Харькове* (Чехов); *У товарища Сталина два сына на фронте, – сказал брат хозяйки* (Гроссман).

По отношению к локуму пространственное расположение лица или предмета может быть разным. Средства выражения разнообразного местонахождения не один раз были предметом исследования [Всеволодова 1982, 2005, Безденежных 1972 и др.]. Русский язык обычно обладает тремя типами средств выражения местонахождения, то есть беспредложными и предложными формами существительных и наречиями. В безглагольных статических предложениях пространственное значение в основном выражается с помощью предложно-падежных форм и наречий. Предлоги выражают разнообразнейшие отношения и связи, суще-

ствующие в реальной действительности. Предлоги *у, над, под, за, перед* и др. способны выражать местонахождение лица или предмета в непосредственной близости от локума, например: *Я у порога белого здания с колоннами, видимо, времён Николая Первого* (Булгаков); *Итак: лампа горит уютно и в то же время тревожно, в квартире я один-одинёшенек, книги разбросаны, а я под чемоданчиком* (Булгаков); предлоги *на, по* и др. выражают местонахождение лица или предмета на поверхности локума, например: *Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолёт – на картофельном поле* (Шукшин); предлоги *в, внутри* и др. обозначают местонахождение внутри локума, например: – *Вы давно в институте?* – спросил он, продолжая вяло перелистывать папку (Искандек); предлоги *около, между, вне* и др. выражают местонахождение за пределами локума, например: *Хутор пана Данила между двумя горами в узкой долине, сбегаящей к Днепру* (Гоголь).

М.В. Всеволодова [1982: 31–45] разделила названия пространственных объектов на девять групп, на основе ее деления мы анализируем способы выражения локума.

1) Вселенная (Земля): *Но старый Тойон сказал ему: – погоди, бархан! Ты не на земле... Здесь и для тебя найдётся правда...* (Короленко);

2) Названия сфер, названия стихий, названия основных типов суши: *Лицом он тоже чёрный, но чернота эта больше от солнца да от мороза – летом у реки на погрузке, зимой в лесу на валке – круглый год он на открытом воздухе* (Распутин);

3) Типы ландшафта, территории и акватории, например: *Но кто же удивится, увидев их в море, – байкальцы с пелёнок в море* (Песков);

4) Земля как административно-политическое целое: – *Вы, верно, недавно на Кавказе?* – С год, – ответил я (Лермонтов); *Мой муж в Монголии* (Симонов);

5) Географические и административно-политические части страны: *Военная страда окончена, и красноармеец Павел Мохов опять в родном своём селе Огрызове* (Шишков); *Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире* (Пушкин);

6) Специализированные территории: *Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолёт – на картофельном поле* (Шукшин);

7) Населенные пункты и их части: *Первые керосиновые фонари от нас в девяти вёрстах на станции железной дороги* (Булгаков); *В такие тихие летние вечера вся молодёжь на улицах* (Островский);

8) Сооружения, части помещений: *Я у порога белого здания с колоннами, видимо, времён Николая Первого* (Булгаков);

9) Пространственные слова: *Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю!* (Пушкин).

Именные группы, кроме чисто пространственных отношений, способны выражать и пространственно-ситуативное отношение, то есть определить деятельность или работу, в которой принимает участие субъект. Например: – *Он где?* – *Спросил Илья. – В армии* (Распутин); – *Он в армии. Уже год, как служит. На Урале...* (Арнаут); *Потом папа в гимнастерке, на фронте* (Лебедева).

В безглагольных статических предложениях пространственное значение выражают также наречия. Например: *Я – наверху, у себя в комнате* (Замятин); – *Да он узнает, что она здесь?* (Лермонтов); *Пожарный стоял посредине лестницы, ведущей из нижнего отдела замечательной враждебной квартиры, я – наверху этой лестницы, Аксинья в туалете – внизу* (Булгаков); – *Ты звал, дядюшка, смиренно произнёс Арслан, – и вот я здесь* (Афанасьев).

Пространственное значение иногда усложняется другими значениями. Например: – *Вы, верно, недавно на Кавказе?* – *С год, – ответил я* (Лермонтов); *Она весь день в поле...* (Твардовский); *Весь инвентарь зиму и лето – под открытым небом* (Овечкин); *Я хочу видеть мир. Сегодня я в Туркмении, завтра поеду на Кавказ* (Трифонов). В этих предложениях пространственное значение уточняется значением времени. Иногда в предложениях употребляются наречие «вдруг», частицы «и, и вот, уже», которые придают статическим предложениям оттенок динамичности, например: – *Всегда ты так бесшумно ходишь, я вздрагиваю даже: вдруг уж ты рядом* (Гроссман); *Ты же деревенскую Василису Степановну пригласишь тайком, и вот она уже на пороге, сапоги резиновые снимет, пройдёт в горницу и так глянет своими глазами, что прямо свет померкнет* (Евсеев); *Дальше небольшой провал – и вот он уже на улице* (Афанасьев); *Нет, вот он уже за слободой* (Королёв).

При помощи вспомогательного слова «быть»⁷ и других лексических средств безглагольные статические предложения могут выражать время, модальность и другие предикативные значения. Например: *Оставайся*

⁷ Слово «быть» отличается своей многозначностью. В качестве связки типа *Мне было холодно* «быть» выполняет функцию чисто формальную, в предложениях типа *В городе есть доктор* «быть» является полнозначным глаголом со значением экзистенциальным, а в предложениях с пространственным значением типа *Отец был в городе, книга была на столе* мы рассматриваем «быть» как полузнаменательный глагол, «быть» вместе с предложно-падежными формами исполняют функцию предиката, так как «быть» с локальным значением самостоятельным предикатом быть не может.

здесь, добровольцы отступают, через две недели наши **будут** в городе (Газданов) (будущее время); *К обеду они **были** в городе* (Солнцев) (прошедшее время); ***Если бы я был** в Москве, – думал Николай Николаевич, – я бы не дал этому зайти так далеко* (Пастернак) (условное наклонение); *Мсье Сторешников, вы теперь, вероятно, в большом затруднении; если хотите избавиться от него, **будьте** у меня в 7 часов* (Чернышевский) (побудительное наклонение); – *Сами же мне говорили, что отец, **возможно**, на фронте* (Симонов) (возможное значение) и так далее.

По когнитивной лингвистике [Проблемы функциональной грамматики 2005: 15] человек воспринимает семантические категории как имеющие центр и периферию и, следовательно, имеющие «более прототипических» и «менее прототипических представителей», связанных между собой отношениями семейного сходства. В.В. Бабайцева в своей монографии [2000: 5, 15, 27] также отметила, что в результате связей и взаимодействия языковых явлений между оппозиционными центральными (типичными) категориями (типами) образуется и синкретичная зона с периферийными и промежуточными звеньями. С такой точки зрения для функционально-синтаксической категории локативности, среди предложений с пространственным значением также существуют центральные и периферийные типы.

Г.А. Золотова [1998: 44, 109] на основании соответствия/несоответствия семантики подкласса категориальной семантике части речи разграничивает изосемические и неизосемические подклассы слов. Категориальное значение изосемических слов соответствует основному категориальному значению данной части речи, например, существительное обозначает предмет, глагол обозначает действие, прилагательное обозначает признак и т. д. Соответственно в синтаксисе изосемические подклассы слов образуют и изосемические модели предложений, которые составляют центр, а периферию занимают неизосемические модели, образованные из неизосемических подклассов слов.

Глагол, как часть речи, в русском языке отличается своей особенностью. Глаголы своими личными формами выражают время, наклонение, лицо, число, часто исполняют функцию предиката в предложении, являясь структурно-семантическим и коммуникативным центром предложения. Обозначение действия – типичное категориальное значение глагола. Итак, для функционально-синтаксической категории локативности, среди предложений с пространственным значением, включая движение и местонахождение, глагольные предложения безусловно

занимают центральное место⁸, а безглагольные предложения, предикаты которых выражаются предложно-падежными формами имен и наречиями соответственно занимают периферийное место. По мнению Г.А. Золотовой [1998: 184], «если изосемические модели с глагольным предикатом, сообщающим о действии, и модели с локативным, сообщающие о местонахождении, представляют ядро (или центр) синтаксической системы, то неизосемические модели, сообщающие о действии без глагола, <...> принадлежат периферийным слоям системы».

Таким образом, мы видим, что среди предложений с пространственным значением безглагольные предложения занимают периферийное место, но эта периферийная позиция ничуть не снимает их семантической значимости и стилистической важности. Исследование безглагольных предложений с пространственным значением имеет практическую ценность и для китайской аудитории. С одной стороны, русские безглагольные предложения вызывают у китайских учащихся трудности в их понимании, так как в китайском языке мало употребляются безглагольные предложения, с другой стороны, китайские учащиеся часто имеют дело с материалами книжного стиля, где редко употребляются безглагольные предложения, в связи с этим, безглагольные предложения, которые часто употребляются в разговорной речи и отличаются своей лаконичностью и экспрессивностью, также представляют трудность для правильного использования. Безглагольные предложения способны описывать живую реальную картину, они вместе с другими языковыми средствами выполняют функцию средства общения и выражения реальной действительности, и тем самым обогащают русский язык.

Л и т е р а т у р а

1. Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 1. М., 1954.
2. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
3. *Безденежных Е.Л.* Двусоставные безглагольные предложения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
4. *Божок И.А.* Эллиптические предложения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
5. *Бондарко А.В. и др.* Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
6. *Всеволодова М.В.* К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (Статья вторая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005, № 2.
7. *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009, № 3.

⁸ М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский в монографии «Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке» дали полный анализ глагольных предложений с пространственным значением.

8. *Всеволодова М.В.* Синтаксемы и строевые категории предложения в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000, № 1.
9. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
10. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
11. *Золотова Г.А. и др.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
12. *Лекант П.А.* Глагол и предложение // Восточные славяне: языки, история, культура. М., 1985.
13. *Моаззен задех Зейнаб.* Категория русской именной локативности в зеркале персидского языка (прагматический аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
14. *Пеиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
15. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
16. *Сковородников А.П.* Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка. Красноярск, 1978.
17. *УИ-и.* О безглагольных предложениях (первая и вторая части) // Русский язык в Китае. 2000, № 1, 2.
18. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 1941.
19. *Шведова Н.Ю.* Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. 1973, № 4.
20. *Ширяев Е.Н.* Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
21. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Аннотация

В связи с долгим господством вербоцентризма «представление об обязательности глагола в предложении» в русской синтаксической литературе, безглагольные предложения часто были отнесены к ряду «неполных предложений». На самом деле эти предложения уже обладают структурно-смысловой полнотой. В данной работе в центре внимания двухкомпонентные безглагольные предложения с пространственным значением (типовые образцы: *Отец к окну* и *Отец в городе*), освещение которых носит дискуссионный характер. На основе теоретических положений М.В. Всеволодовой попытаемся анализировать способы выражения пространственных значений в двухкомпонентных безглагольных динамических и статических предложениях.

**WAYS OF EXPRESSING SPATIAL MEANING
IN TWO-COMPONENT VERBLESS SENTENCES**

Zhou Haiyan

Keywords: non-verb sentences, spatial meaning, dynamics, statics

Abstract

Affected all along by the verb-centered theory (essential verb in sentences), Russian grammar researchers always considered non-verb sentences as “incomplete sentences”. In fact, non-verb sentences are often used in both spoken and literary languages, and they have become complete sentences in the simple sentence system, because of their syntactic and semantic integrity, their succinct style and their rich expressional functions. Based on the theoretical assumptions of M.V. Vsevolodova we try to analyze ways of expressing spatial meaning in two-component non-verb dynamic (example: *Отец к окну*) and static (example: *Отец в городе*) sentences.

Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения¹

© доктор филологических наук А.Л. Шарандин (Россия), 2013

Ключевые слова: типы грамматик, язык, речь, лексическая грамматика, функционально-коммуникативная грамматика, методология

ФКГ (грамматика речи) отнюдь не находится в отношениях конфронтации с грамматикой формальной (грамматикой языка).

М.В. Всеволодова. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000. С.5.

В настоящее время существуют различные направления в изучении и описании грамматического строя русского языка, что нашло отражение в выделении и квалификации различных типов грамматик. Наиболее полно в исследовательском отношении представлены такие типы грамматик, как формальная (структурная), структурно-семантическая (традиционная), функциональная (собственно функциональная), коммуникативная, функционально-коммуникативная, лексическая, когнитивная, поэтическая. Выделение данных типов грамматик, естественно, не исчерпывает ее предметного осмысления в полном объеме. Но именно они, на наш взгляд, позволяют в научных и учебных целях представить грамматику как комплексную науку о грамматическом строе языка. При этом комплексный подход не отрицает ни один из указанных выше типов грамматик, а позволяет осмыслить грамматику в целом как полифункциональную и многоаспектную систему, различные стороны которой взаимосвязаны и взаимообусловлены системным характером языка как важнейшего средства общения, накопления, сохранения и передачи информации.

Конечно, в исследованиях, посвященных ее описанию, эти стороны (аспекты) и функции грамматики могут рассматриваться изолированно друг от друга и в исследовательском или учебном плане могут в какой-то степени противопоставляться. Но такой подход не должен являться самоцелью и конечным этапом в исследовании, поскольку в грамматике функции и средства их выражения предстают в сложном и многообразном взаимодействии между собой и с функциями, средства-

¹ Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

ми других уровней языковой системы, что и позволяет языку реализовать свою основную функцию – коммуникативную – в разных формах и способах его существования. Поэтому закономерно возникает вопрос об отношениях грамматик между собою в общей системе грамматики, о месте в ней того или иного типа русской грамматики [Шарандин 2001: 11–20; Шарандин 1999].

Прежде всего необходимо отметить, что появление (формирование) и развитие того или иного типа грамматики обусловлено тем или иным этапом развития лингвистики как науки, когда знания, накопленные на предыдущих этапах ее развития, закономерно включаются в рассмотрение и обоснование нового этапа, получая, естественно, оценку их исследовательского потенциала и возможностей реализации в научных и учебных целях. Такого рода отношения, в частности, усматривает М.В. Всеволодова, характеризуя функционально-коммуникативную грамматику (грамматику речи) и формальную грамматику (грамматику языка): «грамматика речи» невозможна без глубокого проникновения в «грамматику языка», без переосмысления некоторых концептуальных положений последней» [Всеволодова 2000: 5].

Не вызывает сомнений, что объектом грамматики является грамматический строй языка как реально существующее явление. Но поскольку он оказывается сложным, то на различных этапах развития грамматики могли выделяться различные стороны познания грамматической системы. Так, на ранних этапах ее познания в центре внимания оказались структурные (формальные) особенности речи, изучение и описание которых позволяло добиться высот письменного и устного общения. В конечном счете все определялось умением («искусством») правильно писать и говорить. С греческого «грамматика» буквально переводится как «письменное искусство» (от грамма – «буква»).

Познание же этой стороны позволило в дальнейшем обратить внимание на особенности и статус грамматической формы как таковой: «форма что-то значит». В центре внимания оказались структурно-семантические характеристики слова в тексте (формы слова), грамматические категории. Круг элементов традиционной грамматики поддавался исчислению, что, конечно, приводило к ограниченным возможностям в описании языка. Но эти элементы были обязательными, поскольку они составляли сущность грамматики. Без их тщательного и полного описания невозможно выявить многообразие других языковых явлений, так или иначе связанных с ними, базирующихся на них. По существу традиционная грамматика оказывается ядерной в системе грамматик, обуславливая зависимость и развитие других аспектов описания грамматического строя языка. Именно этим объясняется постоянное внимание к проблемам традиционной грамматики. Она является тем фундаментом,

разрушить который не представлялось возможным, поскольку в этом случае ничего нельзя было построить. Другое дело, когда этот фундамент мог быть использован для различного рода описаний. Так, познание предметной сущности традиционной (структурно-семантической) грамматики привело к осознанию роли собственно функционального аспекта.

По мнению А.В. Бондарко, особенностью функциональной грамматики является ее системно-интегрирующий характер, т. е. она интегрирует в единой системе разноуровневые (разноструктурные) языковые средства, объединенные общностью понятийной семантики. Традиционная же грамматика является системно-дифференцирующей. Ее структура определяется расчленением изучаемого предмета на отдельные уровни. Но, думается, такое разграничение в большей степени обусловлено не сущностью коммуникативного процесса, а исследовательскими целями, позволившими увидеть новый аспект в объекте – грамматическом строе. В действительности же эти подходы дополняют друг друга, будучи, однако, не равнозначными в коммуникативном акте, отражая позиции говорящего и слушающего. В позиции говорящего преобладает направление от семантики к средствам ее передачи и дополняется активным отношением к выбору этих средств, чтобы более полно, но в то же время экономно передать ее. В позиции же слушающего преобладает направление от формальных средств к значениям языковых знаков. Но в целом функциональная грамматика оказывается сориентированной на коммуникативный акт, полноценность которого осуществима с учетом как позиции говорящего, так и позиции слушающего. Поэтому А.В. Бондарко, в работах которого наиболее полно сформулированы принципы, цель и задачи функциональной грамматики в ее академическом варианте, пишет: «Функциональная грамматика – это не отрицание структурной (традиционной – АШ) грамматики и не абсолютно новая и обособленная научная дисциплина, а специальное развитие функционального аспекта грамматики как структурно-функционального целого» [Бондарко 1985: 16]. Другими словами, «указанные подходы, дополняя друг друга, отражают разные аспекты грамматики» [Бондарко 1983: 26].

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о характере отношений между теорией лексической грамматики, представленной в наших работах, и теорией функционально-коммуникативной грамматики, представленной в трудах М.В. Всеволодовой.

Прежде всего приведем определения этих грамматик, которые даются их авторами. Лексическая грамматика (ЛГ) понимается нами как не как особая наука, а как это особый аспект системного описания лексики, когда в качестве систематизирующего признака исполь-

зуются грамматические формы и категории, выполняющие лексическую функцию. Функционально-коммуникативную грамматику (ФКГ) М.В. Всеволодова также по существу определяет не как особое направление, а как особый аспект – «прикладной по своему характеру», как «грамматику, ориентированную на владение языком», как «грамматику речи» [Всеволодова 2000: 3, 5].

Методологические основы ЛГ полностью соотносятся с диалектическим методом как способом познания действительности вообще [Шарандин 2009]. Определение диалектики как «учения о наиболее общих закономерных связях и становления, развития бытия и познания» [ФЭС 1983: 154] позволяет осмыслить сущность языка в качестве самостоятельного объекта действительности во взаимосвязи общего и частного, тем самым не отождествляя связи в действительности и связи в языке, но и не разрывая их полностью. Философская составляющая ЛГ определяется такими методологическими понятиями, как диалектика, категория, форма и содержание, онтология и гносеология.

В отношении методологии ФКГ М.В. Всеволодова пишет: «Методологическая основа функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ) – теория познания. Методологический принцип функционально-коммуникативного подхода можно сформулировать как учет фундаментальных характеристик языка при формировании лингвистической концепции» [Всеволодова 2000: 8]. Как легко заметить, основы методологии и методологический принцип, сформулированные по отношению к ЛГ и ФКГ, близки (ср. их изложение в [Шарандин 2009] и [Всеволодова 2000: 8-12]).

Что же определяет статус ЛГ и ФКГ как разных типов грамматик?

Прежде всего, на наш взгляд, то, что они связаны с осмыслением и описанием разных аспектов грамматики и поэтому имеют разные цели, объект исследования, а также действие разных языковых механизмов, на которых строится лингвистическое изучение и описание их объектов.

Целью ЛГ является описание взаимодействия лексики и грамматики (в наших исследованиях представленной морфологией), а не их противопоставление, не изолированное изучение лексической и грамматической систем, поскольку грамматика – это «многоуровневый формальный строй языка в его нерасторжимых и разнонаправленных связях с системно организованной лексической материей языка» [Шведова 1984: 11].

Целью ФКГ, как мы поняли из предисловия к книге М.В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтак-

сиса», является описание объективных и субъективных речевых смыслов и совокупности средств их выражения вне зависимости от уровня этих средств на основе языковых механизмов, определяющих адекватное потребностям коммуникантов функционирование в речи данных языковых средств [Всеволодова 2000: 3].

Как легко заметить, ЛГ сориентирована на описание грамматики языка, тогда как ФКГ, будучи прикладной по своему характеру, ориентирована на грамматику речи.

Объектом ЛГ является слово как языковая модель номинации, которая реализует одно лексическое значение (ЛСВ) в различных условиях коммуникации, что обуславливает различия в его грамматическом оформлении. Данное понимание слова как объекта ЛГ в определенной степени коррелирует с понятием лексемы у В.В. Виноградова: «Слово <...>, взятое во всей совокупности своих форм и значений, <...> называется лексемой» [Виноградов 1972: 17], отличаясь от него тем, что содержанием лексемы является не вся совокупность значений, а только одно значение. Поэтому более точно было бы считать, что объектом ЛГ является *лексема*, а лексическая грамматика – это грамматическое учение о лексеме.

В ФКГ, представленной в работах М.В. Всеволодовой синтаксисом, центральной единицей, соотносимой со словом как языковой единицей, является *синтаксема*. Данное понятие «включает не только морфологическую форму, но и лексику, ее образующую» и «может быть обращено не к конкретному слову (словоформе – *А.Ш.*), а к классу слов», а также занимает определенные позиции в синтаксических построениях [Всеволодова 2000: 159].

Такой подход делает соотносимым понятия морфологической парадигмы и синтаксической парадигмы. Ср.: «Синтаксическая парадигма – ряд морфологических форм, реально реализующихся в речевых построениях, может быть морфологической парадигме, но может быть и меньше ее» [Всеволодова 2000: 159–160]. Уменьшение связано с семантическими причинами, что в принципе отмечается и в ЛГ (ср. парадигмы лексем *читать* и *колоситься*).

В принципе, соотносенными в содержательном плане оказываются и понятия синтаксемы (в смысле М.В. Всеволодовой) и лексемы (в нашем понимании, а не в смысле В.В. Виноградова). Ср.: «В речи выступает не слово как лексема, а его конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ)» [Всеволодова 2000: 21]. Причем языковой диапазон лексемы, представляющей тот или иной ЛГР, определяет его речевой диапазон, то есть функциональные возможности той или иной модели номинации в различных условиях коммуникации. Если, например, сравнить в этом плане указанные выше лексемы *читать* и *колоситься*,

то денотативное содержание лексемы *колоситься* не позволяет реально реализовать в речи высказывания с субъектом-лицом, побудительные высказывания с предикатом, выраженным формой повелительного наклонения, пассивные высказывания.

Что же касается языковых механизмов, представленных в рассматриваемых нами типах грамматик, то здесь наблюдается следующее.

Механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики в ЛГ определяется принципом их совместимости. Если грамматическое значение формы слова не противоречит его лексической семантике, то такая форма включается в план выражения (парадигму) слова; если же противоречит, то тогда данная форма с соответствующим грамматическим значением исключается из плана выражения (парадигмы) слова (лексемы).

При этом необходимо отметить, что речь идет о «закономерной» (П.А. Соболева) дефектности парадигмы, связанной с семантическими причинами (например, дефектность парадигмы лексемы *колоситься*). В формальном (чисто грамматическом) плане препятствий для образования личных формы и формы повелительного наклонения, в принципе, нет, но эти формы оказываются бессмысленными, в них лексическое содержание противоречит грамматическому содержанию форм 1-2 лица или повелительного наклонения.

В качестве языкового механизма в ФКГ, представленной синтаксисом, выделяется языковой механизм, обеспечивающий реализацию закона семантического согласования и формальную правильность нашей речи [Всеволодова 2000: 19]. Закон семантического согласования предполагает либо повторение одноименной семы у двух или более компонентов высказывания, либо сочетание двух сем, из которых одна имеет более широкое значение, а вторая – более конкретное, но вместе с тем они не противоречат друг другу [Всеволодова 2000: 359]. Если наблюдается отсутствие условий для семантического согласования, то тогда мы имеем явление, которое определяется как семантическое рассогласование [Всеволодова 2000: 360]. Как легко заметить, данный языковой механизм в определенном смысле коррелирует с языковым механизмом взаимодействия лексического и грамматического значений в ЛГ.

Итак, на наш взгляд, есть все основания считать, что отношения ЛГ и ФКГ дополняют друг друга с учетом их ориентации на язык (ЛГ) и речь (ФКГ) и при соответствующей корректировке некоторых исходных понятий могут быть использованы в комплексном описании грамматики. Проиллюстрируем это материалом анализа глагольного слова в языковом и речевом аспектах [Шарандин 2009].

Прежде всего ответим на вопрос о том, что дает в учебной практике методика описания языкового материала в аспекте взаимодействия лексики и грамматики? Она, будучи ориентированной на системные характеристики грамматических категорий, способствует выработке у учащихся и студентов диалектического понимания отношений между формой и содержанием, между различными уровнями языковой системы.

Правда, может возникнуть впечатление, что абстрактная лексическая семантика, выражаемая посредством грамматических категорий, является чем-то умозрительным, второстепенным, не имеющим коммуникативной ценности и функциональной значимости. Но тогда следует исключить из школьного преподавания материал о ЛГР слов; тогда будет не ясно, почему в словарях, где раскрывается лексическое значение слов, содержатся грамматические пометы. Не безразлична абстрактная лексическая семантика и к функционированию слов. Так, глагольные слова (лексемы), характеризующиеся абстрактной лексической семантикой «гомичности», предполагают употребление при них в роли субъекта личного местоимения первого лица или существительного – названия лица. «Негомические» же глаголы описывают предикативные признаки животных и предметов. Таким образом, абстрактная лексическая семантика имеет ярко выраженную ориентацию на высказывание. Ее рассмотрение позволяет ответить на вопросы: зачем нужна та или иная грамматическая категория? Каково ее назначение в целом, а не только форм?

Включение аспекта взаимодействия лексики и грамматики в школьные и вузовские учебники позволяет увидеть различные плоскости функционирования языковых единиц. В тексте слово не перестает быть словом. Только это грамматическое слово, даже если оно совпадает по структуре со словарным словом (ср. инфинитив). «Жизнь» слова в тексте определяется его взаимодействием с другими грамматическими словами и той ситуацией действительности, которую они описывают. Но грамматическое слово – это прежде всего *форма* слова, и, следовательно, как форма, оно является средством выражения чего-то. Будучи представленным в той или иной форме, грамматическое слово имеет свои средства выражения – поверхностные, явные (т. е. морфемы и основы), которые выражают грамматическую и конкретную лексическую семантику. Однако, будучи элементом парадигмы слова (лексемы), грамматическая форма выражает еще и его абстрактную лексическую семантику, которая дополняет конкретную лексическую семантику.

Особенно наглядно возможности лексической грамматики (морфологии) можно продемонстрировать на материале морфологического

разбора слов, который учитывал бы взаимосвязь функционально-коммуникативного и лексико-грамматического аспектов грамматики.

Проиллюстрируем данный анализ на материале функционирования глагола в тексте:

Уж за горой дремучею

Погас вечерний луч... (М.Ю. Лермонтов)

1. *Погас* – это глагол, который представлен неначальной формой, употребленной в роли сказуемого.

2. Начальная (неопределенная) форма – *гаснуть*. В словаре С.И. Ожегова она имеет значение «переставать гореть, переставать светить». Например: *огонь гаснет, звезды гаснут*.

3. а) В высказывании функционирует в форме изъявительного наклонения, обозначая глагольный признак, реально существующий в действительности. Форма повелительного наклонения не реализуется, поскольку этот признак свойствен неодушевленному субъекту (предмету). Следовательно, глагольный признак представлен как недействие (состояние), о чем и свидетельствует вопрос: *Что произошло с вечерним лучом?*

б) *Погас* – форма прошедшего времени, так как обозначает состояние, которое наблюдалось до момента речи. Данное состояние может быть представлено и в момент речи – *гаснет*. Следовательно, это состояние имеет непостоянный, преходящий характер.

в) Вид представлен формой совершенного вида, обозначающей состояние, ограниченное внутренним временным пределом (завершенное, результативное). Видовая пара полная: *гаснет – погаснет, угаснет, загаснет*. Следовательно, состояние *гаснуть* имеет предельный характер.

г) В субъектно-объектном отношении представлена форма действительного залога, о чем свидетельствует наличие причастия действительного залога (*погасший*). Обозначает состояние, присущее субъекту (предмету). Форма страдательного залога отсутствует, поскольку состояние *гаснуть* не направлено непосредственно на объект, т. е. это безобъектное состояние.

д) Глагол функционирует в форме прошедшего времени, которая не имеет показателя лица в своей структуре. В тексте глагольная форма соотносится с третьим лицом, обозначая субъект, не участвующий в акте коммуникации (общения). Формы 1-2 лица не реализуются, что отражено и в словарной статье, так как носителем данного состояния является неодушевленная материя (*луч*).

е) Род имеет формальный характер и отражает согласование с существительным мужского рода (ср. *звезда погасла*).

ж) Форма мужского рода сопряжена с формой единственного числа, обозначающей, что носитель представлен в количественном отношении как один. Числовая парадигма полная (*лучи погасли*). Следовательно, данное состояние субъектное.

Таким образом, глагол *гаснуть*, имеющий лексическое значение «переставать гореть, светить», обозначает также «*предельное непостоянное безобъектное состояние неодушевленного субъекта*».

Анализируемая словоформа *реализует в тексте ситуацию*, в которой состояние *гаснуть*, присущее неодушевленному предмету, наблюдалось до момента речи как реальное завершенное состояние.

5. Эти семантико-грамматические характеристики словоформы нашли отражение в ее морфологической структуре:

погас^А # (ср.: *погасла*), где нулевое окончание выражает значения муж. рода и ед. числа, нулевой суффикс – значения прош. времени и изъявит. наклонения, а основа *погас* – значение сов. вида. Лексическая основа представлена корнем *-гас-*.

Представленный анализ, на наш взгляд, соответствует основному постулату о слове: слово (лексема) – это единство лексического и грамматического значений. И эта взаимосвязь позволяет осознать механизм их взаимодействия в структуре слова, описать сущность диалектического подхода к соотношению формы и содержания в языке, их относительный характер, когда формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и содержание, в данном случае – грамматическое значение категории и ее форм. В том случае, когда грамматическое значение формы выступает в качестве формального средства выражения лексической семантики, речь идет не о конкретной лексической семантике слова, а об абстрактной лексической семантике, которая присуща различного рода их объединениям (*лексико-грамматическим разрядам, лексико-семантическим группам*), которые характеризуются различной степенью лексического абстрагирования.

В представленном анализе выявленная абстрактная лексическая семантика соотносится с языковым аспектом, а ее ситуативная реализация в тексте с речевым аспектом. Именно в своем единстве они позволяют осознать диалектическое единство языка и речи – этих двух основополагающих понятий, которые в той или иной степени заявлены в учебниках. Но в целом, в практике школьного и вузовского преподавания русского языка, отношения между ними остаются декларативными, не прослеживаются на реальном языковом материале.

Усвоение лексемы как модели номинации, которая реализует в коммуникации присущий ей функционально-речевой диапазон, позволяет включать в него не только морфологические формы слова, но и

результаты синтаксической деривации в рамках когнитивно-коммуникативного подхода.

Как известно, реальная коммуникация всегда в той или иной степени связана с функционированием слова, которое предстает в определенной форме. Поэтому понятие формы слова оказывается следствием наших знаний по освоению языка как знаковой коммуникативной системы, который выступает в качестве естественного объекта, коррелирующего с действительностью. Ее познание находит отражение в языковом сознании. В результате слово как языковой знак отразило реализацию и сознания как такового, связанного с освоением действительности (концептуальное сознание), и языкового сознания, связанного с различными формами вербализации этой действительности. Формы слова, будучи его представителями в высказывании (предложении), оказываются в этом случае языковыми единицами, совмещающими выполнение языком двух его основных функций – коммуникативной и когнитивной. При этом коммуникативная функция определяет функционирование слова как языкового знака в его дискурсивной форме, т. е. как морфолого-синтаксического образования, а когнитивная функция проявляется в объективации и репрезентации как предметно-понятийного содержания посредством слова (лексемы), так и дискурсивного содержания посредством языковой формы. Поэтому в целом у формы слова мы наблюдаем своего рода двойную референцию, которую по отношению к производному знаку Е.С. Кубрякова определила так: «...отсылать и к действительности, и к языку» [Кубрякова 2004: 407].

Ниже представлена система когнитивно-дискурсивных форм глагольной лексики *закрывать* / *закрывать* в значении «Сдвинуть, задвинуть что-н. для преграждения доступа. *З. дверь. З. окно*» (С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1986, с. 180), которая достаточно наглядно и полно иллюстрирует реализацию тех или иных форм слова, репрезентирующих концептуализацию различных коммуникативных ситуаций, объединенных общей номинацией (более подробно см.: [Шарандин 2012]).

Личные формы: *Хозяин дома закрыл окно легко, без видимых усилий.*

Безличные формы: *Ветром неожиданно закрыло окно и стало тихо.*

Императивные формы: *Закрой окно!* – *попросила сестра брата.*

Инфинитив: *Закрывать окна!*

Статив: *Окно было закрыто наглухо.*

Причастие: *Окно, закрытое хозяином, было покрыто пылью.*

Деепричастие: *Закрывая окно, он нечаянно разбил вазу.*

Девербатив: *Закрывание окна в старом доме давалось мне с трудом.*

В представленной системе когнитивно-дискурсивных форм русского глагола обращает на себя внимание выделение в качестве особых форм таких образований, как *императив*, который обычно рассматривается как грамматическая форма категории наклонения; *статив*, представленный аналитической формой, состоящей из связки *быть*, которая выражает значения наклонения, времени, лица (рода – в прошедшем времени), числа, и краткой формы на *-н / -т*, частеречный статус которой определяется по-разному [Шарандин 2012а]; и *девербатив*, который в русистике традиционно определяется как отглагольное существительное, называющее абстрактное действие, мотивированное глаголом.

Факт специфичности семантики повелительного наклонения и употребления императива в особых коммуникативных ситуациях давно отмечен исследователями русской грамматики, прежде всего в силу апеллятивной функции императива, которая реализуется на базе основной языковой функции – коммуникативной, отражая при этом «особый тип речевого поведения» (А.В. Бондарко).

Статив – это «выродившийся» акциональный процесс, по своему значению он ближе к понятиям «состояние», «свойство», «качество», что делает его значение в какой-то степени концептуально самостоятельным. В этом случае статив как бы демонстрирует статическое представление признака предмета (носителя предикативного признака), делая предмет фигурой, а позиция деятеля оказывается устраненной, обеспечивая тем самым фон для реализации стативного значения. Существенным моментом, связанным с концептуализацией ситуации посредством статива и результативного (процессуального) пассива, выраженного причастием на *-н-, -т-*, является то, что их разграничение определяется не только разным морфологическим оформлением (наличием вида и залога в результативном пассиве и отсутствием их в стативе), но и связью с разными коммуникативными регистрами. По мнению Г.А. Золотовой, «в репродуктивно-описательном контексте используется статив, а в информативно-повествовательном контексте – результатив, или процессуальный пассив [Золотова и др. 1998: 334].

Что же касается девербатива, то он, на наш взгляд, дает возможность почти в полном объеме снять модально-временные характеристики глагольного значения, то есть представить ситуацию как нечто застывшее, как снимок, запечатленный в сознании. В результате ситуация, лишенная модально-временного плана, оказывается основой для дальнейшего предикирования, основой последующего рассказа о ней как бы уже на правах участника (предмета мысли) [Шарандин 2009а].

Наличие когнитивно-дискурсивных форм слова (лексемы) является результатом взаимосвязи и взаимодействия сознания человека и языка как репрезентанта этого сознания в коммуникативном процессе. В этом случае коммуникация как речевая деятельность оказывается областью жизнедеятельности человека, которая обеспечивает реализацию тех или иных форм слова, отражающих лингвокреативную деятельность человека в зависимости от его коммуникативных целей. Именно на это по существу ориентирует ФКГ и ЛГ.

Таким образом, ФКГ, будучи грамматикой речи, нерасторжимо связана с грамматикой языка, представленной, в частности, аспектом взаимодействия лексики и грамматики в теории ЛГ, и наоборот: ЛГ, будучи грамматикой языка, ориентируется на грамматику речи, представленную функционально-коммуникативным аспектом.

Л и т е р а т у р а

1. *Бондарко А.В.* К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
2. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
5. *Золотова Г.А. и др.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004.
7. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
8. *Шарандин А.Л.* Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология. Тамбов, 2001.
9. *Шарандин А.Л.* Лексическая морфология и ее место в системном описании языка // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1999.
10. *Шарандин А.Л.* Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. Тамбов, 2009.
11. *Шарандин А.Л.* Русский глагол: комплексное описание. Тамбов, 2009.
12. *Шарандин А.Л.* К вопросу о языковом статусе девербатива // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М., 2009а.
13. *Шарандин А.Л.* Когнитивно-дискурсивные формы слова как результат взаимодействия сознания и языка // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава, 2012.
14. *Шарандин А.Л.* Стагив в системе дискурсивных форм русского глагола // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012а, № 3.
15. *Шведова Н.Ю.* Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА И
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА
В АСПЕКТЕ ИХ СООТНОШЕНИЯ**

Аннотация

Рассматривается соотношение двух типов грамматик – лексической грамматики (ЛГ), разрабатываемой автором статьи, и функционально-коммуникативной грамматики, представленной в работах М.В. Всеволодовой. Отношения между ними свидетельствуют об их взаимосвязи и определяются как дополняющие друг друга в связи с ориентацией ЛГ на язык, а ФКГ – на речь.

**CORRELATION OF LEXICAL GRAMMAR AND
FUNCTIONAL-COMMUNICATIVE GRAMMAR**

Keywords: grammar types, language, speech, lexical grammar,
functional-communicative grammar, methodology

Abstract

In the article the author is dealing with the relations of two grammar types – lexical grammar, that is elaborated by the author of the article, and functional-communicative grammar, that is described in M.V. Vsevolodova's works. Relations between them point out their interconnection and are determined as mutually complementary, because lexical grammar has an orientation on language and functional-communicative grammar on speech.

**Список научных трудов
профессора Майи Владимировны Всеволодовой**

1. Работа над причастиями, страдательными, безличными и неопределенно-личными конструкциями при изучении русского языка в польских группах // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. методических статей. Русский язык для студентов-иностранцев. М.: «Сов. наука», 1955.
2. Изучение некоторых глагольных приставок в польской школе // *Język rosyjski*. 1958, № 1.
3. Изучение темы «причастие» в польской школе // *Język rosyjski*. 1958, № 2.
4. Сочетание грамматической и лексической работы при изучении прилагательных // *Język rosyjski*. 1958, №№ 2, 5.
5. Цикл уроков // *Mozaika*. 1958, №№ 11, 12; 1959, №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8.
6. Рец.: «Основы обучения русскому языку». (Методика). Учебник Владимира Галэцкого для высших учебных заведений // Русский язык в национальной школе. 1959, № 1.
7. В соавторстве с Е.Г. Баш, Н.К. Венедиктовой, И.В. Толстой, Л.И. Шведовой. Беспредложное и предложное управление. Сб. упражнений для иностранцев // *Język rosyjski*. 1958, № 2; М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959
8. В соавторстве с Л.П. Яцковской. Программа по русскому языку для студентов и аспирантов-поляков (с методическими указаниями). М.: «Высшая школа». 1959.
9. Из опыта работы над грамматическим родом имен существительных в немецких группах. (Интернациональная лексика) // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. метод. статей. М.: «Сов. наука». 1959.
10. Некоторые замечания об изучении беспредложного и предложного управления на уроках русского языка в польской аудитории // *Język rosyjski*. 1959, № 3.
11. Некоторые случаи употребления синтаксических конструкций, обозначающих время, в русском и польском языках // *Język rosyjski*. 1959, №№ 1, 2.
12. Русские предложные конструкции, обозначающие причину // *Język rosyjski*. 1959, № 5.
13. Фонетические упражнения по русскому языку для поляков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
14. Некоторые наблюдения над беспредложными и предложными конструкциями // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. материалов II Международного семинара преподавателей рус. яз. вузов соц. стран. М.: 1961.

15. Некоторые замечания о методах анализа беспредложных и предложных конструкций // Очерки по методике преподавания русского языка. Вып. I. М.: Изд-во УДН им. П. Лумумбы, 1962.
16. В соавторстве с Л.П. Юдиной. Учебник русского языка для поляков (I-ый год обучения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
17. Временные конструкции с частицей «со» и с местоимением «о» в современном польском языке // Научн. доклады высш. школы. филол. науки. 1963, № 4.
18. Синонимика некоторых временных конструкций в современном польском языке // Славянская филология. Сб. статей. Вып. 5. М., Изд-во Моск. ун-та, 1963.
19. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор и др.). Ред.: В помощь преподавателям русского языка иностранцам. Вып. 1. (МГУ. Метод. бюро по рус. яз. для иностранцев). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
20. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор и др.) Ред.: В помощь преподавателям русского языка иностранцам. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
21. Употребление полных и кратких форм прилагательных. Статья 1 // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
22. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 149 с.
23. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
24. Составитель И.М. Сидоренко. Ред.: Выражения причины и следствия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
25. Временные конструкции современного польского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
26. Употребление глаголов «учить», «учиться», «заниматься», «изучать». 22. – 1966. № 5.
27. Употребление полных и кратких прилагательных в функции предикатива при нулевой связке. Статья 2 // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. в. 1.
28. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. в. 1.
29. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. в. 2.
30. Интонационные конструкции русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. № 1.

31. Synonimiczne konstrukcje temporalne w języku polskim // Poradnik językowy. 1967.
32. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
33. В соавторстве с З.Г. Паршуковой. Способы выражения пространственных отношений (составитель и отв. ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
34. В соавторстве с Л.Н. Спиридоновой. Употребление полных и кратких прилагательных. (Сб. упражнений). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
35. Рец.: P. Nomanczuk. Aktualne zagadnieniametodyczne w nauczaniu języka rosyjskiego. Warszawa. 1967 // Рус. яз. за рубежом. 1968, № 1.
36. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
37. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
38. Ред.: Способы выражения пространственных отношений. Вып 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
39. Введение. Лингвистические основы упражнений на глаголы «учиться», «заниматься», «учить», «изучать» // Л. Спиридонова. Упражнения на употребление глаголов «учиться», «заниматься», «учить», «изучать». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
40. Составитель Л.Н. Спиридонова. Ред.: Упражнения на употребление глаголов «учиться», «заниматься», «учить», «изучать». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
41. Временные конструкции современного польского языка (прямое время) // Исследования по польскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
42. Полные и краткие формы прилагательных // Материалы восьмого и девятого Международных методических семинаров преподавателей рус. яз. стран социализма. VI – 1965, VI – 1966.
43. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения. Ст. 1. Немотивированное управление // Рус. яз. за рубежом. 1969, № 3.
44. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения. Ст. 2. Мотивированное и структурно-обусловленное управление // Рус. яз. за рубежом. 1969, № 4.
45. Типы именных групп и их функции в структуре простого предложения // Международная конференция преподавателей русского языка и литературы. Актуальные вопросы преподавания рус. яз. и

- лит. Москва 22 28 августа 1969 г. Тезисы докладов и выступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
46. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. ред.) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
 47. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. ред.) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
 48. К вопросу о силе и мотивированности управления // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. методических статей. Вып. XI. М.: Изд-во «Высшая школа», 1971.
 49. Толкование рядов слов: учиться, учиться – научиться, учиться – выучиться; заниматься; изучать – изучить; учить – выучить; учить – научить // Лексические ряды трудных для иностранцев слов. Ред. Г.Ф. Воробьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
 50. Использование полных и кратких прилагательных. Статья 1 // Рус. яз. за рубежом. 1971, № 3.
 51. Использование полных и кратких прилагательных. Статья 2 // Рус. яз. за рубежом. 1972, № 1.
 52. Полные и краткие прилагательные в группе предикатива. (Упражнения) // Рус. яз. за рубежом. 1972, № 1.
 53. В соавторстве с Г.Б. Потаповой. Способы выражения временных отношений. Сб. упр. для иностранцев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
 54. В соавторстве с Г.Б. Потаповой, З.Г. Паршуковой, А.Н. Чукановой. Способы выражения обстоятельственных отношений. (пространство, время, причина). Сб. упражн. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
 55. Ред.: Способы выражения обстоятельственных отношений. (Пространство, время, причина). Сб. упражн. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
 56. В соавторстве с Л.С. Алексеевой, М. Хорват, Р. Суара. Учебник русского языка. Для лиц, говорящих на венг. яз. (Для учащихся естественно-технического профиля). М.: «Высшая школа». 1974. То же: Budapest, Tankönyv-klado, 1974.
 57. Система временных значений в современном русском языке // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. методических статей. Вып. XIV. М.: «Русск. яз». 1974.
 58. Ред.: Metodyka nauczania języka rosyjskiego. Red. A. Doros. Warszawa, 1972 // Русск. яз. за рубежом. 1974. № 2.
 59. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
 60. К вопросу о системе причинных значений в аспекте функционального описания языка // Тезисы. II симпозиум по проблеме интерференции при обучении русскому языку. 5–8 апреля 1975. В.-Тырново. В. Тырново: Изд-во университета. Болгария. 1975.
 61. Международный симпозиум по русскому языку. (Москва, июль 1974 г.) // Вестник Моск. ун-та. Филология. 1975, № 3.

62. О роли изучения глубинных структур при сопоставительном описании языков // Вопросы методологии и методики описания русского яз. в сопоставлении с родным. (Междун. симпозиум МАПРЯЛ. Загреб, 3–5 окт. 1975 г. Тезисы докладов). Загреб: Союз славистических об-в Югославии, 1975.
63. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
64. К вопросу об изучении глубинного и поверхностного уровня для сопоставительного описания языков // Третий международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Варшава, 23–28 авг. 1976. Тезисы докладов и сообщений. Warszawa: PWN, 1976.
65. Об употреблении именных групп в конструкции со значением причины // Интенсификация учебного процесса в практике преподавания рус. яз. и др. предметов иностранным учащимся. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
66. Номинативно-аккузативные конструкции и их конверсивы // Филологические науки. 1976.
67. О способах выражения времени завершения действия // Болгарская русистика. 1977, № 6.
68. О некоторых вопросах управления // Международный симпозиум «Язык и специальность: обучение русскому языку студентов-нефилологов». Тезисы докладов и сообщений. Баку 28 нояб. – 2 дек. 1977 г. Баку, 1977.
69. К вопросу о некоторых свойствах дифференциальных признаков синтаксических объектов // Актуальные вопросы преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
70. О некоторых вопросах управления // Рус. яз. за рубежом. 1978, № 4.
71. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979, № 1..
72. В соавторстве с Р. Суара, Й. Тимар, В.М. Завьяловой. Учебник русского языка для лиц, говорящих на венгерском языке. Ч. II. То же. Печат. Будапешт: Танкёнивкадо, 1979; Ч. II. М.: «Русский язык», 1982.
73. Принципы сопоставительного описания языков и использование их в практике преподавания русского языка как иностранного // Лингвистические и методические основы преподавания русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979, 5 с.
74. К вопросу о системе причинных значений в аспекте функционального описания языка // Проблемы интерференции при обучении русскому языку. Второй симпозиум 5–8 апреля 1975 г. Научные доклады и сообщения. В.-Тырново: Изд-во В.-Тырновского ун-та, 1979.
75. Спецкурс «Функциональный синтаксис» как одна из дисциплин в профессиональной подготовке будущих преподавателей русского

- языка как иностранного // Первая национальная конференция преподавателей русского языка в вузах (НРБ). Тезисы докладов и сообщений. Варна, 31.X–2.XI. 1979 г. Варна: 1979.
76. В соавторстве с М.П. Маковой, М.Ю. Ефимовой. О методах сопоставительного изучения семантики глагольного слова // Тезисы докладов и сообщений. V международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Прага. ЧССР. 1982 г. Прага, 1982.
 77. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: «Русский язык», 1982.
 78. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. Автореф. ... докт. филологических наук. М., 1982.
 79. В соавторстве с Е.С. Курбатовой. Русско-польский учебный словарь. М.: «Русс. яз.»; Варшава: «Ведза повшехна», 1983.
 80. В соавторстве с Е.И. Кедайтене (отв. ред.). Ред.: Русский язык для студентов–иностранцев. Сб. методических статей. Вып. 22. М.: «Русский язык», 1983.
 81. Некоторые закономерности сочетаемости слов и словоформ в предложении // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М.: «Русский язык», 1984.
 82. Лингвистические проблемы семантизации грамматики // Русский язык за рубежом. 1984, № 6.
 83. В соавторстве с Е.И. Кедайтене (отв. ред.) и др. Ред.: русский язык для студентов-иностранцев. М.: «Русский язык», 1984.
 84. Функционально-семантическое поле и типовая ситуация как содержательные единицы языка // Семантические категории языка и методы их изучения. Тезисы докладов. ч. 1. Уфа, 1985.
 85. В соавторстве с Э.С. Котвицкой. Коммуникативные механизмы языка и их использование в учебном процессе // Шестой конгресс преподавателей русского языка и литературы. Научные традиции и новые направления. Секция 3. Тезисы докладов и сообщений. Будапешт, 1986.
 86. Методологические аспекты функционально-коммуникативного описания языка // Русский язык за рубежом. 1986, № 4.
 87. Коммуникативная направленность высказывания как один из механизмов появления незамещенных позиций // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Тезисы краевой научной конференции. 30 сент. – 2 окт. 1986 г. Красноярск, 1986.
 88. Предисловие // А.В. Величко, Ю.А. Туманова, О. В. Чагина. «Простое предложение. Опыт семантического описания». – М., Изд-во МГУ. 1986. 3 с.
 89. Отв. ред.: А. В. Величко, Ю. А. Туманова, О. В. Чагина. «Простое предложение. Опыт семантического описания». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

90. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. I. Прямое время, полностью занятое действием // *Russian linguistics*. 1986, № 2.
91. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. II. Время, полностью занятое действием без указания на завершенность // *Russian linguistics*. 1986, № 3.
92. Принципы сопоставительных синтаксических исследований на уровне функционально-семантических полей // *Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими языками*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
93. В соавторстве с В.М. Завьяловой. Учитель читает литературу по специальности. Учебное пособие для национальных групп вузов СССР. М.: «Высшая школа», 1987.
94. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // *Языковая системность при коммуникативном обучении*. М.: «Русский язык», 1988.
95. Лингвометодические проблемы обучения языку общественных дисциплин // *Вопросы улучшения языковой подготовки студентов-иностранцев, изучающих политэкономия*. Р. н-Д.: Изд-во Ростовского университета, 1988.
96. В соавторстве с Т.А. Яценко. Русские причинные конструкции (действия лица). методическое пособие для преподавателей рус. яз. как иностранного. М.: «Русский язык», 1988.
97. Коммуникативные механизмы языка (§ 1–7) и Заключение // М.В. Всеволодова, С.А. Шувалова (отв. ред.) *Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
98. В соавторстве с С.А. Шуваловой (отв. ред.). Отв. ред. *Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
99. Коммуникативные механизмы синонимии // *Русск. язык за рубежом*. 1989, № 4.
100. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. III. Глагольный вид в темпоральных конструкциях со значением прямого времени, полностью занятого действием // *Russian linguistics*. 1989, Т. 13, № 2.
101. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. IV. Прямое время завершения действия // *Russian linguistics*. 1990, Т. 20, № 1.
102. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // *Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков*. М.: АН СССР, 1990.
103. Принципы грамматического описания языка как неродного // *Материалы семинара-совещания «Проблемы совершенствования обучения неродным языкам»*. Бухара, 1991.

104. Смысловая устроенность предложения: объективные и субъективные смыслы // Материалы II международного семинара «Славянская культура в современном мире» (Изучение и преподавание в иноязычной аудитории). Киев, 1991.
105. К вопросу о структурировании семантического пространства языка. печатный. Шануючы спадчыну Е. Карскага (Материалы вторых чтений, посвященных памяти академика Карского), Гродно: Гродненский государственный университет, 1994.
106. Объем и содержание курса «Функционально-коммуникативная грамматика» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995, № 2.
107. В соавторстве с Ван Янчженем. Глаголы эмоционального состояния и отношения // Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М., 1996.
108. Концептосфера языка и парадигма предложения как *tertium comparationis* // Acta Polono-Rutenica I, WSR, Olsztyn, 1996.
109. О терминологическом понятийном аппарате функционально-коммуникативной грамматики // Терминоведение. 1996, № 2.
110. Предисловие // Ван Янчжен. Предложение: содержание, форма, парадигма. Пекин, 1996.
111. В соавторстве с А.Н. Латышевой. Каузальность и структуры рассуждений в русском языке. Отв. ред. (совместно). М.: РГГУ, 1993.
112. Онтологическое и гносеологическое в категориях языка. печатный Язык и культура. Вторая международная конференция. Тезисы. Часть 1. Киев, 1993.
113. Предложение-высказывание: содержание, смысл, форма // Международная конференция по русскому языку. Тезисы конференции. М., 1994.
114. Функционально-коммуникативная грамматика и учебные грамматики родного языка // Вучэбныя граматыкі найвышэйшых моў. Матэрыялы першай канферэнцыі. Мінск, 1994.
115. Семантическое пространство языка как отражение национальной языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Международной научной конференции 5–7 октября. Часть 1. Минск, 1994.
116. Языковые интерпретационные механизмы // Язык и культура. третья международная конференция. Тезисы докладов. Киев, 1994.
117. О понятийном и терминологическом аппарате функционально-коммуникативной грамматики // Функціональна граматыка. Тези доповідей Міжнародної науково-теоретичної конференції. Донецьк, 1994.
118. Объем и содержание понятия «Функционально-коммуникативная грамматика» // Функциональная лингвистика. Материалы конфе-

- ренции. Часть 1. Ялта. 24–28 апреля 1994, Симферополь. Симферополь: СОНАТ, 1994.
119. К вопросу о парадигме предложения. печатный Международный юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.
120. О характере субъективных осложнений высказывания // *Cognitive processes in spoken and written: theories and applications. Proceedings International Conference CPC'95. Ukraine, Crimea, 1995.*
121. Функционально-коммуникативная модель языка // *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Том 1. М., 1995.*
122. О понятийном и терминологическом аппарате функционально-коммуникативной грамматики // *Терминоведение. 1996, № 1–3.*
123. Слово как номинативная единица в синтаксисе // *Языковая номинация. Тезисы докладов международной научной конференции. Минск/Беларусь, 25–26 июня 1996 г. Минск, 1996.*
124. Программа дисциплины “Русский язык как неродной (иностранной)” – составитель-редактор (в соавторстве с В.В. Добровольской). Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
125. В соавторстве с А.В. Величко, Г.И. Володиной, О.В. Чагиной, С.А. Шуваловой. Функционально-коммуникативный синтаксис (ФКС) // раздел в «Программе дисциплины “Русский язык как неродной (иностранной)”». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
126. Практикум по курсу «Функционально-коммуникативный синтаксис». М.: Московский государственный университет. Филологический факультет. 1995.
127. К вопросу о категоризации пространства // *Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М.: Московский государственный университет. Филологический факультет. 1997. 2 стр.*
128. Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной модели языка // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997, № 1.*
129. В соавторстве с О.Ю. Дементьевой. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М.: Московский государственный университет. Филологический факультет, 1997.
130. Слово и форма слова в синтаксисе // *Лингвистические и лингводидактические основы обучения русскому языку как иностранному. К 30-летию ФПК. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997.*

131. Предложение-высказывание: смысл, значение, форма // Лингводидактические аспекты описания языка и гибкая модель обучения. Проблемы и перспективы. М.: «Диалог-МГУ», 1997.
132. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Том 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997;
133. Семный состав глагольного слова. (К вопросу типологии вида) // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Типология вида: проблемы, поиски, решения. Тезисы международной научной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
134. Синтаксические классификации лексики // Конференция «Теория и практика русистики в мировом контексте». Симпозиум «Теоретическая лингвистика и преподавание русского языка как иностранного». 30 лет МАПРЯЛ. М.: 1997.
135. К вопросу о коммуникативной парадигме предложения // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках / Под ред. С. Сятковского и Т.С. Тихомировой; М.: Диалог, 1997.
136. К вопросу о системе парадигм предложения. // Конференция «Теория и практика русистики в мировом контексте». Тезисы симпозиума в РУДН. М.: Изд-во РУДН, 1997.
137. В соавторстве с Мадаени Аввал А. «Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка)» М.: Диалог-МГУ, 1998.
138. Семантика модели предложения: типовое значение модели // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. II. Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. Московский государственный открытый педагогический университет. М.: 1998.
139. В соавторстве с О.Ю. Дементьевой. Отношения предцирования как основа актуального членения предложения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998, № 6.
140. Категория валентности и грамматическое присоединение как механизмы реализации закона семантического согласования // Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи. Тезисы докладов научной конференции 14–15 октября 1998. Часть I. Могилев, 1998.
141. Принципы синтаксических классификаций лексики // Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. Гродно: 1998.

142. К вопросу о методах функционально-коммуникативных исследований // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 1998, № 4.
143. В соавторстве с Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стательными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
144. Категория валентности и грамматическое присоединение как механизмы реализации закона семантического согласования // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 1. Москва: ПАИМС, 1999.
145. В соавторстве с Э.С. Котвицкой. О подлежащем и категории причинности в русском языке. (К вопросу о русском языковом сознании в концепции А. Вежбицкой) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1999, № 5.
146. В соавторстве с Ф.И. Панковым. Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях преподавания его иностранцам. Информационно-аналитический обзор // Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Отдел по работе с учебно-методическими кафедрами. Серия аналитических обзоров публикаций и исследований 70–80-х годов. Выпуск 1. Теория и практика описания и преподавания русского языка как иностранного. Под общей редакцией В.В. Молчановского. М.: 1999.
147. Текст в свете некоторых синтаксических категорий // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII международной конференции. М.: 1999.
148. Объем и содержание понятия «функционально-коммуникативная грамматика» в рамках прикладной (педагогической) модели языка // Формы обучения РКИ в современных условиях. Материалы и сообщения международной научно-практической конференции (10–12 ноября 1998 г.). М.: Диалог, 2000.
149. Синтаксемы и строевые категории предложения в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса (к вопросу о предикативности, предикации и членах предложения) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000, № 1.
150. Категоризация пространства и времени как отражение национальной языковой картины мира // Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. Выпуск третий. Гродно, 2000.
151. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Союз славистических обществ Югославии. Славистическое общество Сербии. Кафедра славистики Белградского университета. Философский факультет Нишского университета. V международный симпозиум. Состояние и перспективы сопостави-

- тельных исследований русского и других языков. Тезисы докладов. (Белград – Ниш. 30 мая–1 июня 2000 г.). Белград, 2000.
152. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений как основа типологических и сопоставительных исследований // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Союз славистических обществ Югославии. Славистическое общество Сербии. Кафедра славистики белградского университета. Философский факультет Нишского университета. V международный симпозиум «Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков» Доклады. (Белград – Ниш. 30 мая – 1 июня 2000 г.)». Белград, 2000.
153. Рец.: О двух направлениях в функционально-коммуникативной грамматике. (К выходу в свет книги: Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.) // Мир русского слова. 2000, № 1.
154. Рец.: Cz. Lachur: Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim. Opole 1999 // Przegląd Rusycystyczny. 2000, № 1.
155. Словосочетание как объект функционально-коммуникативного синтаксиса // От слова к тексту. Материалы докладов Международной научной конференции. Минск/Беларусь, 13–14 ноября 2000 г. В трех частях. Часть первая. Минск, 2000.
156. Денотативная и семантическая структуры предложения в рамках функционально-коммуникативной модели языка (типовая ситуация и пропозиция) // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я.Ф. Карскага. Серыя 1. 3 (5), 2000.
157. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
158. Сложное предложение в модели функционально-коммуникативного синтаксиса. // Сложное предложение. Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты изучения. Выпуск 1. М.: Издательство «Русский учебный центр», 2000.
159. Об актуальном членении, интонационных конструкциях, акцентном выделении и порядке слов (практический взгляд синтаксиста на некоторые теоретические проблемы звучащей речи) // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
160. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. К вопросу об употреблении форм настоящего времени глагола (в зеркале других языков: постановка проблемы) // Міністерство освіти України, Донецький Національ-

- ний университет. Лингвистичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 7. Донецьк: ДонНУ, 2001.
161. Словообразование, лексика, синтаксис // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
 162. Словосочетание как объект функционально-коммуникативной грамматики (к постановке проблемы) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
 163. Описательные предикаты и их соотносительность с денотативной структурой предложения // Слово, грамматика, речь. Выпуск 3. Сборник научно-методических статей, посвященный вопросам преподавания русского языка как иностранного. М., 2001.
 164. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. Принципы анализа употребления форм глагольного времени. Прямое и переносное употребление форм настоящего времени глагола в русском языке (в зеркале корейского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 3.
 165. В соавторстве с Э.И. Амиантовой, Г.А. Битехтиной, Л.П. Клобуковой. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
 166. В соавторстве с Е.Н. Виноградовой. Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
 167. Научный текст в функционально-коммуникативном аспекте // Текст. Структура. Семантика. Доклады VIII международной конференции. Т. 1. М., 2001.
 168. Об одном классе именных синтаксем (у + род. п.) // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. К юбилею Галины Александровны Золотовой коллеги, друзья, ученики. М., 2002.
 169. В соавторстве с Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: МАКС-Пресс, 2002.
 170. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). М.: МАКС-Пресс, 2002.

171. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Вопросы функциональной грамматики Сборник научных трудов. Выпуск 4. Гродно, 2002.
172. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 9. Донецьк: ДонНУ, 2002.
173. О возможности международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии. Морфология и синтаксис» // МАПРЯЛ 2002. Восьмой международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико Тырново, 2002.
174. Словосочетание как единица функционально-коммуникативного синтаксиса (К вопросу о формальных и смысловых связях) // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики. Poznań: UAM, 2002.
175. Словосочетание как объект функционально-коммуникативного синтаксиса // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы IX международных Карских чтений. В 2 частях. Часть 1. Гродно, 2003.
176. К вопросу о синтаксических связях (старые категории в новой лингвистической парадигме) // Язык и социум. V международная научная конференция. В двух частях. Часть 1. Минск: РИВШ БГУ, 2003.
177. Предлог: поле и категория (аспект функционально-коммуникативной грамматики) // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 11. Частина 1. Донецьк: ДонНУ, 2003.
178. Межнациональный проект «Восточнославянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» // К XIII Международному съезду славистов. Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва. Июнь 2002 г.). М., 2003.
179. В соавторстве с Клобуковым Е.В., Кукушкиной О.В., Поликарповым А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2.
180. В соавторстве с Клобуковым Е.В., Кукушкиной О.В., Поликарповым А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Українські прийоми; Синхронія-діахронія (пробний зошит) Донецьк: ДонНУ, 2003.
181. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка и контуры фундаментальной прикладной грамматики русского языка // X конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания. Сборник докладов. Т. II. СПб., 2003.

182. В соавторстве с Кузьменковой В.А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 5.
183. Коммуникативная организация русского предложения. // Dialog w literaturach i językach słowiańskich. Tom 2. Językoznawstwo. Opole, 2003.
184. Понятие об уровнях предложения как аппарат описания модели предложения // Русский язык. Система и функционирование. Материалы Международной конференции 18–19 мая 2004 г. Минск. Часть 1. Минск, 2004.
185. Грамматика русского предлога (Первые результаты одного научного проекта) // Категории в исследовании, описании и преподавании языка. Сборник научных трудов к 80-летию Е.С. Скобликовой. Самара, 2004.
186. Вопросы грамматического описания категории предлога // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва, МГУ 18-21 марта 2004 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
187. К вопросу о системном описании моделей простого предложения // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва, МГУ 18-21 марта 2004 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
188. Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
189. Межнациональный проект «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
190. Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Доклады. (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
191. Межнациональный проект «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Доклады. (Белград, 1 – 4 июня 2004 г.). Белград, 2004.

192. Грамматика славянского предлога. Первые результаты межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» // Польский язык среди других славянских языков. 2004. Конференция, посвященная памяти профессора Адама Евгеньевича Супруна. 7–9 октября 2004 г. (Минск). Минск, 2004.
193. Категория русского управления // Язык и социум. Материалы VI Международной научной конференции 3–4 декабря 2004 г., Минск. Минск, 2004.
194. «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты межнационального проекта // Функционально-коммуникативні аспекти граматики і тексту. Збірник наукових праць, присвячений ювілею доктора філологічних наук, професора, академіка АН ВШ України, завідувача кафедри української мови ДонНУ Загнітка Анатолія Панасовича. Донецьк, 2004.
195. «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы межнационального проекта // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 13. Донецьк: ДонНУ, 2005.
196. К вопросу о грамматике славянского предлога (осмысление первичных результатов первого этапа в работе межнационального проекта) // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. Opole, 2005.
197. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений). (Статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005, № 1.
198. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (Статья вторая) // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2005, № 2.
199. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (Статья третья) // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2005, № 3.
200. В соавторстве с Ф.И. Панковым. Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
201. Грамматика славянского предлога: системные явления в категории предлога (результаты первого этапа работы // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы X международных Карских чтений. 16–17 мая 2005 г. Гродно. Республика Беларусь. В 2 частях. Часть 1. Гродно, 2005.

202. Фундаментальная теоретическая прикладная грамматика как компендиум теоретических и прагматических знаний о современном русском языке. (Что должно лежать в основе учебников русского языка для иноязычных учащихся) // Русский язык за рубежом. 2005, № 3–4.
203. Категория русского управления // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 30. М., 2005.
204. Функциональная грамматика предлога. Системность и норма. // Текст. Структура и семантика. Доклады X юбилейной международной конференции. Московский государственный открытый педагогический университет имени М.А. Шолохова. Т. I. М., 2005.
205. Язык как система и системность как атрибут языка в аспекте функциональной грамматики // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 24. Донецьк: ДонНУ, 2006.
206. Категория предлога, категория предложения: системность языка // «Предложение и слово». Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006.
207. Рецензия: О.Н. Селиверстова. Труды по семантике // Вопросы языкознания. 2006, № 3.
208. Язык как система и системность как атрибут языка // Семантический анализ единиц языка и речи. Процессы концептуализации и структура значения. М., 2006.
209. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка: основные характеристики и перспективы развития // Традиции и новации в преподавании русского языка как иностранного. Москва. МАКС-Пресс, 2006.
210. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 15. Донецьк: ДонНУ, 2007.
211. О ключевых проблемах категоризации текста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007, № 2.
212. Новое знание о языке: промежуточные результаты межнационального проекта “ Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис” // МАПРЯЛ 2006. Девятый международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Тырново. 5–6 апреля 2006 г. В.-Тыр., 2007.
213. Грамматика как средство отображения национальной языковой картины мира // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków. Opole, 2007.
214. Категория русского предлога: системные характеристики // III международный конгресс. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва МГУ. 20–23 марта 2007. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.

215. Инвариант содержания и парадигматика предложения // III международный конгресс. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва МГУ. 20 – 23 марта 2007. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
216. Слово сочетание в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Синтактичка истриживања (дијахроно-синхрони план). Нови Сад, 2007.
217. Текст как категория // Текст. Структура и семантика. // Доклады XI международной конференции. Том I. М., 2007.
218. Язык: система и норма // Язык классической литературы. Второй том. М., 2007.
219. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Изд. 2-е, дополненное. М.: URSS, 2008
220. В соавторстве с Т.А. Яценко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. Изд-е 2-е. М.: URSS, 2008.
221. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). Изд-е 2-е. М.: URSS, 2008.
222. Инвариант содержания и парадигматика предложения // Исследования по семантике. Межвузовский научный сборник в честь юбилея профессора Р.М. Гайсиной. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.
223. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. Лингвистика. М.: «Индрик», 2008.
224. Типология славянского предлога. Системность и парадигмы. (Тезисы) // XIV меѓународен славистички конгресс. Охрид. Р. Македонија/19 – 16 септември 2008. Зборник на резимеа. 1 том. Лингвистика. Скопје, 2008.
225. Некоторые аспекты сопоставительно-типологического языкознания в новой лингвистической парадигме: единицы и подходы // Теория перевода. Типология языков. Межкультурная коммуникация. Материалы III международной научной конференции. 28–29 апреля 2006 г. Москва-Казань, 2008. Т. 1.
226. О некоторых актуальных вопросах грамматического описания славянских языков в целях их преподавания как иностранных // Изучавање словенских језика, књижевности и култура као инословенских и страних. Зборник теза и резимеа. Београд, 2008.
227. В соавторстве с Ф.И. Панковым. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008, № 6.
228. Сложное предложение в модели функционально-коммуникативного синтаксиса // Асимметрия как принцип функ-

- ционирования языковых единиц. Труды гуманитарного факультета НГУ. Серия II. Сборник статей в честь профессора Т.А. Колосовой. Новосибирск, 2008.
229. Текст как категориальная единица коммуникативного уровня языка (о некоторых проблемах прикладной лингвистики) // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 16. Донецьк: ДонНУ, 2008.
 230. Язык и его место в структуре мироздания. Системность и структура. Функциональные стили. // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 17. Донецьк: ДонНУ, 2008.
 231. В соавторстве с Ф.И. Панковым. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009, № 1.
 232. Поля, категории и концепты в грамматической системе Языка. // Вопросы языкознания. 2009, № 3.
 233. В соавторстве с Е.В. Куликовой. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского университета. Серия 9. 2009, № 4.
 234. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения странственных отношений в современном русском языке. Изд. 3-е, дополненное. М.: URSS, 2009.
 235. Национальная языковая картина мира и грамматика // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 20. Донецьк: ДонНУ, 2010.
 236. В соавторстве с Али Мадаени Аввалом. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М.: URSS, 2010.
 237. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4.
 238. Русский язык в зеркале других языков. К вопросу о новой грамматике // IV Международная научно-практическая конференция. Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме. Тезисы докладов. М.: Изд-во Моск. унта, 2010.
 239. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010, № 6.
 240. Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика // Грамматика разноструктурных языков. Сборник статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. Воронеж, 2011.
 241. К вопросу о новой парадигме в русистике // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы XII Международных научных

- чтений (Гродно. 20–21 мая 2010 г.) Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011.
242. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011, № 3.
243. Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012, № 1.
244. Части речи и категориальные классы слов // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященный 35-летию кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета и 30-летию памяти И.П. Распопова. Уфа. 23-24 марта 2012 г. в 2-х томах. Том II. Уфа, 2012.
245. К вопросу об объективной грамматике // *Urbi et Academiae*. Граду и научному сообществу. Архив гуманитарного знания. Научно-грамматический журнал. 2012.
246. Части речи и категориальные классы слов // *LITERA SCRIPTA MANENT СЛУЖЕНИЕ СЛОВУ* Сборник, посвященный 70-летию доц. д-ра Анны Николовой. Шумен: Университетско издателство “Епископ Константин Преславски”, 2012.